

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО-ЭТО НАРОДЫ

Ю. БРОМЛЕЙ
Р. ПОДОЛЬНЫЙ

Ю. БРОМЛЕЙ, Р. ПОДОЛЬНЫЙ

ЧЕЛОВЕ-
ЧЕСТВО
-ЭТО
НАРОДЫ

Ю. БРОМЛЕЙ, Р. ПОДОЛЬНЫЙ

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО - ЭТО НАРОДЫ

**ЧЕЛОВЕ-
ЧЕСТВО
-ЭТО
НАРОДЫ**

Ю. БРОМЛЕЙ, Р. ПОДОЛЬНЫЙ

ЧЕЛОВЕ-
ЧЕСТВО
-ЭТО
НАРОДЫ

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1990

ББК 63.5
Б88

РЕДАКЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Бромлей Ю. В., Подольный Р. Г.
Б88 Человечество — это народы. —
М.: Мысль, 1990. — 391, [1] с.: ил.
ISBN 5-244-00452-2

Что такое народ-этнос, как возникают народы, живут и развиваются, какую роль в их судьбах играют исторические и природные условия, язык и культура, религия и политические границы? Об этом рассказывают в книге ученый-этнограф и писатель. Главная мысль книги — есть народы большие и малые, но нет «хороших» и «плохих»; все этносы внесли свой вклад в общечеловеческую культуру, и все вместе они составляют человечество.

Книга публикуется в авторской редакции.

Б 0505000000-031 51-90
004(01)-90

ББК 63.5

ISBN 5-244-00452-2

© Издательство «Мысль». 1990

СОДЕРЖАНИЕ

ЗВУКИ В АККОРДЕ (ВВЕДЕНИЕ) — 7

1

- НАУКА О НАРОДАХ — 10
 - Весь мир одинаков! — 14
- ОБЩНОСТЬ ПО ИМЕНИ «ЭТНОС» — 16
 - Все люди разные — 30
- ОСОБЕННОЕ И ОБЩЕЕ — 32
 - Не только соседи — 38

2

- ЭТНОС И ПРИРОДА — 46
 - Посередине мира — 60
- РАСЫ — 64
 - Пристрастность — 72
- ПИРАМИДА ЯЗЫКОВ — 74
 - Возможно ли возрождение? — 82
- СТРАНА И ВЕРА — 84
 - Во имя веры, или мухи и мед — 94
- ИМЯ В ВЕКАХ — 98
 - Есть ли среди народов родовитые? — 104
- ДУША НАРОДА — 106
 - К проблеме по имени «душа народа» — 114
- МЕЖДУ «НАМИ» И «НИМИ» — 118
 - Вспомним Карамзина — 123

3

- ДВЕРИ В ПРОШЛОЕ — 128
 - Пять наук, а дело одно — 140
- РОДСТВО И СВОЙСТВО — 148
 - Эйнеры ищут предков — 155
- ОТ ПЛЕМЕНИ ДО НАЦИИ — 156
 - Этнофор — 169

4

- ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МЕСТА И ВРЕМЕНИ — 172
 - В рамках границ — 172
 - Римская модель — 192
 - Правила деления — 195
 - От сословия — к этносу — 201
 - Аборигены, автохтоны, коренные жители — кто они такие? — 201

ЧЕРЕЗ ГОРЫ, СТЕПИ И ЛЕСА — 204
С Енисея на Дунай — 206
Власть обычаев — 211
Пришельцы — 215
ЗАТЕРЯННЫЕ МИРЫ — 218
Заточить в тюрьму — не значит спасти — 226
«ВСТРЕЧИ МИРОВ» — 230
Короленко становится русским — 240

5

НА РОДИНЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА — 244
Судьба фульбе — 252
МЕЖДУ УРАЛОМ И АТЛАНТИКОЙ — 254
Древние славяне — 258
Вопреки бурям — 271
ОТ ЗАПОЛЯРЬЯ ДО ЭКВАТОРА — 272
Спасшиеся на краю гибели — 279
ОТКРЫТАЯ ТЫСЯЧУ РАЗ — 280
Нэйтивс Аляски — 288
ЗЕМЛЯ С ИСТОРИЕЙ, РАЗОРВАННОЙ НАДВОЕ — 290
Воскрешение? — 294
«Черные острова» — 296
Многоостровье — 298
ОБЩИЙ ВЗГЛЯД — 300
Побратимство — 308
НА СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ — 310
Тофалары — 340
У БЛИЖАЙШИХ ДРУЗЕЙ — 342
За право на мирную жизнь — 345

6

ПРЕДКИ ЖИВУТ В ПОТОМКАХ — 350
Мир миров — 357

7

НАУКА О НАРОДАХ — ПРАКТИКЕ — 368
Компьютер — за этническое своеобразие — 380

8

НЕТ ЧУЖИХ СРЕДИ НАРОДОВ — 384
«Будем же людьми!» — 391

ЗАКЛЮЧЕНИЕ — 392

Все народы потому только и образуют своею жизнью один общий аккорд всемирно-исторической жизни человечества, что каждый из них представляет собою особенный звук в этом аккорде, ибо из совершенно одинаковых звуков не может выйти аккорд.

В. Г. Белинский

ЗВУКИ В АККОРДЕ (ВВЕДЕНИЕ)

7

Велико человечество! Нас пять с лишним миллиардов. Граждан разных государств. Детей и стариков, юных, зрелых, пожилых. Мужчин и женщин. Городских и сельских жителей. А сверх того, каждый из нас — еще и представитель своего народа. И значит, несет в себе самом его культуру, т. е. представляет своим знакомым, обществу и миру характерные черты поведения, речи, традиции своего народа. Эти черты называют этническими, а самого человека в роли их носителя — этнофором. «Этнос» по-древнегречески — народ, «фор» — носитель.

Люди получили право на это «звание» еще тогда, когда не было ни государств, ни классов, ни городов. Потому что народы появились уже многие тысячи лет назад, в каменном веке, потому что с древнейших времен человечество состоит из народов, или, говоря языком науки, этносов. Ученые не случайно взяли в качестве своего термина это древнее слово на почти одинаково чужом или почти одинаково своем для всех современных народов языке. Мало ли значений почти у любого нынешнего ходового слова! Вот и с народом так: можно сказать, что на улице стояло много народа, а можно говорить о пакистанском или кенийском народе, имея в виду всех граждан Пакистана и Кении, между тем и Пакистан и Кению населяет несколько народов-этносов.

Итак, человечество разделено на народы-этносы... Казалось бы, все правильно в этой фразе, и все-таки лучше скажем иначе: человечество состоит из народов. Или еще точнее: человечество — это народы. Многосотмиллионные, как китайцы. Совсем малочисленные, как юагиры, которых всего несколько сот.

Людей удалось пересчитать, а вот этносы — нет. Мы так богаты, что даже не знаем пока точного числа населяющих Землю народов — наций, народностей и племен. Известно, что их тысячи — больших и малых и что говорят они на тысячах языков и диалектов.

Этносы различны, и история у каждого из них — своя. Вместе же они сплетаются в сложнейшую историю человечества. В ту историю, с которой слишком многое связано в современной жизни нашей планеты, чтобы можно было позволить себе забыть ее. Понять нынешнюю судьбу мира, события наших дней можно, только зная, как прошлое народов отражено в их настоящем. Этнические процессы, конечно, тесно связаны с социально-экономическими и политическими, но тем важнее постичь и их, разобраться во взаимовлиянии этнического и классового, этнического и производственного, этнического и политического.

В этой книге мы расскажем о закономерностях развития этносов и, более широко, этнических общностей, покажем картину происходившего с этносами тысячи лет назад и происходящего сегодня, поговорим о месте и значении этнических общностей и этнических процессов в истории и современности.

Авторы и раньше писали о многих проблемах, которым посвящена книга. Она подводит своего рода итог некоторым нашим исследованиям и размышлениям.

1

Знание людей — вообще дело трудное, а по-настоящему знать можно, мне кажется, только своих соотечественников. Ведь ни один человек не существует сам по себе. Люди — это и страна, где они родились, и ферма или городская квартира, где они учились ходить, и игры, в которые они играли детьми, и сплетни, которые им довелось подслушивать, и еда, которой их кормили, школа, где их обучали, спорт, которым они увлекались, книги, которые читали, и бог, в которого верили. Все это и сделало их такими, какие они есть, и все это нельзя усвоить понаслышке, а можно постичь, только если сам это пережил. Если это часть тебя самого.

Сомерсет Моэм

Тот, кто знает один народ, не знает ни одного народа.

Заповедь этнографа

НАУКА О НАРОДАХ
ОБЩНОСТЬ ПО ИМЕНИ «ЭТНОС»
ОСОБЕННОЕ И ОБЩЕЕ

1 Прошлым и настоящим народоведением занимается множество наук. В том числе и такие серьезные, заслуженные, важные, как философия и история, археология и лингвистика, география и социология. Но есть специальная дисциплина, главная задача которой — изучение характерных черт народов мира. В разных странах она именуется не одинаково. Ее называют иногда этнологией, иногда народоведением и т. д. В СССР эта дисциплина известна как этнография (что в буквальном переводе с древнегреческого означает «описание народов»).

Этнография — историческая дисциплина и вместе с другими дисциплинами входит в широкий круг наук, изучающих общество в его развитии. Стоит отметить особое пристрастие нашей науки к исследованию происхождения этносов и их изменений во времени; в культуре каждого народа серьезнейшее внимание обращается на традиционную сторону, где рельефнее всего выявляются наиболее характерные черты этнического образа жизни, его особенности.

А особенности самой этнографии, ее специфичность яснее всего проявляются в том, что эту науку интересует в исследуемых объектах не столько общее для разных народов, сколько особенное, характерное, присущее именно конкретному этносу.

В этом отношении наша дисциплина представляет собой чуть ли не прямую противоположность другой науке — социологии (что не мешает обеим дисциплинам тесно сотрудничать).

Социологи, исследуя общественные структуры и события, ищут в них прежде всего типовые процессы, наиболее широко распространенные; социологов чрезвычайно привлекает встречающееся часто, а еще лучше — повсеместно.

Скажем, что бы заинтересовало в землянах марсианина, явившегося на нашу планету? Уж конечно, марсианин обратил бы большее внимание на количество глаз у человека, чем на их цвет, пересчитал бы пальцы на руках, но вряд ли заинтересовался бы линиями на подушечках этих пальцев. Он поначалу отмечал бы и фиксировал то, что свойственно всем людям или по крайней мере очень большим группам. Вот примерно так и смотрит на исследуемую ячейку общества социолог, когда изучает классовые отношения или типы семьи.

А этнограф естественнее сравнить со следователем, вникающим в обстоятельства преступления. Он ведь должен выяснить особые приметы предполагаемого нарушителя закона, те детали внешности, которые отличают данного конкретного субъекта от остальных людей. Тут важен и цвет глаз, и характер отпечатков пальцев, и многое другое, а вот считать глаза у подозреваемых следователь стал бы, лишь обнаружив, что виновник был одноклассником и что это — особая примета.

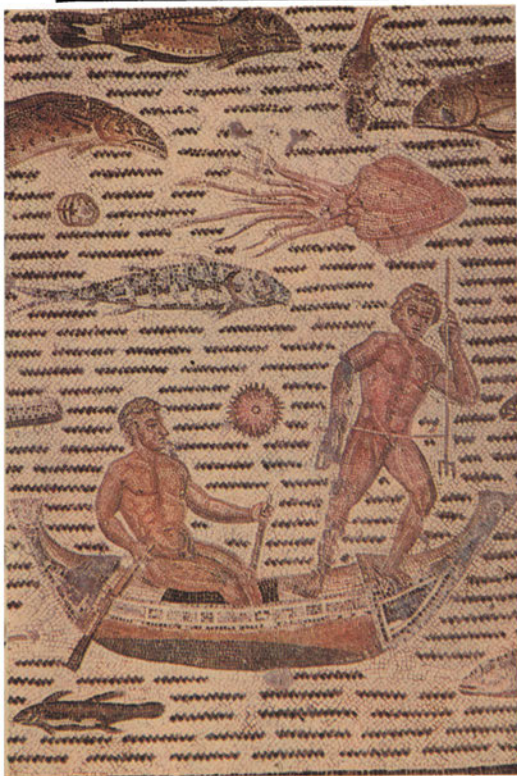
Внимание этнографов, как и того воображаемого следователя, занимают особые приметы, необычные черты, редкие формы поведения — только не одного человека, а целого народа.

Впрочем, каждое сравнение «хрошает». И социолог кое в чем нередко выступает как следователь — скажем, когда занимается чисто прикладной стороной своей науки, и этнограф занимается проблемами, которые можно определить как весьма общие — взять хотя бы общие закономерности формирования этносов. И тот и другой на самом деле выступают сразу и как «марсианин», и как «следователь», вопрос только в том, кого именно «в среднем» больше в представителях каждой из двух дисциплин.

Для примера можно привести две книги, каждая из которых посвящена советскому колхозному селу. Одна — молдавскому; она называется «Копанка 25 лет спустя». Другая — русскому и именуется «Село Вирятино в прошлом и настоящем». Первая — итог социологических исследований, вторая — этнографических.

Ловят рыбу. Древнеримская мозаика III в. н. э.

Уборка урожая. Миниатюра XV в., Века

Социологи рассказали в своей книге прежде всего о тех чертах жизни и быта молдавского колхозного села, которые характерны не только для данного села и даже не только для молдавских колхозников, но и для всего советского крестьянства.

Этнографы же изучили и выделили

в русском селе Вирятино такие особенности культуры и быта, которые присущи быту и культуре всего русского народа, отличают его от быта и культуры других народов, а также некоторые особые детали, отличающие вирятинцев от жителей других районов страны, а иногда даже от жителей соседних селений.

На рыбной ловле. Немецкая миниатюра XVI в.

Воздвигают землю.
Китай, Каракорум

Конечно, работа социологов гораздо больше расскажет читателю об общих чертах советского образа жизни, но разве науке — да и каждому человеку — нужно знать только общее? Глобус и карта небольшой области не заменяют и не отменяют, а дополняют друг друга.

Можно сказать, пожалуй, что этно-

графия сумела в какой-то степени сохранить тот подход к своему объекту, который был свойственен путешественникам эпохи Великих географических открытий. Тех когда-то так поражали отличия вновь открытых народов от уже известных, что отважные исследователи почти не замечали общего между людьми этих народов и

своими соотечественниками. А уж когда замечали — удивлялись сходству куда больше, чем различиям.

У этнографии почтеннейшее происхождение — первые же путешественники описывали, возвращаясь домой, странные внешность, обычаи и нравы людей, виденных в дальних странах. И первые же историки тоже находили

очень важным отмечать различия между народами, к которым они принадлежали, и теми, с кем пришлось сталкиваться и им самим и их предкам. «Отец истории» Геродот не только описывал события, но и подробно рассказывал обо всем, что казалось ему интересным и важным в поведении, одежде, обрядах других

Забота о будущем урожае.
Бангладеш

Канадский индеец на рыбной ловле

Коряк ловит рыбу

13

народов. Он писал, например, о различных вавилонских обычаях — «самом благоразумном» и «самом позорном», о «весьма разумном» и просто странном, отмечая попутно, что «такой же обычай существует и у арабов» или «подобный этому обычай существует также в некоторых местах на Кипре».

Так что этнографические знания с самого начала собирались в сокровищницы двух наук — географии и истории.

Как важная и необходимая часть вошли в XIX столетии этнографические сведения в фундамент мощного здания — исторического материализма. И этнографы по праву называют в

числе своих коллег Ф. Энгельса, в частности, как автора работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Ведь только исследователи первобытных обществ могли дать классикам марксизма материалы о развитии человечества до возникновения классов, а существовали такие общества уже век или два назад лишь на окраинах цивилизованного мира, и изучением их занимались этнографы. Однако сегодня нашу науку французы и русские, японцы и турки интересуют не меньше, чем папуасы или арауканцы. А то, что эта область знаний сохранила унаследованную со времен своего детства способность удивлять и удивляться, — ну что ж, такая способность характерна для каждой настоящей науки. Будем только помнить, что даже если сегодня многим кажутся самыми сложными из научных дисциплин физика да математика, то на самом деле науки, изучающие человека, не менее сложны, а открытия исторические (этнография — важная и полноправная часть исторической науки) оказывают на жизнь человечества влияние не меньшее во многих отношениях, чем открытия точных наук.

Без знаний о прошлом нельзя понять настоящее, а понимание места минувших событий в возникновении нашего сегодня дает возможность осознать место своей страны на Земле, значение каждого отдельного человека и каждого отдельного народа в истории человечества. В конечном счете это чрезвычайно важно для того, что называют мировоззрением. Если естественные науки исследуют законы природы и набрасывают чертеж мироздания, то живым, человеческим содержанием наполняют этот чертеж дисциплины гуманитарные, и среди них история.

Известно, что коммунистическая философия придает истории большее значение, чем любое из предшествующих философских учений. Этнография — часть большой Истории.

Факты же, собираемые этнографией, и выводы, которые она делает, так или иначе касаются каждого человека на Земле. Мудрено ли, что вокруг даже этих фактов — не говоря уже о выводах — идут бон, и не только «местного значения».

Именно искажение истины псевдоучеными использовалось как «научная основа» для десятков расистских и националистических политических движений, в том числе германского фашизма, в одном лишь XX веке.

Но кроме споров, где по одну сторону баррикады сторонники равенства и братства народов, а по другую — сеятели розни, возвеличивающие над другими один народ, одну языковую семью или одну расу, есть споры и другие — научные. В этнографии они идут, как и в любой другой настоящей науке.

Наша книга отнюдь не донесет до вас истину в последней инстанции, не вынесет конечные и непререкаемые суждения по всем проблемам. Но мы расскажем о тех основных современных позициях по затрагиваемым проблемам, которые занимает большинство советских специалистов, а иногда и о том, в каких дискуссиях приходили ученые к ним.

Начнем мы с разговора о центральном понятии нашей науки, обозначаемом термином «этнос» (собственно говоря, от этого слова образовано само ее название, хотя общепринятым данный термин в широком научном обиходе стал относительно не так уж давно, а имя свое наша дисциплина получила гораздо раньше). Но главе об этом будет предшествовать первое отступление.

ВЕСЬ МИР ОДИНАКОВ!

Однажды во Флориде отважный и жестокий испанский конкистадор Эрнандо де Сото (первооткрыватель прекрасной Кубы), во главе крошечной армии из девяност человек прошедший через джунгли этого американского полуострова, принимал торжественный визит местного племенного вождя, индейского кацика.

В самый разгар беседы двух предводителей грозных кацик чихнул. И тут же его спутники-индейцы, сидевшие среди испанцев, поднялись со своих мест. Они кланялись и кивали, они воздевали

руки к небу и простирали их к казику, посылая одновременно в самых пышных выражениях добрые пожелания своему слегка простуженному предводителю.

Если вспомнить про наше «Будьте здоровы!» и про соответствующий испанский обычай, то нетрудно понять, почему вырвалось у Эрнандо де Сото восклицание: «Весь мир одинаков!» Де Сото еще больше утвердился бы в своем мнении, если бы знал, что точно так же самый обычный чих не оставляют без внимания воспитанные люди в Африке и Австралии, в Полинезии и на Камчатке.

Индийцу говорят в таком случае: «Живи!», а он отвечает: «С вами!»; мусульманин-араб хвалит аллаха; житель острова Самоа желает: «Будь жив!»

Древнеримский ученый Плиний особо отмечал, что жестокий и подозрительный император Тиберий, презиравший многие законы и обычаи, требовал тем не менее строгого соблюдения старых правил «здоровствования» при чихании.

У зулу чихание считается признаком жизненной силы человека. Если он болен и чихает, значит, выздоровление близко. Если болен и не чихает — дело плохо. Впрочем, при дворе грозного зулусского короля Чаки — Черного Наполеона, который в начале XIX века объединил под своей властью огромные пространства Южной Африки, чихать отнюдь не рекомендовалось. С точки зрения тогдашних зулу, чихающий как бы заявляет: «Я жив!» А Чака почему-то рассматривал такое заявление как личное оскорбление. И спешил доказать «оскорбителю» обратное. Даже один из братьев короля погиб вскоре после того, как чихнул в его присутствии. Простых же смертных казнили немедленно.

Зато сам Чака свободно чихал под громкие возгласы: «Расти большой, о Зулу, становись большим, как гора!»

С другой стороны, у некоторых народов чихание предполагалось жертвы может избавить ее от неотвратимой, казалось бы, гибели. Туги-душители, поклонники кровожадной богини Кали, долгое время наводили ужас на многие районы Индии. Они нападали на иноземцев, чаще всего на путников, и приносили их в жертву своей шестирукой богине. Но если пленник, уготованный в жертву, вдруг начинал чихать, его тут же развязывали и отпускали...

Разумеется, всеобщее своеобразное почитание чихания люди давно пытались объяснить. Один из древнеримских ученых полагал, что когда титан Прометей вылепил из глины первого человека, то первым признаком жизни было громкое чихание этого «Адама». В память об этом, мол, и приветствуют чихнувшего. Библейский «праотец» евреев Иаков молился о том, чтобы душа человека при чихании не отлетала от тела. Пожелание здравствовать, значит, могло быть чем-то вроде предохранительного заклинания. Некий римский папа утверждал, что к богу при чихании взывают затем, чтобы чихающего не уби яд моровой язвы, разносящийся по воздуху. Древние кельты боялись, что если не благословить чихнувшего, то его могут унести феи. Следы этого поверья сохранились в ирландских и шотландских народных сказках.

В общем почти все народы Земли считали в прошлом, что при чихании человек как-то соприкасается с духами. Только, по мнению одних, то были духи добрые и их приходу надо радоваться, поздравляя (буквально) чихнувшего счастливчика. А другие находили духов злыми, чихнувшего же считали нужным защищать благословением или заклинанием.

Вера в духов прошла. А обычай остался. Повсеместный и почти неискоренимый. Он нам здесь важен только как одна из великого множества черт, снова и снова демонстрирующих: на фоне различий общее, если присмотреться, становится лишь заметнее. Но уже ради этого (хотя, конечно, не только для этого) стоит изучать различия.

1 В русскоязычной литературе первая обстоятельная характеристика этноса принадлежала русскому ученому С. М. Широкогорову. Согласно его определению, «этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других». Такое понимание этноса у С. М. Широкогорова удивительным образом сочетается с причислением этой общности к биологическим. Впрочем, подобные представления довольно живучи.

В частности, в последнее время и в советской научной литературе можно встретить мнение, что этносы представляют собой биологические единицы — популяции.

Любопытно, что сам этот термин — «популяция» — образован от латинского «популюс» — народ, население. Однако в биологии он применяется для обозначения совокупности особей одного вида, в течение большого числа поколений воспроизводящей себя на определенной территории.

Антропологи — исследователи эволюции и вариаций физического строения человека пользуются этим термином для обозначения групп людей, населяющих и сравнительно малые и весьма значительные территории, причем большинство членов таких групп вступают в браки внутри их.

Но ведь люди одного народа действительно женятся и выходят замуж по большей части за своих соплеменников, так почему бы и не назвать популяцией этносом?

Внимание! Теперь нам придется разъяснить некоторые тонкости, которые могут показаться чисто терминологическими, однако имеют серьезное и даже принципиальное значение. Каждый этнос сопряжен, тесно связан с определенной человеческой популяцией как биологичес-

кой общностью, но живет по законам социальным. С популяцией могут быть сопряжены и государство, и религиозная община (особенно если в ней не приняты браки с представителями других религий), но нет ведь сомнений, что и то и другое — общности социальные, управляемые общественными законами.

Нельзя согласиться с утверждением, что новые этносы возникают в результате мутации — биологического в своей основе явления. Этнос порождается общественными процессами, и само его развитие — тоже один из таких процессов.

Именно такое представление об этносе как социальном явлении в широком смысле этого слова и преобладает среди как советских, так и зарубежных ученых. Вместе с тем и в рамках этого общего подхода к пониманию природы этноса имеются немалые расхождения. Одни исследователи, например, главными признаками этноса называют язык и культуру, другие добавляют к этому единство территории и этническое самосознание, некоторые указывают, кроме того, на характерные особенности психического склада; в этом же ряду подчас отмечаются антропологические особенности, включается в число этнических признаков и общность происхождения, а порою также и государственная принадлежность. Высказывалось мнение, что ни один из признаков этноса в реальности не является неперменным и обязательным. Вместе с тем отмечалось, что этносы — целостные системы, неразрывно связанные с социально-экономическими факторами. Обращалось внимание и на отдельные виды внутренних связей в этнических общностях разных типов.

Чем же обусловлен весь разбой в характеристике этнических категорий в научной литературе? Да тем, как нам представляется, что нередко

этническая терминология используется для обозначения разных явлений объективной реальности. В одних случаях имеют в виду только биологические общности (популяции), в других — и биологические (притом более общие — расовые) и социальные, в третьих — только социальные. При этом в последнем случае рассматриваются либо все народы мира, либо только те из них, что находятся на архаической ступени развития, либо вообще лишь отдельные обособленные части народов. В тех же случаях, когда для выявления характерных свойств этнических единиц берутся сравнительно однотипные объекты (например, народы мира), многозначность в определении таких свойств в большой мере обусловлена сложностью самих этих объектов. Да еще часто по-разному подходят к тому, какие свойства считать наиболее типичными чертами этнических единиц.

Какие же общности людей мы называем этносами-народами? Каковы их характерные черты?

Каждый из этносов-народов имеет наглядный и вместе с тем непререкаемый внешний признак: самоназвание — собственное имя, этноним. Подчеркнем — именно самоназвание. Дело в том, что имена, даваемые этносу иными народами, нередко существенно отличаются не только от этнонима-самоназвания, но и друг от друга. Например, этнос, называющий себя «дейч», по-русски именуется «немцы», по-французски — «аллеман», по-английски — «джемен», по-итальянски — «тедеско», по-фински — «саксалайнен», по-сербски — «шваб» и т. д.

Вместе с тем следует иметь в виду, что группа людей, имеющая самоназвание, может обозначаться словом «народ» и тогда, когда ее расселение в той или иной мере не совпадает с границами одного государства, либо выходя за его пределы, либо охватывая лишь часть территории государства. При этом здесь возможны два основных варианта. Самоназвание группы может восходить к наименованию территории, на которой она проживает, т. е. это топоним (от греческих слов, означающих «место» и «имя»). А может самоназвание быть и собственно этнонимом, т. е. отражать

именно этнический характер группы людей.

Как же отличить этнонимы от топонимов? Один из основных критериев — устойчивость самоназвания. Ведь народы мира — общности, как известно, живущие под одним и тем же собственным именем в течение многих поколений. При этом, пожалуй, особенно показательны случаи, когда отдельные части народа по той или иной причине оказываются на длительное время сравнительно далеко за пределами его первоначального местонахождения. Если такая отделившаяся группа людей устойчиво, из поколения в поколение, сохраняет свое самоназвание, то скорее всего это самоназвание — этноним, и, стало быть, мы имеем дело с этносом.

Вместе с тем, разумеется, суть этносов отнюдь не сводится к их самоназваниям, какими бы прочными во времени они ни были. Поэтому для выделения среди других человеческих общностей именно народов надлежит выяснить, что помимо этого чисто внешнего признака объединяет людей одного этнонима?

Прежде всего уже само существование самоназвания-этнонима предполагает, что у каждой из интересующих нас общностей есть этническое самосознание. Действительно, даже в том случае, если, например, отдельные группы русских, испанцев, армян, поляков проживают в разных странах, любая из этих групп осознает определенную общность со всеми группами, носящими то же самоназвание. Кроме того, представители каждой из таких одноименных совокупностей людей обычно отличают себя от членов всех иных подобных общностей. При этом особую роль играет антитеза: «мы» — «они». Примечательно, что само представление (в том числе обыденное) о существовании рассматриваемой нами категории человеческих общностей неизбежно предполагает подобное различение. И когда, например, речь идет о венграх как народе, то всегда само собой разумеется, что венгры представляют себе, что тем-то и тем-то отличаются от немцев, японцев, от любого другого народа.

Нетрудно заметить, что пока мы говорили только о внешних, да еще субъективных проявлениях этих

свойств этноса — субъективных, поскольку они существуют в сознании людей. Может сложиться впечатление, что перед нами весьма зыбкие показатели, особенно если при этом исходить из представления о произвольном характере определения людьми своей принадлежности к тому или иному этносу. Поводом для подобного представления может послужить тот факт, что подчас один и тот же человек относит себя то к одному, то к другому этносу, например то к украинцам, то к русским или то к литовцам, то к белорусам и т. п. Однако эта «произвольность» легко объясняется тем, что такой человек в той или иной мере обладает объективными свойствами обоих этносов, к которым он себя относит, и не без оснований чувствует себя в некоторых отношениях украинцем, а в некоторых — русским. И уже ни к какому третьему этносу (скажем, турецкому, французскому, японскому) данный человек себя никогда не причислит.

Этническое самосознание, как и любая форма сознания, — явление вторичное, производное от объективных факторов, поэтому совершенно неверно сводить сущность этносов лишь к самосознанию, оставляя в стороне отражаемое им объективное бытие этих общностей.

Этносы ведь, несомненно, возникают не по воле людей, а в результате объективного исторического процесса. Этносы представляют собой очень сложные образования, и каждое из них обладает как свойствами, общими с другими подобными образованиями (со всеми или по крайней мере с частью), так и специфическими чертами, отличающими их от большинства или даже от всех остальных этносов.

Существует, правда, мнение, что отличия этносов друг от друга — вопрос второстепенный для выяснения их сущности. Однако при этом упускается из виду, что этнос без ограничения от других подобных общностей — фикция. Конечно, само единство особенностей этноса, отличающих его от других, представляет собой выражение его внутренних связей. Но все же характерная особенность этнических общностей как раз и состоит в том, что их неизменным свойством является взаимное различие.

Этносы — категория сопоставительная, и только в свете этого принципиального положения и возможно их изучение. В основе сопоставления лежат, конечно, те объективные свойства этносов-народов, которые существуют независимо от субъективного желания их членов.

Но каковы же эти объективные свойства? Начнем с одного из наиболее сложных вопросов: обязательна ли для существования этноса общность территории? При его решении следует прежде всего иметь в виду, что слово «народ» может обозначать совокупность людей, имеющих один общий этноним, однако подчас охватывает лиц, живущих не только в пределах одного государства, но и на территории нескольких смежных государств. Мало того, части одного народа могут оказаться и в удаленных друг от друга районах. Значит, следует четко разграничивать территориальную целостность как условие возникновения этноса и фактор его существования. Целостность территории — важнейшее условие формирования этноса, но уже сформировавшийся народ не обязательно сохраняет ее. И носители одного этнонима, проживающие даже на отдаленных друг от друга территориях, нередко из поколения в поколение сохраняют свою этническую принадлежность (например, армяне в СССР, Сирии, США; украинцы в СССР, Чехословакии, Канаде и т. д.).

В составе РСФСР есть Северо-Осетинская АССР, в составе Грузинской ССР — Юго-Осетинская автономная область. Осетинский народ оказался разделенным на две части, осевшие по обе стороны Большого Кавказского хребта.

Народы мяо и яо расселены и в Южном Китае, и во Вьетнаме, и в Лаосе, и во всех этих странах они живут островками среди основного населения.

Мексиканцы есть не только в Мексике, миллионы их живут и работают в США.

И индейский народ кечуа живет не только в Перу и Боливии, где его язык признается одним из официальных, но и в Эквадоре, и в Аргентине, и в Чили.

Народ может на протяжении своей истории даже менять территорию,

целиком или почти целиком перебираясь на новое место. Калмыки всего лишь четыре века назад жили в Центральной Азии, а теперешняя их родина лежит в Нижнем Поволжье (точнее, в западной части Прикаспийской низменности), и именно там находится Калмыцкая АССР. Венгерский этнос за последние полторы

Полив земли. Древний Египет. Изображение примерно 1250 г. до н. э.

На пшеничном поле после сбора урожая. Бенни

Невец строит. Ямал

На улице Тобольска

тысячи лет сменил четыре, а возможно, и пять территорий расселения.

Каковы же в таком случае помимо самоназвания и самосознания конкретные сферы, в которых объективно существуют характерные для этноса свойства?

Эти свойства, понятно, должны, во-

первых, быть устойчивыми и, во-вторых, отличать этносы друг от друга. Поэтому на первый взгляд может показаться, что тут прежде всего следует обратить внимание на внешние отличительные особенности физического типа людей, т. е. на расовые (антропологические) признаки.

Характерно, что в житейской практике подчас по этим весьма наглядным чертам и судят или пытаются судить о том, к какому этносу принадлежит конкретный человек или целая группа людей.

Несколько подробнее об антропологических признаках мы поговорим позже. Сейчас же достаточно отметить, что антропологи выделяют в населении нашей планеты три большие расы (европеоидную, монголоидную и негроидную), каждая из которых в свою очередь состоит из рас малых; внутри малых рас специалисты выделяют по менее значительным наследственным особенностям антропологические типы.

В научной трактовке этой проблемы обращает на себя внимание следующее: в работах советских этнографов последних лет подчас специально отмечается, что народы мира в большинстве имеют сравнительно однородный расовый состав. Но очевидное, кажется, противоречие: в работах советских антропологов, напротив, часто подчеркивается, что отдельные этнические общности по физическому типу, как правило, неоднородны; соответственно говорится о необходимости строго разграничивать расы и этнические общности.

Диаметральная противоположность этих суждений во многом объясняется тем, что в них за основу взяты антропологические единицы разного уровня. Этнографы в таких случаях главным образом имеют в виду большие расы (и лишь иногда так называемые малые расы), антропологи же — преимущественно самую малую, самую узкую классификационную единицу — антропологический тип.

Для наблюдателя, не обладающего специальными знаниями, различия между близкими антропологическими типами практически неуловимы. Поэтому он обычно воспринимает этнос-народ как нечто целостное в антропологическом отношении. С другой стороны, соседние народы нередко принадлежат к одному антропологическому типу. Соответственно в преобладающем числе случаев антропологические типы не выступают в качестве сколько-нибудь существенных особенностей народов.

Что касается внешних физических особенностей, характерных для боль-

ших рас, то они тоже, как правило, не выступают в качестве факторов, отличающих соседние этносы. Ведь каждая из больших рас имеет весьма обширные ареалы своего преимущественного распространения, охватывающие обычно большое число «родственных» этносов. Показательно, в частности, что свыше 85% всех людей, входящих в индоевропейские народы, и около 95% говорящих на языках уральской лингвистической семьи принадлежат к европейской расе; люди этносов, составляющие китайско-тибетскую языковую семью, почти на 100% относятся к монголоидной расе и т. п. Некоторое разнообразие основных расовых типов отмечено среди народов семито-хамитской (афразийской) и алтайской лингвистической семей; среди первых есть и европеоиды и африканоиды, а среди вторых — европеоиды и монголоиды, но эти две семьи в сумме составляют лишь немногим более 3% всего человечества. А кроме того, примерно 30% населения мира принадлежит к смешанным и промежуточным в расовом отношении группам. Наконец, необходимо напомнить, что нередко один этнос состоит из людей, принадлежащих к различным расам (например, большинство латиноамериканских народов). А в таких случаях невозможно рассматривать расовые различия как этнические очевидна.

Между тем резкие внешние отличия между людьми одного народа совсем не такая уж редкость. Вспомните хотя бы американских негров, которые, по мнению большинства ученых, составляют столь же неотъемлемую часть американской нации, как и живущие в тех же США потомки англичан, ирландцев, французов, итальянцев, шведов...

В Центральной Африке на небольшой территории живут чересполосно, говорят на одном языке уруньяруанда и, по мнению некоторых ученых, близки к слиянию в одну народность три группы очень разных на вид людей: низкорослые, коренастые пигмеи батва, чрезвычайно высокие и длиннолицые батутси и люди племени бахуту, никак не выделяющиеся своим ростом на общем фоне человечества. Естественно, рост — только одна из многих особенностей, по

которым различаются между собой эти три группы.

Впрочем, отложим пока разговор о таких ярких случаях, забудем о примере Бразилии, где рядом с людьми смешанной европейско-индейско-африканской крови живут и типичные европеоиды и чистокровные негры.

Нередко различия менее эффективные остаются достаточно заметными. В Западной Германии средний житель южной части страны — Баварии — темнее и шире лицом, меньше ростом, чем северянин. Среди немцев-северян гораздо выше, чем в Баварии, процент блондинов. Уж на что итальянцев принято считать брюнетами, но и в Италии есть блондины и русые.

Выходец из рязанской деревни поражается тому, как много голубоглазых блондинов среди новгородцев и сколько жгучих брюнетов среди донских казаков. А ведь и рязанцы, и донцы, и новгородцы — равно русские. Русские ростовчане, большей частью черноволосые и темноглазые, довольно сильно отличаются от русских же коренных жителей Архангельщины, чаще всего русоволосых и голубоглазых.

Китаец из северо-западных районов страны часто легко отличит по одним лишь чертам лица земляка своего от китайца с побережья Южно-Китайского моря.

Следует подчеркнуть: при развитии этноса резкие расовые различия внутри него большей частью постепенно исчезают.

Вот что пишут в книге «Народы, расы, культуры» советские ученые Н. Н. и И. А. Чебоксаровы: «Границы между «белыми», индейцами, неграми, метисами и мулатами во многих латиноамериканских странах все больше и больше стираются. Буквально на наших глазах складывается, например, бразильский тип. Не приходится сомневаться, что через несколько поколений бразильцы будут в расовом отношении не менее однородны, чем англичане или скандинавы».

Причина понятна. Люди, составившие народ, вступают в браки между собой гораздо чаще, чем люди — представители разных этносов. И один из важных факторов, действу-

ющих в процессе развития народов, — эндогамия, т. е. заключение браков внутри своего этноса.

Словом, определение этнической принадлежности людей на основе одних только внешних антропологических признаков обычно оказывается более чем приблизительным; так что вводить в число важнейших, принципиальных характеристик этноса антропологические показатели не имеет смысла.

Совсем другое дело — особенности культуры или, шире, то, что можно называть этническими чертами образа жизни народа.

В чем он, собственный, особенный образ жизни каждого народа, как выражается этническое своеобразие в культуре в широком смысле этого термина? В чем оно проявляется или может проявиться? В очень и очень многом.

В том, как люди работают, какими орудиями они при этом пользуются. Сложна ли, кажется, «конструкция» сохи, одного из древнейших пахотных орудий, которым на протяжении долгих веков возделывали землю крестьяне Восточной Европы? Между тем, сообщает выходившая в царской России на рубеже XIX и XX веков энциклопедия Брокгауза и Ефрона, «в настоящее время их (конструкций) насчитывается несколько десятков». Разными сохами пользовались жители Центра России, Литвы, Белоруссии.

Нередко разница в типах одного орудия легко объясняется различиями в самих условиях работы. Создатели сохи, скажем, приспособляли ее к особенностям почвы, характерной для данной местности. Но этнограф все же рассматривает результаты такого приспособления и как особые приметы народа или этнографической группы внутри его.

Украинский воз, в который большей частью запрыгивают волов, сильно отличался от русской телеги, которую обычно тащит лошадь. Но традиционная латышская телега тоже отличается от русской, хотя и в ту и в другую запрыгивают лошадей.

Японская наковальня совершенно не похожа на русскую.

Польский и русский кузнецы придавали в старину разную форму самому обыкновенному топору. Лопата и та может иметь этнические отличия!

Своеобразны традиционные жилища у различных народов мира. Здесь и свайные постройки (например, у части меланезийцев и микронезийцев), и плавучие жилища (например, у оранг-лаутов и некоторых других народов Юго-Восточной Азии), и переносные жилища — юрты, чумы, тапи (у кочевников Средней Азии, народов Севера, индейцев прерий), и дома-башни (у народов Кавказа, у части арабов, некоторых народов Афганистана) и т. п.

Русские крестьяне в прошлом почти в любых природных условиях по традиции строили срубные дома из дерева. Даже если они переселялись в районы, где нет леса. В полярной тундре срубы возводили из плавника — бревен, прибитых к берегу моря или реки. Переселенцы же из русского Центра в Южный Казахстан, Узбекистан, на Кубань часто поначалу подолгу жили в землянках, упорно копя деньги на постройку жилища из леса, который приходилось привозить с Урала.

На юге Украины русские крестьяне-переселенцы только постепенно, да и то далеко не везде, перешли под влиянием местных старожилов на новый для себя строительный материал — глину.

До революции на Кавказе в очень схожих климатических условиях балкарцы строили каменные одноэтажные дома, осетины, чеченцы и ингуши — двух- и трехэтажные, караевцы же и балкарцы Баксанского ущелья предпочитали сооружать дома деревянные. Это притом, что, вообще говоря, жилища людей, обитающих в сходных природных условиях, обычно имеют немало общих черт.

Своеобразие может проявляться и в деталях обихода у разных групп внутри одного народа. Русские северяне, например, ставили свои дома к улице торцами; русские же южане располагали избы к улице фасадами.

И интерьер у разных народов — свой. У всех восточных славян, как бы ни различались их дома по материалу, вдоль стен ставили закрепленные лавки, над ними вешали полки, в красном углу — киот с иконами, полки и шкафчики для посуды размещались у печки. Спали на деревянном помосте (русские полаты).

Интерьер у карелов, скажем, очень

близок к типичному восточно-славянскому, но стол у них стоял посреди лицевой стены, а у славян его ставили в углу. Тоже — проявление этнического своеобразия.

Русские во многих местах нашей страны раскрашивали изнутри сруб масляными красками, в других — расписывали печи, в третьих — потолки. Украинцы часто расписывали и стены и печи в своих глиняных и деревянных жилищах и т. д.

Русская печь — строгий термин, обозначающий не все печи, какие складывают в России, а совершенно определенный тип.

Каждый знает, что бани бывают русские, турецкие, финские. На самом деле, однако, разнообразие национальных бань гораздо больше.

А одежда? Мы ведь и теперь говорим в обиходе о народной русской, таджикской или латышской одежде. По одежде русской крестьянки начала XIX века нередко удавалось с точностью до конкретного селения определить ее родину. По одной лишь тюбетейке у узбеков когда-то можно было безошибочно сказать, из какой местности происходит человек. И до сих пор у некоторых народов Индокитая по женской одежде можно узнать, откуда именно приехала в большой город ее хозяйка. Да и в горных поселениях Кавказа или Памира нередко еще сохраняются характерные только для конкретных районов костюмы.

Когда-то же значение одежды для «самоопределения» человека было трудно преувеличить. И слова «по одежке встречают», вероятно, относились не только к богатству одеяний, но и к их национальным и другим местным предметам.

Лаконичный обычно Геродот описывает: «Вавилонянин носит льняной хитон, доходящий до ног, а поверх — другой, шерстяной. Затем поверх накладывают еще тонкую белую хламиду. Обувь у них... похожая на беотийские сапоги. Отпускают длинные волосы, вавилоняне повязывают на голове тюрбаны и все тело умащают миррой. У всякого вавилонянина есть перстень с печатью и посох искусной работы. На каждом посохе вырезаны яблоко, роза, лилия, орел или что-либо подобное».

Сейчас одежда разных народов становится все более однотипной, теряет

свой этнический характер. Шапка «сванка», самим названием не случайно обязанная жителям Сванетии, стала привычной для всех грузин и для некоторых других кавказских народов. Русские сапожки входят в моду во Франции и приходят затем уже в СССР как очередная парижская мода. Пиджак и брюки у мужчин, юбка.

Крестьяне за работой.
Япония

23

платье, брючный костюм у женщин совершают победное шествие по миру. Национальные же костюмы во многих случаях, например в Прибалтике или Ираке, становятся лишь праздничной одеждой.

Различия между народами проявляются и в составах потребляемой пищи, и в способах ее приготовления,

и времени ее приема. Так, для одних народов основу пищевого рациона составляют продукты земледелия (например, у славянских народов), для других — мясо (у многих народов Севера), третьи заслужили прозвище ихтиофагов, так как употребляют в пищу главным образом рыбу (например, нанайцы, нивхи, ульчи).

Хорошо известно, что у многих народов действуют суровые запреты на употребление отдельных видов пищи. В частности, народы Индии в большинстве своем не едят говядины; народы, исповедующие ислам и иудаизм, — свинины; ряд народов почти не употребляет в пищу молока (например, хммеры); у некоторых народов еще недавно деликатесом считалось мясо собаки (например, у полинезийцев) и т. п.

Национальные формы традиционного питания весьма устойчивы. Правда, «в целом питание народов СССР в настоящее время обнаруживает ярко выраженную тенденцию к нивелированию, к стиранию зональных особенностей в пище, к сближению сельского и городского питания», — сообщается в монографии «Современные этнические процессы в СССР». Однако «важнейшая эта тенденция развивается... главным образом в рамках национальных типов питания, характерных для тех или иных народов или этнокультурных режимов. Особенно стойко сложившиеся традиции сохраняются в пище сельского населения, но и пища горожан, несмотря на многие изменения в ней, продолжает оставаться в целом традиционной».

Хлеб даже в больших городах нередко едят традиционный для определенного района; армяне и азербайджанцы по-прежнему любят тонкий, как лист бумаги, лаваш, в Средней Азии многие верны привычным лепешкам...

Любимые блины у мордвы — из просяной муки, у русских — из пшеничной и гречневой, белорусы готовят блины из картофеля, литовцы — из гороховой, гречневой, ячменной муки и опять-таки из картофеля.

Входят в быт новые виды пищи, но ведь пища меняется не только в наши дни. Гречиха появилась в России лишь в XII веке, а широкое распространение получила только в XVI столетии, но гречневая каша успела занять почетнейшее место даже в обрядовых действиях, на крестинах и свадьбах. И пожалуй, именно о ней говорится в знаменитой русской поговорке: «Щи да каша — пища наша». Картофель в Белоруссии возделывают всего лет полтора, однако именно здесь из картофеля готовят особенно много

разнообразных блюд, и на всей нашей планете только в Белоруссии известна картофельная каша.

Различия в привычках естественны не только для отдельных людей, но и для отдельных народов — даже в XX веке. Лакцы в Дагестане готовят шашлык с луком, даргинцы — с помидорами, армяне — с луком, помидорами, баклажанами, сладким перцем.

А вот как писал о национальной пище Карел Чапек: «В чужих краях надо пить и закусывать, где только можешь, если хочешь узнать их; и чем дальше от дома, тем больше надо там выпить и съесть... У каждого народа свой язык, и у каждого, как говорится, «язык не лопатка — знает, что сладко». Познавай же язык народа; ешь его кушанья, пей его вино. Впитывай жадно гармонию его рыб и сыров, масел и копченостей, хлеба и фруктов, в оркестровом звучании его вин, которых столько, сколько музыкальных инструментов».

Даже в том, как люди спят, иногда можно обнаружить этнические различия. Малаец, скажем, подкладывает под голову не подушку, а деревянную вогнутую скамеечку на коротких ножках. В Индии, ложась спать, часто подсовывают себе под колени мягкий валик.

Существенно различаются у народов мира также семейный быт, брачные обычаи и обряды. Наряду с моногамной (единобрачной) семьей, распространенной в настоящее время у подавляющей части человечества, до сих пор у некоторых народов все еще сохраняется как полигамия (многоженство), так и полиандрия (многомужество).

Чрезвычайно многообразны брачные церемонии. У одних народов (например, у племени пуанов на острове Калимантан) для заключения брачного союза достаточно, чтобы жених и невеста в присутствии старшейшины рода заявили о взаимном согласии вступить в брак, у других народов (например, у племени коши в Афганистане) свадебная церемония длится двое суток, у третьих (у некоторых народов Индии) — целых восемь. Для большинства европейских народов характерны свадьбы, на которых присутствуют лишь ближайшие родственники и знакомые, но у некоторых этносов (например, у ряда народов

Кавказа) на свадьбу по традиции приглашались сотни гостей. Вместе с тем на Кавказе до недавнего времени нередко встречалась «свадьба без новобрачных»: обычай запрещал жениху и невесте присутствовать на собственной свадьбе. По-разному обстоит дело и с разводом: есть народы (в частности, католического вероисповедания), у которых брак вообще нельзя расторгнуть, а у других, главным образом исповедующих ислам, для того, чтобы развестись, мужу достаточно объявить об этом жене.

А уж в общении людей между собой этническое своеобразие проявляется почти на каждом шагу. Хрестоматийный пример болгар, у которых в отличие от огромного большинства народов мира кивок головой сверху вниз означает отрицание, а справа налево — утверждение. Это их этническая особенность.

Ногу на ногу американец закидывает иначе, чем русский или француз, — он кладет на колено одной ноги щиколотку другой.

У большинства народов нашей страны сидеть на полу — не в обычае, а если уж придется, то позы при этом получаются разные, но не слишком удобные. У многих же этносов Ближнего и Среднего Востока, в том числе и нашей Средней Азии, поза одна, привычная: «по-турецки». Японцы тоже садятся на пол часто, но на корточки, или становятся на колени. А вот индеец из Канады или США сядет, подложив под себя одну ногу.

Европейцы хлопают руками в знак радости или восхищения, а китайцы — в знак горя или разочарования.

Давно ли, кажется, появились таксы, но в США их останавливают, подняв большой палец, в большей части РСФСР поднимают руку от плеча вверх, в Грузии же ее вскидывают на уровень плеча и тут же опускают.

Переодетого европейского путешественника, отлично знавшего как будто обычаи Востока, в прошлом веке обнаружили в толпе мусульманских паломников только потому, что он отбивал такт музыки ногой; другого путешественника в сходном случае выдало внимательному глазу то, что утром он сделал свой первый шаг не той ногой, какой остальные.

Последние примеры достаточно старые, из XVIII—XIX веков, да еще с экзотическим оттенком. Но вот разговор из американского романа 60-х годов:

«Извините меня, пожалуйста, но я должен задать вам один вопрос, — сказал он неожиданно. — Это мучит меня с самого начала поездки. Скажите, почему американцы всегда моют руки в грязной воде? Я никак не могу этого понять».

Так в романе Митчелла Уилсона «Встреча на далеком меридиане» советский физик Гончаров, впервые приехавший в США на научную конференцию, говорит американскому физику. Тот растерян: «Ведь мы не моем руки в грязной воде». — «Простите меня, моете! Для нас чистота означает умывание проточной водой. Раковины наших умывальников никогда не затыкаются. У вас же все раковины снабжены затычками, и, как только начинаешь мыться, вода делается все грязнее и грязнее. А поскольку у вас отдельные краны для холодной и горячей воды, никак не удается добиться приятной температуры и, если хочешь мыться чистой водой, приходится непрерывно перескакивать от кипятка ко льду. Или в Америке всегда мало воды? Нет, мне просто не верится, что в такой развитой, такой культурной стране вдруг не хватает воды».

Венгр, считая на пальцах, разгибает пальцы сжатого кулака правой руки, начиная с большого, русский, наоборот, загибает пальцы, причем начиная с мизинца, и т. д.

Словом, быт каждой страны пронизан особенностями, которые являются именно этническими, и нередко заметить их, понять их специфику может только человек со стороны.

Необходимо отметить, что определенные этнические особенности могут, отличая этнос от других народов, оказываться общими с другими этносами или более мелкими этническими подразделениями. По особенностям быта донские казаки, например, больше схожи с украинцами, чем с русскими, но говорят они на русском языке и сами себя считают русскими.

Карелы строят такие же дома, как русские северяне, носят такую же одежду, обрабатывают землю такими же

орудиями, но остаются отдельным народом.

Может быть, народы отличаются один от другого по сложившимся исторически религиозным особенностям?

Действительно, бывают случаи, когда религиозные различия играют очевидную и несомненную роль. Например, у хорватов, сербов и боснийцев в Югославии один и тот же язык, но хорваты — католики, сербы — православные, боснийцы — мусульмане; и хорватов, и сербов, и боснийцев рассматривают как три разных народа. (Кстати, боснийцы сами себя называют «муслимане».) Казалось бы, очень убедительно. Однако есть в Югославии тем не менее небольшие группы сербов-католиков и хорватов-православных.

А вот ливанские арабы — частью мусульмане, частью христиане, да еще разных толков. Однако это не привело к их разделению на разные народы.

Важнейший, по мнению большинства этнографов, отличительный признак этноса — язык. И в особых доказательствах это как будто не нуждается.

Однако англичане и австралийцы, например, говорят на одном языке — английском. На нем же говорят жители США, и большая часть канадцев, и население острова Ямайка в Центральной Америке, и новозеландцы, и огромное большинство ирландцев.

И тем не менее все это разные народы.

Удивительная история произошла в Норвегии. Здесь есть целых три норвежских языка, правда не очень сильно отличающиеся друг от друга. И нельзя сказать, какой из них «более», а какой «менее» норвежский.

В Советском Союзе отдельные группы единого мордовского народа говорят сейчас по существу на трех языках: часть — на мокшанском языке, часть — на языке эрзя, остальные, оставаясь мордвинами, создают собственную национальную культуру, пользуясь русским языком, который успел для них стать единственным и родным. Многие карелы тоже говорят и пишут только по-русски.

А бывают еще более поразительные ситуации. Сегодняшние ирланд-

цы говорят в большинстве по-английски, и лишь немногие из них продолжают пользоваться тем языком, на котором все ирландцы говорили лет триста—четыреста назад. Но ни у самих ирландцев, ни у ученых нет сомнений, что теперешние англоязычные потомки средневековых ирландцев принадлежат к тому же народу, что и их предки.

Точка зрения, учитывающая лишь «внутреннюю» роль общности языка как этнического признака, плохо согласуется со случаями, когда части одного народа говорят на разных языках. Возникающее при этом противоречие обычно пытаются «снять» ссылкой на исключительность таких случаев. Однако в действительности, как мы только что видели, они оказываются не столь уж редкими. Упомянем дополнительно башкир и эвенков — значительная часть тех и других считают своим родным языком русский. «Общность» языка в полном смысле этого слова отсутствует сегодня у советских украинцев: каждый восьмой русскоязычен. Нельзя сбрасывать со счетов и случаи, когда части одного народа говорят на очень сильно расходящихся диалектах. Это относится, например, к немцам и особенно к китайцам, северные, восточные и южные группы которых попросту не понимают друг друга.

Нередко основная часть этноса сохраняет традиционный язык, а отделившаяся этническая группа, живущая в инонациональном окружении, переходит на язык этого окружения, не теряя своего этнического самосознания (и сберегая многие черты прежней культуры).

Словом, если исходить из идеи «общности языка» как обязательного этнического признака, то немало народов автоматически «потеряют право» на это название.

И все же язык, по мнению огромного большинства специалистов, занимает важнейшее место среди основных признаков народа, и спорить с этим невозможно, несмотря на все исключения. В том случае, когда несколько этносов говорит на одном языке (английском, испанском, португальском, сербохорватском и т. п.), как правило, каждый этнос вносит в этот язык свою специфику. Она

может заключаться в ином алфавите или правописании, в фонетике, в лексике, в специфических оборотах и фразеологических сочетаниях, но в той или иной форме обычно присутствует. Явным, например, своеобразием, в известной мере культивируемым, отличаются аргентинский испанский и бразильский португальский.

Строят дом. Провинция Хуань. Китай

Узбечка на ослике

Есть и такие дома в Ярославской области

У разных народов, пользующихся одним и тем же языком, в речи непременно есть этнические различия: и в деталях произношения и в обращении. Американские ученые-коллеги зовут друг друга уменьшительными именами, в Англии это возможно, как правило, только при довольно близких, приятельских отношениях.

Этнически своеобразным порою становится даже отправление религиозных обрядов, причем совсем не обязательно, чтобы это своеобразие с самого начала воспринималось как проявление сектантства. Знаменитые реформы патриарха Никона в XVII веке были возвращением русской православной церкви к старым визан-

тийским обрядовым формам. Двуперстное крещение, которое после этих реформ стало знаменем старообрядчества, приобрело в дальнейшем социальный, иногда даже бунтарский смысл, но до преобразований Никона этот обрядовый знак можно рассматривать просто как этническую особенность православия на Руси.

Огромен заряд этнических особенностей в народном искусстве. Некоторые виды искусства существуют вообще лишь у немногих народов. Например, жители нашего Севера, ханты и манси, выдавливают зубами на бересте очень красивые узоры. Образцами такой бересты гордятся некоторые музеи — а у других народов этой формы изобразительного искусства нет. Замечательные фигурки из кости, что вырезают эскимосы, в значительной степени предназначались прежде для восприятия осязанием — ведь наслаждаться их красотой приходилось в плохо освещаемых жилищах.

Но и в общераспространенных видах искусства этнические различия проявляются очень широко. Китайская, казахская, южноиндийская, австралийская (аборигенов) музыка резко отличается и друг от друга и от европейской музыки — настолько резко, что нужна очень длительная привычка или специальная подготовка, чтобы воспринять чужую музыку действительно как искусство, а не только как некий экзотический факт. Но даже тогда, когда искусство одного народа понятно людям другого народа и без особой подготовки, его этнические черты нередко очевидны.

Французы с восторгом слушают русские и украинские народные песни. В нашей стране любят песни знаменитых шансонье с берегов Сены и Луары — но разве не явно виден национальный характер русских, украинских и французских песен? Впрочем, говоря о нынешних шансонье, мы, пожалуй, вторгаемся уже в область профессионального искусства, хотя и сохраняющего во многом верность народным традициям.

Что ж, в профессиональном искусстве тоже проявляется этническое своеобразие. Мало того, в XIX, а особенно в XX веках роль профессионального искусства как области про-

явления этнических особенностей резко возрастает.

Вспомните, обзор круга этнических особенностей мы начали с производства, с орудий труда. Но по мере развития науки и техники все в большем числе стран мира средства производства теряют национальный колорит. Трактор и комбайн в отличие от сохи нельзя назвать польскими или русскими. Фрезерные, прядильные, сверлильные станки не имеют ярко выраженных особенностей, которые можно было бы объяснить национальными особенностями людей, эти станки изготовляющих. То же относится к мартеновским печам, электропилам и бесконечному количеству других вещей.

Аналогичная история происходит, хотя и медленнее, с предметами потребления — взять хоть одежду, о которой у нас уже шла речь. А вот искусство остается национальным и уже в силу сужения в культуре этнической специфики играет для национального самосознания все более важную роль.

Уже давно обращено внимание на то, что ни один из компонентов культуры не является непременным признаком, отличающим данный народ от любого другого. В одних случаях главная роль принадлежит языку, в других — религии, в третьих — характерным чертам поведения и т. д. Не случайно все попытки выделить хотя бы один непременный для всех случаев этнодифференцирующий признак оказываются обреченными на неудачу.

Между прочим, из этого иногда делают основание для полного игнорирования культуры как носительницы этнических свойств. Между тем в действительности-то перед нами свидетельство того, что этнос представляет собой определенную культурную целостность. Языковая общность исчезает со сменой языка, религиозная общность распадается, когда хотя бы часть ее членов меняет свои воззрения. Но если бы этнос непременно уничтожался со сменой языка или со сменой религии и если бы, скажем, язык и этнос, языковое и этническое деление всегда совпадали, то, видимо, различение этих понятий потеряло бы смысл; то же самое отно-

сится к соотношению этноса и религии. И именно культура в широком значении этого слова обеспечивает в обществе этническую преемственность.

Передача этнокультурной, как и всякой другой, информации в человеческом обществе осуществляется в различных формах: через произведе-

ния материальной и духовной культуры, путем жестов и т. п. Но главной формой такой передачи выступает речь — словесная информация (устная или письменно-литературная). Обмен сведениями этнокультурного характера осуществляется на основе как непосредственных (личных), так и опосредованных контактов. Хотя по

мере развития средств массовой коммуникации удельный вес непосредственных контактов в передаче этнокультурной информации непрерывно сокращается, однако такие контакты все равно остаются наиболее действенными. Главные виды контактов, в которых передается этнокультурная информация, — бытовые, производ-

ственные и учебные. Важнейшей социальной ячейкой, где осуществляется эта передача этнического от поколения к поколению, в классовых обществах обычно служит семья, в доклассовых же — различные формы общин.

Усвоение этнокультурной информации происходит как непроизвольно (бессознательно), так и осознанно. Первый способ — древнейший, так как основывается на способностях человека подражать, и до сих пор остается ведущим. Это во многом обусловлено тем, что большая масса этнокультурной (в первую очередь связанной с языком) информации усваивается человеком в раннем возрасте. В известном смысле этносы представляют собой пространственно ограниченные «сгустки» специфической культурной информации, а межэтнические контакты — обмен такой информацией.

Каждый из нас, как представитель своего народа, — носитель огромного комплекса этнических его особенностей. Они, естественно, не передаются по наследству (в отличие от деталей внешнего облика). Мы перенимаем их большей частью еще в детстве, у родителей и других взрослых, у сверстников.

Принадлежность человека к тому или иному народу определяется в

конечном счете воспитанием и обучением, в процессе которых человеку прививаются черты той этнической среды, в которой он оказался.

Чрезвычайно велика в таком «выучивании» на русского или шведа, бразильца или китайца роль детства. Американские социологи установили, что, скажем, английский профессор (т. е. человек, говорящий на том же языке, что и американцы) может прожить в США лет пять—десять, а то и больше и все-таки не освоится до конца со многими деталями местного быта, не станет американцем. Между тем полуграмотный сын итальянских эмигрантов, говорящий порой с сильным сицилийским акцентом, успевает, как правило, к десяти годам «выучиться на американца». Профессор ведет себя в США как англичанин, а мальчик — как американец.

В США было проведено детальное этнографическое и социальное обследование большой группы американцев китайского происхождения. Поскольку обследование проводили этнографы, они, естественно, сосредоточили свое внимание на особенностях американских китайцев как особой этнической группы в американском обществе. И все же окончательный вывод гласил: это просто хорошие американцы.

ВСЕ ЛЮДИ РАЗНЫЕ

Негр племени масан при встрече торжественно сплевывает, потом плюет на собственную руку и только после этого позволяет себе пожать руку знакомому.

А вот мангбетту на севере Конго здороваются совсем по-европейски, за руку, но при этом вежливо похрустывают суставами средних пальцев.

Тумбве в Танганьике становятся при встрече на одно колено, берут горсть земли и сыплют ее крест-накрест на грудь и руки. На Замбези в аналогичных обстоятельствах хлопают в ладоши и делают реверанс, а при встрече с белым считается необходимым еще и шаркнуть ножкой — чем не европейский XVIII век?

У зулу для поцелуев существовало в прошлом строжайшее «расписание». Дети не имели права целовать отца и мать. Отец не целовал детей. Только мать была свободна в изъявлении своих чувств, и то относительно: детей она целовала по-разному, в зависимости от возраста, причем замужней дочери и взрослому сыну она целовала руки.

Что ж, выходит, все люди разные?

Но... недавно мы утверждали совершенно противоположное, повторяя вслед за Эрнандо де Сото: весь мир одинаков!

Так кто же прав: отважный Эрнандо, согласные с ним итальян-

цы, у которых есть веселая поговорка: «Весь мир — одна страна», или же те, кто утверждает, будто люди настолько различны, что им никогда не понять друг друга?

Мы — за итальянскую поговорку, хотя и с оговорками. А главная из оговорок та, что дистанция во времени обычно разделяет людей гораздо сильнее, чем расстояние в пространстве.

Современный англичанин куда легче найдет общий язык с нынешним французом, чем со своим предком двухтысячелетней давности. И вряд ли даже сегодняшний полинезиец дальше от Джона Буля, чем древний британец.

Едва ли понравится в натуре тому же англичанину и средневековый рыцарь, о приключениях которого он с восторгом узнает перед сном из сногшибательного исторического романа. Образ жизни и множество правил жизни у них не совпадут, а ведь их разделяют не тысячи километров, а сотни лет.

Все мы дети своего времени и хорошо и удобно чувствуем себя только в нем. Великие путешественники, ученые и художники, которые отлично чувствовали себя на чужих берегах — в «географическом прошлом», — отнюдь не опровергают этого утверждения. Их время оставалось с ними, в них самих. Миклухо-Маклай, Стивенсон и Гоген, которым так нравилась Океания, в равной степени были здесь представителями настоящего в прошлом и европейской культуры среди полинезийцев.

1 Итак, занимается этнография прежде всего особенным, хотя и не только им. Но и для особенного надо находить общие законы, им управляющие. И в особенном надо уметь видеть то, что это особенное объединяет.

Как ни различны народы-этноты, все это — народы, и изучающая их наука обязана дать точное общее определение тому, что же такое этнос.

Один из авторов этой книги, Ю. В. Бромлей, предложил и обосновал разделение этносов на две большие категории: этнос в узком смысле слова и этнос в широком понимании.

Первый из них в самой общей форме может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (в том числе языка) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других таких же образований, т. е. самосознанием.

Такая общность предстает перед нами как результат совместной исторической практики ряда поколений людей, практики, воплощенной в материальных и духовных атрибутах этой общности, и практики, запечатленной в сознании ее членов. С тем чтобы выделить эту разновидность этносов среди других общностей этнического характера, был предложен термин «этникос». Этникос — по-древнегречески «народный», «свойственный народу».

При этом имеется в виду комплекс этнических свойств, сохраняющихся даже при переселении группы людей того или иного народа на новую территорию.

Огромное большинство украинцев проживает в СССР. Но сотни тысяч их живут в Канаде, в основном это потомки людей, перебравшихся сюда в конце XIX — начале XX века. Они

поселились в другом государстве, у них нет экономической общности с советскими украинцами, нет общей территории, они живут при другом социальном строе, приняли ряд новых черт культуры. Но сохраняли долгое время родной язык, отдельные особенности культуры, в том числе бытовой, и до сих пор (в большинстве) — сознание, что принадлежат к украинскому народу. Они входят в украинский этникос. Правда, условия жизни украинцев Канады — территория, социально-экономический и политический строй, культурная среда — наложили определенный отпечаток на эту этническую группу. Значительная часть украинцев Канады в настоящее время по крайней мере двуязычна, а многие целиком перешли на английский язык. Случаи, при которых лица с общим этнонимом и определенными характерными чертами культуры и психики находятся в разных государствах, т. е. не обладают ни социально-экономической, ни территориально-политической общностью, широко распространены. О масштабах этого явления свидетельствуют, в частности, такие данные: почти $\frac{2}{3}$ албанцев проживают в Албании, а около $\frac{1}{3}$ — в Югославии; примерно $\frac{2}{5}$ курдов — в Турции, более $\frac{1}{5}$ — в Иране и Ираке. «Рассеянность» этникозов — национальностей — по разным концам земного шара тоже достаточно наглядна: каждый шестой норвежец живет за пределами Норвегии; каждый восьмой литовец — за пределами СССР; каждый девятый англичанин — за пределами Великобритании; каждый десятый словак — за пределами ЧСФР.

Этникосы в реальной жизни не существуют вне общественных структур, которые их организуют. Этнос и социальные общности — от семьи до государства — существуют как бы в симбиозе.

Среди компактных этнических

образований особое место занимают те, что сопряжены с так называемыми социальными организмами. Под ними мы понимаем отдельные территориально-политические общности (общества), представляющие собой самостоятельные макроединицы общественного развития (племена — в первобытном обществе,

государства — в классовом). Возникающие при этом симбиозе особые образования во многих случаях обладают относительной самостоятельностью, обеспечивающей наиболее благоприятные условия для устойчивости этноса и его воспроизводства. Эти «синтетические» образования, являющиеся одной из важнейших форм

существования этноса, могут быть, на наш взгляд, определены как этносоциальные организмы.

Такого рода образования наряду с этнической (прежде всего культурной) обычно обладают и территориальной, экономической, социальной и политической общностью (это, так сказать, максимальный вариант).

Составляя, как известно, базис всех общественных явлений, в том числе этнических, социально-экономические факторы значительно подвижнее последних. Именно относительной консервативностью, а также определенной самостоятельностью этнических свойств и обусловлена возможность сохранения одного и того же по своим этническим параметрам этноса на протяжении нескольких социально-экономических формаций. Например, чешский этнос существовал и при феодализме и при капитализме, существует он и при социализме (именно поэтому мы говорим о чехах применительно и к феодальной, и к капиталистической, и к социалистической эпохам).

Иное дело — этносоциальный организм. Принадлежность к той или иной формации неизбежно придает ему особый характер. Могут быть выделены доклассовые (первобытнообщинные), античные (рабовладельческие), средневековые (феодалные), капиталистические и социалистические этносоциальные организмы. В советской литературе для последних двух типов используется термин «нация» (с подразделением на буржуазные и социалистические нации). Это важно подчеркнуть, поскольку термин «нация» в разных языках употребляется далеко не однозначно.

Один этнос может входить в несколько этносоциальных организмов: стоит опять вспомнить хотя бы украинцев СССР, США и Канады.

Удачное сравнение нашли Н. Н. Чебоксаров и С. А. Арутюнов: нации, народности и племена соотносятся с этносом, как разные формы вещества с элементом, из которого это вещество построено. «Углерод, например, оставаясь углеродом, существует на Земле либо в форме сажи, либо в форме графита, либо в форме алмаза и т. д., но всегда именно в какой-либо из этих форм. Так и отдельные этносы, скажем венгерский (мадьярский), грузинский, армянский, в разное время и на существенно различных территориях существовали вначале в виде племен, затем в виде средневековых народностей, потом буржуазных, а ныне существуют в виде социалистических наций, а также в виде обособленных национальных групп на терри-

тории основного расселения других народов...»

Этносы (в их двух основных формах) занимают центральное место в этнической структуре человечества. Но она не исчерпывается только ими. Сложность этой структуры проявляется как в обилии вариантов существования этносов и типов этнических общностей, так и в их иерархичности. Для обозначения всего этого типологического многообразия в XX веке стал использоваться целый арсенал специальных терминов.

С некоторыми из этих вариантов и типов мы вас и познакомим.

Прежде всего представляется целесообразным терминологически разграничить различные уровни этнической иерархии. Основными этническими подразделениями являются этносы — совокупности людей, обладающие наибольшей интенсивностью этнических свойств и выступающие в качестве самостоятельных единиц общественного развития.

Субэтническими подразделениями, или субэтносами, предложено называть входящие в состав этносов общности, где особые этнические свойства выражены с меньшей интенсивностью, чем в основных этнических единицах. Характерная черта субэтносов — наличие самосознания. Наконец, выделяются метаэтнические общности — образования, охватывающие по несколько этносов, но обладающие этническими свойствами меньшей интенсивности, чем каждый из таких этносов. С. И. Брук и Н. Н. Чебоксаров, предложившие термин «метаэтнические общности», отметили, что его введением подчеркиваются два обстоятельства: 1) метаэтническая общность представляет совокупность этносов (по аналогии с термином «метagalaktika») и 2) эти общности находятся в состоянии перехода, изменения состояния (по аналогии с понятием «метастабильное состояние»).

Поскольку предел делимости этноса, при котором в основном сохраняются его свойства, представляет отдельный человек, очевидно, что он является этнической микроединицей. Своеобразие этнофора в этнической иерархии заключается прежде всего в том, что в отличие от всех других ее подразделений он не способен само-

стоятельно обеспечить межпоколен-
ное воспроизводство этнических
свойств.

К микроэтносоциальным единицам
следует прежде всего отнести элемен-
тарнейшую общественную ячейку —
семью.

Промежуточное положение между
микроэтническими единицами и этно-

Семья негров США

Семья иранцев

Девушка-татарка в тради-
ционных сапожках

сами занимают субэтноты. Обычно их существование связано с осознанием групповых особенностей тех или иных компонентов культуры. Происхождение таких групп далеко не одинаково. В одних случаях это бывшие этноты, постепенно утратившие роль основных этнических подразделений, в других — бывшие этнографические груп-

пы, осознавшие свою общность, в третьих — социальные общности, обладающие специфическими чертами культуры (например, донские казаки). Могут быть выделены также субэтноты хозяйственно-культурного, лингвистического и административно-территориального происхождения. Особое место среди субэтнотосов при-

надлежит тем, что возникли на основе расовых групп. В частности, очевидно, негров США можно рассматривать не только как просто этнорасовую группу, но и в качестве субэтнуса североамериканской нации (этносоциального организма).

Таким образом, один и тот же человек может одновременно входить в несколько этнических общностей различных уровней. Например, можно считать себя русским (основное этническое подразделение), донским казаком (субэтнос) и славянином (метаэтническая общность).

Этнические общности во всем возможном их многообразии таксономических уровней следует отличать от так называемых этнографических образований. Такие образования выступают в двух основных разновидностях: этнографические группы и историко-этнографические общности.

Этнографические группы входят в состав этносов как их части; историко-этнографические общности, напротив, включают этносы в свой состав, однако у тех и других есть одна общая черта, которая и заставила, очевидно, ученых ввести в их определения древнегреческое «графо» — пишу. В отличие от групп и общностей этнических этнографические не выделяют сами себя среди окружающих, не обладают самосознанием, их приходится, так сказать, открывать со стороны. Казак, скажем, знает, что он не только русский, но и казак, однако северный великоросс не осознает себя именно как северный, не выделяет особо свои вполне конкретные отличия от великоросса южного.

И житель Юго-Восточной Азии, которого этнографы уверенно относят по культуре к соответствующей историко-этнографической общности, сам себя ее членом не осознает; у этой общности нет единого самосознания.

Все историко-этнографические общности формируются на протяжении длительных периодов в ходе культурного взаимодействия соседних народов. Поэтому структура их многослойна, а границы подвижны. Основные общие черты культуры они могут сохранять, однако, на протяжении многих поколений. Их скорее следует именовать традиционно-культур-

ными. Крупномасштабные общности этого типа — провинции — охватывают целые части света или большие группы соседствующих стран, меньшие — области — в свою очередь дробятся на подобласти и небольшие историко-культурные регионы, а в конечном счете на этнографические группы. Таким образом, складывается своеобразная иерархия историко-этнографических (традиционно-культурных) общностей: этнографическая группа, историко-этнографическая область и историко-этнографическая провинция. Например, Юго-Восточноазиатская провинция, по наблюдениям специалистов, на рубеже XIX—XX веков включала Западноиндокитайскую (Мьянма, Таиланд), Восточноиндокитайскую (Лаос, Камбоджа, Вьетнам), Западноиндонезийскую (Малайя, Суматра, Ява, Мадуро, Бали, Калимантан и соседние острова), Восточноиндонезийскую (весь остальной Малайский архипелаг) и Филиппинскую области. Другой пример — Сибирская историко-этнографическая провинция. В ней выделяются такие области, как Ямало-Таймырская, Западносибирская, Алтае-Саянская, Восточносибирская, Камчатско-Чукотская и Амуро-Сахалинская.

Впрочем, сложная это задача — точно определить критерии разграничения всех уровней историко-этнографических (традиционно-культурных) общностей. Мы ведь уже говорили о многослойности их культуры, весьма разнородной по происхождению, как и о размытых, неясных границах.

Можно выделить и, так сказать, однофакторные историко-культурные ареалы, в формировании которых главную роль сыграл какой-то один компонент культуры, разумеется накладывающий свой отпечаток и на другие ее традиционно-бытовые сферы. В роли такого фактора могут выступать язык или религия. Термины «мир ислама», «романский мир», «германский мир», «христианский мир» употребляются именно для определения ареалов этих типов.

Подобно этникосам историко-этнографические (традиционно-культурные) общности «пересекаются» с определенными социально-экономическими (как отдельными социальными организмами, так и целыми

группами социальных организмов, принадлежащих к одной социально-экономической формации). Например, Африканская тропическая историко-этнографическая провинция, включающая часть континента, расположенную южнее Сахары, еще в недавнем прошлом состояла из отставших в социально-экономичес-

ком отношении стран, являвшихся в подавляющем большинстве колониями европейских держав. В результате синтеза историко-этнографических и социально-экономических общностей складываются особые образования, которые условно могут быть названы «социокультурными регионами».

В каждый данный момент взаимопересечение огромного числа этих общностей самого различного вида образует сложную сеть, представляющую как бы пространственное строение культуры всего человечества. Во временном плане данная сеть, как и ее составляющие, основой которых, как правило, является тра-

диционная культура, отличается значительной устойчивостью. Большинство этих составляющих существует довольно длительное время, некоторые даже на протяжении нескольких социально-экономических формаций.

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на свою устойчивость, все историко-культурные общности (как этнические, так и историко-этнографические) представляют собой динамические явления, подверженные изменениям во времени. Такие изменения нередко сопровождаются трансформацией одного вида этих общностей в другой. Так, у этнографической группы может появиться сознание своей общности (самосознание) этнического характера, и она в таком случае превратится в субэтнос; в свою очередь субэтнос, утратив такого рода самосознание, может

трансформироваться в этнографическую группу. Аналогичные превращения могут также иметь место между метаэтническими общностями и теми видами историко-культурных макрообщностей (в том числе историко-этнографических), которые не обладают этническим самосознанием. Славянские народы в прошлом не имели общего самосознания — тогда заселенные славянами территории представляли собой этнографолингвистическую общность; с появлением такого общего самосознания, представления о том, что сербы, украинцы, чехи, русские — родня, славянство стало, говоря языком науки, метаэтнолингвистической общностью. Возможны также трансформации противоположной направленности. Этническая история человечества знает немало подобных превращений.

НЕ ТОЛЬКО СОСЕДИ

Взглянем на карту Средней Азии и Казахстана. Границы между союзными республиками нередко проникают друг в друга. Внутри границ Киргизии, например, есть четыре района, обведенных теми же линиями, какими обозначают границы союзных республик. Три таких «островка» принадлежат Узбекистану, один — Таджикистану, а еще кусочек Таджикистана находится внутри Узбекской ССР.

Сложность границ между народами Средней Азии и Казахстана — наследие и один из итогов их долгой, трудной и очень сложной истории, в результате которой возникла особая историко-этнографическая область.

Что такое Средняя Азия и Казахстан? По ландшафту — это степи, полупустыни, пустыни и горы. И конечно, оазисы, зеленые островки в мертвом зное пустынь. Но прежде всего степи, полупустыни, бесконечные просторы, продолжающиеся и к востоку от Восточного Казахстана и к западу — от Западного.

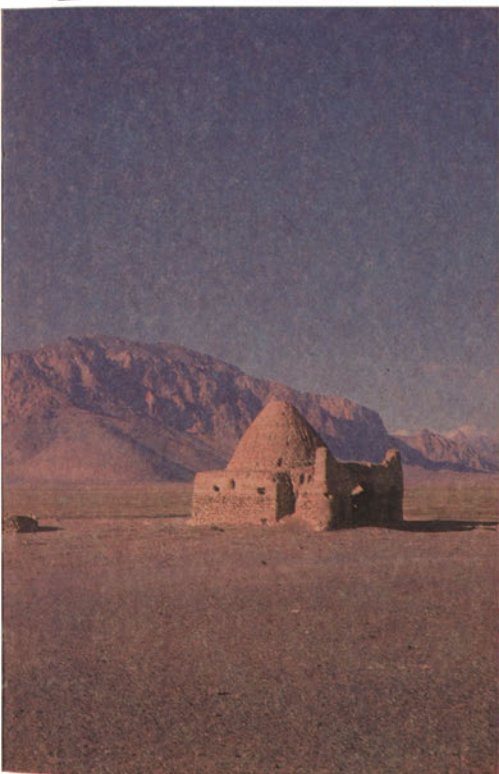
Когда-то — 3—5 тысяч лет назад — по этим землям прошли на восток племена, говорившие на древних индоевропейских языках. До Алтая и Монголии докатились они, оставив на северных границах Китая народ дин-линей.

Но в конце 1-го тысячелетия до н. э. и в 1-м тысячелетии н. э. движение по Великой степи шло уже главным образом с востока на запад.

Шли гунны — народ, по-видимому говоривший на тюркском языке. Шли древние тюрки, говорившие, естественно, по-тюркски. Шли монголы — задолго до Чингисхана. Целых пять веков должно было пройти до его походов, а в Средней Азии уже жили большие племена с чисто монгольскими именами: кайы, баят, баяндер.

С юга в VII веке н. э. пришли арабы, покорили значительную часть Средней Азии, ввели тут ислам — но прочного следа не оставили, разве что, возможно, с той далекой поры живут здесь маленькими группами арабы, да и то, наверное, те, кто появились много позже.

Гунны, тюрки, монголы — они приходили на уже занятые зем-

ли. Кем занятые? Их обитателей греки называли скифами, персы — саками. Иногда их звали еще массагетами. Возможно, для того, чтобы подчеркнуть сходство и связь среднеазиатских племен с тогдашними жителями нынешних Болгарии и Румынии — гетами.

По мнению специалистов по древней истории, у саков действительно была родня и на Балканах и в Северном Причерноморье — степи связывали ответвления единого праскифского дерева своей живой бесконечностью.

Персидские цари захлебывались в этом степном море, теряя

огромные армии под стрелами кочевников. Александр Македонский вонзал в грудь Средней Азии свои фаланги, забрасывая в сердце ее все новые и новые свои Александрии, города с греческим населением. Некоторые из них дожили до наших дней, в том числе бывшая Александрия Дальняя, потом называвшаяся Ходжендом (ныне она носит имя Ленинабад).

Греки жили бок о бок с местными племенами, торговали и смешивались с ними. Эллинская культура слилась с местной, не менее древней, и следы ее видны и в настоящем.

А на сако-массагетскую основу пришельцы накладывали все новые и новые узоры. Гунны, хиониты, белые гунны, эфталиты — впрочем, долго можно перечислять имена, которые давали персы и другие народы все новым и новым волнам тюркских племен, захлестнувших в середине 1-го тысячелетия н. э. Среднюю Азию. С каждым столетием все больше ее жителей говорило по-тюркски. Были, например, среди массагетов племена или союзы племен, известные соседям под красивыми именами «апасиаги» и «аугасии». Апасиаги, возможно, в конце концов стали хорошо знакомыми нам по русской истории печенегами — тюркским народом. И есть предположение, что аугасии как тюрки известны уже под именем «огузы». То, видимо, пришлые тюркские племена, приняв этнонимы местных жителей, ими покоренных, передали им свою речь.

А степь, для кого-то бывшая родиной, для другого стала все только дорогой. И новые племена шли в Казахстан и Среднюю Азию, покинув для этого Южную Сибирь.

В X веке н. э. в Среднюю Азию вторглись кипчаки. Родичи печенегов и огузов по языку, они повели себя здесь не по-родственному. Завоевателями, а не просителями явились сюда кипчаки. И кинулись печенеги на северо-запад, огузы — на юго-запад.

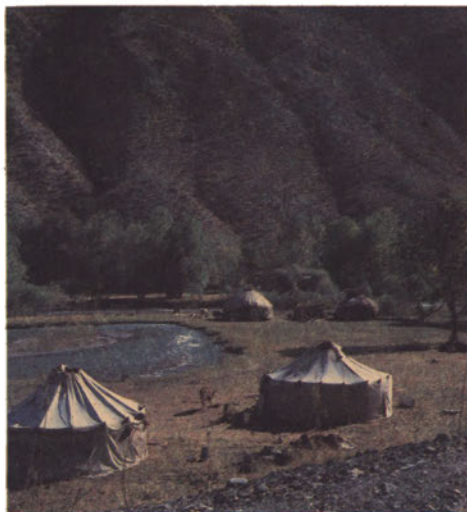
Те огузы, что расселились по нынешней Туркмении, стали одной из составных частей туркменского народа. Другие огузы, завоевав Азербайджан, оказались последним звеном в длинной цепи приходивших сюда век за веком тюркских племен. Еще часть огузов ушла дальше, на запад и юг, в Малую Азию и Иран.

Среди туркмен есть сегодня люди разного антропологического типа. Большинство явно относится к европеоидам, но встречаются и люди с достаточно четко выраженными монголоидными чертами. История запечатлена тут во внешности. Но не только в ней. Туркменский язык — тюркский — сохраняет следы древнеперсидской речи, хотя он принадлежит к огузской ветви тюркских языков; есть в нем признаки и кипчакского влияния, как есть они в культуре туркмен.

Туркменские племена стали сильно смешиваться между собой только в недавнее время. И не мудрено — племена были долго разделены не одними лишь племенными и бытовыми различиями, но часто и государственными границами Иранской державы, Хивинского и Бухарского ханств.

Имя «узбеки» первоначально закрепилось за тюркскими племенами Приаралья. Оно, по-видимому, перешло на народ от золотоордынского хана Узбека, правившего в начале XIV века. Само же слово «узбек» значит «истинный князь». Хан Узбек был чрезвычайно ревностным распространителем ислама, и его имя сначала приняли ставшие при нем мусульманами кочевые племена. Но современный узбекский народ складывался уже в XI—XII столетиях, между тем лишь в XVI веке кочевники-узбеки во главе с Шейбаниханом покорили нынешние восточные районы Узбекской ССР, заняли древние богатые города Самарканд и Бухару...

Узбекские племена смешались в оазисах Средней Азии и с оседлым тюркским и с древним коренным населением, происходившим от тех согдийцев и хорасмиев, что сражались еще с Александром

Македонским, «навещавшим» в своих походах и Среднюю Азию.

Впрочем, к XVI веку эти потомки согдийцев говорили часто уже на тюркских, а не на иранских языках. Их ведь иногда задевали краешком, а иногда и захлестывали с головой все предыдущие бесконечные нашествия на Среднюю Азию тюркских племен, приходивших в Самарканд и Бухару с востока, севера и запада.

Еще за пять веков до прихода племен, возглавляемых Шейбаниханом, путешественник Махмуд Кашгарский в этих местах видел людей, которые говорили только по-тюркски, и людей, говоривших

и по-тюркски и по-согдийски. Но уже тогда не удалось ему встретить местных жителей, которые знали бы один лишь согдийский язык. Тюркизация зашла уже далеко.

И в сложении узбекского народа гораздо более важную роль сыграли восточные земледельческие оседлые племена, чем завоеватели, передавшие новому единому народу свое имя.

На древней согдийской основе, «надстроенной» последующими пришельцами, которые тоже становились хозяевами, вырос современный узбекский народ — кровный родственник остальных народов Средней Азии. У казахов и узбеков, можно сказать, почти все народы-предки — общие. Только доля крови каждого из них — разная.

Жители первого государства казахского народа, государства, сложившегося в бассейне реки Чу, даже назывались узбеки-казахи.

Однако в истории казахского народа гораздо более важную, чем в истории узбеков, роль сыграли монгольские племена. Об этом убедительно рассказывает, в частности, казахский антрополог О. Исмагулов. Задолго, по крайней мере за семь веков, до вторжения войск Чингисхана они уже приходили сюда и смешивались с более древними жителями страны. В Казахстан бежали от Чингисхана кара-китаи, они же кидани (кстати сказать, от их имени произошло русское название Китая). Их примеру последовали другие монгольские племена, не признавшие сразу власти Чингисхана.

Затем сюда же пришли и монголы-победители. Некоторые монгольские племена быстро стали частью сложившегося в основном еще до их появления народа. Народа, который до сих пор говорит на языке, близком к кипчакскому. Из этого делают вывод, что узловым моментом в формировании казахского народа стало возникновение, еще до прихода монгольских завоевателей, кипчакских племенных союзов.

А к югу от узбеков живут таджики, оставшиеся ираноязычными. Благодаря горам Памира таджики оказались лучше, чем их западные, северные и восточные соседи, защищены от бесконечных нашествий и набегов кочевников и других завоевателей. Конечно, прорывались сюда и тюрки, и монголы, когда-то пришел Александр, позже арабы, еще позже пришлось жителям Припамирья признать власть Чингисхана и Тимура. Наконец, в XVI веке тот самый Шейбани-хан, что привел кочевых узбеков в Самарканд и Бухару, подчинил себе и земли таджиков.

Но даже на обычном глобусе средних размеров нетрудно увидеть характерное отличие Таджикистана от земель туркмен, узбеков, казахов. Зеленому цвету, которым обозначают низменность, на карте Таджикистана практически не нашлось места. Даже желтому цвету, избранному географами для изображения возвышенностей, почти ничего не досталось. Красно-коричневый цвет, назначенный отмечать собой горы, залил таджикские земли. Маловато здесь и высокогорных пастбищ, какими манила к себе скотоводов соседняя Киргизия. И завоеватели с Востока неохотно селились в этих непривычных им землях. Поэтому в облике таджиков меньше, чем во внешности других обитателей Средней Азии, монголоидный черт. И свой язык, из группы восточноиранских, предки таджиков сменили в конце 1-го тысячелетия н. э. не на тюркский, как их северные соседи, а на один из западноиранских языков.

Киргизы живут, как и таджики, в горах и межгорных долинах. Но Тянь-Шань все-таки оставляет больше места долинам, чем более суровый к людям Памир. И относительно более легкие проходы нередко ведут в эти долины.

В 1-м тысячелетии до н. э. на Тянь-Шане господствовали те же саки, что и в других местах Средней Азии. Оставшиеся от того вре-

мени черепа убедительно говорят об европеоидном происхождении своих бывших хозяев.

Киргизский языковед Б. М. Юнусалиев пришел к выводу, что современный киргизский язык сформировался за пределами Киргизии. Эта страна рассечена хребтами на несколько частей, но диалекты общего киргизского языка, на которых говорят в разных районах, очень мало отличаются друг от друга. По мнению Б. М. Юнусалиева, это показывает, что язык сравнительно недавно распространился на всю эту область. За более длительное время диалекты успели бы сильнее «разойтись». Современный киргизский язык сложился где-то в степи, не разорванной цепями гор, — видимо, на восточных подступах к Тянь-Шаню.

Почему же весь этот обширный район определяют как одну историко-этнографическую область?

Вы уже увидели, что многие группы предков у всех основных этносов Средней Азии и Казахстана — общие. Очень много общего у них и в культуре — от традиционных способов хозяйствования до одежды и обычаев.

На духовной культуре сказалось влияние принятого от арабов ислама — надо сказать, что при этом мусульманский культ в Средней Азии и Казахстане имеет свои особенности, и некоторые из них — общие сразу для нескольких районов региона.

Издавна общим был здесь также подход к искусству и архитектуре. Наконец, еще сильнее культурно сблизились народы этой большой области за десятилетия Советской власти.

2

Метрической системою владея,
Удобно шею или брюхо мерить.
Душевым меркам невозможно верить —
Портновская идея.

Борис Слуцкий

ЭТНОС И ПРИРОДА
РАСЫ
ПИРАМИДА ЯЗЫКОВ
СТРАНА И ВЕРА

ИМЯ В ВЕКАХ
ДУША НАРОДА
МЕЖДУ «НАМИ» И «НИМИ»

2 Географическая (природная) среда — неперенное условие возникновения и функционирования этноса, и ее изменения оказывают существенное влияние на собственно этнические процессы. К тому же географическая среда представляет «арену», на которой эти процессы разворачиваются. Приметы воздействия природных условий можно обнаружить в самых разных областях этнической культуры, начиная с орудий труда, предметов быта и кончая самими именами народов, этнонимами.

Так, климат во многом определяет особенности одежды и жилища, виды возделываемых сельскохозяйственных культур, от него зависят и средства транспорта. Характер почвы, рельефа, распределения рек и озер оказывает влияние на трудовую деятельность, прежде всего в сельскохозяйственной сфере, на тип сельских поселений (а часто и городских) и т. п. Естественные рубежи (горные хребты, пустыни, водные преграды), особенно на ранних ступенях развития общества, часто играют роль этнических границ. Состав местной растительности определяет материал жилища и его виды, а вместе с особенностями фауны сказывается на специфике повседневной жизни и даже культурно-хозяйственном развитии тех или иных народов (тут можно вспомнить для примера, как замедлилось в некоторых отношениях развитие аборигенных цивилизаций Америки из-за отсутствия животных, которые могли бы после одомашнивания стать рабочим скотом, и как резко изменило быт и хозяйство многих индейских племен появление в Америке лошади).

Характерные особенности географической среды (климата, почвы, рельефа, флоры, фауны и т. д.) оказывают также определенное влияние на отдельные стороны духовной культуры и психического склада этноса.

Это косвенно выражается прежде всего в отдельных специфических привычках, обычаях, обрядах, в которых проявляются черты быта народа, связанные с условиями его обитания. Этносам тропического пояса, например, незнакомы многие обычаи и обряды, характерные для народов умеренного пояса и связанные с сезонными циклами земледельческих работ. На Руси, скажем, издавна жил цикл обрядовых праздников: весенних, летних, осенних и зимних.

Находит отражение географическая среда и в этническом самосознании. Тут нельзя не напомнить, что ландшафты этнической территории запечатлеваются в сознании населяющих ее людей в виде представления о «родной земле». Некоторые элементы ландшафта либо в виде зрительных образов (береза у русских, тополь у украинцев, сакура у японцев и т. п.), либо в сочетании с топонимикой (реки Волга у русских, Днепр у украинцев, гора Фудзи у японцев и т. п.) становятся своего рода символами этнической принадлежности. О влиянии географической среды на этническое самосознание часто свидетельствуют и названия народов и этнических групп. Например, береговые чукчи называют себя «ан калын» — «морские жители», а одна из групп селюков, другого малого северного народа, — «леинкум», т. е. «таежные люди».

Наиболее ошутимое воздействие географическая среда оказывает на этнос (особенно на ранних стадиях общественного развития) в период его формирования, когда он как бы адаптируется, приспосабливается к своей природной «нише». Однако этот общеизвестный факт не следует абсолютизировать, ибо процесс трудового взаимодействия человека с природой непрерывен.

При этом следует иметь в виду, что географическая среда оказывает воз-

действие на этнос, как и на другие социальные общности, во многом опосредованно — через развитие производительных сил. Сложный механизм влияния природных условий на этнос, в частности, связан с тем, что развитие производительных сил, вовлекая в сферу производства новые, ранее не использовавшиеся компоненты природы (например, полезные ископаемые, гидроресурсы и т. п.), само оказывается в конечном счете в определенной зависимости от их потенциальных ресурсов и, следовательно, либо стимулируется, либо тормозится ими.

Стало быть, при рассмотрении влияния географической среды на развитие этнических процессов недопустимы как «географический нигилизм», так и преувеличение этого влияния. При перемене территорий (например, в результате переселения) этнос не только не исчезает, но и в значительной мере сохраняет свои черты. Об отсутствии «жесткой» взаимосвязи в системе «этнос и среда» свидетельствует и то, что отдельные народы далеко не одинаково используют различные возможности, предоставленные одним и тем же географическим ландшафтом для существования людей.

Выбор тех или иных такого рода возможностей зависит прежде всего от уровня социально-экономического развития общества. Не случайно в самых разных частях ойкумены у народов, находившихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития и в сходных природных условиях, нередко складывались аналогичные системы использования природных ресурсов, так называемые хозяйственно-культурные типы. Вместе с тем, как отмечал еще в XIX веке И. И. Мечников, «историческая ценность той или другой географической среды, предполагая даже, что она в физическом отношении при всех обстоятельствах остается неизменной, тем не менее бывает различна в разные исторические эпохи».

Особенно расширила соответствующие возможности промышленная революция, с которой связана победа капиталистического способа производства. В докапиталистический период обширные территории с

экстремальными физико-географическими условиями не имели достаточно благоприятных предпосылок для прогресса в области хозяйства, а тем самым для возникновения и последующего развития классовых обществ. Сюда относятся влажный экваториальный пояс, частично высокогорья и особенно полярная зона. Промышленная революция открыла новые возможности для использования природных ресурсов, в том числе в экстремальных условиях.

Но при всей значимости уровня социально-экономического развития человеческих коллективов для использования ими ресурсов отдельных ландшафтных зон вид хозяйственной деятельности в пределах таких зон не может зависеть только от этого фактора. Дело в том, что истории известно немало случаев, когда народы, находившиеся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития и в одинаковых природных условиях, не создавали одних и тех же хозяйственно-культурных типов, используя аналогичные ресурсы весьма различно. Такого рода изменчивость обусловлена в первую очередь специфическими культурными традициями отдельных этнических общностей. Она может проявляться в самых разнообразных сферах взаимодействия человека и природы.

Уже на стадии присваивающего хозяйства, примерно в одних и тех же природных условиях, отдельные этнические общности подчас по-разному используют «средства жизни». При этом наблюдается весьма устойчивая связь производственных навыков с этносом. В качестве примера показателна судьба племени марабри в Таиланде — охотников и собирателей. Несмотря на регулярные экономические контакты с более развитыми соседями — различными тайскими народами (некоторые группы марабри перешли даже на тайский язык), они до сих пор не знакомы даже с зачатками земледелия. Хозяйственная деятельность их сводится к собирательству и загонной охоте. Мужчины, вооруженные копьями длиной 2—2,4 метра, охотятся на диких зверей, крыс, змей. Лука и стрел марабри не знают. Женщины и дети занимаются собиранием клубней, диких плодов, меда, воска, червей. Единственные

домашние животные у них — черные собаки.

Кадары Южной Индии — собиратели. В настоящее время в их жизни ведущую роль играет как денежный, так и прямой обмен с соседями. Если еще несколько десятилетий назад все основные потребности кадаров могли быть удовлетворены собственными силами, то сейчас лишение кадаров обмена означало бы полный развал их хозяйства. И тем не менее кадары остаются собирателями, и внешне это выглядит, как и раньше: значительную часть года они проводят в более или менее продолжительных походах за лесными продуктами. Но теперь кадара интересуют не съедобные корни, а те предметы, которые в данный момент пользуются большим спросом на индийском рынке: имбирь, кардамон, мед, ценная древесина и т. д.

Что касается скотоводческих народов, то устойчивость их хозяйственной традиции общеизвестна. Об этом, в частности, наглядно свидетельствует история многочисленных средневековых нашествий кочевников на оседлое население Евразии, сопровождавшихся обычно превращением значительной части земледельческих угодий в пастбища. Этническую окрашенность скотоводческих традиций (но несколько в ином плане) можно показать на примере скотоводов-влахов, ведущих свое происхождение от древнего романизированного населения Балканского полуострова. Представление о том, что влахи — непременно пастухи, настолько прочно утвердилось в сознании окружающих их народов, что в позднее средневековье в Балкано-Карпатском регионе влахами стали именовать также славян, занимающихся отгонным скотоводством.

О прочных хозяйственных традициях народов свидетельствует и история земледелия. В этом отношении достаточно показателен пример русских переселенцев в Сибири в XVII—XIX веках, приложивших огромные усилия для приспособления традиционных приемов хлебопашества к условиям вновь осваиваемых территорий. Устойчивая связь систем земледелия с этносом наблюдается и в наше время, особенно в тех регионах земного шара, где капиталистические

отношения еще не проникли в земледелие или это проникновение пока слабо, как, например, в странах Юго-Восточной Азии. Тут можно упомянуть прежде всего малайцев, ведущих исключительно орошаемое пашенное земледелие, или многочисленные горные народы, занимающиеся подсечно-огневым земледелием. Подобные системы земледелия обычно не учитывают и далеко не используют всего многообразия местных почвенно-климатических условий.

Дает подчас себя знать этническая дифференциация хозяйственных традиций, касающихся средств жизни, и в условиях социализма. Одним из свидетельств этого может служить сохранение определенной сельскохозяйственной специализации у трех населяющих Забайкалье (притом нередко чересполосно) народов: бурят, русских и эвенков. Если у русских главной отраслью сельского хозяйства остается земледелие, то у бурят, хотя оно и получило под влиянием русских заметное распространение, все же ведущее значение сохраняет скотоводство. Что касается эвенков, то для их хозяйства до сих пор характерно сочетание трех отраслей: охоты, оленеводства и рыболовства.

Исторически хозяйственная специализация каждого этноса, как правило, обусловлена соотношением в момент возникновения этой специализации двух факторов: уровня социально-экономического развития и характера среды обитания. Именно от них прежде всего зависит выбор данным этносом того или иного способа (оригинального либо заимствованного) использования естественных средств жизни. Но насколько прочно в нем закрепится такая хозяйственная система, во многом определяется тем, как сложится социально-экономическая жизнь народа и сохранится ли неизменной природная среда. В случае их длительной стабильности сложившаяся система хозяйства становится традиционной и поддерживается как бы по инерции.

Перебравшиеся в Калифорнию армяне-земледельцы и там занимаются земледелием, причем часто традиционным садоводством и виноградарством. Однако баски в Аргентине, сохраняя нередко земляческие связи, в большинстве своем изменили tradi-

ционными занятиям своей горной родины.

Да и оставаясь на месте, народ может во многом сменить традиционные способы, приемы, объекты своей производственной деятельности. С появлением в Европе и Азии кукурузы она была довольно быстро освоена самыми разными народами —

Ландшафт в Пенсильвании.
США

Степной пейзаж. Северный
Китай

от португальцев до румын, от абхазцев до раджастанцев.

Когда-то переход первобытных племен к земледелию и скотоводству был подлинной революцией — археологи так и говорят о неолитической революции. Вряд ли при этом переходе освоившие земледелие или скотоводство общины тут же меняли

свой этнический облик.

А в последние столетия идет великая промышленная революция, способы хозяйствования у большинства населения Земли меняются коренным образом, и национальные производственные традиции вынуждены отступать. Это, разумеется, сказывается на судьбах народов, на этнических про-

цессах, но не ведет ведь к преобразованию пережившего промышленный переворот этноса в нечто принципиально новое.

Вот несколько достаточно показательных, как нам представляется, примеров влияния на ход этнической истории как стабильности природных условий, так и их изменений в более или менее обширных регионах.

По мнению многих специалистов, причины знаменитых походов арабов после принятия ими ислама, изменивших этническую картину огромной части мира, связаны не только с социальным развитием арабских племен, но и с географическими особенностями их родины, с климатическими и другими изменениями, происходившими на территории Аравийского полуострова.

Когда Аравия впервые была заселена человеком, значительную часть ее занимали леса и благодатные степи. Сегодня же только отдельные и сравнительно небольшие участки огромного полуострова могут гордиться роскошными садами и плодородными землями. Дело в том, что еще тысячи лет назад на полуострове началось и до сих пор продолжается великое наступление пустыни.

Песок постепенно заносил многие реки и каналы, все большее число жителей страны было вынуждено менять привычное им земледелие на кочевое скотоводство.

Вот как характеризует эту историческую ситуацию советский арабист Г. Бауэр: «Земля в центре скудела, не имея возможности прокормить стада все увеличивающегося числа кочевников. Оазисы были заполнены... Когда же происходили стихийные бедствия, вызывавшие неурожай и т. п., Аравия мгновенно оказывалась территорией, до отказа перенаселенной (относительно, разумеется), и избыточное население, стихийно осознавшее себя как лишних людей в своем негостеприимном доме, покидало его. Быть может, именно так происходил процесс заселения семитами Двуречья и Палестины, вызвавший впоследствии создание Вавилона и Ассирии, Угарита и Древнего Израиля».

А пустыня все продолжает наступать. Между тем на северных границах полуострова при участии, как видите, выходцев с его земель возни-

кли мощные державы; грозные Вавилон и Ассирия пали, но на их месте располагались теперь владения не менее могучих Византии и Ирана; плотно заселенные, они мешали прежнему выходу из экологического кризиса за счет постепенной миграции. В результате, отмечает Г. Бауэр, «к началу VII в. Аравия походила на гигантский котел с давлением внутри его, давно превысившим допустимое... Взрыв этого котла и поверг полмира к ногам вчерашних бедуинов...».

Теперь взглянем на глобус и сравним между собой разные части света. Хотя, собственно говоря, такое сравнение нечего делать заново. Его уже сделал в свое время В. О. Ключевский:

«Две географические особенности отличают Европу от других частей света и от Азии преимущественно. Это, во-первых, разнообразие форм поверхности и, во-вторых, чрезвычайно извилистые очертания морских берегов. Известно, какое сильное и разностороннее действие на жизнь страны оказывают обе эти особенности. Европе принадлежит первенство в силе, с какою действуют в ней эти условия. Нигде горные хребты, плоскогорья и равнины не сменяют друг друга так часто, на таких сравнительно малых пространствах, как в Европе. С другой стороны, глубокие заливы, далеко выдающиеся полуострова, мысы образуют как бы береговое кружево Западной и Южной Европы. Здесь на 30 квадратных миль материкового пространства приходится одна миля морского берега, тогда как в Азии одна миля морского берега приходится на 100 квадратных миль материкового пространства».

Два выделенных В. О. Ключевским географических фактора, безусловно, сыграли свою роль в развитии капитализма. Есть основания полагать, что их влияние начало чувствоваться гораздо раньше, хотя проявлялось оно с далеко не одинаковой силой, и это зависело прежде всего от уровня развития общества.

В железном веке центр тяжести исторических процессов из Египта и Месопотамии постепенно передвинулся в зону Европы, прежде всего на ее юг.

Вступить на дорогу, ведущую к цивилизации, Европа смогла сравнительно поздно: на ее почве и в ее климатических условиях для получения прибавочного продукта деревянной сохи оказалось недостаточно, здесь требовался металл. Как только он появился, Греция и Италия стали довольно быстро развиваться, в исто-

рически короткие сроки во многих отношениях опередив цивилизации Ближнего Востока.

Разнообразие природных условий, по-видимому, издавна стимулировало в Европе обмен между общинами, а извилистость берегов способствовала развитию рыболовства, которое, по авторитетному мнению ученых, уско-

ряло переход к оседлости.

Разумеется, те же факторы вызывали при сходных социальных условиях аналогичные последствия и в других частях земного шара.

Наконец, одни и те же географические условия на разных уровнях общественного развития проявляют себя различно. Мексика и Перу, где разно-

образии природной среды благоприятно сказалось в свое время на становлении древних цивилизаций, лишь относительно недавно, после тяжелого колониального периода, стали капиталистическими.

Чрезвычайный пример роли географических условий на определенном этапе общественного развития — судьба древнегреческого этноса.

Наследие Греции в огромной мере пронизывает нашу сегодняшнюю жизнь. Мы встречаемся с ним не только в музеях, но и на улицах и дома. Науки, родившиеся в XIX и XX веках н. э., их создатели называют громкими греческими именами. Да, конечно, это звучит: кибернетика, геохимия, синергетика! Часто мы и сами носим древнегреческие по происхождению имена. Это относится, например, ко всем Андреям, Алексеям, Александрам, Артемам, а также Еленам, Вероникам, Софьям. В Древней Греции была создана значительная часть того фундамента, на котором затем вознеслось здание науки, там же было создано искусство, послужившее образцом для многих поколений людей во всем мире.

Имел ли значение для этой поразительной исторической роли Древней Греции, для феномена, который мы называем древнегреческим этносом, характер ее природных условий?

Вот как писал советский искусствовед М. В. Алпатов о Греции: «Греческая природа помогла человеку создавать формы общности. Море, бухты, заливы, горы разделяли, но и помогали выработке самостоятельности каждой местной общиной. Но преграды эти не были непроходимыми: люди переплывали через моря, переходили горы, каждый крестьянин жил, укрытый горами, а в трудные дни вторжения врагов они завлекали их в узкую теснину и уничтожали... несмотря на их превосходство. В стране, изрезанной морем, раздробленной горными кряжами, возникали небольшие государства, но в смертельной опасности они могли позабыть взаимные претензии, объединить силы и дружно двинуться на врага. Здесь действовали и кровные связи, и общность интересов, и общий язык, но не последним доводом было и то, что человек всю страну видел как бы накрытой одним голубым небосводом».

Не М. В. Алпатов первым дал такое объяснение «греческому чуду». И еще в XVIII—XIX веках не раз против такого объяснения возражали, даже издеваясь при этом, например, над идеей, что прозрачность греческого воздуха породила великую скульптуру.

Ну, а на самом деле?

Посмотрим на карту маленькой страны, где сложился когда-то «народ героев и богов», как назвал греков А. С. Пушкин.

Обе географические особенности, отмеченные для Европы В. О. Ключевским, в наивысшей мере проявляются на территории Греции. Вот что об этом говорится в энциклопедии Брокгауза и Ефрона: «В географическом отношении Греция характеризуется необыкновенной извилистостью и изрезанностью ее берегов и гористым, крайне пересеченным рельефом ее поверхности... По расчлененности берегов Греция занимает первое место во всем свете; если бы собрать всю массу ее островов и полуостровов в одну компактную площадь круглой формы, то отношение длины берега этой нерасчлененной массы к длине действительных берегов Греции равнялось бы 1:3,5, между тем как подобное отношение, примененное, например, к берегам Италии, не дало бы даже 1:2».

И климат Греции очень зависит от местности. В Афинах число ясных, безоблачных дней в году примерно то же, что и в расположенных по другую сторону Средиземного моря Каире и Суэце. Между тем в горах Пелопоннеского полуострова, хотя они и невысоки, по девять месяцев в году лежит снег, сходя только к июлю. Есть здесь области, где дожди идут зимой, а есть другие, где они бывают в основном летом. Греческая флора включает в себя растения, характерные и для Скандинавского и для Пиренейского полуостровов.

Географического разнообразия маленькой страны могло бы, пожалуй, хватить на целый континент.

Так какая же доля «ответственности» за возникновение здесь великой цивилизации ложится именно на это обстоятельство?

При ответе на этот вопрос приходится вспомнить, однако, что рельеф, климат, многие характерные черты

флоры Греции остались прежними, между тем Греция сейчас представляет собой единое государство, к тому же не самое развитое на Земле.

Конечно, в том-то и дело, что определяющим в истории является способ производства. Географические условия выполняют свою роль стимуляторов и замедлителей исторического развития постольку, поскольку это позволяет им развитие способа производства. Поэтому скажем осторожно: единственной и даже главной причиной расцвета Греции географические особенности не были, однако они, безусловно, способствовали этому расцвету.

Извилистые берега, бесчисленные удобные бухты и бухточки, острова и полуострова помогли развитию сначала рыболовства, а потом мореплавания.

В Греции было множество живших по-своему обществ, развивавших между собой торговлю и обмен культурными достижениями. Все мы помним Афины, Спарту, Фивы, может быть, еще несколько городов-государств, но ведь всего их насчитывалось, по некоторым оценкам, до двух тысяч.

Это поразительное явление стало возможным в значительной степени благодаря природным условиям Греции: одни государства возникали на островах и полуостровах и были защищены от врагов прежде всего морем; другие существовали самостоятельно под охраной горных хребтов, изолировавших их от соседей.

Но изоляция эта практически нигде не была непреодолимой, а удобство морских связей способствовало сближению племенных наречий и раннему появлению общего этнического самосознания, отраженного уже в поэмах Гомера.

Природные особенности Греции «сделали» для народа этой страны и тем самым для человечества все, что смогли. В новых социальных условиях, на более высокой стадии развития рабовладельческого общества изрезанность страны, которая вела к географической изоляции ее отдельных частей, становилась минусом. Разрозненные силы греческих городов-государств во второй половине 1-го тысячелетия до н. э. оказались не в силах сопротивляться мощным ударам вели-

ких античных держав — Македонии, а потом Рима.

Италия, между прочим, имела в новых условиях то преимущество перед Грецией в географическом отношении, что Апеннинский полуостров не разделен горами в такой степени, как Южные Балканы, и здесь единое Римское государство сложилось относительно более легко.

Русские историки давно обратили внимание на роль для нашей истории географических особенностей Восточно-Европейской равнины. Именно с разбора их начинается свой многотомный труд по истории России С. М. Соловьев. Первый подраздел этого труда называется: «Природа русской государственной области и ее влияние на историю».

«Перед нами, — писал С. М. Соловьев, — обширная равнина: на огромном расстоянии от Белого моря до Черного и от Балтийского до Каспийского путешественник не встретит сколько-нибудь значительных возвышений, не заметит ни в чем резких переходов. Однообразие природных форм исключает областные привязанности, ведет народонаселение к однообразным занятиям; однообразие занятий производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях; одинаковость нравов, обычаев и верований исключает враждебные столкновения; одинаковые потребности указывают одинаковые средства к их удовлетворению, — и равнина, как бы она ни была обширна, как бы ни было вначале разноплеменно ее население, рано или поздно станет областью одного государства...»

Может быть, здесь все-таки стоит вспомнить, что Восточная Европа не стала единым государством в скифское время, что почти до самого конца 1-го тысячелетия н. э. Восточная Европа являет картину бесчисленных племен и племенных союзов; люди здесь говорят на множестве языков, народы часто разделяются политической враждой или по крайней мере взаимным равнодушием. Но ведь, с другой стороны, почти до конца 1-го тысячелетия здесь не было социально-экономических условий для появления «настоящего» государства, а как только они возникли, Киевская Русь действительно с поразительной быстротой оказалась рас-

кинутой на территории в миллионы квадратных километров. Территории, где жили не только славянские, но и финские, балтские, тюркские племена, а также остатки древних фракийцев, скифов, сарматов. И это распространение власти Киева, безусловно, облегчалось однообразием восточноевропейской природы. И расселение восточных славян было тоже этим облегчено: не приходилось на каждом новом месте преобразовывать хозяйственно-культурный комплекс, приспособлявая его к новым условиям жизни — те попросту оставались прежними.

В. И. Ленин говорил о географических границах в ранний период истории: «И общество и государство тогда были гораздо мельче, чем теперь, располагали несравненно более слабым аппаратом связи — тогда не было теперешних средств сообщения. Горы, реки и моря служили неизменно большими препятствиями, чем теперь, и образование государства шло в пределах географических границ, гораздо более узких»¹.

Так именно в рамках географических, т. е. заданных природой, границ возникло первое общерусское государство — Киевская Русь.

Но социальные процессы часто сходно идут на очень разных в природном отношении землях. Феодалная раздробленность неизбежно возникает на определенном этапе развития феодализма — и на Руси эта закономерность проявилась не менее явно, чем в относительно более разнообразных по географическому рельефу Франции или Германии.

Как не сказать еще, что со времен Геродота историки и географы обращали в Восточной Европе особое внимание на реки. По рекам плыли купеческие суда и ладьи с воинами, крепившими политическое единство. Путь «из варяг в греки» проходил по рекам. По рекам часто шло расселение восточнославянских племен; в дальнейшем с бассейнами рек оказались связаны и феодальные княжества развитого русского средневековья.

В. О. Ключевский подчеркивал, что «центробежное действие речной сети сдерживалось другой ее особенностью. Взаимная близость главных

речных бассейнов равнины при содействии однообразной формы поверхности не позволяла размещавшимся по ним частям населения обособляться друг от друга, замыкаться в изолированные гидрографические клетки, поддерживала общение между ними, подготавливала народное единство и содействовала государственному объединению страны».

Трудно сказать о значении реки, леса и степи для русской истории лучше, чем это сделал русский историк:

«Лес... был многовековой обстановкой русской жизни: до второй половины XVIII века жизнь наибольшей части русского народа шла в лесной полосе нашей равнины... Лес оказывал русскому человеку разнообразные услуги — хозяйственные, политические и даже нравственные: обстраивал его сосной и дубом, отапливал березой и осиною, обзаводил домашней посудой и мочалом, питал народное хозяйство пушным зверем и лесной пчелой. Лес служил самым надежным убежищем от внешних врагов, заменяя русскому человеку горы и замки».

О реке В. О. Ключевский пишет, что она «является даже своего рода воспитательницей чувств порядка и общественного духа в народе... воспитывала дух предприимчивости, привычку к совместному, артельному действию, заставляла размышлять и изловчаться, сближала разбросанные части населения, приучала чувствовать себя членом общества, общаться с чужими людьми, наблюдать их нравы и интересы, меняться товаром и опытом, знать обхождение. Так разнообразна была историческая служба русской реки».

К сожалению, между 20-ми и 60-ми годами в нашей историографии стало хорошим тоном преуменьшать роль географической среды для исторических процессов. В какой-то степени это было реакцией, пожалуй, даже естественной, но явно чрезмерной — на попытки ряда западноевропейских историков и географов объяснять исторические события прежде всего и главным образом географическими условиями.

Сторонники географического детерминизма видели в природных условиях каждой страны нечто вроде сцены, которая сама задает актерам роли

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 74.

и вкладывает в их уста реплики. Рельеф, климат, близость к морю или удаленность от него выступали на правах рока древних, обрекая изначально одну страну на самодержавную власть, другой обеспечивая права демократии и т. д. Конечно, эта крайняя точка зрения опровергается историческими фактами, однако природ-

Уборка сена в отрогах
Татр. Польша

Стоянка чабанов. Киргизия

Сельский пейзаж. Эстония

ные условия — вещь реальная, и они взаимодействуют с подлинно определяющими ход истории социальными процессами, в том числе и этническими.

В истории каждого этноса нашей планеты можно найти конкретные свидетельства роли для него географической среды.

Можно было бы очень многое рассказать о том, как отразилась природа на судьбе Франции, четко наметив, в частности, горами и морем ее географические границы.

Можно вспомнить, что в Средней Азии, в ограниченном горами Таджикистане, народ говорит, как и в далекой древности, на языке иранской

группы, а между тем все другие среднеазиатские народы, его соседи, живущие в степях или более доступных горах, уже давно перешли на тюркские языки, хотя когда-то их предки были в большинстве ираноязычными.

Очень наглядно сказалось островное положение на исторических судьбах народов, населяющих крайний запад и крайний восток Евразии.

Англия и Япония, крайний запад Евразии и крайний ее восток... История словно нарочно придумала два этих островных мира, чтобы продемонстрировать влияние на судьбы островного положения.

Сегодня и Англия и Япония принадлежат к числу наиболее развитых в экономическом отношении капиталистических государств, причем если Англия разделяет судьбу ряда других западноевропейских стран, то пример Японии уникален для Восточной Азии. Не будем сейчас вдаваться в социально-исторические причины того, как Япония стала таким исключением. В данный момент нас будет интересовать прежде всего роль для социально-исторического развития Японии ее островного положения. И тут параллель с Англией действительно напрашивается сама собой.

Островное положение при изрезанных берегах, во-первых, почти всегда стимулирует развитие рыболовства и мореплавания. Однако надо сказать, что в Японии в XVII веке феодальное правительство приняло энергичные меры борьбы против дальней морской торговли и кораблестроения. Это способствовало в дальнейшем отсталости страны. Но как только в середине XIX века политическая ситуация изменилась, Япония навестала упущенное.

Одно из огромных географических преимуществ Японии — длина ее побережий. 72 метра побережья на каждый квадратный километр территории — вдвое больше, чем в Англии, в двенадцать раз больше, чем в США. Этот фактор обеспечивает возможность интенсивнейших связей по морю между японскими портами. А в XX веке, когда Япония стала одной из крупнейших участниц мирового рынка, он позволял каждому или почти каждому предприятию, получающему сырье из-за границы и отправля-

ющему готовую продукцию на экспорт, иметь собственный порт. Дешевизна морских перевозок ставит их вне конкуренции. То, что в Японии, где чрезвычайно развита внутренняя железнодорожная сеть, железные дороги очень мало используются для перевозки товаров, — следствие этой дешевизны. На карте Европы практически рядом лежат Лотарингия (во Франции) с ее мощным железорудным бассейном и Рур (в ФРГ), где сверх всего прочего добывается каменный уголь. Так вот, перевезти по железной дороге тонну коксующегося угля из Рура в Лотарингию, для ее сталеплавильных заводов, стоит дороже, чем доставить такую же тонну угля из Австралии в Японию.

В Англии уже в средние века кораблестроение поощрялось, и это было одной из причин того, что англичане заняли ведущее положение в международной морской торговле, что в свою очередь стимулировало развитие капитализма в стране, а в дальнейшем сделало Англию мощной колониальной державой.

Часто можно слышать об оборонных преимуществах островного положения той или иной страны. Однако в течение долгих веков и даже тысячелетий Англия и Япония хоть и находились на островах, но не были избавлены от вторжений и даже массовых переселений на свою территорию новых народов.

Например, две с лишним тысячи лет назад в уже давно заселенную Японию переправились люди ямато, ассимилировавшие или оттеснившие на север аборигенов страны — айнов.

В Англию, тоже издавна заселенную, в середине 1-го тысячелетия до н. э. проникли кельты-бритты, на рубеже нашей эры — римляне, в середине 1-го тысячелетия н. э. — германские племена англов, саксов, ютов. Северную часть острова (нынешнюю Шотландию) захватили выходцы из Ирландии. В значительной части Англии долго господствовали датчане, а время знаменитых походов норманнов было для всей Великобритании особенно трагичным — именно в силу ее островного положения и изрезанности берегов, открывавших доступ в глубь страны морским разбойникам. В XI веке произошло последнее чужеземное завоевание Англии францу-

женными норманнами во главе с нормандским герцогом Вильгельмом, заявившим права на ее трон. Все перечисленные народы сыграли свою роль в этногенезе современных англичан.

Уже более девяти столетий Англия (как Япония с гораздо более древнего времени) не подвергалась иноземным нашествиям.

Многочисленные попытки вторжений, предпринимавшиеся французскими и испанскими королями на западе, китайскими и монгольскими властями на востоке, не увенчались успехом.

Ла-Манш стал такой же надежной защитой для Британии, какой усеянные рифами проливы, опасное течение в море и стремительно налетающие ветры были для Японии.

И Вильям Шекспир на рубеже XVI и XVII веков говорил устами одного из героев своих «исторических хроник»:

Сей новый рай земной, второй Эдем,
От натисков безжалостной войны
Самой природой сложенная крепость,
Счастливейшего племени отчизна,
Сей мир особый, дивный сей алмаз
В серебряной оправе океана,
Который словно замковой стеной
Иль рвом защитным ограждает остров
От зависти не столь счастливых стран...

Но, как мы видели, все такие преграды не были препятствием на пути иноземцев, пока общество в Англии и Японии не достигло относительно высокого уровня развития.

Это подтверждает история еще одного острова, находящегося по соседству с Великобританией.

Для Ирландии ее положение «через пролив» от Великобритании обернулось с XII века трагедией: Ирландия постепенно стала первой колонией своей могущественной соседки.

Между тем в древней истории Ирландии были поразительные страницы, о которых стоит рассказать, так как они характерны для прошлого многих островных стран. Эти страны нередко оказывались убежищем для культуры, страдающей во время бурных событий, прокатывающихся по соседнему матерiku. В раннем средневековье в пору кровавых войн между молодыми феодальными государствами, сложившимися на развалинах Римской империи, Ирландия оказа-

лась на несколько столетий одним из крупнейших западноевропейских культурных центров.

Беглецы с материка принесли сюда многочисленные античные достижения в области письменной культуры, науки и искусства. Ирландские миссионеры «просвещали» в VI—VIII веках правителей и население варварских государств на территории современных Франции, Бельгии, Голландии, Италии, ГДР, ФРГ и Швейцарии. Позже, однако, социальное развитие Ирландии относительно замедлилось, и страну захватила Англия, где раньше кончился период феодальной раздробленности.

Экономисты считают, что на высоком качестве британских изделий сказалось помимо всего прочего островное положение Англии. Англия издавна была вынуждена ввозить сырье, которое обходилось дорого, так как путешествовало и по морю и по суше. Естественно, англичане старались ввозить поменьше сырья, вкладывая зато в его обработку максимум квалифицированного труда.

Советский военный исследователь В. И. Скопин в книге «Милитаризм» отмечает, что врожденная привычка и национальная привязанность к морю отражаются на английских методах ведения военных действий. И не только на море. В. И. Скопин говорит об особом искусстве британских вооруженных сил в организации и проведении десантов; с другой стороны, эти же привычка и привязанность к морю ограничивают развитие британской армией сухопутных операций. Как видно, влияние географической среды на то, что принято называть национальным характером, ведет порою к дальним и очень практическим последствиям.

В. И. Скопин указывает, что и на особенностях японских армии и флота и на японской военной доктрине сказались не только ожесточенная многовековая классовая борьба между феодалами и трудящимися Японии, а также борьба внутри правящего класса, но и географические особенности Японских островов и характер, «пожалуй, единственной на земном шаре японской природы, которая чередует то свои щедрые дары, то свои убийственные удары по народу, населяющему Японию... Борьба с внезап-

ными проявлениями стихий вошла в привычку японского народа, воспитав в нем бесстрашие и находчивость, веру в свои силы и редкое терпение. Понятно, что подобные национальные черты характера переделывались реакционной политической системой в шовинизм, надменность, агрессивность».

Мнение о влиянии географической среды на то, что называют этническим или национальным характером, поддерживается многими учеными-обществоведами.

«Длительное, многовековое пребывание народа в определенной местности отражается, конечно, на его экономике, обычаях, психическом складе, сказывается на материальной и духовной культуре», — писал советский этнограф П. И. Кушнер.

Горцы в обыденной жизни, по общему как будто мнению, бывают более замкнутыми и молчаливыми, чем жители равнин. Это в общем понятно (хотя есть и очень говорливые горцы); в горах обычно людям приходится поневоле жить небольшими замкнутыми группами, и возможность общения между ними здесь меньше.

Различия в манере поведения между южанами и северянами казались заметными еще в глубокой древности (таким различиям придавалось даже несомненно большое значение). Что ж, горячность и пылкость жителей Кавказа достаточно бросаются в глаза, если сопоставить, скажем, абхазца и карела.

Правда, всегда трудно определить, что в поведении связано с традиционным образом жизни, в решающей мере определяемым социальными условиями, а что идет от географических условий, сказывающихся в какой-то степени на этом образе жизни.

Н. Г. Чернышевский справедливо возмущался: «Есть избитая фраза: «Южные народы ленивы; знойный климат расслабляет их энергию» — это избитая фраза, и больше ничего. Пороки и добродетели не принадлежат тому или другому земному поясу».

Можно ли говорить о лени жителей юга, если именно в южных странах возникли и земледелие, и цивилизация?

Однако какие-то связи есть между

человеческим характером и родной природой. Мир поворачивается к каждому из нас его родной землей. Она насыщает наши глаза то молодой травой, то пушистым снегом, она открывает нам стволы берез или гигантским ветром вознесенные высоко над землей листья пальмы.

Образы родной природы становятся не только частью нашей жизни, на них строятся наши мысли и чувства, прямо с природой не связанные. Вот, скажем, для северян со щемяющим чувством грусти связан вид осеннего журавлиного клина. Так ли воспринимают весенний отлет журавлей на север жители Египта?

Русская береза! Как они воспеты, «милые березовые рощи»!

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть, —

писал Сергей Есенин.

Весь край этот, милый навеки,
В стволах белокрылых берез... —

начинает стихотворение военных лет Дмитрий Кедрин.

И Константин Симонов в стихах 1941 года говорил:

Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать.

А для Японии символом страны стала вишня — сакура. Та самая, перед которой чувствовал себя в долгу Маяковский, потому что не успел про нее написать.

Вот что пишет о сакуре В. Овчинников в книге «Сто первый лик Фудзи»: «Чтобы понять душу Японии, нужно увидеть ее весной, когда цветет вишня, ибо лепестки сакуры — это поэтическое образное воплощение японского национального характера... Мало повторить эту излюбленную фразу туристских путеводителей. Надо объяснить, почему же так любят, так почитают японцы именно эти розовые соцветия.

Весна не приносит с собой на Японские острова того борения стихий, когда реки взламывают ледяные оковы и талые воды превращают равнины в безбрежные моря. Долгожданная пора пробуждения природы в

стране начинается внезапной и буйной вспышкой цветения вишни... Цветение сакуры восхищает прежде всего своим неистовым множеством, самозабвенной, не знающей меры щедростью.

А еще — и пожалуй, даже в наибольшей степени — волнуют эти цветы тем, что в отличие от всех других они не знают увядания. Лепестки сакуры, весело танцуя, летят к земле даже от легчайшего дуновения ветра. Они предпочитают опасть свежими, чем хоть сколько-нибудь поступиться своей красотой...»

Символы Англии — дуб, тис и терновник. А спутником англичанина, отправляющегося жить «за океан», в Америку, Африку или Австралию, непременно была примула — ее сажал поселенец перед домом. Символ Испании — лавр.

Среди стихотворений, посвященных Константином Симоновым гражданской войне в Испании, есть баллада о трех лавровых листьях. Ее герой, бесконечно уставший человек, не хочет возвращаться на родину. Но тот, кто передает ему приказ вернуться, протягивает три лавровых листа.

Три лавровых листа...
Что может быть понятнее и проще?
Не все еще потеряно, пока
Там не завяли лавровые рощи.

По существу эта баллада написана на очень древний сюжет, встречающийся в преданиях многих народов.

Древнерусская Волынская летопись оставила нам рассказ о белой горькой траве, которую не может забыть человек, — рассказ о полыни, которая названа в летописи другим именем — емшан. Так названо и стихотворение русского поэта XIX века Аполлона Майкова, в котором по-своему пересказан этот летописный эпизод.

...Половецкий хан Отрок, потерпев поражение от великого киевского князя Владимира Мономаха, уходит на Кавказ и становится здесь могучим владыкой. После смерти Мономаха брат хана зовет его вернуться в родные степи; тот высокомерно отказывается. Посланец протягивает ему пучок емшана — степной полыни.

... Все глядят:
Он — грозный хан, что ж это значит?
Он, пред которым все дрожат, —
Пучок травы целую, плачет!

В этнографическом заповеднике на Кубе
Культурный ландшафт.
Австралия

59

И вдруг, взмахнувши кулаком:
«Не царь я больше вам отныне! —
Воскликнул. — Смерть в краю родном
Милей, чем слава на чужбине!»

То, что русский поэт XIX века с теплотой рассказывает о любви врага своих предков к родине, немудрено — прошло семь с лишним столетий; а вот то, что современник событий,

русский летописец смог понять чувства врага — заслуживает особого уважения. Не часто встречалось такое понимание в то жестокое время.

Мы писали о спорах относительно роли природы Греции для расцвета древнегреческой цивилизации. Так вот еще одно доказательство, что далеко не в одной греческой природе объяснение «греческого чуда».

Города Древней Греции могли прокормить относительно немного людей. Как только численность населения достигала некоего критического рубежа, вставал вопрос о необходимости переправить этот избыток людей в другое место. Переселение порою организовывалось в строгом порядке властями города-государства с согласия граждан — как остававшихся, так и уезжающих. А порою срочно отбывали приверженцы потерпевшей поражение политической партии. Так или иначе обстояло дело

в каждом конкретном случае, но столь важно, важнее, что греческие колонии появились на берегах Испании и Италии, Северной Африки и Южной Франции — по всему почти Присредиземноморью, как и по всему почти Причерноморью — Северному, Южному, Западному и Восточному. И прижились эти новые города-государства — со своими часто демократическими порядками, со своей почти всегда бурной политической атмосферой — прижились на многие века, хотя существовали, как нетрудно увидеть, в самых разных природных условиях — и под слишком жарким для греков солнцем Африки, и на чудовищно холодных для пришельцев степных побережьях Приднпровья.

Пусть же роль отступления к этой главе сыграет коротенький рассказ об одном таком городке. Тем более что он демонстрирует сразу и влияние природы на историю, и независимость многих исторических явлений от географических условий.

ПОСЕРЕДИНЕ МИРА

На юго-западной оконечности Крыма выдается в море совсем маленький полуостров, даже полуостровок, площадью меньше чем в половину квадратного километра. Зелено-серая трава, сухая, даже если только что прошел дождь. Кое-где купы деревьев. Ближе к берегу — желтоватые невысокие стены из прямоугольных камней, остовы давно отживших домов: они стоят вдоль выложенных камнем улиц; кое-где пытаются по давней привычке тянуться к небу ослепительно белые колонны, когда-то — гордость торжественных храмов.

Двадцать четыре столетия назад сюда долетели брызги той живой волны, на которой поднялась великая древнегреческая культура. С остроносых кораблей под цветными парусами сошли на берег переселенцы из города, лежавшего на другой, южной стороне Черного моря. А тот город основали выходцы из самой Греции, соединив в его названии имена своего покровителя Геракла и моря — Понта; получилось — Гераклея Понтийская. Что-то, видно, случилось в той Гераклее. Бурно жили греческие города-полисы, недаром от слова «полис» ведет свое происхождение наше слово «политика». Одна политическая партия победила, по-видимому, другую; потерпевшим поражение пришлось искать себе новое место для поселения. А впрочем, как мы знаем, греки умели и при мирных обстоятельствах покидать один родной город, чтобы основать другой, такой же родной.

На новом месте недавние гераклеяцы не стали лукаво мудрствовать с названием; высадились они на полуострове и назвали новую родину просто Полуостровом — с большой буквы. Вот оно, значение слова Херсонес. А чтобы отличить новый крымский полис от его тезок в других землях, прибавили к названию географический эпитет: Таврический. Сделали свое поселение двойным тезкой самого Крымского полуострова, который для них тоже был Херсонесом Таврическим.

Геродот в том же V веке до н. э. сказал о своих соотечественниках, что они «обсели» берега Черного моря, как лягушки. Сколько их было когда-то по берегам Черного, Мраморного, Эгейского, Средиземного, Адриатического морей, древнегреческих городов! Сотни и сотни. Многие славнее и богаче нашего Херсонеса. В том же Крыму Пантикапей-Боспор (на месте нынешней Керчи) был много сильнее и даже гнул порою под свою пяту дальнего соседа. А из Ольвии в устье Днепра значительно больше везли хлеба в щедрые и властные Афины, и ольвийские греки, верно, заносились двадцать веков назад перед херсонесцами, менее удачно выбравшими место для жилья и торговли.

Но пришла пора Великого переселения народов, и «варварские» волны во II—III веках н. э. в череде нашествий сокрушили почти все греческие города Северного Причерноморья. Мало того, пришедшие с Балтики готы, захватив вместе с Боспором и его флот, явились на этих кораблях в саму Грецию — и запыхлала великие Афины.

А вот Херсонес уцелел. Похоже, пути к нему вели не самые удобные для завоевателей, а главное, граждане его умели вовремя договариваться с соседями и удачно находить себе сильных покровителей. И еще везло, наверное, херсонесцам.

И город продолжает жить среди тысячи бедствий; он вовремя подчинился на рубеже нашей эры Риму, приняв гарнизон из легионеров, позже стал форпостом Византийской державы на ее севере, еще много позже — частью отколовшейся от Византии крошечной Трапезундской империи (ее столица лежала в Южном Причерноморье, неподалеку от матери-Герaclei).

Кроме двенадцати главных богов Олимпа здесь в древности поклонялись еще и богам азиатского Востока, египетским Изиде и Серапису.

Первые века нашей эры — время идеологического кризиса, который в ту эпоху находил свое отражение прежде всего в борьбе религиозных воззрений. Старые олимпийские боги, хотя многие херсонесцы очень долго хранили им верность, не могли ответить на вопросы, волновавшие людей в многоязычной и стремительно изменявшейся Римской империи. Подступало время единобожия — социальный протест, духовные искания масс делали все более популярным образ бога-спасителя, который должен установить на земле новую счастливую жизнь. На эту роль претендовали не только бог христианский, но и персидский Митра, и египетская Изида, многие черты которой, кстати, унаследовала христианская богоматерь. Следы этой «борьбы богов» здесь находят в могилах; иногда рядом оказываются символы религий, которые сейчас кажутся резко противостоящими друг другу, и нелегко порой определить, похоронен ли тут верный последователь олимпийских богов, митраист или христианин. При всех местных особенностях Херсонеса он становится окошком, через которое мы разглядываем и общую картину идеологической борьбы в раздираемой противоречиями Римской державе.

Херсонес верно отражает происходящее на огромных просторах мира.

Греческий город стал греко-римским, потом византийским, языческий город — православным; столетия служил он связующим звеном между Киевом и Константинополем. Здесь, по одной из летописных версий, крестился князь Владимир, ставший в русских былинах Владимиром Красное Солнышко, — крестился после того, как штурмом взял Херсонес, звавшийся уже Херсоном (а в русских летописях — Корсунью). Это первый достоверно известный случай, когда Херсонес был «взят на щит», хотя к его стенам приходили с оружием тавры и скифы, сарматы и готы, аланы и хазары, печенег и половцы... Да кто только не приходил! Не раз приходилось горо-

жанам то отбиваться, то, смиряя гордость, платить дань и признавать особые права очередной набравшей силу державы. Пережив времена древнегреческой славы, как и славы Рима, город погиб почти одновременно с Византией, в XV веке.

Все-таки погиб... Почему? Видимо, дело не только в страшном погроме, учиненном здесь в 1399 году войсками хромого «потрясателя вселенной», железного Тимура. Решающий удар нанесли древнему городу не враги, которых он столько перевидал на своем веку, а непобедимые законы экономики. Сдвинулись главные торговые пути; в позднем средневековье они стали обходить стороной юго-западный угол Крыма. Место Византии заняла Османская империя, в Крыму утвердились ханы, вассалы ее, — и путь «из варяг в греки» оказался оборванным. По другим дорогам пошли караваны, от иных портов отплывали тяжелогруженные корабли. И обожженному Херсонесу уже неоткуда было взять силы, чтобы вновь подняться на ноги.

Где только не слышали о Херсонесе-Херсоне прежде! Великие греческие и римские географы, арабские путешественники, византийские императоры и русские летописцы не обходили его вниманием в своих книгах, свитках, пергаментях. А вот уже в XIII веке сюда не заглянули, хоть побывали в Крыму, генуэзцы из семьи Поло, ни отец, ни дядя знаменитого Марко, — незачем, видно, было.

Везувий обратил в памятник засыпанные его пеплом Помпеи. Памятником самому себе, городом-музеем, стал бельгийский Брюгге, когда от него вместе с отступившим морем ушла и торговля. Давно потухли крымские вулканы, и море не покинуло своего прежнего любимца, но Херсонес тоже умер. Песок безнаказанно засыпал руины храмов, монетного двора, трава и деревья надолго укрыли улицы и площади.

В XIX столетии наступило время раскопок на землях, лежавших теперь на глухой окраине Севастополя. Полтора века — сто пятьдесят лет! — работают здесь археологи. По крайней мере десять гектаров территории Херсонеса они уже раскопали, снова позволив древним зданиям увидеть небо.

Десять гектаров — много это или мало? Пожалуй, мало, потому что вскрыта пока только треть города. И очень много — ведь в нашей стране, с ее грандиозным размахом археологических исследований, Херсонес держит первенство по освоенной исследователями площади.

Всю свою живую историю был Херсонес не более чем одним из многих: рядовым древнегреческим полисом, обычным периферийным городом Римской империи, средним окраинным городком Византийской державы.

А через полтыщи лет после гибели он вдруг оказался единственным в своем роде: ни один древнегреческий и ни один византийский город не известны сегодня историкам с такой степенью полноты и в таких деталях, как Херсонес Таврический. Одни из его возможных соперников слишком рано погибли; другие живут до сих пор, но в промышленных Афинах, Измире или Керчи не слишком-то развернешься с раскопками, новые кварталы часто закрывают доступ к погребенным под ними старым, и много ли осталось от этих старых в пору строительно-промышленной горячки последних столетий?

Особенно ценно в этой ситуации, что единственный сегодня Херсонес был, повторим, одним из многих и становится теперь для историков представителем и тех, кого пережил, и тех, кто пережил его, отвечает ученым на вопросы, касающиеся не его одного, говорит с нами от имени многих десятков провинциальных городов греческого мира, римской периферии и Византии. На протяжении двад-

цати веков к Полуострову сходились бесчисленные нити торговых, культурных, военных и политических связей из Греции и Италии, Малой Азии и Ирана, Кавказа и Восточной Европы, с Балкан и из Скандинавии. (Двадцать веков! Рим, между прочим, был много моложе, когда его впервые удостоили прозвища Вечный город.)

События, происходившие на расстоянии в десятки, сотни, а то и тысячи километров, многообразно сказывались на жизни Херсонеса. По приказу византийского императора Юстиниана везли сюда в VI веке н.э. с островов в Мраморном море мраморные колонны для храмов; в херсонесской земле находят и вещи из земель, лежащих между Пиренейским полуостровом и Каспийским морем; а в Киеве, например, раскопано бесчисленное множество черепков от амфор — глиняной тары из-под оливкового масла и вина, привозили же на Русь эти амфоры главным образом из Херсона. В Херсон-Херсонес порой ссылали римские, потом византийские императоры впадших в немилость римских пап — пока еще в силах были распоряжаться их участью. Через Херсонес заглядывала империя на таинственный и опасный север, откуда приходили на ее территорию авары, славяне, половцы, и император Византии Константин Багрянородный в X веке в своих записках поучительно посвящает сына и наследника в обстоятельства, делающие Херсон столь важным стратегическим пунктом для империи.

А город был, наверное, веселым и шумным; крепко пахло здесь рыбой, соленой, копченой, вяленой; почти при каждом доме устроены хранилища для нее, и явно не только для своего личного потребления — какая же семья, пусть и вместе с домашними рабами, могла съесть несколько тонн соленой рыбы в год? Соль, кстати, тут же, под боком. А еще вывозил город хлеб и вино; то и другое получали херсонесцы с принадлежащих городу окрестных земель. Древнегреческие горожане в большинстве были и земледельцами, только на ремесле и транзитной торговле они не смогли бы прокормиться.

В Херсонесе конечно же были свои художники, поэты, ученые. Вот стихотворная эпитафия юноше Ксанфу:

В битве за родину был он завистливым сгублен Ареем,
Сирым родителям слез горький оставивши дар.
О, если больше Плутону, чем вам, достаются на радость дети,
Зачем вы в родах мучитесь, жены, тогда?

Мы знаем, что жил в городе и по крайней мере один признанный ученый-историк, звали его Сиrisk, сын Гераклида, золотым венком увенчал его город, чью историю он написал «правдиво и согласно достоинству народа и государства».

2 В разных странах выпускаются подробные карты и даже целые этнографические атласы, где, в частности, показано размещение на территории нашей планеты сотен этнических общностей, а также распределение землян по расам, языкам, типам культур. Давайте совершим сейчас сверхкраткое путешествие по «расовому глобусу».

Внизу на глобусе — белесое пятно Антарктиды. Она нас не интересует — обитатели в Антарктиде появились только в XX веке.

Ближе всего к Антарктиде увесистый «ломоть» Австралии. Там живут сейчас примерно 15 миллионов белокожих людей и несколько десятков тысяч чернокожих.

Белокожие — пришельцы, предки их приехали в Австралию самое большее двести лет назад. Приехали? Нет, многих из этих предков привезли сюда насильно, закованными в кандалы. Долгие десятки лет Австралия была для Англии самой большой тюрьмой на свете: сюда посылали на каторгу бандитов, воров, мошенников. Кстати, современные австралийцы ничуть не стесняются своего происхождения. А преступность в Австралии меньше, чем во многих других странах.

Далекими предками белых австралийцев мы займемся, когда у нас специально пойдет речь о Европе, а сейчас поговорим о чернокожих австралийцах. Волосы у них волнистые, а нос широкий. Почему речь идет именно о коже, носе и волосах? Потому что это три из основных расовых признаков. Признаков, по которым человека можно отнести к той или иной расе. Рас (точнее, больших рас) — три. Их называют белой, черной, желтой. Их называют также и европеоидной, негроидной (экваториальной), монголоидной. Их называют еще индоевропейской, негроавстралоидной, монгольской.

У европеоидов беловатый или сму-

глый цвет кожи, волосы — самых разных оттенков, волнистые или прямые, обычно мягкие, растут на лице и на теле, нос — узкий, выступающий. а вот скулы выступают слабо, губы тонкие или средней толщины. Все это, как нетрудно заметить, черты внешние, различимые по большей части буквально с первого взгляда.

У негроавстралоидов цвет кожи темный, волосы курчавые или волнистые, притом темные и жесткие, скулы выступают вперед умеренно, а челюстная часть лица — значительно, нос широк, губы толстые.

Цвет кожи у монголоидов желтоватый или темно-смуглый, волосы жесткие, как у негроидов, но прямые, как у большинства европеоидов, скулы выступают сильно, лицо уплощено, есть особая складка верхнего века эпикантус, которую так и называют — монгольской.

Люди каждой расы связаны тем, что в обыденной жизни называют родством по крови. Но распределение по лицу Земли «внешних» черт людей, а также некоторых других наследующихся признаков (это относится и к форме зубов, и к группам крови, и к характеру кожного рисунка на кончиках пальцев, и к особенностям вкусовых ощущений, и ко многим другим признакам) свидетельствует о том, что любое расовое деление в какой-то мере условно. Ведь в конце концов все люди — более или менее дальняя, но родня по крови в самом прямом смысле этого слова, все расы — ветви, не только идущие от одного древнего ствола, но и связанные между собой нитями все возобновляющегося родства.

К белой расе относятся многие коричневокожие индийцы. Среди людей черной (она же негроидная) расы встречаются и обладатели желтой кожи. А якобы «желтые» монголоиды могут быть порой смуглыми до черноты или, наоборот, белокожими.

Необходимо добавить еще, что не все антропологи согласны с тем, что больших рас именно три. Иногда австралийских аборигенов выделяют в особую, австралоидную расу. А некоторые классификаторы считают нужным признавать еще и пятую основную расу — американоидную, относя к ней индейцев.

Портрет правителя. С гравюры VII—IX вв. Китай

Молодой человек в модном костюме. С картины Луки Кранаха, XVI в. Германия

Так, может быть, лучше вообще обойтись без такого деления человечества на во многом условные и относительные группы, да еще по биологическим признакам? Тем более что от слова «раса» образовано слово «расизм», а расизм ведь привел к кровавым расправам над неграми в Южной Африке и к уличным боям в Вашинг-

тоне и Лос-Анджелесе, расизм был знаменем Гитлера на его пути к власти в Германии...

Надо сказать, что есть антропологи, которые так и решили: надо отказаться от самого слова «раса».

Но право, те, кто сеет ненависть между людьми, сумели бы найти другие поводы для розни, принадлежи все

люди к одной расе. Можно напомнить, что некоторые расисты XIX—XX столетий объявляли главным отличительным признаком «благородных» представителей человечества длинноголовость — в противовес непременно якобы коротким головам «нижних сословий». Физические различия между людьми — реальность, они нуждаются в изучении, их нужно учитывать в классификациях. Но все это никак не зачеркивает той многократно доказанной истины, что в главном, в самом существенном, в единственно важном для повседневной жизни — в чувствах и мыслях, в способностях и возможностях — расы равны и едины. Но в то же время сама внешняя непохожесть людей разной расовой принадлежности — это ведь факт.

В восточном полушарии негроиды живут в Африке, в западном — в Австралии, Меланезии, на тысячах тихоокеанских островов.

Европеоиды заселяют не только Европу, как им полагалось бы, судя по имени. Они занимают всю Северную Африку (например, к этой расе относятся алжирцы и египтяне), население и весь запад Азии — турки и арабы тоже европеоиды. Европеоиды занимают Сибирь (русские), почти весь Кавказ, часть Средней Азии, Иран, Афганистан и Индию (но в Индии есть и негроиды, как в Сибири — монголоиды). За последние четверста лет европеоиды стали главной частью населения Северной Америки и многих стран Америки Южной.

Третья раса — монголоидная — не случайно зовется еще и азиатской. Китай и Вьетнам, Япония и Мьянма, Индонезия и Филиппинские острова — вот где живут монголоиды. К монголоидам же относят и большинство казахов, киргизов, и некоторые другие народы Средней Азии, и якутов, и эвенков, и чукчей, и другие коренные народы наших Севера и Дальнего Востока. И расу эту называют азиатской хоть и не случайно, но, однако, не совсем верно — ведь монголоидами же большинство ученых считает американских индейцев.

Еще раз подчеркнем условность расового деления. О цвете кожи говорить сейчас не будем. Главными, определяющими (в расовом смысле)

чертами монголоидов, повторим, считают гладкие прямые волосы, нос промежуточной ширины между узконосыми европеоидами и ширококоносыми негроидами, сравнительно плоское лицо, складку кожи на верхнем веке.

Но у индейцев Америки лицо совсем не плоское, на нем выдается крупный нос, часто даже с горбинкой. Между тем для любого китайца такой нос — признак европейца. «Большеконосыми дьяволами» звали когда-то в Китае европейских миссионеров, пытавшихся проповедовать здесь христианство. И эпикантус у индейцев развит слабо.

А вот австралийцы, меланезийцы и папуасы считаются негроидами. И кожа у них действительно черная. А волосы в отличие от аборигенов Африки не мелкокурчавые, а волнистые, как у многих европейцев. (Впрочем, у европеоидов, например итальянцев, встречаются порою мелкокурчавые волосы.) И еще одно отличие от африканцев: и на лице и на теле у австралоидов обильно растут волосы.

Большая часть человечества произошла в результате смешения рас. В самую большую страну Южной Америки — Бразилию — приезжали португальцы и англичане, арабы и японцы. Сюда привозили из Африки рабов — негров. Здесь жили когда-то вольные индейские племена. Конечно, следы расовых различий между бразильцами еще не стерлись, но каждый год в стране торжественно отмечается День расы. Какой расы? Да бразильской же, конечно. Антропологи пока не соглашаются с бразильским правительством насчет существования такой расы — до ее образования еще далеко. Но наступит момент, когда такая раса станет реальностью: живет же в Восточной Африке промежуточная между негроидами и европеоидами раса эфиопов, своеобразно сочетающая в своей внешности черты тех и других. Лица эфиопов примерно того же типа, что у их соседей-арабов, а кожа темная, не светлее, чем у людей многих негрских этносов. Кстати сказать, тут даже неясно, возникли ли эфиопы в результате контакта двух рас или сохранили черты, характерные для общих предков обеих больших рас.

Точно так же, возможно, сохраняет древние признаки общих предков европеоидов и монголоидов промежуточная раса, к которой относится небольшой саамский народ (он живет у нас на Колыском полуострове, а также в Финляндии, Норвегии, Швеции).

Часть узбеков, киргизов, казахов

Уйгуры в традиционных одеждах. Китай

Девочка с Анд. Южная Америка

Русский помор (летом — на саниях)

Молодожены. Среди прихожан есть и европейцы, и индейцы, и метисы. Саскачеван. Канада

антропологи относят к промежуточной между европеоидами и монголоидами южносибирской расе. Выделяют еще и уральскую промежуточную расу, и некоторые другие. В курильской промежуточной расе, представленной всего лишь одним небольшим народом айнов, и промежуточной полинезийской расе сочетаются — в

каждой по-своему — признаки и африкано-австралоидов, и европеоидов, и монголоидов. Во всех этих случаях перед нами — последствия древних расовых контактов.

Расы не могут не смешиваться, это понятно. Уже В. Шекспир считал естественным брак «венецианского мавра» — чернокожего Отелло и пре-

красной Дездемоны. И если современникам Отелло его «чужой» вид мог казаться странным, неприятным и даже уродливым, то Дездемона (как и Шекспир) их взглядов не разделяла. И это прекрасно.

Француз Александр Дюма, автор «Трех мушкетеров» и «Графа Монте-Кристо», был внуком негритянки.

Русский Александр Пушкин — потомок не только знатных и незнатных русских родов, но и «арапа Петра Великого», жителя Северо-Восточной Африки, привезенного в Россию.

Добавка «чужой» крови не мешает людям становиться великими.

И уже сейчас у очень многих людей, даже представляющих собой на первый взгляд «чистый тип» той или иной большой расы, антропологи находят признаки, свидетельствующие о древних или сравнительно недавних «смешениях крови».

Четыре или пять тысяч лет назад из Азии в Европу прошли племена, бывшие предками нынешних финно-угорских народов. Север Восточной Европы, а возможно, и часть Европы Центральной заняли эти племена, встретившиеся здесь с предками народов индоевропейских. Древние финно-угры принесли с собой и в себе ряд признаков монголоидной расы. Они вступили на земли, где жили люди, принадлежащие к европеоидной расе, смешались с ними, но оставили в числе прочего наследства общим потомкам и некоторые особенности внешности.

Конечно, ни средний финн, ни средний эстонец не похожи на монгола или бурята. Но взгляд специалиста отмечает у одного жителя Восточной Эстонии близость разреза глаз к монгольскому, у другого — сравнительно плоское лицо. И общая сумма таких разбросанных, «поделенных» между разными людьми монголоидных расовых признаков выглядит, по мнению ученых, достаточно убедительно, чтобы засвидетельствовать факт древнего родства.

Но монголоидные черты от древних финно-угров унаследовали не только эстонцы, финны, карелы и другие родичи по языку.

Известно, что для части русских характерны широкие скулы — явный монголоидный признак. В прошлом ученые (да и не только ученые) эту и

другие аналогичные черты внешности рассматривали как одно из следствий татаро-монгольского ига, как наследие времени, когда Русь подчинялась Золотой Орде, наконец, как результат смешения с татарами и в Поволжье и в коренных русских землях, куда не раз переселяли своих «служилых татар» русские великие князья и цари.

Однако антропологические исследования последних десятилетий убедительно показали, что и перед приходом Батыевых полчищ у русских тоже были монголоидные черты, мало того — тогда они в общем были выражены ярче, чем сегодня. Источник был найден. Им оказались как раз финские племена, заселявшие многие области Восточной Европы до прихода сюда славян и смешавшиеся со славянами во второй половине 1-го тысячелетия и в начале 2-го тысячелетия н. э.

А почему русские за последующие века такие черты частично потеряли? Возможно, что жители Южной Руси, где финны никогда не жили, были, скажем, в среднем многодетнее обитателей севера страны, унаследовавших кроме славянской и финскую кровь. Не исключено также, что здесь сыграл свою роль и генный дрейф, о котором у нас еще будет случай поговорить.

Монголоидные признаки были привнесены древними переселениями из Азии и на территории Польши и Германии. А с юга в Европу в течение тысячелетий проникали африканцы. Примесь их крови антропологи отмечают не только у испанцев, португальцев, итальянцев, жителей юга Франции, они находят ее и дальше на северо-западе, в Ирландии.

Видно, долгие тысячелетия шли на север, пусть давным-давно, жители Черного материка, если такими прочными оказались их следы.

А между тем история мало что говорит нам об этих передвижениях. Зато чрезвычайно много говорит о других, которые или вовсе не оказались запечатлены в самом драгоценном материале для памятников — человеческих телах и лицах, или оставили на этом материале едва заметный отпечаток.

Все мы знаем о том, что пятьсот с лишним лет назад окончательно подпали под власть мусульман-турок

земли христианской Византии. Но современные турки внешне больше похожи на тех же византийцев, чем на древних турок, от которых пошел их язык и от которых сами они ведут свой род.

А вот еще примеры. Бесконечно сложна и запутанна история Балканского полуострова. Прежде чем хозя-

Индийская девочка
в Крыму

69

евами большой его части стали славяне, жители нынешних Югославии и Болгарии, по Балканам прокатились волны Великого переселения народов, включая и готов, и гуннов, и авар, и кого только еще не включая! Впрочем, и до наступления эпохи Великого переселения народы и племена сменяли здесь друг друга.

Но по внешности балканские славяне во многом напоминают своих предшественников, говоривших отнюдь не на славянских языках (такие древние народы, как иллирийцы, жившие на западе Балкан, фракийцы, населявшие восток полуострова). Сходство выдает здесь прямую родственную связь.

Западные и восточные славяне по антропологическим признакам относятся к переходной группе между северными и южными европеоидами. А вот болгары, бесспорно, по внешним признакам в основном должны быть включены в число европеоидов южных.

Далее. История Балкан и Кавказа, по крайней мере за последние 2 тысячи лет, развивалась по-разному. Иные кавказские племена и народы, хорошо защищенные горами, сумели пройти через двадцать веков без таких превращений, которые прервали бы для них связь времен, сделали их новыми народами. Были на Кавказе и страны, пережившие ряд чужеземных нашествий, но даже в пору арабского, персидского или монгольского владычества сюда перебиралось на постоянное жительство относительно мало людей чужеземных племен.

Балканы же долго были своеобразным участком широкой дороги, по которой народы шли то с востока на запад, то с севера на юг, то в обратных направлениях. И многие из переселенцев старались здесь задержаться.

Но несмотря на эти отчетливо заметные различия в истории, «средний» балканец по внешности очень похож на «среднего» кавказца. Не зря же антропологи, разделившие большую европеоидную расу на расы малые, одну из них определили как балкано-кавказскую.

Это сходство можно объяснить только древним родством жителей Балкан и Кавказа, наследием общих, очень давних предков, наследием, которого не смогли стереть и сбросить со счетов прошедшие тысячелетия.

А на самом Кавказе? Поразительно разнятся языки народов Дагестана, осетин и грузин, черкесов и ингушей. Осетины, например, говорят на языке, унаследованном от сарматов-аланов и принадлежащем к иранской ветви индоевропейской языковой семьи. Сарматы-аланы на Северный Кавказ пришли примерно на рубеже нашей эры, а в горы у Большого Кавказского хребта, как предполагалось, были оттеснены лишь в позднем средневековье — монголами. А вот балкарцы и карачаевцы говорят на тюрк-

ским языке, как когда-то кипчаки. Их и считали потомками кипчаков не только по языку, но и по крови. Да, у каждого народа здесь немало своего, особенно в культуре. А антропологический тип — один, общий почти для всех. Осетины, скажем, принадлежат к так называемому кавказскому типу, настолько оригинальному в некоторых отношениях, что за пределами территории Кавказа ему нет аналогий.

В чем дело, почему так живуча память о прошлом, заключенная в самом облике людей?

Прежде всего нам надо привыкнуть к одному достаточно общему для истории правилу — пришельцев обычно меньше, чем старых хозяев, завоевателей часто и даже, пожалуй, почти всегда гораздо меньше, чем завоеванных.

У арабского военачальника Амра ибн аль-Аса, завоевавшего в VII веке н. э. Египет, было всего три с половиной тысячи всадников (кстати, есть сведения, что тысячи из них были чернокожими африканцами), причем ушло на подчинение страны у него меньше двух лет. Надо отметить, впрочем, что сопротивление оказывала арабам только византийская армия численностью несколько десятков тысяч человек; сами египтяне встретили арабов скорее как освободителей.

Что значили эти три тысячи и даже переселившиеся позже в Египет десятки тысяч арабов для многомиллионной массы его населения? Там, где они встречались с этой массой, она растворила их почти без следа — в антропологическом смысле слова; зато последствия арабского завоевания преобразили культуру страны и привели к смене языка.

Надо заметить, что антропологические последствия переселений вообще обычно куда менее значительны, чем культурные. Гордые завоеватели, именующие себя «носителями меча» или потомками богов, удивительно быстро растворяются среди своих данников и даже рабов. Жесточайшая кастовая система в Индии с ее категорическим запретом межкастовых браков в конечном счете не смогла до конца противостоять такому смешению. Среди современных индийцев есть люди, которых

относят к европеоидной расе, есть и африканоиды. Но многие миллионы жителей Индостана несут одновременно признаки европеоидной и африканоидной рас. Они потомки сразу и темнокожих аборигенов Индии и ее «арийских» европеоидных завоевателей, вторгшихся в Индию около трех с половиной тысяч лет

Праздник «весты» эвенков, СССР

Девочка из Эфиопии

Их собрал вместе Артек

Мальчик из Мозамбика, русская девочка, юный лаосец

Австралийский абориген

назад (а кроме того, потомки сотен других народов, покорявших и покорявшихся).

Завоеванные, можно сказать, одерживают в свою очередь победу над завоевателями. Во внешности общих потомков наследие побежденных чаще всего оказывается гораздо заметнее, чем наследие победителей.

Это и понятно. В классовом обществе враг, превращенный в раба или крепостного, дает «хозяину» доход. Надо учесть еще, что и в классовом и в доклассовом обществах женщин покоренных земель не истребляли даже самые жестокие завоеватели. Индейское племя карибов, переселившееся с материка на острова Цент-

ральной Америки, уничтожило жившее здесь племя араваков. Точнее, половину его, потому что женщины араваков стали женами карибов. В результате возникла редкая, хотя и не исключительная в истории ситуация: мужчины говорили здесь к приходу испанцев на одном языке, а женщины на другом.

Но достаточно хотя бы одних женщин побежденного народа, чтобы потомки покорителей были уже наполовину и потомками побежденных. Обычно же не происходило уничтожения и детей и большинства мужчин.

Надо решительно признать, что до недавних пор историки слишком часто преувеличивали, пусть и невольно, в истории каждой страны и при образовании каждого народа в результате смешения этносов роль пришельцев, преуменьшая значение тех, кто жил на данной территории до их появления.

Историки следовали тут за легендами, создаваемыми самими народами, а те часто запоминают только последние по времени события, связанные с их возникновением. К тому же, видимо, приятнее происходить от победителей. Над этой склонностью, кстати, подшучивал еще Джек Лондон, герои которого в романе «Сердце трех» отмечают, что испанцы в Америке «перебили половину индейцев... и стали предками другой половины».

Впрочем, мы, может быть, слишком много говорим о завоеваниях. А народы ведь встречаются и смешива-

ются отнюдь не только в ходе войн и завоевательных походов. Есть еще и просто переселения на относительно слабо заселенные территории.

Тысячу лет с лишним назад и позже русские переселенцы, большей частью без серьезных военных столкновений, заняли многие области Северо-Восточной Европы, смешавшись здесь с финскими племенами.

Почти 3 тысячи лет прошло с тех пор, как постепенно переселявшиеся с Аравийского полуострова в междуречье Тигра и Евфрата племена арамейцев стали в конце концов играть важнейшую роль в Вавилонии, хотя, по-видимому, не было тут ни вторжений огромных армий, ни отчаянных битв.

Четырехтысячелетней давности появление хеттов в Малой Азии (они основали здесь великую державу, соперницу Древнего Египта) прошло, по-видимому, в основном мирно.

Победители брали в жены пленниц, новые переселенцы женились на свободных женщинах из соседних старых деревень и городов. А в итоге смешивалась кровь людей разных племен, укрепляя древнее родство человечества новыми узами.

Благодаря смешению людей разных рас возник американский народ, у многих десятков миллионов коренных жителей США можно увидеть хотя бы отдельные негроидные или монголоидные черты — наследие африканских рабов, свободных индейцев, а иногда — китайских и японских переселенцев.

ПРИСТРАСТНОСТЬ

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона издавался при активном участии профессуры, по большей части довольно либеральной. До сих пор не потеряли научного значения некоторые статьи этого словаря, касающиеся этнических вопросов; стоит отметить среди их авторов философа В. С. Соловьева, решительно отстаивавшего природное равенство людей всех народов.

Но вот в статье «Американская раса» читаем: «Лицо красного человека всюду, как на севере, так и на юге, имеет угрюмое, равнодушно серьезное и вместе с тем печальное, удрученное выражение. Под влиянием возбуждения черты лица едва оказываются скольконибудь заметным образом; но они принимают совершенно тупое или мрачное выражение даже у наиболее благородных американских племен, отличающихся мужеством и любовью к свободе, когда, за недостатком внешнего возбуждения, наступает то состояние апатии и беспредметной задумчивости, в которое индеец впадает очень легко и которое, по-видимому, ему нравится».

Автор статьи (он не указан) ссылается на свидетельства «почти всех» путешественников и исследователей. А дальше... дальше его характеристика индейцев еще больше напоминает не суждение ученого, но обвинительное заключение. Вот еще несколько цитат: «...в умственном отношении индеец действительно стоит ниже белого. Способность понимания у красной расы ограниченнее и действие ее медленнее, воображение туже, чувствительность к внешним впечатлениям менее развита; индеец живет только настоящим, а о будущем никогда не заботится. Так как понятие будущего недоступно его воображению, то он всегда равнодушно смотрит на приближение смерти». Это не мешает автору тут же возмутиться жадой мщения, кровной местью и бесконечными войнами, которые ведут «равнодушные» индейцы, «не имеющие понятия о будущем».

«Радость индейца, которую можно возбудить в нем только самыми сильными средствами, выражается в диких порывах и лишена приятности. Теплого и глубокого чувства у индейцев не замечали даже самые ревностные их защитники».

Вот так, черным по белому. У индейца, сообщается затем, «нет ни проницательного ума, ни живости воображения». Это заключение делается по сказаниям и мифам, религиозным понятиям, образам поэзии и ораторского искусства. (Сегодня знатоки индейского искусства восхищаются им. Да и в XVI веке Альбрехт Дюрер, познакомившись с мексиканской скульптурой, записал: «Никогда в жизни я не видел ничего, что так радовало бы мое сердце, как эти предметы. Глядя на столь изумительные творения, я был изумлен утонченным гением людей чужих стран».)

Даже то, что языки индейцев принадлежат к классу синтетических языков, где грамматические формы играют сравнительно небольшую роль, тоже указывает автору статьи на «медленно работающий ум».

Итак, все — внешность, поведение, искусство («в постройках и художественных произведениях... также замечается недостаток творческого вдохновения и фантазии, разнообразия и подвижности форм»), речь, обычаи, верования — все это лишь подтверждает заявленную вначале точку зрения: индейцы — низшая раса.

В этой книге специальный раздел будет посвящен проблемам борьбы с расизмом и национализмом — но уже здесь, после разговора о расах, мы нашли нужным познакомить читателя с типичным образчиком расистского подхода к действительности.

Любопытно, что прямое опровержение упомянутой статьи появилось за десятилетия до ее публикации: оно принадлежит перу немецкого ученого и путешественника Александра Гумбольдта. Он писал: «Прискорбно также (особенно могут жаловаться на это жители Южной Америки), что нравы населения были описаны самым несправедливым и презрительным образом, в недостойных выражениях. С легкостью касаясь самых серьезных сторон человеческой природы, стремясь характеризовать народы, как характеризуют отдельных людей, некоторые путешественники в своих описаниях воскресили в наши дни ту манеру перечисления пороков и добродетелей, которая портила старинные труды по географии и основана только на смутных представлениях о народных верованиях. При этом было забыто, что все великие человеческие сообщества обнаруживают некоторое семейное сходство в том, что есть благородного или извращенного в их склонностях, и что эти сообщества отличаются друг от друга всего лишь легкими оттенками, преобладанием тех или иных умственных способностей, тех или иных душевных качеств, искажение которых составляет то, что называют недостатком в национальном характере».

2 Русский, украинец и белорус в общем могут, хоть и не без труда, понять речь друг друга.

Русскому и поляку или сербу уже не обойтись без переводчика. Языки тем взаимопонятнее, чем ближе родство между ними, чем меньше время, которое они существуют именно как отдельные языки. Русский, украинский и белорусский языки — дети языка древнерусского, родные братья. Языки польский, сербский, болгарский тоже приходится русскому братьями, да только двоюродными. У них с русским общий «дед» — праславянский язык. Двенадцать веков назад славянину с Днепра не требовался переводчик при разговоре с дунайским болгаринном или жителем долины Вислы. Языки южных, западных и восточных славян были тогда куда больше похожи друг на друга, чем сейчас.

Если же уйти в прошлое на 3 тысячи лет, то окажется, что общие предки славян, латышей и литовцев говорили на одном и том же языке или, точнее, на диалектах одного и того же языка. Еще несколько сот лет назад — и мы услышим единый язык общих предков славян и немцев.

По мере нашего углубления в минувшее на место десяти с лишним славянских языков приходит один общеславянский (праславянский), потом общеславянский объединяется с общебалтским, дальше (раньше) — с общегерманским (предком немецкого, английского, шведского...).

Русский и немецкий языки — родня. Праславянский и прагерманский языки были братьями, оба они отделились (вместе с языками кельтов, италийков и некоторыми другими) от древнеевропейского языка. А древнеевропейский язык вместе с языками индоиранскими и иными вышел из лона общеиндоевропейского языка, на котором (говоря точнее, на группе его диалектов) говорили когда-то

общие предки украинцев и иранцев, англичан и индийцев, армян и греков. Перед нами — пирамида, стоящая на своей вершине.

Как увидели эту пирамиду?

Конечно, сходство восточнославянских и даже всех славянских языков достаточно заметно даже неспециалисту. Гораздо труднее оказалось проследить более отдаленное родство.

И все-таки еще 400 лет назад итальянец Филипп Сассетти, побывав в Индии, первым заметил сходство итальянских и латинских слов с индийскими. В ту же эпоху голландец Иосиф Юстус Скалигер делил европейские языки на одиннадцать групп по степени сродства. Ученый-литовец Михайло Литуанус (само его имя значит «литовец» по-латыни) составил список литовских слов, похожих на соответствующие латинские.

Великий немецкий философ и математик XVII — XVIII веков Готфрид Лейбниц обратил внимание на сходство между финским и венгерским языками.

М. В. Ломоносов писал о родстве греческого, латинского, русского и немецкого языков.

Одним из последствий победы Петра над шведами под Полтавой была отправка Петром пленного шведа Иоганна Филиппа Страленберга в Сибирь для изучения народов и языков. Результат — сравнительные таблицы языков Северной Европы, Сибири и Северного Кавказа. А позже именно в России, почти двести лет назад, вышел «Сравнительный словарь всех языков и наречий». Составили его «просто» — перевести русские слова на все языки, для которых нашлись переводчики.

Первое издание словаря учитывало двести языков Европы и Азии; второе — двести семьдесят два языка, среди которых были уже наречия африканские и американские.

Работы лингвистов заставили евро-

пейцев в гораздо большей степени осознать свое родство с другими народами мира.

И Валерий Брюсов писал, отвечая на писания немецких националистов во время первой мировой войны:

Иль мы тот великий народ,
Чье имя не будет забыто,
Чья речь и поныне поет
Созвучно с напевом санскрита?

Это созвучие действительно пронизывает русский язык. А вообще из языков Европы ближе всех к санскриту оказалась литовская речь, а также в известной мере латышская.

Латышский писатель Имант Зиедонис говорит в книге «Перпендикулярная ложка»: «Есть тысячи литовских и латышских слов, чье сходство с нынешним таджикским языком и еще более — с древнеперсидским просто поразительно. (А таджикский и персидский языки — это две близкие ветви западноиранского языка.)

В «Авесте» (древней священной книге зороастрийцев. — *Авт.*) у персов «вайу» означает «ветер» (по-латышски «вейш»), «мейлу» — любить, желать («милет»). Древнейшие зороастрийские памятники называются «гетас» или «гатас» («Авеста») — это свадебная песнь («свадебная гата»), «гаи», «гайати» — сочинять стихи, петь (по-латышски «дзейот», «дзиедат»), «гейя» — песня («дзиезма»), а у латышей есть слово «дзейя» (поэзия). «Абхигайати» — воспевать (по-латышски «апдзейет», «апдзиедат»). Древнеиндийское «гита» тоже означает песнь, гимн.

В зороастрийской религии — доброе начало Ахура-Мазда... К Ахура-Мазде обращается душа коровы и спрашивает: «Касмай ман ташат?» — «Для чего меня сделал?» (по-латышски — «Кам мани тайси?»).

Имант Зиедонис, естественно, опирается тут прежде всего не на собственные живые впечатления, а на материалы, почерпнутые из работ лингвистов.

Воздадим ученым должное за то, что их поиски приносят нам не только истину, но вместе с ней и само ощущение своего родства исторического и духовного со все более отдаленными народами.

По дубу лингвисты восстанавливают желудь. Однако это сравнение

не совсем правильно. Тысячу, пять, десять или двадцать тысяч лет назад люди говорили все-таки не на зародыше какого-нибудь из нынешних языков, но просто на другом языке. Если в животном мире потомки, как правило, сложнее и, скажем условно, совершеннее предков, то в мире языков это правило действует далеко не всегда. О языках последних тысячелетий совсем не просто сказать, усложняются они или упрощаются. Дело обстоит иначе: они всегда развиваются и меняются, если, конечно, это живые языки. Праславянский и древнерусский языки нельзя сравнить с зерном и колосом, хотя древнерусский развивался из праславянского. То же надо сказать о древнерусском и русском языке, о латинском и французском, о всех нынешних индоевропейских языках — и об их общем предке. И все-таки мы можем по русскому, польскому и другим славянским языкам судить об их общем языке-предке. А французский, русский, армянский, литовский и все остальные правнуки общиндоевропейского языка вместе говорят многое о своем прадедушке.

Языки развиваются по определенным законам, и тут часто бывает, как в математике: есть сумма, есть одно слагаемое, значит, можно узнать второе. Как в математике? Нередко дело обстоит гораздо сложнее. Правда, современная лингвистика часто прилагает к себе гордый эпитет «математическая», но математика здесь, как ясно видно, прилагательное, а существительным остается наука о языке, которая пока только стремится стать точной.

А между тем даже современные живые языки изучены далеко не так глубоко, как хотелось бы специалистам. Тем более это можно сказать о прошлом языков.

Идут, например, ожесточенные споры о том, были праиндоевропейцы прежде всего скотоводами или земледельцами. Скотоводство у них, безусловно, было, огромную роль в их хозяйстве играла овца, и поразительное по своему размаху распространение индоевропейских языков тесно связано с тем, что, как считают многие ученые, индоевропейцы впервые приручили лошадь, она дала им определенное превосходство в столкнове-

ниях с народами, не знавшими боевых колесниц, а затем конницы.

Однако, как полагает советский лингвист В. В. Иванов, свободный человек обозначался у праиндоевропейцев еще и словом, родственным древнерусскому «людинъ». Причем значило это слово «свободный земледелец». Латинское «либер» — свободный — тоже считают словом, определявшим прежде всего свободного земледельца. Подтверждение этому видят в том, что латинский термин «раб» происходит от названия ското-вода-пастуха.

Таким образом, противопоставление «свободный» — «несвободный», «раб» возводится по лингвистическим данным к противопоставлению «свой, земледелец» — «чужой, скотовод».

Мы знаем и многое другое. Знаем, что жили праиндоевропейцы большими семьями, в которых полным хозяином был мужчина — глава семьи. Знаем, что семьи входили в племена, которые довольно мало зависели друг от друга, хотя и заключали временные союзы. И все это рассказал словарь. Только словарь.

Как не вспомнить стихи Самуила Маршак:

На всех словах — события печаль.
Они дались недаром человеку.
Читаю: Век. От века. Вековать.
Век дожидать. Бог сыну не дал веку.
Век заедать, век заживать чужой... —
В словах звучит укор, и гнев, и совесть,
Нет, не словарь лежит передо мной,
А древняя рассыпанная повесть.

Маршак писал о Словаре русского языка. «Повесть» словаря праиндоевропейского гораздо древнее и еще «рассыпаннее».

Но даже по тем словам, которых в этой «повести» нет, можно многое сказать о ней самой и о народе, ее создавшем.

Вот, например, для понятия «канал» многие индоевропейские языки взяли название, которое ему дали в Египте. Это значит, что своего древнего названия для ирригационных сооружений у праиндоевропейцев не было — потому что не было еще самих каналов.

Словарь говорит и о том, что не было у праиндоевропейцев единого централизованного государства, не было и письменности.

Как ни парадоксально, оба этих

обстоятельства, похоже, сыграли важную роль в распространении по земле индоевропейских народов. Некому было удерживать на первоначальной общей территории независимые племена, нечему было скрепить их связь и помешать сверхдалним походам. Со своей прародины разошлись индоевропейцы в разные стороны.

Где была эта прародина, ученые пока никак не могут договориться. Да и мудрено ли? Надо найти страну, которой нет уж пять, шесть или семь тысяч лет. А может, и больше. Но найти ее хочется. Потому что интересно же знать, где зародился язык, от которого произошла речь почти половины современного человечества.

Самые популярные у ученых адреса прародины — Северное Причерноморье, Балканский полуостров, Малая Азия с частью Закавказья. Иногда называют и Центральную Европу, и Среднюю Азию, и Прибалтику.

Люди, к сожалению, стали меньше заботиться о том, чтобы поддерживать связь с родней. Быстро забывают, как звали прадеда, долгими годами не видятся с троюродными или двоюродными братьями. А вот народы следят, пожалуй, за своим родством теперь тщательнее, чем прежде, и глубже прослеживают его корни.

Пирамида индоевропейских языков в свою очередь только одна из составных частей еще более грандиозной «языковой пирамиды» так называемых ностратических языков. Ностратическими — «нашими» по-латыни — их назвал финский ученый Х. Педерсен.

Доказано древнее родство больших семей Европы, Африки и Азии: афразийской (семито-хамитской), картвельской, индоевропейской, дравидийской, уральской, алтайской. От древнего ностратического праязыка происходят и эскимосско-алеутские, японский, нивхский, чукотско-камчатский и некоторые другие языки.

В русском языке, например, сохранились, пережив ряд превращений, такие ностратические слова, как некоторые личные местоимения.

Наше «мы» и окончание «м» в глагольных формах вроде «говорим» или

«идем» унаследовано от ностратического «миха», означавшего «мы» (с тобой — т. е. с тем, к кому обращена речь).

А окончание «те» (говорите, идите) происходит от «тиха» — ностратического «вы».

«Тэ» (вот этот) обратилось в «то» и «тот». «Ко» (кто) — в качестве звука

Узбекская девушка

Еврейка с дочерью. СССР

77

«к» вошло в слова «кто» и «кого» и т. д.

На что уж далеки языки Индии и Северного Урала, эскимосов Гренландии и берберов Северной Африки, а признаки древнего родства и старинных связей ученые в них нашли. Между прочим, нанайцы на Амуре, русские на Волге и тамилы в Индии

одинаково пользуются частицей «ка» для смягчения приказа или пожелания: пойдика, глянька, поработайка. Впрочем, гораздо чаще родственные слова на первый взгляд совсем не похожи друг на друга, потому что внутри каждого языка они изменились по-своему.

Была сделана попытка восстано-

вить тот общий язык, от которого пошла надсемья. Очень много для его реконструкции сделал советский лингвист В. М. Иллич-Свитыч. Он даже написал стихотворение на этом языке:

Келхэ ветеи хакун кэхла
Калаи палха-ка на ветэ
Ся да а-ка ейа элэ
Йа-ко пеле туба вете.

Вот оно же в переводе:

Язык — это брод через реку времени,
Он ведет нас к жилищу ушедших;
Но туда не сможет прийти тот,
Кто боится глубокой воды.

Надо сказать, что тут советский лингвист продолжил традицию. Ведь когда-то и немецкий лингвист Август Шлейхер, чьи труды лежат в основе попыток воссоздать индоевропейский праязык, написал на этом предполагаемом языке стихотворение, точнее, басню:

Стриженная овца увидела
Лошадей, везущих тяжело груженный воз,
И сказала: «Сердце сжимается, когда я вижу
Людей, погоняющих лошадей». Но лошади
ответили:
«Сердце сжимается, когда видишь, что люди
Сделали теплую одежду из шерсти овец,
А овцы ходят остриженными.
Овцам приходится труднее, чем лошадям». Услышав это, овца отправилась в поле.

Басня Шлейхера появилась на свет в 1868 году. Почти ровно на столетие позже были написаны стихи о языке как броде через реку времени.

Стоит обратить внимание на различия в словах, использованных в обоих стихотворениях. Общий праиндоевропейский язык, вероятно, существовал еще пять-шесть тысяч лет назад. Тогда уже были одомашнены лошади, изобретены колесо и повозка.

А вот В. М. Иллич-Свитыч уже не мог писать ни о домашних животных, ни о телегах, ни о полях: скорее всего, в эпоху, язык которой он воспел, не была еще приручена даже собака, не растили еще люди хлеб... Но и тогда они говорили, как мы сегодня, о реках и переходах через них, строили жилища, знали, что надо быть мужественными.

(Продолжатели дела В. М. Иллич-Свитыча уже ушли далеко вперед. Они говорят, что надо было бы внести поправки в текст его ностратичес-

кого стихотворения. Ну что ж, это естественно. В басне Шлейхера или в ее переводе тоже были ошибки. Одна из них историческая. Овца у праиндоевропейцев не могла быть остриженной — ножницы изобрели лишь в 1-м тысячелетии до н. э., когда праиндоевропейского языка уже не было. До этого шерсть выщипывали. Но все равно — язык ведь не поворачивается сказать: ошипанная овца.)

Теория о ностратической надсемье имеет много шансов быть окончательно и строго доказанной.

Но ностратическая надсемья тоже не изолирована. В нее входят, например, угро-финские народы, члены алтайской семьи, языки которых отдельные ученые упорно связывают с рядом индейских языков Америки. Даже название для такой «межсемейной» семьи придумано: по именам самых восточных (в Америке) и самых западных (в Европе) ее представителей говорят о «денефинских народах».

Есть серьезные гипотезы, обосновывающие дальше, но все-таки родство языков аборигенов Австралии с речью народов Южной Индии.

Ждут своего объединения — руками ученых, конечно, — многие языковые семьи, которые пока еще кажутся далекими друг от друга.

В самые последние годы появилась серьезная гипотеза, по которой северокавказские языки (абхазо-адыгские и нахско-дагестанские) не только состоят в родстве между собой, но и составляют вместе с языками сино-тибетскими (в число которых входит китайский) надсемью того же уровня, что и ностратическая.

В ту же сино-кавказскую надсемью (название ей дал советский лингвист С. А. Старостин, автор гипотезы; в развитии ее с ним активно сотрудничает С. Л. Николаев) предлагается включить и енисейские языки, а также (идея С. Л. Николаева) те языки калифорнийских индейцев, что по другим предположениям сближаются с угро-финскими...

Трудно пока даже предположить, где лежали центры, из которых шло распространение праностратического или прасино-кавказского языка. Но это означает только, что у историков, лингвистов и археологов впереди очень много работы.

Но все доказанные и предполагаемые аргументы в пользу родства языков бледнеют на фоне гипотезы, утверждающей, что все мы, все люди мира, говорим на одном языке.

Как так?..

Конечно, каждый раньше или позже с удивлением выясняет, что привычные ему формы родного языка

совсем не обязательны для человеческой речи. Кто не удивлялся при знакомстве с иностранными языками, зачем англичанам, немцам и французам артикли, которых нет в русском языке; англичане же или французы поражаются тому, сколько падежей имеет у нас имя существительное. Между тем русский, английский,

французский и немецкий принадлежат к одной языковой семье, и различия между ними сравнительно невелики.

В речи эскимосов фразы очень трудно разбить на слова. В тюркских языках основа слова и его суффикс относительно самостоятельны и «гуляют сами по себе», оказываясь порой

в отдаленных друг от друга местах предложения. У китайцев почти все слова очень короткие, односложные и вообще не меняют своей формы.

Есть языки, в которых значение слов и смысл фраз зависят от музыкального тона слова и фразы.

80

Таких примеров различий между языками можно привести великое множество.

Но зато у всех языков мира — от вьетнамского до английского, от суахили до украинского, от якутского до языка индейцев айма — есть некоторые общие черты. Ученые говорят о языковых универсалиях — правилах, действующих с одинаковой силой во всех наречиях и диалектах планеты.

Пока что нам известны далеко не все такие универсалии. И можно высказывать только предположения о том, чем объясняются многие из них. Что-то может тут зависеть просто от устройства голосового аппарата человека, что-то от глубинных, основных законов нашего мышления и т. д. Нам, естественно, больше всего бросаются в глаза отличия; для нас всего важнее, что носители этих языков не понимают друг друга. Но лингвисты-теоретики, хорошо представляющие, какие в принципе, согласно законам одной лишь теории вероятности, возможны между языками различия, считают реальное разнообразие языков отнюдь не таким уж безбрежным. Скорее наоборот.

Вот если учесть все эти обстоятельства, говорят некоторые теоретики, то утверждение о единственном земном языке не покажется таким уж большим преувеличением.

Мало того что лингвисты умеют устанавливать не только родство языков, но и степень его. Есть сейчас у них могучий инструмент для определения времени, когда языки отделились один от другого. Правда, относительно точные данные тут получаются лишь при углублении в прошлое на 1—4 тысячи лет.

Этот инструмент — глоттохронология, учение об изменении временем лексики, словарного состава языка.

Да, наш язык изменчив.

Можно в нем выделить, однако, так называемый базисный словарь — слова, обозначающие понятия, как будто не подвластные времени (или мало

подвластные). У человека всех эпох есть руки и ноги, на каждой руке — пальцы, на лице — глаза и нос. И всегда человек живет в обществе, так что у него есть нужда в употреблении личных местоимений — от «я» и «мы» до «ты» и «они» и т. д. Понятно, что без соответствующих слов (принято считать, что их около двухсот) язык просто невозможен. Но и базисный словарь меняется. Исчезают одни слова, на смену им приходят другие. Так, несколько сот лет назад в русском языке слово «глаз», прежде, по-видимому, означавшее шар, вытеснило старое «око». Явно устарели сейчас особые слова для правой и левой рук — «десница» и «шуйца».

Так вот, самое значительное здесь не то, что базисный словарь меняется, а то, насколько закономерно, с одной и той же в среднем скоростью он меняется у самых разных языков.

За тысячу лет из 200 «главных слов» уходят, исчезают 39, а на их место заступают новые слова. Но 161 слово остается! Ученые ввели в лингвистический обиход такое понятие, как «коэффициент сохраняемости лексики». Он равен в среднем 80,6% на тысячелетие.

Значит, по количеству общих слов в двух родственных языках можно подсчитать, как давно эти языки разделились. Иначе говоря, так нередко можно выяснить, давно ли два этноса стали самостоятельными, сколько веков прошло с тех пор, как они говорили на общем языке, составляя единый этнос.

На больших пространствах севера СССР живут ненцы, неподалеку от них, на Таймыре, — нганасаны, в междуречье Оби и Енисея — селькупы. Все они говорят на родственных самодийских языках. К числу этих языков относится и ныне мертвый камасинский, когда-то бывший в ходу в Саянах. Когда разделились самодийские языки?

Число общих слов в ненецком и нганасанском языках составляет 55%, в ненецком и селькупском — 48%. 46—49% общих слов — у ненецкого и камасинского, нганасанского и селькупского, нганасанского и камасинского, селькупского и камасинского языков.

Подсчет показывает, что распад общесамодийского языка произошел

в самом конце 1-го тысячелетия до н. э. — начале 1-го тысячелетия н. э. Ненцы и нганасаны, по-видимому, продолжали и после этого составлять один этнос, разделившийся позднее, примерно в VI веке н. э.

Не всегда, конечно, такой подсчет оказывается достаточно точным. Скажем, в большинстве тюркских языков процент общих слов значительно, «чем следует», если принять во внимание только обычный коэффициент сохранения лексики.

Одно из возможных объяснений: многие тюркские народы на протяжении последних двух тысяч лет вместе входили в большие державы, такие, как Тюркский каганат и другие огромные государственные образования разных эпох, при этом значительную часть тюрков составляли кочевники, сравнительно часто менявшие территории, где они обитали. В результате отдельные тюркоязычные этносы были связаны между собой больше и теснее, больше общались между собой, чем общаются этносы «в среднем». Это и отразилось на замедлении темпа, с которым расходились «в стороны» их языки.

Добавим, что влияют на процесс изменения языка многие факторы, включая, скажем, интенсивность контактов с иноязычными народами; поэтому глоттохронологические часы могут и спешить и отставать. Но следует ли из-за этого отказываться от такого замечательного измерительного инструмента? Право же, лучше вносить соответствующие поправки.

Этнические и языковые процессы тесно переплетены между собой. Этнос, когда весь он или большая часть составляющих его людей меняют язык, может остаться собой, сохранив основы культуры и представление о единстве с предками, говорившими на ином языке. За примерами далеко ходить не надо. Почти все шотландцы говорят сегодня только по-английски, но остаются шотландцами. Большая часть ирландцев тоже перешла на английский язык, не перестав от этого быть ирландцами. Только по-русски разговаривает даже в семейном кругу значительная часть карел, мордвы, некоторых других советских народов,

Ритуальный мужской танец
индейского племени. Бразилия

Дети в национальных костюмах. Белоруссия

сохраняющих при этом представление о своей исторической связи с прямыми предками.

Теперь о том, как этнос может изменить язык. Обитатели большой части Балкан, смешавшись в VI веке и позже со славянами, приняли их язык, хотя аборигенов, по свидетельству антропологов, было больше. Точно

так же жившие на Кавказе и до прихода аланов предки осетин, почти не смешавшись с пришельцами, все-таки приняли их язык.

По-видимому, решающую роль для победы в споре языков в обоих случаях сыграло то, что славяне на Балканах, а аланы в горах теперешней Осетии оказались господствующим политическим слоем.

Но такое господство совсем не обязательно ведет к победе языка пришельцев, хотя на их стороне, между прочим, особая сплоченность, обычно характерная для завоевателей. Иногда их просто слишком мало для этого — именно так обстояло, по-видимому, дело, когда протоболгары (булгары), тюркские по языку пришельцы с Дона, растворились среди славян Восточных Балкан, оставив очень немного следов и во внешности и в языке общих потомков.

Точно так же при встрече языка коренных обитателей Италии и языков завоевателей, пришедших на Апеннинский полуостров в раннем средневековье, победили аборигены, которых было гораздо больше.

История французского языка демонстрирует нам оба варианта — по очереди. Сначала римляне, завоевавшие Галлию, принесли ее кельтскому по языку населению свою латынь, которая в конце концов выиграла соревнование с местными наречиями. А затем образовавшиеся на ее основе местные языки вынуждены были вступить в борьбу с языками новых завоевателей — германских племен. Как и в случае с Болгарией, произошел своеобразный «размен»: страна приняла имя одной из групп завоевателей (Франция — от племени или

племенного союза франков), но общие потомки завоевателей и завоеванных стали говорить на языке последних.

Разные языки встречались и влияли друг на друга в течение, вероятно, всех тех долгих тысячелетий, что они существуют. При этом совсем не обязательно, чтобы один из них, проникнув на территорию соседа, начал его вытеснять. Лингвисты отмечают существование так называемых языковых союзов — групп языков, даже не слишком родственных, в которых из-за территориальной близости и контактов народов появляются общие особенности. В балканский языковый союз входят и довольно далекие друг от друга болгарский, румынский, албанский, новогреческий языки.

Есть признаки рождения советского языкового союза. Мало того что во всех наших языках есть слой так называемой общесоветской лексики — слов, обозначающих одни и те же явления, характерные для жизни первой страны социализма, мало того, что славянские языки поделились своим словарным запасом с остальными и в свою очередь включили в себя некоторые слова из тюркских, кавказских, угрофинских языков, — лингвисты еще и отмечают отдельные сходные явления в развитии грамматики, характерные и для языков, достаточно далеких друг от друга. Но считать такой союз сформировавшимся пока нельзя.

Да, в истории можно найти много примеров взаимодействия языков и принятия новых языков «старыми» этносами. Однако такой плотности событий этого ряда, какая характерна для XX века, не было многие века.

ВОЗМОЖНО ЛИ ВОЗРОЖДЕНИЕ?

Человечество потеряло на своем историческом пути множество языков. Никто не говорит сегодня в обиходе ни на латыни, ни на древнегреческом, ни на галльском, но за давностью лет о том, чтобы оживить эти давно мертвые языки, речи не идет, хотя древнегреческий знает не так уж мало людей, а латынь изучают в какой-то мере миллионы врачей, фармацевтов, биологов. В Израиле государственным языком стал иврит, язык Ветхого завета, но, видимо, этот эксперимент останется единственным в своем роде. Индия не намерена возрождать и делать официальным санскрит, язык священных книг ее древности, и даже создавшие несколько вариантов своего литературного языка норвежцы все-таки не собирались возвращаться к языку времен древнегерманского или даже общескандинавского единства.

Но вот языки, ушедшие совсем недавно или уходящие из обихода на наших глазах, — те, на которых говорили народы, ассимилированные соседями или только перешедшие на соседние языки, — могут ли они вернуться?

До недавних пор огромному большинству ученых казалось, что это дело безнадежное. Да и общественное мнение гораздо больше интересовала возможность создания для человечества международного языка. Особую популярность среди претендентов на это звание завоевал созданный польским врачом-окулистом Людвиком Заменгофом эсперанто. Его знают сегодня, пожалуй, уже десятки миллионов людей, на нем выходят газеты, журналы, книги. Роль международных языков играют сегодня в еще большей мере английский, русский, испанский, французский, в Индии — хинди, в Пакистане — урду, в Восточной Африке — суахили.

Но потребность в международных языках не означает ведь, что отпала необходимость в языках национальных. И стремление к сохранению слабееющих языков и возрождению исчезнувших наречий порождено, как правило, не только ростом национального самосознания или тоской по «прекрасному прошлому».

Дело также и в другом. Все яснее осознается важность и даже необходимость для человечества многообразия: многообразия природных и искусственных ландшафтов, областей познания, культур — и способов выражения мыслей тоже.

Все сильнее мы ощущаем, что созданные человечеством богатства — в том числе и богатство языков, наречий, говоров — нужны, и потери тут оказываются в конечном счете болезненны не только для прямых потомков носителей того или иного языка.

Пример бережного отношения к языковой культуре малых народов подала когда-то всему миру наша страна. В 20—30-е годы была создана письменность для десятков языков, прежде ее лишенных. И уже в последнее время эта работа продолжена. А ведь язык с письменностью обретает новые силы, он лучше обслуживает культурные нужды своего народа.

Сегодня интеллигенция многих этнических меньшинств в Европе, Америке, Австралии и Океании предпринимает попытки вернуть к полнокровной жизни по крайней мере некоторые исконные их языки. Это относится и к провансальскому и бретонскому во Франции, и к саамскому в Норвегии, Швеции, Финляндии, и к некоторым индейским в обеих Америках...

Очень любопытно современное положение гавайского языка.

Гавайские острова теперь — один из штатов США. Но здесь (так сложилось исторически) население чрезвычайно смешанное, чистокровных гавайцев, потомков аборигенного населения, почти не осталось, а сейчас, пожалуй, даже потомки от смешанных браков гавайцев с европейцами, китайцами и пр. составляют относительное меньшинство. И тем не менее гавайский язык здесь пользуется большой поддержкой, причем не только потому, что ему верны потомки аборигенов; этот язык стал символом единства разных народов самого штата.

Так или иначе, но в мире идет не только «подавление» большими языками малых, но и процесс обратный. Можно ли считать, что за ним будущее? Право же, ответ на этот вопрос далеко не прост, но все же стоит обратить внимание на одну тенденцию, характерную для некоторых групп этносов: сегодняшняя культура многих народов основана на том, что каждый принадлежащий к ним человек в обиходе пользуется двумя, а то и тремя языками. Может быть, будущее — за повсеместным (в очень далеком будущем) двуязычием. Родной язык — великое сокровище. Тот, у кого таких языков два, вдвойне богат. Если он действительно, по-настоящему знает оба.

2 Первобытные религии в общем довольно своеобразны у каждого этноса, но, разумеется, имеют некоторые общие черты. Непременны налицо боги (духи, тотемы), особо покровительствующие именно этому этносу; нередко к ним возводятся происхождение самого племени, а в более позднее время — по крайней мере родовых старейшин и князей (царей, конунгов, ханов...).

Племена индейцев, австралийцев, пигмеев поклонялись каждое своим тотемам (животным-предкам). А раз тотем — предок, то и заинтересован он только в потомках, и рассчитывать на его помощь и покровительство могли только они. Чужим, не родственникам, он не нужен. Языческие боги античной древности унаследовали эту верность «своим» — хотя и не все. Однако чужеземец мог по крайней мере задобрить богов народа, среди которого он собирался жить.

Ф. Энгельс отмечал: «Религия возникла в самые первобытные времена из самых невежественных, темных, первобытных представлений людей о своей собственной и об окружающей их внешней природе... Боги, созданные таким образом у каждого отдельного народа, были национальными богами, и их власть не переходила за границы охраняемой ими национальной области, по ту сторону которых безраздельно правили другие боги»¹.

Но время шло, нарастали культурные контакты, все больше узнавали люди о соседях и о богах. Однако языческие небесные владыки были на удивление терпимы к чужим богам. Отдавая предпочтение «собственным», человек эпохи политеизма чувствовал определенный пиетет и перед божествами соседних племен и народов, а уж оказавшись на «подведомственной им территории», обычно полагал нужным их задобрить.

Ксеркс в V веке до н. э., явившись с армией в Грецию, которую намеревался покорить, не преминул принести жертву олимпийским богам; чиновники римских императоров на заре нашей эры неукоснительно приносили от их имени жертвы богам подвластных земель. И если в еще более глубокой древности при войнах между городами-государствами древней Месопотамии и происходило порою некоторое умаление богов, покровительствовавших городам побежденных, то это было именно умаление: бога-покровителя неудачников переставляли в общем семействе богов пониже, на менее почетное место.

Лишь с приходом единобожия, да еще единобожия агрессивного, нетерпимого к иным верованиям, становятся возможными действительно массовые, широкие кровавые столкновения на религиозной почве — точнее, под религиозными лозунгами, потому что, как нетрудно было увидеть внимательным историкам, дело было далеко не в одних лишь вероисповедных разногласиях.

К душе человека обратились ислам и христианство; они потребовали от своих последователей не только соблюдения и принесения положенных жертв и поклонов, но и верности четко определенной системе взглядов. Отклонение в мелкой, на современный взгляд, детали догмы или обряда приобретает в 1-м тысячелетии н. э. значение, какого не могли себе представить люди конца 1-го тысячелетия до н. э., ни мы сами в конце 2-го тысячелетия н. э. Сейчас устраиваются мировые конгрессы представителей христианских церквей, собираются на совместные собрания для обсуждения проблем веры священнослужители христианские, мусульманские, иудейские, буддийские и индуистские. В III—VIII веках н. э., а часто и позже церковные собо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 313.

ры обращались в скопища анафемствующих друг друга святителей.

Как известно, нетерпимость бывает не только вероисповедной. В Византии и средневековой Европе социальные смуты, связанные как с классовой и сословной, так и с национально-освободительной борьбой, приняли форму религиозных. Точно опреде-

Индустские храмы Маха-
балипурама. Индия

85

ленное и зафиксированное конкретное учение служило знаком единства определенной группы людей, становилось знаменем, под которым эта группа отстаивала, осознанно и неосознанно, свои экономические и иные интересы.

И как отметил Джавахарлал Неру в книге «Взгляд на всемирную исто-

рию», «во всей Северной Африке и Западной Азии, а также в Европе шли многочисленные сражения, в которых христиане пытались убедить своих собратьев христиан в истинной вере с помощью колотушек, дубинок и тому подобных «мягких» средств «убеждения»».

Чрезвычайно важным становится

понятие правочерности, православия (позже это слово стало официальным самоназванием главной восточной ветви христианства, но его очень активно употребляли и представители других ветвей и групп).

Раздираемое социальными противоречиями, в том числе и связанными с этническими конфликтами, византийское общество стремится к единству, а оно понимается как единство религиозное, и борьба между собой различных групп, классовых и этнических, рвущихся к власти над империей или, напротив, отстаивающих свою обособленность, выглядит на первый взгляд как драка христианских течений. Это долго обманывало многих — не только участников таких побоищ, но и занимавшихся историей Византии ученых.

Так, вполне свободомыслящий и либеральный русский профессор Н. И. Кареев писал в начале нашего века: «В самой церкви умственные силы направились скоро на разрешение превышающих человеческого разум догматических вопросов, что породило целый ряд ересей, а вместе с ними и страшные внутренние смуты, во время которых все более развивалась религиозная нетерпимость. В богословские споры стала затем вмешиваться и светская власть».

На самом деле ереси не столько побуждали к смутам, сколько сами были их порождением.

В соседнем Иране шли сходные процессы: древний зороастризм, первоначально довольно спокойно относившийся к иноверцам, к середине 1-го тысячелетия н. э., после тысячелетнего существования, приобретает, так же как и христианство, и, возможно, не без его влияния, черты нетерпимости. И зороастрийские цари Персии вознамерились сделать всех своих подданных правочерными. А Армения сопротивляется очередным персидским нашествиям уже под христианскими лозунгами — религия становится в таких ситуациях для народа средством сохранения своей культурной самобытности.

Лишнее тому доказательство, что Армения приняла не господствующую в Византии ветвь христианства — православие, но собственный вариант христианской религии, — здесь утвердилась армяно-григорианская цер-

ковь. И в столкновениях с Византией она стала опять-таки способом сохранения этнической независимости армян.

В начале XVII века первая в Европе буржуазная революция вынудила Испанию признать независимость Северных Нидерландов (государства, которое сегодня именуется просто Нидерландами или по старинке Голландией). А южные провинции прежних «больших Нидерландов» остались владением Испании, затем — по чисто феодальным законам — достались австрийским императорам (как когда-то перешли от бургундских великих герцогов к испанским королям), в конце же концов стали независимым государством Бельгией.

Государственная граница, прошедшая по живому телу единой прежде страны, отделила не только владения заморских монархов от независимой республики. Она еще была границей между владениями двух церквей. В испанской колонии инквизиторы сумели восстановить господство католической церкви. В Голландии тогда победил протестантизм. (Опять-таки заметим, что в современных Нидерландах католики составляют примерно половину населения.)

Нынешнюю Бельгию населяют два народа — фламандцы, говорящие на одном из германских языков, и валлоны, чья родная речь — французская. Это рождает массу национальных проблем, дебаты в парламенте, трудности со школьным и университетским образованием и т. д. — но нет оснований полагать, что Бельгия когда-нибудь распадется надвое (тем более что с недавних пор два этноса пользуются определенной автономией). Общая история, общие государственные границы крепко спаяли два народа одной страны; некоторые ученые говорят даже об уже возникшем двуязычном бельгийском этносе, хотя, как представляется, они торопятся. Нельзя забывать и о роли в этом союзе двух народов общей религии — католицизма. Она же спустя два века после войны с Испанией за освобождение сыграла большую роль в том, что Нидерланды и Бельгия — независимые друг от друга, отдельные государства.

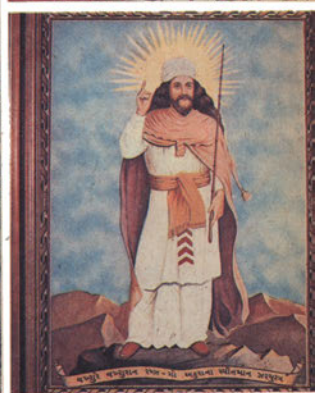
Дело в том, что решением Венского конгресса 1815 года, наводившего в

Европе «порядок» после наполеоновских войн, Бельгия была отдана под власть голландского короля. Но через пятнадцать лет бельгийцы — и фламандцы и валлоны — восстали и отделились. Между тем фламандцы были по языку куда ближе к голландцам (фламандский и голландский языки практически взаимопонятны), чем к

Церемониальное сожжение тела умершего брахмана. Индонезия

Изображение ацтекских богов. Мексика

Заратустра. Основатель одной из древнейших религий — зороастризма. С персидской миниатюры

валлонам, — но общие экономические интересы, общая история двух веков, общая религия объединяли их с валлонами, и все это перевесило...

В том, что хорваты и сербы, говорящие на одном и том же языке, представляют собой разные народы, сыграли роль различия в религии:

хорваты — католики, сербы — православные. Но ведь само это религиозное размежевание — следствие конкретных исторических событий давних времен, когда хорваты были отделены от сербов государственными границами. Хорватия в отличие от Сербии входила когда-то в состав Франкской державы, а с XII века и

вплоть до 1918 года Хорватия, за вычетом коротких промежутков времени, была частью Венгерского королевства (и долго входила вместе с ним в Австрийскую империю). Сербия же вплоть до XV века была самостоятельна, затем почти пять столетий боролась против турецкого ига, а крещение приняла не с запада, а с востока, из Византии, почему и стала православной.

Порою религия, разумеется, на социально-экономической основе, рожденной соответствующей эпохой, играет еще более важную роль в истории народа.

От Персидского залива до восточного побережья Атлантики протянулись через Азию и Африку арабские государства.

Многие народы Северной Африки и некоторые народы Передней Азии приняли арабский язык в результате походов, предпринятых арабскими халифами во времена раннего средневековья. А многочисленные разрозненные кочевые племена Аравийского полуострова стали мощнейшей военной и политической силой, способной на такие походы, тогда, когда объединились в одном государстве. Объединились под знаменем единой веры — ислама. Понятно, что для такого объединения прежде должны созреть социально-экономические условия, оно настоятельно требовалось купцам, мелким и средним феодалам, но в нем были объективно заинтересованы и эксплуатируемые низы общества.

Вера в единого аллаха стала формой признания власти единого государства. А государство, объединяющее многие племена кочевников, как показывает опыт истории, в феодальные времена оказывается обычным воинственным и победоносным. Тысячи воинов Мухаммеда и его преемников-халифов устремились на север, запад, восток и юг. Рухнула власть Византии в Сирии и Египте, одна за другой были присоединены к халифату многие страны Африки и Азии. Оказались захвачены Персия, Армения, Грузия, большая часть Средней Азии. Единый халифат продержался относительно недолго; языки Ирана, Закавказья, Средней Азии удержались на прежних территориях, но на огромных простран-

ствах арабские язык и культура стали господствующими.

Сегодня этнографы говорят о египетском, алжирском, ливийском и других этносах, но люди этих народов причисляют себя к единой арабской нации. Бесспорно существование целого арабского мира, который говорит на диалектах и наречиях одного языка. Конечно, при этом не может идти речи о нации как едином этносоциальном организме. Более того, используя приведенную выше терминологию, можно охарактеризовать арабский мир как особую метаэтническую общность.

Походы Чингисхана были гораздо ближе к нам по времени, они охватили даже большую территорию, и единая монгольская империя просуществовала почти полтора столетия. А вот нет «монгольского мира», не говорят потомки побежденных монголами народов на диалектах монгольского языка. Безусловно, среди причин такого различия между последствиями двух завоеваний важна та, что арабы несли с собой мощное идеологическое оружие — ислам.

Египет был сотни лет царством преемников одного из полководцев Александра Македонского — Птолемея Лага (который получил при разделе империи власть над долиной Нила), потом — провинцией Рима и Византии. Здесь жили сотни тысяч греков, греческим был язык двора Птолемеев и канцелярий правителей провинции, но религии византийских греков Египет не принял. Даже тогда, когда христианство победило в долине Нила, большинство ее обитателей оказалось последователями еретической, с точки зрения византийских правителей, секты.

А вот арабов было гораздо меньше, чем греков. Но мусульмане принесли с собой Коран — и закон, по которому с мусульман взималось втрое и вчетверо меньше налогов, чем с «неверных». Сопротивляться казням иногда легче, чем устоять перед соблазном снижения подати. К тому же сама победа арабов «свидетельствовала» побежденным о силе их бога.

Египет стал в основном мусульманским довольно быстро, но понадобилось несколько сот лет, чтобы арабский язык смог окончательно победить местный. Последними в стране,

уже в XVII веке, арабский приняли египетские христиане-копты, сохранив собственный, «доарабский» язык лишь для церковной службы.

Могли бы стать арабскими народами и еще некоторые этносы Азии, но тут против религии в качестве этнического фактора выступила религия же.

Животные, боги и человек.
Традиционный праздник
на острове Бали. Индонезия

Японский божок

Ритуальный танец женщин
одного из племен дуррани.
Афганистан

Один из храмов Махабали-
пурама

89

Мухаммед стал не только пророком, но и главою государства. По феодальным законам ему должны были наследовать его родственники, ближайшим из которых оказался двоюродный брат и зять Али. Но халифом избрали другого. Тот, умирая, передал свою власть третьему... И тогда возникла партия, ставившая

своей целью возвращение халифского престола «законным» наследникам пророка. Али стал халифом, но был убит. Партия же превратилась постепенно в религиозную секту шиитов, но и как партия, и как религиозное течение она черпала основную силу не в арабах, а в иранцах. Религиозное начало опиралось на этническое.

Через полвека с небольшим после смерти Мухаммеда был убит его потомок Хуссейн, наследник Али. С тех пор минули тысяча триста лет, тринадцать веков, но до сих пор последователи одного из двух главных течений ислама — шиизма — каждый год отмечают день траура по Хуссейну.

Провозглашая своими героями убийц, а вождами — лишенных власти арабских принцев, персы под религиозным знаменем шли сражаться за национальную независимость. В Иране несколько раз поднимались восстания против халифов. До тех пор пока иранец по прозвищу Абу-Муслим не посадил на трон халифов потомка араба Аббаса — дяди пророка Мухаммеда.

В дальнейшем именно в Иране шиизм получал все большую силу, пока в конце концов не стал здесь господствующей религией.

Религия и позднее долго была для Ирана формой защиты многовековой культуры, средством борьбы за независимость против сильных соседей, придерживающихся ортодоксального течения в исламе — суннизма.

Религия сыграла решающую роль в том, что при всех исторических изменениях более 3 тысяч лет существует еврейский народ. Перекресток путей мирных и военных, земля близ стыка Африки и Азии лежала как раз на наиболее удобной дороге из Египта в Месопотамию, не раз подвергалась нашествиям и завоеваниям, становилась провинцией той или иной державы. Самостоятельные еврейские государства погибли, а после восстаний против Рима в начале 1-го тысячелетия н. э., жестоко подавленных, Палестина сильно обезлюдела. Но расселение евреев по многим окрестным и более далеким странам началось задолго до этого: еще примерно в VIII веке до н.э. Потомки кочевых скотоводов и земледельцев Палестины еще во времена египетских фараонов, вавилонских царей и римских императоров оказались в значительном числе за пределами родины своих предков. Точно так же покидали родные места под ударами завоевателей, по воле властителей, склонных переселять своих подданных, или просто в поисках более безопасных и обеспечивающих лучший уровень жизни условий представители многих

народов. Но вскоре начиналось смешение переселенцев с основным населением новых для них земель.

Евреев удерживала от этого мощная монотеистическая религия со сложной системой обрядов. Причем евреи, изменявшие ей, тем самым переставали быть евреями, а принятие иудаизма делало евреем человека любого происхождения. Иудаизм менялся, менялось положение евреев, но принимавшиеся по отношению к ним в Риме и средневековых европейских и некоторых других государствах ограничительные меры и прямые преследования только укрепляли значение иудаизма как этнического признака. Притом падала роль языка как такого признака. Еще в Палестине обиходным языком древних евреев стал арамейский (сирийский); древний иврит, на котором написан Ветхий завет, остался лишь священным языком, как позже латынь для католиков.

В странах расселения евреи переходили на язык большинства, в Испании, например, на испанский, в Германии — на один из немецких диалектов, на основе которого возник идиш. Изгнанные из Испании и переселившиеся из Германии евреи долго сохраняли верность этим языкам и на новых территориях. В Индии есть евреи дравидо- и маратхоязычные, в Средней Азии язык их — таджикский и т. д. В СССР в 20—30-е годы идиш был вытеснен у большинства евреев русским языком, а сегодня половина евреев мира говорит по-английски.

В XIX—XX веках, с ослаблением роли религии, смягчением и уничтожением в большинстве стран средневековых мер против евреев усилились процессы культурного сближения евреев с другими народами. Этот процесс был прерван, но не остановлен гитлеровским геноцидом.

Как представляется, именно трагедия европейской евреев в годы второй мировой войны резко усилила движение за возрождение древнего государства, завершившееся в 1948 году образованием по решению ООН государства Израиль. Там сейчас формируется израильская нация, причем иудаизм объявлен государственной религией.

В странах расселения, в том числе в СССР, даже верующие евреи

довольно легко вступают в смешанные браки (в США в таких браках состоит примерно половина евреев).

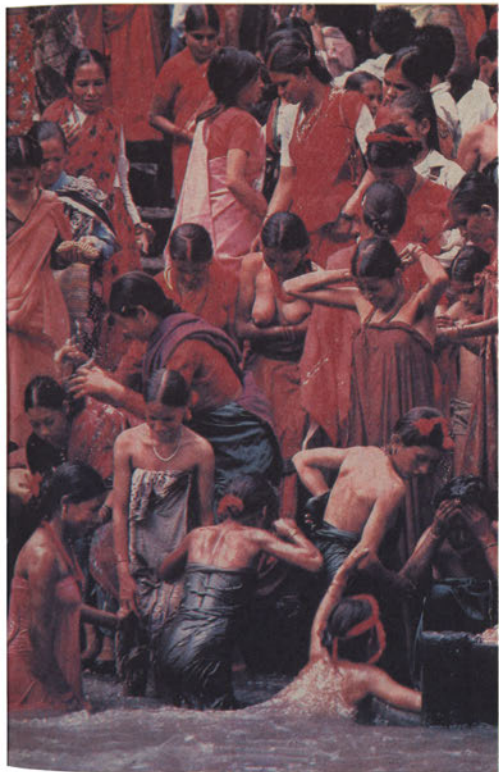
Вера сыграла важную роль и в истории индийских сикхов — общности людей, которая, по мнению большинства ученых, или уже сформировалась или формируется в единый народ.

Религия, объединившая сикхов, бы-

Купальный обряд в честь индуистской богини Парвати. Непал

Скульптуры духов или божков. Океания

Католический собор в Гаване. Куба

ла порождена сложнейшими условиями жизни Панджаба — большой исторической области в Индии — в позднее средневековье.

Гуру Нанак (учитель Нанак) провозгласил здесь на рубеже XV—XVI веков свое учение о равенстве людей независимо от их религии и касты. Учение быстро обернулось новой

религией, отвергавшей изощренную обрядность и аскетизм. Проповедь и молитвы звучали на родном языке этих мест — панджаби. Вокруг гуру объединились сикхи (в буквальном переводе — «ученики»). Преемник Нанака создал алфавит языка панджаби, превратил этот язык из только разговорного и в письменный.

Третий по порядку гуру выступил против многоженства и против обособленности каст, прямо призывая при этом к межкастовым бракам.

Десятый гуру провел серию реформ в сикхизме, придал этому религиозно-социальному движению новый размах.

С тех пор истинные сикхи (мужчины) не стригутся и не бреются, всегда носят в волосах стальной гребень, на правой руке — стальной браслет и никогда не расстаются с кинжалом.

Впрочем, это относится только к людям, прошедшим специальное посвящение в боевое братство — хальсу.

Сикхи знали страшные поражения и великие победы. Они почти всегда составляли в Панджабе меньшинство, хотя и сильное, но именно благодаря сикхам Панджаб был последней областью в Индии, подчинившейся британской власти. Постепенно религиозная община сикхов все в большей степени приобретала этнические свойства, все больше отличалась по своей культуре и обычаям от других панджабцев — мусульман и индустов. Этот процесс продолжается.

В сегодняшней Индии экстремистские круги сикхских националистов претендуют на независимость, прибегая нередко к жестокому и бессмысленному террору. Тут весьма подозрительна роль некоторых религиозных их лидеров. Парадокс — люди, объявляющие себя наследниками прежних борцов за веротерпимость, выступают теперь в роли религиозных экстремистов. Но большинство сикхов — за существование на правах автономии в составе Индийской республики.

Число примеров, когда религия играет важную роль в появлении нового этноса, легко умножить.

Те из принявших мусульманство китайцев, которые довольно компактно жили на северо-западе страны, стали постепенно формироваться в новый народ — хуэй.

Из-за религиозных преследований часть из них покинула свою прежнюю родину в конце XIX века и живет сейчас в Советской Средней Азии. Эту часть прежних хуэй называют дунганями.

А иранцы, которые сохранили верность своей древней, домусульман-

ской еще религии — зороастризму, стали особым народом, известным теперь под именем парсов. Живут парсы главным образом в Индии и Пакистане. Их там немного — несколько десятков тысяч, но это очень влиятельная этническая группа, поскольку многие из парсов стали купцами и фабрикантами, в их руках оказалась значительная часть банковского капитала. Говорят парсы ныне на том же языке, что и один из больших народов Индии — гуджаратцы. Немало общего у них с гуджаратцами и в духовной и материальной культуре. И все-таки роль религии и связанных с нею культурных особенностей у парсов так велика, что нет пока сколько-нибудь серьезных признаков ассимиляции малого народа большим.

А вот еще примеры, когда сегодня, в наше время, религиозные различия разделяют — или могут разделить в ближайшем будущем — единый недавно этнос на два новых.

В Мьянме часть населения составляют мусульманы, резко обособившиеся от буддистского большинства. Живут они компактно, и в Мьянме образована для них Араканская национальная область. Среди курдов, живущих в Иране, Ираке, Сирии, Турции, есть принадлежащие к древней вере йазидов (йезидов). Многие исследователи полагают, что йазиды становятся постепенно особым этносом; между тем государственные границы, века разделяющие большой (по разным оценкам — от 13 до 20 миллионов человек) курдский народ между разными государствами, не смогли сами по себе вызвать его разделение. Другой пример, весьма значительный по масштабам, касается бенгальского этноса. Мусульмане-бенгалцы оказались после раздела Британской Индии в Восточном Пакистане, превратившемся позднее в Республику Бангладеш, бенгальцы-индуисты — в Республике Индии. Различие в религии, подкрепленное государственными границами, — сильнодействующий фактор.

Но и в пределах одной страны — Эфиопии харари, исповедующие ислам, обособились от христиан амхара.

Итальянцы-католики в католической Аргентине легче ассимилируются, чем итальянцы-протестанты, — культура и язык в обоих случаях оди-

наково близки к господствующим, так что тут роль религии явно выступает на первый план.

Сближению этносов Пакистана (при всех трудностях этого процесса) способствует общая для этих этносов религия — ислам. Ту же роль играет буддизм в Таиланде.

В то же время элементы противос-

Католикос всех армян
Вазген I

В музее деревянного зодчества под Новгородом

Эскимосский идол

93

тояния в отношениях франкоканадцев и англоканадцев не менее, пожалуй, чем с различием языковым, связаны и с тем, что первые — католики, вторые же протестанты.

И в США, понятно, легче ассимилируются арабы-христиане, чем арабы-мусульмане.

Нельзя не упомянуть о важной

роли, которую сыграла религия для сохранения православных украинского и белорусского этносов в пору, когда их территории входили в состав Польско-Литовского государства, где господствовала католическая религия. Однако стоит заметить, что были белорусы-католики, не потерявшие национального самосознания.

Собственно говоря, большинство современных сколько-нибудь крупных этносов включает в себя представителей не одной, а нескольких, иногда даже многих религий. Достаточно назвать хотя бы североамериканцев, среди которых есть последователи почти всех (если не всех) существующих ветвей и сект христианства, многих мусульманских течений, иудаизма, буддизма и т. д. плюс еще сторонники многих новых, синтетических религиозных течений, возникших буквально в последние десятилетия.

И наоборот, почти все значительные религиозные течения нашли себе адептов среди многих народов. Взять хотя бы адвентистов седьмого дня — секту, в XIX—XX веках много занимавшуюся миссионерской деятельностью. Их самих не так уж много во всем мире — по разным подсчетам, от 2 до 5 миллионов, но литературу они издают на сотнях языков и последователей нашли в доброй сотне государств и среди нескольких тысяч народов и племен. Что ж говорить о гораздо более многочисленных католиках, лютеранах, кальвинистах...

Словом, не случайно ведь христианство называют, как и ислам и буддизм, мировой религией. Ислам, как и христианство, имеет сегодня десятки разнородных течений, но почти ни одно из них не ограничивается в своем распространении одним народом или

одной страной. Буддисты разных толков есть в Японии и Китае, во всех странах Индокитая, в Монголии и СССР (Бурятская АССР) и т. д.

Этнографы полагают, что и религии, традиционно (и неудачно) именуемые национальными, на самом деле такими, как правило, не являются. Индуизм не вышел далеко за пределы Южной Азии, но ведь он распространен среди десятков этносов Индии и Непала, привился в ряде районов, куда мигрировали индийцы. Конфуцианство часто воспринимается как чисто китайское религиозное учение — но у него есть последователи среди корейцев и вьетнамцев.

Среди последователей иудаизма есть таты в Дагестане и Азербайджане (точнее, часть татов), а таты, безусловно, представляют собой отдельный этнос, есть фалаша — «черные евреи» — в Эфиопии, которые тоже признаются большинством ученых отдельным этносом. В ряде случаев и во многих странах евреи фактически входят в состав иных этносов в качестве субэтнических групп.

Разве что синтоизм еще можно назвать японской национальной религией — и то с оговоркой, что часть японцев синтоизма не придерживается, а другие исповедуют одновременно синтоизм и буддизм (иногда же синтоизм и какую-нибудь другую религию, повторяем, одновременно).

ВО ИМЯ ВЕРЫ, ИЛИ МУХИ И МЕД

«Это было во время войн католиков с гугенотами. Видя, что католики истребляют гугенотов, а гугеноты истребляют католиков, и все это во имя веры, отец мой изобрел для себя веру смешанную, позволявшую ему быть то католиком, то гугенотом». Узнаете? Так излагает в «Трех мушкетерах» Мушкетон, верный слуга доблестного Портоса, биографию своего отца. И продолжает:

«Вот он и прогуливался обычно с пищалью на плече за живыми изгородями, окаймлявшими дороги, и, когда замечал одиноко бредущего католика, протестантская вера сейчас же одерживала верх в его душе. Он наводил на путника пищаль...» — и тот, как вы понимаете, расставался с кошельком. Когда же этот достойный человек «встречал гугенота, его сейчас же охватывала такая пылкая любовь к католической церкви, что он просто не понимал, как это четверть часа назад у него могли возникать сомнения в превосходстве нашей святой религии».

Гражданские войны, сотрясавшие Францию в середине и конце XVI века, — классический пример религиозных войн, а их исследованием и описанием кроме ученых-историков занимались еще и большие писатели, в том числе Бальзак, Мериме, Г. Манн.

И католики и гугеноты с достойным лучшим применением усер-

дием обрушивались на своих противников, занимаясь взаимоистреблением во славу единственно истинной веры, которой каждый считал свою собственную... Если считал. Потому что немалое число видных деятелей обоих течений в зависимости от политических обстоятельств меняли веру почти так же часто, как усердный отец Мушкетона.

А если приглядеться к бурным событиям XVI века чуть попристальнее, обратить особое внимание не на приключения принцев и маркизов и даже не на бедствия крестьян, а на общественную ситуацию, то на первый план выходят вещи, имеющие к религии весьма слабое отношение. Посудите сами. Открытая борьба католиков с гугенотами продолжалась многие десятки лет. Между тем (приведем цитату из примечаний Проспера Мериме к его повести «Хроника времен Карла IX»), «население Франции тогда равнялось приблизительно двадцати миллионам человек. Полагают, что во время второй гражданской войны число протестантов не превышало полутора миллионов...»

Так что же, полтора миллиона успешно сопротивлялись восемнадцати с половиной миллионам? Благодаря чему? Цитата из Мериме приведена была в оборванном виде. Окончание последней фразы кое-что проясняет: «Но у тех (протестантов — *Авт.*) было больше денег, солдат и полководцев». Мериме не только писатель, но и крупный историк-исследователь, да и другие историки согласны с такой статистикой. Однако этот ответ заставляет задать новый вопрос: что же за полтора миллиона человек, если у них «больше денег, солдат и полководцев», чем у католиков, превышающих гугенотов по численности раз в двенадцать? Кто они по своему положению в обществе?

О, конечно, на стороне протестантов оказалась значительная часть высшей знати, и возглавляя эту партию по большей части принцы крови.

Но высшей знати на противоположной стороне было еще больше. Значит, дело в другом. Социально-географический анализ показывает: протестанты были сильны в богатых торговых городах запада и юга страны, вспомните хоть Ла-Рошель, которую пришлось осаждать или защищать стольким героям Мериме и Дюма, вплоть до Д'Артаньяна. Гугенотами стали и многие обитатели горных, сравнительно патриархальных районов страны, жители, например, Пиренеев на юге и Севенн на востоке страны. Жанна д'Альбре, мать будущего Генриха IV, правительница Наварры, обращает в протестантство свое горное королевство. Так же поступали некоторые менее знаменитые крупные феодалы. Наконец, распространение новая вера получила и в сельских местностях юга Франции, особенно среди здешнего мелкого дворянства.

Понятно, что города давали прежде всего деньги, мелкие дворяне и горцы обеспечивали армию боееспособными солдатами, знать же выставяла полководцев с громкими именами. А теперь вспомним слова Ф. Энгельса о средневековых народных движениях.

«Чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде»¹.

И любое политическое течение в феодальной и позднефеодальной Европе приобретало религиозную оболочку.

Протестантизм во Франции стал в XVI веке формой союза части буржуазии с обуржуазившимся дворянством и стремившимися к самостоятельности крупными феодалами, — союза, противостоящего объединению ослабленной центральной власти с католичес-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 314.

кой церковью и наиболее реакционными феодальными группировками. Выражало в какой-то мере гугенотство и национальные устремления многих жителей южных территорий страны, которые, собственно говоря, не принадлежали пока к только еще складывающемуся общепольскому этносу.

Словом, маски католиков и гугенотов скрывали за собой лица противостоящих социальных и этнических группировок, часто достаточно зыбких, — скрывали не только друг от друга, но и от самих себя.

Ситуация, характерная отнюдь не для одной лишь Франции XVI века. Всякая религиозная война бывает вызвана глубокими социальными причинами, это всегда столкновение экономических и политических интересов — классов, общественных слоев, социальных групп, а сверх того, нередко, и выражение этнического конфликта.

Среди разожженных европейцами религиозных войн на первое место могут претендовать по своему масштабу крестовые походы. И опять-таки: религиозные мотивы были призваны прежде всего привлечь к походу массы; но те, кто затеял эту кровавую экспансию, похоже, в большой степени отдавали себе отчет в сути происходящего.

Во всяком случае папа Урбан VI не только говорил о недопустимости того, чтобы святыми местами владел «народ персидского царства, народ проклятый, чужеземный, далекое от бога отродье, сердце и ум которого не верит в господина...», но и утверждал, что Европа не в состоянии прокормить своих обитателей. И действительно, тогда западногерманские страны переживали кризис, связанный с относительным перенаселением. Да к тому же торовавшие купцы торговых городов, отрезанные арабским морским флотом от богатейших восточных рынков, жаждали власти над «средиземными» просторами и торговыми путями.

В течение двух с лишним сотен лет лилась кровь — не только европейцев, стремившихся к «гробу господню», не только арабов и турок, мешавших занять земли, где этот гроб якобы находился, но и византийцев, мимоходом разгромленных крестоносцами.

Эта война против нехристиан сделала возможными и религиозные бои внутри христианской Европы — десятки лет уничтожали «внутренние крестоносцы» еретиков в Южной Франции. Это сыграло роковую роль в судьбах южнопольского этноса. Католическая церковь не раз объявляла также богоугодными и походы на православных христиан на востоке Европы.

В XV веке национальное и антифеодальное восстание чехов проходило под знаменем с изображением чаши. Чаша символизировала требование мирян причащаться не только «плотью», но и «кровью господней», т. е. давать им во время причащения не только хлебную облатку (просвиру), но и церковное вино, по католическому обряду полагающееся лишь священникам.

Нетрудно увидеть, что эти и некоторые другие чисто обрядовые различия были и внешней оболочкой для национально-освободительного, антифеодального движения, которое сумело разгромить собранных со всей Европы рыцарей.

По мере развития капитализма достаточно внешняя роль религиозных меток на враждующих партиях становится виднее и для самих участников борьбы, не говоря уже о более поздних историках. Предпринятые в XX веке попытки вернуть религиозным мотивам в вооруженных конфликтах ту роль, которую они играли в феодальном прошлом, все реже пользуются успехом. Но иногда — пользуются.

В войне Ирана, где большинство населения — шииты, против Ирака, где шиитов меньшинство, лозунг религиозного единения, которым пытались поднять это меньшинство против правительства,

не сработал. Однако иранцев правящие круги Ирана объединяли все-таки под религиозными лозунгами.

А теперь — о мухах и меде.

Муха в деревенской лавке села на пролитую каплю меда, на муху прыгнул хозяйский кот, на кота кинулся и растерзал его пес покупателя-пастуха, лавочник убил пса, пастух — лавочника. соседи купца убили пастуха, его односельчане кинулись мстить.

Огонь село спалил дотла.
А были эти два села,
Где жили сотни две крестьян,
В пределах двух различных стран.

Это из стихов Ованеса Туманяна.

И запылал огонь войны,
И две страны разорены,
И поле некому косить
И мертвых некому носить.

Есть земли, где эта старая притча звучит более чем современно, и совсем не обязательно, чтобы речь шла о деревнях по разные стороны от государственной границы.

Нынешнему ливанцу эта притча живо напомнит, увы, историю стотридцатилетней давности. В деревне Бейт-Мири осел мусульманин-друга лягнул мальчика из семьи христиан-маронитов. Дальше? Все происходило почти как в стихах Туманяна. А в результате в 1859 году на Международной конференции в Париже европейские державы приняли решение устроить вооруженную интервенцию Франции и Англии в Ливане.

А в другом случае кровавая резня из-за куропатки, подстреленной христианином вблизи мусульманской деревни, привела к тому, что на другой европейской конференции принималось решение (неосуществленное) о разделении Ливана на государства по религиозному признаку. Решение не было выполнено — народ Ливана сохранил государственное единство. Но кровь льется на ливанской земле и в последние десятилетия. Здесь продолжается кровавая гражданская война, где сталкиваются между собой не только христиане с мусульманами — враждуют и представители разных христианских вероисповеданий, и мусульмане, принадлежащие к разным течениям в исламе, да еще на все это накладывается сугубо политическая борьба. Достаточно сказать, что Бейрут, столица Ливана, многие годы оказывался разделен на территории, контролируемые вооруженными силами религиозных и политических партий, причем число таких «государств» в одном городе достигало восемнадцати!

Все это в огромной степени — результат вмешательства во внутреннюю жизнь страны сил, действующих из-за рубежа. На юге страны Израиль создал зону, управляемую его ставленниками из числа местных арабов. Верхушка Израиля заинтересована в междоусобице в Ливане. Но не только она... Финансируемая из Ирана партия последователей Хомейни открыто ставит перед собой задачу создать в Ливане — или по крайней мере на части его территории — «Исламскую республику», построенную на тех же принципах, на которых организована теперешняя республика в Иране, где у власти стоит духовенство.

Это заставляет вспомнить грустную концовку стихотворной притчи. На вопрос:

Неужели столько зла
Простая муха принесла?
...Вам ответит мой народ:
Найдутся мухи — был бы мед.

2 Почти у каждого народа есть несколько названий. Хорошо еще, если сам себя он зовет только одним именем: зато соседи часто именуют его как-нибудь иначе. Кажется, русские, например, они и должны быть русскими, на каком бы языке ни звучало это имя. Но маленький народ саамов, живущий на Крайнем Севере европейской части СССР, называет русских совсем иначе — «каръеле». По-латышски «русский» — «криеви». По-фински и эстонски русские становятся «вене». В Турции часто в значении «русский» употребляют просто-напросто слово «казак».

Легко понять, откуда в языке саамов появилось слово «каръеле»: тут сразу угадывается название карелов, с древности ближайших южных соседей небольшого северного народа. Латыши, очевидно, помнят своих ближайших соседей-славян в старину, племя кривичей. Эстонцы же и финны, судя по всему, перенесли на русских имя древних славянских племен Прибалтики — вenedов.

Ну, а для турок — исторически — представителями Руси выступали казаки, в течение столетий бывшие передовыми отрядами Руси на юге, игравшие роль буфера между Россией и Турцией.

Гораздо сложнее для историков понять, почему русские сами себя зовут именно так. То же относится и к общему имени славян. Удивляться же тому, что соседи не всегда принимают и признают имя, которое народ дает себе сам, нам с вами не приходится. Зовут же русские жителей германских государств немцами. Напомним, по-немецки ведь Германия — Дейчланд, а немец — «дейч». Германцами немцы стали когда-то для римлян, принявших, собственно, к сведению имя, данное немцам соседями-кельтами. Любопытно, что французы, потомки прежде всего этих кельтов, а также римлян-колонистов и некоторых гер-

манских племен, называют немцев не по-кельтски и не по-римски, но аллеманами. Такое имя носил союз германских племен, живших по соседству с землями, занятыми франками — тоже германским племенем, утвердившим когда-то свою власть на большей части территории теперешней Франции и передавшим этой стране свое имя.

Кстати, естественное на первый взгляд объяснение, будто слово «немец» происходит от «немой», по-видимому, неверно. Большинство ученых склоняется к мнению, что это название пришло в русский язык из чешского, а у чехов оно утвердилось из-за жившего по соседству с ними германского племени неметов.

Можно еще напомнить, что китайцы — для себя — народ хань. Русские же зовут их иначе «в память» о древних «общих соседях» — народе киданей. Можно добавить, что у китайцев самоназванием стало имя древней императорской династии, а в странах Западной Европы их зовут тоже по имени древней императорской династии, но другой — Цинь. Часть же южных китайцев зовется «люди Тан», потому что значительные территории Южного Китая вошли в состав китайского государства при этой династии.

Наши слова Корея и «корейцы» отражают название средневековой корейской династии Коре, но никак не связаны с Чосен — современным названием этой прекрасной страны.

Имя становится нужно этносу, когда он уже прошел определенный исторический путь формирования. Имя — это ведь выражение прежде всего того, что члены этноса осознали, почувствовали себя одним из народов, одним из племен.

Пока все человечество делилось в глазах людей на две части — собственное племя и весь остальной мир, — пока собственное племя, и

только оно, во всех случаях заслуживало местоимения «мы», а все прочие племена, роды и общины были в равной степени «они», и всего лишь «они», имя было не нужно. Население всех известных мест делилось на «людей» и «нелюдей», вот и все.

Этнографы знают немало случаев, когда первобытное племя, как

Молодожены, как в средние века, проходят на свадьбе под пиками. Прованс, Франция

Новобрачные. Китай

Деревенская колокольня. Село Сельцы недалеко от Белого моря

кажется на первый взгляд, само себя никак вообще не называет.

У папуасов, например, до XIX века обычно не было племенных самоназваний. Все (!) племена Новой Гвинеи получили имена от европейцев, причем население одного района, отказавшееся креститься, получило от некоего неудачливого миссионера имя

«намау», что значит «глупые». Европейцы знали, что папуасские племена должны иметь свои имена. Но большинство папуасов не ощущало в этом необходимости. Названия приходится давать соседним племенам, чтобы как-то отличить их друг от друга. Но члены самого этого племени и так знают, кто они такие — люди, и все.

Иначе говоря, слово «люди» выполняет роль этнонима.

Древние удмурты в Восточной Европе, эскимосы в Северной Америке, нивхи на Амуре, ненцы на Крайнем Севере Евразии и карены в тропической Мьянме зовут себя совершенно одинаково — если каждый раз переводить эти названия на какой-нибудь один язык. Они просто «люди», иногда — для убедительности, что ли, — к этому существительному присоединяют прилагательное и получается — «настоящие люди».

Немец — «дейч», а это «дейч» когда-то произошло от древнего слова, означавшего «люди, народ».

И индейцы навахо сами себя зовут тоже «народ», только на их языке это звучит иначе — «дене». «Тюрк» происходит от слова, означавшего на древнетюркском языке «человек». «нивх» — «человек» на нивхском языке, а «ненецъ» — тоже «человек», только по-ненецки. Впрочем, часть ненцев называла себя еще и «точнее»: «неняй ненецъ» — «настоящий человек». Так же поступила часть чукчей, взявшая себе имя «лыгьбраветлян», что опять-таки значило «настоящий человек».

Словом, примеров тут масса. Многие (хотя и не все) ученые полагают, что узнают в окончании «ар» у множества названий народов (вспомните болгар и татар, хазар и авар и т.д.) слово, означающее «человек». Ведь и сегодня во многих тюркских языках «муж», «мужчина» обозначается словом, близким по звучанию к этому «ар».

Когда перед словом, означающим «человек», появляется определение, хотя бы определение «настоящий», а особенно когда «человек» или «муж» становится лишь частью слова, обозначающего племя, это часто означает большой шаг вперед в осознании людьми своего места в мире. Они дают нам знать уже именем племени, что признали другие племена тоже частью общего человеческого рода.

Одно дело, когда «мы» — люди, а все остальные — неведомо кто, и совсем другое, когда и «мы» и «они» — одинаково люди, только «мы» — свои, а «они» — чужие.

Слова «свой, свои» стали основой многих названий племен и народов.

Известный польский лингвист Я. Отрембский произвел от слова «свой» в его древней форме имени славян, шведов, некоторых других народов, в том числе и племени сабинов в Италии (того самого, у которого римляне, согласно древней легенде, похитили женщин).

Многие имена означают еще и «друг», «товарищ», «союзник». Древнее имя предков осетин — аланы. И сегодня у некоторых кавказских народов «алан» значит «друг».

«Друг», «союзник» — таково и значение названий тегумов на острове Тимор в Индонезии, нгансанов на Таймыре.

Поразительно, но имя народа может означать и «чужие» или «враги»! XVIII век, например, был временем жестоких войн между братскими по сути племенами — коряками и чукчами, совсем незадолго до того отделившимися друг от друга. В память об этом коряки звали чукчей «танн ытин» — «чужаки». Но то же слово стало тогда на родственном корякскому языку чукчей названием коряков.

Может быть, и такие названия надо отнести к древнейшим — если не по времени их существования, то по способу образования.

Очень давно стали получать народы имя по стране, в которой они живут. Да, но от кого же получает имя страна? Часто тоже от народа, только более древнего.

Давно нет бриттов, но англичан часто зовут британцами, потому что за их большим островом сохранилось имя Великобритания. Давным-давно нет и народа виталов, занимавшего юг Апеннинского полуострова. Столкнувшиеся с виталами греки называли по ним весь полуостров Италией; и сегодня носит древнее имя итальянский народ.

Сегодняшние македонцы — славянский народ, и по языку не имеют ничего общего с теми македонцами, что покоряли с Александром бесконечные земли в Африке и Азии.

Впрочем, имя народа может не иметь никакого отношения к занятой им земле. Общее название всех коренных племен Новой Гвинеи — папуасы — по-малайски значит просто — «курчавые». Несколько десятков лет назад единственная тогда

независимая африканская страна приняла официальное имя Эфиопия, или Эфиопская империя. Это теперь — Эфиопская республика. А ведь «эфиопы» — по-гречески значит «опаленные солнцем».

Пикты («раскрашенные») получили это имя за обычай, который был сродни татуировке.

Даже особая деталь одежды может стать именем народа — стоит тут вспомнить каракалпаков («черные шапки»).

Иногда именем становится название занятия. В Турции живут остатки племени тахтаджи, что значит «дощечник». Люди этого племени — лесорубы, делающие доски на продажу.

Бхилы в Индии — лучники, самоназвание коряков означает — «люди с оленями»...

Отражается в имени народа порой характер занятой им местности. На Днестре и на Висле два разных славянских племени (или союза племен) носили одно и то же имя «поляне». Одно из восточных славянских пле-

мен, живущее в болотистой местности, так и звалось — «дреговичи» (от «дрегва» — трясина, болото).

Некоторые этнонимы обозначают географическое положение народа по отношению к его соседям, а иногда — среди родственных этносов. Есть предположение, что в название «киргиз» вошло тюркское слово «красный». Прочитируем советского лингвиста Н. А. Баскакова: «Названия тюркских народов часто включают в свой состав названия цвета, которые, как это показали исследования некоторых тюркологов и алтаистов, отмечают не столько внешний вид народа, сколько географическое распространение их по странам света».

Красный тут значит южный, черный — северный... А вот желтый цвет, судя по всему, связывается со срединным положением этноса среди родственных ему по языку.

Слово «половцы», которым звали на Руси кипчаков, видимо, простой перевод тюркского имени «куманы», которым называли себя сами кипчаки; куманы — по-тюркски «желтые», и половый цвет — желтый. Западнее, восточнее, севернее и южнее половцев-куманов на их прародине жили другие тюрки, куманы были «среди́н-ными».

Нередко народ или часть народа принимает имя своего выдающегося вождя.

Татаро-монгольский хан Ногай правил в конце XIII века землями от Дуная до Кавказа, наводил ужас на Византию, заставил ее императора выдать за себя дочь, грозил сербам и болгарам, ходил на Польшу, а в конце концов был разбит собственным ставленником на престоле Золотой Орды, заключившим союз с сыновьями самого Ногая. Но сорок лет военных успехов оставили на земле после его смерти целый народ с именем ногайских татар, или ногайцев. И сегодня ногайцы живут на территориях Ставропольского края, Дагестана, Чечено-Ингушетии.

Огузов, вторгшихся в Иран и Малую Азию в XI—XII веках, вели вожди из рода Сельджуков, и этот народ стал зваться турками-сельджуками. Позже во главе потомков сельджуков (и завоеванных ими народов) встал род Османов, и «появились» турки-османы. До своего распада

(происшедшего в результате поражения в первой мировой войне) Султанская Турция официально именовалась Османской империей.

Может имя достаться по наследству, перейти от далеких предков, живших порою совсем в другой земле. Наши якуты сами себя зовут «саха» — может быть, это имя связано с названием среднеазиатских саков, родичей скифов. Саки ведь, по-видимому, еще до нашей эры проникали к Байкалу, в районе которого жили тогда племена, чьи потомки много позже пошли на землю современной Якутии.

Могли ли какие-то саки тогда войти в состав этих племен и передать их союзу свое имя? По-видимому, да, хотя такое объяснение никак нельзя назвать общепризнанным.

Иногда имя народа может на века исчезнуть, чтобы затем вновь возродиться. Так произошло с названием «уйгуры».

Его древние носители — тюркский народ, создавший в VIII веке мощную державу, ставшую на некоторое время гегемоном Центральной и частично Восточной Азии.

После падения уйгурского государства народ перестал жить компактно, исчезли единый уйгурский язык, а затем и само имя народа.

Только в 1921 году советский тюрколог С. Е. Малов предложил признать это имя за восточнотюркским народом, живущим в Средней Азии и Северо-Западном Китае. Отдельные группы этих восточных тюрков принимали прежде разные этнонимы как по имени местностей, где они жили, так и по роду занятий. Филологи называли их общий язык довольно неопределенно — восточнотюркским. Воскрешение имени состоялось.

(Стоит отметить, что новоуйгурский язык, как выяснилось, значительно ближе к узбекскому, чем к языку древних уйгуров. Но имя-то уже живет снова — и будет жить.)

И поистине удивительна история имени «татары». Волжские татары, как сказано в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона, получили это имя «по историческому недоразумению». Самое поразительное, что для такой точки зрения у автора статьи в Энциклопедии были основания.

Татары Поволжья живут в основном на тех землях, которые семь с

лишим веков назад, перед монгольским нашествием на Восточную Европу, занимала Волжская Булгария.

Когда-то тюрки-булгары, жившие на Дону, разделились на две части. Одна из них пошла на запад, перешла Дунай, покорила область на Балканах и передала свое имя ее славянскому народу. Другая двинулась на северо-

Мать с ребенком. Индия
Католический храм в Каталонии. Испания
Музыканты на свадебной церемонии. Йемен

103

восток и создала в Среднем Поволжье, смешавшись с местным финским населением, Булгарское государство.

Много претерпела Дунайская Болгария на своем веку, но и славянский язык и полученное от тюрков имя сохранила. Волжская Булгария долго говорила на языке тюрков-булгар, но имя потеряла после монгольского раз-

грома. В XV веке на ее обезлюдивших землях один из последних ханов Золотой Орды построил Казань и всячески поощрял переселение в окрестные земли половцев. Местные жители, общие потомки древних финских племен Поволжья, булгар и половцев и в очень малой степени татаро-монголов (по некоторым подсчетам, на Волге

поселилось их при Батые всего около четырех тысяч), долго назывались по имени главного города казанцами. По-видимому, только к концу XIX века признали они сами за собой данное соседями имя «татары».

Русские называли татарами многие восточные народы — так же как византийцы долго называли скифами почти все народы Северного Причерноморья, в том числе и славян, как турки сегодня зовут казаками русских.

Жители же Западной Европы были одно время склонны именовать татарами чуть ли не все народы, живущие на востоке от русских. Памятник этой склонности легко найти на любой карте мира или глобусе: на Советском Дальнем Востоке между островом Сахалин и материком лежит Татарский пролив, получивший такое странное, на нынешний взгляд, название лет двести назад от французского мореплавателя Лаперуза.

Налицо опять-таки «историческое недоразумение». Но самое поразительное, что эти «недоразумения» с именем татар начались задолго до того, как русские называли татарами казанцев, не говоря уже об истории с Татарским проливом.

До сих пор спорят ученые, почему стали именовать татарами тех монголов, что ринулись на Среднюю Азию и Европу в начале XIII века. Даже германский император, современник этого нашествия, счел нужным отметить: «Никто не знает, откуда эта свирепая раса получила свое название татар».

Иранские, тунгусские, тюркские, китайские, даже древнегреческие и иные корни этого слова искали и находили историки и лингвисты. Одна из версий ссылается на то, что именем особенно беспокойного монгольского племени та-та, или татан, китайцы стали в раннем средневековье звать всех угрожающих стране северных кочевников.

Так или иначе, похоже, что имя «татары» еще до начала монгольских завоеваний проявило ту же устойчивость против перемен судьбы и ту же способность переходить к другим народам и распространяться на новые земли, которые видны в случаях с казанцами и дальневосточным проливом. ...Да, часто загадочны судьбы названий народов. Но принятое народом имя перестает быть для него простым обычным словом, оно становится символом.

ЕСТЬ ЛИ СРЕДИ НАРОДОВ РОДОВИТЫЕ?

Ах этот странный соблазн, напоминающий притязания дворян прошлого, — отыскать для себя предков познатнее, продлить свой род в глубину веков.

Каждый из нас, право же, знатен до того, что дальше некуда; библейская традиция возводит нас к Адаму и Еве, жившим, по православной версии, семьдесят пять веков назад; по подсчетам одного епископа, принятым англиканской церковью, всего шестьдесят столетий назад; по католическому же варианту и того меньше (на несколько десятилетий), но в любом случае довольно давно.

Эволюционная же теория отпускает нам по крайней мере 40—50 тысяч лет, если считать с появления человека современного вида, полтора-два тысяч — ежели начать с неандертальца. И по крайней мере три миллионолетия назад наши предки выделились в отдельное семейство «человечьих» — гоминид. Рядом с этими сроками периоды существования отдельных народов кажутся мимолетными — при всей относительной устойчивости этнических образований по сравнению со многими другими общественными группировками людей.

Каждый народ имеет право гордиться своей историей — но следует ли относить продолжительность этой истории к числу непререкаемых ее достоинств?

Можно ли сказать, что евреи, армяне или грузины, этносы, известные истории уже много более двух тысяч лет, уже поэтому «лучше» молдаван или русских, история которых как сформировав-

шихся этносов, безусловно, намного короче? А те в свою очередь «лучше» узбеков, чье формирование как особого этноса завершилось с приобретением общего имени «только» в XVI веке? А узбеки «лучше» хакасов, которым, как сложившемуся народу, всего несколько десятилетий? Не будем же мерить народы по правилам, которые давно устарели даже для отдельных людей.

Собственной истории каждого народа предшествует куда более долгая история этносов, в состав которых входили предки людей, в конце концов этот народ составивших. И восходит она всегда, как мы уже напоминали, к рубежу, на котором появились первые люди, — рубежу, пролегшему далеко за пределами исторической памяти.

И потому одинаково верны утверждения «Нет родовитых народов» и «Все народы родовиты». Нам же, честно говоря, больше нравится второе из них.

Каждый народ имеет право гордиться тем в собственном прошлом, что того заслуживает. Но это влечет за собой для подлинного патриота и обязанность стыдиться в этом прошлом того, что стыда достойно. Английский писатель Г. К. Честертон заметил, что он не может не чувствовать ответственности за дурные действия Англии по отношению к Ирландии именно потому, что горд некоторыми другими страницами английской истории. И объяснил это, воспользовавшись юридическим языком: нельзя принять наследство и отказаться при этом от выплаты долгов завещателя.

Чем длиннее история, тем больше в ней страниц не только славных, но и достойных сожаления.

Главное же — любой народ умеет гордиться собственной историей: древний — древностью своей, молодой — молодостью; норвежцы обычно с удовольствием вспоминают победоносные походы скандинавских викингов, грабительствовавших на побережьях Европы и Западной Азии, индейцы же славят миролюбие своих предков.

А тот, кто пытается подклеить к прошлому своего народа новые страницы, заполнив их с помощью собственного раскованного воображения, похож на дворянина, подделывающего дворянские грамоты. Неизбежное разоблачение фальсификации не прибавит славы самому благородному семейству. Даже если эта фальсификация предпринималась с самыми лучшими намерениями или вообще была плодом союза искреннего заблуждения с невежеством.

Тут поневоле вспомнишь помещика из чеховских миниатюр, повесившего у себя дома «фамильные портреты» с надписями «Адам Рубец-Качалов» и «Ева Рубец-Качалова».

Народы же в отличие от дворян не делятся на более или менее благородные в том, аристократическом смысле. Благородны — в значении, которое это слово получило в современном обиходном языке, — должны быть люди, заботящиеся о своем достоинстве и достоинстве своего народа.

2 В первом разделе книги было сказано очень немного о том, что называют единством психического склада этноса, национальным характером, а иногда душой народа. Но эта проблема настолько важна, что без более детального и сопровождаемого конкретными примерами разговора о ней в такой книге не обойтись.

Культурное единство членов этноса неразрывно связано с наличием у них определенных общих черт психики, которые называют этническим, или, чаще, национальным характером.

Правда, даже о самом понятии «характер человека» в советской психологии еще не сложилось единого мнения. Лишь относительно его конкретных свойств как будто имеет место большее единодушие. Общепризнано, например, что трудолюбие или храбрость являются чертами характера. Конечно, никакой перечень подобных черт не может сам по себе раскрыть сущность понятия «характер». Но при ее выявлении конкретные характерологические черты все же могут, на наш взгляд, служить по крайней мере ориентиром.

Прежде всего представляется очевидным, что такого рода черты выражают морально-волевые качества людей. Ясно также, что это не просто определенные осознаваемые людьми взгляды, идеалы, интересы и т. п. Хотя сознание способно как активизировать, так и затормаживать проявление тех или иных свойств характера, однако они дают о себе знать и помимо сознания, проявляются и бессознательно.

Очевидно и то, что, проявляясь во «внешней» деятельности людей, черты характера выражают особенности отношения человека к тем или иным сторонам действительности. Нетрудно заметить и своего рода «иерархичность», «разномасштабность» свойств характера. «Уровень» этих свойств может быть весьма раз-

личным: от частных выражений (например, аккуратности, гостеприимства и т. п.) до самых общих. Среди последних, имея в виду «общую» направленность характера, можно, скажем, отметить убежденность, отношение к труду и другим видам деятельности, установки, связанные со взаимоотношениями между личностью и различными коллективами, и т. п. К «общим» волевым чертам характера могут быть в первую очередь отнесены целеустремленность, инициативность, организованность, настойчивость, решительность и т. д. Волевые качества людей органически связаны с нравственными, с моральной направленностью личности.

Вообще было бы упрощением рассматривать человеческий характер лишь как простую сумму его черт. Он представляет собой целостную систему, обладая структурными свойствами (силой, твердостью, определенностью, уравновешенностью и т. п.), а также определенными доминирующими чертами.

Что касается представления о национальном (этническом) характере как особой социально-психологической категории, то тут имеются в виду прежде всего специфические для данной этнической общности социально-психологические черты. Хотя в природе не существует таких черт вне психики отдельных личностей, однако национальный (этнический) характер было бы неверно сводить к простой сумме психических свойств этих личностей. Как известно, социальный коллектив усиливает или ослабляет те или иные стороны индивидуальной психики. Это относится и к этническому характеру. Уже не раз отмечалось, что он значительно отчетливее проявляется в случаях, когда выступают не отдельные лица, а группы взаимодействующих людей.

Чтобы считаться типичными для

данного этноса, соответствующие черты характера должны быть присущи большинству или по крайней мере значительной части его членов и отличать их от представителей других этносов. Однако эта типичность не исключает наличия вариаций отдельных социально-психологических черт в различных группах, входящих в дан-

Статуя будды Ваджрасатвы. Ваджра (молния или алмаз) — символ мужского начала, колокольчик — начала женского. Индия

Игра на санзе. Центрально-африканская Республика
Киргиз с домброй

ную этническую общность. Более того, в классовых обществах такие вариации обычно доминируют.

Необходимо особо подчеркнуть недопустимость абсолютизации характера отдельных этнических общностей. Ведь большинство определяющих черт характера, таких, как патриотизм, мужество, целеустрем-

ленность, являются общечеловеческими. Следовательно, речь может идти не о монопольном обладании какой-либо этнической общностью той или иной из этих черт, а лишь о различии между отдельными народами в формах (оттенках и стиле) ее проявления.

Легко, например, заметить, что в

силу специфики социально-экономических, географических и других условий существования такое свойство, как трудолюбие, проявляется у разных народов далеко не одинаково; этносы могут также различаться аккуратностью и пунктуальностью. В частности, пунктуальность, высоко ценимая немцами или голландцами, сравнительно мало значит в Испании и еще меньше — в странах Латинской Америки. Даже храбрость выражается каждым народом по-своему, да и юмор различных народов имеет свои неповторимые оттенки и т. д.

В целом характер каждой этнической общности представляет собой органическое единство общего и особенного. Его уникальность в конечном счете — результат всей совокупности присущих этносу специфических форм проявления общечеловеческих психических свойств. Однако это не механическая сумма таких черт. Своеобразие характера этнической общности (как и отдельных людей) определяется, на наш взгляд, в первую очередь наиболее типичными для нее доминирующими чертами.

Как известно, отношение людей к действительности обычно сопровождается определенными переживаниями — чувствами. Само собой разумеется, что не лишены таких переживаний и проявления свойств характера этнической общности. Это и служит основанием для включения чувств в его структуру.

Характер этнической общности, как и отдельной личности, несомненно, проявляется главным образом в действиях. Ни направленность, ни воля, ни структурные особенности характера не могут быть определены, если мы не знаем, как люди действуют: трудятся, отдыхают, играют, какие они совершают поступки. Разумеется, общие характерные черты всех разновидностей деятельности не могут не налагать определенную печать на их результаты. Следы такого воздействия обнаруживаются и в отдельных памятниках материальной культуры, и в различных видах народного искусства, и в таких устойчивых компонентах духовной культуры, как обычаи, и даже в речи и языке. Наглядной иллюстрацией может служить описание Н. В. Гоголем танцев различных народов. «Испанец

пляшет не так, как швейцарец, шотландец, как теньеровский немец, русский не так, как француз, как азиат. Даже в провинциях одного и того же государства изменяется танец. Северный русс не так пляшет, как малороссиянин, как славянин южный, как поляк, как финн; у одного танец говорящий, у другого — бесчувственный; у одного — бешеный, разгульный, у другого — спокойный; у одного напряженный, тяжелый, у другого — легкий, воздушный».

С характером этноса неразрывно связана типичная для его членов система побуждений — совокупность их потребностей, интересов, ценностных ориентаций, установок, убеждений, идеалов и т. п. Определяя в конечном счете направленность характера, эта система охватывает все сферы, все «этажи» человеческой психики — от потребностей до идеалов. Она включает также миропонимание, нравственные принципы, интересы, выступающие в обобщенном виде.

Все подобные компоненты психики, будучи сами заданы конкретно-историческими (природными и главным образом общественными) условиями существования этноса, и определяют характер его членов. Изменение же этих условий неизбежно влечет за собой изменение системы побуждений, а вслед за ней и этнического характера.

Что касается воспроизводства типичных для каждого этноса черт характера, то оно обеспечивается в первую очередь особой, присущей только людям системой межпоколенной передачи опыта. Как известно, индивид не рождается с теми или иными сложившимися чертами этнического характера. Он приобретает их, вырастая, воспитываясь. Притом в качестве основного средства передачи от поколения к поколению общественно-исторического опыта выступает такой социальный инструмент, как язык. Одним словом, устойчивые черты характера отнюдь не являются врожденным свойством человеческого мозга — они сами продукт определенных внешних условий, прежде всего общественно-исторических.

Характер людей, как известно, теснейшим образом связан с их темпераментом и способностями. Вместе они

обычно определяются как психический склад, т. е. совокупность устойчивых черт психики. В советской научной литературе довольно распространено мнение, что психический склад имеют не только отдельные люди, но и социальные группы, в том числе этнические (национальные) общности. Вместе с тем в той же

Игра на джангаре. Раджастан, Индия

Барабан дарбука. Марокко

Болгарский оркестр

Филиппинская цитара

литературе можно встретить и возражения против такого представления. В подтверждение делаются, например, ссылки на то, что нет наций способных и неспособных и что у больших наций, части которых расселены в различных климатических полосах, нет и не может быть единого темперамента.

Однако понятие темперамента в качестве одной из характеристик психического склада этнических общностей (наций) следует применять несколько в ином смысле, чем в общей психологии. В последней оно выражает, как известно, особенности психической деятельности человека, имеющие своей основой определен-

ный тип высшей нервной деятельности.

Еще древнегреческие мыслители выделили четыре основных типа темперамента, разделили людей на холериков, сангвиников, меланхоликов и флегматиков в зависимости от того, как скоро возникают у них чувства, с какой силой проявляются и насколько легко сменяются другими. По большей части у каждого из нас преобладают свойства одного из этих типов (хотя в «чистом виде», надо отметить, они бывают представлены не так уж часто).

Другое дело — народы-этноты. Как правило, мы не можем сказать, что такому-то народу присущ лишь данный тип темперамента. В каждой этнической общности можно обнаружить как холериков и флегматиков, так и меланхоликов и сангвиников. В то же время ряд исследователей признает различия между этническими общностями по глубине и скорости реакций на всевозможные жизненные ситуации. Тем не менее в таких случаях речь может идти обычно не о всеобщем, а лишь о наиболее характерном для данного этноса типе темперамента или в случае, если имеются в виду крупные общности, о специфических для них сочетаниях преобладающих типов темперамента.

Поэтому ошибочно было бы абсолютизировать значение темперамента как свойства этноса. К тому же, как и в ситуации с антропологическими типами, соседние этнические общности обычно весьма близки по типам темперамента. Наконец, следует учитывать влияние культурной среды на формирование темперамента и исторических обстоятельств.

Распад общества на классы, сословия, профессиональные группы вызывал появление внутри каждого народа все новых и новых групп, каждая из которых часто отличалась от других и по психическому складу.

Н. Г. Чернышевский писал: «Португальский вельможа по своему образу жизни и понятиям ближе к шведскому вельможе, чем к землепашцу своего народа, и наоборот: португальский землепашец больше похож по характеру на шведского землепашца, чем на португальского богача».

Современные исследования утверждают примерно то же самое, сравни-

вая японских и бирманских крестьян и помещиков, филиппинских и восточноафриканских купцов и ремесленников.

Советский этнограф В. И. Козлов говорит, например, что даже по небольшой коллектив людей одной национальности, занятых одним и тем же делом (рабочих одного предприятия), никто не рискнет утверждать, будто они имеют общий психический склад. А уж если речь идет о большом народе, то, напоминает В. И. Козлов, русский крестьянин, купец, чиновник, рабочий имели разный психический склад, а терские казаки — часть русского народа — были по психическому складу ближе к народам Северного Кавказа, чем к поморам русского Севера. Поморы же в свою очередь близки по психическому складу к соседним народам.

Обратите, однако, внимание, что и В. И. Козлов говорит здесь об определенном психическом складе если не народов в целом, то крупных этнических групп внутри их.

Классики марксизма не оставили специальных работ по этой проблеме, но и у К. Маркса, и у Ф. Энгельса, и у В. И. Ленина можно найти упоминание о национальном характере как предмете реальном.

Культура — как совокупность всего, что накоплено народом, как результат его исторического развития — сказывается на психическом складе народа, на том, что условно называют его душой.

Но культура народа меняется ведь на протяжении его истории. Чтобы далеко не ходить: на рубеже XVII—XVIII веков произошли резкие перемены во внешней культуре и быте по крайней мере высших слоев русского общества. На смену национальной одежде пришли: у мужчин — голландский кафтан, у женщин — платье французского покроя, кресла и стулья сумели решительно потеснить лавки и т. д. Кстати, процесс борьбы стульев с лавками закончился в нашей стране уже в советское время. В романе «Двенадцать стульев» Илья Ильф и Евгений Петров подсчитывают, сколько же стульев в нашей стране. Приходят к выводу, что «стульев очень много. Последняя статистическая перепись определила численность населения союзных республик в сто

сорок три миллиона. Если отбросить девяносто миллионов крестьян, предпочитающих стульям лавки, полати, завалинки, а на Востоке — истертые ковры и паласы, то все же остается пятьдесят миллионов человек, в домашнем обиходе которых стулья являются предметом первой необходимости».

Полифонический инструмент, на котором играет этот житель острова Калимантан, широко распространен в Юго-Восточной Азии

Стальные барабаны. Центральная Африканская Республика

Барабан в форме животного. Кот-д'Ивуар, Африка

Индеец играет на раковине. Раковины превращают в музыкальные инструменты не только в Америке, но и кое-где в Европе, Азии и Африке

Примерно шестьдесят лет прошло с тех пор, как были написаны эти слова. Население нашей страны выросло более чем на 140 миллионов человек. И теперь при подсчете числа стульев не пришлось бы писателям отбрасывать крестьян. Стулья выиграли спор у лавок и полатей, а на нашем Востоке, в Средней Азии, кое-где

потеснили «ковры и паласы», а кое-где мирно уживаются с ними.

Русскую избу теперь и в деревне теснят дома нового типа, с удобствами, паровым или газовым отоплением. И носят в России, в СССР сегодня те же пиджаки и брюки, какие носят в Японии и США, Франции и Австралии.

А что происходит при таких изменениях в культуре с национальными чертами характера?

Напомним легкомысленную песенку Раджа Капура из старого индийского фильма «Бродяга». Герой фильма перечисляет одну за другой детали своего костюма (каждая из них привезена издалека) и заканчивает:

В русской шапке большой,
Но с индийской душой.

А дворяне петровских времен говорили, что они в голландских кафтанах остаются русскими.

Неплохое доказательство правоты Раджа Капура — то, что индийское искусство осталось индийским, а русское — русским и в новых условиях.

Преемственность в национальном искусстве свидетельствует о том, что некоторые особенности духовного склада народа действительно проходят через века.

Исторические же изменения психологии народа (на примере молдаван) хорошо продемонстрировал историк Н. А. Мохов.

«Бывают случаи, когда отдельные социально-психологические черты народа под влиянием определенных причин значительно меняются. В истории Молдавии можно проследить, как в процессе политического развития у народа «менялись» такие качества, как верность и преданность государственному долгу, храбрость и т. д. В XV—XVI веках в оборонительных войнах от иноземных агрессоров проявились лучшие качества молдавского народа: стойкость и мужество. Авторы XV—XVI веков многократно говорили о воинской доблести молдаван, о том, что они «дерутся храбро», «воинственны», «искусны в военном деле», «мастерски владеют копьем и щитом», «они грозны и храбры» и т. д. Положение меняется в XVII веке. В источниках этого времени уже не говорится о преданности, стойкости и храбрости молдаван, напротив, много раз пишется об отсутствии воинственности, о «склонности к измене, к бегству...». Такое поведение молдавских солдат, отмеченное как иностранными, так и молдавскими авторами, выдавалось за проявление истинных свойств народа. Отсутствие патриотизма, храбрости у солдат молдавского войска в XVII веке было зако-

номерным, ибо в это время Молдавия находилась под властью Оттоманской Порты и молдавским солдатам приходилось воевать за чуждые им интересы... О воинской доблести молдаван затем вновь начинают говорить источники периода русско-турецких войн XVIII века, когда молдавские добровольцы в русской армии боролись за лучшее будущее своего народа».

До самых недавних времен с пренебрежением относились молдаване ко многим ремеслам. «Стучать молотком — цыганское дело», — полагали земледельцы и пастухи.

Низким занятием считалась у молдаван и торговля. Пастушество же, напротив, они находили делом весьма достойным.

А вот в Германии XVIII века пастухи образуют что-то вроде самого презираемого сословия в государстве, прямо-таки низшую касту. Достаточно сказать, что до середины XVIII века человек, хотя бы прадед которого был пастухом, не имел права, например, занимать какие бы то ни было должности в городских правлениях — магистратах. Лишь при Фридрихе II были проведены реформы, отменившие это правило.

Итак, особенности национального характера определены исторически. Время меняет здесь очень многое. Стоит вспомнить, что среднего немца в середине XVIII века представляли себе как человека добродушного и терпеливого, что только в середине и конце XIX века стали говорить о немецкой сверхпунктуальности и точности, прежде эти черты не выступали на передний план.

Что же изменилось — сами немцы или их образ в глазах людей?

Генрих Гейне в своих «Путевых картинах» посвятил немало страниц сравнению национальных характеров англичан, французов, немцев, итальянцев. А далее написал: «Под сводами Лондонской биржи каждой нации указано ее место, и на высоко прибитых дощечках можно прочесть названия: «русские, испанцы, шведы, немцы, мальтийцы, евреи, ганзейцы, турки» и т. д. Прежде каждый купец стоял под дощечкою с обозначением своей нации. Теперь же вы стали бы напрасно искать его там — люди передвинулись: где когда-то стояли испан-

цы, теперь стоят голландцы, евреи уступили место ганзейцам; где ищешь турок, там находишь теперь русских; итальянцы стоят, где когда-то были французы; даже немцы продвинулись.

Как на Лондонской бирже, так и во всем мире остались старые дощечки, но люди, стоявшие под ними, сдвинуты, и на их место пришли другие;

Этот лукообразный струнный инструмент широко распространен в Центральной Африке

Звуки этого инструмента считаются целебными

Ламаистское богослужение в Тибете сопровождается культовой музыкой

новые головы их очень мало подходят к старым надписям. Прежние стереотипные характеристики народов, с которыми мы встречаемся в компендиумах и в пивных, не в силах уже помочь нам...»

Американский писатель Джон Гарднер отмечает в книге «Жизнь и время Чосера»: «В отличие от совре-

менных англичан, какими они рисуются нам в наших стереотипных представлениях, средневековые англичане не были спокойными, рассудительными людьми — они были так же темпераментны, страстны, вспыльчивы и несдержанны в гневе, как, скажем, современные итальянцы в наших стереотипных представлениях. Здорова-

ясь, они крепко обнимались и целовались, как современные французы; в ответ на оскорбление, не раздумывая, хватались за кинжалы».

Народы и национальные характеры меняются, как и люди, но при этом остаются кое в чем особенными, своеобразными, непохожими... интересными!

Очень долго считали, что способности к разным искусствам неодинаково «распределены» между народами. Что есть народы более или менее музыкальные, есть народы, которым чужда поэзия, или, напротив, особенно ей приверженные.

Казалось, что для такой трактовки меняются некоторые основания. Ведь если все народы и одарены в равной степени, то проявляться такая одаренность может в разных направлениях. Примеры, подтверждающие эту точку зрения, было не так уж трудно найти. В Тропической Африке скульптура получила такое развитие, что, по мнению специалистов, встреча с африканской скульптурой в XIX—XX веках сыграла очень важную роль для европейского искусства.

В мусульманских же странах той же Африки и Азии запрещенная исламом скульптура исчезла, а живопись, потеряв право изображать живые существа (в шиитском Иране и некоторых мусульманских районах Закавказья и Индии вопреки религиозным запретам все-таки сохранилось замечательное искусство художественной миниатюры), достигла прямо-таки невероятных высот в искусстве орнамента, что все-таки не восполнило утраченные возможности.

Люди таких стран ислама не могли стать только на своей собственной почве блестящими живописцами или

скульпторами, потому что из собственной культуры этих стран такое искусство оказалось выброшено.

Но в XX веке, когда старые запреты ослабели, во многих странах ислама нашлись художники, соединившие успехи чужих культур с достижениями родного искусства в доисламском прошлом.

Выходит, что реальная предрасположенность народа к выражению национального духа в определенном виде искусства связана с конкретной историей этого народа. И отрицать у потерявших живопись средневековых арабов художественные способности можно с тем же успехом, как и способности кинорежиссерские. Просто ни те, ни другие в то время и в тех областях мира не имели возможности заявить о себе.

Очень быстро перенимает в последнее столетие европейско-американскую культуру Япония. Так быстро, что это вызывает у многих японцев тревогу за самобытность их народа.

Илья Эренбург передал в одной из своих книг разговор с японским писателем, который в конце беседы, как бы желая успокоить себя, сказал: «В общем, это не так страшно — Япония не раз показывала, что она может взять чужое и сделать его своим...» «Мне думается, — продолжал Эренбург, — что он прав: Япония от себя не отречется. А в таком случае нет ничего страшного, если и меняются те или иные стороны быта. Да и подражание различным образцам европейского искусства не так уж страшно, если оно связано с искренними поисками своей формы и, разумеется, своего содержания. Самое существенное — душа народа».

К ПРОБЛЕМЕ ПО ИМЕНИ «ДУША НАРОДА»

Больше тридцати лет прослужил И. Г. Старинов в Советской Армии, он был организатором многих минновзрывных операций во время Великой Отечественной войны, обучил и воспитал тысячи партизан-минеров. А позже написал книгу «Мины ждут своего часа».

И там, в частности, рассказывает, как во время гражданской войны в Испании он руководил группой испанских минеров-республиканцев. И тут ему пришлось столкнуться с поразившим его нежеланием выполнять некоторые приказы, отказом подчиняться вполне разумным и чрезвычайно полезным инструкциям. Дело было вот в чем. Для того чтобы мины не взрывались раньше време-

ни, к некоторым из них прикрепляли специальные предохранители. «Предохранители выключались через десять—пятнадцать минут после установки мины. Это позволяло подрывникам уйти достаточно далеко. Однако я не учел особенностей характера испанцев, — пишет И. Г. Старинов. — Установка предохранителя оскорбляла их достоинство, и бойцы пренебрегали осторожностью».

Ну, советский минер, как он сам выражается, «не стал тратить время на чтение проповедей», а придумал дополнительную систему, исключавшую возможность установки электродетонатора без включения предохранителя. Пусть подрывники думают и говорят что хотят, зато при минировании не произойдет несчастных случаев.

И. Г. Старинов объясняет сопротивление минеров особенностями испанского национального характера. Но, как кажется, в этом столкновении взглядов проявился и русский национальный характер. Минер Старинов «не стал читать проповедей», а сделал использование предохранителей неизбежным.

Впрочем... Есть ведь немало русских, которые в таком случае, увы, стали бы читать проповеди. И каждый испанец, при всем уважении к отваге своего народа, отметил бы, что среди испанцев есть и люди осторожные, и просто трусы. Не зря ведь олицетворением испанского характера считается не только смелый до безрассудства Дон Кихот (он бы тоже возражал против предохранителей на минах), но и весьма осторожный и рассудительный Санчо Панса (который вообще, вероятно, не согласился бы стать минером).

Вот из-за таких противоречий до сих пор идут между учеными споры не только о том, как проявляется национальный характер, но и о том, существует ли он вообще.

Академик Д. С. Лихачев пишет: «...правильнее говорить не о национальном характере народа, а о сочетании в нем различных характеров, каждый из которых национален».

Надо добавить, что Дон Кихот и Санчо Панса — представители не только разных психологических типов, но и разных слоев испанского общества. Хотя уж в их-то характерах этим определяется далеко не все.

Можно еще вспомнить хотя бы, как по-разному проходят в США и Франции президентские выборы. Американские политики превращают последовательные ступени их (избрание выборщиков, выдвижение кандидатов от партий и т. д.) в нечто вроде развлекательного шоу, сопровождают официальные церемонии разного рода зрелищными мероприятиями, которые очень неприятно удивили бы избирателей французских.

Из газет мы не раз узнавали о «расовых беспорядках» в США, причем число жертв конфликта даже в сравнительно небольшом городе могло исчисляться десятками.

А во Франции во время знаменитых молодежных выступлений в мае 1968 года, когда многие крупные города увидели баррикады, когда на борьбу поднялись миллионные массы, а им противостояла многочисленная полиция, когда среди левых были и «леваки»-экстремисты, а противостояли левым не только полицейские, но и правые экстремисты, — во всей Франции тогда погибли в уличных столкновениях два человека.

С определенной точки зрения это результат и этнических отличий между американцами и французами, отличий, проявляющихся в том чрезвычайно сложном и противоречивом явлении, которое именуется национальным характером.

Повторимся: национальный характер существует; он не наследуется от предков, но приобретается в процессе воспитания; он гораздо сильнее проявляется в тех случаях, когда действуют не отдельные члены определенного народа, а целые их группы; далеко не каждый человек, принадлежавший к данному народу, может счи-

таться обладателем типичного национального характера.

Большинство определяющих черт характера, таких, как трудолюбие, патриотизм, мужество, целеустремленность, как уже говорилось, являются общечеловеческими. Следовательно, речь может идти не о монопольном обладании какой-либо этнической общностью той или иной из этих черт, а лишь о различии между отдельными народами в формах (оттенках и стилях) ее проявления.

Случай, рассказанный И. Г. Стариновым, демонстрирует национальные оттенки, проявляющиеся в такой черте характера, как храбрость. Можно вспомнить и слова Л. Толстого о русской и французской храбрости в романе «Война и мир».

«Француз, который при Ватерлоо сказал: «Гвардия умирает, но не сдается», и другие, в особенности французские герои, которые говорили достопамятные изречения, были храбры... но между их храбростью и храбростью капитана (Тушина. — *Авт.*) есть та разница, что если бы великое слово в каком бы то ни было случае шевелилось в душе моего героя, я уверен, он не сказал бы его: во-первых, потому, что, сказав великое слово, он боялся бы этим самым испортить важное дело, а во-вторых, потому, что, когда человек чувствует в себе силы сделать великое дело, какое бы то ни было слово не нужно. Это, по моему мнению, особенная и высокая черта русской храбрости».

Да, французы всегда как-то старались сделать храбрость как можно более картинной и эффектной. Очень любят французские историки вспоминать, как во время одной из англо-французских войн XVIII века перед началом битвы командиры враждующих армий любезно раскланялись друг с другом, и французский полководец вежливо попросил англичан стрелять первыми, как будто речь шла о том, кто должен первым пройти в дверь. А надо сказать, тогда требовалось немало времени, чтобы перезарядить ружье, и часто перед рукопашным боем каждая сторона успевала дать только один залп. Так что те, кто стреляли первыми, получали явное преимущество; впрочем, в этой любезности иногда видят, увы, военную хитрость, во всяком случае в этом «джентльменском сражении» победили именно французы.

Можно попробовать поговорить и о немецкой храбрости, которая так дорого обошлась самим немцам почти пятьдесят лет назад. Кто бы посмел отрицать ее? Но она в высокой степени была связана с ситуациями, в которых храбрость полагается проявлять. Стойкость немецкого солдата, выполняющего приказ начальника, у ряда народов вошла в поговорку. Однако сам приказ командира имеет здесь значение, какого у него нет ни во Франции, ни в России. И храбрый солдат отнюдь не чувствует себя обязанным быть таким же храбрым без приказа.

Очень любопытны «национальные» различия в обычае решать споры определенного рода дуэлями. В XIX — начале XX века в Германии дуэли стали прежде всего традицией университетов и армейского офицерства. Принято было считать, что лицо студента украшают шрамы от дуэлей, и студенты то и дело схватывались на рэп-рах. В знаменитом Гейдельбергском университете в Германии лет сто назад на семестр приходилось в среднем полтора десятка дуэлей.

При этом противники, как правило, надевали особые повязки и защитные приспособления на глаза, шею, руки, ноги, грудь, живот, а концы пистолетов... дезинфицировали. Понятно, что смертельных исходов не было.

Зато студент выполнял свою обязанность и получал украшающий лицо шрам.

В Германии того времени были весьма редки несравненно более опасные дуэли на пистолетах.

Но во Франции дуэли устраивались в ту же эпоху обычно на

пистолетах, дрались на поединках и ученые, и писатели, и депутаты парламента. Даже великого Пастера его научный противник как-то вызвал на дуэль, но тот, слава богу, предпочел уклониться.

Русские дуэли были по характеру гораздо ближе к французским. Франция и Россия могли похвастаться наибольшим количеством бретеров-забияк, готовых драться по любому поводу насмерть.

Но если во Франции эту категорию лиц уже в XIX веке поставляли и дворянство, и буржуазия, то в России — в основном дворянство.

Любопытно, однако, что и для французского классика Стендаля, и для его героя Жюльена Сореля с дуэлью были связаны, судя по дневникам писателя и его роману «Красное и черное», те же переживания, которые влекли к дуэли еще юного Пушкина. Доказать себе, что ты не трус, выдержать испытание смертельным риском — вряд ли в этом чувстве можно найти много национальных оттенков.

Ни у французов, ни у немцев не получила распространения так называемая американская дуэль — когда противники предоставляли жребии решать, кто из них умрет, и, например, принимали по одинаковой с виду таблетке: одна таблетка была безвредна, другая же содержала смертельный яд. Эта дуэль была в некотором «употреблении» в Соединенных Штатах (отсюда ее название).

Можно, наконец, отметить итальянскую храбрость, о которой иногда говорят, что она — полная противоположность храбрости немецкой. Итальянская армия в первой и второй мировых войнах зарекомендовала себя как далеко не лучшая в мире. Но итальянские партизаны показывали себя с самой лучшей стороны и во времена Гарибальди, и в 1943—1945 годах. Иногда утверждают, что немецкая храбрость сильнее всего проявляется, когда опирается на воинскую дисциплину, итальянскую же храбрость такая дисциплина сковывает.

«Сказки» Льва Толстого и «Приключения Тома Сойера» Марка Твена стали любимыми детскими книгами в десятках стран. Потому что под всеми небесами, на всех континентах и островах матери лелеют детей, влюбленный страдает, потеряв любимую, всюду восхищаются мужеством и презируют трусость.

Общие черты народов явно преобладают над их особенностями.

Да и сами эти особенности...

У отдельных людей ведь тоже разные характеры, но это не мешает им дружить и любить, помогать и понимать друг друга.

И опять-таки — различия в национальных характерах имеют, судя по всему, несравненно меньший размах, чем различия в характерах внутри одного народа.

Прекрасный, хотя и шуточный пример — в «Веселом романе» Владимира Киселева.

В гости к киевскому рабочему пришли члены французской профсоюзной делегации. Зашла речь о национальном характере, и хозяин дома сказал: «Я не понимаю, что значит какой-то особенный национальный характер... Доброта свойственна всем народам, и нельзя сказать, что какой-то народ злой... Вот говорят, что русский народ особенно терпелив. Не вижу я этого. Англичане, по-моему, терпеливей. Русские первые не выдержали и устроили Октябрьскую революцию. Но вот если говорить об украинцах, так у нас действительно есть одна черта национального характера, которая отличает нас от других народов... Мы, украинцы, очень боимся своих жен».

Под общий смех выяснилось, что у французов тоже есть эта «национальная» черта.

2 Теперь пора обратиться к признаку этноса, который называют этническим самосознанием. К тому, собственно, что члены каждого народа непременно как-то отделяют свой этнос от всех прочих, а членов его — от представителей других народов (по древнему принципу «мы — они»); к тому, что в каждом народе бытуют представления о его отличиях от других — ближних и дальних.

Все остальные признаки этноса явно объективны: территория, язык, даже та общность культуры, в которой проявляется психический склад народа, его душа. А вот этническое самосознание, представления человека о себе и других, своем народе и иных народах субъективны. То есть они конечно же могут быть и верными и неверными, справедливыми и несправедливыми, точными и приблизительными, но в любом случае существуют лишь в головах людей. Но существуют реально, хотя, говоря языком философа, и в идеальной форме. Существуют и оказывают вполне ощутимое влияние на объективные обстоятельства жизни и отдельных людей, и целых коллективов, и народов, и всего мира.

В этническом самосознании так или иначе отражаются объективные признаки этноса — от территории и ее природных условий до особенностей психического склада. Но отражаются, как правило, далеко не адекватно. Вспомните хотя бы наш с вами разговор в конце раздела «Этнос и природа». На русской земле растут совсем не одни лишь березы, а на японской вишни — далеко не самое распространенное растение, но символами России и Японии стали именно они.

Волга на современной территории расселения русского народа — река не самая большая; большая же часть ее течения вошла в состав Русского государства лишь в XVI веке, после паде-

ния Казанского и Астраханского ханств. Однако именно «Волга — русская река», главная и в своем роде единственная — такой огромный заряд исторической памяти с нею связан. В этническом самосознании именно она олицетворяет все русские реки, а в пору Киевской Руси таким олицетворением был Дунай, и до сих пор во многих старинных народных песнях Украины и Белоруссии Дунай — название реки вообще (как, возможно, и в плаче Ярославны из «Слова о полку Игореве»).

Еще недавно чукчи считали, что их отличают от других народов одежда (у мужчин — кухлянка, у женщин и детей — комбинезон), украшения — подвески из крашенных ремешков, вырезанных из шкуры нерпы, и розетки из бисера. В тот же перечень включались и особенности жилища — яранги.

Сегодня, как отмечает советский этнограф С. И. Гурвич, символами, связанными с национальным самосознанием, стали у чукчей, «помимо родного языка, письменность на нем, наличие своей художественной литературы, поэзии, профессионального искусства (резьба по моржовой кости, вышивка по меху, свои национальные музыкально-хореографические ансамбли), знание о своем прошлом, гордость за свою историю, за своих выдающихся людей — героев труда, участников Великой Отечественной войны и т. д.».

Для древних китайцев национальной, истинно китайской одеждой был не просто халат, но халат, запахивающий слева направо. И одежда и способ ее запахиwania приобрели символическое значение в древнейшие времена. Конфуций, живший в VI веке до н. э., вспоминая одного деятеля предыдущего столетия, писал: «Если бы не он, все мы стали бы носить халаты с полкой налево». То есть отказались бы от истинно

китайских обычаев, перестали бы даже быть китайцами.

А определенные детали одежды так тесно связывали с самой сущностью народа, что китайские правители с большим трудом решились на введение штанов для воинов, зачисляемых в только что создаваемую китайскую конницу. Штаны кавалеристу, как

Туркмен за изготовлением дугара. СССР

Гвинеец с национальным музыкальным инструментом

«Песнь песней». Фламандская гравюра начала XVII в.

На таких лютиях играют арабы в Тунисе. Африка

119

известно, необходимы, но для китайца они были одеждой кочевников, «диких варваров». Такие же трудности, хотя в менее драматической форме, вставали и перед эллинами и древними римлянами, но те были более откровенными прагматиками и с задачей справились. Впрочем, как и китайцы! Им ведь надо было что-то

противопоставить коннице издавна одетых в штаны кочевников.

В число элементов обыденной жизни, становящихся для этнического самосознания метками «своего» и «чужого», могут входить и головные уборы (остроконечная шапка кочевника-скифа, например), и некоторые виды еды («щи да каша — пища на-

ша» — в старину у русских, овсяный кисель — у некоторых групп немцев).

В чем бы конкретно ни находило свое выражение этническое самосознание, сам факт его проявления, отделения — в сознании — людей с одними этническими признаками от людей с другими этническими признаками знаменует формирование нового этноса. Когда белорусы стали думать и говорить о себе как о людях, в чем-то отличающихся и от древних русичей, и от живущих к югу украинцев, и от литовцев на севере, и от русских на востоке, причем отличающихся не по одной лишь территории расселения, но и по обычаям, языку, чертам быта, — они перевели на уровень сознания, уровень субъективный, некоторые объективные показатели своего существования, осознали их.

Разумеется, это не только явление, но и процесс, занимающий немалые отрезки исторического времени.

Появление этнического самосознания — проявление и фиксация в головах людей важных социальных процессов, в том числе не только этнических. Белорус противопоставлял себя по принципу «мы — они» не только дальнему соседу, крестьянину — литовцу или поляку, но и помещику, большей частью литовскому или польскому феодалу. Осознание себя русским для жителя Московского государства ранней поры было противопоставлением прежде всего иноязычным угнетателям из Золотой Орды — хотя, конечно, далеко не только им.

Поскольку каждый народ — своеобразная форма сосуществования людей с природными условиями плюс имеющая некоторые специфические особенности форма организации общества, рождение нового этноса знаменует собой в исторической перспективе увеличение в целом разнообразия человечества.

Этническое самосознание играет важнейшую роль в защите народа от иноземного влияния и от покушений на его культуру, без него не поднимались бы угнетенные народы на национально-освободительную борьбу.

Д. С. Лихачев совершенно справедливо замечает: «Национальное самосознание в Древней Руси имеет своими показателями не только памятники письменности и искусства:

борьба за свою политическую и культурную самостоятельность и за свое государство служит самым ярким свидетелем высокого уровня национального самосознания русского народа».

Без развитого этнического самосознания невозможен и вполне мирный прогресс культуры у народа, не испытывающего национального угнетения. Ведь развитие самосознания тесно связано с теми самыми процессами развития общества, например, от феодализма к капитализму (и далее), значение для которых национальных движений подчеркивал В. И. Ленин.

Пушкин, Тургенев, Толстой — яркие выразители, в числе прочего, и русского этнического самосознания. Без этого они не были бы и классиками мировой литературы.

А как же с тем, что этническое самосознание отражает объективные признаки народа неадекватно?

Тут надо сказать, что неадекватность неадекватности рознь. Когда один народ воспекает родную степь, считая, что лучше ее ничего не может быть, другой же — родные тайгу, тундру, тропики или пустыню, в этом нет ничего ни противоестественного, ни обидного или опасного для иных народов. Воспеваются субъективное восприятие. Но вот когда Чингисхан обсуждает с советниками, не обратиться ли — огнем и мечом — захваченные китайские земли в степь, подобную монгольской, в огромный выгон для пастбы скота...

Если китайцы когда-то считали, что имеют право носить халат, запахнутый слева направо, — пожалуйста! Лишь бы они не натягивали такие халаты на соседей, предпочитающих штаны.

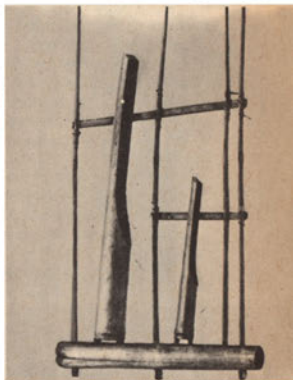
Если японцы находят (имея, по мнению многих посторонних наблюдателей, для того основания), что у них среди всех народов наиболее ярко выражен эстетический подход к действительности, то у них, может быть, стоит поучиться (и курсы японского искусства составления букетов — икебаны — открыты по всему миру). Но если на этом «основании» кто-то из японцев объявит, что его народ лучше всех других, то это будет примером очевидного и вредного искажения образа народа в сознании.

Мы видели в XX веке, как на «основаниях», куда более сомнительных, чем даже иронически нами приведенные, избранными для владычества над миром народами объявлялись и те же японцы, и немцы, и англосаксы. Из осознания отличий между народами делался вывод, что один (один!) из них лучше, другие хуже.

Женщина из племени хино (тибето-бирманская языковая семья) играет на бамбуковой флейте

Бамбуковый духовой инструмент ангклунг. Остров Бали, Индонезия

Амазонский индеец играет на флейте из трубчатой кости животного

Знать и любить свою семью, свою деревню или город, свой народ и свою страну — все это не влечет, не должно влечь за собой презрения и ненависти к иным семьям, городам и странам.

Необходимо сказать, что в XIX, а особенно XX веке субъективное этническое самосознание приобретает все большую объективную роль.

Это связано с изменениями в социальной структуре большинства стран мирового сообщества. Почти повсеместно исчезло сословное деление общества, характерное для докапиталистических формаций. Для огромного большинства людей потеряло свое давнее значение деление профессиональное — по принадлеж-

ности к той или иной религии.

В прошлом же различия сословные и религиозные часто заслоняли собой различия этнические (аристократы разных стран в средневековье были ближе друг к другу, чем к «собственным» крестьянам; протестант французский нередко ощущал себя скорее братом немецкому протестанту того же толка, чем французскому католику). Сохранилось в обществе самое важное, решающее в историческом процессе деление — на классы. Однако теперь оно вовсе не маскируется сословным, а классовые движения лишь в редких случаях могут выступать в религиозном обличье, столь характерном для них в прошлом.

Соответственно возрастает роль разделения этнического — роль, тесно связанная с ростом этнического самосознания во всех почти уголках земли.

Развитие европейского капитализма в XVII—XIX веках было связано, как мы знаем, с национальными движениями — но лишь XX век смог заставить звучать в полную силу лозунг самоопределения наций.

Давно ли наследственные права королевских и императорских домов имели решающее значение при определении судьбы целых народов! Борьба за испанское наследство в начале XVIII века шла формально между родственниками угасшей испанской династии, принадлежавшими к королевским родам других стран. Карта Европы, как и Азии, в течение многих веков перетасовывалась при полном и открытом пренебрежении правителей к правам народов. Великая французская революция, заговорившая о таких правах, завершилась приходом к власти Наполеона, чьи завоевательные походы демонстрировали то же пренебрежение, что и походы Людовика XIV или Габсбургов.

Лишь Октябрьская революция поставила осуществление права народов на самоопределение в повестку дня мировой истории; и, когда президент США В. Вильсон выдвинул перед самым концом первой мировой войны в своих «12 пунктах» тот же лозунг, это было не только прямым плагиатом, но и попыткой противостоять идеям большевистской России.

С большой неохотой и в мизерных размерах победители в первой мировой войне пошли на предоставление независимости некоторым из европейских наций. Наша революция в первые десять с лишним лет после своей победы воздействовала на общественное сознание мира в национальном вопросе не только своими лозунгами — они звучали и позднее, — но и прямыми примерами того, как можно примирить национальности, сталкивавшиеся порой в вооруженных конфликтах на протяжении целых сотен лет, как можно обеспечить равные права большим и малым народам, помочь культурному росту центра и культурному подъему окраин.

Угнетенные нации колоний смотрели с надеждой на наш опыт, лишенные законных прав национальные меньшинства ссылались на него. Позднейшие ошибки и даже преступления правительства при сталинском режиме не должны отбрасывать свою тень на подлинно интернационалистские достижения тех первых лет, достижения, благодаря которым оказались заложены здоровые основы для дружбы народов.

Провозглашенные тогда принципы равноправия народов, права на самостоятельное развитие, на сохранение своих языков и культур были в конечном счете, хотя бы в теории, почти единодушно приняты не только общественным мнением, но и признаны официально ООН. Лишь под прямым давлением национально-освободительного движения и в основном после разгрома фашистской Германии колониальные державы были вынуждены признать права своих колоний сначала на некоторое самоуправление, а потом и на независимость.

Силу национально-освободительному движению в колониях придавала в те десятилетия не столько даже буржуазия, но большей части его возглавлявшая, сколько пролетариат, крестьянство, интеллигенция, притом не в одних лишь освобождающихся странах (где пролетариата могло почти и не быть), но и в метрополиях колониальных держав. Мы не хотим принижать значение борьбы алжирцев за свою свободу от французских колонизаторов, но борьба эта была

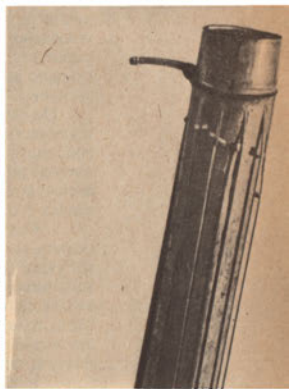
обречена на поражение, не поддержи ее французские трудящиеся.

Сегодня этническое самосознание народов — реальность, с которой считаются политики и экономисты; с учетом такого самосознания проведены многие границы на карте мира. Однако границы ведь не только разъединяют, но и соединяют страны и народы.

Заклинатель и закли-
тельница змей в Коломбо.
Шри-Ланка

Самые разные формы при-
дают музыкальным инстру-
ментам в Непале, Цент-
ральной Африке, на Новой
Гвинее, и не только там

123

ВСПОМНИМ КАРАМЗИНА

Н. М. Карамзин в свое время выделил три вида любви к Отечеству. Его статью «О любви к отечеству и народной гордости» не так уж часто вспоминают, во всяком случае этнографы. Поэтому приведем из нее несколько выдержек; содержащиеся в них мысли, право же, не устарели.

«Человек любит место своего рождения и воспитания. Сия привязанность есть общая для всех людей и народов, есть дело природы

и должна быть названа физическою. Родина мила сердцу не местными красотою, не ясным небом, не приятным климатом, а пленительными воспоминаниями, окружающими, так сказать, утро и колыбель человечества. В свете нет ничего милее жизни: она есть первое счастье — а начало всякого благополучия имеет для нашего воображения какую-то особенную прелесть. Так нежные любовники и друзья освещают в памяти первый день любви и дружбы своей. Лапландец, рожденный почти в гробе природы, несмотря на то, любит холодный мрак земли своей. Переселите его в счастливую Италию: он взором и сердцем будет возвращаться к северу, подобно магниту; яркое сияние солнца не произведет таких сладких чувств в его душе, как день сумрачный, как свист бури, как падение снега; они напоминают ему отечество! ... Не говорю, чтобы естественные красоты и выгоды отчизны не имели никакого влияния на общую любовь к ней: некоторые земли, обогащенные природою, могут быть тем милее своим жителям; говорю только, что силы красоты и выгоды не бывают главным основанием физической привязанности людей к отечеству: ибо она не была бы тогда общеою.

С кем мы росли и живем, к тем привыкаем. Душа их сообразуется с нашею; делается некоторым ее зеркалом; служит предметом или средством наших нравственных удовольствий и обращается к предметам склонности для сердца. Сия любовь к согражданам, или к людям, с которыми мы росли, воспитывались и живем, есть вторая, или моральная, любовь к отечеству, столь же общая, как и первая, местная или физическая, но действующая в некоторых летах сильнее, ибо время утверждает привычку. Надобно видеть двух единомышленников, которые в чужой земле находят друг друга: с каким удовольствием они обнимаются и спешат излить душу в искренних разговорах! Они видятся в первый раз, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими-нибудь общими связями Отечества! Им кажется, что они, говоря даже иностранным языком, лучше разумеют друг друга, нежели прочих: ибо в характере единомышленников всегда есть некоторое сходство, и жители одного государства образуют всегда, так сказать, электрическую цепь, передающую им одно впечатление посредством самых отдаленных колец или звеньев...

Но физическая и нравственная привязанность к отечеству, действие природы и свойств человека не составляют еще той великой добродетели, которую славились греки и римляне. Патриотизм есть любовь ко благу и славе отечества и желание способствовать им во всех отношениях. Он требует рассуждения — и потому не все люди имеют его.

... Мы должны любить пользу отечества; ибо с нею неразрывно связана наша собственная... его просвещение окружает нас самих многими удовольствиями в жизни... его тишина и добродетели служат щитом семейственных наслаждений... слава его есть наша слава; и если оскорбительно человеку называться сыном презренного отца, то не менее оскорбительно и гражданину называться сыном презренного отечества. Таким образом, любовь к собственному благу производит в нас любовь к отечеству, а личное самолюбие — гордость народную, которая служит опорой патриотизма.

Кроме прелести несколько старинного, ласкающего зрение и слух стиля здесь есть прекрасная наивность историка, еще не стесняющегося своих чувств и не скованного привычкою употреблять точные термины, привычкою, которая так часто ставит барьер между живым восприятием мира и способностью передать это восприятие на бумаге. А еще есть здесь то самое очарование, которым, по слову Карамзина, обладает «утро и колыбель». Н. М. Карамзин называл последним нашим летописцем и первым нашим историком, он один из тех, кто стоит «в начале» русской культуры, «а на-

чало всякого благополучия имеет для нашего воображения какую-то особенную прелесть», как сказал сам Николай Михайлович.

Он обращался в этой статье по существу прежде всего к русским дворянам, взывая далее к тем, кто еще недооценивал свою страну, а иногда и презирал свой язык, он вспоминал и славные, и горестные страницы истории, воспитывая национальную гордость в лучшем и высоком смысле этого слова: «Не говорю, чтобы любовь к отечеству долженствовала ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всем лучше; но русский должен, по крайней мере, знать цену свою».

Эта статья, написанная в 1802 году, — памятник эпохи подъема русского национального самосознания.

3

Каждый из нас — только всплеск волны в великом океане, несущем воды из великого прошлого в великое будущее!

А. А. Ухтомский

ДВЕРИ В ПРОШЛОЕ
РОДСТВО И СВОЙСТВО
ОТ ПЛЕМЕНИ ДО НАЦИИ

3 История каждого этноса — неотъемлемая часть общей истории человечества.

Как восстановить путь народа через время, найти его древние корни, старое и новое родство?

Мы в XX веке буквально присутствуем при формировании десятков новых народов. Этнографы с понятным интересом следят за тем, как складывается сегодня из множества народов и племен индонезийская нация. Она еще не сложилась, но многие ученые уверены, что индонезийский метаэтнос станет в конце концов — и не в очень отдаленном будущем — обычным этносом, этносоциальной общностью — нацией.

Некоторые исследователи предвидят рождение наций в отдельных африканских странах; но даже если появление единого кенийского этноса можно отнести лишь к сравнительно далекому и довольно проблематичному будущему, то в той же Кении происходит стремительное объединение и превращение мелких племен в довольно крупные народности.

Несколько новых этносов появилось за последний век на территории Советского Союза. Один из примеров — алтайцы, народ, складывающийся из небольших племен и народностей, говоривших на разных языках, уже в советское время (хотя различия в языке у северной и южной групп алтайцев еще очень велики).

В Дагестане некоторые совсем маленькие народности, исчислявшиеся сотнями и тысячами человек, слились с более крупными народами этой республики — аварцами, лезгинами, лаками, кумыками.

Ученые исследуют этнические процессы, идущие в наши дни, устанавливают их закономерности, определяют, какие из них могли и должны были действовать сотни и тысячи лет назад.

Факты об этнических процессах

XIX века мы черпаем из книг ученых, записей путешественников, свидетельств современников. Но чем дальше в прошлое, тем скуpee становятся письменные сведения об истории народов. Пока с учеными прошлое говорит со страниц хроник и летописей, дело обстоит еще не так плохо. Нет хроник? Остаются поэмы, законодательные акты и хозяйственные документы. Именно такого рода записи содержат шумерские и вавилонские глиняные таблички, причем материалы бухгалтерского, как мы сказали бы сегодня, учета явно преобладают над всеми остальными.

Но даже складские документы многое дают исследователю этногенеза. Ведь уже язык документов сообщает (хотя и не всегда), к какому народу принадлежали те, кто эти документы оставил. Куда хуже положение исследователей, изучающих прошлое народа в пору, когда у него не было письменности или письменных документов сохранилось очень немного. Тут, конечно, порою могут помочь свидетельства соседей, обладавших письменностью, рассказы тех, кто посетил соответствующую страну.

Можно вспомнить, что массой сведений по истории народов Поволжья, Урала и вообще Восточной Европы в раннее средневековье мы обязаны, например, арабским путешественникам. Но такие сведения «со стороны» нередко неверны, всегда отрывочны и весьма неполны. А часто, слишком часто, их и вообще не бывает.

Писаную историю народов приходится дополнять, а порою и поправлять этнографии, действующей в союзе с остальными историческими дисциплинами — от археологии до этнической антропологии, в содружестве с лингвистикой и другими науками. А чем дальше в прошлое, тем важнее такое комплексное исследование этногенеза.

Антрополог исследует кости и чере-

па, восстанавливает облик древнего обитателя той или другой местности, сравнивая этот облик с внешностью представителей современных этносов, связывая прошлое и настоящее.

Вот, скажем, вторгся когда-то в Европу народ, который древние славяне называли обрами, а мы сейчас именуем аварами. Происхождение свое они вели из Центральной Азии и были монголоидами, но по дороге, занявшей немало десятилетий, включили в свой состав столько людей европеоидного типа, так часто женились на обитательницах Восточной и Центральной Европы, что только знать их сохранила в своем облике ярко выраженные монгольские черты; аварское простонародье, как показали раскопки аварских могильников на территории Венгрии, мало отличается по внешнему облику от «средних» европейцев.

Археолог находит в земле вещи: каменные топоры и бронзовые ножи, железные наконечники стрел и ножицы, осколки разбитой много веков назад посуды. Что, казалось бы, могут сказать вещи, давно потерянные, о том, к какому народу принадлежали их владельцы?

Часто — чрезвычайно многое. И о современной культуре мы ведь говорим, что она имеет национальную форму. А в прошлом этническое своеобразие культуры часто очевидно даже по немногим пережившим века предметам и следам построек.

Конечно, наши предки и полторы или две тысячи лет назад отнюдь не были скучными затворниками; они принимали гостей, отправлялись в походы — военные и торговые, совершали путешествия в поисках знаний. Свидетельства дальних странствий и широких контактов археологи тоже находят. Достаточно сказать для примера, что модницы древнего Закавказья украшали себя индийскими ракушками, а охотники Зауралья в середине 1-го тысячелетия н. э. сделали важнейшим предметом своего религиозного культа серебряные сосуды из Ирана.

И все-таки огромное большинство предметов обихода изготовлялось на месте. И часто отличалось особенностями, которые были характерны только для конкретной территории. Многие племена проявляли особую

любь к определенному виду орнамента — каждое — к своему. Одни и те же узоры бежали по горлышку и стенкам несчетных тысяч кувшинов, изготовленных в одной местности в течение веков, сменяясь на границе с соседним племенем другими узорами, характерными уже для этого нового племени. По таким следам, проложенным в еще сырой глине нежными женскими пальцами (ведь освоили гончарное дело поначалу именно женщины), археологи и этнографы выходят к новым знаниям о происхождении самого племени, а значит, возможных его потомков.

Лингвисты прослеживают происхождение и развитие языка на протяжении тысяч лет, находят в нем слова и грамматические конструкции из других языков, устанавливают, где и когда встречались народы.

«Язык, язык! Это душа народов. В нем читаются их судьбы!» Так говорит в автобиографии один из подмастерьев «народа языкотворца» — французский поэт Пьер-Жан Беранже.

И тут с поэтом целиком согласен ученый. Немецкий филолог и фольклорист XIX века Я. Гримм утверждал, что наш язык в то же время и наша история. Советский ученый В. И. Абаев по существу уточняет это определение, подчеркивая, что язык народа — это «его исторический опыт, обогащенный и зафиксированный в словах-понятиях и грамматических категориях...».

Человек не только выражает свои мысли с помощью слов; мы и мыслим словами, одними лишь словами, все вокруг нас названо, поименовано: и вещи, и явления природы, и действия...

Но с другой стороны, в языке есть слова лишь для тех предметов, действий, событий, с которыми народ — носитель языка так или иначе знаком.

И значит, по словарному составу языка можно судить о жизни и быте народа. И не только о современных жизни и быте. В. И. Абаев, например, в работе «Осетинский язык и фольклор» продемонстрировал, как из языка народа действительно можно извлечь его исторический опыт.

Осетины говорят на языке, родственном современному персидскому, таджикскому, афганскому. Соседи

осетин — совсем на других языках — кавказских, тюркских. Откуда же в самом сердце горного Кавказа появился осетинский язык? Казалось бы, предки осетин должны были прийти на Кавказ с юго-востока, откуда, где сейчас живут многие миллионы людей, говорящих на персидском, таджикском, афганском.

Но анализ языка показывает, что предки осетин, которые принесли сюда иранскую речь, шли не с юга, а с севера.

Это видно, например, по словам неиранского происхождения в сегодняшнем осетинском словаре. К их числу относятся названия граната и верблюда. У южных иранцев, естественно, есть собственные слова для обозначения этих дерева и животного. А осетинам пришлось для этой цели принять в язык чужие слова. Значит, их предки шли из мест, где граната и верблюда не знали. Надо ли доказывать, что такие места лежат к северу, а не к югу от Кавказа?

Ирану, даже средневековому, хорошо знаком грозный хищник — лев. А осетины зовут его собственным словом, первоначально обозначавшим совсем другое животное, хоть и не хищное, но тоже грозное — зубра. Значит, не было на родине праосетин львов — иначе не произошло бы такой путаницы. (Кстати, аналогичная история произошла на Руси. Русское слово «слон» образовалось из пришедшего с востока названия льва — «арслан». Русские были тогда мало знакомы и со слоном, и со львом, и никто не заметил переименования.)

Итак, язык позволил уточнить путь праосетин. Может он указать и на образ жизни. Вот, например, слово «кочевать» в осетинском языке резко расширило свое первоначальное значение, стало понятием «жить». Ясно, что такое могло произойти лишь у предков-кочевников.

Когда пришли на Кавказ праосетины? И тут язык способен дать ответ. Они принесли с собой собственное название для железа, значит, переселение состоялось не раньше начала 1-го тысячелетия до н. э. — прежде железо было слишком плохо известно в древнем мире, и окраинный народ не стал бы придумывать для него имя.

Словарь отвечает на вопросы —

умеете только задавать их. А история подтверждает эти ответы всем своим авторитетом. Она напоминает нам о ираноязычных скифах и сарматах Северного Причерноморья. В последние века до нашей эры и в первые века нашей эры скифо-сарматские племена глубоко проникли на Кавказ. Самый мощный из сарматских племенных союзов — аланы — распространил свое влияние от Молдавии до Закавказья (а часть алан во времена Великого переселения народов добралась и до теперешних Франции, Италии, Испании).

Скифы и сарматы явно «годятся» на роль прародителей осетин. Они были тоже ираноязычны, жили вначале к северу от Кавказа, в большинстве своем были кочевниками и т. д. Подходит? Подходит. Одна «беда»: очень похожи, с точки зрения антропологов, современные осетины на своих нынешних соседей, говорящих на кавказских языках, — чеченцев, кабардинцев, балкарцев, хевсуров...

Что подделаешь — данные антропологии, лингвистики, археологии и других наук, как мы уже говорили, нередко вступают между собой в противоречие — и внутри каждой из этих наук, и на границах одной науки с другими.

Советский ученый В. Д. Корольков отмечал, что «в этногенетической проблематике бесспорно преобладание... археологов, стремление именно за археологией оставить решающее слово в вопросах этногенеза...». Он подчеркивает достижения археологов, однако затем говорит, что их работы опираются на допущение, что каждой археологической культуре соответствует определенный этнос. Между тем мы знаем немало случаев, когда одному этносу соответствуют два, а то и более типов материальной культуры, когда, скажем, часть народа — земледельцы, а часть — пастухи (так, например, было в Молдавии в сравнительно недавнее время). И что еще важнее, мы и сегодня знаем разные народы с весьма сходной материальной культурой (скажем, русские северяне и карелы); точно так же обладали или могли обладать очень похожей культурой многие племена древности, говорившие на разных языках. Поди узнай по археологическим находкам язык

народа, не пользовавшегося письменностью... И потому столь часты споры, каким именно племенам принадлежит та или иная культура Центральной Европы 1-го тысячелетия: славянским, кельтским, германским?..

Материальная культура народов обладает к тому же высокой под-

Средневековый город. Германия. Изображение XVI в.

Древнегреческая терракотовая статуэтка 320—300 гг. до н. э.

вижностью, она относительно легко изменяется, особенно при расселении народа в новых географических зонах. Это ведь может отразиться и на жилище, и на одежде... Сильно сказывается на материальной культуре и развитие производительных сил, т. е. попросту изменения в хозяйственной деятельности.

«Очень трудно, — продолжал В. Д. Королюк, — найти признаки принципиального различия материальных культур различных этносов, живущих в аналогичных природных условиях и имеющих одинаковый тип хозяйства». Здесь надежной методикой археология в настоящее время не располагает.

Относительно консервативна пища: ее виды и способы приготовления часто несут явные «этнические» признаки — но остатки пищи не так уж часто находят при раскопках.

Зато ценнейший для исторической этнографии археологический материал — женские украшения. С одной стороны, некоторым видам таких украшений женщины определенного этноса часто сохраняли верность на протяжении многих поколений; с другой — древние модницы нередко охотно обогащали свой «женский арсенал» за счет «импортных» предметов; и то и другое важно для исследователей.

Археологи уверенно говорят о том, что очень долго обычно сохраняется тип лепной домашней керамики, которой отведена особая роль в числе доказательств той или иной этнической принадлежности археологических культур.

Выводы лингвистических исследований нередко вступают в противоречие с археологическими материалами и письменными источниками соседних народов. Так, словарь праславянского языка рисует на нем общество более социально развитое, чем данные раскопок и сообщения римских и византийских историков. И восстанавливаемый учеными словарь праиндоевропейского языка также показывает, что говорили на нем в более структурированном обществе, чем то, о каком сообщают археологи, судя по материалам памятников пяти-шести-тысячелетней давности.

Нередко с данными антропологии, а то и с материалами лингвистики и археологии спорит и историческая память народа, закреплённая в так называемых этногенетических преданиях.

Почти каждый народ умеет собирать предания о своем происхождении. До появления письменности они передаются из уст в уста. Затем их хранит уже книга.

Устная же историческая память народа может проникать в далекое прошлое. Своеобразный рекорд тут поставили полинезийцы. Они помнили наизусть имена своих предков на протяжении по крайней мере последних двух тысяч лет. Жители Маркизских островов умели пересказать свою генеалогию на протяжении

ста пятнадцати поколений!

Впрочем, как известно, самая хорошая память имеет свои недостатки. История с полинезийцами показала, что ученые могут быть введены в заблуждение даже такими сказаниями, которые как будто заслуживают самого полного доверия. Последовав за полинезийскими преданиями, рассказывающими о том, как великие тихоокеанские мореплаватели заселяли свои острова — один за другим, причем заселенный первым остров — прародина — был покинут ради новых земель еще двадцать веков назад, исследователи приняли за начало колонизации Полинезии ее теперешними обитателями примерно рубеж нашей эры. Между тем, как показали в конце концов раскопки, праполинезийцы появились на своем «Много-островье» примерно на тысячу лет раньше. Выяснилось, что на самые первые сорок поколений великих мореплавателей памяти не хватило даже у полинезийцев. Но и две или две с небольшим тысячи лет — фантастически большая «глубина веков» для устной памяти, особенно когда она хранит массу конкретных деталей истории, от тысяч имен действующих лиц до сотен тысяч названий островов, мелей, гор, рифов — вплоть до названия лодок, на которых предки путешествовали с острова на остров.

Обычно, однако, предания куда менее точны и детальны, хуже того, при передаче из уст в уста история, условно говоря, имеет свойство преобразоваться в литературу, пусть устную, и изменяться уже по ее законам. Вот пример. Русские былины — тоже ведь предания о деяниях предков. Былины донесли до нас из X века образ Владимира I по прозвищу Красное Солнышко, первого киевского великого князя, принявшего христианство. Но по законам развития фольклора на этот образ оказались перенесены черты еще не одного и не двух киевских князей — и не только киевских, — а события, с которыми имя Владимира I связано в былинах, на самом деле происходили не только в его время.

Так, богатыри Владимира сражаются с татарами, на самом деле пришедшими на Русь спустя два с лишним столетия после его смерти. И когда былинным богатырю приходится по

поручению Владимира биться с многоголовым змеем Тугариным, то историк узнает в этом чудовище вполне исторического половецкого хана Тугоркана. А ведь столкнуться с Тугорканом русским пришлось только через век с лишним после Владимира I.

Зато многие прославленные и в

Перуанка на фестивале
народного танца

Древняя скульптура.
Индия

Древнее бронзовое зеркало.
Китай, VIII в.

летописях, и в анналах русской и европейской истории князья выпадают из сферы внимания творцов былин. Владимир Мономах, внук византийского императора, победитель половцев, гроза западных соседей, на время собравший под свою власть раздробленную уже Русь, в московской исторической традиции именовавшийся

царем (московская и российская корона — шапка Мономаха, а не чья-нибудь еще!), практически целиком слился для народа, судя по былинам, со своим тезкой прадедом.

Но мало и этого.

Фольклор не случайно называют концентрированным выражением народной мудрости. Фольклор и

мифология не просто включают в себя рассказ об исторических памятных событиях, но производят среди этих событий отбор. Есть вещи, которые народ «не хочет» помнить.

Уж на что, кажется, быллинную фигуру представлял собой киевский князь Святослав Игоревич! Гроза Византии, победитель во многих сражениях, рыцарь, оставивший потомкам и гордые слова «мертвые сраму не имут», и память о честных предупреждениях противникам «иду на вы»... А вот нет его в былинах, и все тут. Академик Б. А. Рыбаков объясняет это отрицательным отношением русского народа к дальним завоевательным походам, которыми заполнено княжение Святослава.

Владимир I в былины попал, но его завоевательные походы остались за их границами. Он выступает здесь как сторона обижаемая, как тот, на кого нападают, и только (вряд ли понравилось бы это самому воинственному князю Владимиру, немало досаждавшему своим соседям). Народ не одобрял агрессий даже «своего» владыки — и выразил это достаточно ясно.

Советская исследовательница Р. С. Липец обращает внимание, что в эпосе самых разных народов, в том числе и кочевников, которых часто считают такими воинственными, нередко заметно осуждение даже положительных в общем героев, если они замышляют завоевания. И в результате фольклор, описывая войны, бывшие на самом деле завоевательными, изображает их сугубо обогрительными.

Это примеры того, как искажаются при передаче в эпосе и других видах фольклора исторические факты.

Тем не менее былины донесли до нас память о десятках исторических личностей. Существовали реальные прототипы и Добрыни Никитича, и Алеши Поповича, и многих других героев былин, и половецкий хан Тугоркан сохранился в былине, только превратившись, по законам фольклора, в фантастического «змея Тугарина». Нам известен даже какой-то заезжий французский (скорее всего) герцог Стефан: именно так историки расшифровывают происхождение былинного Дюка Степановича («дюк» — герцог). Словом, эпос — важный исторический источник, но

относиться к нему надо весьма критически, проверяя его гармонию алгеброй других источников.

Сведения об этногенезе дают отнюдь не одни лишь специально посвященные происхождению народа и (или) его правителей легенды. Сходство фольклора у двух территориально отдаленных народов может подтвердить или даже установить их родство — вплоть до доказательства того факта, что в далеком прошлом существовал единый народ, от которого они оба происходят. Мало того, по фольклору, чутко отражающему общественные изменения, часто можно определить, до какого этапа социального развития народ-предок оставался единым.

Тут все время приходится, однако, помнить, что два сходных мотива в сказках или в эпосах разных народов могут не только отражать древнее родство или древнюю связь между этими народами, но в принципе в состоянии появиться и самостоятельно. Это одна из «вечных проблем» и фольклористики и истории мифологии.

Причем для этнической истории ситуация приобретает еще большую остроту: исследователям этногенеза даже в случае очевидной связи между мотивами надо четко представлять, что перед ними: простое заимствование «бродячего сюжета» или два отрывка из общего наследия, полученного от древних предков.

Один из крупнейших французских лингвистов, А. Мейе, известен и как исследователь фольклора. Сравнивая сказки и мифы разных народов, он пришел к такому выводу: «Сказки о животных встречаются повсюду, сходство некоторых животных с человеком так очевидно, что вполне закономерно приписывать животным поступки, присущие людям, и тем самым выражать то, что не так просто высказать прямо. Эти сказки можно сравнивать между собой, чтобы определить их формы, характер, сферы применения и создать таким образом общую теорию сказок о животных. Соответствия, которые устанавливаются при этом, проистекают из общечеловеческих свойств, а различия — из разнообразия типов и различия в уровне цивилизации. Таким путем можно узнать кое-что о

характерных, общих для человечества чертах, но ничего нельзя узнать о его истории. Если же рассматривать... индоевропейские мифы о напитке бессмертия, то получатся иные результаты. Мысль о напитке, который может давать бессмертие, слишком естественна, чтобы принадлежать лишь одному народу. Но когда у различных народов, говорящих на индоевропейских языках, обнаруживается в более или менее полных версиях миф о напитке бессмертия, сваренном в огромном чане, причем к нему присоединяются история невесты-изменницы и легенда о борьбе между богами и демоническими существами, то такая совокупность отдельных мотивов, внутренне никак не связанных, не может появиться случайно».

Действительно, этот сюжет встречается в легендах и у исландцев и у жителей Панджаба в Индии. Ясно, что это действительно общее наследство. Но такое очевидное сходство в деталях встречается редко. Несравненно чаще исследователям приходится иметь дело с куда более отдаленным сходством, из которого требуется извлечь все возможное.

Русский ученый В. В. Голубев (1878—1945) большую часть своей жизни провел в Индокитае, исследуя его археологию, фольклор, историю. В частности, ученого очень интересовало, возможно ли через легенды о древних богах и героях найти ключ как к происхождению, так и к историческим связям народов, которым эти легенды принадлежат. Он попытался показать связи между кхмерами, народом, населяющим Камбоджу, и скифами Северного Причерноморья.

Его не смутили расстояние во много тысяч километров, то, что языки кхмеров и скифов не имеют родственных связей, то, наконец, что невозможно, кажется, найти в древней истории эпизод, где судьбы скифов и предков кхмеров как бы то ни было пересеклись.

В. В. Голубев обратил внимание на легенду о возникновении кхмерского царства, легенду, по которой первая династия, Каудинья, происходила от змей. Он знал уже, что другие ученые нашли источник этой кхмерской легенды в Южной Индии раннего

средневековья. В одном из тамошних царств бытовал миф о происхождении правителей, наделенных свехъестественной силой, от королевы-змеи. Русский исследователь решил искать дальше. Он сравнил между собой легенды о змеях — родительницах царей, долго сохранявшиеся в Передней и Малой Азии, в Гималаях и Причерноморье. По его мнению, раньше других возникла скифская легенда, записанная Геродотом. Первый царь скифов, по имени Скиф, был якобы младшим сыном Геракла и полуженщины-полузмеи Эхидны.

Полуженщина-полузмей в роли то злобного чудовища, то богини — чрезвычайно распространенный персонаж, встречающийся в мифологии множества народов. В таких «змееногих богинях» видят нередко олицетворение матери-земли, символом которой у многих народов служила змея. Но совсем не так уж часто эти полузмей рождают в легендах могучих царей, притом объявляемых предками целых народов.

В. В. Голубев произвел детальное сравнение скифо-эллинистических вариантов легенды с южноиндийскими и кхмерскими и пришел к выводу, что общие моменты в этих вариантах не случайны. Скифская богиня с лицом человека и туловищем змеи, названная у Геродота Эхидной, стала, по мнению ученого, у кхмеров богиней-змеей Нагой, прародительницей народа Камбоджи. Как пришла эта легенда в Индокитай?

Скифы начиная с середины II века до н. э. глубоко проникали на территорию Индии, они (под именем саков или шаков) основали здесь большое государство, охватывающее значительную часть субконтинента. Конечно, между восточными границами этого государства и территорией нынешней Камбоджи лежало изрядное расстояние, однако тут уже вполне могли найтись посредствующие звенья.

Уже говорилось, что, попав в мифологию, став легендой, то или иное событие начинает преобразоваться — до полной внешней неузнаваемости порой.

Однако такое преобразование происходит по определенным законам, можно сказать, что оно зашифровывается, кодируется. Зная ключ кода,

можно извлечь зерно истины из выросшего на его месте древа. Ученые сегодня умеют доискиваться до исторической основы легенды, с определенной степенью точности воссоздать эту основу.

Вот, например, как расшифровывается легенда об основании инкской державы в Перу, охватившей в XIV—XV веках огромные пространства Южной Америки.

Вышли, говорит миф, из пещеры под названием Пакаритампу (возможно, это название означает «место рассвета», возможно — «сокровенная стоянка») четыре брата и четыре сестры. Вышли — и двинулись искать удобные земли, пробуя при остановках, насколько мягка земля, насколько легко она поддается обработке.

Один из братьев был слишком силен, камнем из пращи мог он снести целую гору. Испугались трое остальных, послали его за чем-то обратно в пещеру Пакаритампу и завалили выход из пещеры огромной скалой.

Другой брат где-то по дороге превратился в каменного идола.

Остались два брата — Айяр Аука и Айяр Манко.

Аука тоже окаменел, но уже после того, как была найдена плодородная земля, на которой потом основали город Куско — будущую столицу инков. Причем Аука не просто окаменел, но превратился в каменный столб, какие ставили индейцы в знак владения той или иной территорией.

Надо заметить, легенды говорят о том, что вместе с братьями от самой пещеры шли на поиски хороших земель и другие индейцы, простые смертные, уже не «пещерного» происхождения. Айяр Манко во главе их выдержал борьбу с племенами, жившими на месте будущего Куско. Он победил, стал первым Верховным Инкой — и основал город, разделенный на четыре квартала. Стоит заметить, что легенда дает названия всех кварталов, и одно из них означает «метисный округ», причем взято оно не из языка кечуа, на котором говорили в государстве инков, а из языка соседнего крупного индейского народа аймара. Это свидетельствует, что Куско с самого начала населяли люди разных племен, даже говорившие поначалу на разных языках.

Миф обычно рассматривается перуанскими историками как метафорический рассказ о походе в долину Куско четырех союзных племен. Перуанский исследователь Л. Валькарсель считает, что каждый из братьев символизирует одно из племен. Три племена погибли или были поглощены впоследствии четвертым, сильнейшим. Другая версия полагает, что два брата соответствуют племенам-завоевателям, два — племенам побежденным.

Безусловно, что имена всех четырех братьев Айяр в легенде — смысловые. Само общее семейное имя Айяр означает, по мнению некоторых исследователей, «дикая гречиха». Личные же имена двух из братьев переводятся одно как «соль», другое как «стручковый перец». Имя Манко в форме Манго означает какой-то злак, важный для индейцев.

Похоже, что имена героев легенды — только повторение названий племен, живших здесь. В мировом фольклоре чрезвычайно часто легендарный вождь выступает под именем, принадлежащим вполне реальной группе людей.

Брат же, превратившийся в столб — знак владения, символизирует подчинившееся инкам коренное население долины Куско. Впрочем, иногда олицетворением покоренных обитателей местности Куско считают брата, запертого в пещере.

Почти все имена в легенде обозначают съедобные растения. Очевидно, создатели ее были собирателями или примитивными земледельцами. Впрочем, создатели легенды, как правило, более социально развиты, чем те, о ком легенда рассказывает: ведь она посвящена прошлому.

Когда инки создали могучую империю, они завоевали и район знаменитого озера Титикака, где когда-то существовал могущественный союз племен, создавший культуру Тиауанако. Цивилизация Тиауанако к тому времени погибла, но память о ней жила среди индейцев. Инки решили связать свою историю с историей этой цивилизации. В новом варианте, который иногда называют «имперской версией» старого мифа, четыре брата и четыре сестры вышли уже не из пещеры Пакаритампу, но из озера Титикака. В Пакаритампу они при-

шли по дороге в Куско, причем, согласно одной версии мифа, шли в эту пещеру под землей. Братья в «имперской версии» — посланцы Солнца, выполняющие его волю.

Детали легенды о выходе инков из озера Титикака подтверждают ее поздний характер. Тут братья — посланцы Солнца сажают кукурузу —

Вождь индейского племени.
Бразилия

137

а в первом, самом раннем варианте мифа нет не только кукурузы, но и картофеля, появившегося в районе Куско много раньше кукурузы.

Вот другое типичное этногенетическое предание.

В 1939 году было опубликовано ненецкое сказание о старике, отце семерых сыновей. Пятеро из них ста-

ли могучими зверями. Двое же — Харючи и Вануйта — положили начало ненецкому народу, обитающему в тундре на севере СССР.

Сначала, по легенде, у ненцев было два рода, происходивших от этих двух братьев, потом каждый из этих родов в свою очередь разделился на десять новых родов. И что же? Документы

подтвердили, что девять из десяти родов, на которые разделился род Харючи, появились у ненцев лишь ко второй половине XIX века.

Герои другого ненецкого предания живут в землянках на морском берегу и кормятся зверобойным промыслом. Это по существу рассказ о времени, когда у ненцев не было оленей. Археологические раскопки подтвердили детали рассказа, причем на побережье полуострова Ямал были найдены землянки конца 1-го — начала 2-го тысячелетия н. э.

Служат этногенетическими источниками и культурно-бытовые особенности этносов. Все черты этнического своеобразия сложились исторически, и по многим из них можно судить о происхождении и этнокультурных связях народов.

По некоторым характерным для национальной туркменской одежды орнаментам удалось заключить, что в этногенезе туркмен определенную роль сыграли аланы — этнос, существовавший по крайней мере с конца 1-го тысячелетия до н. э. и до средневековья, передавший, как уже отмечалось, свой язык (естественно, менявшийся с течением времени) нынешним осетинам на Кавказе.

О происхождении чувашей от средневековых волжских булгар свидетельствует не только чувашский язык, образовавшийся на основе тюркского языка этих булгар, но и совпадение — до таких деталей, как способ настилки пола — крестьянских чувашских изб и булгарских жилищ тысячелетней давности.

И ясно, что, когда археологи находят остатки типично русских изб, это свидетельствует о том, кем было основано данное поселение. Характерные этнические черты жилищ сохраняются часто длинным рядом поколений.

Долго обычно держится тип национальной одежды — лишь новейшее время внесло в это правило свои поправки.

Римляне покорили территорию Дакии (теперешней Румынии) во II веке н. э., при императоре Траяне. Огромная римская армия надолго оккупировала страну, постепенно сменившую свои местные языки на латынь.

Но румынские этнографы не

только находят общие черты в одежде дакийцев, о которой можно судить по изображениям их на монументах римского времени, и традиционных костюмах отдельных этнографических групп современной Румынии, но и полагают, что у румын сохранились кое-где в деревнях до наших дней характерные юбки, женские кофты, обувь-постолы и другие элементы древней гето-дакийской одежды.

Румынский этнограф Н. Дунаре опубликовал работу, из которой следует, что в румынской вышивке сохранились или получили дальнейшее развитие древние декоративные формы, распространенные у тех же гетов и даков.

По русской вышивке тоже можно судить о некоторых деталях многовековой истории народа. В частности, как наследника — по-видимому, через Византию, — традиций Древней Греции прославленного классического периода, с одной стороны, и скифов — с другой.

На русском Севере вышивают на полотенцах женщину с волосами-змеями, в которой исследователи видят ту самую Медузу Горгону, которую убил герой древнегреческого мифа Персей.

Разумеется, из этого не следует вывод о происхождении русских от древних греков, но по таким примерам можно судить о древних культурных связях народов.

Итак, при выяснении происхождения народа можно пользоваться данными лингвистики, фольклора, материалами археологии, антропологии и т. д.

Хорошо, когда все эти разносторонние источники поддерживают друг друга, когда почерпнутые из них сведения друг другу не противоречат. К сожалению, как вы уже видели, достаточно часто источники не согласуются, а спорят. Мы уже отмечали, что осетины говорят на языке иранской группы, а по внешнему облику чрезвычайно похожи на своих соседей по горному Кавказу, говорящих на совсем других языках.

Предания скифов утверждают, что они пришли в Северное Причерноморье с юго-запада; их язык (иранской группы) указывает как будто на происхождение с юго-востока; антропологический облик свидетельствует

о тесной связи с предшествующим населением причерноморских степей. Так что же: автохтоны скифы или пришельцы, а если пришельцы, то откуда? Какой версии отдать предпочтение, какой источник заслуживает больше доверия?

Антрополог В. П. Алексеев, проанализировав ряд таких противоречи-

Мраморный рельеф из Помпей. Италия

Экспозиция «Подолья» в этнографическом музее под открытым небом. Украинская ССР

139

вых ситуаций, замечает: «В литературе распространена тенденция спорить о сравнительной эффективности разных видов исторических источников, когда речь идет об этногенетических проблемах, причем спор чаще всего решается в пользу того исторического источника, каким профессиональнее владеет автор».

То есть лингвист нередко переоценивает данные языка, антрополог — свои материалы, фольклорист — свои.

В. П. Алексеев пробует расставить источники по местам, оценить их объективно (правда, сам он тоже не «человек со стороны», а антрополог).

Он полагает, что данные его науки

очень много дают для проникновения в глубь времени, для выяснения, скажем, переселений народов в бронзовом и даже каменном веках. Но — на внешнем облике людей во времени сказываются только контакты, которые приводят к появлению смешанного потомства. А язык, например, порою передается без «крови» народа, от которого другой народ этот язык заимствует. Но даже такие исторические события, которые в конечном счете ведут, в частности, к смешению «крови», приводят к нему далеко не сразу. Нужно время, чтобы этот эффект проявился во внешнем облике народа.

Антропологи — родичи тех волшебников, от имени которых выступал герой романа Марка Твена «Янки при дворе короля Артура». Он утверждал, что настоящему пророку легче предсказывать отдаленное будущее, чем близкое. А антропологи лучше умеют устанавливать отдаленное прошлое, чем сравнительно недавнее.

Этногенетические предания, по В. П. Алексееву, помогают на другом конце временной лестницы. Они хранят память лишь о последних столетиях, ну, последнем тысячелетии (полинезийцы с их двумя тысячелетиями — исключение). Но окончательное формирование большого числа современных народов и относится ведь именно к этому последнему тысячелетию! Русские, украинцы, белорусы, литовцы, шотландцы, испанцы, кхмеры, таи, буряты и якуты, хауса в Африке и т. д.

Да, но как же быть с тем, что фольклор так сильно преобразует отраженную им историческую действительность? Как быть с «собиранием»

десять князей в образ «Старого Владимира» киевского?

В. П. Алексеев настаивает: «Возражение такое в принципе справедливо. Однако любой исторический источник также не полностью отражает действительность и требует критического анализа. Поэтому возражения такого рода не более справедливы по отношению к этногенетическим преданиям, чем по отношению ко всем другим типам исторических источников».

Однако, как нам кажется, нельзя не считаться с тем, что искажение прошлого в преданиях может быть чрезвычайно сильным.

Лингвистические данные, по В. П. Алексееву, особенно важны как раз для времени, о котором относительно мало может сказать антропология и до которого не дотягивает память, запечатленная в этногенетических преданиях: «Практически сколь угодно полная (лингвистическая) информация, которая может быть мобилизована в этногенетических целях, существует только начиная с 1-го тысячелетия до н. э., т. е. с эпохи раннего железа».

Справедливости ради следует добавить, что новейшие исследования с применением, например, методов глоттохронологии дают возможность использовать лингвистические материалы для определения «родства» народов и в более отдаленные времена, чем 1-е тысячелетие до н. э. Но разумеется, для более близких эпох, особенно средневековья, они значительно информативнее.

А теперь мы хотим познакомить вас с материалами совещания ученых, посвященного сотрудничеству наук при решении проблем этногенеза.

ПЯТЬ НАУК, А ДЕЛО ОДНО

Тема совещания, которое состоялось в Тбилиси, была такой: «Взаимодействие научных дисциплин при решении проблем происхождения народов (на примере Кавказа)».

Кавказ — один из тех регионов нашей страны, которые лучше всего исследованы и антропологами, и археологами, и лингвистами, и историками, и этнографами. Он примыкает к району, где возникли древнейшие государства нашей планеты, и частично входил в их состав и подвергался их влиянию. Кавказ с его географическим положением между Европой и Азией бесчисленное множество раз оказывался местом встречи рас и народов, регионом бурного взаимовлияния и взаимопроникновения культур и взаимодействия

языков. Антропологи полагают, что Кавказ был одним из важнейших очагов расообразования. Лингвисты связывают с Кавказом происхождение нескольких групп языков. На Кавказе часто скрещивались пути народов, вышедших даже из весьма далеких от него Центральной Азии и Центральной Европы, не говоря уж о пришельцах с более близких территорий.

Собранные на Кавказе материалы использованы в ряде исторических концепций, привлекающих внимание научного мира.

Известные по Кавказу факты могут служить важным подтверждением представлений об общих закономерностях развития самых различных исторических явлений, встречающихся по всему миру.

Участвовали в обсуждении: М. Г. Абдушелишвили, антрополог; С. А. Арутюнов, энтограф; Г. Б. Джаукян, филолог; О. М. Джапаридзе, археолог и историк; С. Т. Еремян, Н. Ю. Ломоури — историки. Вот некоторые их высказывания.

С. Т. Еремян. Закавказье — часть зоны, в которой впервые возникает производящее хозяйство. Пусть, возможно, периферия этой зоны, но иногда на периферии лучше видно. Особенно через столько тысяч лет.

С. А. Арутюнов. Каждая из наших наук занимается проблемами этногенеза и этнической истории со своей стороны, к каждому из нас эта проблема повернута определенной гранью. Только совокупность наших материалов может дать цельный ответ и на то, каковы исторические корни такого-то конкретного народа, и на то, каковы общие закономерности этнических процессов. Тем важнее нам сопоставлять и сравнивать свои выводы.

Мы должны представить себе, что именно каждая из наших дисциплин может дать другим и в свою очередь что она хотела бы и может получить от них. Ведь люди выступают сразу, одновременно как носители и антропологических особенностей и языка, и духовной и материальной культуры. Внешность людей изменится под влиянием одних факторов, язык — других, культура — третьих. И темпы изменений тут могут быть резко отличными.

Как они соотносятся, эти темпы? Как влияют и влияют ли друг на друга процессы, которые исследует каждая из наших наук?

О. М. Джапаридзе. Но все ли наши дисциплины и вправду связаны так тесно между собой? Что, например, может дать антропология языковедам?

М. Г. Абдушелишвили. Конечно, язык может подвергнуться влиянию другого языка, а то и исчезнуть, уступив свое место другому даже тогда, когда внешность людей в общем осталась прежней. Но уж если она изменилась, то лингвист и археолог вправе сделать из этого вывод, что обязательно изменились и подведомственные им объекты. Могу напомнить: если при раскопках мы устанавливаем, что в такой-то период на данной территории появляются переселенцы из других мест, это всегда означает, что должны в результате произойти изменения и в языке, и в культуре.

Если человек грузин, то ведь не из-за цвета волос или формы носа, а потому, что он говорит на грузинском языке, причастен к грузинской культуре, сознает себя грузином. Надо помнить: этнос, народ — явление меняющееся, неустойчивое, этносы возникают, развиваются, исчезают. Позволю себе сравнить этнос с рекой — там, где она начинается, она еще не река, только притоки делают ее таковой. Но проследить путь реки-этноса в истории, найти русла, иногда высохшие, связующие этот этнос с другими, — тут антропология в силах помочь. Ибо этнос — это прежде всего люди, а не созданные ими языки, культуры и т. д.

Вот на Северном Кавказе ногайцы и кумыки говорят на довольно близких друг другу тюркских языках. Однако ногайцы по

своим физическим особенностям — типичные монголоиды, а кумыки — столь же типичные кавказцы. Тут ключом к решению вопроса об их происхождении служат именно антропологические признаки.

Г. Б. Джаукян. Что ж, лингвисты тоже рады помочь коллегам, в частности археологам. Но нужны оговорки. По большей части можно сказать так: раз для праязыка восстанавливается слово, обозначающее определенное явление, то, значит, было и само явление. Если восстановлено, грубо говоря, слово «топор» — были и сами топоры. Но будь всегда и только так, обозначай одно и то же слово (пусть даже изменяясь) на протяжении веков и тысячелетий один и тот же предмет, слишком легко жилось бы не только лингвистам, но и историкам. А на самом деле между обозначением и обозначаемым нет жесткой связи. В русском языке, например, тысячу лет назад слово «горб» означало то, для чего теперь используется взятое из латинского языка через польский слово «спина». Таких примеров много и в армянском, и в грузинском, и в любом другом языке. Лингвистам нередко удается восстанавливать своими методами праслова, которыми пользовались люди три, пять, может быть, даже восемь — десять тысяч лет назад. Но вопрос: всегда ли это праслово обозначало то же, что слово-потомок?

Г. Е. Аресян. Вот конкретный пример. В науке бурно обсуждается чрезвычайно интересная гипотеза В. В. Иванова и Т. В. Гамкрелидзе. Эта гипотеза называет Закавказье, Армянское нагорье и часть Малой Азии прародиной индоевропейцев, местом, где сложился праиндоевропейский язык и откуда распространились — к нашим дням уже на большую часть планеты — языки индоевропейской семьи. В числе доводов в пользу гипотезы ее авторы приводят узел древних «вычисленных» слов, связанных с глаголом «запирать» и существительным «запор». Но археологические данные показывают, что на этой территории замков и запоров не было еще не только в пору, когда началось, по Гамкрелидзе и Иванову, бурное распространение индоевропейцев, но и тысячелетием и даже тысячелетиями позже. Вот и получается, что археология должна здесь поправить лингвистику.

С. А. Арутюнов. Но ведь профессор Джаукян только что говорил об отсутствии жесткой связи между обозначением и обозначаемым. Вполне возможно, что термин «запор» был со временем только перенесен с одного предмета на другой. Армянское слово «югот» (жирный) перешло, видимо, в тюркское «йогурт», получившее всеевропейское и мировое распространение. Однако простоквашу делали в Западной Азии и Европе задолго до прихода сюда тюрков и появления слова «йогурт». И у тюрков простокваша была до контактов с армянами. А название привилось. Не то же ли произошло со словом, которое с появлением дверных запоров стало обозначать именно их — вместо каких-то других вещей?

Г. Б. Джаукян. Не могу не согласиться с такой возможностью. Однако это именно возможность. Точных и категоричных ответов на конкретные вопросы такого рода обычно не дашь. И выход только один — сверять, более того, сталкивать данные археологии и лингвистики, накапливать материал, применять при его исследовании различные, в том числе и статистические, методы, рассматривать каждый из перекрещивающихся аргументов в совокупности, в связи с остальными.

К археологам у лингвистов масса вопросов. Вот мы, скажем, ищем и находим общее для почти всех индоевропейских языков название овцы. Чтобы датировать время, когда такое слово с этим значением могло появиться, мы должны поточнее знать, когда и где именно была одомашнена овца, каковы области ее распространения, как распространялось овцеводство. Сходные проблемы возни-

кают при восстановлении лингвистическими методами древнейших названий других домашних животных.

О. М. Джапаридзе. К сожалению, контакты между археологами и лингвистами пока что очень слабые. Языковеды при решении проблем этногенеза часто целиком доверяют собственным материалам, а к археологическим обращаются крайне редко. Археологи, мне кажется, в большинстве используют данные лингвистики. Фактически изучать этногенез на Кавказе начали именно языковеды, спасибо им. И сейчас лингвистика многое нам подсказывает. Но нужно работать вместе, а не по отдельности.

Г. Б. Джаукян. Хотите покритиковать лингвистику? Нет сомнения, что лингвистика относится к наукам, обладающим наиболее точными методами исследования. Однако и в лингвистике, как и в любой другой науке, возможны ошибки, недосмотры из-за не до конца проверенных постулатов, неполного учета границ применения того или другого метода, неумелого его применения, недостаточности данных и т. п. Вот пример. В свое время Морис Сводеш предложил метод глоттохронологии. По его подсчетам получалось, что основная часть словарного фонда каждого языка меняется приблизительно с одной и той же скоростью. Следовательно, зная, какие изменения в словарном фонде произошли, можно сказать, сколько на них ушло тысячелетий и столетий. Это позволило, например, определять, как давно разошлись два языка, происшедшие от общего предка (как русский, украинский и белорусский — от древнерусского; сванский, занский и грузинский — от картвельского и т. д.).

Глоттохронология и сегодня служит науке. Но ее формулы, как выяснилось, нередко нуждаются в серьезных поправках. Конкретные исторические обстоятельства нарушают математическую чистоту глоттохронологических уравнений. Норвежские ученые Х. Фогт и К. Бергсланд сравнивали, например, между собой списки слов древнеармянского и новоармянского литературных языков. Но в первый из двух списков, к сожалению, попали и некоторые слова, вошедшие в язык позже V века. При использовании же списка новоармянских слов не было учтено, что писатели, сыгравшие важнейшую роль в формировании новоармянского литературного языка, сознательно отказывались от употребления многих слов, заимствованных из персидского и тюркских языков. Что касается темпов развития языков вообще, то можно привести следующий характерный пример. Новоперсидский литературный язык с IX века мало изменился, между тем генетически и территориально близкий к нему армянский язык за это время претерпел большие изменения.

О. М. Джапаридзе. Мне кажется, что видеть в Закавказье и части Малой Азии прародину индоевропейцев пока нет оснований. С движением индоевропейцев, как известно, часто связывают распространение лошади, которую индоевропейцы первыми одомашнили. Но в Закавказье домашняя лошадь, судя по раскопкам, появляется очень поздно, не то что в Северном Причерноморье. Колесницы в нашем регионе находят, но в древние колесницы в Азии запрягали быков.

Г. Е. Арешян. При сопоставлении данных наших наук надо учитывать, что они не только исследуют принципиально разные по своей природе факты, но и отличаются друг от друга по подходу к этим объектам. Этнография, скажем, занимается и материальной, и духовной культурой нынешних народов, наблюдает их жизнь во всем ее реальном многообразии, в результате ее исследований рождается целостное представление о народе. Зато этнограф, встречаясь с носителями культуры, расспрашивая их, опираясь на их взгляды, поневоле видит чужую жизнь через призму чужого восприятия.

А археологический материал, следы давно ушедших поколений, всегда обрывочен, раздроблен, поврежден, искажен, и хорошо еще, если только временем. Мы восстанавливаем по нему картину исчезнувшей жизни, как амфору из мелких черепков, но даже осколки — всегда — слишком мало.

И все же в одном отношении археологу проще — он в большей мере независим от своих источников, его субъективное мнение опирается на объективные источники.

Лингвисты же имеют сейчас слишком много «степеней свободы». Вот пример. Между русским и украинским языками разница меньше, чем между аштаракским и хамшенским диалектами армянского языка, меньше, чем между некоторыми диалектами немецкого языка, как и между главными диалектами языка китайского. Лингвисты же в первом случае говорят об отдельных языках, в остальных случаях — о диалектах. Ясно, что критерии, которыми пользуются лингвисты в своих классификациях, далеко не всегда объективны. А антропологам я часто завидую. Их материал, мне кажется, дает меньше возможностей для разноречий в истолковании, чем археологический, а особенно лингвистический. И здесь ограничение выбора идет на пользу науке. Антропологам легче находить, какие из их гипотез неудовлетворительны.

М. Г. Абдушелишвили. И у нас хватает трудностей. На Кавказе, скажем, представлены все три ветви, составляющие южноевропеоидную расу, которая вместе с североевропеоидной образует большую европеоидную расу, ту, что когда-то называли белой, а иногда, между прочим, и кавказской.

Спрашивается: образовались ли эти три ветви южных европеоидов на Кавказе и отсюда разошлись на многие другие территории или образовались где-то еще и здесь встретились, придя с разных сторон? Ответов, как видите, может быть два.

Г. Е. Арешян. Только два! У археологов их обычно намного больше. А лингвисты называют столько мест, где могла лежать прародина индоевропейцев — от Прибалтики до Индии, от Атлантики до Средней Азии...

М. Г. Абдушелишвили. Ну что ж, значит, антропологам тут некому завидовать! Тем более что если здесь возможны два ответа, то обоснован достаточно строго может быть все-таки только один. Вот он. Кавказ был одним из очагов расообразования. Именно здесь некая единая по внешности группа южных европеоидов (в палеоантропологических материалах мы находим ее следы) разбилась на три антропологических типа. Дело в том, что все эти три малые расы распространены и далеко за пределами Кавказа, в Северной Африке, в Азии, в Юго-Восточной Европе. Но там их характерные черты выражены в несколько меньшей степени. Это, очевидно, результат смешения пришедших когда-то на новые для них территории южных европеоидов с более древним местным населением.

С. А. Арутюнов. Распад южноевропеоидной расы на ветви связан, по-видимому, с неолитической революцией, т. е. с открытием земледелия и скотоводства, возникновением производящего хозяйства. Земля сразу оказывается в состоянии прокормить на тех же территориях в сотни раз большее население. Бродячие и полубродячие группы охотников-собирателей становятся жителями постоянных поселений. Резко падает подвижность людей, жители соседних районов сильнее обособляются друг от друга, в то же время стремительно увеличиваясь в числе. Но в конце концов демографический взрыв приводит к тому, что вся земля оказывается занята. И вот отдельные группы вынуждены переселяться на новые территории, где местные жители еще не успели стать земледельцами. Пришельцы с Кавказа смешиваются с этим населением, передавая ему свои черты.

М. Г. Абдушелишвили. По данным антропологии, все это происходило около десяти тысяч лет назад.

О. М. Джапаридзе. Можно утверждать, что археологический материал говорит о выделении на Кавказе именно в это время из общей по типу культурной основы новых мощных культур. Мне представляется, что сотню с лишним веков назад на Кавказе существовало не только антропологическое, но и культурное и языковое единство. А затем оно распалось.

Г. Б. Джаукян. Если верить ностратической теории, то, по-видимому, когда-то существовала ностратическая языковая общность, к которой лингвисты возводят индоевропейскую, уральскую, карвельскую (возможно, также западнокавказскую и восточнокавказскую), семито-хамитскую, алтайскую, дравидийскую (в Индии) семьи языков. По моим данным, от этой общности происходит и хуррито-урартская языковая семья. Можно себе представить, что уже в начале неолитической революции произошел распад ностратической надсемьи языков. Разумеется, совсем не обязательно, чтобы прародиной «ностратиков» был именно Кавказ. Но в таком хронологическом сближении важнейших рубежей — антропологического, культурного и языкового — есть, безусловно, исторический смысл. Во всяком случае Кавказ, в частности Закавказье, входил в первичную территорию распространения «ностратиков».

С. А. Арутюнов. Можно построить примерную модель, которая довольно просто объясняет, как в ходе встречи двух народов, скажем в пору неолитической революции, перехода к производящему хозяйству, одерживает победу язык пришельцев — при смешении культур и конечном торжестве антропологического типа аборигенов. Переселяться может сравнительно небольшая группа. Она смешивается с коренным населением, перенимающим, скажем, у «гостей» земледелие, и неолитическая революция в результате охватывает новый, поначалу небольшой район. Но вот выросло следующее поколение, общие потомки пришельцев и исконных хозяев. Оно гораздо многочисленнее это поколение, удобной для возделывания земли уже не хватает, и часть молодежи движется дальше на запад (север, восток, юг). Новые смешения, иногда с новыми народами, — и так циклами, процесс освоения все более отдаленных от прародины территорий продолжается века. При этом в столкновении двух языков каждый раз побеждает по большей части язык пришельцев — за ним стоит более высокая культура. Этот язык уже вооружен терминами, соответствующими более высокому хозяйственному типу. Вот так какая-нибудь сотня переселенцев может в конечном счете за несколько веков вызвать языковой переворот такого масштаба, для какого сейчас и десятка миллионов переселенцев не хватит. Культура, однако, оказывается смешанной. Многие традиции перенимаются ведь от аборигенов.

Ну а первоначальная «кровь», многократно разбавившись, нередко и вовсе перестает проявляться во внешности. Другое дело, если переселение происходит сразу большими массами. Тогда антропологический тип пришельцев можно проследить у потомков и через тысячелетия.

О. М. Джапаридзе. В принципе в том, что индоевропейские языки, возникнув (согласно гипотезе Гамкрелидзе и Иванова) на востоке Малой Азии и Закавказья, потом перебросились через многие тысячи километров, обойдя при этом стороной некоторые очень близкие территории, нет ничего невозможного. Пракартвелы и прасемиты примерно в одно время с праиндоевропейцами освоили земледелие, пережили неолитическую революцию. Плотность населения у соседей была примерно той же, рассчитывать здесь на свободные земли не приходилось. И на возможность закрепиться без тяжелой борьбы на землях, уже занятых, тоже. Для собирателей

земледельцы могли стать и учителями. Не то — друг для друга.

А вот там, куда производящее хозяйство еще не распространилось, людей было сравнительно немного, это облегчало проникновение на новые территории, с одной стороны, и позволяло ассимилировать тамошних жителей — с другой.

С. А. Арутюнов. А могут ли собственные свойства языка сыграть роль в его победе над другим? Может быть, выходили на новые территории и носители других языков, скажем, кавказских, но из-за их сложности эти языки усваивались хуже?

Г. Б. Джаукян. Одни языки усваиваются действительно легче, другие — с большим трудом. Но все же сама по себе простота строя языка и легкость его усвоения не решают дела. Арабский язык куда сложнее многих наречий, которые он заменил собой в Передней Азии и Северной Африке. И праиндоевропейский язык тоже не был очень уж простым: сложная система глаголов, сложная система склонений. Эти родовые черты унаследовали в той или иной мере самые распространенные (если не считать китайского) языки мира — английский, русский, испанский. Половина человечества сейчас говорит на индоевропейских языках. И причины тут не языковые, а внеязыковые.

С. Т. Еремян. Передняя Азия, Армянское нагорье и Закавказье — очень важный исторический регион. Именно здесь началась неолитическая революция, здесь впервые человечество создало производящее хозяйство, начав переходить от камня к меди, от меди — к бронзе, от бронзы — к железу. Высочайшее развитие цивилизации в Месопотамии, по-видимому, связано с предшествующим развитием культуры в горных областях Передней Азии, прежде всего на севере Малой Азии, в горах Северного Ирана, Армянского нагорья и Закавказья.

На таком фоне естественно выглядит гипотеза Гамкрелидзе и Иванова о первоначальном обитании носителей праиндоевропейского языка именно на этой территории.

С. А. Арутюнов. Кавказ все же лишь часть большого Переднеазиатского центра развития цивилизаций. И таких центров, своего рода горячих точек прогресса, в начале неолитической революции было несколько. На стыке теперешних Индии, Китая и Индокитая — в Восточных Гималаях — восемь — двенадцать тысяч лет назад развиваются сходные по характеру с переднеазиатскими процессы разделения культур, расовых типов и языков — и все это на той же базисной основе, в силу возникновения земледелия и животноводства. Видимо, в Африке один из аналогичных центров находился на территории нынешней Эфиопии, в Америке известны два таких центра — в средней части ее и в северных районах Южной Америки. Причем — поразительная вещь, — по-видимому, все эти центры тяготеют к горным странам.

Впрочем, то что именно жители гор и предгорий кладут начало неолитической революции, имеет свои объяснения. Николай Иванович Вавилов, великий советский биолог, изучал, в частности, происхождение культурных растений. Важнейшие из них — из числа тех, что рано вошли в культуру, — происходят от видов, характерных для горных районов. Горы защищали людей от слишком частых вторжений иноземцев, давая возможность для длительных «земледельческих экспериментов». Кроме того, в горных и предгорных районах на очень небольшой территории оказывается рядом несколько климатических поясов, а разнообразие природных условий, насколько мы можем судить, ускоряет социальное развитие в эпоху неолита.

Это, с одной стороны, подчеркивает, что и Кавказ как часть Переднеазиатского центра, и сам этот центр — отнюдь не исключения. С другой стороны, демонстрирует возможность использовать

шедшие здесь процессы как модельные для других районов и частей света.

О. М. Джапаридзе. Антропологические факты, о которых говорил Абдушелишвили, очень хорошо увязываются с нашими археологическими данными. Начиная с палеолита и вплоть до бронзового века, судя по материалам раскопок, нет на Кавказе — и на Северном Кавказе, и в Закавказье — резких разрывов в последовательном развитии культуры. Найденные нами и нашими коллегами — археологами культуры образуют для каждого района растянутые во времени цепи, звенья которых связаны.

Все это, разумеется, не исключает появления на Кавказе на протяжении тысячелетий новых племен и народов с других территорий, но демонстрирует, что приход их не менял резко общей картины последовательного культурного развития.

М. Г. Абдушелишвили. Многим хороша антропология — тут я еще раз соглашусь с Арешяном и Джапаридзе, но, с другой стороны, она способна иногда подносить неожиданности. Я занимался, в частности, изучением найденных при раскопках грузинских и армянских черепов средневековья. Так вот, в X—XI веках н. э. характерные размеры, соотношения длины и ширины головы и лица резко меняются. Первое впечатление — что в Закавказье появилось великое множество пришельцев из других земель, с иными пропорциями черепа.

Между тем такого, как свидетельствует история, не было! Изменение пропорций произошло, так сказать, само собой, под влиянием, возможно, каких-то условий жизни. Такие процессы время от времени начинают идти в тех или других местах земного шара — вспомним хоть, как в конце XIX и в XX веках почти весь мир охватила знаменитая акселерация.

С. А. Арутюнов. А ведь незадолго до того, как в Закавказье начался этот самопроизвольный средневековый «антропологический взрыв», Грузия, Армения и Азербайджан попали под власть арабских завоевателей. Казалось бы, и изменения во внешности, и известные исторические события говорят в пользу переселения сюда новых народов, а вот массовых переселений не было, у нас достаточно исторических доказательств именно этого, дело происходило ведь всего лишь тысячу с небольшим лет назад, в эпоху, довольно богатую письменными источниками.

Н. Ю. Ломоури. Мы, историки, используем материалы и археологии, и этнографии, и лингвистики. Наши собственные источники — впрочем, иногда и их у нас оспаривают вспомогательные исторические дисциплины — это источники письменные. Наша хронологическая зона уже, поскольку письменность — явление довольно позднее. И все-таки именно на нас ложится обязанность увязывать весь собранный другими науками материал по этногенезу.

Историческое время, как и историческое пространство, неоднородно. Бывают периоды, узловые точки истории, когда социальные процессы идут особенно быстро. Недаром же к перевороту, в котором родились земледелие и животноводство, так прочно пристало имя неолитической революции.

Во время таких узловых периодов этнические процессы — культурные, расообразовательные, языковые — гораздо больше оказываются согласованными друг с другом, чем в более спокойные и медлительные промежутки времени. Синхронизированную картину «своих процессов» для эпохи, отделенной от нас десятком тысячелетий, нарисовали антрополог, археолог, лингвист, этнограф. И эта синхронизированность четко увязывается с производственно-социальным переворотом.

3 Все народы мира, как уже говорилось, состоят в родстве: биологическом, языковом, культурном. Но степени такого родства бывают разными. Советский ученый Р. Г. Кузеев на примере башкир продемонстрировал, как можно проследить линии родства близкого и дальнего. Он использовал при этом прежде всего такую разновидность лингвистических данных, как имена групп, составляющих народ, — этнонимы.

Башкиры, как, впрочем, и некоторые другие народы, сумели пронести через века и даже тысячелетия названия своих и древних, и сравнительно поздних родоплеменных объединений.

Видимо, почти все народы когда-то делились на роды и племена. Мы знаем, что это относится и к жителям Древней Руси, и к древним франкам, и к индейцам, жившим у американских Великих озер. От самого слова «род» произошли русские слова «родня, родственники» и т. д., потому что род и объединял родню, близкую и дальнюю. Но не всюду дожили роды и племена до времени, когда их названия смогли записать. А вот у башкир это удалось сделать. Мало того, благодаря замечательным башкирским легендам и преданиям мы знаем даже, сколько основных родов было в Башкирии до монгольского завоевания и как они назывались.

А названия, данные племенам, родам и группам, на которые делятся роды, — вещь прочная, их куда труднее сменить, чем фамилию. Живет род — живет и его имя, полученное сто, и триста, и много сотен лет назад.

А уж по имени часто можно узнать и то, когда оно появилось и почему оно именно такое, какое есть.

Р. Г. Кузеев составил из племенных, родовых и внутривидовых имен настоящую лестницу в прошлое своего народа. Лестницу из семи ступеней. Каждая размерами в целые

века. В своей научной работе ученый, разумеется, говорит не о лестнице и ступенях, а о лингвистических пластах в этнонимике башкир.

Вот самый к нам близкий из них, верхняя ступень лестницы, пласт, который автор назвал Поволжско-Среднеазиатским. Многие из его имен знакомы даже человеку, никогда специально не интересовавшемуся не только историей Башкирии, но и вообще историей.

В Советской Средней Азии есть Узбекская ССР, а в ней Каракалпакская АССР. И в Башкирии есть (или были) свои «узбеки» и «каракалпаки», только говорящие по-башкирски, потому что в данном случае это названия не народов, а родовых групп.

В низовьях Волги лежит Калмыцкая АССР. А в Башкирии оказались свои «калмыки»!

Далеко, на крайнем юге нашей страны, находится самая жаркая из советских республик — Туркмения. Но в Башкирии есть свои башкирские «туркмены».

Все это кажется удивительным, и все-таки в общем не так уж странно. Не поражает ведь нас распространенная русская фамилия Калмыков.

Но следует все же помнить, что между фамилией и родовым названием — разница огромная. У русских Калмыковым или Калмыком по прозвищу и основателем фамилии Калмыковых когда-то мог стать и потомок осевшего на новой земле калмыка, и просто русский человек, побывавший в Калмыкии и поразивший по возвращении оттуда соседей рассказами про дикий чужую страну. Даже мужчина с чертами лица, которые казались его односельчанам калмыцкими, мог получить такое прозвище. Впрочем, нет смысла перечислять все возможные случаи. Важно, что русские Калмыковы совсем не обязательно происходят от калмыков.

Другое дело — башкиры с их систе-

мой родовых имен. Если уж называется группа башкир калмыками, так, значит, течет в их жилах какая-то доля калмыцкой крови, значит, происходят эти башкиры не только от общих со всем своим народом предков, но и от каких-то выходцев из чужих земель.

На башкирские земли приходили в XVI—XVIII веках представители многих народов Средней Азии, Поволжья, Урала. Сюда перебирались и отдельными семьями, и группами, и родами. Потому и приняли некоторые родовые объединения башкир имена целых народов, живущих за сотни, а то и за тысячи километров, что в числе основателей таких больших семей и родов были как раз калмыки, каракалпаки, узбеки, татары и т. д.

Они появлялись с востока и запада, севера и юга, селились среди башкир, рождались с ними, принимали постепенно их язык и культуру, пока не стали совсем башкирами, сохранив от предков-пришельцев почти одни только родовые названия. В то же время на башкирскую землю приходили и русские поселенцы, тоже рождавшиеся с ее историческими хозяевами.

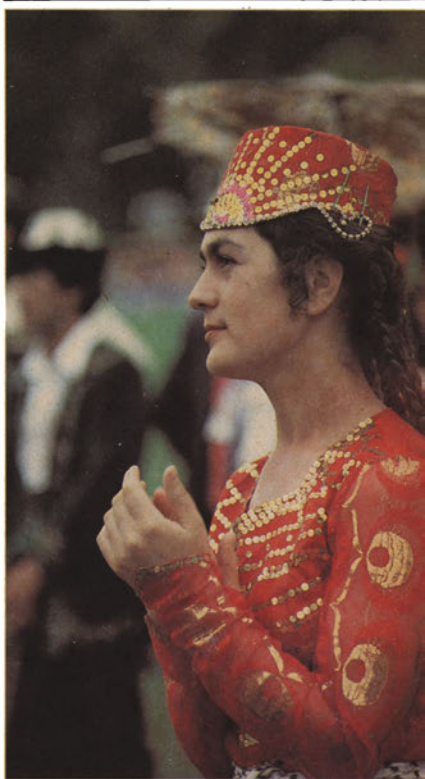
Пятьсот лет — самым древним и меньше двухсот — позже всего появившимся из родоплеменных названий этого пласта, недаром же он только верхняя ступень нашей лестницы из этнонимов. Теперь эти названия (когда-то такие важные) играют для историков роль своеобразных путевых знаков, отмечающих древние передвижения людей и народов. Р. Г. Кузеев использовал эти знаки и для движения по времени.

Сделаем теперь еще шаг по лестнице, которую он построил в своей работе, опустимся в следующий, второй сверху пласт названий. Тут мы встретимся с такими именами, как нугай-кыпчак, нугай-юрматы, кызыл-нугай. В этом «нугай» нетрудно угадать имя ногайцев, встречающегося в истории России. А кто такие ногайцы?

Начать придется издалека. Почти шестьсот лет назад в великой битве решалась на долгие десятилетия судьба огромных просторов Восточной Европы, Западной, Центральной и Южной Азии. В 1395 году встретилась на поле сражения армия Золотой

Танцовщица из азербайджанского фольклорного ансамбля

149

Орды с грозным войском самого Тимура. Железный Хромец, не случайно титуловавшийся Потрясателем Вселенной, наголову разгромил золотоордынского хана Тохтамыша (того самого, который за несколько лет до этой битвы обманом захватил и сжег Москву).

Страшный разгром привел в ко-

нечном счете к распаду Золотой Орды. На ее месте возникло несколько государств. Одним из них был союз кочевых племен, ставший известным под именем Ногайской орды (Ногай — правнук Чингисхана, правивший южнорусскими степями в конце XIII века). Сегодня советский ногайский народ живет на Северном Кавказе. А тогда большая часть Башкирии оказалась под властью ногайских племенных вождей — мурз. И некоторые ногайские роды навсегда поселились в Башкирии и в конце концов стали башкирскими. Память об этом хранят те же названия. В племенном имени нугай-юрматы, например, имя ногайцев соединилось с названием древнего башкирского племенного юрматы.

Целиком ногайским оказывается второй сверху пласт родоплеменных названий.

Третий пласт имен, третья ступенька вниз по времени — наследие кипчаков-куманов. Русская история помнит о них как о половцах. Хозяевами Северного Причерноморья были когда-то кипчаки, их земли тянулись и дальше на восток, через Северный Кавказ и Поволжье, через Среднюю Азию и нынешний Казахстан почти до Алтая.

Третий, по Р. Г. Кузееву, лингвистический пласт башкирских родоплеменных имен подтверждает то, что историкам известно по другим материалам. Во времена Батыева нашествия и после него, в столетия монгольского ига, кипчаки подвергались страшному разгрому. Снова и снова уходили за добычей в уже покоренные кипчацкие степи монгольские разбойничьи отряды. И потянулись кипчаки со своих безлесных равнин, где негде укрыться от сильного врага, от злой стрелы и тугого аркана, на север и северо-восток, в густые леса, за широкие реки, высокие горы да топкие болота. Почти все народы Поволжья и Урала включили тогда, в XIII—XV веках, в свой состав переселившихся с юга и юго-запада кипчаков...

Приняли их и башкиры. Это произошло тем проще и легче, что не впервые пришли на Урал кипчаки. Среди башкирских родоплеменных имен кипчацкие стали появляться еще в X—XII веках. Вместе с имена-

ми, унаследованными в те же века от другого тюркского народа — огузов, составляют более древние среди кипчацких имен четвертый сверху лингвистический пласт названий.

А на пятой ступени оставили свой след первые носители имени башкир — племена, пришедшие тысячу лет назад на Урал из земель, прилегающих к Каспийскому и Аральскому морям. Часть новоприбывших племен еще на той своей родине успела объединиться, и соседи знали их объединение под именем «башкорд» («башгард», «башкард»). Понятно, что эти «старые башкиры» тоже передали потомкам принесенные из Средней Азии родоплеменные названия.

Узнать их среди множества других имен помогает то обстоятельство, что, поскольку у «старых башкир» были потомки в Средней Азии, эти же названия встречаются у других родичей племен «башкорд» — у узбеков, казахов, киргизов, каракалпаков, алтайцев, тувинцев и даже совсем далеко — у монголов...

Встречаются старобашкирские имена и историкам, читающим средневековые рукописи. Во многих событиях, происходивших и в Европе и в Азии, сыграли важную роль племена, передавшие современным башкирам свое общее имя. Сравнивают ученые названия древних и живших в более близкое к нам время родов в разных землях и узнают, какие из этих названий пришли на Урал с племенами «башкорд».

По мнению специалистов, решающую, важнейшую роль в формировании башкирского народа сыграли как раз племена «башкорд» и кипчаки.

Но пятая сверху ступенька — еще далеко не последняя. История башкирского народа уходит в прошлое на его нынешней земле куда больше, чем на тысячу лет, она много древнее, чем имя этноса. Остаются еще многие века до «этнонимического дна», до времени появления самого раннего из дошедших до нас родоплеменных башкирских названий.

В VIII—IX веках заняли свое место среди этих названий имена булгарские и мадярские — шестой сверху пласт башкирских этнонимов.

Булгары пришли на Волгу и Урал с Дона. Другая их ветвь пошла с Дона

на Дунай — с нею, как упоминалось, связана история возникновения Болгарского славянского царства.

Древние болгары были тюрками, а значит, приходились родственниками по языку и нынешним башкирам, и татарам, и узбекам, и кипчакам, и ногайцам — почти всем народам, образовавшим пять верх-

них лингвистических пластов.

А вот с мадьярами дело обстояло иначе. Родственные связи у их языка другие. На севере они тянутся к жителям лесов — хантам, манси, на востоке — к уграм, древнему населению бассейна реки Оби, а далеко на западе — к венграм, которые и поныне сами себя зовут мадьярами. Есть у древ-

них уральских мадьяр родственники и более отдаленные — финские народы. Это финны, эстонцы, карелы, коми, удмурты, мордва, марийцы, вепсы. Еще отдаленнее родство с мадьярами у ненцев и других северных народов, которые этнографы объединяют под общим именем самодийцев. Близкую и дальнюю родню мадьяр,

включая их самих, ученые-лингвисты называют финно-угорской группой народов, а вместе с самодийцами включают эту группу в состав уральской семьи народов.

Так вот, еще до прихода и болгар и мадьяр Урал населяли как раз люди многих племен, говоривших на языках финно-угорской и самодийской групп. Поэтому-то были у башкир родоплеменные имена, напоминающие собой такие же названия, встречающиеся иногда у марийцев, иногда у ненцев... Они-то и составляют седьмой пласт.

Вот мы и спустились вниз на все семь ступеней, о которых пишет Р. Г. Кузеев, добрались до самого старого этнонимического пласта. Древнейшие из составляющих его имен появились по крайней мере на рубеже нашей эры, а скорее — раньше. На две с лишним тысячи лет в прошлое проникли ученые с помощью родоплеменных названий.

Дальше этнонимика здесь оказывается беспомощной. Но она ведь не одинока. Пройти даже через эти две тысячи лет она была бы бессильна без помощи других наук. А дальше эти науки поневоле обходятся без ее поддержки. История, археология и антропология называют нам новые группы предков современных башкир. Эти науки знают, что на Южном Урале обитали в первые века до нашей эры савроматские и сарматские племена. Эти племена говорили на языках иранской группы.

Но и теперь еще не окончен этот сверхкраткий по существу список предков башкирского народа — мы имеем в виду тех предков, пути которых хоть как-то удастся проследить науке. Насколько мы можем судить, по крайней мере четыре тысячи лет назад (а может быть, и более того) на Урале появились племена праиндоевропейцев. Так называют сейчас, как вы знаете, общих предков и англичан — и индийцев, и русских — и шведов, и испанцев — и армян... В ту далекую пору не успели образоваться не только эти народы, не было еще ни одного — ни единого! — из народов, живущих на Земле сегодня. Но предки этих народов, понятно, уже существовали. А говорили праиндоевропейцы на языке, от которого ведет свое начало и русский.

Теперешняя Башкирия стала одним из мест встречи между праиндоевропейцами и праугро-финнами. Племена воевали и мирились, торговали и рождались, принимали в свою речь «чужие слова».

Мы называли, называли, называли предков башкир — можно было устать читать. А ведь перечислили далеко не все даже основные группы людей, ставшие с течением веков единым народом.

Следовало бы, например, добавить, что в район Башкирии были отброшены какие-то племена, входившие в гуннскую державу, и происхождение некоторых родоплеменных групп башкир прямо связывают иногда с именем гуннского вождя Баламира. Таких добавлений можно сделать еще немало. Но названного достаточно, чтобы увидеть, какая богатая, многочисленная родня у башкирской социалистической нации. Родичи живут и по соседству — татары, марийцы, удмурты, и далеко, как тувинцы, на самом севере нашей страны, как саамы, на самом юге ее, как туркмены, в центре Европы, как венгры, и почти на самом северо-востоке Азии, как якуты...

Вот сколько предков и родственников удалось насчитать у башкир! Но и это, говоря строго, еще далеко не все истинные предки и родственники. Ученые договорились принимать в расчет в качестве предков народа только те группы людей, которые вошли в состав образующегося народа как некие самостоятельные общности и лишь затем постепенно теряли свои отличительные особенности. Некоторые из таких особенностей исчезали, другие перестали быть отличительными, потому что их принимал весь народ. А просто пришельцев-одиночек или отдельные семьи, даже если их бывало на той или другой территории в иные эпохи немало, в качестве предков «не засчитывают».

Браки отдельных немцев или французов с русскими не превращают русских вообще в предков французов и немцев (и наоборот). То, что А. С. Пушкин был правнуком абиссинца (эфиопа)¹, не дает оснований считать абиссинцев вообще предками русских.

¹ Или, возможно, представителя какого-либо другого восточноафриканского народа.

И то, что среди потомков от брака Пушкина и Натальи Николаевны есть сейчас, например, англичане, аргентинцы и филиппинцы, не может служить поводом для включения русских в число предков этих народов.

Н. Н. Чебоксаров, один из виднейших советских антропологов, предъявлял еще одно требование к

группам людей, которые можно было бы признать входящими в число предков данного конкретного народа: сама по себе каждая из таких групп должна перестать существовать по крайней мере на территории, занимаемой этим народом. Вполне отвечают этому требованию те караалпаки и туркмены, которые дали свои имена отдельным

родам башкир. На территории Башкирии нет национальных групп туркмен и караалпаков.

И вот при таком строгом отборе среди предков у каждого народа можно отыскать не так уж мало пращуров и, следовательно, родственников «по крови». Не у одних ведь башкир столь широкие семейные связи!

Русские, украинцы и белорусы — славяне. Родной кажется нашему слуху речь сербов, болгар, чехов и других западных и южных славян. Вместе с ними, как известно, входят восточные славяне отдельной ветвью в большую семью индоевропейских народов, где есть еще и германская ветвь и другие. Но у народа, как и у человека, родственники бывают не только в его собственной семье. Древнерусский народ включил когда-то в свой состав немалое число финских племен на севере, тюркских — на юге, балтских (родичей латышей и литовцев) — на западе. И кроме того, растворил еще остатки скифских и сарматских племен, немалые, по-видимому, группы скандинавов... А ведь и русские, и украинцы, и белорусы происходят от древних русичей и, значит, унаследовали их родство.

Но родня родне рознь. Дело не только в степени близости родства. Само родство может быть различным по характеру.

Возьмем тех же башкир. Они входят в тюркскую ветвь алтайской языковой семьи (как русские — в славянскую ветвь семьи индоевропейской).

А кому же тогда приходится башкиры братьями по языку (именно по языку)?

Соседним татарам и казахам, далеким азербайджанцам и еще более далеким якутам... Список можно продолжить, как вы уже видели, но для нас всего важнее сейчас обратить ваше внимание именно на родство с азербайджанцами и якутами. Дело в том, что если поставить рядом «среднего» башкира, «среднего» якута, «среднего» азербайджанца, то останется только подивиться внешнему несхождению ближайших родственников. Башкиры по внешнему облику — северные европеоиды или принадлежат к промежуточной между европеоидами и монголоидами уральской расе; азербайджанцы — европеоиды южные; якуты — ярко выраженные монголоиды.

Языки — явные родичи, а их носители (это ясно с первого взгляда) никак не могут быть близкими родственниками по крови. Братья по речи часто оказываются разными по внешнему облику. А если, наоборот, смотреть только на лица и фигуры людей, сближая скуластых со скула-

стыми, блондинов с блондинами, а горбоносых брюнетов с горбоносыми брюнетами и т. д., то вдруг оказывается, что такие братья никак друг с другом не могут договориться, нет у них общего языка.

Словом, родство родству рознь, и близость по внешнему виду нельзя путать с близостью по языку.

Тому есть поразительные примеры. Негры США связаны по крови с чернокожими африканцами, от которых и происходят, но говорят они по-английски, на том же языке, что и «белые» американцы, а также англичане, англоканадцы, англоавстралийцы... «Братьями по языку» приходится американским неграм, как и американским «белым», народы, говорящие на языках германской ветви индоевропейской семьи, т. е. немцы, шведы, датчане и т. п.

Мексиканские индейцы, часть которых говорит только на испанском языке, тем самым оказываются членами романской ветви той же индоевропейской семьи языков, «братьями по языку» французам и итальянцам. Население Республики Гаити состоит в основном из потомков африканских негров, но говорит по-французски. Завезенные туда в далеком прошлом черные рабы принадлежали к множеству разнородных племен, и ни один из их языков в этих условиях не смог не только стать широко распространенным, но даже и сохраниться. Подобных случаев можно привести много. История у нашей планеты сложная и бурная, и не раз в этой истории путешествовали и народы и их языки.

Родство по крови, близкое или дальнее, есть у башкир, очень вероятно, со всеми народами, следы которых обнаруживаются в их родоплеменных названиях и при раскопках на территории Башкирии. По мнению же антропологов, внешнеюстью башкиры в большинстве особенно схожи с волжскими татарами, удмуртами и марийцами.

Сходство внешности нередко действительно говорит о родстве, но родстве лишь по крови, биологическом. Якуты не случайно похожи на бурят. Как считают ученые, в числе предков якутского народа были люди, ушедшие когда-то из нынешних бурятских областей у Байкала на север, в бас-

сейн великой реки Лены. Сходство башкир с волжскими татарами тоже не случайно. У этих двух народов немало общих предков.

Языковые связи прочно вводят башкир в число тюркских народов, вдвойне сближая тем самым с татарами, тоже тюрками, но отрывая от финноязычных удмуртов и марийцев, как и от венгров и от индоевропейцев. Однако вместе с финно-уграми и индоевропейцами, как вы уже знаете, тюрки, в том числе и башкиры, входят в ностратическую языковую надсемью.

Древнее родство народов по крови можно иногда проследить необычайно далеко. У нем «рассказывают» ученым сами представители этих народов — живые и мертвые.

Каждый из нас, ныне живущих, участник грандиознейшей эстафеты по передаче великого биологического наследства от предков к потомкам. Обычно в ребенке окружающие

легко и быстро обнаруживают папин лоб, бабушкины глаза, мамыны губы и дедушкины брови. Причем довольно часто бывают правы. Но ведь каждый из нас (а не только абстрактный «человек вообще») — «венец творения», очередное звено эволюционной лестницы. Каждый из пяти уже миллиардов людей исполняет обязанность хранителя того, что оставлено в его организме бесчисленными предшествующими поколениями.

По форме черепа, степени выступающего носа, по ширине лица, рисунку и разрезу губ и еще по сотням признаков находят антропологи то место конкретного человека в эстафете поколений, которое они называют иногда антропологическим типом.

По найденным при раскопках останкам людей мы узнаем, как они выглядели. Но их облик не был случаен, он всегда обусловлен историей.

ЭЙНЕРЫ ИЩУТ ПРЕДКОВ

Любопытный эксперимент поставили в Эстонии члены семейства Эйнеров. Начался этот эксперимент еще в XIX веке, когда крестьяне Эйнеры начали вести записи о семейных событиях, принялись восстанавливать родословное древо по церковным книгам, архивам, воспоминаниям старших. В конечном счете история семьи прослежена до 1683 года. Относящиеся к более раннему времени церковные архивы прихода Хельме были вывезены шведами в пору, когда в Прибалтике бушевала Северная война 1700—1721 годов.

Сегодня, как рассказывает писатель и историк Г. Геродник, в Эстонии Эйнеры живут в тринадцати населенных пунктах, а в СССР за пределами Эстонии еще в двадцати четырех: в Волгограде Эйнеры четырнадцать, в Челябинске восемь, в Ростове и Сызрани по четыре... Нынешние Эйнеры принадлежат сегодня более чем к десяти национальностям! Больше всего среди них, конечно, эстонцев, затем русских и латышей. Правда, латышские Эйнеры стали называться Эйнерсами. В 1934 году состоялась первая конференция представителей рода Эйнеров — собралось 60 делегатов. Так было создано общество рода, продолжающее существовать и сегодня; время от времени оно и теперь созывает такие конференции.

Опыт чрезвычайно интересный и поучительный во многих отношениях. В частности, он демонстрирует, как расселяются и рождаются люди разных народов, показывает отсутствие непреходимых барьеров между национальностями.

Интерес к своему происхождению, к собственным, «личным» предкам в современных условиях — обычно одна из форм проявления интереса к истории своей страны и своего народа. Все чаще обзаводятся собственными генеалогиями люди, отнюдь не претендующие на происхождение от аристократических предков.

Для историков и этнографов такие генеалогии, если они составлены правильно и опираются на достоверные источники, неоценимы: ведь истории народов в конечном счете складываются из истории семей.

3 Мы знаем этносы (этникосы), ведущие свое начало с рабовладельческой эпохи, как армянский или грузинский. Знаем этникисы, появившиеся в XIX веке, как долганы на полуострове Таймыр, и даже в XX столетии, как алтайцы в Горно-Алтайской автономной области. Впрочем, нет ни одного этникасы, существующего больше чем сорок веков. Человек же в его современном облике, человек вида *Homo sapiens*, появился по крайней мере сорок — шестьдесят тысячелетий назад, а возможно, и еще раньше. И есть, по-видимому, достаточно оснований считать, что уже десятки тысяч лет назад существовали этносы, а возникли они еще раньше, хотя, конечно, мы знаем об истории их очень мало, скорее даже не знаем, а догадываемся. Однако у таких догадок есть достаточно серьезные основания.

Район расселения человечества и предчеловечества уже сотни тысяч лет назад был слишком велик, чтобы в нем могло поддерживаться единство языка, судя по тем лингвистическим законам, которые мы знаем. Вероятно, этническое деление могло быть развито даже гораздо сильнее, чем сейчас, в силу большей разобщенности отдельных групп людей, занимавшихся охотой и собирательством.

Археологи видят, что орудия и предметы быта, найденные в разных районах, отличаются друг от друга. Сегодня мы назвали бы такие отличия этническими.

Однако будем осторожны: нельзя считать большую область с однотипной археологической культурой местом расселения древней единой этнической общности. Ведь этнос, напомним, должен еще и осознавать свое единство, а в тех условиях население сотен тысяч квадратных километров никак не могло осознавать себя единым целым. Не обязательно люди, жившие на такой большой тер-

ритории, должны были и говорить на близких языках.

Первым по времени объединением людей, которое обычно определяется как этнос, является племя. Когда же возникли племена?

Вопрос этот, как известно, имеет длительную историю, но в настоящее время считается установленным, что в раннем палеолите, т. е. задолго до появления неандертальцев, культуры отдельных обществ наших предков отличались друг от друга не так уж сильно, и эти отличия были связаны прежде всего с особенностями исходного сырья и разным назначением орудий в разных областях ойкумены. Маловероятно поэтому, чтобы стада архантропов (древнейших людей) были общностями, обладающими устойчивыми культурными чертами и четким самосознанием. Правда, недавно В. П. Алексеевым была вновь выдвинута гипотеза, согласно которой начальные формы этногенеза зарождаются еще в раннем палеолите. В подтверждение он ссылается на различие отдельных соседних раннепалеолитических памятников, считая, что соответствующие группы древних людей осознавали свое культурное своеобразие. Однако в свете современных археологических данных более основательным представляется ранее высказанное им же мнение, что культурные различия между соседними стадами архантропов были весьма неопределенными.

Как справедливо отмечают П. И. Борисковский, А. А. Формозов, С. А. Арутюнов и многие другие исследователи, еще слишком однородны были формы деятельности, еще слишком не развиты ее орудия, чтобы сообщества архантропов появились бы целые комплексы различий. Решающим является то, что имевшиеся почти с самого начала местные различия в отдельных деталях даже самой

примитивной культуры, в том числе и в речевых сигналах отдельных человеческих стад, в зачатках их языковой деятельности, еще не сложились в устойчивые комплексы особенностей с четкими границами. Эти стада-сообщества были включены в цепь культурной и языковой непрерывности. Сама такая диффузность, непрерывность культуры, по мнению С. А. Арутюнова, уже снимает вопрос о возможности каких-либо этнических делений в столь отдаленную эпоху.

Заключение это, на наш взгляд, весьма основательно. И все же, видимо, было бы преждевременно полностью отрицать наличие у сообществ архантропов хотя бы элементов группового самосознания и каких-то зачатков культурных различий. Разумеется, все эти групповые особенности неизбежно должны были иметь неустойчивый характер. Соответственно самое большее, что можно допустить, — это существование у архантропов лишь весьма неустойчивых и аморфных подобий (прототипов) этнических общностей (условно их можно назвать протоэтнотами).

Дальнейшие шаги в развитии человечества с появлением примерно 200 тысяч лет назад палеоантропов-неандертальцев (археологическая эпоха мустье или средний палеолит) ознаменованы заметными сдвигами в области культуры: усовершенствованием орудий труда, изобретением или по крайней мере широким распространением жилища, возникновением первых эстетических и религиозных представлений. Эти изменения сопровождались не только значительным расширением земель, где обитали люди, но и увеличением различий между местными вариантами кремневой техники.

Огромное значение для последующего прогресса человечества не только в социальном, но и в этнокультурном отношении имело возникновение родового строя и экзогамии (когда брак можно было заключить лишь вне собственного рода), сопровождавшееся появлением племени. Как свидетельствуют этнографические данные, род не может существовать вне племени, хотя бы слабо оформленного.

Именно племена в научной литературе обычно рассматриваются в каче-

стве основного этнического подразделения первобытного общества. Однако в последнее время эта точка зрения нередко подвергается сомнению. В современной зарубежной литературе довольно широко распространено мнение, что племя — «вторичное» социальное явление, возникающее на поздних стадиях общественного развития в особых исторических условиях. Представление о сравнительно позднем возникновении племени встречается и в нашей научной литературе последних лет. В частности, А. А. Формозов полагает, что появление племени относится лишь к мезолиту, среднекаменному веку, начавшемуся на Земле примерно 25 тысяч лет назад. Еще более радикальна точка зрения археолога В. Ф. Геннинга, считающего, что племя вообще не является этническим формированием. Он ссылается на то, что в понятии племени определяющей является система организации власти.

Действительно, в племени, как правило, существует такая система. На этот широко засвидетельствованный этнографией факт обратил особое внимание Ф. Энгельс. Он, в частности, отмечал наличие у племени военачальника или верховного вождя, народного собрания, совета старейшин и т. п. Племя характеризуется также определенной общностью диалекта, общими религиозными представлениями (мифологией), обрядами и собственным именем.

Необходимо, однако, сразу же подчеркнуть, что в данном случае речь идет о племенах позднего первобытного общества. Но, как известно, в этнографической литературе племенем подчас именуют также общности, еще не являющиеся социальными организмами. Примером могут служить австралийские племена. Представляя собой совокупность экзогамных родов или групп, связанных общими чертами культуры и сознанием общего происхождения, такие племена обычно не имеют единых органов власти. Ссылаясь на это, а также на некоторую неустойчивость подобных образований, отдельные исследователи предпочитают без употребления термина «племя» в суждениях об австралийских этнических общностях. Но, думается, нет все же оснований отка-

зываться здесь от старой терминологии. Правда, это всего лишь племена-этнокосы, не превратившиеся еще в племена — этносоциальные организмы. Однако нам ведь точно известно, что такие превращения возможны. Так, у некоторых австралийских племен уже появились подобия общеплеменных советов, составленных из главварей отдельных родов, и общеплеменные главари, власть которых еще основывалась преимущественно на личном авторитете, но уже становилась наследственной.

Таким образом, племена-этнокосы, очевидно, представляют раннюю стадию племенной организации. Но когда они впервые возникли? По-видимому, эти своеобразные этнокультурные единицы (можно именовать их предплеменами) появились еще в эпоху мустье, у неандертальцев.

Много четко очерченных археологических культур известно для позднего палеолита, например, среднестровская на Русской равнине, крепская, виллендорфская и павловская в Центральной Европе, группа памятников типа Парияльо в Испании и т. д. И представляется заслуживающим внимания мнение, что, вероятно, каждая из этих археологических культур принадлежала одной этнической общности — племени, так как для отдельной общины территория такой культуры (50—150 километров в поперечнике) слишком велика. Общины, насколько мы можем судить, занимали площадь, меньшую в 5—10 раз. Но то были скорее всего лишь племена-этнокосы. Видимо, племен как развитых социальных организмов, имевших четкую структуру, племенной совет, вождя и т. п., ни в позднем, ни тем более в среднем палеолите не было.

Интересные соображения по рассматриваемой проблеме были высказаны С. А. Арутюновым. Он напоминает о том факте, что именно с сапиентацией (процессом формирования людей современного вида) совпал переход людей по крайней мере на значительной части территории Евразии на относительно оседлый образ жизни. Его возможность обеспечивалась охотой на крупную дичь. Эта оседлость создала возможность для появления брачной системы, при которой два рода обменивались жен-

щинами. Интересно его мнение (основанное на подсчетах археологов), что расстояние между соседними коллективами в таких объединениях родов «можно ориентировочно оценить примерно в 40—50 км». Поскольку это «и диаметр основной охотничьей территории», постольку в целом данное объединение должно было охватывать площадь около 100 километров в поперечнике, близкую по своим масштабам к средним показателям той территории, на которую простирались отдельные археологические культуры верхнего палеолита.

С. А. Арутюнов рассматривает указанные образования в качестве «единственных этнических единиц» того времени.

При решении вопроса об этнических подразделениях эпохи мезолита, среднекаменного века, важно учитывать те огромные перемены, которые произошли в условиях жизни людей в эту эпоху. Уже в конце позднего палеолита в Европе и Азии исчезли или резко сократились в числе мамонты, шерстистые носороги, гигантские олени и другие крупные животные. Это было обусловлено скорее всего климатическими изменениями, но частично, вероятно, и деятельностью самих людей. Позднее, около 7 тысяч лет назад, под влиянием изменений климата вымерли гигантские сумчатые в Австралии и гигантские млекопитающие в Америке.

В результате таких перемен племена эпохи мезолита были вынуждены перейти к бродячей охоте на мелкую дичь. А это в свою очередь привело к существенным социальным сдвигам. В частности, именно с эпохой мезолита связывается появление небольших коллективов бродячих охотников и собирателей. Хотя каждый из них обычно насчитывал около 25 человек, однако нуждался при самых благоприятных условиях не менее чем в 400—500 квадратных километрах охотничьей территории, а чаще всего в территории в два-три раза большей. Как справедливо замечает С. А. Арутюнов, племя, состоящее из таких коллективов, хотя и могло насчитывать в среднем пятьсот человек, однако в отличие от этнических единиц в развитом палеолите представляло собой «лишь диалектно-культурное, но не социально-эконо-

мическое единство; входящие в него локальные группы слабо связаны между собой, оно легко дробится и рекомбинируется, более проницаемо для внешних информационных связей».

Итак, племена-этнокосы существовали еще на начальных ступенях (а возможно, и ранее) подлинно обще-

Селение в Андях. Южная Америка

Ритуальная маска, украшенная жемчугом и бирюзой

Гости Москвы

159

ственной организации, возникшей вместе с появлением вида *Homo sapiens*. Но лишь со временем они превращаются в этносоциальные организмы. Важным рубежом тут явилась эпоха неолита.

Культура соседних племен была во многом сходной. И это относится не только к предметам труда и быта, но

даже и к искусству. Показательно, в частности, удивительное сходство наскальной верхнепалеолитической живописи, обнаруженной как на Западе, так и на Востоке Европы. Как правило, не было, видимо, существенных различий между соседними племенами и в языковом отношении. Основание для этого предположения дает

теория так называемой лингвистической непрерывности, по которой языки двух соседних племен были в древности, как правило, взаимопонятны. Такого рода непрерывность, судя по всему, возникла не столько в результате генетического родства языков, сколько вследствие интенсивных контактов их носителей и процессов «лингвистического обмена».

В то же время на протяжении многих тысячелетий существования первобытнообщинного строя у этносов племен складывалось немало специфических черт духовной культуры, отличающих каждое из них даже от ближайших соседей. Такого рода специфика, в частности, весьма заметно проступает в религиозных верованиях. И это относится и к самым разным видам (магии, тотемизму, анимизму, культу предков и т. д.), и к соответствующим религиозным представлениям, и к религиозным обрядам.

Весьма своеобразным было и этническое сознание членов племенных общностей. Одна из его особенностей состояла в том, что в нем (как, в частности, свидетельствуют материалы, относящиеся к австралийским аборигенам) своя группа трактовалась как нечто высшее по сравнению со всеми окружающими общностями. Даже при дружеских отношениях с соседями и взаимных браках члены племени гордились своими отличиями от них, питали к ним в душе вражду, а иногда приписывали им неэтичные поступки. Соответственно для такого неременного компонента этнического самосознания, как антитеза «мы — они», было характерно, как уже говорилось, причисление только «нас», т. е. членов своего племени, к «настоящим людям». При этом типичное явление такой этнонимии — ограничение термина «человек» не общеродовым его значением, а более узким («человек» или «люди» такой-то местности, с такими-то чертами культуры и т. п.). Основанием для этнонимов могли служить самые разные компоненты культуры, в том числе материальной. В такой роли нередко выступали, например, хозяйственно-культурные типы в тех случаях, когда они отличали данный этнос от соседних. Вот откуда многочисленные этнонимы со значением «люди леса», «люди гор», «люди моря» и т. п.

Значительная роль в этнической идентификации принадлежала также имевшемуся у каждого племени представлению (обычно в форме мифа) о своем происхождении и сопряженным с этим представлениям культам (в том числе племенным тотемам). Прежде всего в такого рода представлениях и связанных с ними экзогамно-эндогамных запретах выражалась вера в родство всех членов племени, выступавшая важнейшим фактором жизни каждого племени. Именно осознанное родство и было тем особым видом социальных связей, в котором воплощалась групповая общность интересов всех членов племени, обусловленная в первую очередь производственными отношениями. Особенно большое значение эти связи имели, разумеется, для племен-этнокоса, ибо для племени этносоциального организма важную объединительную роль играли уже присущие ему протестарные, т. е. определяющиеся механизмами управления и власти, отношения.

Многообразие того, к чему сегодня относят термин «племя», поразительно. Тут и объединения австралийских аборигенов, и племена бедуинов, живущих ныне в условиях капитализма, пусть и с сохранением пережитков феодализма и даже родового строя.

Ученые, однако, уверенно выделяли одну общую черту для всех известных им племен и предплемен, черту, которая отличает их от всех известных народностей, т. е. определяли, грубо говоря, рубеж, пролегающий между племенем и народностью. Всякое племя состоит из родственников (пусть иногда, строго говоря, мнимых), близких, дальних и очень дальних.

Обычно племя делится на роды, мужчины каждого из которых не могут жениться на женщинах своего рода, но обязаны брать в жены женщин или любого другого рода, или только одного из других родов, заранее определенного строгими обычаями.

Индейцы делавары, которые так нравились куперовскому Соколиному Глазу, делились на три рода: Волка, Черепахи и Индюка. А одно из ирокезских племен — сенека — состояло из восьми родов: Медведя, Волка,

Бобра, Черепахи, Олень, Кулика, Цапли и Сокола.

Иногда роды объединялись внутри племени во фратрии (греческое слово, означает в переводе то же, что братство). Член одной фратрии обязан был брать жену непременно из другой фратрии.

В гомеровские времена (VIII—VII

Кавалер и дама в модных костюмах. Германия, XVI в.

На якутском празднике. Дети с деревянным сосудом для кумыса — чороном

Украинские девушки в национальных костюмах

века до н. э.) на территории Аттики (центр Аттики — город Афины) жили четыре племени, каждое из них делилось на три фратрии, а каждая фратрия — на тридцать родов. Правда, тут слишком уж ровные и красивые цифры вызывают у историков подозрения, что такая организация могла быть во многом искусственной. (И

разумеется, это обстоятельство поддерживает позицию ученых, считающих племена образованиями поздними.)

Так или иначе, племя, в самом точном смысле слова — огромная семья, и все члены ее так или иначе связаны между собой, хотя бы формально, родственными узами. Это не закры-

ваает доступа в племя иноплеменникам, но они должны проходить через ритуалы, равносильные нынешнему усыновлению. А приемный сын и сегодня по правам и обязанностям, связывающим его с приемными родителями, приравнивается к родному сыну.

По всему миру распространены обычаи, согласно которым в род (а тем самым и в племя, из таких родов состоящее) можно принять чужеземца или соседа. Почти всюду в первобытных и полупервобытных обществах существует специальная церемония официального приема в род нового члена, а это ясно говорит, что обряд рассчитан отнюдь не на исключительные случаи.

Не только в приключенческих романах, но и в записках путешественников, и в научных исследованиях можно прочесть о европейцах — членах индейских, африканских, полинезийских племен.

Вот что пишет советский ученый В. Бахта в книге «Аотеароа», где он рассказывает историю маори — коренного населения Новой Зеландии: «Внутри страны, если не считать нескольких миссионеров, единственными европейцами были так называемые пакеха-маори, то есть маори инородного происхождения.

Эти люди были европейцами по происхождению, но они жили среди маори и, главное, как маори. Разными путями пришли они к решению — добровольному или вынужденному — порвать с цивилизацией и скрыться в дикой глуши маорийских деревень. Одних это заставила сделать карающая рука британского закона, других — жестокая корабельная служба, третьих сюда привело отчаяние или острый социальный конфликт с той средой, в которой они жили. Попадались среди них и моряки, захваченные в плен маорийскими воинами и обращенные в рабство.

Постепенно чужеземцы усваивали язык маори; маорийские девушки выходили за них замуж; соблюдение запретов и обычаев маори становилось для них жизненной необходимостью: иначе нельзя было выжить. Многие пакеха-маори покрывали лица татуировкой, сменяли куртку и штаны на набедренную повязку и плащ из новозеландского льна и даже

участвовали в военных набегах «своего» племени... Каждый поселившийся среди маори европеец приносил с собой какие-то новые знания и профессиональные навыки... Каждая община — хапу — стремилась, чтобы на ее территории обосновался хотя бы один европеец, и нередко вожди выдавали своих дочерей за светложкожих пришельцев, лишь бы удержать их около себя».

Так же сравнительно свободно принимали в свои ряды новых членов средневековые тюркские племена, лишь бы новички отвечали требованиям, предъявляемым к воинам племени.

Арабские кочевники включали в свои племена не только отдельных иноплеменников, но и целые их группы и роды. С этим было связано провозглашение новичков членами племени «по крови и по имени». Новые соплеменники обязаны были, как полагалось, брать жен только из соответствующих родов своего нового племени, соблюдать его основные обычаи, воевать вместе с ним, становиться кровными врагами «кровников» племени и т. д.

Стало нарицательным название романа Фенимора Купера «Последний из могикиан». Индейское племя могикиан во время войн с другими индейскими племенами и «белыми» стало действительно крайне малочисленным. Но назвать его вымершим бесследно все же нельзя. Последние могикиане, потеряв возможность самостоятельно существовать, вошли в состав других племен. Одни из них пришли к делаварам, другие — к ирокезам.

Итак, племя — своеобразная сверхсемья. Но ведь племя может насчитывать и десятки тысяч человек. Не слишком ли много для семьи, даже с приставкой «сверх»? Нет. Общность людей можно считать единым племенем, пока его члены помнят о своем родстве и даже знают в каждом случае степень этого родства. Задача, надо сказать, нелегкая. Один из специалистов, изучающих системы родства у австралийских аборигенов, сказал как-то в отчаянии, что запомнить все это, как ему кажется, невозможно. И тут же признал, что коренной австралиец, талантливый или довольно тупой, любознательный или равно-

душный ко всему новому, старый или совсем юный — словом, каждый коренной австралиец прекрасно представляет себе свои родственные отношения не только ко любому членом собственного племени, но и с людьми ряда близких племен.

Кто у власти в племени, если в нем существует организованная система управления? Само прижившееся и в речи и в научных трудах название руководителей племени дает ответ на этот вопрос. Ученые говорят о главах родов, называя их старейшинами. В племенной совет входят старшие из каждого рода. Возраст и сила дают власть.

Вспомните сцену из романа «Последний из могикиан». Делавары должны решить сложные вопросы, связанные с политической племени по отношению к более сильным соседям, англичанам, французам, ирокезам. Кто решает эти вопросы?

«Когда возбуждение несколько улеглось, старики решили серьезно обдумать, чего требовали честь и безопасность их племени в таких щекотливых и затруднительных обстоятельствах».

Обратите внимание — старики! Если само звание старейшин, особенно в племенах, где уже идет классовое расслоение общества, может быть в какой-то степени условным, обозначая просто наиболее авторитетных людей, то старик — это старый человек. Старый — значит, опытный.

Решение племенного совета подлечит, так сказать, утверждению племенным собранием, в котором принимают участие все взрослые мужчины племени. Но и тут: «Только старейшие и опытейшие имели право изложить перед собранием предмет обсуждения. Пока один из таких людей не выразит желания говорить, никакие воинские подвиги, природные таланты, ораторский дар не оправдали бы юношу, решившегося прервать молчание».

Разумеется, мы цитируем Купера не для того, чтобы опереться на авторитет приключенческого романа; те же самые факты могла сообщить и цитата из научного труда; но там, где научный труд и приключенческий роман друг другу не противоречат, цитировать приятнее роман, поскольку факты подаются в нем обычно

в образной форме.

А в конце обсуждения, о котором идет речь у Купера, когда все решения уже приняты, появляется патриарх племени, бесконечно дряхлый старик Таменунд, легко вспоминающий события столетней давности, но затрудняющийся что-то сказать о недавнем прошлом. Его-то суждение, перекраивающее выводы племенного собрания, и принимается в конечном счете к исполнению.

Правда, тут Купер, вероятно, преувеличивал. Уважение к столь глубокой старости совсем не обязательно ведет к беспрекословному подчинению. Кроме того, Купер рассказывал нам и о другой стороне дела, показал, что власть принадлежит у делаваров уже не одним лишь старикам. В одном из своих пленников делавары неожиданно узнают по татуировке члена знатнейшего рода из родственного делаварам племени могикиан. Ункас, сын Чингачгука, последний из могикиан (по Куперу), еще юноша, но старейшина среди старейшин, Таменунд, говорит о том, что теперь есть кому занять место Таменуна в совете. Ункасу права на власть дает уже не возраст, а знатность.

Купер здесь верен исторической правде. Во многих индейских племенах, хотя и не во всех, к приходу европейцев уже началось расслоение общества, были роды более и менее знатные, да и внутри рода могла быть собственная знать, наделенная особыми правами. Знатность — качество, только по наследству и передающееся. Появление наследственной племенной знати было признаком того, что племя вскоре должно потерять черты сходства с разросшейся семьей.

К родовой знати принадлежал обычно и военный вождь, который назначался в случае войны племенным советом. Но после такого назначения племенной совет нередко на все время военных действий отстранялся от власти.

С течением времени вождь и собиравшаяся вокруг него дружина приобретают и в мирное время все большую самостоятельность по отношению к совету и все большее влияние и власть в племени. Об этом свидетельствуют, в частности, сообщения древнеримских историков и писателей о

жизни германских племен.

Процесс социального расслоения развивается — так происходило на многих землях Старого Света. Каждый род постепенно начинает состоять не столько из глав больших семей и членов этих семей, сколько из хозяев и слуг, кредиторов и должников, рабовладельцев и рабов.

Одновременно идет процесс разделения труда. Члены одного и того же племени и даже одного и того же рода могут стать и крестьянами и ремесленниками, а там и торговцами, и эти новые деления племени перекрывают собой прежние разделение на роды и фратрии, становятся несравненно более важными в повседневной жизни. Племена могут в этих условиях превращаться в своего рода областные общности. Сознание единства племени раньше давалось каждому его члену прежде всего ощущением собственного места в племени как в большой семье, знанием своих родственных связей внутри этой семьи. Теперь на первый план, видимо, выходят связывающие человека с такой общностью родной диалект или язык, система обычаев, культурные особенности.

Однако племена с общей речью могли враждовать друг с другом, причем отнюдь не считали свою борьбу междоусобицей. (Впрочем, в войне Перу и Боливии с Чили в XIX веке друг против друга тоже выступали люди, говорившие на одном языке — испанском, и тоже не считали войну междоусобицей.) Во всяком случае близкие по языку и культуре племена стали осознавать родство между собой, по-видимому, только на заключительной стадии развития первобытного общества. До этого мелкие различия закрывали собой черты сходства.

Германские племена многих десятков названий штурмовали во времена Древнего Рима границы Римской империи. Но они, насколько можно судить об этом, даже не подозревали, что «должны» составлять один народ.

И само имя германцев, дожившее в ряде языков, в том числе русском, до наших дней, они получили, согласно сообщению великого римского историка Тацита, от соседей — кельтов. И значит, единым этносом они не были. Ведь, повторим, такая общность воз-

никает, когда люди, говорящие на одном языке и занимающие единую территорию, начинают сознавать свое единство, обзаводятся общим самоназванием.

Племена, даже говорящие на одном языке и имеющие очень сходную культуру, приходится признать отдельными этносами, пока они сами не осознают свою общность как особый народ.

...Плуг поднимал все новые и новые земли Европы, Азии и Африки. А там, где не колосились пшеница, ячмень или сорго, все чаще место охотников и собирателей занимали пастухи, скотоводы. Площадь современной Молдавии, при всем плодородии тамошних почв и благодатности климата, могла прокормить лишь сотни охотников — но сотни тысяч скотоводов и земледельцев. Население нынешней Франции в результате так называемой неолитической революции, перехода к производящему хозяйству увеличилось в тысячу раз (между прочим, с той поры и до нынешних дней оно выросло всего раз в десять).

Племена охотников и собирателей были поневоле малочисленны — они занимали столь обширные территории, что поддерживать связь между собой могли только относительно близкие группы. По мере же заселения новых территорий племена не столько росли количественно, сколько снова и снова дробились.

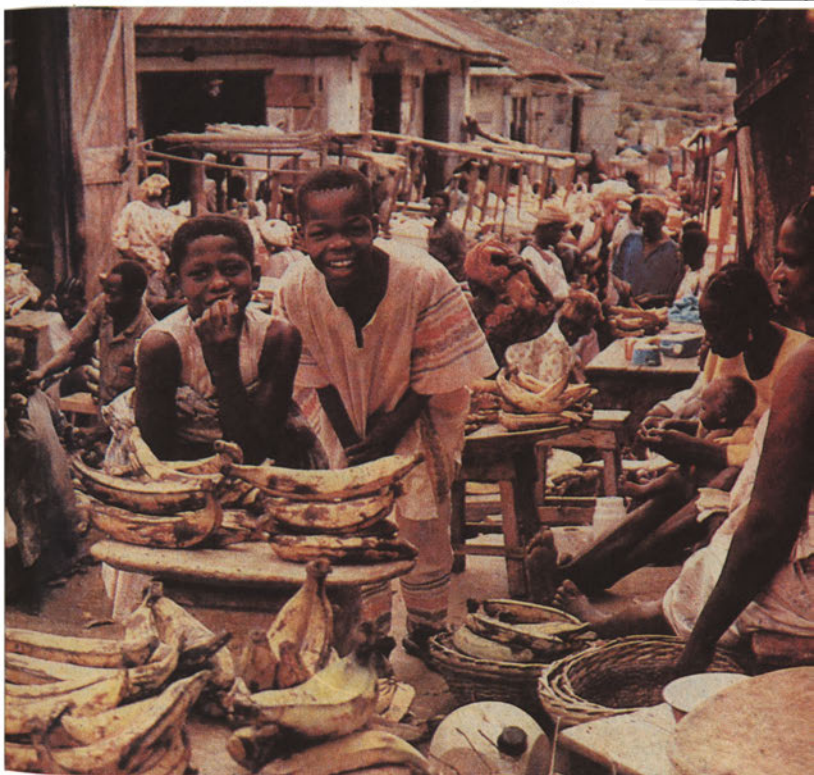
С развитием земледелия и скотоводства племена смогли стать многочисленнее. Стали они и богаче. Это, однако, делало их более уязвимыми, чем прежде. С охотников и собирателей врагу взять почти нечего. Земледельцам и скотоводам есть что терять.

У австралийцев споры между племенами происходили по разным причинам, но войны начинались в основном из-за охотничьих территорий. Разгром одного австралийского племени другим принес бы победителю мало пользы. Но победа над врагами в более развитом обществе давала обильную добычу, в которую входили и сами побежденные, превращавшиеся в рабов или данников. Теперь даже самые сильные племена оказы-

ваются часто не способны в одиночку не только вести наступательную войну, но и защищаться от нападений. Обстоятельства толкают их друг к другу. Возникают союзы племен. Ф. Энгельс писал: «Возрастающая плотность населения вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру.

Рынок в Африке нечто большее чем рынок. Здесь знакомятся, узнают новости, устраивают браки

165

Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре делается необходимым даже и слияние их...»¹.

Союзы племен могут возникать на разных уровнях общественного развития. В XVI веке у бразильских индей-

цев, боровшихся с португальскими захватчиками, сложился союз, в который вошли племена тупинамба, гайтаки и некоторые другие. Союз принял гордое имя «мамойо» — хозяева земли. Его возглавил беглый раб.

Вплоть до XX века у бедуинов Северной Аравии известны группы «братских племен».

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 164.

И когда Юлий Цезарь воевал в Галлии с войском Верцингеторикса, это была по существу война римлян против союза нескольких кельтских племен.

В Северной Америке перед самым приходом белых колонизаторов был образован союз из шести могущественных родственных племен: сенека, каюга, онондага, онейда, могауки и тускарора. Его инициатором, согласно легенде, был тот самый Гайавата, вождь могауков, о котором сложена знаменитая «Песнь о Гайавате». Этот союз стал известен в Европе под именем Лиги ирокезов, его представителей называли просто ирокезанами.

Союз давал тем, кто вступал в него, немалые преимущества, прежде всего он становился сильнее соседних племен, продолжавших пока существовать «в одиночку». И эти преимущества, понятно, союзы племен начинали активно использовать.

Ф. Энгельс говорил о союзе ирокезов: «...из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел он превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей...»¹

Скифы, населявшие юг Восточной Европы примерно две с половиной тысячи лет назад, представляли собой именно союз племен, в котором, правда, одно племя (Геродот называет это племя царскими скифами) заняло господствующее положение.

Общая мощь скифского союза племен оказалась так велика, что он выиграл войну у одного из могущественнейших владык древности, персидского царя Дария, владения которого простирались от Эгейского моря до Памира.

Неудачами кончились и другие попытки более цивилизованных соседей подчинить себе скифов, и только другому союзу племен — сарматскому — удалось одержать над скифами важные победы.

Саксы, имя которых до сих пор сохранила Саксония и древнюю родственную связь с которыми нынешних американцев и англичан подчеркивают, говоря о тех и о других как об англосаксах, тоже были уже не племе-

нем, но союзом племен. Русские летописцы перечисляют по именам восточнославянские племена, вошедшие в состав Киевской Руси. Но по-видимому, и поляне, и вятичи, и дреговичи, и древляне, и некоторые другие этнические образования, упомянутые в летописи, к моменту образования единого государства представляли собой уже не племена, а союзы племен. Об этом можно судить, в частности, по масштабу занятых этими этническими общностями территорий.

Историки говорят о гуннах, как об отдельном народе, уточняя, однако, что Атилл был главой Гуннского союза племен, в который кроме гуннов входили тюрки, германцы, славяне, кельты, угры. То есть люди, говорившие на разных языках, принадлежавшие изначально к разным культурам.

Да, союз племен может объединять людей, говорящих на одном языке или хотя бы на диалектах единого языка, но это вовсе не обязательно. Так, союз команчей в Америке состоял всего из трех племен, и каждое из них говорило на своем особом языке.

На основе союза племен, при их слиянии, возникает народность — следующая историческая фаза этноса. Естественно, что образование народности идет гораздо быстрее, когда в союзе оказываются родственные племена, говорящие на одном языке. В особенности быстро протекает этот процесс превращения племен в народность там, где появляется государство; оно способствует общности экономических, социальных и иных интересов сближающихся племен, придает их союзу более прочную форму.

Для этнических образований, как и для всех других видов общественных явлений, определяющим фактором изменений в конечном счете является производство материальных благ. Кстати, само производство их представляет важный момент этнической преемственности, поскольку многие из таких благ входят в материальную культуру народа как этнические ее особенности — разумеется, в первую очередь на ранних стадиях социального развития.

Поскольку же воспроизводство материальных благ обычно сопрово-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 164—165.

ждается техническим прогрессом, оно неизбежно влечет за собой и культурные изменения.

Но такое влияние технического прогресса на изменения материальной культуры, разумеется, не сводится лишь к простому включению в нее предметов, изготовленных из новых материалов; создаются и новые виды предметов из материалов традиционных. В том и другом случае подобные новшества относятся не только к предметам потребления, но и к самим производительным силам. Надо, однако, помнить, что, чем выше уровень развития производства, тем меньше этнической специфики в материальной культуре.

Основное воздействие производительных сил на этнос осуществляется не непосредственно, а опосредованно — через производственные отношения, прежде всего через экономические связи. Необходимость в них вызывается разделением труда как профессиональным, так и региональным. Развитие таких связей на определенной территории не только требует интеграции культуры (в первую очередь языка), но и способствует такой интеграции.

В эпоху первобытнообщинного строя экономические связи, судя по всему, ограничивались преимущественно рамками родовой общины и не играли, по-видимому, существенной роли в обеспечении единства основной этносоциальной единицы той эпохи — племени; эпизодический характер имел и межплеменной обмен, в том числе между племенами, принадлежащими к одной историко-этнографической области или культурно-лингвистической общности. Но с возникновением товарно-денежных отношений в раннеклассовых обществах экономические связи, хотя относительно слабо еще развитые, начинают играть более заметную роль в этнических процессах. Эти связи, в частности, способствовали формированию основных этнических образований той эпохи — народностей, помогая хозяйственно-культурному сближению и нивелированию тех этнических групп, из которых складывались отдельные народности, выработке у них общих черт.

Народности существуют уже в составе государств, рабовладельчес-

ких и феодальных, и влияние государства на этнические процессы (как будет показано в некоторых следующих главах на конкретных примерах) становится весьма значительным. Так, государственные границы во многом определяют характер и степень развитости экономических связей между отдельными областями; совместное участие жителей областей одного государства в войнах, общие в основных чертах для каждого государства правовые нормы и системы организации управления содействуют возникновению — на новой основе — представлений людей, входящих в ту или иную народность, о ее единстве. В рамках государства ускоряются консолидационные процессы, нередко ведущие к объединению и слиянию близких по историческим судьбам народностей.

Рост экономических связей с возникновением капитализма влечет за собой резкое усиление их роли в этнических процессах. Это прежде всего отразилось на формировании таких этносоциальных организмов, как нации. В. И. Ленин показал на примере складывания русской нации значение для процесса национальной консолидации усиливающегося в период генезиса капитализма обмена между областями, постепенно растущего товарного обращения, слияния небольших местных рынков в один национальный рынок. Раскрывая сущность процесса формирования наций, В. И. Ленин подчеркивал: так как «руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных»¹.

Переход от феодализма к капитализму резко ускорил этнические процессы. Национальное самосознание, опираясь на деятельность передового тогда класса — буржуазии, стало играть чрезвычайную роль в политических событиях, меняющих карту мира. Первая победоносная буржуазная революция — в Нидерландах — проходит уже не только под религиозными, но и под национальными лозунгами. При этом никак нельзя отрывать этнические процессы от социально-экономических. Первые в

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 154.

значительной степени выступают как следствие и форма выражения вторых.

В. И. Ленин писал: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо... государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе... единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем»¹.

И как развивающийся буржуазный строй вызывает к жизни широкие национальные движения, так и они в свою очередь обеспечивают этому строю наиболее благоприятные условия развития.

Одна из функций национальных движений переходного к капитализму периода, как мы видим, — усилить информационные связи внутри этноса — ведь именно этому явно служит «устранение всяких препятствий... развитию языка». По существу тут продолжается процесс повышения плотности информационных связей, связанный и с расширением территории «среднего этноса», — тот процесс, что характерен для целых тысячелетий истории народов.

Воздействие государства на этнические процессы не ограничивается его ролью в формировании наций. Государство выступает важным фактором этнических процессов с момента своего возникновения.

По меткому замечанию французского этнолога А. Леруа-Гурана, чтобы народу конституироваться, «требуется длительная политическая стабильность, тем более продолжительная, чем более он велик». Поли-

тическое господство той или иной этнической группы, в том числе установленное в результате завоеваний, в значительной мере предопределяло направленность этнических процессов при формировании многих народностей.

В то же время этнические моменты сами оказывают определенное воздействие на процесс складывания государственной территории. На это обратил внимание Ф. Энгельс, указывавший, что еще в раннее средневековье в Западной Европе, «...как только произошло разграничение на языковые группы... стало естественным, что эти группы послужили определенной основой образования государств...»¹. Вместе с тем Ф. Энгельс отмечал тормозящую роль феодальной раздробленности для национальной консолидации². В преодолении этой раздробленности ведущую роль сыграла королевская власть: она, «опираясь на горожан, сломала мощь феодального дворянства и создала крупные, в сущности основанные на национальности, монархии, в которых начали развиваться современные европейские нации»³.

Переход этноса в стадию нации исторически связан с очень недавними временами. Если английская нация сложилась в XVI веке, то русская нация — в XVII—XVIII веках, немецкая — к XIX веку. Десятки наций сформировались и формируются в XX веке.

Необходимо сказать, что социально-экономический базис, производственные отношения воздействуют на этнос не только посредством экономических связей. С момента разложения первобытного строя такое воздействие начинает осуществляться также через соответствующее тому или иному способу производства классовое деление общества.

При характеристике влияния на этнические явления отдельных классов нередко ограничиваются лишь ссылкой на роль буржуазии в формировании наций. Однако в действительности на всех этапах общественного

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 258—259.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 410.
² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 571—572.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 345.

развития для становления этносов и их развития определяющей в конечном счете является деятельность народных масс. Дело не только в том, что они создают материальные блага. Не следует забывать о творчестве народных масс в сфере духовной культуры. В первую очередь тут, конечно, вспоминаются различные виды народного художественного творчества, народные знания, созданные трудящимися массами нравственные нормы, обычаи и т. п. Особенно же следует подчеркнуть, что именно народ-

ные массы являются главными творцами языка.

Огромное значение для сохранения многих, если не большинства ныне существующих этнических общностей имело участие народных масс в борьбе против завоевателей. А классовая борьба трудящихся на протяжении всей истории антагонистических формаций в известной мере сдерживала натиск господствующих классов, не раз ставивший под угрозу даже простое воспроизводство этноса.

ЭТНОФОР

В генах каждого из нас отражена вся история человеческого рода. Еще в утробе матери мы повторяем всю эволюцию — в сжатом, «свернутом» виде. Но кроме наследия общих предков всего живого и — уже — общих предков вида *Homo sapiens* наши гены сохраняют то особое, что передано неповторимым в каждом случае сочетанием звеньев, образующих длинную цепь предков любого отдельно взятого человека. Так создается в конечном счете его биологическая индивидуальность — поэтому нет на Земле людей (кроме разве что некоторых близнецов), которые были бы во всем схожи хотя бы по внешнему облику.

А в нашей культуре (напомним, что к культуре в широком смысле этого слова относятся и хозяйство, и язык, и обычаи — все, что создано человеком, а не просто получено им от природы) сохраняется в «свернутом» виде многое открытое, придуманное, изобретенное предками нашими, взявшими в руки палки и камни, освоившими огонь, бросившими впервые в землю зерна, построившими деревни и города, соорудившими механизмы — от журавля над колодезем до синхрофазотрона. Любой человек — итог культурного развития планеты, узел в сложнейшей сети общественных отношений, перекресток исторических судеб народов, классов, государств. Он неповторим и культурно, как выражение сложности судьбы не только мира, но и своей собственной, как уникальное сочетание природных задатков, на которые наложились воспитание и опыт. Это относится одинаково к русскому Ивану Ивановичу Иванову и англичанину Джону Смитю, этническому китайцу Ли Вану из Малайзии и аборигену-австралийцу Наматжире. Но сверх того Иван и Тарас, Джон и Пын, Абдурахман и Монтигомо Ястребиный Коготь — все люди — носители этнических свойств, представители своего народа, воплощение его судьбы, связанной с судьбами других народов, но своеобразной, его культуры, как неповторимой части общей культуры Земли, носители его языка. Каждый из нас несет из прошлого в будущее свойства своего народа, свойства не только общечеловеческие, но и то, что присуще культуре белорусской, шотландской, ххмерской, египетской, кубинской...

Что, как, по каким законам делит и собирает людей по этническим общностям, делает этнос этносом, какие условия и события — природные и исторические — вызывают рождение новых народов, способствуют сохранению и развитию или исчезновению старых — все это касается этнофора, наследника и сотворца национальной культуры, а через нее — общечеловеческой.

4

Если ты жизнь исчисляешь со дня своего
рождения,
В день кончины твоей этот закончится
свет.
Если ты хочешь прожить на свете дольше
мгновенья,
Мни себя только звеном — не головным,
не в конце.

Египше Чаренц

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МЕСТА И ВРЕМЕНИ
ЧЕРЕЗ ГОРЫ, СТЕПИ И ЛЕСА
ЗАТЕРЯННЫЕ МИРЫ
«ВСТРЕЧИ МИРОВ»

4 В рамках границ

Великая королевская мысль, согласно пьесе Генрика Ибсена «Борьба за престол»¹, пришла королю Норвегии Хокону в XIII веке. Он открыл, что представители всех норвежских родоплеменных объединений во всех частях страны должны стать норвежцами. Просто норвежцами. Его соперник и тесть герцог Скуле поучает зятя: «Племя должно идти против племени, притязание против притязания, город против города, род против рода, — тогда лишь король будет силой. Каждое селение, каждый род должен или нуждаться в короле или бояться его».

Но Хокон отвечает: «Норвегия была государством — станет народом. Трендер² шел против виквэринга, агдэвринг — против хордалецдинга, хологалондинг — против согиделя, отныне все должны объединиться и сознавать, что все они составляют одно целое».

Сегодня это звучит весьма тривиально. Но в эпоху феодализма, сохранявшую массу пережитков родового общества, такую мысль действительно можно было назвать великой.

Почти с каждым из крупных народов Европы в пору средних веков оказалось связано государство, созданное господствующим слоем этого народа. То же относится и ко многим крупным народам Азии, Африки, Америки — там, где социальное развитие общества и классовое его расслоение достигло, так сказать, нужной степени.

Государства в свою очередь оказы-

вали и оказывают весьма большое влияние на дальнейшее развитие основавших их народов.

Прежде всего надо отметить, что раз государство возникает там, где развитие общества зашло достаточно далеко, то племена и союзы племен, оказавшиеся его соседями, не имея столь мощного аппарата угнетения и войны, нередко не могут устоять перед его давлением. Волей или неволей, после войн или под угрозой их или путем относительно мирного распространения хозяйственного и культурного влияния, слабые соседи включаются в состав новорожденного государства, если этому решительно не препятствуют конкретные исторические и географические условия. И государства нередко превращаются в многонациональные, если сразу же не возникают именно как объединения нескольких этносов.

Примеров тут тоже можно привести множество.

На территории Франции в XV веке, как полагают историки, было по крайней мере два больших этноса — северофранцузский и южнофранцузский. Жители Прованса на юге говорили на языке, достаточно сильно отличавшемся от языка парижан или жителей Бургундии на северо-востоке страны. На западе Франции, кроме того, жили бретонцы, пользовавшиеся своим языком, принадлежавшим к кельтской, а не к латинской ветви индоевропейской семьи. На юге жили баски.

Если же учитывать диалекты и культурные особенности отдельных областей Франции и наличие очень развитого в них областного самосознания, то можно, как это делают некоторые историки и этнографы, насчитать в стране почти два десятка отдельных этносов — беррийцев, пикардийцев, бургундцев, анжуйцев и т. д. Как нам кажется, такое мнение грешит излишней категоричностью,

¹ Такое название, собственно, Ибсену не принадлежит. Его придумал переводчик, отчаявшись достаточно благозвучно и точно передать на русском языке всего одно, зато сложное норвежское слово, означающее «королевский материал» или «из чего делаются короля».

² Здесь и далее называются жители отдельных областей страны.

однако до сих пор местные особенности, прежде всего касающиеся психического склада, продолжают до некоторой степени сохраняться. Хотя, между прочим, именно в борьбе с остатками политической системы феодальной эпохи деятели Великой французской революции в конце XVIII века сочли нужным уничтожить старое административное деление на провинции, заменив его дроблением на департаменты. Но французские писатели XIX и XX столетий, такие, как Бальзак, Гюго, Дюма, Мориак, Моруа, считали нужным подчеркивать, из какой провинции происходят те или иные герои, и связывать некоторые черты их характера с происхождением.

На территории, населенной немцами, людьми, говорившими на диалектах немецкого языка, государства, действительно единого для всего уже осознавшего свое единство народа, долго не было. «Священную Римскую империю германской нации», несмотря на пышное название, раздирали феодальные столкновения и собственных и соседних государей, притом она делилась на части, куда более независимые от центральной власти, чем французские графства и герцогства. И все-таки в ее состав входили также земли славянские (чешские и некоторые другие), итальянские, венгерские, голландские, фламандские и иные.

Польша включала в себя с XIV—XV веков на севере земли литовские и латышские, на востоке — белорусские и украинские. А кроме того, только в новое время окончательно слились с поляками потомки живших в Польше полабских и поморских славянских племен.

Киевская Русь в X—XIII веках охватывала не только территории, где жили восточные славяне. Чудь и весь и другие финские племена севера и северо-востока Восточной Европы, часть литовцев, латышей, эстонцев на северо-западе, некоторые кочевые тюркские племена на юге Киевской Руси признавали власть князей Рюриковичей, войны из этих племен сражались под началом русских князей и против общих врагов Руси и в междоусобных войнах во время феодальных раздоров.

Однако в многонациональном госу-

дарстве, охваченном единой системой власти, начинались процессы, которые при определенных условиях могли привести — и неоднократно приводили — к слиянию разных народов в один. Естественно, что и в Киевской Руси пошел мощный процесс слияния восточнославянских племен и союзов племен в один этнос, которым оказались ассимилированы и многие (хотя далеко не все) иноязычные поначалу племена.

Можно сказать, пожалуй, что быстрое или постепенное превращение почти каждого сильного государства в многонациональное — скорее правило, чем исключение. Этот процесс шел с одинаковой силой во всех частях света, где появлялись государства.

Разберемся, например, почему стали крупнейшим ныне индейским народом Нового Света племена кечуа, еще шесть веков назад весьма малочисленные. Эта история тем более показательна, что большое единое государство, где они господствовали, существовало весьма краткий срок и погибло четыре с лишним столетия назад.

Племена кечуа в начале XV века положили начало формированию инкской державы — знаменитые инки, собственно, были только одним из племен, говоривших на языке кечуа. (Возможно, впрочем, что сами «первоинки» говорили и на каком-то другом языке — для нас здесь важно, что распространяли они тем не менее язык кечуа.)

Государство инков — одно из самых странных политических образований, известных историкам. Может быть, поэтому оно вызывает весьма разноречивые оценки у ученых XX века. Посудите сами. С одной стороны, в государстве не было голодных — все его жители были обязаны работать, а при неурожае обеспечивались пищей из государственных запасов. Каждый человек по достижении 50 лет имел право на что-то вроде пенсионного обеспечения. Почти не было рабов. Обитатели завоеванных областей, как правило, не только не обращались в рабство, но сразу получали все права «старых» граждан империи. При этом инки старались сделать войны возможно менее кровопролитными, заранее рассматривая ныне-

шних врагов Верховного Инки как его будущих подданных. Мудрено ли, что иные восторженные историки не находили слов для восхищения этим государством, где словно бы была осуществлена утопия Томаса Мора.

Другие же ученые предлагали обратить внимание, что по существу каждая сельская община была «коллективным рабом» правителей, что жестокие законы лишали личной свободы практически все население, кроме кучки знати, что держава вела бесконечные войны откровенно завоевательного характера и т. д.

Иногда в адрес Инкской империи отпускают эпитеты типа «фашистская». А советский историк Ю. Е. Березкин заметил даже, что, может быть, стоит поставить вопрос, действительно ли прогрессивный характер носило образование этой державы? Такое заявление особенно впечатляет, если вспомнить, какими гекатомбами человеческих жертв вообще сопровождается возникновение первых раннеклассовых государств, в прогрессивности рождения которых никто как будто не сомневается.

В чем, однако, согласно большинство специалистов, так это в том, что в инкской державе причудливо сочетались и признаки, характерные для родового, бесклассового еще общества, и другие, обычно связываемые с обществом феодальным, и третьи, характерные для так называемого азиатского способа производства, плюс еще налицо были отдельные элементы рабовладельческой системы — причем все это в сочетании со всецелым центральной власти.

Соединению обычно несоединимого способствовало стремительное расширение государства. Если на превращение Рима из крошечного городка с крошечной же областью в державу, охватившую земли в Европе, Азии, Африке, ушло по меньшей мере четыре-пять столетий непрерывных войн, то инкское государство заняло свою громадную территорию менее чем за век.

Между тем географические условия этой территории, охватывавшей нынешние Перу, Эквадор, Боливию и частично Чили, Аргентину и Бразилию, скорее препятствовали росту государства, чем способствовали ему.

Здесь сообщению между отдельными областями мешали где горы, где джунгли, где пустыни — да притом же в Америке не было животных, которых можно было использовать как средство передвижения. Такой успех политики инков нельзя не признать поразительным. Ведь они должны были бороться с племенами, защищаемыми кроме собственного мужества почти неприступными горами, а нередко и непривычным для завоевателей климатом.

Этот успех можно, в частности, объяснить хорошо продуманной политикой инкских властителей. Те стремились как можно быстрее ассимилировать побежденных, сделать их частью своего народа, не уничтожить, но впитать, растворить в инках-кечуа большие и малые народы окраин, все отодвигавшихся от центра по мере роста государства.

В только что завоеванные области направлялись специальные воинские части, перестраивавшие по общему для империи образцу производство и быт на покоренных землях.

Первый из инкских законов, судя по сделанному в конце XVI века записям, гласил: «Все подданные империи инков должны говорить на одном языке».

Чтобы достичь этого, применялись две системы (преследовавшие, впрочем, и другие цели).

Одна из них обозначалась термином «руна-сими», что означает в буквальном переводе «уста человека». По смыслу же вернее перевести это название как «настоящий (человеческий, общий) язык». Она предусматривала повсеместную и последовательную организацию обучения языку кечуа.

Другая система — митмак (или митмаэ) — была еще более радикальной по своему характеру. Большие группы «новых подданных» навсегда или на время переселялись на другие территории, где им волей-неволей приходилось быстро осваиваться и с новым типом хозяйства, и с новой для них культурой, включая язык. При этом представители привилегированных слоев, если они желали сохранить свое высокое положение, обязаны были ассимилироваться особенно быстро. Недавние племенные вожди и руководители другого ранга должны были каждый год проводить

несколько месяцев в Куско, столице державы. Блеск двора, мощь империи, престиж господствующего языка и относительно развитой культуры работали на правителей-инков.

Собственно говоря, в большинстве конкретных мероприятий инков нет ничего такого, что не встречалось бы в том или другом виде в истории мно-

Вестминстерский дворец в Лондоне — королевская резиденция

Шотландец в национальном костюме и со знаменитой шотландской волынокой

гонациональных государств Старого Света. Как уже говорилось, антропологический и археологический анализы материалов, полученных при раскопках, показали, что Рюриковичи нередко держали в городах, основанных на землях того или иного племени, выходцев из других подчиненных Киеву племен, как славянских,

так и финских или тюркских.

Римская же держава в пору расцвета одним из неперенных условий, при выполнении которых она давала свое гражданство, ставила не просто владение латынью, но и превращение ее в обиходный язык.

Цари древних Ассирии-Вавилонии, Персии, римские императоры, мос-

ковские великие князья, китайские владыки и монгольские ханы нередко насильственно переселяли обитателей крупных окраинных областей в центр своих владений, а чаще — на другие окраины, где недавним активным или потенциальным мятежникам приходилось защищать интересы центральной власти, потому что теперь, в чужих землях, как раз она и становится их единственной опорой против коренных здешних жителей.

«Случай инков-кечуа» выделяется здесь, однако, высокой организованностью, более того — тщательной продуманностью, осознанностью такой политики. Притом Верховные Инки всерьез полагали, что они благодетельствуют «дикарям».

На самом деле, конечно, завоевательные походы империи несли неисчислимые несчастья побежденным. Не зря же великая империя столь легко рухнула под ударом испанских завоевателей, использовавших внутреннюю ее слабость (хотя, конечно, главную роль сыграло то, что конкистадоры были представителями общества, стоявшего на более высокой ступени развития).

Но так или иначе, до момента гибели инкской державы за очень краткое в исторических масштабах время народ кечуа успел вырасти численно в десятки раз.

Поразительно, но процесс ассимиляции им соседних племен и даже крупных этносов продолжался и после падения империи. Ее земли стали владением другой империи — Испанской. Но испанцы, перенесшие законы феодализма на новые земли, признали инков своеобразной аристократией в своих новых колониях, поддерживая их престиж, а значит, престиж их языка и культуры. Родственники и потомки последних правителей получили особые права и даже пенсии. Испанцы управляли своими новыми владениями, используя прежние привилегированные слои, а те даже на окраинах были, как уже говорилось, в наибольшей степени ассимилированы кечуа. И христианство испанские миссионеры проповедовали в Перу и соседних провинциях чаще всего на языке кечуа. Мало того. Освободительную борьбу индейцев против испанского владычества тоже долго возглавляли инки-

кечуа. Сорок лет просуществовало повстанческое государство замечательного инкского вождя Тупак-Амару, попытавшегося вернуть индейцам независимость. Словом, знание языка кечуа требовалось и тем, кто покорился испанцам (и решил сотрудничать с ними), и тем, кто боролся против завоевателей.

И вот сегодня перед нами удивительная картина: в нескольких странах, расположенных вдоль горной цепи Анд, в землях, рассеченных и глубокими пропастями, и политическими границами, живет самый большой из индейских народов. Лишь относительно небольшую часть Центральных Анд занимает другой крупный индейский народ, аймара, уступающий кечуа (которых около 13 миллионов) в численности примерно в шесть раз.

Кечуа живут практически единым массивом на территории от Южной Колумбии до Северных Чили и Аргентины. В современных Перу и Боливии язык кечуа стал официальным наряду с испанским, так что языковая политика инков все-таки победила...

Римская империя стремилась, особенно в последние века своего существования, к тому же результату — превращению всех жителей всех ее областей в единый народ. И времени ей история отпустила на такую попытку гораздо больше, чем инкской державе. Ф. Энгельс писал: «По всем странам бассейна Средиземного моря в течение столетий проходил нивелирующий рубанок римского мирового владычества. Там, где не оказывал сопротивления греческий язык, все национальные языки должны были уступить место испорченной латыни; исчезли все национальные различия, не существовало больше галлов, иберов, лигуров, нориков — все они стали римлянами»¹.

Но — это, пожалуй, надо еще раз подчеркнуть здесь — одного принятия языка народа мало, чтобы стать частью этого этноса. Нужно принять и образ жизни и культуру — а с этим, при всех успехах «римского рубанка», дело обстояло много сложнее. Прежде всего потому, что римляне в

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 146.

отличие от инков отнюдь не стремились поставить в относительно равное положение подданных империи в метрополии и провинциях. Инки целенаправленно насаждали такое единообразие, в каком римляне отнюдь не считали себя заинтересованными. Напротив, население самого Рима играло в последние века существова-

Памятник Жанне д'Арк.
Париж

Вашингтонский Капитолий, где проходят заседания конгресса США

В центре Люксембурга, столицы Великого Герцогства Люксембург

177

ния республики и первые века империи роль гигантского коллективного паразита, обиравшего провинции, и от своих привилегий отказываться не собиралось. В «лучшем случае» римское правительство, с одной стороны, стремилось к насаждению на большинстве подвластных территорий римских по типу школ, прямой зада-

чей которых было не столько способствовать этнической ассимиляции, сколько воспитывать «удобных подданных», а с другой — время от времени включало в состав общегосударственной знати верхушку покоренных или без боя признавших римскую власть племен и народов.

Вторую часть этой системы в I веке

н. э. так обосновал, если верить историку Тациту, император Клавдий в речи, произнесенной перед сенатом: «Предки мои, древнейший из которых, будучи сабинянином по происхождению, был принят в римское гражданство и в ряды патрициев, убеждают меня в управлении государством действовать так же, привлекая сюда все лучшее... Известно, что были призываемы в сенат лучшие люди из Этрурии, Лукании и из всей Италии, что, наконец, сама она была продолжена до Альп, чтобы не только отдельные лица, но страны и народы слились с римским племенем...

Что же погубило лакедемонян и афинян, хотя их военная мощь осталась непоколебимой, как не то, что они отгораживались от побежденных, так как те — чужестранцы? А основатель нашего государства Ромул отличался столь выдающейся мудростью, что видел во многих на протяжении одного и того же дня сначала врагов, потом — граждан».

Александр Македонский, по-видимому, вел политику на «инкский лад» и устраивал в массовом порядке браки солдат греко-македонской армии с персиянками, вавилонянками, бактрийками и др. Он строил города, где умышленно концентрировал разноплеменное население, планировал массовые переселения своих подданных из одних областей империи в другие. До нас дошло — в книге историка I века до н. э. Диодора Сицилийского — программное заявление Александра, где декларировалось продолжение и развитие такой политики, целью которой было якобы превращение для подданных в «родной город» всего мира (т. е. самой державы). Возможно, Александр понимал (или за него домыслили такой вывод поздние античные историки), что только политика превращения конгломерата разнообразнейших народов и социумов в единое в этническом и социальном отношении общество могла сулить какие-то шансы на сохранение державы и после смерти ее создателя. Но его державе не было отпущено и десятка лет жизни.

Между мощными многоэтничными державами рабовладельческой эпохи и государствами феодальными лежит не только временной разрыв. Если в первых попытки достижения единства

проводились главным образом военно-политическими средствами, то во вторых от таких средств тоже не отказались, однако слишком очевидна бывала, как правило, их недостаточность. Уже в пору расцвета средневекового общества его поразила раздробленность, неизбежная язва одного из этапов феодализма, притом этапа, который, по-видимому, обойти невозможно — иначе почему бы он с такой неумолимой беспощадностью посетил в свое время Русь и Японию, Францию и Испанию, Мьянму и Индонезию?

На почти, полу-, а то и вовсе самостоятельные уделы разбились государства, созданные молодыми варварскими народами. Через столетие после смерти Карла Великого его франкская империя была уже не только разделена на несколько больших государств, но и любое из них само было «сборным» из феодальных владений помельче. Даже во Франции начала XV века кроме многочисленных «своих» графств и герцогств (да еще в некоторых из этих графств и герцогств официально правил, пусть как вассал короля французского, английский король) были еще два королевства — Прованское и Наваррское, были острова феодальных владений германского императора, испанского короля, наконец, город Авиньон с областью долго принадлежал папе римскому.

В Германии одно время насчитывалось до тысячи «государей», имевших все права законных монархов и обязанных вассальной службой главе «Священной Римской империи германской нации» не в большей мере, чем бывший одно время вассалом того же императора венгерский король. Нидерланды, как вы знаете, сначала «принадлежали» Бургундскому великому герцогству, потом Испанскому королевству... Легенды же о рыцарях Круглого стола называют в Англии раннего средневековья три с лишним десятка самостоятельных королевств, и это — отражение реальности.

Но в большинстве случаев такие многочисленные границы чисто феодального типа сами по себе оказались не в состоянии всерьез ни помочь, ни помешать образованию новых народов или распаду старых. Мы не знаем

народа авиньонцев, и в Нидерландах живут не испанцы.

Не препятствовали обычно средневековые границы ни связям религиозным, ни связям политическим. Английские католики обращаются за помощью к Испании, то же делают католики Франции во время религиозных войн. В протестантской армии будущего Генриха IV рядом с французами дрались немецкие протестанты. Под лозунгом защиты протестантизма во время Тридцатилетней войны XVII века был призван немецкими феодалами-лютеранами для борьбы с католическим императором шведский король.

Французский рыцарь без колебаний служит английскому королю, если живет в его расположенных на территории Франции владениях. Аристократы того времени вообще часто не склонны были придавать серьезного значения своей принадлежности к тому или иному народу. Рыцари становятся вассалами того государя, который дает им поместье. До XVI века русские князья и бояре были уверены в своем «праве отъезда» на службу от одного государя к другому и не считали изменой переход со службы Москве на литовскую, и наоборот.

Для нас главное здесь — во всех приведенных примерах — что во всех таких союзах, переходах из государства в государство и т. п. общественное мнение в целом не усматривает до поры до времени ничего странного.

Феодалные границы долго не были подкреплены границами экономическими, связи между городами и селами внутри феодалных владений были немногим сильнее (хотя все-таки сильнее), чем связи, перекидывавшиеся от одного такого владения к другому.

Однако в условиях позднего, а особенно разлагающегося феодализма границы больших государств (на том, как они проходили, чрезвычайно сказывались географические условия) стали играть первостепенную роль в образовании новых больших этносов. Их роль все возрастает по мере развития внутри феодального общества основ капиталистического строя.

Буржуазия в каждой стране заинтересована в том, чтобы собственными силами, «в одиночку», эксплуатиро-

вать «своих» трудящихся, но и сами трудящиеся заинтересованы в том, чтобы не подвергаться сверхэксплуатации еще и национальному угнетению.

В условиях раннего капитализма там, где границы разделяют исторически сложившиеся области, они начинают все решительнее отсекать друг от друга народы. Установившиеся в средневековые пограничные рубежи словно становятся глубже и непроходимее. В XIII веке жители Галисии на Пиренейском полуострове оказались за пределами Португальского королевства, хотя и говорили на португальском языке. Можно не сомневаться, что, не произойди этого, галисийцы сегодня относились бы к числу португальцев. Однако семь веков жизни в составе другого государства (сначала Кастильского, затем Испанского), особенно в те столетия, когда в Испании шел процесс буржуазного развития, привели к тому, что галисийцы сегодня — не португальцы, как не входят они и в состав испанского этноса, это особый народ.

Точно так же можно, видимо, сказать, что эльзасцы были бы одной из этнических (а может быть, даже этнографических) групп немецкого народа, если бы когда-то не оказались в пределах государственных границ Франции. Здесь же они стали отдельным этносом. А валлийцы, т. е. жители Уэльса, западной области острова Великобритания, не ассимилировались бы в такой степени англичанами, если бы эта область не потеряла еще в раннем средневековье свою древнюю независимость.

Разумеется, нельзя значение границ и преувеличивать. Так, польский народ в течение века с лишним, да еще в период достаточно бурного развития капитализма, жил на территории трех больших государств: Пруссии (Германии), Австро-Венгрии и России, но смог сохранить свою этническую обособленность.

Поразительнее пример украинского народа, земли которого большую часть его истории входили в государства, созданные другими этносами; лишь в 1918 году получил он собственное государство — Украинскую ССР, и лишь десятилетиями позже в этом государстве оказались объединены

основные этнические группы украинского этникоса.

Значение государства в экономической жизни каждой страны и всего мира в XIX и XX веках в общем повышается. И естественно, что, несмотря на усиливающиеся экономические связи между странами, несмотря на все более тесные международные информационные связи, растет влияние государств и государственных границ на этнические процессы. В Латинской Америке, Азии и особенно в Африке границы, часто проведенные в колониальный период их истории между колониями разных держав, их «зонами влияния» или провинциями, иногда выглядят весьма искусственными. Они устанавливались нередко без всякого учета даже физико-географических особенностей (гор и рек, например), не говоря уже об учете интересов единства того или другого этноса. В результате в Африке есть народы, живущие довольно компактными группами, но оказавшиеся сразу в нескольких соседних государствах; и наоборот, в одном государстве сосуществуют порою десятки, а то и сотни этносов.

Притом таких государств не одно, не два, даже не десяток: практически все современные африканские страны (единственное исключение — Египет) полиэтничны. И все-таки за десятки уже лет, прошедших после освобождения, ни одна из этих стран не раскололась на части. Ни одна! Хотя во многих были и повстанческие движения под сепаратистскими лозунгами, как национальными, так и религиозными, были кое-где настоящие гражданские войны, как в Нигерии...

В чем дело? Какие факторы противодействуют центробежным? В числе их, конечно, и общая, нередко по крайней мере вековая история существования в составе одной колониальной провинции одной и той же европейской державы (т. е., между прочим, опять-таки в составе одного государства), и общая борьба за освобождение от власти этой державы, и в конце концов достаточно часто тот немаловажный факт, что обычно только центральное правительство теперь имеет возможность использовать для укрепления своей власти регулярные воинские части.

Можно назвать еще, очевидно, и

экономические связи, успевшие установиться между территориями с разными этносами, в рамках сначала общей для них колониальной провинции, и связи политические, нередко — языковые, и решительную поддержку со стороны Организации африканского единства целостности входящих в нее стран. Видимо, каждый из этих факторов играет свою роль в феномене. А внутри государств идут чрезвычайно важные для их судеб и чрезвычайно интересные для исследователей процессы, о которых мы поговорим конкретнее в другом разделе книги.

Своего рода введением к нему послужат, в частности, ближайшие страницы, где речь пойдет об исторических примерах возникновения этносов, больших и малых, о некоторых «правилах игры», действующих при этом на исторической сцене.

Начнем с истории французского народа, для которой столь большую роль сыграло существование народов-предков в рамках четко выделенных в значительной степени уже природой, а затем и политической историей государственных границ.

...В середине 1-го тысячелетия до н. э. галлы, часть мощной волны кельтских племен, захлестнувшей в эту пору большую часть Европы, стали хозяевами почти всей территории современной Франции. Здесь они смешались с иберами — родственниками сегодняшних басков и тех древних испанских иберов, по которым до сих пор Пиренейский полуостров называют иногда Иберийским. Смешались и с другими обитавшими в этих местах племенами. Но прошли века — и почти на рубеже нашей эры галлы, передавшие уже свой язык большей части покоренных иберов, сами были покорены римлянами. Именно в Галлии Юлий Цезарь одержал несколько важных побед и завоевал, между прочим, писательское имя своими «Записками о галльской войне».

Стоит заметить, что задолго до римского завоевания на южном побережье Галлии появились поселения финикийцев и греков (Марсель, например, унаследовал видоизмененное имя древнегреческой колонии Массалия, на месте которой он

стоит). В близкой к Италии географически Галлии поселилось немало выходцев из метрополии Римской державы; многие галлы, сначала знатные, довольно быстро приняли римскую культуру; постепенно восторжествовал над местными наречиями латинский язык, к которому и восходит современный французский.

Прошло еще три-четыре века — и Великое переселение народов «бросило» на территорию Франции бесчисленные германские племена. Одно за другим они врываются в страну, захватывая какую-то ее область, образуя в ней правящую верхушку, потом следовала новая волна германцев, изгонявшая предыдущую или подчинявшая ее себе. Вестготы, аллеманы, бургунды — какие только названия не упоминают историки в перечне этих племен! Сильнейшим из них — а потому и последним — оказались франки. От них пошло новое название страны. Впрочем, возникло оно в пору, когда франки были хозяевами огромной империи, занимавшей и многие собственно германские, славянские, итальянские земли. Но франки и другие германцы на западе возникшей державы приняли тогдашний язык большинства населения Галлии, унаследованный от римлян, германцы же на ее востоке сохранили свою родную речь. (В составе Западной Германии есть древняя область Франкония, обязанная своим именем тем же франкам.)

Достаточно посмотреть на карту, чтобы увидеть, что почти вся территория Франции очень четко отделена от соседних стран географическими границами. На юге — Пиренеи и Средиземное море, на юго-востоке — Альпы, на севере — Арденны, на западе — океан и Ла-Манш... На этом неправильном четырехугольнике разыгралась тысячелетняя история французского народа. Существуют самые разные точки зрения на вопрос о том, как он сложился и даже... успели ли он сложиться как единое целое вообще. Есть ученые, которые полагают, что это один этнос, говорящий (или говоривший до недавнего времени) на нескольких языках, не только французском, но еще и провансальском — на юге, баскском — на юго-западе, бретонском — на западе. Другие считают, что бретонцы, скажем,

до сих пор представляют особый этнос. Об этом говорят многие особенности их народной культуры.

Во всяком случае объединительный процесс во Франции начался давно. В числе лучших тому подтверждений — движение за освобождение Франции от англичан, возглавленное Жанной д'Арк в XV веке. Девятнадцатилетняя девушка, наделенная не только патриотическим пылом, но и гениальными полководческими способностями, родилась в Лотарингии, области на востоке Франции. Но она ощущала себя не лотарингийкой, а француженкой, и вставшие под ее знамя простолюдины и дворяне засвидетельствовали тем самым, что считают себя прежде всего французами, а не провансальцами, гасконцами или пикардийцами.

Между тем если мы сейчас снова вспомним научный термин «этнос», то не подлежит сомнению, что в это время на территории Франции существовали, как уже упоминалось, по крайней мере два больших этноса (не говоря уж об относительно меньших): южно- и северофранцузский. Мало того. Есть, как тоже упоминалось, ученые, которые полагают, что в раздробленной на феодальные владения Франции сложилось в средние века до двух десятков отдельных этносов. И все-таки по крайней мере значительная часть людей всех этих небольших народов ощущала себя одновременно и французами.

Надо сказать, что кое-какое представление хотя бы о некоторых областных этнических группах Франции мы получаем еще в отрочестве. Кто же не читает в этом возрасте «Трех мушкетеров» Александра Дюма! А там все время подчеркивается, что Д'Артаньян — настоящий гасконец, пылкий, отважный и вместе с тем достаточно расчетливый. Д'Артаньян говорит себе: «Ах! Чертов я гасконец — буду острить даже в аду на скоророде». Покровитель Д'Артаньяна капитан королевских мушкетеров де Тревиль «путь свой... начал так же, как Д'Артаньян, то есть без единого су в кармане, но с тем запасом дерзости, остроумия и находчивости, благодаря которому даже самый бедный гасконский дворянчик часто осуществлял самые смелые отцовские мечты...».

Не забывает Дюма сообщить, что «достойнейший Планше», слуга Д'Артаньяна, — пикардиец, и подчеркивает далее его рассудительность и надежность именно как черты пикардийцев. Слуга Портоса, нормандец Мушкетон, — любитель хорошо поест, роскошно одеться, похвастаться. Слуга Арамиса — берриец с соответствующей стереотипному представлению о беррийцах характеристикой и т. д.

Все эти указания на происхождение мушкетеров и их слуг Дюма делает не для того, чтобы затем показать их возвращение в родные места или заставить своих героев вспоминать любимые пейзажи, нет, с его точки зрения, само происхождение француза из определенной местности уже должно кое-что сказать читателю и о его внешности (вот первое описание Д'Артаньяна: «Продолговатое смуглое лицо, выдающиеся скулы — признак хитрости, челюстные мышцы чрезмерно развиты — неотъемлемый признак, по которому сразу можно определить гасконца...»), и о некоторых чертах характера.

А типы провансальцев, например, во множестве набросал в своих произведениях другой французский писатель — Альфонс Додэ. Стоит вспомнить хотя бы добродушного фантазера Тартарена из Тараскона, его друзей и соседей. Наконец, один из героев Виктора Гюго, правда, герой отрицательный, жестокий вождь монархических мятежников, произносит такую речь: «Гений Франции соединяет в себе гениальные черты всего Европейского континента, и каждая французская провинция представляла собою одну из этих европейских добродетелей. Немецкая прямота процветала в Пикардии, широкая натура шведов проявляла себя в Шампани, голландскую трудоспособность можно было встретить в Бургундии, деятельную энергию Польши — в Лангедоке, испанскую гордость — в Гаскони, острый итальянский ум — в Провансе, греческую изворотливость — в Нормандии, швейцарскую честность — в Дофинэ».

Так возвеличивает Гюго провинции родной страны; не будем сейчас ни спорить с ним, ни соглашаться, важно другое: различия между жителями отдельных областей Франции для

романиста очевидны. Это ясно показывает, что восемнадцать или двадцать областных народов или «преднародов» Франции успели до своего слияния пройти достаточный путь развития — если не для того, чтобы действительно до такой степени отличаться друг от друга, то хотя бы для того, чтобы о них сложилось такое ходячее мнение.

Писателям можно было и не поверить, они ведь имеют признанное право на домыслы, но вот что пишет известный географ и историк XIX века Э. Реклю: «В общей для всех столице встречаются и взаимно влияют друг на друга представители всей Франции: обитатели Прованса или Гаскони, проворные, болтливые, вечно в движении; люди с возвышенных плоскогорий, упорные в труде и мало общительные; жители берегов Луары, со смелым взглядом, проникающим умом и уравновешенным характером; меланхолические бретонцы, мечтательные, но с сильной волей; нормандцы, с медлительной речью, испытующим взглядом, благоразумные и осторожные; обитатели Лотарингии, Вогезов, Франш-Конте, горячие в гневе, предприимчивые».

Не случайно Реклю говорит здесь о Париже. Роль Парижа в образовании французского народа больше, чем обычно бывает в таких случаях роль столицы. Парижский выговор брало за образец население всей страны при выработке единого языка, а между тем берлинский диалект не стал примером для Германии, римский — для Италии.

И не случайно в эпоху Великой французской революции решениям, принятым Парижем, без колебаний подчинялась большая часть страны.

Франция стала классическим примером страны, собираемой центральным правительством из феодального развала и разброда. Спокойно, медленно, уверенно делали это короли XII, XIII и начала XIV века. Затем наступил хаос — и новое, казалось, еще большее раздробление страны в пору Столетней войны с Англией. Но во Франции вопреки всему кровавому феодальному безобразию складывался единый рынок. Крепли связи между ее отдельными частями. Властно влек к себе дворян, купцов и мещан Париж.

В относительно небольшой и разбитой на гораздо меньшее число этнических областей Англии шла борьба между французским и английским языками, занявшая 300 лет и кончившаяся победой языка английского лишь к концу XIV века. Поразительно, но во Франции в XIII, скажем, веке французский язык пользовался

гораздо меньшим успехом, чем в Англии. На чужой земле за него стояла знать — потомки офранцузенных норманнов, завоевавших Англию в XI столетии. Во Франции же языку Парижской области противостояла в суде латынь, и всюду — провинциальные диалекты. Провансальский язык был в ту пору не более далек от испан-

ского, чем от французского.

Так продолжалось, пока в 1539 году очередной король специальным указом не объявил французский единственным языком, употребляемым в судопроизводстве и административной деятельности. Это случилось через целых полтора столетия после официального признания королем

Британии победы в его стране английского языка. А ведь французский-то указ был лишь звеном в борьбе главного языка страны за победу в ней. Но теперь на стороне этого языка решительно стояло правительство. И в границах, где оно распоряжалось, язык побеждал век за веком и год за годом.

4 Сейчас во Франции говорит на немецком языке большинство эльзасцев, жителей ее восточных областей, на провансальском — очень небольшая доля южан, на бретонском — часть населения полуострова Бретань на западе. Кстати сказать, не случайно его название вызывает в памяти слово Британия. Давным-давно, когда германские племена англов и саксов овладели большей частью Англии, некоторые племена древних бриттов, видя, что не в силах устоять против завоевателей, сами переправились через море и завоевали полуостров, которому передали свое имя. Ах, какой это частый случай в истории: побежденные убегают, чтобы победить еще кого-нибудь, обиженные обижают других, завоеванные становятся завоевателями...

Бретань сохраняла свой язык до XX века. Сейчас, с одной стороны, большинство ее жителей говорит на французском языке, а все остальные — и на французском и на бретонском. Но с другой стороны, время от времени газеты сообщают о демонстрациях бретонских националистов, которые выступают с лозунгами автономии Бретани или даже ее отделения от Франции.

Двести лет назад, когда большинство бретонцев знало язык своих предков, причем для многих он был единственным, Бретань восстала против французского правительства. Люди, сражавшиеся тогда против правительственной армии, носили особую бретонскую одежду, говорили между собой на бретонском языке. Сражались они против Французской республики, но за французского же короля. По-видимому, никому из повстанцев в голову не приходила мысль об образовании сколько-нибудь самостоятельного государства.

А теперь одетые по последней парижской моде молодые люди требуют политического отделения от

Франции полуострова Бретань, между тем бретонский язык служит для них обычно только предметом любования, но не способом общения между собой.

Парадокс! Но этот парадокс слишком часто встречается в современной жизни. В Великобритании, например, есть партии и политические группы, требующие независимости для Шотландии, соединившейся с Англией под властью общего короля (шотландского тогда!) почти четыреста лет назад, и для Уэльса, существующего в составе английского государства более тысячи лет.

Но вернемся во Францию. Ряд ученых видит и в двухсотлетней давности восстании Бретани против республики тоже проявление национальной обособленности этой части Франции.

Виктор Гюго писал в романе «Девяносто третий год», значительная часть событий которого происходит в Бретани:

«Бретань — старая мятежница. Всякий раз, когда она восставала в течение двух тысячелетий, она была права. Но в последний раз она оказалась неправой. А между тем, боролась ли она с революцией или с монархией, с уполномоченными делегатами или герцогами и пэрами... это была все та же бретонская война — война местного духа с центральным».

К этому можно, пожалуй, добавить, что «старой мятежницей» Бретань делало в какой-то степени и национальное угнетение. Но, как считают многие ученые, сейчас бретонцы становятся из особого народа этнической группой внутри французского этноса.

Словно нарочно для того, чтобы подтвердить важность политических границ для процесса образования народов, рядом с Францией разместился Люксембург. В великом герцогстве почти 3 тысячи квадратных километров площади, на которых живут около 400 тысяч человек. В сегодняшнем Люксембурге на каждого из этих 400 тысяч человек (на душу населения, как выражаются статистики) приходится большее количество выплавляемой стали, чугуна, проката, чем в любой другой стране мира. И не просто больше, а в пятнадцать—двадцать раз! «Виноваты» залежи железной руды и высококвалифицированные рабочие кадры.

Люксембуржцы могут быть названы рекордсменами еще в одном отношении: фактически в герцогстве три языка одновременно. В этом, впрочем, как вы понимаете, ничего удивительного не было бы, если бы каждым из трех языков не владел бы примерно одинаково хорошо практически каждый житель страны — воистину перед нами государство полиглотов.

Люксембуржцы говорят по-немецки, потому что когда-то именно в этих местах довольно плотно поселились франки, те самые, что расселились и по большей части территории теперешней Франции, но представляли там, как вы знаете, среди населения настолько незначительное меньшинство, что оставили ему только свое имя, но не язык.

В Люксембурге франков поселилось относительно больше, и они смогли передать свой язык местным кельтам, тем более что римское влияние доходило прежде до этой северной области сильно ослабленным. Но говорят люксембуржцы и по-французски, потому что в последние столетия много сильнее германского было здесь культурное влияние мощной Франции. И в судьбах стран-соседей — большой и маленькой — было немало общего.

Результат — уже с XVII века французский язык становится основным языком культуры в стране. Сейчас французские надписи и объявления на улицах — и в городах и в деревнях; по-французски выступают истцы, ответчики, прокуроры, адвокаты и судьи во всех судах; в парламенте говорят и по-французски и по-немецки, причем оба этих языка проходят в начальной школе.

В обыденной же жизни большинство люксембуржцев то и дело прибегает... к третьему языку, собственно люксембургскому наречию. Его можно считать диалектом немецкого языка, но немцы это наречие почти не понимают.

Газеты в Люксембурге выходят на всех трех языках.

Две тысячи лет назад, как и территория Галлии, территория Люксембурга была захвачена римлянами.

Четыре века спустя сюда пришли франки — как и в Галлию. А когда из развалившейся Франкской империи

вышло Французское королевство, рядом с ним в отрогах Арденнских гор появилось графство, потом Герцогство Люксембург. Пять с лишним веков оно сумело оставаться фактически независимым; мало того, династия люксембургских герцогов не раз поставляла императоров Германии, королей — Чехии и иным землям.

Потом династия оборвалась, и Люксембург стал по законам о наследстве тех времен, а также из-за военных удач и неудач великих держав лет на сто восемьдесят владением... Испании, потом лет на сто — Франции, потом на семнадцать лет — опять испанским, потом на восемьдесят лет — австрийским, потом на двадцать — опять французским, это уже при Наполеоне, а после его поражения получил независимость главным образом благодаря тому, что слишком много нашлось на эту землю охотников, и договориться между собой они не смогли.

История, мягко говоря, бурная. Но границы держав менялись, а французский народ все время оставался рядом.

Маленький народ сохранил верность своим традициям; он сопротивлялся фашистам, хотя те и поспешили объявить люксембуржцев «истинными арийцами». До сих пор, говорят, на фасадах многих домов сохранились многозначительные надписи — гордый ответ фашистам: «Мы хотим остаться теми, кто мы есть».

За люксембуржцами закрепились слава виноградарей и музыкантов. Любимая шутка здесь звучит примерно так: «Один люксембуржец — садовник, два — спор в кафе, три — оркестр». Пристрастие к кафе, как и многие другие бытовые привычки, тоже сближает люксембуржцев с юго-западными, а не с восточными соседями. Но только у них одних — во всей Европе — получили такой размах музыкально-танцевальные шествия во время местных празднеств. Сотни тысяч туристов приезжают поглядеть на эти шествия.

Так маленький народ, оказавшийся между двумя великими державами (да еще по соседству с Бельгией и Нидерландами), сумел сохранить свое культурное наследство.

Возможно, если бы не политические границы, отделявшие страну от Франции и Германии столько веков,

люксембуржцы могли бы стать одной из этнических групп французского или немецкого народа.

Ну, а бывает и так, что отсутствие единого государства не мешает образованию единого этноса на территории, весьма раздробленной в политическом отношении.

Примером может служить процесс складывания итальянской народности. Как и большинство народов Западной Европы, она возникла в результате смешения завоевателей (прежде всего германских племен) и населения Итальянского полуострова, ведущего свое происхождение от римлян и подчиненных ими этносов. Но завоеванное население, преобладавшее численно и сохранявшее значительно более высокую культуру, чем победители, сумело ассимилировать последних, прежде всего в языковом отношении. В ходе многочисленных этнических столкновений и смешений в VI—X веках шел процесс складывания итальянской народности, сопровождавшийся формированием итальянского разговорного языка. Принято считать, что середина XII века — эпоха войн итальянских городов с Фридрихом I Барбароссой — была временем становления общетальянского самосознания. Важным шагом в этнической консолидации итальянской народности явилось формирование (начиная с XII века) итальянского литературного языка. Впрочем, в силу феодальной раздробленности этот консолидационный процесс долгое время оставался незавершенным, а сама народность продолжала быть всего лишь этникосом.

Эту незавершенность подтверждает возникновение к нашим дням особого корсиканского этноса на острове, который в середине XVIII века Генуэзская республика продала Франции. Сейчас корсиканцы в быту говорят на диалектах италянского языка, в школе и администрации господствует язык французский. Можно не сомневаться: если бы не более чем двухвековой давности изменение границ, корсиканцы сегодня были бы частью итальянского этноса. (Сейчас на Корсике есть сторонники независимости острова от Франции, но сторонников его объединения с Италией практически нет.)

Вместе с тем формирование итальян-

янской народности свидетельствует, что государственное объединение бывает не единственной предпосылкой этнического сплочения населения разных областей. В данном случае оно вообще отсутствовало, ибо, как известно, Италия никогда в средневековые не была объединена в единое государство. По мнению специалистов, нет оснований полагать, что итальянское единство основывалось на экономических связях, поскольку между отдельными областями и городскими республиками хозяйственные связи были весьма слабы, скорее здесь наблюдалось соперничество и разобщенность. Решающая роль в сплочении всего населения Италии, судя по всему, принадлежала такому политическому фактору, как борьба с внешними завоевателями. В течение многих столетий итальянцам приходилось бороться против завоевателей: испанских, французских, германских, австрийских. Именно в этой борьбе окрепло сознание национального единства, а экономическое развитие страны придало освободительному движению требуемую силу.

Сравнительно невелик шотландский народ, и давно уже нет на свете самостоятельного шотландского государства, но поэт Роберт Бернс, автор исторических романов Вальтер Скотт, современный писатель Арчибальд Кронин стали своими для читателей многих стран.

Жившая в семействе Лермонтовых легенда утверждала, что великий русский поэт и его родня ведут свое происхождение от давным-давно перебравшегося в Россию члена знатной шотландской фамилии Лермонт. И М. Ю. Лермонтов в юношеских стихах писал:

Под занавесом тумана,
Под небом бурь, среди степей
Стоит могила Оссиана
В горах Шотландии моей.

Архивные розыски в конце концов подтвердили эту версию. Выяснилось, что некий Лермонт, служивший в польском войске, попал в начале XVII столетия в плен к русским, стал затем подданным России и получил здесь поместье.

Из нищеты, терзаемой в течение

веков феодальными раздорами Шотландии долгие столетия уходили сыновья дворян на службу в чужие страны. И в общем служили на совесть. Можно считать, что пристрастное пристрастие к предкам владели Вальтером Скоттом, описавшим в романе «Квентин Дорвард» верную и отважную шотландскую гвардию французского короля Людовика XI. Но вот исторический роман «Пан Володыевский» польского классика Генрика Сенкевича. Лучший в Польше боец на саблях решает подать своей гибнущей, разорванной на части отчизне пример самоотверженности, взорвать себя вместе с крепостью, чтобы не сдать эту крепость туркам. Кто идет на подвиг вместе с ним, чувствуя себя настоящим поляком? Его лучший друг, шотландец, женатый на польке.

Шотландские герцоги Гамильтоны стали на русской земле Хомутовыми, в числе «птенцов гнезда Петрова» был шотландец вице-адмирал Крюйс. Потомком шотландцев был известный в русской истории Барклай де Толли, талантливый полководец, сподвижник Суворова и Кутузова, один из героев 1812 года.

Шотландцы — жюль-верновский капитан Грант и его дети, шотландцы — Дэвид Бальфур и Катриона, герои двух романов шотландца Роберта Стивенсона. Шотландцы — все до одного персонажи трагедии Шекспира «Макбет».

Словом, у нас есть в истории и литературе много знакомых, имеющих то или иное отношение к Шотландии. А вот откуда взялись сами шотландцы?

Тут снова надо вспомнить Роберта Стивенсона, только не как прозаика, а как поэта. Есть у него баллада «Вересковый мед», где рассказывается о том, как

Пришел король шотландский,
Безжалостный к врагам,
Погнал он бедных пиктов
К скалистым берегам...

Пикты — древнейшее известное нам население Шотландии. Оно говорило, по-видимому, на одном из кельтских языков (как и древнее население Галлии до римского, а Ирландии — до английского завоеваний).

В 1-м тысячелетии до н. э. народы, говорившие на кельтских языках (принадлежащих к индоевропейской

семье), жили на огромных пространствах теперешних Западной Украины, Молдавии и Румынии, Польши, Восточной и Западной Германии, Чехословакии, Франции, Австрии, Швейцарии, на севере Балкан и даже в Малой Азии. Кельты же населяли и Англию, и Шотландию, и Ирландию, и Северную Италию, и часть Испании. В Шотландии, как и во всех остальных занятых ими землях, кельты не были первопоселенцами — значит, они в древние времена, придя сюда, смешались с аборигенами всех этих мест.

Пикты в течение нескольких веков с успехом отбивали попытки римлян, захвативших уже Британию, вторгаться и в их страну. Мало того, они не раз переходили в наступление, совершая опустошительные набеги на римские владения, и именно для защиты от них император Адриан построил примерно на исторической границе между Шотландией и Англией оборонительную стену, пересекающую от края до края остров Великобритании.

Так что не были пикты миролюбивыми и беззащитными карликами, какими их рисует Стивенсон в балладе. Есть сведения, что именно на помощь против грозных пиктов призвали бритты на свой остров в V веке н. э. германские племена англов и саксов. Пиктов англы и саксы окончательно не разгромили, зато разгромили и покорили призвавших их бриттов...

Но нашлась сила, победившая пиктов. С IV века начались вторжения в пиктские земли скоттов, сильного ирландского племени (или союза племен). Больше четырех столетий продолжалась кровавая борьба, кончившаяся победой скоттов:

На вересковом поле,
На поле боевом,
Лежал живой на мертвом
И мертвый на живом.

Но Стивенсон зря называет здесь победителя пиктов шотландским королем — ведь шотландцев еще не было на свете, они только должны были появиться, эти общие потомки победителей скоттов и побежденных пиктов. Разумеется, вопреки балладе Стивенсона и шотландским легендам пикты не были целиком уничтожены,

не исчезли и не вымерли бесследно, но слились со скоттами в единый шотландский народ. Только заняло это объединение племен бывших врагов многие столетия.

Даже спустя почти тысячелетие после того, как вся Шотландия стала единым королевством (что случилось в IX—X веках), население Шотландии говорило на четырех разных языках; единого шотландского языка так и не возникло. С XVII века в стране, соединившейся с Англией, роль такой общей для всей страны речи начал выполнять английский язык, вытеснивший постепенно местные языки. Лишь один из них, гельский, и сейчас еще кое-где держится в горных районах.

Граница между Англией и Шотландией в пору их раздельного существования не раз сдвигалась и на север и на юг. Обе стороны не брезговали ни «правильными» войнами, ни грабительскими набегами. Не раз в средние века англичанам удавалось захватить власть над своими северными соседями, но обычно только для того, чтобы через несколько лет их изгнали в очередной войне. Бывали и долгие десятилетия мира. Так или иначе, но английская кровь постоянно смешивалась с шотландской не только на поле боя, но и в жилах детей от смешанных браков.

В 1603 году, после смерти английской королевы Елизаветы, ее преемником на правах ближайшего родственника стал шотландский король. Через какое-то время Шотландия надолго потеряла собственный парламент. Потеряла она и собственные языки, сменив их на английский. Тем не менее никто не сомневается в реальном существовании особого шотландского народа с собственной культурой и собственным национальным характером. Государственные границы единого Шотландского королевства помогли сложению единого шотландского народа; но отсутствие в последние века таких границ уже не смогло вызвать исчезновение этноса.

Много народов прошло через Малую Азию — мост между двумя частями света, да и от третьей неподалеку расположенный. Она лежала на древнем пути расселения индоевропейцев, шли ли они из Азии в Европу или, наоборот, из Европы в Азию (а

возможно ведь, как вы помните, что индоевропейцы когда-то из Малой Азии и вышли). Здесь располагалась великая держава хеттов, соперница Древнего Египта, воевавшая с ним за власть над Сирией. Здесь пережили свой расцвет и падение Троя и еще, вероятно, десятки других, менее знаменитых городов-государств. И кельтов сюда заносило из Центральной и Восточной Европы, и персов из Северного Ирана. И почти все три последние тысячи лет на западной и восточной окраинах Малой Азии жили греки и армяне.

Малую Азию в числе многих других земель завоевал Александр Македонский. Две тысячи лет назад сюда пришли римляне и застали тут множество царств и народов. Царств сразу стало значительно меньше. Народов меньше не стало. На века затем утвердилась на этом большом полуострове Византийская империя, хотя с запада ей угрожали европейские рыцари, с юга — арабы, с востока снова и снова вторгались хазары, иранцы, турки. Потом было османское нашествие, с церкви Святой Софии в Константинополе — самого большого тогда христианского храма в мире — сбили крест. И в Малой Азии заговорили уже не по-гречески, не по-арамейски или по-персидски, а на турецком языке.

Но внешний облик населяющих Малую Азию людей поразительно мало изменился за десятки веков. В стране остались высеченные на камне тысячи лет назад лица древних ее поселенцев. И на эти изображения похожи современные турки, как дети похожи на портретные изображения отцов. Как будто никто и не врывался в долины и горы Малой Азии, как будто никогда не шли по ее дорогам македонские фаланги, не скакали по ним свирепые всадники с кривыми клинками...

Но все это было. Все это тоже факты истории, как и лица на скалах.

Если советского гражданина попросят назвать турка, чье имя ему знакомо, он почти наверняка скажет: Назым Хикмет, поэт.

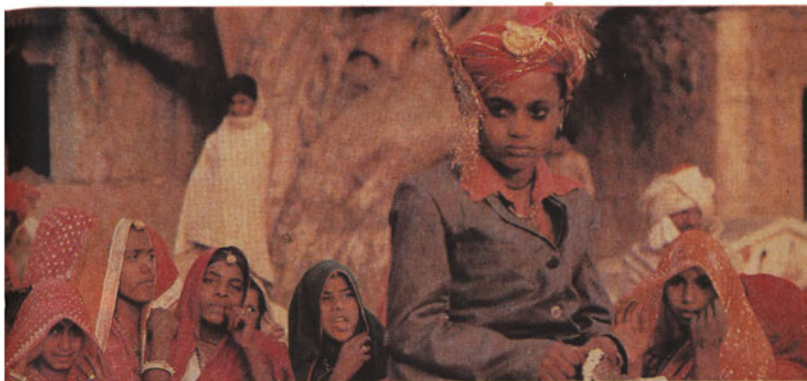
Почему-то кажется, что турок непременно должен быть черноволос и темноглаз. А Хикмет долго жил в Советском Союзе, и знакомившиеся с ним здесь люди удивлялись. Турок, а

светлоглазый и светловолосый. Вот в самой Турции этому никто не удивлялся. В Турции есть люди с такой внешностью. И не так уж парадоксальны строчки Бориса Слуцкого:

Я немало шатался по белому свету,
Но о турках сужу по Назыму Хикмету,
Я других не видал, ни единой души...
Высоки они, голубоглазы и русы...

Знатный раджастханский
юноша отправился не на
обычную прогулку верхом,
он проходит сложный
ритуал, после которого бу-
дет признан взрослым.
Индия

Эвевский мальчик

Чей это след? Хеттов, живших в Малой Азии тысячи лет назад, славян (они сюда тоже приходили), македонцев?

В XI веке отряды тюрок-сельджуков появились в Закавказье и на востоке Малой Азии. В ближайшее столетие они дошли на юге до Африки, подчинив по дороге Месопотамию.

Их полководцы отняли у халифов Египет и соседние земли, жестоко воевали с крестоносцами за земли Сирии и Палестины, остановили в Месопотамии монгольские войска, двигавшиеся к Египту. Тюрки начали с Византией многовековую борьбу, кончившуюся в XV веке превращением Константинополя в Стамбул, а

церкви Святой Софии — в мечеть Айя-София.

Шаг за шагом, километр за километром сокращали они малоазиатские владения империи. При этом крестьянам завоеванных земель предлагали выбор: верность христианству влекла за собой прямое угнетение и унижение. Переход в ислам означал свободу при существенном послаблении налогов.

Были мученики. Были и борцы. Были люди, которые хотели выждать. И было время, которое работало на тюрок. Внуки мусульманина-лицемера могли уже быть мусульманами-фанатиками. Обычная история распространения религий.

Победе ислама способствовало и другое. Население огромной Византийской империи, охватывающей в период расцвета все Восточное Средиземноморье, было разнородно. Единый византийский народ так и не сложился даже на азиатской части ее территории. А когда тюрки, ставшие уже турками, взяли Константинополь, то их сыновья, родившиеся в нем, по утверждению историков, должны были знать сразу четыре или пять языков. По-тюркски юноша говорил с отцом, по-гречески или по-сербски — с матерью, на рынке в ходу был армянский язык, в большом почете у турок была персидская литература, а священной книгой служил арабский Коран.

Главным противником тюркского языка пришельцев был, конечно, греческий, но тюркский победил.

Может быть, именно то, что тюркское завоевание Малой Азии растянулось на столетия и тюрки имели возможность подчинять своему влиянию Византию не сразу, а «по кусочкам», и сыграло решающую роль в принятии населением Малой Азии тюркского языка.

Впрочем, надо сказать, что и в случае смены языка побежденное наречие обычно накладывает на язык победитель свой несмыслимый отпечаток.

Сейчас лингвисты, занимающиеся современным турецким языком, находят в нем все больше особенностей, восходящих не только к греческому, но и к языкам народов, населявших Малую Азию два и три тысячелетия назад. Язык сохранил следы древних

влияний и армянских, и курдских, и грузинских, пронес через время память о наречиях хеттов и фригийцев.

Деревня отуречилась раньше, чем город, а сами общие потомки завоевателей и завоеванных, по-видимому, считали старую византийскую культуру более высокой, чем пришедшая тюркская. Это нашло любопытное отражение в быту страны. В грозной Турецкой империи, раскинувшейся от Западной Африки до Ирана, от Эфиопии до Дуная, само слово «тюрк» долго было синонимом слов «мужик» или «плебей» и звучало оскорбительно. В XVIII веке на вопрос европейца, турок ли он, житель Стамбула отвечал, что он мусульманин. И даже в XIX веке турецкие горожане не желали принимать это имя.

Можно добавить, что кроме тюрок и нетюрского населения Малой Азии в формировании турецкого народа приняли участие и жители Греции, и славяне. Множество выдающихся визирей, замечательных полководцев и флотоводцев Турции вышли из завоеванных этносов, в том числе, например, адмирал грек Пири Рейс, чье имя уже в XX веке стало знаменито из-за загадочных карт, найденных якобы в его архивах. Бывали и вовсе курьезные случаи, когда, скажем, одним из первых мусульманских судей захваченного Константинополя (Стамбула) стал француз.

Но когда при двух султанах подряд в конце XVI века из девяти человек, поочередно занимавших пост великого визиря, восемь были отуреченные славяне, это уже нельзя считать курьезом или простой случайностью. Перед нами проявление определенной политики.

Костяк своей армии, знаменитых янычар, султаны набирали в захваченных христианских областях, отбирая у родителей мальчиков, которых затем обращали в ислам и воспитывали в духе преданности султанам. Сначала янычары не имели права жениться, но вскоре на их браки стали смотреть сквозь пальцы, а потом и вообще сняли запрет.

Надо еще отметить, что в числе предков турецкого народа — тюркские племена, проникшие на Балканы в эпоху турецких побед не с юго-востока, а с северо-востока. В XIX веке,

в пору побед балканских славян, и румын, и греков в борьбе за национальное освобождение, потомки тюрок-мусульман выехали с Балкан в Восточную Фракию и Малую Азию; впрочем, среди переселенцев наверняка были и потомки принявших мусульманство давних местных жителей, считавшие себя турками.

Русские посиделки. Русская мастерица. Город Новозыбков

191

Советский исследователь Д. Е. Еремеев, автор книги «Этногенез турок» рассказывает и о малоазиатских потомках греков, которые хотя и остались христианами, но приняли турецкий язык. Во время национально-освободительной борьбы турок против подстрекаемой Антантой Греции эти турки-христиане

решительно выступили на стороне Турецкой республики — национальное самосознание оказалось сильнее, чем религиозное.

В историю какого бы народа мы с вами ни захотели углубиться, всюду придется встретиться с тем, что можно назвать встречей племен и

народов, их объединением и смешением.

Вот что пишет австрийский ученый Е. Пристер в книге «Краткая история Австрии»: «Состав населения областей, которые впоследствии и образовали Австрию, отличался исключительной пестротой и разнообразием. Впрочем, римские писатели неоднократно обращали внимание на то, как быстро смешались друг с другом все эти племена и как трудно было уже по прошествии непродолжительного времени отличить пришельцев от коренных жителей страны. Трудно сказать, из каких народов образовалось в основном население современной Австрии. Здесь встретились восток и запад, юг и север, и из этого смешения кельтов и этрусков, иберийцев, славян и германцев возникло нечто своеобразное, нечто совершенно новое».

Дальше Е. Пристер рассказывает о римском завоевании теперешней Австрии и о времени, когда эти земли были под властью авар, франков, мадьяр... Австрийцы говорят на одном из диалектов немецкого языка, но до сих пор сохранили часть наследия и римской и славянской культуры (как и культуры германцев, конечно). Да, первое феодальное государство здесь было основано выходцами из германской Баварии. Но, замечает Е. Пристер, считать на этом основании австрийцев частью немецкого народа так же нелепо, как считать англичан французами из-за того, что девятьсот лет назад норманны, выходцы из теперешней Франции, захватили Англию.

Любопытно отражение смешанного происхождения этносов в легендах. Странные браки заключают основатели племен и народов в легендах и мифах. Тибетцы возводили в ранг своих предков обезьяну мужского пола и лесного духа — женщину. Монголы полагали, что происходят от волка и лани. Древние тюрки, создавшие в раннем средневековье великую империю от Желтого моря до Черного, считали своей родоначальницей волчицу, вступившую в брак с человеком. Скифы «происходят» от союза Геракла и змеиной Эхидны (по греческому преданию) и от Зевса и дочери реки Борисфена — Днепра (по преданию скифскому).

Брачные союзы богов и женщин, животных и духов — все это почти всегда, полагают исследователи, переосмысленные воспоминания о древних смешениях племен.

А сейчас важно остановиться на «особом» случае сложения этноса — не из существовавших прежде и уже как-то организованных племен, а из человеческих «обломков крушения» — изгнанников, беглецов, изгоев.

Характерный пример здесь то, что можно назвать «римской моделью».

Римская модель

Римляне были гордым народом, твердо верившим в божественное происхождение своих предков Ромула и Рема. Но, как ни странно, даже легендарная версия истории римского народа донесла до нас через века и не самые лучшие сведения о происхождении римлян.

Миф повествует, что Ромул и Рем — близнецы, рожденные жрицей от бога войны Марса. Дядя этой жрицы, Амулий, лишил законной царской власти в городе Альбе ее отца, Нумитора. Ромул и Рем, достигнув юношеского возраста, собрали войско, захватили Альбу и вернули власть Нумитору, — но сами ушли из захваченного было города.

Почему? И здесь в легенде место сказочных объяснений вдруг занимают вполне реалистические. Оказывается, войско, с которым божественные братья одержали победу, состояло из беглых разноплеменных рабов.

Историк II века н. э. Плутарх пишет: «Братья стояли перед выбором: либо распустить беглых рабов, во множестве собравшихся вокруг них, и тем самым потерять все свое могущество, либо основать вместе с ними новое поселение. А... жители Альбы не желали ни смешиваться с беглыми рабами, ни предоставлять им права гражданства...»

Вот и пришлось вождям «сброда» уйти вместе со своей собранной «сбору по сосенке» армией и основать новый город Рим. Затем жители города «организовались», создали социальную структуру по образцу знакомых им городов.

При этом, согласно тому же Плутарху, к «благородному» сословию нового города были отнесены те

немногочисленные его жители, которые могли назвать своих родителей, знали своих отцов. Так и объясняли иногда в дальнейшем данное этим «аристократам» название «патриции» (от «патер» — отец). Нетрудно представить себе уже по этой характерной детали, что же представляли собой первые римляне.

Вновь основанный город был тут же объявлен городом-убежищем — укрывшийся здесь раб не выдавался хозяину и признавался свободным, должник становился недотупным требованиям заимодавца, бежавший преступник оказывался в безопасности от тех, кто его преследовал. Само по себе такое провозглашение нового города убежищем не представляет собою ничего необычного в античной, да и вообще древней истории: так же, по преданию, афинский царь Тесей принимал под свою защиту в Афинах всех, кто к нему обращался. (Мало того, Тесей прямо призывал: «Придите сюда, все народы!»)

Итак, начало народу кладет кучка изгоев, людей без роду, без племени, разного, но одинаково незавидного, с точки зрения окружающих, происхождения.

«Римский случай» достаточно часто повторяется в истории. Не будем сейчас говорить о некоторых сходных явлениях в истории Греции и Италии — тут нам хватит примера с Афинами и Римом. Обратимся к более ранним и поздним событиям в разных землях.

Во 2-м тысячелетии до н. э. в степных и пустынных районах, расположенных у смежных границ тогдашних великих держав — Египта, Хеттского царства, Вавилоно-Ассирии, появляется новое этническое образование, получившее от соседей имя «хабиру». Народ этот сложился из беглецов и переселенцев с окраин соседних государств. Постоянные войны между великими державами сильнее всего сказывались, естественно, на прирубежных землях. Часть обитателей Сирии, Палестины, Месопотамии уходила в степи и пустыни, объединялась в племена — хотя эти «беженцы» отнюдь не были родичами. Постепенно хабиру так усилились, что теперь уже они стали угрозой для тех государств, с территории которых бежали их предки.

В Центральной Азии в V веке н. э.

возникла мощная держава народа, который историки зовут иногда жужанями, иногда — жуанжуанями.

Вот как описывает появление этого народа историк и географ Л. Н. Гумилев: «У жужаней, как у народа, не было единого этнического корня... В смутные времена всегда было много людей, выбитых из седла и скомпрометированных... В степь... бежали от жестокого господ невольники, из армий — дезертиры, из обедневших деревень — нищие крестьяне. Общим у них было не происхождение, не язык, не вероисповедание, а судьба, обрекая их на нищенское существование; и она-то властно принуждала их организовываться».

В 50-х годах IV века некто Югююй, бывший раб, служивший в сяньбийской¹ коннице, был осужден на смерть. Ему удалось убежать в горы, и около него собралось около сотни подобных ему беглецов. Беглецы нашли возможность договориться с соседними кочевниками и жили совместно с ними».

Вот эти люди и сыграли роль зародыша нового этноса, вскоре ставшего настолько сильным, что появилось большое жужанское государство.

В истории украинского народа огромную роль сыграло прославленное запорожское казачество. Запорожье в XVI—XVII веках было одним из важнейших защитных заслонов России, Польши, всей Европы против могущественных в ту пору Турецкой империи и Крымского ханства. В то же время Запорожье стало прибежищем для всех обиженных, решившихся на борьбу, кто мог добраться до Днепровских порогов. Не только украинцы и русские, бежавшие от русских и польских помещиков, от царского и королевского суда, оказались здесь. В «запорожцы» принимали людей любого происхождения, только бы они были готовы служить новой родине, приняв, если прежде придерживались другой веры, православие.

Появлялись среди казаков и выходцы из Южной и Центральной Европы. Казачьи республики привлекали к себе внимание и надежды мно-

¹ Сяньби — кочевые племена, жившие с III века до н. э. преимущественно на территории Внутренней Монголии (сейчас автономный район в Китае).

гих обездоленных, принадлежавших к разным народам и верам.

Польский посол в 1601 году писал, что среди запорожцев есть «и поляки, и москвитяне, и волохи, и турки, и татары, и евреи, и вообще люди всякого языка». По подсчетам ученых, предки молдаван, например, составляли среди запорожцев до 3%.

Что влекло людей, убежавших из родных мест, в казачьи общины? А собственно говоря, другого выхода для человека, желавшего освободиться от феодального гнета, в большей части Восточной Европы и не было. Ведь здесь не существовало, как на Западе, хотя бы «вольных городов» с уставами, по которым проживший в городе определенное время крепостной становился свободным.

Правда и легенды так же перемешивались в рассказах о казаках, как и сегодня. Их подвиги в битвах против турок и крымских ханов по праву прославлены, и ничем эту славу не умалить.

Но не стоит забывать, что в ту пору почти столь же доблестным делом считалось просто пограбить берега Каспийского моря. В Персию, отнюдь не представлявшую тогда угрозы ни для России, ни для Украины, ни для самих казаков, эти удалцы ходили «за зипунами». Судить их с точки зрения сегодняшней морали, конечно, смешно. Все «поганные», т. е. мусульмане, в глазах казаков были союзниками между собой и врагами христиан. (С другой стороны, сами же казаки не были «догматиками», женились на сестрах и дочерях этих «поганных» и принимали в свои ряды беглецов из мусульман, требуя от них принятия православия.)

Все исторически неизбежные слабости и даже пороки казачества меркнут перед его подвигом. Казаки не только остановили турок. Запорожские казаки сыграли очень важную роль в борьбе украинского народа против польских панов, угрожавших ему чуть ли не в большей степени, чем турки и татары, которых прежде всего интересовали дань и рабы. Польские паны на Украине довели крепостной гнет до очень высокой степени (французский инженер Боплан, по приглашению польского правительства строивший на территории королевства крепости, отмечал, что

на Украине крепостные живут «хуже каторжников на галерах»), к тому же паны хотели лишить украинский народ собственной культуры.

Казаки не стали отдельным народом, потому что они сохранили связь со своей украинской родиной, потому что оттуда они черпали основную часть своих пополнений. Но они сыграли важную роль в украинской истории. Запорожье стало одним из идеологических центров развития и консолидации украинского народа. Само существование Запорожья было для соотечественников запорожцев по всей Украине свидетельством, что украинский народ идет к освобождению и объединению.

Надо сказать, что для пришельцев, особенно русских и людей с тюркского востока, заманчиво звучало само слово «казак». А давно ли оно, кажется, было отнюдь не славным и не похвальным, обозначая просто человека бездомного и безродного!

В украинский и русский языки слово «казак» пришло из тюркских языков; соседей-тюрков у Руси, как известно, издавна было много: хазары, печенеги, половцы, татары...

Казак — это человек без собственного дома, скиталец, бедняк, изгнанник, бродяга, тот, кто не имеет ни кола ни двора. Казаками же называли на Востоке и не имевших трона, но пытавшихся его захватить принцев из династии Тимура.

Получается, что слово «казак» в своем первоначальном русском значении соответствовало древнему слову «изгой», которым обозначали в «Русской правде» — судебнике XI века человека, потерявшего свое наследственное место в обществе, будь он сыном хоть боярина, хоть ремесленника или свободного земледельца.

Все мы сейчас знаем, что американский народ включает в себя множество этнических групп самого разного происхождения. Негры, мексиканцы, китайцы, американские шведы, американские итальянцы... Впрочем, вернее сказать: американцы шведского, итальянского, китайского происхождения.

На территории теперешних США находились колонии английские и голландские, испанские и французские, русские (в Калифорнии и на Аляске), сюда съехалось в XVIII—XIX веках

множество людей самых разных национальностей из всех стран Европы, да потомки завезенных негров, да исконные хозяева — индейцы... Воистину «с бору по сосенке» собрался великий народ. Недаром же еще недавно про самый большой город США Нью-Йорк говорили, что здесь итальянцев больше, чем в Риме; ирландцев больше, чем в Дублине, евреев больше, чем в Тель-Авиве.

Подробнее о том, как шло и как идет сложение единого этноса в США, мы расскажем в главе, посвященной судьбе Нового Света в целом, сейчас же ограничимся констатацией того факта, что ни один этнос, в том числе и английский, нельзя объявить единственным предком современных американцев, хотя и говорят они на английском языке.

Только что мы с вами говорили о «римско-запорожско-американской» модели образования народов из резко разнотнического населения, вынужденного к объединению сложившимися социальными условиями. Это не такой уж редкий, но и не самый обычный путь образования народа. Кроме того, история редко имеет дело с воплощением какой-то возможной теоретической модели в чистом виде. Основу населения Бразилии составили колонисты-португальцы, негры, ввезенные в страну как рабы, и индейцы — коренные жители. Однако предмет национальной гордости бразильцев — то, что их страна с давних времен принимала на своей земле беглецов и обездоленных со всего земного шара. Надо здесь отдать должное Бразилии как стране, в которой расовые трения сведены к минимуму. Здесь не представляет проблемы совместное обучение «белых» и «черных», здесь нет презрительных кличек для этнических групп того или иного происхождения.

Более того, статуя, символизирующая бразильскую нацию, изображает не мулатку даже, а явную негритянку, держащую на руках ребенка.

Кубинский писатель Алеко Карпентьер описал в романе «Превратности метода» некую типичную латиноамериканскую страну. И подчеркнул, что даже реакционнейшие ее правители были волей-неволей против расиз-

ма — хотя бы потому, что уже внешний вид их самих, как правило, выдает смешанное происхождение.

То, как объединяются иногда племена, видно и на примере дальнейшей истории римлян. Беглые рабы, давшие Ромулу и Рему силу, оказались без женщин. Выход нашлся — набег на соседнее племя сабинов и похищение сабинских девушек. Обиженные сабины в ответ начинают против римлян войну, в битве они уже берут было верх, римляне, кажется, обречены... В этот момент между сражающимися появляются сабиянки. Они успели полюбить мужей и хотят помирить их со своими отцами и братьями. На поле боя состоялось полюбовное соглашение об объединении латинов и сабинов в единый народ. Говорить он должен по-латыни, но в качестве имени принимает одно из названий сабинов. Латины становятся теперь квиритами.

Удивительно точную параллель этому «римскому» случаю представляют собой события, происшедшие спустя два с половиной тысячелетия, в начале XIX века в Кении (Африка). Здесь живет в горах Барсабит племя рендилле. Оно точно знает свое происхождение. Пять или шесть поколений назад группа воинов из Сомали, вытесненная с родины сильными соседями, пришла сюда через земли, заселенные земледельцами-меру. Беглецы силой захватили себе жен у меру (вот вам и африканские сабиянки!), поселились отдельно — и появилось новое племя.

Конечно, может случиться, что такие «отколовшиеся», попав на чужую территорию, будут в конце концов ассимилированы ее населением; но возможны, как показывает история, и другие варианты.

Правила деления

В тех разделах книги, которые вы уже прочли, в основном рассматривались «примеры на сложение» этносов. Но не менее важную и принципиальную роль в этнических процессах играют факты этнодифференциации, разделения этносов, их распада на несколько других, а также отделения от этноса группы людей, потомки которых в дальнейшем образуют новый этнос (этникос). Впрочем,

этнические процессы разделительного характера обычно сочетаются с объединительными.

Очень показательна судьба средневековых норвежцев, точнее, потомков тех из них, кто навсегда покинул когда-то родину. Было время, когда норвежские викинги наводили ужас на Европу, Северную Африку и Западную Азию. Поразительные истории рассказывают об отваге, силе и жестокости этих морских разбойников, умевших драться и на суше. Экипаж одного корабля выходил порой на битву против целой армии.

Но нас сейчас интересует не сама по себе удаля древних норвежцев, а то, что она привела их в Англию, в Северо-Западную Францию, на Сицилию и многие другие земли — от Ирландии до Руси и Византии. Викинги нередко поселялись на этих землях навсегда. Они основывали порой королевства, княжества и герцогства... Но всюду, где норманны селились среди других народов, они в конце концов с этими народами сливались в одно целое. Нормандия сегодня — только область Франции, и почти ничто на Сицилии или в Ирландии не напоминает, что значительной частью их правили норманны. Подчиненные им когда-то племена и народы все-таки были «дома», им и стены помогали. Снова и снова побежденные одерживали победу над победителями там, где оружием и полем битвы служили язык и культура.

Но вот на северном острове Исландии норманны не встретили народа, который они могли бы покорить, чтобы стать затем его частью. Остров был безлюдным. Правда, еще в VIII веке н. э. здесь поселились ирландские монахи, которые избрали себе путь отшельничества в этой пустынной земле. Но монахи — монахи и есть, и потомства они оставить не могли.

Редкий случай — историки точно знают конкретного человека, ставшего «отцом-основателем» целого народа. Этого счастливца звали Ингольвур Арнарсон (т. е. сын Арнара). Вместе со своими чадами и домочадцами он перебрался в Исландию в конце IX века. По обычаю тогдашних норвежцев, он взял с собой в путь через море два священных столба, стоявших в его доме у почетного

сиденья; при приближении к берегу новой земли столбы бросили в море, решив поселиться там, где волны выбросят их на берег. Только через три года рабы Ингольвур нашли эти столбы на берегу, далеко от места первоначального поселения. Но Ингольвур немедленно перебрался туда, где нашли столбы. Они сохранились и сегодня — в гербе исландской столицы Рейкьявика, который стоит как раз там, где стал жить Ингольвур Арнарсон.

Исландская «Книга о заселении страны» перечисляет еще около четырехсот первых обитателей острова, рассказывает об их жизни, цитирует сочиненные ими стихи.

Исландцы представляют собой редкий случай еще в одном отношении. По-видимому, это единственный народ, предков которого на протяжении одиннадцати столетий мы знаем поименно в таком количестве. Конечно, не всех предков, но столь высокий их процент, что исландская история представляет собой клад для генетиков, а не только для археологов, этнографов и литературоведов. Сейчас в Исландии живут, как считают, двадцать восьмое — двадцать девятое поколения народа.

Исландцы создали замечательные саги, большая часть которых посвящена кровавой родовой борьбе на острове. В изданных в Исландии «Сагах об исландцах» и «Рассказах об исландцах» упоминается в общей сложности около 7 тысяч человек, живших между 930 и 1030 годами.

Советский скандинавист М. И. Стеблин-Каменский писал: «„Саги об исландцах“ образуют вместе как бы одну „Человеческую комедию“, в которой действуют или упоминаются чуть ли не все „активные граждане“ Исландии первого века „народовластия“, другими словами, все исландцы этой эпохи, кроме рабов, челяди и домочадцев».

Надо сказать, что на родине Ингольвур, в Норвегии, вскоре после начала заселения Исландии произошли события, чрезвычайно важные для будущего большого северного острова. Норвегия была объединена под властью общего для всей страны короля. Он подчинил себе области, имевшие прежде самостоятельных правителей, многие из

этих правителей не пожелали покориться, стать лишь наместниками монарха и были изгнаны или сами уплыли за море, бросив свои владения на произвол судьбы. Значительная часть этих родовых вождей прибыла в Исландию. Они везли с собой кроме все той же гордости и стремления к независимости прекрасные легенды древнегерманских племен; большинство этих легенд у других германских народов в последующие столетия оказались утеряны, сохранившись лишь в изолированной Исландии.

На острове возникла удивительная республика, единственной официальной властью которой был алтинг — собрание «наиболее сведущих людей», а фактически в основном родовой знати. Две недели каждое лето алтинг обсуждал положение страны и разбирал судебные споры — увы, более чем частые в условиях, когда кровная месть была не исключением, а правилом.

Это норвежцы и исландцы открыли в то время Гренландию и Северную Америку. Как уже говорилось, следы их крови, по-видимому, обнаружили современные американские антропологи во внешнем облике некоторых индейцев племени сиу.

Исландцы часто совершали набеги на берега Англии, Шотландии и особенно Ирландии, привозя оттуда рабов и рабынь, потомки которых от смешанных браков с коренными исландцами стали одной из составных частей народа.

Крупнейший исландский писатель Хальдоур Лакснесс показал в своих романах, в частности, как пытались власть имущие развивать в исландцах национализм, патетически вопрошая, кто они — вольные норманны или потомки ирландских рабов? На самом деле исландцы — потомки тех и других, хотя доли норвежской крови гораздо больше (как полагают ученые, среди первооселенцев норвежцев было около 85%). Не исключено, между прочим, что в числе первых исландцев были и славяне.

На Фарерских островах Атлантического океана живет еще один маленький народ — фарерцы, как и исландцы, происходящий от выходцев из Норвегии, переселившихся сюда в том же богатом походами норманнов IX веке.

Большинство населения Аргентины — потомки испанцев, и аргентинский народ можно считать отпочковавшимся от испанского.

Якуты, как уже говорилось, связаны по происхождению с племенами, ставшими основой и современного бурятского народа. Часть этих племен много лет назад двинулась из Забайкалья на север, оставив прародину «за горами, за лесами».

Австралийцы — потомки англичан и т. д. Переселения, переселения... Сколько их было в истории!

Жили три брата: Лех, Чех и Рус. Размножилось их потомство, стало им тесно, и решили братья разойтись по новым землям, но обещали друг другу помнить родство... Так будто бы произошло когда-то разделение единого славянского народа. Придуманная легенда была спустя сотни лет после самого события, и все-таки это объяснение, такое слишком простое на вид, до сих пор иногда что-то объясняет, и не только для славян. Перекликается эта легенда с другой — о том, как разошлись библейский патриарх Авраам и его племянник Лот.

У этих двух скотоводов, согласно Библии, размножился скот, и их пастухи начали ссориться и драться из-за пастбищ. В конце концов Авраам заявил Лоту: «Да не будет раздора между мною и тобою и между пастухами моими и твоими, ибо мы родственники. Не вся ли земля пред тобою?.. Если ты налево, то я направо, а если ты направо, то я налево».

Да, в условиях, когда свободной или относительно свободной земли много вокруг, роды и племена разделяются и расходятся в разные стороны по собственной воле и без особых осложнений: «Не вся ли земля пред тобою?»

Но все эти примеры возникновения новых народов и племен в результате расселения более старых этносов, включая пример библейский, кажутся очень недавними, если вспомнить, что в первобытном обществе с древнейших времен такое разделение было главным способом образования новых этносов.

Первые человеческие общества делились на части, расколовшиеся в разные стороны, чтобы в конце концов заселить планету. И каждая часть прежнего единства постепенно все больше отличалась от другой — по

языку и культуре, и люди, принадлежавшие к каждой такой части, уже не считали давних родичей «своими».

Очень давно идет этот процесс, но, как видите, он не кончился и сегодня.

А порою две части одного народа оказываются разделенными не океаном или горами, а другим народом — вследствие, например, вражеского нашествия.

Когда-то, лет шестьсот — семьсот назад, предки нынешних народов Северо-Востока СССР, чукчей и коряков, говорили на диалектах общего языка и, видимо, ощущали в общении себя членами одного этноса.

Но в XIV—XV веках часть общей территории чукчей и коряков заняли пришедшие с запада юкагиры, которых в свою очередь теснили якуты и эвенки. Юкагиры, проникнув до долины реки Анадырь, втиснулись между родственными родами местного населения и разделили его на две части. Сначала разделенные части племени хранили память о недавнем родстве, потом оно стало казаться чем-то давним, и в конце концов к XVIII веку между чукчами и коряками, вновь соседствовавшими друг с другом, уже происходили довольно тяжелые войны. К этому времени юкагиры, в прошлом один из самых многочисленных народов Сибири и Дальнего Востока, перестали играть на Чукотке важную роль. Но чукчи и коряки уже стали разными этносами...

В нашей стране есть большой казахский народ, образовавший собственную советскую социалистическую республику. И есть совсем небольшой сейчас народ, живущий в основном на Северном Кавказе, — ногайцы. Было время, когда ногайские ханы правили значительной частью Поволжья, а ногайцы кочевали по всему Северному Причерноморью. Это время давно ушло, а значительная часть прежних ногайцев, по-видимому, была растворена другими народами.

Казахский и ногайский языки чрезвычайно близки, схожа и внешность казахов и ногайцев. Еще в начале XVII века ногайцы были соседями казахов, так как занимали часть Нижнего Поволжья и Южного Урала. Не исключено, что ногайцы слились бы постепенно с родственным казахским народом, но в XVII веке, как не раз

случалось за последние двадцать пять веков, Центральная Азия «послала» на запад новую волну переселенцев. На этот раз отсюда вышли племена калмыков.

До сих пор спорят исследователи, по каким причинам калмыки покинули западные провинции императорского Китая. По-видимому, важную роль тут сыграли притеснения китайских чиновников, а кроме того, в начале XVII века запад Китая потрясли и народные волнения и феодальная междоусобица.

Калмыки пересекли всю Среднюю Азию и вышли в низовья Волги, заняв здесь и ту территорию, на которой сейчас расположена Калмыцкая Автономная Советская Социалистическая Республика. При этом они и отделили казахские земли от ногайских.

Сами же калмыки не случайно приняли свое имя, по-видимому означавшее по-монгольски «отставший», «отделившийся». Они ведь действительно отделились от родственных монгольских племен ойратов и стали в конце концов новым народом.

Классический случай этнической дифференциации — история возникновения на основе древнерусского народа трех больших восточнославянских народов — русского, украинского и белорусского.

Для формирования древнерусского этноса имело важнейшее значение существование единого Киевского государства — огромной державы, включившей в себя множество племенных союзов. Когда же в эпоху феодальной раздробленности, начавшуюся задолго до монгольского нашествия, Киевская Русь разбилась на отдельные в значительной степени самостоятельные княжества, это было закономерно и само по себе не смогло бы, вероятно, привести к раздроблению этноса.

Как известно, в эпоху позднего феодализма центральная власть страны, как правило, умеет добиваться подчинения и слияния больших уделов, а успевшие развиться на их территориях различия этнического характера обычно не настолько велики, чтобы привести к распаду этноса. Однако нормальное развитие древнерусского народа было прервано монгольским вторжением, поставившим

восточные русские земли под власть Золотой Орды. Западные же области Руси на столетия оказались в составе Польско-Литовского государства.

Высказывается мнение, что татаро-монгольское нашествие вовсе не было таким уж разрушительным, а власть Золотой Орды над покоренными народами Восточной Европы такой уж тяжелой. Л. Н. Гумилев даже утверждает, что «Великороссия, тогда именовавшаяся Залесской Украиной, добровольно объединилась с Ордой благодаря усилиям Александра Невского, ставшего приемным сыном Баткыя». Однако множество русских городов, как «просто» разоренных, так и уничтоженных до основания, достаточно ясно говорят о том, во что обошлось стране само нашествие. А сколько восстаний было против Орды и сколько русских князей было казнено или отравлено в ханских ставках! Сосуществование в пределах одного государства завоевателей и завоеванных было неизбежным, можно называть его и «симбиозом», но даже ученые, употребляющие этот термин, говорят о «симбиозе коня и всадника», причем «конь» здесь — Русь. Что же касается роли Золотой Орды в объединении русских земель, то видный русский историк С. Ф. Платонов действительно полагал, что «удельные князья монгольского периода, если бы были вполне предоставлены сами себе, разнесли бы свою Русь на бессвязные, вечно враждующие удельные лоскутья, так как в их опустошенном общественном сознании оставалось место только инстинктам самосохранения и захвата, но, к счастью, княжества тогдашней Северной Руси были не самостоятельные владения, а даннические «улусы» татар... Власть... хана давала единство мельчавшим и взаимно отчуждавшимся вотивным углам русских князей».

Да, в реальной истории ханы не давали русским удельным князьям «лишней», с их ханской точки зрения, воли. Но чудовищные междоусобицы в пору феодальной раздробленности характерны отнюдь не только для Руси. Нечто в том же роде происходило на аналогичных стадиях социального развития во Франции и Индии, Японии и Англии. И при этом многие этносы создали затем единые государ-

ства и без «благотворного влияния» чужеземных завоевателей.

Общественное сознание Руси — России в далеком прошлом и в наши дни не случайно отводит важнейшее место в родной истории Куликовской битве. Такие виднейшие историки, как С. М. Соловьев и В. О. Ключевский, справедливо рассматривали времена ига как трагические страницы русской истории.

Разумеется, не надо возлагать ответственность за эти трагические страницы не только на потомков тогдашних татаро-монголов, но и на сам народ, феодальная верхушка которого возглавила нашествие многочисленных орд на Восточную Европу. Не отвечают народы за действия хищников, которые их используют как орудие, тем более в условиях, когда и речи не может быть о «свободном волеизъявлении» народных масс.

Монгольское завоевание сыграло свою роль и в том, что западная часть прежней Древней Руси, лишившись исторической связи со срединными и восточными русскими землями, стала относительно легкой добычей для великих князей Литвы, королей Польши. Теперь у древнерусского этноса не было центра консолидации, каким стал для французского этноса Париж. И границы между мощными государствами разделяли части этноса решительнее, чем зыбкие очертания уделов.

Москва возглавила сопротивление монголам в Восточной Европе. В сложившемся большом государстве формировался новый русский этнос, конечно, очень многое унаследовавший от древнерусского. «Равнение на Москву» постепенно сближало хозяйство, обычаи, диалекты разных областей. У тех восточнославянских областей, что оказались включенными в Великое княжество Литовское, а затем вместе с ним в Польское королевство, такого единого центра не было.

Территория теперешней Белоруссии еще во времена Древней Руси имела свои бытовые и языковые особенности, унаследованные во многом от живших здесь еще до объединения страны вокруг Киева племен (или союзов племен) дреговичей, кривичей, половчан и радимичей. В белорусском языке, особенно на юге

республики, например, есть особенности, которые рассматриваются как следы древнего наречия дреговичей.

Надо добавить, что рядом со славянами здесь долго жили постепенно растворившиеся среди них балтские племена, родственные современным литовцам. Археолог В. В. Седов придерживается мнения, что некоторые следы культурного наследия балтов имели важное значение в выработке отличительных черт белорусского народа.

Чрезвычайно важную роль в сложении белорусского народа сыграла его борьба против ополячивания и окатоличивания. Народ одержал в этой борьбе вопреки политическому и национальному гнету победу. Надо сказать, что, пока Белоруссия входила в состав Великого княжества Литовского, эта часть страны, как и другие славянские области и княжества, оказывала большое влияние на могущественных литовских князей. Само государство это именовало себя Литовско-Русским, многие удельные князья его, члены правящей династии Гедиминовичей, принимали православие. Государственным языком всей Литвы в XIV веке был древнерусский, на нем составляли судебники и издавали великокняжеские грамоты. Но соединение Польши и Литвы в одно государство привело в дальнейшем к резкому усилению в Белоруссии (как и на Украине) влияния польского дворянства и католицизма.

Иные польские государственные деятели утверждали, что белорусский язык лишь один из польских говоров. Лучший отпор им дал Адам Мицкевич, великий польский поэт, сказавший о белорусском языке: «Это самое богатое наречие, оно возникло давно и прекрасно разработано».

Политическое обособление Белоруссии от других древнерусских земель способствовало превращению местных наречий в отдельный язык.

Самих белорусов паны стремились ополячить. Но их усилия оказались напрасными. Мало того, часть белорусов издавна составляли католики. Судя по всему, эти белорусы-католики — потомки литовцев, крещенных по католическому обряду литовским великим князем Ягайлой в XIV веке. Сохранив религию, они приняли язык и обычаи белорусов (так же как

часть белорусов, по-видимому, принимала в разные периоды быт и язык литовцев). В формировании белорусского народа участвовали и жители Южной и Восточной Руси, бежавшие от татар на северо-запад, куда их полчища не дошли. А в начале XV века в Белоруссии поселил часть захваченных им в плен татар великий князь литовский Витовт. Этот отчаянный рубака так глубоко прорвался в татарские владения, что на время стал хозяином даже части Крыма. Татары быстро приняли белорусский язык, но писали на нем, обозначая звуки белорусской речи знаками арабской вязи.

Для Украины, как уже отмечалось, важным идеологическим центром стало Запорожье, воплощавшее в себе мечту народа о свободе и независимости. Тело украинского народа не раз рассекали границы. Турки доходили до Волыни. Венгры на столетия захватили Закарпатье. Часть украинских земель на продолжительное время оказалась в составе Молдавии. Трансильванские князья, чешские короли, крымские ханы в разное время подчиняли те или иные районы расселения украинцев. Но народ вопреки меняющимся границам сохранил представление о своем единстве.

Итак, преувеличивать значение границ для формирования и сохранения этноса нельзя. Но и преуменьшать — тоже.

Нельзя не сказать, повторимся, что в истории складывания украинского народа важную роль сыграло православие — постольку, поскольку предки современных украинцев жили в государствах, где от поляков и венгров, бывших католиками, их отличало православие, препятствуя смешанным бракам, помогая сохранению языка и культуры. Другое дело, что роль православия тут нельзя преувеличивать: не зря ведь соседствовавшие с украинцами в пределах того же Польско-Литовского государства белорусы стали отдельным народом, хотя они тоже были православными. Язык здесь при формировании народов оказался важнее религии. Религия же выступала не столько в роли «объединителя» придерживавшихся ее этносов, сколько в роли «отделителя» их от народов других вероисповеданий. Но и это исторически тоже оказалось чрезвычайно важно.

Еще один путь образования этноса демонстрирует нам Эфиопия, древнейшее независимое государство Африки. Самый многочисленный ее этнос — амхара. Государственный язык в этой стране — амхарский. Он служит здесь на больших территориях и языком межэтнического общения.

Однако, как показывает история, еще сравнительно недавно амхара представляли собой не особый этнос, а дружинников — военное сословие Эфиопской империи. Кое-чем (но относительно немногим) это сословие напоминало европейское дворянство эпохи феодализма, кое-чем — казачьи войска в России XIX века. За службу амхара получали земельные участки, причем иногда эфиопские монархи предпринимали походы специально, чтобы завоевать земли для раздачи своим дружинникам.

На военное сословие возлагалась в Эфиопии и та задача, которую у инков выполняли специальные подразделения, — задача действительного включения присоединенных областей в государство, включения не только политико-административного, но и социального, и культурного. Широко расселяясь по старым и новым землям, амхара приносили с собой и язык, на котором они говорили (он относится к южной ветви эфиопских языков), и особенности своего быта, и идеологию служения монарху и государству, и религию (христианство).

Многое из этой суммы культурных черт перенималось и людьми племен, чьи земли частично оказывались коллективной собственностью амхара, и просто соседями амхара, общавшимися с этими дружинниками.

С другой стороны, само сословное

деление эфиопского общества уже к началу XX века, безусловно, устарело, было подорвано экономическим и социальным развитием страны.

Советский историк и этнограф С. Б. Чернецов пишет: «Мир вокруг амхара изменился, изменилось и содержание понятия «амхара». Произошло парадоксальное, но, вероятно, закономерное явление, когда расширение и размывание сословных рамок, распространение прежде исключительно сословных качеств и признаков (таких, как культура, идеология, язык и пр.) на значительно большую часть общества совпадает по времени с разрушением этого сословия. Социальные признаки постепенно приобретают этнический характер, но приобретают они его ценою гибели и исчезновения того социума, откуда они произошли».

Надо ли рассматривать этот случай превращения сословия в этнос как некий исторический курьез? Нет. Видный советский лингвист, историк и этнограф, член-корреспондент АН СССР Д. А. Ольдерогге писал: «Повидимому, такого не только история возникновения амхара, но и многих других народов».

Он указывал, что схожим образом сложился народ баганда, составивший этническое ядро африканского государства Буганда, существовавшего в XV—XIX веках (сейчас эта историческая область — часть республики Уганда). Можно вспомнить и историю возникновения народа раджастанцев в Индии. Нередко раджастанцев даже сегодня зовут раджпутами — по имени феодального сословия, в основном давно растворившегося среди других слоев населения, причем ряд характерных черт культуры и быта раджпутов был перенят всеми раджастанцами.

АБОРИГЕНЫ, АВТОХТОНЫ, КОРЕННЫЕ ЖИТЕЛИ — КТО ОНИ ТАКИЕ ?

В обиходе историков и этнографов по-прежнему в ходу главным образом первый и третий термины. Второй, очень популярный лет сорок назад и в истории, стал теперь достоянием биологии.

Слово «абориген» образовано из двух латинских слов, означающих «от начала»; «автохтон» — из одного древнегреческого, означающего «местный, коренной». В обиходе все три термина в общем вполне как будто взаимозаменяемы — только вот кого мы имеем основания так называть, а кого — нет?

Обратимся к примерам. Аборигены Австралии. К ним имя чрезвычайно подходит. От начала заселения человеком шестой части света они здесь обитают тысячелетий по крайней мере двадцать — тридцать.

Наверное, с той же уверенностью можно назвать маори аборигенами Новой Зеландии — однако известно ведь, что до маорийских племен, появившихся здесь в VIII—XII веках, на двух ее больших островах жили какие-то другие люди: следы их поселений найдены при раскопках.

Калмыки живут в Поволжье с XVII века; кто они здесь — пришельцы или местные? Ответ ясен: за три с лишним столетия пришельцы стали местными, а значит, и коренными.

Что ж, возьмем случаи переселений, более близкие к нашему времени. На территорию современной Каракалпакской АССР каракалпаки были переселены хивинским ханом в 1811 году с низовьев Сырдарьи, где они до того обитали. Можно ли признать каракалпачков пришельцами в этих местах или они коренные жители? На наш взгляд, верна вторая точка зрения; присоединение к первой заставит историка устанавливать своеобразный срок давности, да еще очень большой (длиннее в данном случае ста семидесяти девяти лет или, для круглого счета, двух столетий). Вышло бы, будто лишь по истечении этого срока народ, переселившийся с других территорий, можно признать наконец коренным да местным.

Но в то же время мы говорим о коренных народах Сибири, отличая их тем самым от русских, хотя русское заселение Сибири началось за десятилетия до появления, скажем, калмыков в Калмыкии. И обычно не называем айнов — первопоселенцев Японии коренными жителями этой страны, хотя в момент появления предков собственно японцев (народа нихондзин) айны жили там уже много веков.

Эти примеры образуют несколько, может быть, длинноватое вступление к констатации факта: отличия между аборигенами и неаборигенами в той или иной области в каждом конкретном случае — свои.

Аборигены в Северной Америке конечно же (как и в Центральной, и в Южной) индейцы. Но в США в ходу и выражение «коренные американцы» — под ними понимают прямых потомков давних поселенцев — в отличие от эмигрантов, недавно приехавших в страну из других частей Америки, Европы, Азии. Словом, противопоставление коренных жителей новопоселенцам весьма условно, более того, оно может завести довольно далеко. «Белые» расисты Великобритании требуют высылки за пределы страны людей, переехавших сюда десятки лет назад на постоянное жительство из бывших английских колоний.

В некоторых же странах Африки расисты «черные» выступают за высылку из этих стран всех людей европейского и азиатского происхождения, хотя бы их предки жили здесь уже несколько поколений.

На островах Фиджи националисты, принадлежащие к верхушке местной родовой знати, силой захватили власть, чтобы не допустить к ней политических деятелей, представлявших индоостанскую по происхождению часть населения этих островов.

Имеют ли коренные фиджийцы право на большие права (простите тавтологию), чем «пришлые», точнее, потомки тех «пришлых», что завозились сюда до 1916 года в качестве дешевой рабочей силы британскими колонизаторами? Для сегодняшних фиджинцев острова Фиджи — родина в полном смысле этого слова. Делать их неполноправными на родине — неужели это можно считать справедливым? С тем же успехом можно заявить, что на территории Сибири право на власть имеют только те, кто принадлежит

по происхождению к народам, заселявшим ее еще до прихода сюда русских. Если же учесть, что и из этих народов одни пришли в Северную Азию раньше, другие позже — и на земли, уже частично населенные другими этносами, то нам придется выяснять, какой из этих народов «более коренной», — и не в интересах исторической науки, не из благородного внимания к делам и судьбам предков, а для того лишь, выходит, чтобы использовать давние исторические события в чьих-то сиюминутных политических интересах.

Разумеется, мы привели этот пример лишь затем, чтобы стала ясна абсурдность такого подхода к проблеме.

Признавая права каждого народа, большого и малого, на развитие своей культуры, нельзя согласиться с тем, чтобы представители любого из них уже из-за своего происхождения автоматически получали преимущества перед людьми, принадлежащими к другим этносам.

И этой позиции вовсе не противоречат общая озабоченность судьбой малых народов Севера или та помощь, которую пытаются оказывать передовые американцы аборигенам Аляски, прогрессивные «белые» австралийцы — аборигенам пятой части света.

Коренные жители некоторых районов мира, колонизованных европейцами (главным образом европейцами, но не только ими) оказались в стесненном и унижительном положении, они были почти повсюду разорены экономически, угнетаемы политически, культура их размывалась, часто насильственно и сознательно. Им надо помочь выйти из этого положения, избавиться от наследия колониализма, а это возможно в ряде случаев только при культурной и иной помощи потомков колонизаторов, которые обязаны выплатить хоть часть лежащего на них долга перед обездоленными. Малые же народы, естественно, особенно нуждаются в такой помощи. Хотя, разумеется, главное тут должны сделать сами коренные жители. Но предоставлять одной этнической группе власть над другими группами лишь в силу ее происхождения — согласиться, нелепо, не имеет ничего общего ни с правами человека, ни с законными правами народов, ни с подлинной демократией. Такие действия явно противоречат высокой идее подлинного равенства людей.

4 Современную эпоху не принято называть, как, скажем, период в начале нашей эры, временем Великого переселения народов. Нынешние этносы по большей части давно занимают свои географические территории. Это не значит, однако, что и сейчас не происходит массовых переселений. Десятки миллионов людей только в нашем столетии переселились из Европы и в меньшей степени из Азии в страны Америки, из Китая — в Южную и Юго-Восточную Азию и т. д. В нашей стране лишь за последние три с лишним десятилетия миллионы русских и украинцев переместились в Казахстан. Никто из нас не удивится, встретив за полярным кругом грузина, познакомившись в Кушке — туркменском городе на крайнем юге СССР — с якутом, мордвинком или азербайджанцем.

А история знает случаи, когда разом сдвигается с места целый народ или большая его часть. За примерами этого совсем не обязательно обращаться в очень уж далекое прошлое. В 1916 году, во время первой мировой войны, власти Турецкой империи начали истребление народа ассирийцев (айсоров), жившего в восточной части Малой Азии и в Иране. Шовинистически настроенные руководители империи, фанатики-мусульмане воспользовались военным угаром в стране, чтобы попытаться уничтожить христиан-ассирийцев, как и христиан-армян. Ассирийцы отчаянно сопротивлялись, заняли круговую оборону, в течение двух лет они отражали, отступая, удары регулярной турецкой армии и «вольных» отрядов головорезов. А затем ушли со своей родины, точнее, с той ее части, которая принадлежала Турции. Так появились ассирийцы в СССР, в США, Ираке, Сирии и многих других странах.

Прошлое у нашей планеты бурное, в нем не раз и не два народы оказывались в том же положении, что айсоры

в 1916 году, — под угрозой уничтожения или порабощения. И уходили от этой угрозы.

Даже гунны, ставшие впоследствии грозными завоевателями полумира, ринулись на запад из своей Монголии после того, как их разгромили здесь китайские армии. По дороге они в свою очередь стали угрозой множеству племен, тоже вынужденных стронуться с места — иногда в составе гуннских полчищ, иногда впереди них, иногда же эти племена «раздавались в стороны», уходили на север и на юг с пути свирепых завоевателей.

После того как монголы завоевали Среднее Поволжье, жившие здесь волжские булгары в значительной части отошли на север, став одной из частей складывающегося чувашского народа. Сходных примеров тут можно привести много.

Но нередко переселения племен и народов имеют другие причины. Тысячи людей, которым вовсе не угрожает внешний враг, поднимаются и ищут себе лучшей доли на новых местах. Так были освоены русским народом Север европейской части СССР и Сибирь. Так когда-то пришли в Северное Причерноморье скифы, изгнавшие или растворившие жившие здесь до них племена киммерийцев. Так двинулись из Северной Прибалтики на юг, к Черному морю, германские племена готов в начале нашей эры.

При этом само расселение народа может происходить медленно, растягиваясь на века.

В нашей стране почти по всей огромной Сибири живут небольшими группами лесные охотники и оленеводы — эвенки. Непроходимая тайга стала их родиной за несколько сот лет, после того как эвенки, живущие до того лишь на юге Сибири, сумели найти способы охоты и передвижения, сделавшие их хозяевами лесов.

В предисловии к книге советского

эвенкийского ученого-историка А. С. Шубина профессор Е. М. Залкинд пишет: «Кажется почти невероятным, как могли племена, стоявшие на таком уровне развития, покорять колоссальные пространства, преодолевать трудности многомесячного, а подчас и многолетнего пути. Но на самом деле чем дальше в глубь исто-

рии, тем меньшее значение имеет фактор расстояния. Везде, куда бы ни приходил в таежных скитаниях эвенк, он находил ягель для своих оленей, зверя для промысла, кору и жерди для чумов... И тем легче было ему пускаться в дальний путь, так как в ту пору никакой роли не играл фактор времени... годы, проведенные в

одном месте, годы, прошедшие в походах по новым местам, все это ничего не меняло в привычном образе жизни».

Разумеется, слова о роли времени и расстояний можно отнести не только к эвенкам, но и ко многим другим кочевникам.

Не правда ли, это многое объясняет

в том, с какой относительной легкостью сдвигались с места древние племена в поисках лучших — или хотя бы не худших — мест на лице земли.

Кипчаки (половцы) идут из Сибири в IX—XI веках единым ударным клином на запад, становятся хозяевами большей части Средней Азии и Северного Причерноморья, оттесненные ими тюрки-огузы движутся в Иран, на Кавказ, в Малую Азию...

Создание единого государства в Норвегии заставило часть тамошней волнолюбивой знати отправиться в Исландию со своими домохозяевами. Объединение прежних Кастилии, Арагона, Леона в Испанском королевстве и завоевание им юга Пиренейского полуострова привели к массовому выселению оттуда в Африку мусульманского арабоязычного населения.

В XVI веке произошла странная, но только на первый взгляд история. С запада Средней Азии в восточную ее часть ворвались кочевые племена. Они победили и выгнали из Ферганы ее правителя эмира Бабура (а сами, смешавшись с местным оседлым населением, вошли в число предков современных узбеков). Неудачливый же эмир-изгнанник, к стати сказать, потомок сразу и Чингисхана и Тимура, вынужденный бросить и родные места и наследственные владения, с остатками своей армии бежал на юг, в Афганистан и Индию... и стал основателем грандиозной империи, получившей имя державы Великих Моголов.

Более подробно мы расскажем здесь о многовековом движении мадьярского народа, а потом о расселении цыган.

С Енисея на Дунай

В 1848 году, году бурного революционного подъема почти во всех странах Европы, венгры восстали против хозяйничавшей на их земле Австрийской монархии. Венгерская революция была разгромлена, несмотря на героическое сопротивление своих защитников. Из занятого австрийскими солдатами города убегает, прихрамывая, подросток, ругая этих вояк палачами на всех известных ему языках. А языков он знал немало, потому что с детства изучал их. Этого бездомного хромого мальчика звали Арми-

ний Вамбери. Имя, которое станет громким, во всяком случае для географов, историков, востоковедов и лингвистов всего мира. Арминий Вамбери, замечательный языковед и страстный исследователь, совершит поразительные путешествия, переодетый то арабским дервишем, то турком, то персом; он будет поражать своими познаниями западных министров и восточных эмиров. А тогда... «В поле у Дуная он встретил нескольких солдат, спасшихся от плена. Они были запылены, и поражение читалось на их лицах.

— Все кончено, — говорили они, — будем ложиться и умирать. Пропадает наша свобода!

Тогда поднялся старый пастух и прохрипел им шатающимся от старости голосом:

— Стойте, дети! Всегда, когда с нами беда, приходят нам на помощь старые мадьяры из Азии: ведь мы их братья, будьте спокойны, они и теперь нас не забудут».

Так эту сцену описал в рассказе «Вамбери» советский поэт и прозаик Николай Тихонов.

В своих странствиях по Средней и Центральной Азии, по таинственным и часто запретным тогда для европейцев местам, Арминий Вамбери пытался найти и этих «старых мадьяр из Азии», память о которых жила в сердце венгерского пастуха.

Старинные венгерские хроники говорят о мадьярах как о родственниках гуннов и утверждают, что другие родичи мадьяр живут в Персии.

Понятно, что для древнего хрониста слово Персия могло обозначать не одну лишь страну, которую мы знаем под этим именем, но значительную часть Азии.

Во время странствий легендарные братья Хунор и Мадьяр захватили двух дочерей аланского царя (аланы, как вы помните, одно из сарматских племен). От этих-то женщин, говорит хроника Симона Казая, и произошли все гунны, «они же венгры».

В Венгрии вот уже многие сотни лет не одни лишь ученые, но и народ помнили о приходе сюда своих предков издалека, с востока, из Азии, и не просто помнили, но связывали с далекой родиной и неведомой родней особые надежды. Может быть, как раз потому, что в Центральной Европе

мадьяры-венгры — единственный народ, принадлежащий к угро-финской языковой семье. Со всех сторон мадьярский остров окружен индоевропейским морем. С одной стороны живут славяне, с другой — немцы и австрийцы, с третьей — румыны...

А ближайший в географическом отношении народ той же семьи обитает на много километров севернее; в Прибалтике. Это эстонцы. И то эстонцы — в языковом отношении — отнюдь не самые близкие родичи мадьяр. Более близкие (ханты и манси) живут на северо-востоке европейской части СССР и на крайнем северо-западе Азии — еще дальше, чем эстонцы.

Сегодня венгерские антропологи, лингвисты и археологи снова и снова едут на Волгу, Урал, в Приполярье, в Западную Сибирь и Среднюю Азию, желая отыскать следы своих предков и лучше изучить бесспорных и предполагаемых родственников. Но многие сотни лет назад венгерские короли и епископы тоже слали далеко на восток своих представителей и с той же целью. Впрочем, тогдашние представители венгерской короны и церкви преследовали и политические цели, а сверх того заботились о спасении душ предполагаемых азиатских мадьяр. Самой, может быть, поразительной из таких экспедиций «за предками» была поездка на восток доминиканского монаха Юлиана. Это был cruz и подвиг и приключение.

Юлиан шел через земли, охваченные очередными истребительными войнами, пересекал степи, кишевшие разбойниками, точнее, кочевниками, не упускавшими при случае возможности разбогатеть. Он потерял по дороге своих спутников, лишился денег, но, беззащитный, одинокий и нищий, шел на восток с упорством жюль-верновского капитана Гаттераса, стремившегося к Северному полюсу. Чтобы найти хоть какую-нибудь пищу и защиту от степняков, Юлиан присоединялся к караванам и прислуживал их хозяевам, трудом и унижением добывая себе право идти дальше и дальше.

На Волге, у булгар, встречает Юлиан «азиатскую мадырку», что замужем за булгарином. С помощью ее и ее родственников он обнаруживает на Урале «Великую Венгрию» —

прародину своего народа, слышит мадьярскую речь, рассказывает этим вновь открытым сородичам, хоть и не землякам, о могучем Венгерском государстве на Среднем Дунае, проповедует христианство.

Но это замечательное открытие, сделанное семьсот с лишним лет назад, было уже почти запоздалым. Западные мадьяры нашли восточную «Великую Венгрию» словно только для того, чтобы вскоре узнать: ее не стало. Страшное Батыево нашествие обрушилось и на землю уральских мадьяр.

Надо еще отметить, что сразу после завоевания татаро-монголы включили мадьярских воинов, согласно давней своей традиции, в собственную армию. Некоторое время в татарской Золотой Орде среди прочих «национальных», как мы сказали бы сегодня, воинских частей была и мадьярская.

Разгромленные и разрозненные мадьяры, по-видимому, в конце концов смешались с окрестными народами, в основном с башкирами. Впрочем, еще в XII веке, за столетие до похода Батыева, некоторые арабские путешественники считали азиатскими мадырами именно самих башкир.

Лишний раз подтверждают связь мадьяр с Уралом географические названия. Есть, например, в Башкирии река Сакмара — приток Урала. И это же самое слово, которое служит именем башкирской реке, не раз повторяется на карте современной Венгрии.

Мало того. Три из двенадцати известных истории основных башкирских родов носили те же имена, что три из семи пришедших на Дунай мадьярских племен.

На Урал мадьяры тоже откуда-то пришли. Следы этих прамадьяр и в Западной Сибири, и в Казахстане, и в Узбекистане. В левобережье Камы, в низовьях ее, был недавно открыт древнемадьярский могильник.

По мнению исследовательницы Е. А. Халиковой, территория Великой Венгрии охватывала левобережье Нижней Камы, Южное Предуралье и отчасти восточные склоны Урала. Е. А. Халикова считает, что прото-венгры появились в Южном Предуралье в конце VI века — возможно, после того, как некоторые угорские племена Тюркского каганата восстали против его власти и потерпели

жестокое поражение.

Восстание это охватило ряд районов Средней Азии и Казахстана.

До него же, полагает Е. А. Халикова, предки древних венгров «во второй половине VI века... скорее всего находились в составе Западного Тюркского каганата и совместно с тюркютами играли большую роль в политической жизни Средней Азии и Сасанидского Ирана (как тут не вспомнить Персию, о которой упоминают венгерские хроники. — *Авт.*). Эта эпоха наложила отпечаток на дальнейшую культуру древних венгров: в различных ее элементах — мифологии, изобразительном искусстве — сильные иранские мотивы и сюжеты».

В Среднюю Азию и Казахстан предки древних венгров попали еще в IV веке н.э., когда прокатившийся по Южной Сибири поток кочевников оторвал их от сородичей — обских угров.

Е. А. Халикова особо подчеркивает, что уральская «Великая Венгрия» конца VI — начала IX века поддерживала связи с лесостепными районами Западной Сибири и Северного Казахстана, где оставались близкородственные древним венграм угорские племена. Об этом отчетливо свидетельствуют материалы раскопок на Урале, подтверждающие обмен между этими далекими районами.

О судьбе мадьяр, ушедших с Урала на запад, мы знаем гораздо больше, хотя тоже относительно немного.

Видимо, в середине 1-го тысячелетия н.э. часть уральских мадьярских племен покинула родные места. Может быть, потому, что мадьяр подтолкнула очередная волна Великого переселения народов. Может быть, потому, что после гуннского нашествия и разграбления многие плодородные земли к западу от Урала оказались сравнительно слабо заселенными. Может быть, потому, что на Урале изменился климат. Так или иначе, но для кочевников-мадьяр переселение на новые места не могло быть делом слишком трудным.

В середине 1-го тысячелетия мадьяры живут уже и в бассейне Волги. Красивое имя носит эта мадьярская новая страна на правобережье Волги — Леведия Этелькуза. Вскоре здешние племена признают власть хазарского кагана, тогда владыки

великой державы, которая охватывала Северный Кавказ, часть Поволжья и соседних земель и вскоре вступила с арабами в борьбу за Закавказье. В ту пору в состав мадьярского объединения входят и принимают мадьярский язык несколько кочевавших поблизости хазарских племен.

В ту же эпоху, по-видимому, к древнему самоназванию одного из племен — «мадьяры» прибавляется новый этноним — «венгры» от имени тюркского народа оногуров, на землях которого мадьяры жили около столетия.

Постепенно центр расселения мадьяр сдвигается западнее. Новая Леведия размещается уже по обе стороны Дона, располагаясь примерно на территории от Киева до Воронежа. Мадьяры живут среди славянских племен, возможно, даже чересполосно с ними. Мадьярский союз племен поддерживает дружественные отношения с Византией, и эта держава втягивает кочевников в свои войны.

Выполняя соглашение с Византией, мадьяры в IX веке нанесли тяжелый удар по Болгарскому царству на Нижнем Дунае. Потерпевшие жестокое поражение болгары через несколько лет ответили беспощадным набегом на Леведию, предпринятым в союзе с печенегами, появившимися незадолго до того в тех же причерноморских степях, где жили мадьяры. Болгары и печенеги выбрали для нападения очень удобный момент. Мадьярское войско, почти все способные носить оружие мужчины, было в это время в дальнем походе. Леведия оказалась беззащитной.

Когда же войско вернулось на родину, то увидело, что осталось без народа. Печенеги не просто разорили страну, как только могли, они еще и увели в плен или перебили всех молодых женщин.

И мадьяры решили покинуть земли, где они не могли теперь чувствовать себя в безопасности. Куда им было пойти? Легенды утверждают, что переселение ни в коем случае не было стихийным. Даже адрес, по-видимому, был намечен заранее: страна в среднем течении Дуная, местность, где когда-то была расположена римская провинция Паннония. Позже там, на Среднем Дунае, был центр великой Гуннской державы (а еще

позже — Аварского каганата).

Как это ни странно звучит, но, возможно, что в Паннонию привела мадьяр как раз легенда о том, что они ведут свой род... от Аттилы. До сих пор ведь в венгерском народе живет предание, согласно которому мадьяры происходят от гуннов. Историки в ответ обычно пожимают плечами и говорят, что, конечно, ряд угорских племен был вовлечен в великое переселение народов, что в составе армий Аттилы были, вероятно, и мадьяры, но что собственно гунны, как и их вожди, мадьярами, конечно, не были.

Впрочем, надо сказать, что, во-первых, после смерти Аттилы и разгрома его армий остатки гуннов во главе с одним из уцелевших сыновей грозного царя ушли в Северное Причерноморье. Здесь они просуществовали в виде отдельной народности еще около двух столетий, пока окончательно не растворились среди тогдашнего населения этих мест. Гунны могли, что отнюдь нельзя считать доказанным, встретиться в Причерноморье с мадьярами и смешаться здесь именно с ними. Не исключено, что это и могло стать основой легенды о родстве гуннов и мадьяр.

Стоит добавить, во-вторых, что отдельные венгерские ученые сейчас полагают, будто первые мадьяры появились на Карпатах и к западу от них еще в VII веке. Если это так, основная масса мадьяр в конце IX века действительно пошла на запад по пути, который был уже проторен их родичами.

Высказывалась гипотеза и о том, что эта группа тюрков-оногузов, от которых, как вы знаете, перешло на венгров имя, появилась на Дунае около 670 года вместе с тюрками-булгарами.

Ученые наших дней спорят, а в венгерских средневековых летописях прямо сообщается, что мадьяры пошли на Дунай, чтобы овладеть наследием первого предводителя рода Алмуса (Алмоша) — Аттилы. При этом Алмус объявляется потомком «короля Магога». Взятými из Библии именами великанов Гога и Магога часто называли в средневековье грозные для оседлых европейцев племена кочевников. Магога предание связывало с гуннами; летописец, гордившийся своим происхождением от гун-

нов, отразил уже сложившуюся в его время венгерскую традицию, по которой имя Магог не пугало, а, напротив, таким предком можно было и похвалиться.

Исход мадьяр с Дона произошел около 895 года, когда на Руси правил князь Олег. Летописям венгерским здесь не противоречат древнерусские сведения. Древнерусский летописец под 898 годом поместил сообщение о мирном уходе мадьяр через киевские земли на запад.

По дороге, между прочим, они взяли с собой и сохранили до наших дней... древнерусские названия рыболовных снастей, а заодно стали звать — и зовут до сих пор — на древнерусский манер поляков.

Через горные проходы в Карпатах вышли наконец кочевники на просторы Паннонии. Главную их силу составляли семь племен, среди них племена с «башкирскими» названиями: юрматы, кесе, еней. Семь вождей этих племен связали себя и свои племена вечным договором о союзе, скрепив его кровью.

По венгерской легенде, мадьяры якобы выкупили Паннонию у славянского князя Моравии за белого коня, седло и уздечку, но князь потом нарушил договор, и страну венграм «пришлось» отвоевывать.

Историки до сих пор спорят, насколько большую роль сыграли для решения судьбы Паннонии чисто военные действия. В трехтомной «Истории Венгрии» утверждается, что часто, вероятно, дело обходилось без кровопролитий. В момент, когда мадьяры пришли на Средний Дунай, здесь не было реальной политической силы, способной помешать им овладеть этой территорией.

Сообщения же некоторых летописцев о древних даже для них и весьма героических боях пришельцев с абorigенами страны, по мнению многих историков, преувеличены. В средние века любили героизировать прошлое и, как правило, преувеличивали роль военных действий в истории.

Не надо забывать, что количество пришельцев было относительно невелико. Ведь мадьяры были кочевниками, а кочевые народы обычно куда малочисленнее оседлых, занимающих равную территорию. На плодородной земле у Дуная нашлось место для

новых племен, быстро осевших на землю. Магьяры легко смешивались с местным населением, в основном славянским, — у выходцев с Дона, собственно говоря, не было тут выбора, поскольку после болгаро-печенежского удара магьяры остались почти без женщин. И, надо сказать, в венгерском языке почти все слова, относящиеся к жилищу и пище, к земледельческому труду и государственному устройству, по происхождению славянские.

Смешение со славянами, естественно, отразилось на мажарском языке. Венгерский историк Э. Мольнар писал: «Если венгерский крестьянин смотрит в окно, выходит в сени, идет в погреб, в кухню или в комнату, в каморку, выходит во двор или на улицу, если он говорит, зовет своего кума, ищет своего соседа, обращается к другу, пирует в кабаке, пляшет чардаш, смотрит кругом на равнине или в степи, идет в пастухи, в разбойники, несет с собой съестные припасы, живет на хуторе, бросает веревку на шею жеребенку, запрягает вола в иго, гонит домой стадо, берет в руки косу, укладывает стог, дает скоту корм, тянет тачку, если он работает или кончает работу... он делает такие дела, которые выражаются словами, перенятыми из славянского языка».

Стоит отметить, что раскопки венгерских могильников X века на Среднем Дунае показали, что древние мажяры в это время по антропологическому облику были схожи с сарматами, жившими в начале нашей эры в Нижнем Поволжье, на Украине и у южных берегов Аральского моря. То есть на Дунай венгры пришли уже как достаточно типичные европеоиды. Между тем угры, ушедшие из Южной Сибири, обладали многими монголоидными чертами. Мажарский этнос постепенно потерял большую часть их, смешиваясь по пути на запад с европеоидными по облику племенами.

Итак, новой родиной мажяр — уже навсегда — стала Паннония.

У этой области в центре Европы удивительная история. (Впрочем, какая страна не имеет за собой удивительной истории?) В самом начале 1-го тысячелетия н. э. земли на Среднем Дунае были покорены римлянами. Но жители новой римской про-

винции недолго послушно повиновались «владыкам мира». Вскоре они восстали и заставили Римскую империю напрячь в борьбе против «мятежников» все свои силы. Войну с паннонами римляне той поры считали самой для себя тяжелой после Пунических войн, в которых против Рима выступал Карфаген, поставивший когда-то государство своих врагов на край гибели. Мировая держава все-таки победила и здесь, но до конца существования Римской империи Паннония с ее непокорными обитателями оставалась одним из слабых мест во владениях Августов.

Во времена Великого переселения народов Паннония освободилась от владычества римского, но не чужеземного. В качестве ее хозяев сменяли друг друга (или делили друг с другом страну) сарматы и готы, вандалы и роксоланы, языги и карпы, бастарны и маркоманы и многие иные племена. Эти племена, в большинстве известные теперь только специалистам, когда-то заставляли трепетать сердца правителей Рима и Константинополя. Потом здесь царили гунны, но их выбили к концу V века н. э. гепиды, остготы, ругии и скивры.

Именно из Паннонии вождь союза ругиев и скиров Одоакр пошел в Италию и после многих побед над бесильной империей низложил последнего римского императора Ромула Августула. Так Паннония все-таки «взяла реванш» у Рима — не прошло и пяти веков... Позже в Паннонии находился центр аварской державы, основанной пришельцами из Центральной Азии в VI веке. Сюда приходила в начале IX столетия армия императора Карла Великого, посадившего на пошатнувшийся аварский трон крещеного кагана. Здесь же последние авары были растворены славянами... И здесь же мажяры включили в свой состав местных славян.

Арпад, сын Алмуса, вождь сильнейшего из семи племен, называвшегося «медер», основал династию Арпадовичей, а имя его племени принял весь народ. Но образование Венгерского королевства еще не положило конец переселениям новых и новых племен на землю Паннонии.

Венгерские короли, забыв прошлые обиды, приняли на своей земле в

XI веке тюрок-печенегов, выгнанных из Северного Причерноморья собственными их родичами-половцами, тоже тюрками по языку. А еще через двести лет, в XIII веке, гостеприимная долина Дуная приняла еще и волну половцев, ушедших на запад от монгольского нашествия (часть их покинула позже Паннонию, перебравшись в другие земли, прежде всего в Болгарию). До сих пор среди венгерского народа выделяется этническая группа прямых их потомков — палочей.

Кочевников, вероятно, влекла к себе знаменитая венгерская степь — пушта, а венгерским королям нужны были воины и для борьбы с собственными крупными вассалами.

Из века в век сохраняла плодородная земля на Среднем Дунае свою притягательность для все новых и новых народов. Сколько дорог, начавшихся в центре Азии, заканчивалось здесь, в центре Европы!

Временами Венгерское королевство разнилось по размерам и влиянию одной из великих держав средневековой Европы. Венгерские короли занимали порой еще и престолы Польши, Неаполя в Италии, распространяли свое влияние на чешские, румынские, хорватские, украинские и сербские земли.

В начале XVI века часть мадьярских земель попала под власть Турецкой империи, в дальнейшем Венгрия входила в состав Габсбургской державы вместе с Австрией и Чехией, Словакией и Хорватией, частью Украины и частью Сербии и т.д.

Сосуществование с другими народами в составе одной державы отражалось, конечно, и на культуре и на языке, а в какой-то мере и на внешности мадьяр. Но родину за последнее тысячелетие мадьяры уже не меняли. А между Енисеем и Дунаем археологи, лингвисты, антропологи и историки вместе уточняют местоположение по меньшей мере трех прародин мадьяр: донской, волжской и уральской, плюс ищут следы четвертой, еще более древней прародины, среднеазиатской или западносибирской.

Миграция мадьяр началась в пору, которую так и называют временем Великого переселения народов, и закончилась на исходе этой эпохи.

Молодая цыганка. Брянская область

211

Власть обычаев

История знает и почти уникальный случай многовекового сохранения — без поддержки религии — рассеянного на огромной территории этноса. Речь идет о цыганах (хотя, надо сказать, сейчас многие ученые полагают, что цыгане уже не единый народ, что

они раскололись на разные этносы — соответственно большим регионам, в которых они живут).

Долгие века казались цыгане неразрешимо загадочными и для простолюдинов, среди которых жили, и для ученых. В Западной Европе группы цыган появились довольно поздно — в XV веке.

И впечатление на средневековую Европу произвели потрясающее. Вот с ними встречается герой Вальтера Скотта, юный шотландский искатель приключений Квентин Дорвард. Цыгане кажутся юноше чуть ли не исчадиями ада, хотя он деловито отмечает, что они «черны лицом, как африканцы, а у многих мужчин... черные курчавые бороды». По воле короля Квентину приходится долго путешествовать с цыганом.

«Какие у тебя средства существования?» — спрашивает Квентин Дорвард.

«Я ем, когда голоден, пью, когда чувствую жажду, а средств существования у меня нет никаких, кроме случайных, когда мне их посылает судьба», зато «у меня есть свобода... Я ни перед кем не гну спину и никого не признаю. Иду, куда хочу, живу, как могу, и умру, когда настанет мой час».

Надо признать, что, как ни романтична была цыганская жизнь, писатель эту романтику преувеличивает. Глава рода, старейшина, пользовался у цыган достаточно большой властью. Да и власти стран, куда цыгане явились, быстро дали им понять всю относительность кочевой свободы.

Цыгане пришли в Европу (как и в Западную и Среднюю Азию и Северную Африку) в средние века — самые, пожалуй, неподходящие для появления здесь подозрительных чужаков. Смуглая кожа явно указывала на их связь с дьяволом, а странные верования, которые цыганам не всегда удавалось скрыть, окончательно уличали их в служении всем чертам.

А уж склонность цыганок гадать по руке была просто дополнительным поводом для гонений. Многие мужчины-цыгане были отличными кузнецами. Хорошо, казалось бы, очень нужная профессия, высоко ценившаяся чуть ли не во все времена. Но суеверие, унаследованное от глубокой древности и крепко державшееся в

средневековье, настаивало на том, что кузнецу без сговора с чертом работать трудно. В средневековых европейских цехах с мастера-кузнеца даже брали на всякий случай клятву, что он в такой сговор вступать не будет.

И гонения начались.

Происхождение цыган тогда очень уж таинственным не казалось. Люди особо суеверные говорили о выходцах из ада; все остальные приняли к сведению рассказы самих цыган о том, что они вышли то ли из Египта, то ли какого-то Малого Египта.

С тех пор венгры зовут цыган фараоновым народом, англичане — джипси, испанцы — гитанос. И «джипси» и «гитанос» образованы от слова Египет в его английском и испанском звучаниях.

А вот персы твердо знали, откуда на самом деле взялись цыгане. Ведь еще на своей родине они были довольно близкими соседями Ирана.

...Северо-Западная Индия всегда была местом, куда слишком часто заходили завоеватели. Да еще частенько ссорились между собой местные феодалы и вольные племена. Тысячу с лишним лет назад, во время очередного тура войн и разбоев, снялось с места одно из бродячих племен, покинуло родину. А может быть, не одно племя, а несколько. Скорее же всего откололись и двинулись в дальний путь не целые племена, а большие группы людей из разных племен. И происходило так не один раз, а несколько — на протяжении сотен лет, причем эти переселенческие волны могли донять друг друга и перемешиваться.

Мы столько рассказывали о движениях народов, что можно было успеть привыкнуть к такой «легкости» сотен тысяч и миллионов людей на подъем. А уж предкам цыган было особенно легко уходить. Они и в Индии принадлежали к кочевым, даже к бродячим племенам. И те профессии, которыми цыгане прославились в Европе, эти племена издавна освоили в Индии. Бродячее племя натов и поньне живет на своей древней родине. Наты покупают и продают лошадей, показывают фокусы на базарных площадях, водят напоказ обученных медведей и обезьян.

В древней Индии сложилась касто-

вая система общества. За большими группами людей навсегда закрепились определенные специальности. На протяжении многих десятков поколений члены одной касты могли быть только земледельцами, или только кожевниками, или даже только подметальщиками улиц. В эти жесткие рамки правители и жрецы индийских государств пытались втиснуть и вольные бродячие племена. Так появился у будущих цыган набор их профессий — от циркового дела до кузнечного. Набор был достаточно широк: племена, к которым принадлежали ушедшие на запад цыгане, были все же слишком многочисленны для общей, чересчур узкой специализации.

И набор этот закрепился настолько, что у всех групп цыган во всех странах Европы оказались почти одни и те же профессии. Кроме профессии и образа жизни цыгане вынесли со своей древней родины невероятно легкомысленное (с точки зрения солидных соседей) отношение ко многим серьезным вещам, в том числе к собственности. По персидской легенде, рассказанной М. Симашко в исторической повести «Хроника царя Кавада», путешествия цыганского народа начались так:

«Это Бахрам Гур (древний шах Ирана. — Авт.) пригласил цыган из Индии, чтобы они в свободное время песнями и танцами забавляли земледельцев. Десять тысяч мужчин и женщин пришло оттуда, и каждому дал царь царей осла, по паре быков и зерно для посева. Разожгли огромные костры цыгане и не встали с места, пока не съели всех быков и зерно. Рассердился Бахрам Гур, но по зрелому размышлению понял, что каждому следует заниматься своим делом. «Ослы-то хоть остались?» — только и спросил царь царей. Потом велел им погрузить поклажу, разделил на четыре части и направил в четыре разные стороны: на север, юг, восток и запад. Так и бродят по миру теперь цыгане, потому что имел Бахрам Гур силу заклятия».

(Стоит сказать, однако, что при Бахрам Гуре из Индии в Иран могли прийти лишь какие-то предшественники цыган, но не сами они: цыганский язык относится к группе новоиндийских языков, сложившихся

лишь около рубежа 1-го и 2-го тысячелетий н. э., Бахрам же Гур жил лет на пятьсот раньше.)

«Легкомыслие» цыган связано с тем, что многое в их обычаях сохранилось почти неизменным с тех далеких времен, когда предки их были на родине охотниками и собирателями. Цыгане не прошли закалку земледелием и скотоводством, что причудливо в числе прочего к планированию и расчету. Сходные черты отмечали исследователи в образе жизни и у других племен, непричастных еще к земледелию. Это крестьяне сначала пашут, потом сеют, потом ждут урожай и собирают его. Они поневоле учатся рассчитывать, что у них есть, а что — будет, учатся думать о завтрашнем дне. А охотники и собиратели более беззаботны. Ни плоды, ни мясо долго неохранишь, приходится жить по принципу — будет день, будет и пища. Вот и кажутся кочевники-цыгане легкомысленными рядом с суровыми пахарями Азии и Европы, да и рядом со скотоводами — тоже.

В XIII веке цыгане появились в Греции. Жили здесь долго, и цыганский язык принял в себя немало греческих слов. В XV веке — они уже в Румынии, откуда отправляются кочевать по всей Европе. К середине XVI века цыгане жили уже и во Франции, и в Испании, и в Англии. Особенно же много их было в Венгрии. В Россию часть цыган попала прямо из Румынии, а часть — кружным путем, через Венгрию, Германию и Польшу.

Диалекты современного цыганского языка открывают ученым, как странствовали их хозяева. Словно путевые вехи — затесавшиеся в него слова из других языков. Испанские цыгане, например, до сих пор часто пользуются греческими, славянскими и румынскими словами. Цыгане, живущие в разных регионах мира, отличаются друг от друга по языку и особенностям культуры. Даже на территории СССР существует несколько десятков этнических и этнографических групп цыган, а во всем мире таких групп сотни.

Вот, например, цыгане урсари живут у нас в Молдове, а за рубежом — в Румынии, причем и тут и там они среди цыган составляют меньшинство. Название сразу вызывает в памяти латинское «урс» — медведь;

по-молдавски «урсар» — медвежатник или, скорее, «вожак медведей». Как известно, когда-то ручных медведей показывали на ярмарках. Теперь, однако, урсари главным образом кузнецы. Говорят урсари на балканском диалекте цыганского языка.

Цыгане кэлдэары, ловари и кишиневцы говорят на других, власских диалектах цыганского. В прошлом все кэлдэары были медниками-лудильщиками, и само их имя в переводе с молдавского означает буквально «ведерники».

У цыган ловари мужчины в прошлом были главным образом артистами, музыкантами, а женщины зарабатывали гаданием.

Если у урсари фамилии явно молдавского происхождения, то у кэлдэары — болгарского, румынского и венгерского.

Те цыгане, что сами себя зовут русскими цыганами (русска рома, халадытка рома; «рома» — цыган, «халадытка» — от халадо, что, собственно, означает «солдат», но употребляется и в значении «русский»), пришли в нашу страну через Польшу, и фамилии у них польские и русские.

Есть у нас цыгане южнорусско-украинские с украинскими фамилиями, есть белорусско-литовские, латышские и иные. У крымских цыган в употреблении имена и мусульманские, и христианские, и собственно цыганские, а вот фамилии тюркского происхождения, но русифицированные.

Автор статьи об этнонимах советских цыган (точнее, цыган европейской части СССР) Н. Г. Деметер констатирует, что этнические группы цыган «различаются языком (часто довольно значительно), ареалом формирования, родом занятий».

Есть цыгане давно оседлые (в Молдове, например, издавна имеются цыганские села). Некоторые цыганские группы частично еще в прошлом веке перешли с диалектов родного языка на языки народов, среди которых живут.

Испанские короли и австрийские императоры под страхом изгнания, а то и казни запрещали цыганам жить по-старому, кочевать, приказывали селиться в городах. Румынские бояре и монастыри превращали цыган в рабов — своих или государственных.

Но самые страшные угрозы до XX века, до появления фашизма, сознательно обрекавшего цыган на истребление, все-таки не осуществлялись.

Цыгане были нужны: они — отличные кузнецы и литейщики — снабжали оружием армию и платили большие налоги в казну. (Есть немало мест, где про кузнецов до сих пор с уважением говорят: «Выучился на цыгана». Один увлекшийся археолог даже предположил, что цыгане появились в Европе тысячелетий четыре-пять назад и что это они распространили по всему миру кузнечное дело.)

В том, что цыгане ушли из Индии, не было ничего странного. Не было ничего особенно странного и в их распространении по Европе. Станным остается одно: почему цыгане не растворились в других народах? Ведь это не раз случалось и с более многочисленными, и с более развитыми культурно народами.

В Болгарии, правда, цыгане давно стали жить оседло, даже забыли свой язык. Но очень многие — по всей Европе, Северной Африке и Западной Азии — держались и за язык и за обычаи.

Религия тут особой роли играть не могла. В мусульманских странах цыгане немедленно принимали ислам, в христианских — крестились. Это ничуть не мешало им оставаться суеверными на средневековый индийский манер.

Цыган удерживала друг возле друга привязанность к бродячему образу жизни. Что ж, эта привязанность передавалась по наследству? Конечно, нет. Решало тут воспитание. Цыганские племена, вышедшие из Индии, стояли еще во многом на родовой стадии развития общества. У этих внешне вольных людей власть старших в семье над младшими, отцов над детьми, а вождей и старейшин над простыми смертными была гигантской. И не просто власть, опирающаяся на силу, но авторитет! Что уж умело первобытное общество делать блестяще — это воспитывать новые поколения по образу и подобию старших, в верности принятым обычаям и правилам жизни. Вот такое умение воспитывать и было, наверное, главным для многосотлетнего самосохранения цыган. Играло роль, конечно, и то, что цыгане уж очень непохожи на

большинство остальных европейцев. Явно чужому уже по внешности оказывается труднее стать своим, даже если он этого захочет. Может быть, не случайно именно болгарские цыгане приняли болгарский язык и образ жизни — из славянских народов как раз смуглые и черноволосые болгары, конечно, ближе всего по облику к цыганам.

В том и сила человека, что такую вещь, как склонность к определенной культуре, попросту нельзя получить вместе с родительскими генами. Кроме того, цыгане всегда охотно усыновляли подкидышей. Любовь к детям, стремление, чтобы их было в семье как можно больше, измерение удачи в жизни количеством сыновей — все это вообще очень характерные для индийцев черты.

Из-за того что цыгане с удовольствием принимали к себе беспризорных маленьких ребят, и возникли слухи о склонности цыган красть детей. А уж приемыши-то никак не

могли ни получить в наследство, ни передать потомкам гены бродяжьего духа.

Приходили к цыганам и взрослые люди. Пушкинский Алеко в поэме «Цыгане» не был только вымыслом автора. К вольной цыганской жизни не прочь были порой примкнуть и безземельные крестьяне, и воры, и искатели приключений. Многих влекла красота цыганок. Конечно, одновременно какая-то часть цыган бросала прежнюю жизнь, вливаясь в состав народа-хозяина.

Всегда очень занимали цыгане писателей, художников, композиторов. Пушкин, Лев Толстой, Гюго, Мериме, Горький, Чайковский, Глинка и многие другие живо интересовались и самими цыганами, и их искусством. Цыганская музыка и цыганская сказка вошли в национальные культуры многих народов, среди которых живут цыгане, земли которых они теперь считают своей родиной.

ПРИШЕЛЬЦЫ

В историю каждой страны — каждой — входят пришельцы. И вовсе не только на таких ролях, как пресловутые Бирон при Анне Ивановне и Нессельроде при Николае I (т. е. персонажи заведомо отрицательные), но и как сподвижник Петра I Яков Брюс, путешественник Витус Беринг, как архитектор Карло Росси и математик Леонард Эйлер.

А дети таких пришельцев уже неотличимы от тех, кто из века в век — свой; велика ли важность, что создатель первого большого (и до сих пор, видимо, лучшего) русского Толкового словаря В. И. Даль родился от датчанина и немки.

Когда Петр собирал под свои знамена «иностраннных специалистов», когда пленных поляков, шотландцев, немцев, шведов во времена Ивана Васильевича, Михаила Алексеевича и Алексея Михайловича «испомещали» где-нибудь на Унже (как дальнего предка М. Ю. Лермонтова) или на Оке, когда запорожские казаки принимали (под условием неперемного крещения) человека любого рода и племени, это были процессы нормальные и естественные. Сходные по типу и нередко еще более интенсивные, они шли во всех или почти всех странах, поддерживавших нормальные контакты с соседями.

Посмотрим, например, хоть на Англию тех времен, когда уже давно кончились вторжения норманнов с востока и юга, кельтов с запада и севера, когда многосоставный поначалу английский этнос поутраиваясь, стал уже более или менее однородным, когда крестьянами и помещик равно соглашались, что принадлежат к одному и тому же народу...

В эту пору в Англии появилось немало голландцев — поскольку Нидерланды в XVI—XVII веках жили, как известно, чрезвычайно бурной жизнью: одни выходцы из Нидерландов бежали от испан-

ской солдатни, другие — от революции, которую эта солдатня подавляла кроваво, но безуспешно.

В конце XVII века французский король Людовик XIV отменил принятый в конце предыдущего века его дедом, Генрихом IV, эдикт о веротерпимости, во Франции преследуют протестантов — и вскоре в Англию, где в это время живет, между прочим, не более 5—6 миллионов человек, перебираются десятки тысяч гугенотов, не пожелавших отказываться от своей веры. (В это время еще более мощный поток гугенотов направляется в Пруссию; как утверждают, одно время население Берлина на треть состояло из таких французских выходцев.)

Конец века XVIII — и новая волна французских эмигрантов, теперь главным образом аристократов, людей, недовольных Великой французской революцией. Многие из них вернулись во Францию после падения Наполеона и реставрации старой династии Бурбонов — но далеко не все. Часть осталась в Англии и здесь ассимилировалась.

Приезжали в Британию и оставались в ней навсегда немцы — особенно часто в ту пору, когда правители германского Ганновера стали «по совместительству», как родственники старой династии Стюартов, в силу решения британского парламента королями Англии.

Перед второй мировой войной в Англии оказалось множество немцев и австрийцев, бежавших от Гитлера. После второй мировой войны все усиливается поток иммигрантов из колоний Британской империи — теперь уже бывших колоний.

А кроме того, в течение многих сотен лет пересекали практически несуществующие границы и селились среди «исконных» англичан ирландцы и шотландцы. При этом многие группы их жили достаточно обособленно, но в конечном счете в каждом поколении часть ирландцев и шотландцев ассимилировалась английским этносом.

Георг Фридрих Гендель — один из крупнейших композиторов XVIII века, родом из Германии, но полвека жил и работал в Англии. То же — знаменитый астроном Фридрих Вильгельм (ставший в Англии Уильямом) Гершель, основоположник звездной астрономии, открывший планету Уран. Бернард Шоу по происхождению ирландец, как и Оскар Уайльд и некоторые другие знаменитые английские писатели.

Перечень таких же ярких имен «чужих, ставших своими», можно, наверно, составить для науки и искусства любой большой страны.

Кто из нас, узнав еще в детстве, что ближайшими друзьями Пушкина были Пушин, Кюхельбекер и Дельвиг, обратил особое внимание на то, что последние две фамилии — немецкие? Ясно же, что их носители — русские поэты!

Теодор Конрад Коженевский, почти до двадцати лет не знавший английского языка, стал английским прозаиком Джозефом Конрадом.

А другой поляк, Вильгельм Аполлинарий Костровицкий — французским поэтом Гийомом Аполлинером.

Усыновленный, как известно, имеет все права и несет все обязанности родного сына. Человек, принявший язык и культуру новой родины, становится частью ее народа.

Мы приводили конкретные примеры из европейской истории XVIII—XX веков; для полноты картины вспомним, что один из крупнейших древнеримских писателей, комедиограф II века до н. э., Публий Теренций, был выходцем из Африки и в его сохранившихся до наших дней скульптурных изображениях отчетливо

заметны негроидные черты. А настоящее имя великого испанского живописца Эль Греко — Доменико Теотокопули; он грек по происхождению, что, кстати, отразилось в прозвище, и в Испанию приехал, когда было ему уже тридцать семь лет.

Все эти примеры вместе с тысячами здесь не приведенных показывают, что пришельцы пришельцам рознь, что народы порой словно обмениваются талантами, и это тоже одна из форм многообразия культурных контактов, без которой развитие человечества остановилось бы.

4 А теперь поговорим о случаях в каком-то смысле противоположных переселениям, хотя иногда они сами — результат именно переселений. Пример тому, в частности, история острова Питкерн.

...По отвесным стенам плато Мэпл-Уайта, описанного Артуром Конан Дойлем в фантастической повести «Затерянный мир», не под силу подняться ни зверю, ни человеку. На этом плато, если верить Конан Дойлю, процветал «затерянный мир», сохранивший бегущую и летающую живность времен минувших, начиная с мезозойских ящеров, в том числе и летающих.

Что ж, птеродактилей пока на свете не обнаружено. А вот «затерянные миры», отрезанные от остальной планеты отвесными скалами, бурными потоками, холодными ледниками, жаркими пустынями, густыми лесами, нашлись в Африке и Южной Америке, в Индии и Китае, в Сибири и на Кавказе, в горах Тянь-Шаня и на Памире. Там, где люди одного и того же народа могли, населяя два соседних ущелья, за всю свою жизнь ни разу не встретиться. Там, где от одного охотничьего рода к другому, ближайшему, надо добираться по реке целые недели.

Всем известен храбрый и злосчастный Хозе, возлюбленный и убийца прекрасной цыганки Кармен из повести Проспера Мериме. Действие повести происходит в Испании, но Хозе не испанец. Полное имя его дон Хосе Лисаррабенгоа. Он баск. Член сравнительно небольшого (в наше время численностью примерно в миллион человек) народа, живущего в Северной Испании и Южной Франции, главным образом в отрогах Пиренеев.

У Хосе Наварро (так его зовут испанцы) светлые волосы, голубые глаза, смуглое лицо и «баскское имя, которого нам с вами ни за что не выговорить», как сообщил Просперу

Мериме (во всяком случае так он изображает дело в повести) знакомый монах. Сходного мнения о трудности баскского языка придерживаются и ученые. Автор первой баскской грамматики назвал свою книгу просто: «Невозможное достигнуто».

Не случайно так трудно приходится филологам и просто французам и испанцам. Баски говорят на языке, не похожем на другие языки Европы. До такой степени не похожем, что языковеды в поисках родственных наречий стали метаться из стороны в сторону. Далеко метались: на запад — к индейским племенам Америки, на восток — в Кавказские горы. Кое-кто воспользовался случаем напомнить даже о таинственной Атлантиде, благо Страна басков расположена совсем недалеко от мест, где ищут остров, описанный Платоном. Нередко возводят этот язык к древним обитателям Европы, чьи наречия всюду, кроме этого уголка, были вытеснены языками пришлых индоевропейцев.

Естественно, что каждый новый антропологический метод ученые старались использовать для того, чтобы узнать «тайну басков». Но когда были проведены исследования крови на содержание особого вещества — резус-фактора, специалистам оставалось только развести руками. В крови более 30% басков этого фактора не оказалось, они были, как говорят, резус-отрицательны. У всех остальных народов доля людей, кровь которых лишена резус-фактора, обычно гораздо меньше (среди русских только каждый седьмой «резус-отрицательный»).

Баски всех оставили тут далеко позади. И это тем более странно, что отсутствие резус-фактора у большей части народа — признак скорее вредный, чем полезный, потому что брак между резус-положительным мужчиной и резус-отрицательной женщиной

имеет больше, чем обычно, шансов стать несчастным. Дело в том, что если будущий ребенок унаследует от отца резус-фактор, то организм матери (разумеется, против ее воли) может начать борьбу с организмом еще не родившегося младенца. Ведь в крови плода содержится вещество, чужеродное телу матери, воспринима-

Баскский национальный танец. Испания

219

ющееся как яд. В большинстве случаев дело кончается благополучно, но вероятна и смерть ребенка или тяжелая болезнь.

Но факт налицо. Включая в свой состав максимальную долю людей, отрицательных по резус-фактору, баски вымирать все же не собираются. Кстати, сохранение этого народа

до наших дней — вообще почти чудо.

Баски сумели противостоять древним римлянам, т. е. власти их они подчинились, но римское влияние мало затронуло (в отличие от галлов, предков французов) язык и культуру предков басков. Великое переселение народов, все эти готы, вандалы и прочие, прошедшие через Европу, в том

числе и Пиренеи, не смогли размыть маленький стойкий народ. Так же не удалось это позднейшим завоевателям.

Все это тем более странно, что самостоятельные баскские государства редко существовали долго. Предпоследним из них было Наваррское королевство времен реконкисты, включенное в конце концов в испанскую державу.

А позже имя Наваррский носил славный французский принц Генрих, впоследствии Генрих IV. Его прадед по матери, Жан д'Альбре, получил благодаря браку большую часть баскских земель, но вскоре весьма значительная их доля была отторгнута испанским королем.

Генрих был в какой-то мере последним королем басков. Затем королевства не стало, а народ остался. Баски для нас особенно интересны как жители области, отгороженной от соседних районов географическими препятствиями.

Баскские земли были в некотором смысле тоже «страной Мэпл-Уайта». Пусть горы Наварры невысоки, но народ-то сохранился, почти не смешиваясь с соседями. Такие обособленные районы антропологи называют изолятами. Классический изолят описал в своем романе «Сердца трех» Джек Лондон. Ах, эта жуткая «Долина погибших», куда за тридцать лет не смог пробиться ни один искатель приключений!

В романе Лондона это привело к трагическому результату. Лица членов племени «погибших душ», за редчайшим исключением, были тупы и носили печать вырождения. (В ту пору наука старательно доказывала вред близкородственных браков и делала это, пожалуй, с излишним пылом.)

Ничего похожего в настоящих (а не придуманных) изолятах не произошло. Таджики горных ущелий или эвенков Восточной Сибири никто не рискнет назвать вырождающимися народами. Надгробный монумент над идеей о вырождении народа в изоляте — остров Питкэрн в Тихом океане.

История последних столетий острова прошла на глазах у человечества. Предками всего его населения стали полинезийские переселенцы и матросы с взбунтовавшегося английс-

кого корабля «Баунти». Этому предшествовала неистовая и кровопролитная война между первыми поселенцами.

Десяток с небольшим людей, в основном женщин, уцелевших в этой битве, — общие для сегодняшних питкэрнцев предки. Результат? Вот что писал Марк Твен в рассказе «Великая революция на острове Питкэрн»:

«Какой-нибудь посторонний говорит, например, островитянину:

— Вы называете эту молодую женщину своей кузиной, а недавно вы называли ее своей теткой.

— Ну да, она моя тетка и в то же время моя кузина. А также моя сводная сестра, моя племянница, моя троюродная сестра, моя тридцатитрехлетняя сестра, моя сестра сорок второй степени, моя бабушка, моя внучатая тетка, моя вдовая племянница, а на будущей неделе она станет моей женой».

И ничего страшного с народом не произошло. Правда, за это стоит еще поблагодарить случай, не заславший в ряды первопоселенцев носителей наследственных болезней.

Питкэрн опровергает, между прочим, и положение о том, что потомки и от браков людей из разных рас выраждаются, если не получают позже свежего притока «чистой крови».

Питкэрн наносит удар и по «теории» наследования преступных наклонностей. У предков питкэрнцев было на душе грехов и преступлений явно выше всякой «нормы». А нынешние питкэрнцы — один из самых строгих в моральном отношении народов.

Но вернемся к более древним изолятам, расположенным не в тихом уголке Тихого океана, а в Советском Союзе. Каждый изолят — предмет страстного влечения антропологов. Ведь тут они имеют дело с «чистым» антропологическим экспериментом, поставленным историей и географией.

Вокруг изолятов движутся народы, мимо проходят, скажем, гунны из Восточной Монголии в Западную Европу. Тысячи племен меняют места обитания и имена, смешиваются и расходятся, наступают и отступают. Конечно, в узкие ущелья Памира порою врываются враги, конечно, эвенки платят время от времени дань

то китайскому богдыхану, то русскому царю. Но если «посторонняя» кровь и проникает в эти «затерянные миры», то обычно ее примесь слишком мала, чтобы с ней всерьез считаться. И с чрезвычайным интересом смотрят антропологи на людей, за тысячи лет очень редко вступавших в смешанные браки, — людей, на кото-

Этот мастер изготавливает рабовов. Памир

221

рых можно наблюдать любые изменения без скидок и оговорок насчет возможного влияния пришельцев.

Что происходит с людьми в таких условиях? Каждый изолят был занят некогда очень маленькой группой людей. А когда предков маловато, любая случайность их подбора оказывается для потомков важной. Здесь

нам придется несколько подробнее поговорить о том, как используются в антропологии данные анализа крови.

...Лечить больных, вливая в их жилы новую кровь, взятую у людей, врачи пытались еще сотни и тысячи лет назад. Но вместо того, чтобы спасти, это чаще всего губило. Почему? В «чужой» крови могли находиться

вещества, заставлявшие гибнуть «свой» красные кровяные клетки.

Эти вещества были открыты. Завали их просто латинскими буквами: фактор А и фактор В.

Ясно, что кровь с фактором А или В можно перелить только тому, у кого такой фактор уже есть. И по факторам А и В всех людей легко разделить на четыре главные группы. В крови I группы нет ни того, ни другого фактора. В крови II группы есть только фактор А, в крови III группы есть только фактор В, в крови IV группы есть и А и В.

Но уже давно точно известно, что не только факторы А и В надо принимать во внимание, когда речь идет о переливании крови. В крови каждого человека есть десятки веществ (факторов — так их называют ученые), которые могут быть, а могут и не быть в крови его соседа, брата, отца. Вот, например, в 1955 году в крови мальчика Дизго из Венесуэлы было найдено новое вещество, которое по его имени назвали Дизго-фактором. Оно встречается только у 10—15% людей, но ни один врач не станет перед переливанием крови проверять, есть ли у донора этот фактор. Для здоровья это значения не имеет. Другое дело — уже упоминавшийся резус-фактор.

У факторов крови независимо от их значения для медицины есть одно общее свойство. Они передаются по наследству. Если, например, у отца и у матери II группа крови, то у их ребенка обязательно будет эта же группа крови. С передачей других групп крови по наследству дело обстоит сложнее: надо принимать в расчет наследство не только пап и мам, но и дедушек и бабушек. Однако определенные правила наследования и тут строго соблюдаются.

Но если у человека сегодня есть в крови фактор А, значит, этот фактор встречался и у предков, по крайней мере у части их. И по крови сегодняшних людей можно узнать, какая кровь текла в венах наших предшественников.

Теперь посмотрим, что происходит с наследственными факторами крови в изолятах. Например, в первых трех-четырёх семьях, занявших ущелье, все случайно имели одну и ту же группу крови. Впрочем, это не совсем

случайность. Чаще всего такие семьи, вероятно, бывали уже «заранее» связаны родственными узами. Недаром же они путешествовали вместе. А у родственников, конечно, разнообразие в группах крови меньше, чем в группе посторонних друг другу людей. И вот результат. В соседних ущельях Памира или Дагестана часто живут люди, очень похожие внешне. Но в восточном ущелье, скажем, преобладает II группа крови, а в западном — I группа.

По мнению многих ученых, на «единообразие» крови в изоляте влияет еще особый генетический, т. е. связанный с наследственностью, процесс — генный дрейф; в результате те группы крови, которыми обладает минимальное количество людей, постепенно исчезают, уступая свое место группам более «популярным».

Антропологам удалось вывести точную математическую формулу для скорости, с какой уходят в прошлое эти малочисленные группы крови. Чем меньше населения в изоляте, тем больше родственных браков, значит, выше и эта скорость.

С помощью той же формулы, чуть преобразовав ее, можно узнать, сколько времени идет процесс генного дрейфа, а значит, долго ли существует изолят, как давно его обитатели не знают примеси крови других народов. Этим в свое время занялся по отношению к эвенкам Восточной Сибири антрополог Ю. Г. Рычков.

Для решения проблемы необходимо было знать три главные вещи. Во-первых, требовалось выяснить современное распределение групп крови у эвенков. И Ю. Г. Рычков путешествует по самым глухим местам Восточной Сибири, то пешком, то на лодке пробирается от одной охотничьей стоянки в тайге к другой. Новые и новые десятки людей отдают ему по капле крови (но, между прочим, в первую очередь приходится снова и снова делать анализы крови самому себе. Проверять, все ли в порядке с сыворотками и реактивами. Собственная кровь, относительно которой все необходимое известно еще со студенческих лет, служит своего рода эталоном).

Затем начинается работа уже не столько антрополога, сколько химика-лаборанта. Эту «каплю крови»

надо проверить: есть ли тут факторы А и В, М и N, резус-фактор...

Каждый год несколько месяцев в тайге, и современное распределение групп крови у эвенков становится известно.

Во-вторых, нужно знать, как распределились группы крови у тех предков эвенков, что первыми пришли на

Таджикское селение
на Памире

223

абсолютно безлюдные тогда восточносибирские лесные просторы. Это можно определить логическим анализом. Отойдите подальше от огромной карты мира, на которой нас интересовала только Сибирь. Отойдите и встаньте так, чтобы весь Старый Свет — Европа, Азия, Африка — был перед глазами. Тогда вдруг окажется,

что огромная Сибирь — всего лишь северо-восточная окраина Старого Света, окраина, довольно сильно отделенная пустынями и горами Центральной и Средней Азии, болотами Западной Сибири от всего остального мира. Ее тоже можно условно рассматривать как изолят, только огромный. А места расселения

эвенков или чукчей оказываются тогда изолятами внутри изолята.

В каждом из этих малых изолятов получилось свое распределение групп крови. Там, где с самого начала было мало людей с фактором А, стала исчезать II группа крови, там, где дело обстояло так с фактором В, — III группа. У каждого из малых народов этот процесс шел по-своему. Что же можно тогда сказать о Сибири в целом? То же, что о возе в басне Крылова, который тянули лебедь, рак и щука. Воз остался на месте. Так и тут. Распределение групп крови по Сибири в целом должно было остаться прежним именно из-за большого разнообразия у отдельных сибирских народов.

Подтверждало этот ход мысли еще и такое обстоятельство. Можно отойти от карты мира подальше и окинуть ее взглядом всю целиком. Тогда изолятом (говоря в шутку) окажется уже... весь мир. Марсиане ведь на Землю не прилетали! У людей те же группы крови, что и у их далеких предков. Предков этих насчитывалось от силы с десятков тысяч человек. Однако то были общие предки всех людей. Разойдясь по всему миру, они разнесли в пять частей света и свои группы крови. В Америке, как уже говорилось, не оказалось людей с фактором В, а в Индии их больше, чем где бы то ни было, свои особенности есть у Африки, Австралии, Европы... Но в целом на планете, как и в Сибири, действует эффект лебедя, рака и щуки; разнообразие в отдельных группах приводит к сохранению целого. В мире, по-видимому, процентное соотношение людей с разными группами осталось тем же, что и многие тысячи лет назад. Еще одно любопытное подтверждение этого: распределение групп крови по факторам А и В в целом по земному шару то же, что и в Сибири.

А коли так, можно предположить, что распределение групп крови у предков сибирских народов было таким же, как сегодня.

Что нужно узнать в-третьих? То, сколько было в Сибири людей к моменту прихода сюда русских и группами какой численности жили аборигены. Ведь чем меньше отдельные изолированные группы, тем быстрее шел в них генный дрейф.

По материалам давних ясачных

книг (в них заносились сведения о сборе ясака — подати с коренных народов) этнограф Б. Долгих подсчитал, что сибирские народы жили обществами примерно (в среднем) по четыреста с лишним человек в каждом.

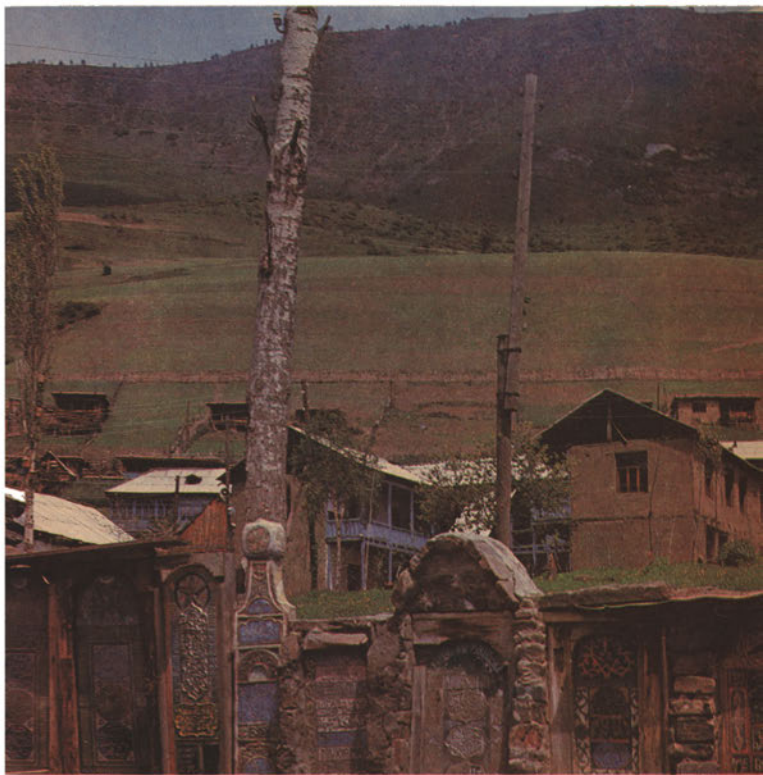
Теперь все нужные величины были подставлены в формулу. И нельзя было не удивиться полученному результату. Получалось, что эвенки в районе севернее Байкала живут, почти не смешиваясь с соседними народами, по крайней мере 16 тысяч лет (а как же расселение эвенков по всей Сибири, о котором у нас уже шла речь? Оно началось сравнительно недавно, после освоения ими оленеводства, здесь же имеется в виду та часть предков этноса, что осталась на древней родине). Примерно 2700 лет назад был основан Рим, 5 или 6 тысяч лет назад впервые заселена Япония. Только двадцать — тридцать веков, как появились на островах Тихого океана полинезийцы. То перемешивание племен, которое в конечном счете привело к появлению английского народа девятьсот лет назад, еще не закончилось. А тут 16 тысяч! В Северную Америку человек проник еще до того, как предки эвенков поселились в районе севернее Байкала, но в Южную — уже много позже.

Не надо думать, что эвенки — народ без истории. За эти тысячелетия они создали своеобразную культуру и искусство, сменили разные способы хозяйствования, даже язык, причем, возможно, не один раз. Но как же это могло произойти без прилива крови другого народа, того, чей язык был принят? Эвенки заимствовали у него оленеводство, вместе с новым способом хозяйствования пришла масса специальных терминов, культурное влияние соседей оказалось в результате настолько сильным, что победил и заимствованный у них язык. История известно немало подобных случаев. А прилив крови, конечно, был — только совсем незначительный, такой незначительный, что не сказался серьезно ни на группах крови, ни на внешнем облике.

Шестнадцать тысяч лет назад, если верны расчеты Ю. Г. Рычкова, каждый восьмой праэвенк имел III группу крови (фактор В). 8 тысяч лет назад ею обладал уже только каждый

десятый, 2 тысячи лет назад — каждый четырнадцатый, сейчас примерно каждый двадцатый. Процесс, как видите, со временем ускоряется. Нужно еще 2 тысячи лет, чтобы людей с III группой крови стало 3% и еще две — чтобы их практически не осталось.

А за что такая напасть именно на

фактор В? Чем он хуже других? Да просто тем, что людей, им обладающих, сравнительно меньше, поэтому генный дрейф скорее дает себя знать. Известны случаи, когда начинал выпадать и фактор А, особенно если его в изоляте случайно было мало.

Австралия, Полинезия, Скандина-

вия почти начисто лишены людей с фактором В в крови. Случайно ли? Ведь это страны, которые были труднодоступными для соседей вплоть до последнего времени.

Между прочим, все эти подсчеты выводят нас к проблеме заселения Америки. До Колумба Америка была самым большим изолятом мира. Там у

аборигенов нет III группы крови... Но обязательно ли считать, что ее никогда и не было? По мнению части антропологов, закономерный генный дрейф здесь вполне заменяет случайность отсутствия в группе предков индейцев фактора В. Тем более что время на избавление от него у индейцев было — те десятки тысяч лет, в течение которых они живут в этой части света.

Да, для антропологов современные изоляты — эксперимент, поставленный историей. Но для истории древние изоляты — очаги зарождения рас, больших и малых. Ведь там, где народы встречаются, они часто вступают в смешанные браки, «обмениваются кровью», члены даже одного племени оказываются не слишком похожими друг на друга. Иное дело — труднодоступные районы.

Случайно в изолят попало больше людей с темной кожей, или с горбинкой на носу, или с голубыми глазами. Все чаще и чаще станут рождаться на свет дети, у которых с отцовской и материнской стороны деды или прадеды были голубоглазы (темнокожи, с горбинкой на носу). Законы наследственности в таких случаях часто наделяют детей теми же особенностями.

В изоляте, конечно, история не меняет своего поступательного хода, делаются новые открытия и изобретения (хотя порою забываются старые), изменяются производительные силы и производственные отношения. Но прогресс все же резко замедляется. Сила человечества — в силе каждого отдельного человека, в том, что открытое одним становится доступно остальным. А в изоляте народу прихо-

дится в этом смысле полагаться почти только на своих членов (почти — потому, что достижения других народов изредка проникают в «затерянные миры»; так ведь познакомились с оленеводством эвенки).

Другие народы получают благодаря совершенствованию техники и транспорта возможность проникнуть в изолят (корабли дали ее, например, Колумбу, и Америка оказалась прочно связанной со Старым Светом).

Раньше или позже наступает момент, когда временно изолированный народ выходит из своего «заклочения». Причины тому бывают самые разные. Скажем, людей стало слишком много, чтобы они смогли прокормиться в пределах изолята. Или пересохла болота, затруднявшие прежде выход на новые земли. Или благодаря некоторому культурно-техническому прогрессу стали доступными горные перевалы. Или какой-то другой народ проник в изолят и начал теснить аборигенов «затерянного мира».

Так или иначе, но люди из него выходят на широкие просторы планеты и отправляются (конечно, далеко не все) на поиски новых земель для заселения. И вливают свою кровь в кровь других народов, да и сами принимают в свой состав людей других рас и «подрас». Так кончается история изолята. Хозе Лисаррабенгоа, как мы знаем от Мериме, покинул свою родину. Сотни две тысяч басков живут сейчас в Аргентине и других странах Америки. И у себя на старой родине баски охотнее и шире, чем прежде, контактируют с соседями, легче вступают в смешанные браки.

ЗАТОЧИТЬ В ТЮРЬМУ — НЕ ЗНАЧИТ СПАСТИ

Несколько лет назад один из авторов этой книги получил письмо. Человек, который его написал, выражал сожаление, что его собственный маленький народ... не был в свое время помещен в резервацию, как некоторые индейские племена в США.

Вот мы, писал он, ругаем за резервации американское правительство, а ведь именно в них и сохранили индейские племена свои языки, культуру, обычаи. Вне резерваций индейцы смешивались бы гораздо сильнее и с индейцами других племен, и с американцами европейского происхождения, а их культура была бы в гораздо большей степени размыта влиянием пришельцев.

В письме звучала подлинная боль. А боль заслуживает внимания. Стоит задуматься над мыслью автора письма, тем более что он

сам довел ее до логического конца — в рамках той логики, которой он здесь следовал. Что ж, тут надо разобраться.

Может быть, на самом деле надо не порицать такой способ решения национального вопроса, а наоборот? Как ответить на этот вопрос? Попробуем довести мысль автора письма — и создателей резерваций — до масштабов всеобщего идеала. Представим себе, что каждый народ планеты — большой ли, малый ли — заключен в рамки определенной территории, отделен от других народов непроницаемой стеной. Вот уж когда будет, кажется, обеспечено сохранение в неприкосновенности и языка, и всех этнических особенностей — от обычаев до обрядов, вот когда ирокезы останутся ирокезами, юагиры — юагирами, французы — французами и т. д.

Но представим себе далее, что такие непроницаемые для взаимодействия между этносами границы проведены были бы, скажем, на пару тысяч лет раньше. Это означало бы, что тех же французов, ирокезов, а также русских, англичан, японцев и множества других современных народов сегодня просто не было бы — ведь они возникли в результате этнических процессов, в ходе которых важнейшую роль играли переселения, этнические смешения, взаимовлияния культур и языков. Сегодня, как и десять, двадцать или пятьдесят веков назад, прекращение контактов между народами — даже только таких контактов, при которых взаимодействующие культуры изменяются сильно (а как отделить причины «сильных» культурных изменений от причин изменений «слабых»?), означало бы застой и загнивание — потому что именно контакты между народами помогают человечеству в целом развиваться.

Но вероятно, еще важнее, что такое заключение рода, племени, народа в нечто вроде концентрационного лагеря (а именно с концлагерями сравнивают передовые американцы индейские резервации) было бы величайшим нарушением прав и отдельного человека и этноса в целом. Надо ли напоминать, что создавались резервации фактически вовсе не для сохранения в неприкосновенности индейской культуры. В реальной жизни это был способ избавиться от индейцев, освободить от них земли, требовавшиеся «белым» американцам, — недаром же отведенные в США индейцам территории все уменьшались и уменьшались и в XIX и в XX веках. А самобытная индейская культура на этих территориях тоже не столько развивалась, сколько ослаблялась — тюрьма ведь не самое лучшее место для сохранения народных обычаев, фольклора и мифологии.

Да, процессы ассимиляции таким способом, безусловно, ослаблялись — но не слишком ли дорогую цену приходилось за это платить? Притом же, не будем забывать, насильственное подавление самой возможности межэтнических контактов, смешанных браков — да даже и естественной ассимиляции — столь же отвратительно и преступно, как насильственная ассимиляция. Когда в 60—70-е годы на окраинах Китая девушек коренных национальностей Тибета и Синьцзяна вынуждали выходить замуж за ханьцев (этнических китайцев), а юношей женили на китайнках, это было нарушением священнейших человеческих прав. Точно так же, как запреты браков «арийцев» и «неарийцев» в гитлеровской Германии, как линчевание в свое время в южных штатах негров, вздумавших связать свою судьбу с белыми женщинами.

Если отбросить конкретные детали множества ситуаций, то явственно обнаружится противоречие между некоторыми действиями, направленными будто бы на сохранение народа, и правами, которыми обладают люди, этот самый народ составляющие. Заключение этноса в резервацию — это вариант защиты народа от слишком тесных (или почти любых) этнических контактов, что

ограничивает не только людей из других народов, но и членов самого этноса.

Ограничивает не только в передвижениях, в прямом общении с соседями, в товарообмене; особенно важно тут самое опасное из ограничений — в информации, в знаниях. Этнос, оказавшийся (даже по собственной воле) в изоляции, тем самым оказывается обреченным на застой — и это еще в лучшем случае; застой имеет свойство переходить в разложение, если его не прервет скачок в культурном развитии. Но при такой изоляции мало шансов дожидаться скачка.

А ведь мир вокруг «уединившегося» этноса меняется, раньше или позже он будет вырван из своего «уединения» силой, как это, например, случилось с Японией во второй половине XIX столетия. Япония, кстати сказать, сама себя пыталась сделать — используя географические условия — резервацией. А резервации типа индейских в США могут быть созданы только большим государством для этнических меньшинств. Значит, здесь по существу господствующая нация решает, как жить людям малых народов, даже если это делается формально с согласия их представителей. Такое согласие, как показывает конкретная история тех же резерваций, всегда бывает или вынужденным, или полученным обманом.

Но, скажет нам автор того письма, зато народ уцелеет, а разве не должны люди приносить жертвы ради своего народа?

Обе половины этого предложения сформулированы неточно, а значит, неправильно.

Резервация сама по себе не может уберечь народ и его культуру от изменений, прежде всего потому, что застой — тоже изменение, только непременно к худшему, культура в резервациях обедняется искусственно самими условиями жизни в них. И выплачиваемые индейцам пособия тут нередко играли прямо-таки роковую роль; так подкупали вождей и обрекали на бездеятельность низы.

Что же касается жертв... С давних времен вошла в обиход формула, которую один из ее пропагандистов изложил так: «Я люблю свою семью больше самого себя, свой народ — больше своей семьи, человечество — больше своего народа».

Константин Симонов писал в годы Великой Отечественной войны:

В нас есть суровая свобода:
На слезы обрекая мать,
Бессмертье своего народа
Своею смертью покупать.

Но — обратите внимание на первую строку приведенной строфы: она кончается словом «свобода». Человек свободен приносить себя в жертву своему народу; но нет ни у кого права заставлять других приносить себя в жертву чьему-то представлению о том, как должен жить такой-то народ. Резервация раньше или позже оборачивается концентрационным лагерем, а «спасаемые» — жертвами в нем. Малый народ не только имеет право — он обязан во имя собственного достоинства его людей бороться за национальное равенство. И точно так же он имеет право и обязан обороняться от насильственной ассимиляции большим народом, как и этот большой народ обязан сопротивляться ведущим к такой ассимиляции действиям своего правительства.

Но ассимиляция естественная, не насильственная по определению В. И. Ленина — прогрессивная.

Тогда что же — нет у малых народов пути в будущее, во всяком случае сколько-нибудь далекое? Логика у тех, кто считает этот вопрос чисто риторическим и уверенно отвечает на него «да», достаточно четкая. Этнические контакты расширяются естественнейшим образом? Конечно. Ведут они к проникновению в каждую этничес-

кую культуру новых элементов? Безусловно. Приводят они к постепенно нарастающему увеличению числа смешанных браков? Очевидно.

Вот и все. Да, эта логика на первый взгляд кажется безупречной. Но жизнь, как известно, шире всякой логики, практика богаче любой теории, история знает больше вариантов, чем в силах зараз осмыслить их обыденное сознание. Опыт этнического развития показал этнографам новые, раньше неучтенные возможности. Мы поговорим о них в дальнейшем, разбирая процессы, идущие в Сибири, Австралии, в Тасмании и на Аляске.

А отступление о резервациях закончим напоминанием о древнем изречении, которое гласит, что желающий сберечь душу свою потеряет ее. Вот так же этнос, желающий самоизоляции сберечь «душу свою», наверняка ее потеряет.

4 «Всякий брак — не соединение двух людей, как думают, а соединение или сшибка двух кланов, двух миров. Всякий брак — двоemiрие. Встретились две системы в космосе и сшибаются намертво навсегда» — так писал о всяком браке русский советский писатель Юрий Трифонов. Но особенно наглядно это происходит, когда семья создают двое, принадлежащие к разным этносам.

Разумеется, есть разница между семьей, созданной, скажем, в Харькове русским и украинкой — представителями народов, очень близких по культуре, и семьей туркмена и эстонки, тем более — семьей англичанина и китайки или африканца и индианки. Но для статистики и то, и другое, и третье — семьи национально-смешанные. Возникали и возникают они на всех континентах и, вероятно, во всех обществах (изоляция тут — исключение). Даже там, где закон или обычай устанавливал запреты на такие браки, запреты эти нередко преодолевались.

Особенно велика доля смешанных семей оказывалась при массовых переселениях того или иного этноса на земли, где уже жили другие народы.

Во время «эпох великих переселений» сдвигаются с места сразу целые народы или по крайней мере весьма значительные группы людей. Достаточно вспомнить события в Европе и части Азии в начале нашей эры. Жители Ютландии пересекают материк с севера на юг и приходят в Италию; от границ Китая гуннская волна доплескивает до Ла-Манша.

Знаменитое движение готов со Скандинавского полуострова приводит их на юг Восточной Европы, они заселяют тогда даже часть Крыма; отсюда на кораблях направляются на юг и юго-запад, громят Афины, прорываются — по морю и через Балканы — в Италию, и перед готским вождем («королем») по имени Аларих

Рим впервые оказывается действительно беззащитным. Рим взяли тогда «западные готы» — вестготы. Восточными готами, остготами, называли ту часть народа, что «задержалась» в Причерноморье, пока не была разгромлена там гуннами в конце IV века. Остготы пришли после этого в Италию и в конце V века основали там свое королевство. Вестготов к тому времени в Италии уже не было — они перебрались сначала на территорию Южной Галлии, были вытеснены оттуда франками за Пиренеи, стали там хозяевами, аристократией — пока в начале VIII века через Гибралтарский пролив не перебрались арабы. Но и до сих пор среди последних испанских аристократов принято гордиться порою встречающимися у них светлыми глазами и волосами как наследством именно вестготских предков...

Славяне, пришедшие на Балканы в V—VI веках н. э., смешались здесь с местным населением — на территориях теперешних Югославии, Болгарии, Греции. В Греции они приняли в конце концов язык местного населения, были им ассимилированы. В землях же, ставших потом югославскими и болгарскими, сами передали свой язык аборигенам. Но что, собственно, значит фраза «смешались с местным населением»? Форма такого смешения, как правило, смешанные семьи. Они могут начать возникать и не сразу с появлением пришельцев, а во втором, третьем и более поздних поколениях потомков их и потомков аборигенов. Но без появления таких семей дело в конечном счете в принципе не может обойтись.

Повторимся: чудовищным театром этнических действий предстает история, если чисто исторически выделять в ней движения народов: те — сюда, эти — туда, да еще (всегда!) кто-то из собравшегося переселяться народа остается на месте и смешивается с

другими пришельцами, явившимися на сравнительно запустевшие территории. Но между прочим, историки и этнографы отчетливо различают и переселения другого типа, не столь на первый взгляд грандиозные, но тоже очень важные для истории народов.

Возьмем для примера Россию XVI века, время Ивана Грозного. Падение Казани — 1552 год. Блестящая победа! Однако не первый уже раз русское войско приходило под Казань, да и последние десятилетия перед своим падением Казанское ханство было уже практически вассалом Москвы. Удивительнее, что всего через четыре года к Московскому государству была присоединена Астрахань, куда более отдаленная.

Известный французский исследователь Ф. Бродель связывает сравнительную легкость взятия Астрахани с тем, что в это время идет отток населения с восточных окраин Европы в Азию, с тем, что степные кочевники массами переселяются с запада на восток.

Что происходит дальше? Русским крестьянам, как раз в это время закрепощаемым, открываются просторы плодородных земель Поволжья. И земледельцы уходят туда от помещиков (которые, естественно, вскоре за ними последовали).

Центральная часть России во многих местах обезлюдела, в чем сыграли свою роль также эпидемии и — страшнее, наверное, любой чумы — террор Ивана Грозного, затронувший отнюдь не одних только бояр, как еще недавно утверждалось в школьных учебниках.

Вот как пишет о последствиях оттока населения Бродель: «На эти покинутые земли в свою очередь приходили крестьяне из Прибалтики и Польши, пустые же пространства, остававшиеся после них, в свое время заполнили выходцы из Бранденбурга или Шотландии». «Молчаливой историей» называет историк такие перемещения, не сопровождаемые обычно грохотом битв и возникновением новых государств. В них одновременно участвует сравнительно меньше людей, чем в «великих переселениях», зато эпоха переселений малых, «молчаливых» неизвестно когда началась и неизвестно когда кончилась, они идут постоянно, непрерывно и в ко-

нечном счете нередко оказывают очень заметное влияние на судьбы народов.

При переселениях на новые места часто происходит ассимиляция пришельцев коренными жителями или наоборот. Но нередко возникают и такие исторические области, где бок о бок, чересполосно, обитают представители четырех-пяти и более национальностей.

Одна из подобных территорий — Трансильвания на севере Румынии, где кроме румын живут вот уже многие сотни лет венгры, немцы, сербы, украинцы. Другая такая область — Закарпатье, где кроме украинцев в состав населения входят венгры, молдаване, поляки...

Собственно говоря, весь наш сегодняшний мир — такая многонациональная историческая область, и большинство государств в нем — многонациональны, что, конечно, облегчает межэтнические браки; а кроме того, межкультурные культурные контакты, все расширяющиеся в нашем мире, тоже приводят к национально-смешанным бракам.

Настоящими пунктами встречи народов нередко становятся города. Нет города без рынка (хоть и бывают рынки без городов), а на рынок тянутся люди с округи тем больше, чем больше и экономически мощнее сам город. Города чуть ли не с самого начала «были обречены» — во всем мире — на то, чтобы стать этническими лабораториями. Именно в них переваривались и перемалывались особенности субэтнических и этнографических групп одного народа, крепло первоначальное единство каждого этноса. Но уже во времена рабовладельческие, как и раннефеодальные, в городах непременно появлялись и группы иноземцев. Причем это отнюдь не только торговцы, но и ремесленники (а в более поздние времена — рабочие, капиталисты), и солдаты — особенно в великих державах, где городские гарнизоны часто составляли из выходцев с другой окраины империи. Вот что говорит о своем родном городе Смоленске писатель Борис Васильев: «История раскачивала народы и государства, и людские волны, накачиваясь на вечно пограничный Смоленск, разбивались о его стены, оседая в виде польских кварталов, ла-

тышских улиц, татарских пригородов, немецких концов и еврейских слободок... Здесь победители роднились с побежденными, а пленные находили утешение у вдов, здесь вчерашние господа превращались в сегодняшних слуг, чтобы завтра дружно и упорно отбиваться от общего врага, здесь искали убежища еретики всех религий, и сюда же стремились бедовые москвичи, тверяки и ярославцы, дабы избежать гнева сильных мира сего. И каждый тащил свои пожитки, если под пожитками понимать национальные обычаи, семейные традиции и фамильные привычки».

Такими «вечно пограничными» нередко оказывались и города, совсем не обязательно расположенные далеко от границ. В Ташкенте давно живут бок о бок с узбеками русские и таджики — но еще и украинцы, евреи, туркмены... А можно вспомнить и то, что Новгород начинался как город сразу нескольких (по меньшей мере двух) славянских, балтского и финского племен, и он мог существовать лишь постольку, поскольку представители разных народов находили способы уживаться друг с другом. В Новгороде восточные славяне в конечном счете ассимилировали своих соседей.

Разумеется, ассимиляция так далеко заходит не всегда, но только отсутствие серьезных этнических конфликтов может обеспечить нормальную жизнь и развитие почти любому большому городу; ведь не много сейчас и в нашей стране и в мире действительно крупных городов с совершенно однородным в этническом отношении населением.

И есть, напоминает Борис Васильев, только «один реальный способ сосуществования — помнить, что люди делятся не на русских, поляков, евреев или литовцев, а на тех, на кого можно положиться и на кого положиться нельзя».

А когда на первый план выходит деление людей по чисто человеческим качествам, естественно, растет число межнациональных браков (вернемся к теме главы, от которой мы несколько — но очень недалеко — на время ушли).

Процесс такого смешения идет во всем мире. И трудно даже решить, какая страна здесь оказывается «впереди других». Вот Соединенные Шта-

ты, где число смешанных браков между представителями не только разных национальностей, но и разных религий продолжает расти.

Известно, что католики в США большей частью ирландского, французского, польского происхождения, протестанты же — английского, скандинавского, немецкого. Уже вскоре после второй мировой войны две пятых католиков итальянского происхождения женились и выходили замуж за некатоликов, т. е. людей и другого национального происхождения. Довольно неожиданно для наблюдателей резко усилилась в последние десятилетия ассимиляция американских евреев — так, уже в 1972 году 48% браков, в которых они состояли, были смешанными. Величина поразительная. Она свидетельствует о многом — от резкого ослабления религиозных барьеров (с обеих сторон, т. е. последователи каждой из религий отказываются от «твердокаменности» в выполнении по крайней мере части ее заветов) и до сближения образа жизни этого этнического меньшинства с образом жизни всей североамериканской этнической общности.

Вообще надо сказать, что падение разграничительной роли религии повсеместно способствует расширению межнациональных контактов и смешанным бракам как практически неизбежному следствию последних.

Исследовательница О. Б. Наумова изучает смешанные браки, заключаемые представителями немецкого национального меньшинства в Казахстане. В таких браках сегодня состоит там примерно половина всех немцев — это ли не свидетельство интенсивнейшего этнокультурного сближения казахстанских немцев с другими народами республики! Но вступают немцы в браки главным образом с русскими и украинцами. Не придается значения тому, что исторически российские немцы были протестантами, а русские и украинцы — православными.

Родственники с обеих сторон не чинят препятствий таким бракам и часто даже не пытаются хотя бы отговаривать жениха с невестой с помощью классического призыва «хорошенько подумать». Гораздо сложнее положение с казахско-немецкими

браками. Почти нет семей, где муж — немец, казашка — жена. Браки же, где муж — казах, а жена — немка, встречаются, и совсем не так уж редко, хотя и много реже, чем русско-немецкие, например. Причем частенько браки заключаются вопреки прямому и очень активному противодействию родственников казаха —

Муж в этой семье — азербайджанец, жена из Дагестана

233

видимо, из-за такого и еще более резкого настроя их против выхода казашки замуж за немца почти вовсе нет браков последнего типа.

Считать ли, что тут виновата религия, у мусульман, особенно кочевников, более прочно удерживающая свои позиции? Ну, браки мусульман с последовательницами христианства

(как и иудаизма) Коран вовсе не запрещает (в отличие от браков с язычниками) и даже не требует, чтобы жены в таких случаях обращались в ислам. Против смешанных браков скорее выступают местные обычаи. А если брак все же состоится, то жена-немка принимает образ жизни мужа-казаха. (Любопытная, много

говорящая деталь: сейчас бракосочетание казаха и казашки сплошь и рядом обходится без освящения муллой, а вот при женитьбе казаха на немке муллу частенько призывают к «исполнению обязанностей»; в таких случаях свадьба по мусульманскому обряду кажется скорее формой введения женщины в новый для нее этнос, чем данью собственно религиозным взглядам.)

В СССР в настоящее время в каждой шестой-седьмой семье муж и жена принадлежат к разным национальностям.

В Латвии по крайней мере четвертую долю всех семей составляют смешанные. На Украине — около 22%, в Казахстане процент разнациональных браков несколько меньше, но не намного. Притом в городах доля смешанных семей, как правило, значительно выше средней цифры по каждой республике.

Хорошо это или плохо, что возникают межнациональные браки? Само по себе, как факт — ни хорошо, ни плохо. Дети в таких семьях в среднем не слабее и не сильнее физически, не умнее и не глупее, не талантливее и не бездарнее, чем в этнически однородных. Да будь иначе — это бы говорило или в пользу расизма (будь дети от смешанных браков «неудачнее»), или за некий расизм наоборот: ведь нельзя же считать ребенка поляка и полячки заведомо более талантливым (или более бездарным), чем сына поляка и белоруски или украинки и литовца. Думаем даже, что не только не стоит — неправильно было бы приводить здесь в доказательство примеры гениев, рожденных как от однонациональных, так и от смешанных браков. Равенство людей, принадлежащих к разным народам, достаточно доказано всей историей человечества.

Ну, а как насчет того, о чем прежде всего, во всяком случае поначалу, обычно думают вступающие в брак по любви? Как насчет счастья? О прочности таких браков кое-что может сказать статистика. Вот в Кишиневе, например, браки между молдаванами распадаются реже, чем между русскими; смешанные семьи крепче в среднем, чем семьи чисто русские, но уступают в этом отношении семьям молдавским. Аналогичная картина (с заменой соответственно молдаван

грузинами) в Тбилиси. Обследования показывают, что это почти общее правило: показатели доли разводов в смешанных браках занимают промежуточное место между показателями для тех народов, представители которых создали смешанную семью.

Это прежде всего о прочности брака. А что касается счастья, то судить о нем трудно. Но вот американские социологи в свое время провели массовые опросы для выяснения того, насколько довольны своими браками представители разных слоев общества, какие обстоятельства способствуют тут удаче.

Оставим сейчас в стороне, что у социологов получилось, будто второй брак нередко удачнее первого, причем прежде всего в силу полученного в первой семье опыта. Для нас интересен другой вывод из этих исследований. Две категории семей были признаны по сумме учитываемых признаков наиболее счастливыми. Те, в которых муж и жена происходили из одной и той же среды, как национальной, так и социальной, имели примерно одинаковый уровень образования, воспитывались в схожих условиях. И те, в которых муж и жена происходили из разных этносов, да притом еще с весьма отличными друг от друга культурами. Что касается случаев первого рода, они кажутся более понятными: каждый из супругов знает, чего ждать от другого, у них схожи и обычаи и многие привычки, много шансов, что близки и круг интересов, и убеждения, и манеры, и взгляды на воспитание детей. Ну, а как истолковать вторую группу случаев? Объяснение, предложенное обнаружившими такой феномен социологами, вкратце можно изложить так. Человек, вступающий в брак с представителем другого народа, заранее готов ко многим предстоящим сложностям, склонен проявлять терпимость к непривычному. Кроме всего прочего, тут любовь могла пройти предварительное дополнительное испытание: не всегда легко решиться на семейный союз с человеком другой культуры.

Ведь почти каждый смешанный брак ставит перед супругами некоторые проблемы, с которыми они бы не встретились в браке однонациональном. Е. В. Рихтер, этнограф, занима-

ющаяся изучением русско-эстонских семей, отмечает, например, что определенные трудности вызывает даже необходимость готовить именно такие блюда, которые нравились бы и жене и мужу, — это сложнее, чем угождать гостям обеих национальностей, которые все-таки появляются в доме далеко не каждый день. Нередко воз-

никают споры о том, в какую школу — эстонскую или русскую — отдавать детей, да и способы воспитания, принятые у эстонцев и русских, не во всем совпадают. Разнятся порою представления о «правильном» методе ведения хозяйства, о необходимой степени порядка в доме и аккуратности и т. п.

Вот рассказывает о семье своих

родителей, Дезире и Анриетты, валлона и фламандки, Жорж Сименон:

«Мамаша Сименон предупреждала Дезире:

— Если хочешь, женись на ней. Но посмотришь, чем она будет тебя кормить».

И вправду: «Дезире предпочитает разварное мясо, жареную картошку,

горошек и засахаренную морковь. А его жена-фламандка любит только жирную свинину, тушеную с овощами, салат из сырой капусты, копченую селедку, острые сыры и шпик».

Это, скажем кстати, не помешало Дезире и Анриетте любить друг друга и славно прожить общую жизнь.

Разумеется, по многим из вопросов такого рода мнения могут расходиться и у супругов одной национальности, однако в смешанных браках появляется опасность, что даже личностные достоинства, недостатки, привычки и особенности характера и темперамента будут объяснять именно этническим происхождением брачного партнера. Если налицо взаимные любовь и терпимость, на происхождение делается «скидка». А если насчет терпимости плохо?

Никто, однако, не доказал еще, что усложнение жизни непременно портит ее, а некоторые социологические исследования показывают как будто, что в ряде случаев семьи тем крепче, чем более сложные задачи приходится разрешать супругам. Внутрисемейные трения характерны отнюдь не для одних лишь смешанных семей. Взаимное уважение к «чужим» традициям нередко вызывает и взаимную благодарность, способствует взаимопониманию на том важнейшем уровне, который психологи и социологи именуют личностным. О. Б. Наумова рассказывает, в частности, в своем исследовании о казахско-немецкой семье, куда каждый год 25 декабря, на рождество, сходятся родственники немки, и на стол ставится праздничный пирог «кухе»; на ежегодные же поминки по свекру-казаху приходят старики казахи, причем для них режут барана и приготовленное мясо раздают гостям в порядке, определяемом родовым старшинством.

«Быстрые побеги дает лишь национализм, подлинный интернационализм труднее воспитать. Вот примеры. Дагестанец женится на русской. Это преподносится как факт интернационализма. А дело-то все в самом элементарном и банальном: полюбили друг друга молодые. Или в колхозе работают люди пяти различных национальностей, и живут они мирно, дружно. Плоды интернационализма!

— кричат твердолобые догматики. Значит, если колхозники намывают друг другу шею, не поделив, допустим, очередь за импортной косметикой, — это национализм? Глупость!»

Так говорит поэт и прозаик Расул Гамзатов. Но мы позволим себе далеко не полностью согласиться с частью этого его высказывания.

«Полюбили друг друга» — дело действительно элементарное и банальное (во всяком случае — со стороны). Но ведь часто (слишком часто), как свидетельствуют хотя бы время от времени появляющиеся в молодежных газетах письма юношей и девушек, желание вступить в брак с представителем другой национальности встречает сопротивление родственников, вплоть до попыток, иногда «удачных», выдать девушку замуж (или женить юношу) в своем национальном кругу.

Да, когда аварец и украинка, белорус и эстонка, чуваш и татарка (в нашей стране больше ста двадцати национальностей — значит, по законам математики и любви здесь возможно по крайней мере более пяти тысяч сочетаний) вступают в брачный союз, они «просто» полюбили друг друга. В их отношениях это — первоначально главное. Искать в самом факте взаимной влюбленности интернационализм, Расул Гамзатов прав, наверное, не стоит. Любовь Дездемоны к мавру вряд ли можно объяснить ростком интернационализма в эпоху Возрождения, и брак индианки и канадского охотника-француза в XVIII веке тоже не имеет смысла рассматривать в качестве такого «ростка».

Но любовь двоих становится испытанием интернационализма в тех, кто их окружает, — родных, близких, друзей обеих сторон. Брабандию, отец Дездемоны, вполне дружески относившийся к Отелло, пока тот был лишь гостем в его доме, этого испытания не выдержал. А между тем Отелло хоть и мавр, но царской крови, первый полководец и надежда Венецианской республики — и все это в глазах сенатора Брабандию не может перекрыть того, что его зять «чернее сажу». Однако другие сенаторы и сам дож относятся к ситуации довольно спокойно: знатность и заслуги Отелло значат для них боль-

ше, чем цвет его кожи. Дездемона полюбила «великого человека» — это ее оправдание для них.

Канадского «белого» охотника нередко заставляла жениться на индианке прямая необходимость — свободных женщин-европеянок и близко не было. Это объясняло ситуацию для других «белых». Но в нашей

Муж — русский, жена — армянка

237

стране украинцу или эстонке совсем нетрудно в общем найти супруга того же этнического происхождения.

Родственники одной стороны, а то и обеих нередко возражают против брака. Причем опять-таки в каждом отдельном случае за возражениями могут стоять и не только и даже не столько (а то и вовсе не) национали-

стические убеждения, сколько комплекс этнических обычаев и привычек, в которых такие соображения, если они и есть, лишь элемент.

Известно, например, что в смешанных браках люди кавказских и среднеазиатских национальностей по большей части мужья. Армяне, узбеки, казахи в десятки раз чаще женятся на

русских, украинках, латышках, еврейках, немках, чем выходят за русских, украинцев, евреев и т. п. армянки, узбеки, казашки...

Азербайджанец — вполне реальный, а не статистический — горько жаловался в случайно возникшем разговоре одному из авторов, что его сестра хочет выйти за русского, а их мать против и он скорее на стороне матери; женат же сам этот азербайджанец между тем был на русской, и сопротивление тому браку среди его родственников было, по его словам, совсем небольшим. Так как, считать или не считать такой подход националистическим? Скорее перед нами наследие старых религиозных запретов, по которым мужчина мог жениться на немусульманке, но женщина-мусульманка за иноверца выйти не могла.

С другой стороны, армяне и грузины ведь никогда не были мусульманами, значит, только что предложенное объяснение по меньшей мере недостаточно. Сами представители кавказских и среднеазиатских народов обычно говорят для объяснения такой позиции, что национальность детям передает отец и речь, значит, идет о желании «сохранить народ».

Отметим, что хоть и медленно, но неуклонно растет и число браков женщин кавказских и среднеазиатских этносов с мужчинами других народов. А общий рост межнациональных семей свидетельствует о том, что сопротивление таким бракам старших родственников или реже бывает сильным, или чаще преодолевается.

Надо сказать, что отношение к межнациональным бракам в этнической группе — обычно довольно объективный показатель степени развития у нее интернационалистского мировоззрения.

Известен провокационный вопрос, который в США задается стороннику полного равенства негров: «А вы выдали бы свою дочь за негра?»

В разных районах мира вместо негра в эту фразу можно подставить еврея, араба, китайца, немца, алжирца, индийца.

И лучший, кажется, ответ, давно предложенный на этот вопрос, звучит так: за негра — да, за расиста, за националиста — нет.

А как с теми, кто родился от брака

эстонки и русского, литовки и поляка, белоруса и еврейки, азербайджанца и украинки? Или — хорвата и словенки, француза и итальянки, американца и японки, китайца и англичанки?

Их на свете очень много. Больше, чем людей любого народа Земли. По самым приблизительным подсчетам, число детей, родители которых принадлежали к разным национальностям, превышает миллиард. Если же принять во внимание еще три-четыре поколения предков, не исключено, что такие люди составляют и побольше, чем половину человечества.

Но обратите внимание: огромное большинство из этого миллиарда ощущает себя членами только одного из тех этносов, к которым принадлежали их родители, деды и бабушки, прадедушки и прабабушки. Чем же определяется этот выбор «для себя» одного народа из двух, трех, а то и большего числа? Обычно сочетанием нескольких причин, среди которых часто решающая — родной язык (а он ведь большею частью не выбирается).

Евгений Евтушенко пишет:

Во мне,
словно семь притоков,
семь перекрестных кровей:
русская —
словно Непрядва,
не прядущая пугливо,
где камыши растут
сквозь разрубленные шеломы;
белорусская —
горькая от пепла сожженной Хатыни;
украинская —
с привкусом пороха,
смоченного горилкой,
который запорожцы
клали себе на раны;
польская —
будто алая нитка из кунтуша Костюшки;
латышская —
словно капли расплавленного воска,
падающие с поминальных свечей над могилами
в Риге;
татарская —
ставшая последними чернилами Джамиля
на осклизлых стенах набитого призраками
Моабита;
а еще полтора метра
грузинской крови,
передитой в меня в тбилисской больнице
из вены жены таксиста.

Интернационалист, поэт гордится всеми этими линиями, на перекрестке которых он появился на свет, — но он, мы это знаем по его поэзии, — русский.

Среди членов уже упоминавшейся

семьи Эйнеров — Эйнерсов, сильно разросшейся и включающей в себя представителей нескольких национальностей, каждый, наверное, ощущает себя принадлежащим лишь к одной из них. Хотя возможно и двойственное этническое самосознание. Сын немца и русской может чувствовать себя в какой-то ситуации больше немцем, в какой-то — русским. То же может относиться к детям от любых смешанных браков. Но ведь не только к ним! Латыш, третье поколение семьи которого живет на Украине, ощущает себя и украинцем. Кореец, чей прадедушка уже жил в Киргизии, имеет право осознавать себя и киргизом. Армянин, если его предки поселились в Москве, скажем, еще в начале XIX века, может обладать не только армянским, но и русским этническим самосознанием.

Впрочем, тут совершенно может быть неважен «семейный стаж». Каждый, кто читал воспоминания «Человек и время» советской писательницы, армянки по происхождению, Мариэтты Шагинян, увидел, конечно, в этой книге места, где более заметно авторское ощущение себя армянкой, и другие, где Шагинян — до очевидности ясно — выступает как русская. То есть невозможно даже представить, чтобы она отделила себя как армянку от своих русских подруг, отнеся их к разряду «они». Однако там, где писательница рассказывает о расселении армян по югу России, Польше, Западной Европе, «мы» для нее — уже армяне. Но этот пример опять-таки к проблеме детей от смешанных браков отношения не имеет — и уже этим, как нам кажется, кое-что доказывает.

Словом, не без оснований можно сказать, что двойное этническое самосознание возникает не только у детей от смешанных браков. Человек, долго живущий в инонациональном окружении — бурят в Якутии, мордвин в Туркмении, татарин в Каракалпакии, — не сомневается в своей «паспортной» национальности. Но ощущая своей малой родиной эту — «чужую», если следовать прописям националистов, — землю. Ростовские армяне во многих отношениях чувствуют себя и русскими, русские на Украине ощущают себя нередко не только русскими, но и украинцами, а ук-

раинцы в РСФСР — и русскими. Двойное этническое самосознание вещь довольно распространенная, и определить, какая из его сторон сильнее, — дело, которое не решить только с помощью метрики и паспорта.

Вспомним теперь сцену из романа грузинского писателя Нодара Думбадзе «Белые флаги». Между персонажами этого романа заходит спор, могут ли претендовать на имя «грузин» тбилисский армянин, давно живущий в Грузии, потомок украинца, носящий фамилию Гоголь, и грузинский еврей. К старому учителю, пользующемуся уважением, обращаются: «Дядя Исидор, или убей меня, или объясни — как могут быть грузинами еврей, украинец и армянин?»

И учитель объясняет: «Ну, что касается Гуляна... сами небось слышали, как он, армянин, поправлял грузинскую речь грузина Накашидзе... А что Хаос и Картлос¹ — братья, это всем известно».

У Гоголя мать (а также бабка, прабабка и т. д. — грузинки); учитель Исидор напоминает, что дети царицы Тамар и осетинского царевича Давида Сослана, Лаша и Русудан, «назывались сыном и дочерью царицы Тамар, а не отца их...».

Что же касается грузинского еврея, то, ссылаясь на «Картлис Цховреба», написанную в средневековье историю Грузии, учитель говорит о том, что евреи поселились в царстве Картли еще во времена царя Навуходоносора и Грузия с незапамятных времен стала для их потомков родиной.

Происходит этот разговор в тюрьме, и биографии большинства его участников, мягко говоря, не могут служить примерами для молодежи. Но видимо, не случайно ввел писатель такое обсуждение национальных проблем именно в этот роман.

Любовь к Грузии, напоминает Думбадзе, присуща и выросшим в ней людям других национальностей, кстати сказать вовсе не отрекающимся от своего происхождения; у них то двойное этническое сознание, о котором мы уже говорили. А дотюремные занятия собеседников, у некоторых весьма предосудительные, не лишили их человеческих чувств, в том числе и любви к Родине.

¹ Легендарные предки, первый — армянин, второй — грузин.

Русский писатель Владимир Галактионович Короленко, человек, которого можно, пожалуй, назвать эталоном нравственности, оставил нам автобиографическую в основе книгу «История моего современника». Есть там и глава «Кто я?», где автор рассказывает, как началось у него то, что можно назвать формированием личного национального самосознания. Заметим, что имел писатель в числе своих предков людей, принадлежавших по крайней мере к трем этносам.

Род писателя шел от казачьего полковника, получившего от польских королей гербовое дворянство. Прадед был полковым писарем; дед и отец — русскими чиновниками. Галактион Афанасьевич, православный, женился на польке-католичке Эвелине Иосифовне Скуревич.

У писателя оказалась и русская, и польская, и украинская родня. В семье в первые годы детства господствовал польский язык.

И жила семья В. Г. Короленко на Волыни, долго бывшей польским владением. «В селах помещики, в городах — среднее сословие были поляки или, во всяком случае, люди, говорившие по-польски. В деревнях звучал своеобразный малорусский говор, подвергавшийся влиянию и русского, и польского. Чиновники (меньшинство) и военные говорили по-русски...»

В пансионате, в котором десятилетний Володя учился как раз во время польского восстания 1863 года, ему впервые по-настоящему пришлось столкнуться с национальным вопросом.

Русская литература тогда предстала перед мальчиком в виде официального журнала, откровенной целью которого было обрусение «Юго-Западной и Западной России»: «По содержанию это была грубо тенденциозная стряпня. Все русские изображались героями добродетели, а из поляков хорошими представлялись только те, кто изменял своим соотечественникам. Все это оставляло в душе осадок безвкусицы и сознательной лжи».

В это время, полагает писатель, в его душе «наибольшим удельным весом обладали... те чувства, мысли, впечатления, какие она получала от языка, литературы и вообще культурных влияний родины моей матери». Но тут школьный друг — поляк — отвернулся от него только потому, что Владимир — «москаль» и якобы радуется поражению польского восстания.

«Итак — я лишился друга только потому, что он поляк, а я русский, и что мне было жаль... русских солдат, когда я думал, что их могут убить. Подозрение, будто я радуюсь тому, что теперь гибнут поляки... меня глубоко оскорбило... Я ожесточился и чуть не заплакал...

— Я не радуюсь... но... когда так... Ну что же, я русский, а он пускай думает, что хочет».

Как видите, Володю в тот момент укрепило в мысли, что он русский, оскорбление. Но тут «пришла третья национальность и в свою очередь предъявила на меня свое право».

В пансионате появился новый учитель. «В самом начале урока он взял в руки список и стал громко читать фамилии. — Поляк? — спрашивал он при этом. — Русский? — Поляк? — Поляк? Наконец он прочел и мою фамилию.

— Русский, — ответил я.

Он вскинул на меня свои живые глазки и сказал:

— Бреешь».

А после урока «подошел ко мне, запустил руки в мои волосы, шутя откинул назад мою голову и сказал опять:

— Ты не москаль, а казацкий внук и правнук, вольного казацкого роду, понимаешь?

— Понимаю... — ответил я, хотя, признаться, в то время понимал мало и был озадачен. Впрочем, слова «вольного казацкого роду» имели какое-то смутно-маящее значение».

Знаете, какой первый вывод сделал из этой новости мальчик? «Если я не москаль, то, значит, моему бывшему другу Кучальскому не было причины меня сторониться».

Но Кучальский не желает дружить и с «малороссом»:

«— Это еще хуже... они закапывают наших живыми в землю.

Эта простая фраза разрушила все старания украинца-учителя». К тому же нарочито стилизованная одежда учителя, его манера говорить и прочее казались ученику интересными, но «не настоящими», деланными. А когда учитель однажды что-то сказал о Володиной матери как «ляшке», то мальчик совсем от него отвернулся.

Но нерешенный пока окончательно вопрос о национальности отразился «в спутанном клубке сновидений», тяжелых снов, посещавших мальчика каждую ночь. «Теперь мне кажется, что этот клубок был завязан тремя «национализмами», из которых каждый заявлял право на владение моей беззащитной душой, с обязанностью кого-нибудь ненавидеть и преследовать...»

Позже, в начале юности, Владимир то воображал себя рыцарем — поляком, то казаком, воюющим за свободу Украины... Одно время даже интересовался географией с той точки зрения, «где можно было найти уголок для восстановления Запорожской Сечи...».

Но очарование романтизма польской и украинской старины было побеждено статьями Добролюбова, поэзией Некрасова, повестями Тургенева. «Эта струя литературы того времени, этот особенный двусторонний тон ее — взяли к себе мою разноплеменную душу. Я нашел тогда свою родину, и этой родиной стала прежде всего русская литература», — заканчивает тему «внутреннего национального самоопределения» В. Г. Короленко.

Почему мы сочли важным остановиться именно на этой конкретной судьбе?

Здесь ясно видно, как важны, особенно в детстве и ранней юности, впечатления чисто эмоционального порядка, как на осознании себя в этнически разделенном мире могут сказываться и важные исторические события (польское восстание и его разгром), и случайности житейского характера (разорванная дружба с мальчиком-поляком, нарочитость поведения учителя и его слова о матери-польке и т. п.). Хорошо показал писатель и значение искусства в национальном самосознании (напомним, что пересказали-то мы эту историю кратко, всякий желающий может найти подробности в нескольких главах первой книги «Истории моего современника»).

Не в последнюю очередь важен для нашей работы этот поиск «своего народа» тем, что В. Г. Короленко не только «самоопределился» — он стал еще подлинным интернационалистом. В одной из ссылок он жил среди якутов и сибирских татар, в другой — в русской северной глуши, встречался с людьми самых разных национальностей — и ни в одном слове у него не проскользнуло не то что националистического оттенка — хотя бы толики высокомерия по поводу «темноты» чужого или своего народа. Он защищал украинских крестьян, подвергшихся полицейскому террору, удмуртов и евреев, когда тех и других обвиняли в ритуальных убийствах.

5

Существует нечто, именуемое мировой культурой, существует цивилизация, созданная усилиями всего человечества... Мы знаем, что на определенном этапе один народ давал мировой культуре больше новых идей, открытий, примеров революционного переустройства жизни, чем другие народы. Так, например, в одну историческую эпоху вклад китайцев в общую культуру был куда значительнее вклада немцев и французов. А в иные времена немцы и французы обогатили мировую культуру больше, чем китайцы... Сокровища, рожденные гением того или иного народа и отданные всеобщему делу цивилизации и просвещения на разных этапах жизни человечества, вплоть до наших дней, не были равноценными. Но я хочу подчеркнуть и другое: нет ни одного народа, который бы не внес своей лепты в эту общую культуру, родня и объединяя [человечество] в единую семью взаимодействующих людей.

Назым Хикмет

НА РОДИНЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
МЕЖДУ УРАЛОМ
И АТЛАНТИКОЙ
ОТ ЗАПОЛЯРЬЯ ДО ЭКВАТОРА
ОТКРЫТАЯ ТЫСЯЧУ РАЗ

ЗЕМЛЯ С ИСТОРИЕЙ.
РАЗОРВАННОЙ НАДВОЕ
ОБЩИЙ ВЗГЛЯД
НА СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ
У БЛИЖАЙШИХ ДРУЗЕЙ

5 Африка входила в район, где наши далекие предки стали из предлюдей настоящими людьми. Судя же по антропологическим находкам последних десятилетий, именно на этом материке начался долгий путь от животного к человеку, занявший по крайней мере 3 миллиона лет, но нас интересуют времена гораздо более близкие.

Сейчас население Африки примерно в четыре раза больше, чем век назад, и приближается к 600 миллионам человек. А принадлежат они к сотням и тысячам этносов и этнических групп — во всяком случае американский этнограф Дж. Мэрдок зарегистрировал более семи тысяч этнических названий. Число собственных этносов, по некоторым подсчетам, превышает тысячу. Африка тут, пожалуй, рекордсмен среди всех частей света.

А кроме того, в Африке существуют все, какие только известны науке, виды этнических общностей. Есть племена совсем маленькие, охотников и собирателей, как бушменские, и более многочисленные; есть народности, есть и большие нации, прошедшие по пути капиталистического развития достаточно далеко (пример — хотя бы египтяне). Но — вот ведь незадача — в применении к Африке некоторые привычные для этнографов понятия особенно часто нуждаются в уточнении своего смысла и объема. Экономический строй, социальное устройство, образ жизни многих народов демонстрируют такое причудливое смешение элементов разных социально-экономических укладов, такую мозаику черт первобытно-родового, феодального и капиталистического обществ, что социологи бешено спорят о пригодности привычных уже (для других материков) характеристик и определений.

Именно на африканский в основном материал обычно ссылаются те исследователи, которые утверждают, буд-

то племя — поздно возникшая форма организации общества. По мнению этих исследователей, слишком сложные системы представляют собой многие африканские племена — слишком сложные и слишком отличающиеся друг от друга, чтобы применять по отношению к ним этот единственный термин.

Мы полагаем, что среди африканских племен есть действительно общности, имеющие за плечами долгий путь эволюции, но в конце концов все человечество находится в одном возрасте, и все его составные части потратили на свою социальную эволюцию одно и то же количество веков; другое дело, что разные сроки тратятся на те или иные стадии общественного развития. А некоторая необычность этнических явлений в Африке не должна пугать ученых — много ли можно обнаружить простых этнических процессов?

Да, в Африке есть этнические общности, у которых еще не возникла внутренняя система власти и которые поэтому можно назвать скорее предплеменами, чем племенами, хотя, на наш взгляд, тут вполне годится и название «племя-этникос».

Отказываться же от работающего в науке понятия «племя» не стоит. Как кажется, известный угандийский ученый и поэт Окот п'Битек настаивает на этом скорее из-за того, что у значительной части африканской интеллигенции слово «племя» вызывает крайне отрицательную эмоциональную реакцию. Это, пожалуй, можно рассматривать как естественный ответ на применение данного термина в контекстах, которые унижали африканцев или по крайней мере вызвали ощущение, что их хотят унижить. Надо ли нам тут поддерживать такое отрицательное отношение?

Сложности с терминологией — лишь отражение сложности реальной жизни. Чрезвычайно любопытное и в

своем роде уникальное явление, например, этнический союз и сосуществование в фактически едином обществе пигмеев мбути и негров банту бира. Союз этот был детально исследован японскими учеными в районе Тетри (Заир). Здесь каждая группа мбути, насчитывающая от 50 до 100 человек, в дождливый сезон (август — ноябрь) живет рядом с селением земледельцев банту бира, причем тесно связано — экономически и культурно — с одним конкретным родовым подразделением бира. В другие времена года мбути промышляют собирательством и охотой, при этом постоянно обменивают свою добычу на продукты земледельцев. Мбути уже давно перешли на язык банту бира, перед нами по существу картина превращения (но на необычной экономической и социальной основе) этноса в субэтническую группу другого народа.

А вот еще пример «африканской экзотики». Некоторые этносы не только не имеют четких границ расселения, но словно бы переходят друг в друга плавно, постепенно. На наших глазах в Африке с фантастической (если сравнивать с европейскими темпами прошлого) скоростью идет процесс перехода от родо-племенных структур к народностям и даже нациям; в результате и этническое самосознание отдельного африканца может оказаться очень сложным: он считает себя принадлежащим сразу к такому-то племени, такому-то союзу племен и такой-то народности (а то еще даже и к такой-то нации).

Уйдя из Африки (и то далеко не всюду и не полностью), колониализм оставил ей великое множество проблем — экономических, социальных, политических, юридических и иных. И далеко не на последнем месте среди этих проблем этнические, тем более что они так или иначе связаны почти со всеми остальными, и многие из этих «остальных» могут быть разрешимы только вместе с этническими. Практически каждое из десятков новых африканских государств независимо от своей величины представляет собой объединение нескольких этносов в виде большей частью народностей и племен, но порою уже и на

стадии наций. Если в Заире с его более чем тридцатимиллионным населением таких этносов более сотни, то в соседней Народной Республике Конго (около миллиона жителей), «только» несколько десятков. В Кении по крайней мере шесть этносов, насчитывающих в своем составе более полутора миллиона человек и еще десятки меньших по численности.

Независимые государства унаследовали свои границы от колониальных владений европейских держав — и английские, и французские, и иные империалисты меньше всего были заинтересованы в организации своих колоний по этническому принципу.

Когда процесс деколонизации Африки только начинался, многие европейские ученые, историки и этнографы, как и многие политические деятели, предсказывали образование здесь новых государств с учетом этнического принципа, полагали, что при этом будет разрушена и перекроена заново сеть границ, сложившихся в ходе завоевания Африки империалистическими державами. Этого, однако, не произошло.

За сотню (иногда больше, иногда меньше) лет каждая из бывших колоний, в силу естественного развития, в значительной степени стала представлять собой экономическое — и не только экономическое — целое.

Не случайно Организация африканского единства (ОАЕ) провозгласила принцип сохранения границ между странами — нарушение его в конкретных условиях современной Африки, по мнению руководителей ОАЕ, привело бы к бесконечным междоусобицам. Наглядные примеры тому были продемонстрированы, например, во время сомалийско-эфиопского, угандо-кенийского, сомалийско-кенийского и других конфликтов.

А в теперешних границах каждой страны бурно идут этнические процессы. Причем развиваются они с быстротой, примеров которой история почти не знает.

Этнограф Б. В. Андрианов пишет: «Если в Европе родоплеменные структуры трансформировались в народности на протяжении столетий, то в Африке этот процесс развивается стремительно, на протяжении последних десятилетий».

Крупнейший народ Кении — ки-

куйю — собирает вокруг себя народы эмбу, мере, мюере, тарак и другие, совсем мелкие. Третья по численности народность Кении образовалась уже в наше время: ряд родственных племен слился до такой степени, что принял общее имя «лухья» — сородичи.

Тут Африка, кроме всего прочего, дает историкам неочевидные модели развития народов — перед нашими глазами за считанные десятилетия, а порою и годы проходят процессы, занимающие обычно долгие века, процессы, какие шли когда-то при образовании любой из современных крупных наций, пусть и в других условиях.

Правительство Кении, как и власти ряда других африканских стран, стремится еще более ускорить этнические процессы, ставя своей целью создание единой кенийской нации. В 1963 году, сразу после получения независимости, была выдвинута эта задача объединения и провозглашен лозунг «Харамбее» — «Потянем вместе».

В 1968 году добавился новый лозунг: «Нет племен — есть кенийцы». Но возможно, именно слишком большая поспешность привела с 1969 года к серии конфликтов между некоторыми народами Кении, конфликтов, иногда доходивших до вооруженных столкновений. Тем не менее государство сумело выйти из этих конфликтов.

Несколько лет назад Ньерере, тогда президент Танзании, сформулировал, что его партия (партия ТАНУ) поставила перед собой задачу — «создание нации из более чем 120 племен, из людей, принадлежащих к различным религиозным и социальным группам, — нации, в которой расовый элемент значит меньше, чем послушной список и способность трудиться».

Каждый вступающий в ТАНУ проносил клятву, которая начиналась словами: «Я верю во всеобщее братство людей и единство Африки».

«Мы хотим, — писал Ньерере, — чтобы нация в целом жила как одна семья. Это — основа социализма».

Население Танзании не представляет собой, конечно, одной нации. Однако Танзания находится в относительно выгодном положении с языковой точки зрения. 97% ее населения говорят на языках банту, языках с

одинаковым грамматическим строем и единым в своей основе словарным фондом. Это облегчает сближение этнических групп между собой, переход их на провозглашенный государственным языком суахили.

По мнению советской африканиста Р. Исмагиловой, «не исключена возможность, что в недалеком будущем может сложиться единая танзанийская нация на базе разных этнических компонентов».

Пока же здесь, как и в Кении, идет прежде всего консолидация мелких племен вокруг нескольких крупных народностей...

В Африке роль государства в развитии этнических процессов весьма велика. И когда здесь стремятся, скажем, даже религиозные праздники — христианские, мусульманские, местных культов — превратить в общегосударственные, отмечающиеся всеми гражданами независимо от их вероисповедания, — это пример осознанной работы на «строительство нации», хотя до возникновения действительно единых наций большей частью еще очень далеко.

Почти повсюду в Африке в роли «лабораторий», где ускоренно протекают этнические процессы, выступают города. Р. Исмагилова в книге «Этнические проблемы современной Тропической Африки» отмечает: «В повседневной жизни, при постоянном общении друг с другом у африканцев, принадлежащих к разным этническим группам, вырабатываются новые черты. Работая на одном предприятии, попадая в одинаковые условия, люди разных этнических групп, естественно, сближаются, постепенно порывают со своим племенем, кругозор их расширяется, происходит детрибализация — стирание племенных различий».

Этот процесс порою заходит так далеко, что в городах Танзании при переписи часто не удается установить даже, к каким племенам принадлежит значительная часть населения. Потеря связи с племенем доходит до максимума.

Особо надо сказать о судьбе выходцев из Европы и Азии, поселившихся в независимых теперь странах Африки еще в колониальную их пору. Кроме многих граждан европейских стран-метрополий перебрались сю-

да, в основном в конце прошлого столетия и начале нынешнего, и некоторые другие европейцы. А также, по свободной воле или полунасиленно, в африканских колониях Великобритании оказались многие сотни тысяч переселенцев из тогдашней Британской Индии — крестьян и рабочих, ремесленников и торговцев.

Эти намибийские женщины одеты по европейской моде XIX в., принесенной в Южную Африку жепами миссионеров

После освобождения колоний судьба африканских европейцев и индийцев складывалась в разных африканских странах по-разному. Многие потомки европейцев покинули Африку. Другие нашли общий язык с местным населением. Люди индийского происхождения в огромном большинстве и не собирались покидать землю, к ко-

торой привыкли. В ряде новых государств они сохранили свое положение и занятия, но кое-где подверглись жестокому преследованиям. Самым тяжелым оказалось их положение в Уганде в 1971—1979 годах, во времена военной диктатуры Иди Амина. По его решению более полумиллиона «азиатов» насильственно выселили из

страны. Заметим, что и в этом случае ненависть тирана к народам неафриканского происхождения никак не «уберегла» от кровавых расправ и людей, принадлежавших к коренным народам страны. С другой стороны, разжигание националистических чувств в Уганде не помогло диктатору сохранить свою власть — он был свергнут.

Однако не только там, где свирепствуют диктаторы, разыгрываются национальные конфликты.

В Кении, например, чрезвычайно остры противоречия не только между неграми, индийцами, арабами и европейцами, но и между крупнейшими собственно африканскими народами, прежде всего самыми развитыми — кикуйю и луо; мало того — соперничают между собой отдельные группы внутри этих народов. Так, кикуйю-киамба, по мнению остальных кикуйю, занимают слишком много высоких постов и пользуются слишком большими привилегиями.

Отметим, что после смерти Джомо Кениати, принадлежавшего именно к группе кикуйю-киамба, президентом стал представитель народа календжипов, уступающего и кикуйю и луо по численности и влиянию в стране.

Мы не будем даже пытаться нарисовать сколько-нибудь подробную картину этнической ситуации в африканских государствах. Надеемся, по приведенным примерам уже можно представить сложность этой ситуации, а в ряде случаев — остроту и напряженность ее. В многонациональных странах этнические проблемы в одиночку не встречаются. И действительно, только осуществление упоминавшегося лозунга «Потянем вместе» может вывести каждую такую страну — и это, разумеется, относится не только к африканским государствам — из трудных ситуаций.

Один из путей смягчения положения и сближения этносов внутри государств — решение проблемы общего государственного языка межнационального общения. Во многих случаях таким языком остается речь недавних колониальных хозяев, т. е. прежде всего англичан и французов. Но ее знают лишь чиновники и немногочисленная интеллигенция. Явно это не окончательное решение вопроса.

Ряд стран Восточной Африки видит

выход в распространении языка суахили. Он довольно давно выступал в некоторых районах континента как средство межплеменного общения. Одно же из главных его достоинств — то, что принятие суахили как государственного языка не воспримут так, словно оно дает преимущество какому-то одному большому народу. Ведь до недавнего времени действительно родным суахили был лишь для нескольких десятков тысяч человек.

Но суахили все-таки легче освоить тем племенам и народам, которые говорят на языках группы банту. И часть интеллигенции из других языковых групп отстаивала в Кении преимущество английского языка.

Однако в 1970 году правящая партия Кении решила, что государственным языком должен стать суахили. Считалось, что к 1974 году он должен вытеснить английский язык из административной и общественной жизни. Такой победы суахили одержать не смог. Но более 80% населения городов владеют суахили. В многих районах страны он принят как язык межплеменного общения, и победа, по-видимому, в конце концов будет за ним.

Стоит сказать, что для историков вера в разрешение Африкой ее проблем укрепляется знанием роли этого континента в прошлом человечества. Тут можно напомнить (слегка нарушая хронологию) о том, что в долине Нила появилось самое, возможно, древнее государство на нашей планете — Египет. Впрочем, сначала на Ниле сложилось много таких государств — целые десятки, и немало крови пролилось, пока их здесь не стало сначала два, потом одно.

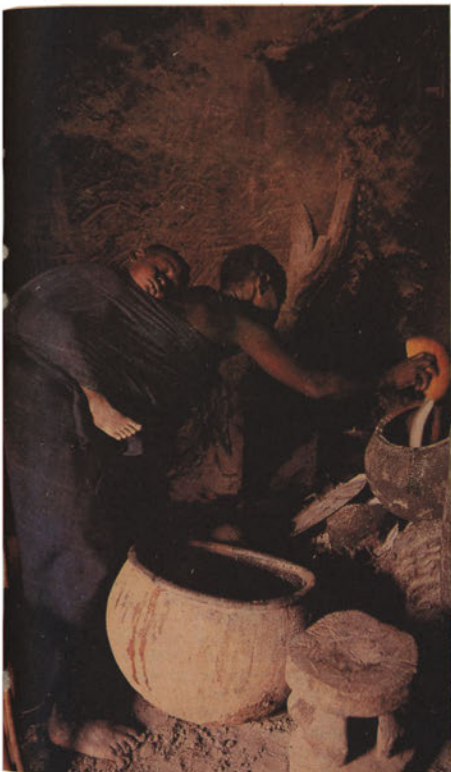
В Египте в это время жили уже миллионы людей — куда больше, возможно, чем во всей остальной Африке; не исключено даже, что больше, чем на всей остальной планете, пока еще некоторые районы Земли не перешли к активному земледелию. Больше? Да. При всем плодородии долины Египта здесь хватило бы пищи лишь нескольким тысячам, может быть, десяткам тысяч охотников и собирателей. А земледелие давало возможность получать с той же территории в сотни и тысячи раз больше еды.

В Египте, насколько можно судить, появилась древнейшая письменность планеты: правда, шумерская письменность возникла лишь немногим позже (а может быть, и в то же самое время), но зато именно на основе египетской иероглифики были созданы протобиблосское письмо и письмо финикийское, а к ним восходят практи-

За приготовлением пищи.
В африканской деревне

Женщина из племени бака
сооружает временное жилище,
пока ее муж охотится.
Центральная Африка

Женщина из племени масам
выбривает сыну голову; это
часть обрядов, сопровожда-
ющих его переход в
новую возрастную группу.
Восточная Африка

чески все (исключения — редчайшие) алфавиты, которыми пользуется наш мир.

Но Египет недолго был единственным государством в Африке. Южнее его возникло Нубийское царство. Еще одна держава образовалась и на территории теперешних Сомали и Эфиопии.

Много позже возникли мощные государства на западе материка. Одни из них не выдержали удара арабских завоевателей. Другие погибли под натиском чужеземцев уже в более близкие к нам дни. Марокканские султаны руками своих подданных, принявших мусульманство испанцев, разрушили царство Сонгаи в XVI веке.

Великий Бенин был сокрушен в XIX веке европейцами, как и некоторые другие государства, созданные самими африканцами и нередко процветавшие. В XVIII—XIX веках жившие в Южной Африке племена зулу были готовы к созданию своего большого государства. Они уже выдвинули и вождей, способных сделать это государство реальностью.

Итак, Южная Африка. Начало XIX века. В 1815 году битвой при Ватерлоо закончилась эпопея императора Франции. А в 1816 году стал по наследству вождем своего маленького племени, одного из многих племен зулу (а по власти — королем), «Черный Наполеон» — Чака. Он унаследовал от своего отца земли площадью примерно в 250—300 квадратных километров. В результате же блестящих походов владения Чаки увеличились более чем в тысячу раз, а влияние его чувствовали в Африке на территории, еще раз в десять большей.

Надо сказать, однако, что начало объединению зулусских племен положил вождь (король) другого из этих племен, покровитель Чаки, замечательный государственный деятель Дингисвайо. К слову, в отличие от сурового, беспощадного Чаки Дингисвайо имел мягкий, добрый характер. Лишь после смерти Дингисвайо Чака смог занять первое место в стране зулу.

А несколько позже любимец Чаки, полководец по имени Мзиликази, изменил своему владыке и бежал от его гнева на северо-запад. По дороге он сначала уничтожал все попутные селения, чтобы отделить себя от мести Чаки выжженной землей. А затем начал «просто» покорять встречные народы, включая их воинов в состав своей армии. Вся она, кстати, в момент бегства насчитывала только триста человек. В конце пути же Мзиликази оказался правителем земель площадью больше 1,5 миллиона квадратных километров, с многомиллионным населением. Мало того. На этих землях начал формироваться из местных племен и переселившихся сюда вместе с Мзиликази и пришедших к нему позднее зулу целый новый народ матабеле, существующий и сегодня на территории Республики Зимбабве.

История объединения африканских

племен знает не меньше крови и грязи, чем история объединения любых других племен. Но результатом зато должно было стать возникновение национальных государств. И они в одних местах уже появились, в других начали возникать, но тут на земли зулу, матабеле, басуто и других народов, прежде чем их государственные образования успели стать достаточно сильными для отпора, пришли европейские колонизаторы.

Свой приход колонизаторы пытались оправдать жестокостями вождей, вроде тех же Чаки и Мзиликази. Но история Франции знала к тому времени Варфоломеевскую ночь, устроенную Карлом IX, история Испании — бешеное неистовство инквизиции, история Центральной Европы — ужасы Тридцатилетней войны XVII века, после которой население Германии уменьшилось вдвое... Словом, в истории почти каждого народа мира найдутся печальные и страшные страницы, и обращаться к прошлому для самооправдания своих действий по отношению к чужеземцам — прием заведомо лицемерный по сути.

В Южной Африке продолжалось даже под голландско-бурским и английским гнетом сближение африканских племен. Но появились и новые этносы. Многие сотни тысяч жителей нынешней ЮАР — потомки смешанных браков белых и негров. В то время, когда Южная Африка входила в состав Британской империи, сюда приехали (или были привезены) индийцы — рабочие, ремесленники, торговцы. Живут здесь и миллионы белых — в основном потомки голландцев и англичан.

Южноафриканские власти попытались отделить людей разного цвета кожи друг от друга, на одной земле создать обособленные однорасовые города, поселки, деревни, потом и большие районы, заселенные по тому же типу. Негры живут в окружении негров, белые среди белых, индийцы среди индийцев, мулаты среди мулатов. (Само собой разумеется, что лучшие земли, города и села — у белых.) Но страна превратилась в пороховой погреб. Иногда удаются попытки натравливать негров на индийцев, восстанавливать мулатов против негров или одни африканские этносы и этнические группы против других.

Но общая борьба угнетенных, поддерживаемая все большей частью, хотя и далеко не большинством, населения Южной Африки, привела уже к серьезным политическим успехам. «Белые» правители вынуждены были пойти на серьезные уступки, особенно когда против расового угнетения выступили не только большинство стран ООН, но и многие крупные западные предприниматели, вложившие средства в экономику ЮАР и очень опасавшиеся за судьбу своих вложений при взрывоопасной ситуации. Впрочем, дело не только в этом, многие капиталисты искренне выступают за расовое и национальное равенство.

Заметим, что в 1989 году — впервые — некоторые министры южноафриканского правительства заявили, что их цель — полное уничтожение апартеида.

В Северной Африке находятся такие независимые государства, как Марокко, Мавритания, Алжир, Тунис, Ливия, Египет (Арабская Республика Египет), Судан. Население их исповедует ислам. Религия, преобладающий язык, многие детали культуры этих стран — результат великих арабских походов, со времени которых прошло уже много более тысячи лет.

В VII—VIII веках н. э. с невероятной быстротой арабы разгромили множество соседних государств. Их отряды ворвались в Дагестан, добрались до Памира и Гималаев на востоке, на западе пересекли Пиренеи и дошли почти до центра Франции. По дороге были захвачены Иран и Ирак, Сирия, Северная Африка, Испания и многие другие земли. Вместе с арабами шел их язык и шел ислам. В облике жителей сегодняшних североафриканских государств обычно всего заметнее черты их далеких предков, живших в этих местах до прихода арабов. Но древние языки сохранили в сравнительно чистом виде лишь немногие и далеко не самые многочисленные народы. В Египте еще остались люди, сохранившие верность христианской церкви, — их зовут коптами. Коптов несколько миллионов. Но они все-таки составляют меньшинство в стране. И даже они по крайней

мере с XVII века говорят только по-арабски и считают арабский язык родным.

Впрочем, до арабского завоевания Древний Египет в течение своей долгой истории перенес двухсотлетнее владычество пришедших из Передней Азии гиксосов, освободился, прожил несколько веков под властью и собственных фараонов, и выходцев из Ливии и Нубии и был завоеван ассирийцами. Освободился — и через какое-то время был вновь завоеван, теперь уже персами. Потом сюда пришли греки во главе с Александром Македонским. Царями Египта стали потомки Птолемея, одного из полководцев Александра.

После македонцев и греков хозяевами страны стали римляне. Позже, во время Великого переселения народов, в Северной Африке появились германские племена, пришедшие сюда через Пиренейский полуостров. До Египта, правда, добрались лишь немногие германцы, но на территории древнего Карфагена ими было создано целое королевство, во главе которого стояли племена вандалов.

Через шестьсот лет после арабского завоевания власть над Египтом захватили половцы-мамелюки, составлявшие гвардию египетских правителей. Мамелюки разбили монголов, когда те попытались захватить и Египет. А кроме того, свергли султана и стали сажать на трон собственных вожakov. Затем место мамелюков-половцев у власти заняли мамелюки-кавказцы. А потом Египет захватили турки, позже — англичане...

Каждый из этих народов (кроме, пожалуй, англичан) смешивал свою кровь с древней кровью коренных жителей этой страны. И все же сегодня антропологи узнают многие черты древних египтян в облике феллахов — крестьян нильской долины.

Более того, антропологи проследили между людьми, жившими в Африке даже 10 тысяч лет назад и живущими сейчас, явную преемственность, несмотря на все нашествия из других частей света. Кстати, и сами африканцы проникали в прошлом на другие земли.

В глубокой древности африканцы, по-видимому, заходили из Африки далеко на север. Их следы находят в

Италии, Франции, Ирландии, а примесь африканской крови обнаруживает у себя в деталях внешности немалое число жителей и Южной и Западной Европы.

Африканцы-бушмены первыми открыли и заселили Мадагаскар — огромный остров у восточного берега Африки. Но позже туда прибыли на своих лодках малайцы, жители Индонезии, люди монголоидной расы. Это было великое путешествие, вернее, много великих путешествий, потому что несколькими волнами в течение ряда веков прибывали сюда покорители морей с далекого востока.

Малайцы принесли на остров язык, в котором до сих пор звучат слова санскрита (священного языка древней Индии). Бушмены, люди из племен банту и малайцы образовали тот сплав, который сегодня представляют собой мальгаша — основное население Мадагаскара. И доля малайцев в этом сплаве самая большая.

Миграции этносов знали все материки и многие эпохи.

В Африке на протяжении по крайней мере последних 2 тысяч лет шло широкое расселение народов, говоря-

щих на языках банту. Когда-то общие предки этих народов жили на сравнительно небольшой территории, по мнению одних ученых расположенной на территории теперешней Нигерии, по мнению других — в районе нынешнего Заира. Третья группа исследователей передвигает прародину банту много севернее, к Сахаре.

Более двух тысяч лет назад здесь в связи с освоением новых, более урожайных сельскохозяйственных культур произошел демографический взрыв: прабанту увеличились в числе, при этом они оказались в хозяйственном и военном отношении более развиты, чем их соседи. Часть этноса тронулась с места, занимая в течение веков все новые области, смешиваясь с соседними этносами, передавая общим потомкам свои наречия.

Судьбы африканских этносов ничуть не менее интересны, чем судьбы народов Европы и Азии. Но знаем мы об этих народах обычно гораздо меньше. Расскажем для примера подробнее по крайней мере об одном из них — не самом большом (хотя и совсем не маленьком), но, пожалуй, самом загадочном.

СУДЬБА ФУЛЬБЕ

Кто не слышал о норвежцах, хоть их всего миллионов пять, о исландцах, которых лишь несколько сот тысяч... Неспециалисты нередко гораздо лучше знают историю даже малых европейских народов, чем гораздо более крупных африканских или азиатских.

Фульбе, например, намного больше, чем чехов или венгров, сербов или шведов. Они живут по крайней мере в шестнадцати странах Африки, а в Гвинее составляют две пятых населения — это самый крупный народ республики. Слово «фульбе», по мнению одних специалистов, означает «рассеянные», «распыленные» и говорит о том, что они разбросаны по огромной территории; другое толкование этого самоназвания выводит его от цвета кожи — «светлоричный», «красный» в противоположность названию другого африканского этноса — волоф, которое означает «черный».

Большую работу посвятил народу Фульбе историк и этнограф С. Я. Козлов. Сочувственно цитирует он мнение английского ученого М. Джеффриса, что происхождение фульбе, «подобно происхождению Вселенной, остается неизвестным».

И все-таки кое-что известно. Еще в конце 1-го тысячелетия н. э. фульбе кочевали по сравнительно небольшой территории западных районов Сахары и прилежащим землям. Но к этому времени арабы и берберы Северной Африки, освоив верблюдоводство, двинулись на юг — и фульбе постепенно оказались вытесненными с прежних земель.

В течение ближайших нескольких сот лет фульбе расселяются по огромной части Тропической Африки, создавая при этом на разных территориях собственные государства.

Передвижения народов в Африке последнего тысячелетия —

вещь частая, можно сказать, обыденная — не в меньшей степени, чем в Европе в первые века нашей эры. И если фульбе тут чем-нибудь поражают, то тем, что они в значительной степени стоят особняком среди африканских народов. Правда, большая часть фульбе в общем внешне не слишком отличается от людей других африканских народов, среди которых фульбе живут. И язык их родствен языкам соседних сереро и волофов.

Но среди фульбе не так уж мало людей, чья кожа — желтая с красноватым оттенком, лица близки к европеоидным — овальные, тонкогубые, с тонким прямым или чуть изогнутым носом. Волосы у таких людей чуть волнистые (а не курчавые). Этот тип можно рассматривать как первоначальный для фульбе, не затронутый позднейшим смешением с африканскими этносами.

Французский антрополог Ж. Лески исследовала в 50-х годах содержание в организме людей разных рас некоторых химических элементов. У африканоидов оказалось больше калия и меди и меньше хлора и натрия, чем у европеоидов.

Биохимический анализ показал: фульбе по этому признаку близки к европейцам, а не к африканцам. Они — пришельцы в Центральной Африке и говорят на языке, сходном с языками соседей. Смена языка? Что ж, за многие века такое могло произойти, историки знают сотни примеров. Так не переняли ли фульбе язык у сереро? Однако переход на новый язык имеет, как правило, конкретные объяснения — экономические, социальные, политические. Здесь таких объяснений, во всяком случае достаточно серьезных, историки отыскать не могут. Как будто удается найти в речи фульбе древние слова из семитских языков, слова, имеющие аналоги в древнеавилонском языке и южноаравийских диалектах.

Загадочность фульбе вызывала к жизни самые смелые гипотезы о их происхождении, вплоть до прямо-таки фантастических. Фульбе «выводили» из Египта, Индии и даже Индокитая, роднили их с древними евреями и персами, бретонцами и цыганами, ассирийцами и еще десятками народов, более или менее древних. Были и серьезные гипотезы, но у каждой из них имелась своя ахиллесова пята. С. Я. Козлов не претендует на разрешение проблемы фульбе, но видит ключ к ней в другой историко-географической проблеме.

Известно, что Сахара не всегда была безлюдной пустыней. В Сахаре найдены богатые следы древних культур, включая великолепные фрески Тассили.

Здесь жили, судя по материалам раскопок, и люди европеоидного типа, часто смешивавшие свою кровь с африканцами. В Сахаре были заложены основы культуры многих африканских народов, впоследствии переселившихся на юг и восток.

Сахара же могла быть одним из центров формирования, с одной стороны, афразийской (семито-хамитской) языковой общности, с другой — языковой общности банту, а возможно, и иных языковых семей. Немалое число племен покинуло Сахару начиная с 4-го тысячелетия до н. э., когда начался очередной цикл ухудшения климата в Северной Африке. Но запад Сахары долго оставался сравнительно плодородным. Туда и отступали племена прафульбе, сохранившие в своей речи память о древних контактах языковых семей. А когда пустыней стала вся Сахара, эти племена двинулись на юг и распространились по значительной части Африки.

Другой советский исследователь, М. Я. Берзина, видит родину фульбе совсем на другой территории — в Восточной Африке, неподалеку от границ современной Эфиопии.

Вряд ли этот спор будет разрешен в ближайшее время. Народ, живущий по крайней мере в шестнадцати африканских государствах и задававший столько загадок историкам и лингвистам, продолжает оставаться объектом пристальнейшего внимания ученых.

5 Почти сразу после появления на Земле человек разумный уже добрался до территории нынешней Англии, тогда еще, видимо, не успевшей стать островом. В ту же пору человек и в Западной и в Восточной Европе дошел до южного края ледника. На самом леднике делать нашим предкам было нечего, но великое оледенение Европы заканчивалось, ледник отступал, и его буквально по пятам преследовал человек. 23 тысячи лет назад край великого ледника был где-то у Владимира. И здесь, у речки Сунгирь, найдены останки людей, умерших больше двухсот тридцати веков назад.

Они были одеты в костюмы, очень похожие на национальные костюмы современных арктических народов, только сплошь расшитые бусинками из мамонтовой кости.

Десять тысяч лет назад ледник ушел из теперешней Дании, и на его место явились первые датчане.

Ледник медлил, на каждую сотню километров у него уходила добрая сотня лет. 9 тысяч лет назад была заселена Финляндия, еще через тысячелетие стали обитаемыми Швеция и Норвегия (цифры округлены).

Не исключено, что тогда же или несколько позже был заселен даже северный остров Шпицберген. Но затем он вновь стал безлюдным, и только восемь веков назад его заново обнаружили русские поморы, жители побережья Белого моря. Они же примерно в это время открыли Новую Землю.

...Ученые никак не могут окончательно договориться, как выглядело древнейшее население Европы. Многие специалисты полагают, что меньше всего изменились за минувшие тысячелетия саамы — маленький народ, живущий у нас на Кольском полуострове и в Финляндии.

Саамы похожи сразу и на монголоидов и на европеоидов. Может быть, они сохранили облик общей для пред-

ков монголоидов и европеоидов расы того времени, когда такая единая раса существовала (есть ученые, настаивающие на том, что была эта общая евроазиатская раса). А может быть, саамы — потомки двух когда-то встретившихся народов, монголоидного и европеоидного.

У сунгирьского же человека отчетливо преобладают европеоидные черты. Впрочем, в близких от Сунгиря местах находили и черепа, очень похожие на африканские. То ли сюда заходили особенно предприимчивые предки негроидов, то ли это памятник времени, когда расы еще не разделились окончательно. Темна для нас древнейшая история Европы — до последних 3—4 тысяч лет. Мы знаем, правда, что говорили многие ее обитатели тысяч этак восемь лет назад на общем палеоевропейском языке (или разных, но схожих палеоевропейских языках).

В современных европейских языках, в том числе русском, сохранились только обломки этого древнего наследия предков. (В числе таких обломков, по-видимому, суффикс «ерг» в русском слове «четверг».)

И лишь один язык в нынешней Европе, возможно, прямо происходит от палеоевропейского. На нем говорят баски.

Как вы знаете, русский, немецкий, итальянский и другие главные языки Европы лингвисты относят, вместе со многими индийскими языками, к индоевропейской группе. То ли общий индоевропейский праязык, то ли сразу целая древняя группа таких языков сложилась около 5—7 тысяч лет назад.

Где было это ни случилось, но обитатели тех мест были, видимо, большими непоседами. Вместе с ними их языки проникли в Центральную и Западную Европу: сначала на Балканы, потом в нынешние Италию, Испанию, Францию, Англию. (В

Азии эти языки овладели Ираном и большей частью Индии.)

Четыре-пять тысяч лет назад на острове Крит в Средиземном море возникла первая известная нам европейская цивилизация. Здесь археологи нашли развалины дворца из множества комнат и переходов, закоулков, тупиков, подвалов и кладовых.

К ресторанчику, расположенному в доме XVIII в., провизию доставляют на конной повозке. Лондон

Традиционная церемония «омегаг» в Брюсселе

Уголок древнего города Дижона. Франция

255

Этот дворец стал в преданиях Лабиринтом. В греческих мифах Лабиринт строил великий мастер Дедал по приказу критского царя Миноса. А по своей воле Дедал соорудил для себя и своего сына Икара крылья... Греческие мифы поместили в центре Лабиринта чудовищного человека с бычьей головой. В пищу ему присы-

лали греческие Афины, покорные Криту, страшную живую дань — семь юношей и семь девушек в год, пока не убил чудовище отважный афинский царевич Тесей.

Крылатых Дедала и Икара, видимо, не было, но были критские мореходы, покорившие все Средиземное море. Было царство, диктовавшее свою

волю многим землям по берегам этого моря, — царство, с которым считались и Египет и Финикия.

Это государство пало после катастрофического извержения на маленьком острове Фера вблизи Крита, городá его засыпало пеплом. Премниками критян в Европе стали древние греки — дикари, ворвавшиеся без малого 4 тысячи лет назад на Балканский полуостров с севера.

Из Европы, по-видимому, пришли в Азию, на побережье теперешней Турции, хетты. В свою очередь азиатские народы все время проникали в Европу. Для этого служили несколько древних исторических путей. Один из них — своеобразные ворота между Каспием и Уральским хребтом — вековая дорога кочевников. По ней прошли почти тридцать веков назад скифы, несколькими столетиями позже — сарматы, еще позже — гунны, потом булгары, авары, печенеги, половцы, татаро-монголы.

Скифы были отличными пахарями и великолепными наездниками. Против них оказались бессильными персидские владыки, покорившие Вавилон и Египет. Александр Македонский тоже не мог подчинить себе европейских скифов (да и большую часть азиатских).

Антропологи прослеживают скифскую кровь во многих жителях Украины. Да и не только Украины. Недаром же изображения скифов на золотых чашах из курганов во многом напоминают нам типичные русские черты. И археологи, разглядывая эти изображения, не могут удержаться от цитаты из Александра Блока: «Да, скифы мы!» И тут же делают оговорку, что поэт зря приписывает в том же стихотворении скифам раскосые глаза — ведь скифы были типичными европеоидами.

Скифы и пришедшие после них в Причерноморье сарматы стали (как уже говорилась) предками и небольшого осетинского народа, смешавшись в горах с давними их обитателями. И скифы и сарматы были индоевропейцами по языку — это возвращались в Европу потомки тех племен, что ушли в Азию из (предположительно) Северного Причерноморья. А из Азии в черноморские степи шли все новые волны завоевателей.

Что происходило с предшественни-

ками каждой новой волны? Часть их погибала в сражениях с пришельцами, часть бежала на запад, меняя родину и в свою очередь заставляя двигаться другие народы, часть признавала власть новопоселенцев и смешивалась с ними.

Все происходило примерно так, как и во время совсем недавних африканских походов Чаки и Мзиликази. Но та часть каждого народа, что оставалась на месте, была отнюдь не самой малочисленной. Как иначе донесли бы до нас свое наследие скифы — после смены в Причерноморье стольких народов?

Сегодня Европа представляет собой один из наиболее экономически развитых регионов мира. Лишь зарубежная Европа, занимая менее чем двадцать пятую долю обитаемой суши, вмещает в себя более десятой доли населения мира.

Уже более тысячи лет назад в основном определилась та языковая карта Европы, которую ученые констатируют сегодня.

Наследие Римской империи — романские языки, сформировавшиеся на основе латыни; на них говорят португальцы, испанцы, каталонцы, галисийцы, итальянцы, французы, франко-швейцарцы, а на востоке — румыны и молдаване (существуют также несколько малых романских народов, например рето-романцы Италии и Швейцарии). В Англии, Германии, Австрии, Дании, странах Скандинавского полуострова господствуют языки германские; на немецком (точнее, его диалектах) говорит большинство швейцарцев. Славянский мир — поляки, чехи, словаки, сербы, черногорцы, хорваты, македонцы, боснийцы, словенцы, болгары, русские, украинцы и белорусы (о славянах подробнее — дальше). Особую группу образуют близкие друг другу латышский и литовский языки. На юго-западе Балкан живут албанцы, на юге — греки. Островком, оторвавшимся от лежащего на востоке (частично — на крайнем востоке Европы) финно-угорского массива, живут среди индоевропейского «моря» почти в самом центре Европы мадьяры. На севере обитают саамы, финны, карелы и эстонцы, на северо-востоке — марийцы, мордвини, удмурты и коми.

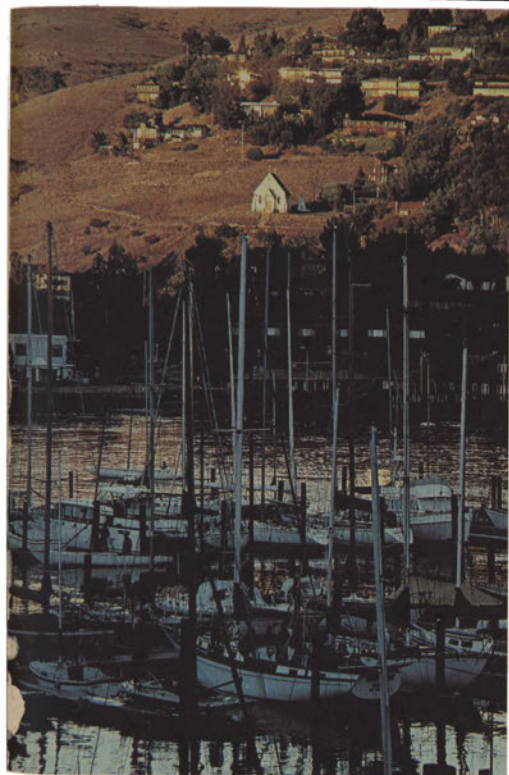
Большей частью в Западной Европе этнические и государственные границы совпадают — по той причине, что нередко именно в государственных границах, менявшихся в последние века не слишком сильно (или границах географических, как в случаях Италии или некоторых славянских территорий), шло формиро-

Лодки у причала небольшого селения. Португалия

Женщина в национальном костюме. ФРГ

Крестьяне Эстремадуры в Испании

257

вание этносов, а после первой мировой войны именно в Европе была осуществлена хоть какая-то попытка привести в соответствие государственные и этнические границы.

Этнические проблемы сохранились — или появились — во многих европейских странах. Частично они связаны с судьбами «старых» народов

Европы. Всем известно, что происходит в Северной Ирландии; сильное движение за автономию в пределах Франции или даже за независимость идет на Корсике; в Испании для разрешения этнических проблем созданы тринадцать исторических провинций, в рамках которых получили автономию такие этносы, как каталонский,

галисийский. баски Испании.

Очень острые проблемы связаны с живущими в больших и развитых капиталистических странах иммигрантами с юга Европы, из Африки и Турции, из бывших американских и азиатских колоний.

В XVIII, XIX столетиях и на протяжении большей части XX века Европу покидали миллионы и миллионы людей, чтобы поселиться в других частях света. Теперь же она сама стала местом притяжения иммигрантов из Африки и Азии, а жителей Южной Европы влекут к себе Франция, ФРГ, Англия. В больших странах миллионы считают сейчас иностранцев, на время или навсегда поселившихся здесь. Это влечет за собой многие проблемы.

Турки, прожившие пятнадцать—двадцать лет, скажем, в ФРГ, уже не могут по большей части вернуться на родину — они освоились с другим образом жизни, другими языком и культурой, в Турции, по собственному их признанию, чувствуют себя немцами, но в ФРГ, опять же по собственным их признаниям, — как турки, прежде всего из-за недоброжелательного отношения к ним многих коренных немцев.

Один из трех нынешних мировых центров капитализма (два других — США с Канадой и Япония) — Западная Европа, при всей ее относительной цивилизованности, остается пустым и этнически противоречивым.

Особо следует сказать о том, что в Европе, включая и европейскую часть СССР, наиболее далеко зашла интернационализация повседневной жизни и культуры. Практически однотипна одежда от Атлантики до Урала, много общего в жилищах, прежде всего городских.

Особенности развития Европы (связанные, как уже говорилось, в какой-то мере с географическими особенностями этой части света) сделали ее колыбелью капитализма. Опередив в экономическом и военном отношениях другие континенты, европейские великие державы захватили или по меньшей мере подчинили своему влиянию почти весь остальной мир. Именно из Европы вышла та «современная городская культура» (культура США в конце концов при всем своеобразии лишь ее местный

вариант), которая оказала столь огромное нивелирующее влияние на всем пространстве населенной суши. Китайцы и японцы оставили ради европейского костюма халаты и кимоно, а значительная и все увеличивающаяся часть индийцев и пакистанцев — свою национальную одежду.

Однако в Европе же начиная с XIX века возникло движение по изучению истоков народной жизни; здесь впервые начали всерьез изучать фольклор, собирать предметы старинного крестьянского быта, поддерживать традиционные ремесла. В последние десятилетия большее значение получают в быту национальные формы одежды, хотя бы как праздничные, особенно же традиционные украшения, культивируется этническая специфика интерьера жилищ, еды, особенно опять-таки праздничной, восстанавливаются здания и целые ансамбли традиционной архитектуры.

И в Европе же произошла первая в мире революция, провозгласившая в числе своих величайших принципов равенство всех народов.

Древние славяне

Как полагают языковеды, три с половиной, четыре или пять тысяч лет назад те племена, от которых еще только должны были произойти германцы, славяне, балты (литовцы и латыши), жили вместе на сравнительно небольшой территории и говорили на диалектах одного и того же языка.

Позже диалекты «разошлись», став отдельными языками, и на карте мира, которую тогда некому было составить, впервые появились германцы, славяне, балты.

Искать славянские племена в нашего более далеком прошлом бессмысленно; так же как бессмысленно искать, где жили 5 тысяч лет назад древние греки. В. О. Ключевский писал по поводу таких попыток: «Историческая этнография, изучая происхождение всех этих (древних. — *Авт.*) народов, пыталась выяснить, какие из них принадлежали к кельтскому и какие к германскому или славянскому племени. В такой постановке вопроса есть, кажется, некоторое методологическое недоразумение. Эти племенные группы, на которые мы теперь делим европейское

население, не суть какое-либо первобытное извечное деление человечества: они сложились исторически и обосновались в свое время каждая».

Никто не мог в то далекое «свое время» пометить на карте, где именно живут славяне, где германцы, а где, скажем, кельты... Поэтому спустя тысячи лет одним из самых сложных

Исландская семья
Осло. Город и порт
Вид на Флоренцию
Карнавал в Кёльне. ФРГ

259

вопросов истории стала проблема прародины славян. Где же обитали первые славянские племена?

Сейчас славяне занимают территории от Адриатического моря на юго-западе до Балтийского моря и Ледовитого океана на севере, от Одера на западе до Тихого океана на востоке. Славяне составляют почти три

четверти населения Советского Союза. Республики Польша, ЧСФР, Югославия и Болгария тоже заселены в основном славянами. На территории ГДР, на реке Шпрее, сумел сохранить самобытность маленький славянский народ — лужицкие сербы, или лужицкие сербы.

Но где же нам искать славян в

Европе двухтысячелетней давности? У Адриатического моря в это время — иллирийцы, язык у них не славянский, культура — тоже. Рядом — македонцы, за три века до того завоевавшие по главе со своим Александром «полмира». Имя македонцев сохранилось в сегодняшней Европе: в числе шести республик, составляющих Югославию, есть Македония. Но если ее нынешние жители — славяне, то о древних македонцах этого не скажешь: не на славянском языке они говорили. Там же, по соседству, на Балканах, жили фракийцы. Но и фракийцы не были славянами. К западу от Черного моря жили еще геты и даки (предки румын) — тоже не славяне. К северу от Черного моря обитали две тысячи лет назад кочевники сарматы и остатки разгромленных незадолго до того сарматами скифов. Но и скифы и сарматы говорили на языках иранской группы. Значит, они тоже не славяне.

Кто же тогда положил начало одной из самых многочисленных на нашей планете семей народов?

Этот вопрос волновал наших предков уже тысячу лет назад. Когда первый известный нам древнерусский летописец начинал свой рассказ о жизни и истории родной земли, он сразу же сообщал будущим читателям, что собирается рассказать им о том, «откуда есть пошла русская земля». Но русские чувствовали себя тогда, как и сегодня, близкой родней другим славянским народам, отдавали себе отчет в близости славянских языков, культур, а во многом — и исторических судеб. Летописец считал своим долгом рассказать, откуда и как появились славяне на своих землях.

Надо сразу сказать, что вопрос о происхождении славян в течение многих сотен лет был и остается очень сложным. Кажется, уже по предыдущим страницам этой книги можно увидеть, как трудно историкам разгадывать некоторые загадки прошлого. И не стоит удивляться, что у ответа на этот вопрос тоже много вариантов.

Один из таких вариантов предложила древнейшая русская летопись «Повесть временных лет». Первые русские историки — летописцы хорошо знали исторические сочинения других народов. А приняв христианство, они приняли и священную

книгу древних евреев — Библию. Там же вопрос о происхождении народов решен просто. Русский летописец вспоминает библейского Ноя — главу единственной семьи, уцелевшей на Земле после устроенного господом богом потопа. У Ноя было три сына — Сим, Хам и Яфет. У Яфета в свою очередь родились сыновья. Один из них, Яван, стал отцом Гелиса. Вот Гелиса и считали летописцы предком славян.

Как все образованные европейцы того времени, летописцы твердо знали, отчего люди говорят на разных языках. Сначала «бысть вся земля устна едине и глагол всем един». Но, возгордившись, наши общие предки решили построить башню до самого неба. Когда бог увидел, что строительство идет успешно, он принял свои меры — «смешал языки», сделал так, что люди перестали понимать друг друга. Земляне разделились на семьдесят два народа, указывает летописец. В источниках, которыми летописцы пользовались, в числе этих народов не были названы славяне. Но ведь знают же летописцы, что в их время славяне живут на Среднем Дунае и у Адриатики, и знают, что на рубеже нашей эры в этих местах жили иллирийцы. И вот среди разошедшихся от недостроенной Вавилонской башни народов появились в древнерусском варианте вместо иллирийцев иллиро-славяне. Сначала эти иллиро-славяне якобы кочевали по Месопотамии, потом вышли к Мраморному морю, перебрались на Балканы и здесь осели по Дунаю, там, где теперь «земля венгерская и болгарская». А впоследствии, по мнению летописца, с Дуная отдельные славянские ветви разошлись уже по своим землям.

«Вавилонское столпотворение» славянские народы вспоминали редко, но родиной славян дунайские земли считались довольно долго. К разным точкам в долине Дуная (впрочем, как и к разным точкам у побережья Адриатики, в Татрах, на Карпатах) привязывают поздние легенды сказание о разошедшихся в разные стороны братьях: Чехе, Лехе и Русе, от которых произошли чехи, поляки и русские.

Все это очень интересно, все это важно для понимания судеб славянства... Но все-таки сейчас большинство историков сходятся на том, что

не долина Дуная была прародиной славянских народов. Один из сильных доводов: римляне ничего не знали о славянах на Дунае. А между тем в начале нашей эры Рим завоевал большую часть Подунавья.

Вот возможное возражение, предложенное тридцать лет назад профессором С. П. Толстовым и позднее

**Интерьер украинской хаты
начала XX в.**

261

поддержанное В. П. Кобычевым.

По их мнению, славяне действительно жили примерно в середине 1-го тысячелетия до н. э. на Дунае, но затем их оттеснили на север те самые кельтские племена, которые проложили себе тогда широкую дорогу через Европу.

С Дуная славяне могли уйти от

кельтов и в Прикарпатье, и на Вислу, и на Одер. Кельты подошли затем и к этим районам, вызвав новое передвижение славянских племен, на этот раз к Днепру.

Новое появление славян на Дунае в V—VI веках н. э. было, если дело обстояло так, в каком-то смысле возвращением на родину.

Иногда прародину отодвигают на Карпаты. Там тоже живут легенды об уходе в разные стороны братьев — родоначальников племен. А главное, уж очень соблазнительно выглядят Карпаты на карте Европы — как некий географический центр славянских земель. К востоку от них живут восточные славяне, к западу — западные, к югу — южные.

Образованнейшим историком был поэт Валерий Брюсов. И он писал в 1914 году, во время наступления русской армии на Австро-Венгрию, которой тогда принадлежала Закарпатская Украина:

Уступами всходят Карпаты,
Под ногами тает туман.
Внизу различают солдаты
Древний край — колыбель славян.
Весенним приветом согрета,
Там же тихо дремала страна...
На четыре стороны света
Отсюда шли племена.
Шли сербы, чехи, поляки,
Палабы и разная русь.
Скрывалась отчина во мраке,
Но каждый шептал: «Я вернусь!»

Геродот упоминает «народ невров» на Карпатах, и некоторые историки склонны считать невров славянами.

Карпаты римляне завоевать не смогли, и никто не оставил нам записей о народах, живших там 2 тысячи лет назад, — ведь у самих этих народов тогда письменности не было.

Лингвисты, однако, возражают против карпатской прародины славян — у многих растений, характерных для Карпат, неславянские названия. Пришедшие сюда предки карпатских славян переняли эти имена у своих предшественников. И случилось такое заимствование, по мнению лингвистов, во всяком случае не раньше начала нашей эры.

Предков славян искали и на побережье Балтийского моря, между устьями Немана и Западной Двины.

Пытались также провести к славянам прямую линию от причерноморских скифов-пахарей, кормивших своей пшеницей древние Афины.

В «Истории» Геродота говорится и о жившем на Десне народе будинов. Уж очень по-славянски звучит это имя! А Геродот ведь писал даже не две, но две с половиной тысячи лет назад. Впрочем, ряд историков включает будинов в число предков не сла-

вянских, а балтских народов, т. е. латышей и литовцев.

Римляне знали о большом народе венедов, живших севернее Карпат, причем они полагали, что владения венедов доходили на севере до Балтийского моря. Римляне подчеркивали, что у венедов в образе жизни много общего с германскими народами, но это все-таки не германцы. Многим историкам представляется, что венеды и есть праславяне.

Возможно, однако, что под венедом имелись в виду не только славяне, но и балтские народы. Некоторые историки когда-то думали, что имя славян-венедов пережило века, войдя в наше время с итальянским городом Венецией. Теперь полагают, что Венеция получила свое имя иначе; но вот древнерусские племена вятичей в средние века называли еще вентичи — явно по венедом. Вятичи, правда, жили восточнее земель, где римские историки размещали венедов. Но легенды говорят как раз о том, что вятичи и пришли на Русь с запада. «По-вендски», как сообщают письменные источники, говорили славяне Южной Прибалтики. А на эстонском языке русских и теперь зовут «вене».

Лингвистическая география как будто нанесла сильный удар по многим гипотезам. В древнеславянском языке, по-видимому, не оказалось своих слов для обозначения степных трав или горных ущелий, прибрежных дюн или морских валов; таких слов не было, и все. Но почему? Очевидно, потому, что в них не было нужды. Не жили древнейшие славяне в степях и горах, не лежала их прародина у моря. А вот для лесов и лесостепей, для их трав и деревьев, животных и насекомых язык запаса слов в изобилии. И реками, и озерами, и болотами должна быть богата старая славянская земля.

Где же она лежала? В общем прародину славян ищут на землях между Западной Двиной на севере, Одером на западе, Днепром на востоке и Дунаем на юге. Территория весьма обширная! Поэтому продолжались и продолжают поиски внутри ее более узкого района, который можно было бы определить как место формирования славянского этноса.

Граб, тис и плющ носят в славянских языках славянские же имена.

Между тем имя для бука славянам пришлось заимствовать. Из этого нетрудно сделать вывод, что в местах, где славяне жили первоначально, бука не было. Теперь остается, казалось бы, только посмотреть по ботанической карте, где есть и граб, и тис, и плющ, но нет бука. Польский ботаник Ю. Ростафинский нашел такой район Восточной Европы, охватывающий Северную Украину и Белоруссию, Верхнее Поднепровье и Припять. В дальнейшем не раз привлекались учеными для решения все той же проблемы названия других представителей флоры и фауны, но единого мнения о ценности их «показаний» нет.

Лингвист Ф. П. Филин в своих работах уделял большое внимание данным ботаники и зоологии, следуя по пути, открытому в начале века Ю. Ростафинским, и считал такое направление многообещающим.

А вот историк и археолог В. В. Седов категоричен: «Привлечение зооботанической терминологии кажется бесперспективным. Смены географических зон, миграции животных и растений, малочисленность и эпохальные изменения флористических и фаунистических терминов делают всякие этногенетические выводы, основанные на анализе этой лексики, малодокладательными. Из зоотерминологии для определения прародины славян важны, пожалуй, только названия проходных рыб — лосося и угря. Поскольку последние названия являются общеславянскими, можно утверждать, что славянский регион древнейшей поры находился в пределах обитания этих рыб, т. е. в бассейнах рек, впадающих в Балтийское море».

И опять-таки помогает истории лингвистика, только уже другими методами. В древнеславянском языке есть слова иранского (скифо-сарматского) и балтского происхождения. Значит, иранцы и балты были соседями славян. Но вот в балтских языках нет слов, пришедших непосредственно из иранской речи. Кто отделил балтов, живших к югу от Балтийского моря, от скифов и сарматов, обитавших к северу от моря Черного? Ответ напрашивается. Славяне.

Вот еще одна цепочка лингвистических аргументов.

На первый взгляд кажется, что на прародине того или иного народа, у истоков его, так сказать, должны сохраняться сравнительно древние особенности оборотов речи, что здесь чаще должны встречаться названия, включающие в себя эпитеты, связанные с именем этого народа.

На самом деле положение как раз обратное. В Якутии до самого недавнего времени в старых русских поселениях говорили, пользуясь оборотами XVII века, употребляя некоторые слова, давно забытые в Москве или на Волге. И это странное правило касается всех языков. При переселении части их носителей языки на новом месте словно бы консервируются. На острове Питкэрн в Тихом океане, острове, который был заселен в XVIII веке беглыми британскими моряками и полинезийскими женщинами, сейчас говорят на архаичном диалекте английского языка.

Но это «правило консервации» относится к лексике, словарному составу. А вот древние особенности произношения (в научной терминологии — фонетическая система языка), как правило, лучше сохраняются на древнейших территориях: в новых районах расселения на произношении сильно сказывается влияние языка первоначальных их жителей.

Так вот, по данным лингвиста В. В. Мартынова, праславянские черты произношения особенно заметны в Центральной Польше, к востоку они проявляются слабее, а у южнославянских народов на Дунае и Балканах исчезают вообще. Зато в восточных и южных славянских языках сохранились относительно более архаичные элементы лексики. Тут получается, что прародина славянства находится в районе среднего и северного течения Вислы.

Снова данные, полученные из разных источников, противоречат друг другу. Именно поэтому пока нельзя считать проблему славянской прародины решенной окончательно.

На первый взгляд опять-таки может показаться, будто топонимы, в которые входит имя того или другого народа, свидетельствуют о его давнем пребывании в местностях, где распространены такие названия. Достаточно, однако, чуть задуматься, чтобы

увидеть: дело обстоит как раз наоборот. Там, где этнос живет издревле, где все или почти все селения — русские или эстонские, французские или малайские, ни этому народу, ни соседним нет причин и незачем использовать его имя для топонимики. Иное дело в районах нового расселения народов.

Совершенно своеобразно положение с языком, слова которого служат топонимами. Есть ученые, полагающие, что если реки, озера, ручьи носят славянские названия, то славяне жили в этих местах издавна. Но во-первых, как известно, народ, перейдя на новые места обитания, далеко не всегда переименовывает здешние реки и озера: вспомните, что такие привычные и родные нам реки, как Ока, Москва и многие другие, носят названия, оставленные в наследство дославянскими обитателями Русской равнины. Днепр, Дунай, Днестр, Дон сохранили, по-видимому, свои скифские имена. (Кстати, в Великобритании тоже есть река Дон, и, возможно, она донесла до наших дней имя, полученное от потомков тех племен, что дало имя этой реке на юге России: родичи скифов — сарматы-аланы — добрались во время Великого переселения народов и до Британских островов.) И все эти случаи «долгой памяти» — отнюдь не редкие исторические исключения. И во-вторых, что в данном случае более важно, новые названия на языке того или иного народа появляются там, куда этот народ приходит, а не там, где он образуется. Славянские племена, как мы знаем, выделились из балто-славянской языковой общности, а та — из древнеевропейской. «Праславянское население в первый период своей истории, следует полагать, пользовалось прежними (индоевропейскими и древнеевропейскими) названиями вод. Следовательно, славянскую прародину древнейшей поры надо искать в ареале древнеевропейской гидронимики. Только в процессе освоения новых территорий славяне стали давать рекам и озерам собственно славянские названия», — пишет В. В. Седов.

Некоторые польские исследователи, анализируя гидронимику, пришли к выводу, что наиболее древняя славянская земля — междуречье Вислы и Одера.

Но и с этим выводом не все согласны. Так или иначе, но некоторые выводы лингвистики о происхождении славянства можно сформулировать так.

С 1-го тысячелетия, а возможно, с конца 2-го тысячелетия до н. э. (о конкретных сроках спорят) начинается выделение праславянского языка из древнеевропейского, связанное с отделением праславян от пракеЛЬТОВ, прагерманцев и праиталиков. Часть исследователей полагает, что выделился первоначально некий балто-славянский язык, который в свою очередь примерно 2,5—3 тысячи лет назад разделился на праславянский и прабалтский языки (от последнего произошли, в частности, современные литовский и латышский). Другие ученые считают, что большое сходство между славянскими и балтскими языками объясняется просто многовековым соседством и контактами их носителей.

Праславянское языковое единство просуществовало, по мнению Ф. П. Филина, вплоть до начала широкого расселения славян в V—VII веках н. э.

Известный лингвист В. В. Иванов поддвигает распад славянского языкового единства ближе к нашему времени, считая, что закончился он не раньше IX века н. э. Один из доводов — слова, родственные русскому «королевич», однотипны в западных, южных и восточных славянских языках, образованы с помощью одних и тех же суффиксов. Значит, они происходят от соответствующего общеславянского слова. Но титул «королевич» (как, естественно, и король) мог появиться лишь в IX веке — он образован от имени Карла Великого, провозглашенного императором в 800 году.

Так или иначе, но распалось славянское единство уже после того, как славяне на западе продвинулись до Эльбы и даже перешли через нее, дошли до верхнего течения Дуная, на севере и востоке заняли большую часть великой Восточно-Европейской равнины, на юге заселили почти весь Балканский полуостров, причем славянские поселения в раннем средневековье появляются и в Малой Азии, и на Кавказе, и в Италии, и даже в Испании.

В том, какие раскопанные культуры следует считать славянскими, специалисты относительно единодушны, увы, только когда речь идет о последних полутора тысячах лет.

В. П. Кобычев так описывает характерные черты славянской керамики этой последней эпохи: «Ее основные отличительные черты: мягкость линий форм и переходов от тулова к шейке и далее к венчику, отсутствие ручек и вообще каких-либо внешних напелов и сдержанный орнамент, состоящий из параллельных волнообразных линий, наносимых преимущественно на верхней части сосуда по всей его окружности».

Четкой преемственности между известной славянской керамикой и керамикой археологических культур Восточной Европы начала 1-го тысячелетия н. э. и конца 1-го тысячелетия до н. э. В. П. Кобычев не видит. С ним согласны многие исследователи. Многие — не согласны. Не стоит здесь входить в подробное рассмотрение споров между специалистами — это заняло бы слишком много места. Во всяком случае ряд археологических данных подтверждает гипотезу о Висло-Одерской прародине славян; другие, однако, уведат нас как будто на восток и юго-восток от этой территории.

Археологи идут по следу славян дальше, глубже... Но примерно в V веке н. э. след этот не то чтобы обрывается, однако становится размытым и не таким ясным, как хотелось бы. Теперь одни историки видят славян предшествующего периода в людях, принадлежащих к Зарубинецкой культуре (в Северной Польше), другие — в людях Черняховской культуры Северо-Западного Причерноморья, третьи — и тут и там, а четвертые — ни тут ни там... Случай, вообще говоря, не такой уж редкий для археологов — но и не такой типичный, чтобы не вызывать тревогу. Славяне должны были где-то находиться, ведь появились-то они, т. е. группа с особым языком, отделившись уже от языка, общего для предков славян и предков латышей и литовцев, по крайней мере в середине 1-го тысячелетия до н. э., а то и раньше. Лингвисты, как известно, умеют считать «свое» время, точнее, сами же меняющиеся языки позволяют

подсчитывать свой возраст не хуже, чем срез дерева с его годовыми кольцами.

Итак, перед нами разрыв между серединами двух «первых тысячелетий» — до нашей эры и нашей эры. Разрыв в десять (а то и в двенадцать, не исключено даже в пятнадцать и более) веков. Совершенно ясно, что в этот период славяне уже существовали, борщичили (собирали мед диких лесных пчел), сеяли хлеб, охотились — только вот неизвестно где — во всяком случае в пределах весьма обширного региона, охватывающего территории Центральной и Восточной Европы.

Как же можно объяснить это поразившее большинство ученых отсутствие бесспорных археологических предшественников у могущественных славянских племен VI века?

Проще всего, конечно, заявить, что городища и селища праславян еще не найдены, еще ждут своего открытия. Но почему же оно пока не состоялось?

Вот с каким предположением выступил ленинградский ученый Г. С. Лебедев. Он прежде всего обращает внимание на то, что первая бесспорно славянская археологическая культура — «культура пражского типа» — имеет более древние аналоги не там, где мы находим ее следы — в Средней Европе, а к северо-востоку, в лесах Северной Украины, Южной и Средней Белоруссии. Носители этой северо-восточной культурой-предшественницы двинулись на юг и запад тогда, когда вторжение в Европу гуннов сдвинуло с места многие племена, прежде всего германские, и многие территории в Средней (и не только в Средней) Европе оказались слабо заселенными. Праславяне сохранили и на новых землях прежнюю планировку жилища, общий характер керамики, тип погребального обряда (трупожожение, продержавшееся до торжества христианства).

Характерная черта тех культур, которые по этой гипотезе связываются с праславянами, — простота составных частей. Г. С. Лебедев подчеркивает: «Материальная основа славянской культуры буквально сведена к минимуму (и в то же время ее достаточно для нормального жизненного обеспечения). Это одна из ее

особенностей. При простоте компонентов понятны их универсальность, их распространенность. Всюду, куда приходили группы славян, пусть самые небольшие, этот скупой набор элементов они имели возможность сохранить».

Но именно «скупость» такого набора позволяла легко пополнять его в результате культурных контактов. Из греко-римского мира пришло к славянам пашенное земледелие с использованием железных орудий. В результате взаимодействия с кочевниками пахотным животным вместо быка стала лошадь (как полагает известный исследователь И. Херманн из ГДР, впервые именно у славян, опередивших в этом отношении других земледельцев Европы). У германских племен была заимствована хлебная печь; однако здесь она стала главным элементом жилища, стала обогревать его (а германцы пекли в такой печи хлеб, тепло же дому давали открытые очаги).

Г. С. Лебедев видит в известной и современному миру открытости славянской культуры, в способности ее быстро осваивать в случае необходимости важные и разнообразные новшества наследие именно той далекой эпохи. Он пишет: «Я думаю, что это черта, которая задана в числе прочего и эпохой длительного, тысячелетнего вызревания в суровых условиях лесной зоны, и бурной обстановкой, в которой совершился выход из нее при жестком минимуме средств, унаследованных от предков. Минимуме, создающем условия для быстрого насыщения культуры новыми деталями на старой основе».

Не будем предрешать окончательную победу новой трактовки проблемы прародины, нового объяснения старой загадки. Однако такая трактовка, безусловно, интересна. И, как видите, исторична по характеру не только тем, что опирается на факты (многое мы в этом популярном изложении опустили), но и тем, что связывает далекое прошлое с прошлым куда более близким — и даже с настоящим. Некий дух славянской культуры оказывается унаследован, если согласиться с гипотезой, от тех времен, когда культура эта была буквально в зачатке. Может быть, тут в какой-то мере и выдается желаемое

за действительное — но основания для предположений такого рода существуют реально.

Большой вклад внесли в разработку проблемы антропологи. Этот вклад особенно ценен потому, что в обычае многих культур Восточной и Центральной Европы было сжигать тела умерших, и в распоряжении ученых оказывалось чрезвычайно мало материала.

В работе Т. И. Алексеевой «Этногенез восточных славян по данным антропологии» предпринята, в частности, и попытка выяснить происхождение славянства. Антрополог методами своей науки стремится очертить его прародину. Автор пишет: «Результаты анализа краниологического материала, относящегося к различным этническим группам Европы, показали значительную близость антропологического состава славянских групп, их отличие от германцев, и, в некотором отношении, сходство с балто- и финноязычными народами. У нас есть все основания сделать вывод об определенной антропологической общности славян, которая формировалась в зоне, контактной с территорией, населенной балто- и финноязычными народами... При сопоставлении германских и славянских групп по отношению высоты черепа к полусумме продольного и поперечного диаметров его, по отношению высоты лица к высоте черепа, высоты орбит к высоте черепа и, наконец, ширины носа к ширине лица наблюдается отчетливое разделение славян и германцев». Надо сказать, что эти выводы не только важны, но и в высшей степени неожиданны. Ведь разные антропологические типы, как уже говорилось, есть почти в каждом этносе, и нужен очень тонкий анализ, чтобы найти отличительные признаки во внешнем облике двух этносов, близких географически и антропологически.

Эту характерную для средневековой славянской антропологическую общность нельзя рассматривать как изначальную. Славянские племена сформировались на территории, где встретились две малые расы, принадлежавшие к большой европеоидной расе.

Для одной из них были характерны светлый цвет кожи, глаза,

волос, долихоцефальность (длинноголовость). Для другой — брахицефальность (короткоголовость, т. е. более круглые черепа), относительно смуглый цвет кожи, темные глаза и волосы.

К средневековью на основе смешения людей этих двух типов возникла единая славянская антропологическая

Шведки в национальных костюмах

В исландском порту Сиглуфюрдур

Женщины из разных областей ФРГ в национальных костюмах

267

ческая общность, что свидетельствует о длительном предшествующем периоде контакта представителей северной и южной ветвей европеоидов. В Восточную Европу переселились с запада уже не северные и южные европеоиды, а, если можно так выразиться, их конгломерат...

Известно, какие споры шли и

идут иногда до сих пор относительно роли норманнов в истории Древней Руси.

Антропологический материал подтверждает, что в северо-западной части Руси жило некоторое число выходцев из Скандинавии, но они, по-видимому, мало смешивались со славянами, потому что в облике местного

населения не появились норманнские черты, не произошло изменений антропологического типа.

Антропологический анализ показал заметное влияние на внешний облик русских смешения с древними литовцами и древними угро-финскими племенами. Провести ясную антропологическую границу между славянами и балтами часто трудно.

У племени же полян, живших на Днепре, прослеживается генетическая связь с обитавшими в этих местах до славян ираноязычными племенами.

«В антропологическом облике восточных славян, — замечает Т. И. Алексеева, — отразились вся сложность и многогранность этнической истории славян и их этногенеза. Это и формирование их в зоне контакта северных и южных европеоидов, и древнейшие генетические связи с балтами, и включение в свой состав ираноязычного и финноязычного населения при продвижении на восток, и, что самое существенное, общность этнической истории всех восточнославянских народов, а также глубокие взаимопроникающие связи с соседними неславянскими народами».

Надо сказать, что славянские народы, вышедшие за пределы прародины, произвели большое впечатление на своих новых соседей. Византийский историк пишет: «Все они рослы и сильны, цвет лица имеют не совсем белый, волосы ни русые, ни вполне черные, но рыжеватые». Много позже арабский путешественник восторгается: «Я не видел (людей) с более совершенными телами, чем они». На средневековом востоке краснолицых (румяных), белокожих и рыжих людей долго звали саклабами. Нетрудно понять, что скрывается за этим именем. Кстати, имя склавинов для славян в византийских источниках — тоже искажение. Сами себя люди этого народа называли, вероятно, славинами. Византийские же историки записывали их самоназвание по закону греческого языка, для которого необычно соседство согласных «с» и «л». Между ними при передаче чужеземных имен ставили промежуточную букву, часто — «к».

В VI веке н. э. (а может быть, и раньше) славяне начинают атаки на грозную Византийскую империю.

Император Юстиниан в начале VI века посылает армию оборонять от них переправы через Дунай. Вероятно, к этому времени земли севернее его уже прочно заняты славянами. Затем силы империи слабеют, славяне все чаще делают набеги на земли империи, а потом начинают оседать на Балканах. В панике императоры создают для защиты своей столицы Длинные стены — мощный укрепленный район, как сказали бы мы сегодня. Константинополь, по крайней мере на время, оказался в безопасности. Зато остановленные здесь славяне двинулись на юг, на запад и на север — вдоль еще не «освоенного» ими западного берега Черного моря.

На западе славяне вышли к Адриатическому морю, испугав очередного римского папу, боявшегося, что они переправятся в Италию. На юге славяне заняли большую часть Греции, в том числе земли древней Спарты.

А что случилось с прежним населением этих земель? Оно частично смешалось со славянами, а частично продолжало сохранять свои селения среди славянских, держась своего языка. В Греции позже славяне сами растворились среди греков. Но там и до сих пор сохранилось немало городов, деревень, местностей с искаженными именами, но узнаваемыми славянскими именами.

На Балканах возникло в VII веке, по-видимому, первое славянское государство — Славиния. Это было княжество со сравнительно небольшой территорией, и независимость оно сохраняло относительно недолго. Зато славяно-болгарское государство, возникшее в конце VII века, живо до сих пор, несмотря на бесчисленные нашествия завоевателей.

Приход воинственных славян на Балканы, конечно, не радовал коренных жителей этих мест. Однако византийцы нередко подчеркивали миролюбие славян сравнительно с другими варварами. Эти пришельцы чаще всего довольно быстро «садились» на землю в занятых ими районах, а не стремились к одним лишь набегам ради добычи. Многие же из балканских областей успели к тому времени обезлюдеть после походов готов и гуннов.

И современные славяне не

забыли тех из своих предков, что говорили на иных языках. М. В. Ломоносов связывал происхождение славян с финскими народами. А. Блок и В. Брюсов напоминали в стихах о преемственной связи восточных славян со скифами. Сегодня болгары чтут память не только славянских своих предков, но и фракийских. В Болгарии регулярно собираются международные симпозиумы, посвященные фракийцам, в том числе самому знаменитому из них — Спартаку, вождю грозного восстания рабов, поставившего на край гибели грозную Римскую державу. Труды этих симпозиумов издаются на пяти языках, причем носят название «Спартак».

Славянское движение началось, когда Великое переселение народов уже было в полном разгаре. Вероятно, в какой-то степени это движение могло быть и вынужденным — попробуй усидеть на месте, когда со всего света приходят все новые и новые неведомые племена и народы. Германские племена готов, например, оказываются в IV веке в Причерноморье и в Крыму. При этом переходе они наверняка прошли и через заселенные славянами территории. Не могло не задеть славянские земли страшное нашествие гуннов. По-видимому, некоторые славянские племена оказались под властью гуннской державы.

Важнейшую же роль в выходе славянства из своей «колыбели» сыграло продолжавшееся развитие их общества.

В Восточной Европе славяне тоже продвигаются на новые земли. Здесь идет вековой процесс образования древнерусского народа. Движение славян, по-видимому, сравнительно редко вело к вооруженным столкновениям с теми, кто раньше их заселял эти районы. Во-первых, славяне, особенно на севере и северо-востоке, проникали в места с относительно редким населением. Сами славяне тоже двигались на новые места небольшими группами. Кроме того, они прежде всего были пахарями, а пахарям нужно куда меньше земли, чем охотникам или скотоводам-кочевникам.

Первое тысячелетие н. э. — время бурного развития техники и культуры у народов, бывших для рим-

лян варварами. Достижения этой техники и культуры, — от нового типа конской упряжи до новых, неизвестных некоторым соседям славян ремесел — несли с собой пришельцы. Важную роль играло и то, что со славянами шла на север и восток в высокой степени выгодная для этих мест новая зерновая культура — рожь.

Балты в своих северных лесах, как и большинство финно-угорских племен Северо-Восточной Европы, жили сравнительно спокойно. От римлян их отделяли огромные пространства, а кочевникам не очень хотелось завоевывать холодные для них лесные и болотистые области. Но за этот относительный покой народы Северо-Восточной Европы заплатили и относительной отсталостью. Контакты со славянами давали добавочные возможности такую отсталость преодолеть.

На юге славяне появились на многострадальных землях Северного Причерноморья, в течение тысячи лет служивших для кочевников торной дорогой из Азии в Европу. События Великого переселения народов заставили почти обезлюдевшие территории юга Восточной Европы.

Всем этим можно, вероятно, в какой-то степени объяснить упомянутую уже относительную бескровность заселения новых земель восточными славянами. Конечно, отдельные вооруженные столкновения были — новая деревня на стародавнюю деревню, кучка новых поселенцев против старожилов или наоборот. Да, такие местные воиншники наверняка время от времени происходили. Но историки не видят признаков войн, которые бы вели, скажем, балтские племена против племен славянских.

Славянская культура, а за нею и язык были приняты многими десятками неславянских этнических групп. Археологи нередко находят в восточноевропейских курганах середины и конца 1-го тысячелетия н. э. предметы, явно свидетельствующие о мирном контакте разных культур, об их постепенном соединении.

В верховьях Днепра и Оки в состав славян вошли восточные балты, родичи литовцев и латышей. В междуречье Волги и Оки — финно-угорские племена меря, мурома, водь, весь и многие другие. Название

древнего русского города Муром на-
поминает об одном из этих племен.

В Среднем Поднепровье славяне
растворили остатки живших здесь
скифов, даков, сарматов, алан, неко-
торые тюркские племена. Конечно,
при этом не было простого растворе-
ния и поглощения. В разной степени,
но все эти неславяне участвовали в
формировании нового народа.

5 Как считают, в произношении сло-
ва «бог» на русском языке сохранился
«скифский акцент». Последний звук в
этом слове произносится иначе, чем в
словах «лог», «дог» или «стог», —
мягче, с придыханием. Такой звук,
вообще говоря, есть в украинском
языке, часто встречается в южнорус-
ских говорах, но в русский литератур-
ный язык не попал. Для слова «бог»
сделано исключение, потому что
произношение религиозных терминов
точнее сохраняется на протяжении
веков. Многие же историки считают,
что слово «бог» именно скифского
происхождения. Впрочем, профессор-
лингвист В. И. Абаев считает, что
вообще мягкое «г» в славянские
языки пришло от скифов. От скифов
же, возможно, пришел на Русь бог
солнца Хорс. В. И. Абаев связывает
его имя со скифским словом, ставшим
современным осетинским «хорз» или
«хварз», которое переводится «хоро-
ший», «добрый». Да и само слово «хо-
рошо» в русском языке скифского
происхождения. В других славянских
языках его заменяют слова с корнем
«добр». Из скифского же языка взяли
русское имя для лучшего друга чело-
века — собаки, сохранив, впрочем,
рядом с этим именем общеславянское
«пес».

Широко известный по повести Н. В.
Гоголя Вий, персонаж украинского
фольклора, по мнению профессора
В. И. Абаева, связан генетически со
скифским богом ветра, войны, мести
и смерти, причем и имя Вий скорее
всего происходит от имени этого бога.

Центрами, где особенно бурно шло
объединение культур, где встречали
люди, говорившие на разных
языках, стали в Восточной Европе в
конце 1-го тысячелетия н. э. большие
города.

Изучающие древний Новгород
археологи утверждают (мы уже упо-
минали об этом), что Новгород и воз-

ник как объединение поселений лю-
дей разных племен. Такую гипотезу
убедительно обосновывает член-кор-
респондент АН СССР В. Л. Янин.

Этот древний город первоначально
состоял из трех частей, трех «кон-
цов». Один из них назывался Славен-
ским, другой — Неревским, третьим
был Людин конец. Славенским —
очевидно, по имени славян, скорее
всего племени славян ильменских.
Людин конец, по-видимому, был засе-
лен тоже славянами, но уже из дру-
гого племени. А откуда появилось
название Неревский? Видимо, оно
происходит от названия финского
племени меря («м» и «н» в древнерус-
ском языке нередко подменяли друг
друга). Не зря же летопись называет
главными жителями Новгородской
земли славян, кривичей и меря.
Кроме того, в городе жили переселе-
нцы из Прибалтики — пруссы. По
ним была названа Прусская улица. По
чуду именовалась Чудинцева улица.
Все эти разнообразные племена при-
няли здесь под влиянием славян дре-
внерусский язык и культуру.

Великий киевский князь Владимир,
вошедший в былины под прозвищем
Красное Солнышко, в построенных
им на юге страны крепостях поселил
людей северных славянских племен и
чудинов. Об этом говорит летописец,
его слова подтвердили раскопки. И
наоборот, многие киевляне и другие
южане оказались вместе с семьями на
севере, пополнив гарнизоны других
городов.

Летопись знает «своих поганых» —
южных кочевников: ковуев, беренде-
ев, торков, черных клубуков, при-
знавших власть киевского князя и
служивших ему против «чужих пога-
ных» — враждебных печенегов и по-
ловцев. Многие из «своих поганых»
стали совсем своими, приняв веру и
образ жизни русичей.

Примерно так, полагают многие
советские исследователи, шло гран-
диозное объединение многих племен
Восточной Европы, славянских и
неславянских, в единый могучий
народ. А позже исторические обсто-
ятельства разделили древнерусский
народ, и на его основе сложились три
этнуса: русский, украинский и бело-
русский. О том, как это произошло, в
книге уже говорилось.

Славянский народ лужичане (лужицкие сербы) живет в долине Шпрее, реки, на которой стоит Берлин. Это самый маленький из славянских народов — он насчитывает не более 100 тысяч человек. С точки зрения строгого историка войн и переселений племен, существование лужичан напоминает о далеком времени, когда на славянских языках говорили и на всем или почти всем южном побережье Балтийского моря, и на землях между Одером и Эльбой. Те страницы прошлого запечатлены в названиях городов, занимающих виднейшее место в истории Германии. Дрезден был когда-то Дрезной, Бауцен — Будишиным, Лейпциг — Липском.

В пору Великого переселения народов, в VI—VII веках, славяне пришли сюда, как пришли они в ту же пору и на Балканы, смешались с местными жителями, передали им свой язык; между Эльбой и Одером — Лабой и Одрой по-славянски — возникли славянские княжества. Их жителей звали славянами полабскими. С IX века началось и все усиливалось давление германских феодалов на полабские племена. А во второй половине XII века на долгие столетия судьбу этого народа решили победы немецких рыцарей, возглавляемых двумя деятелями с весьма выразительными хищными кличками — саксонским герцогом Генрихом Львом и бранденбургским маркграфом Альбрехтом Медведем. Были рассеяны войска бодричей и лютичей, разграблены селения, свободные или полусвободные земледельцы-общинники закрепощены — причем помещиками здесь, как правило, становились немцы. Век шел за веком — и через пять столетий после походов Льва и Медведя почти все полабские славяне, как и славяне Балтийского Поморья, расстались с родными наречиями, перешли на немецкий язык. И только в «Лужицкой марке», небольшом феодальном владении, оказавшемся в самом центре Германии, продолжала звучать славянская речь лужичан — лужицких сербов.

В родных городах лужичанам запрещалось даже вступать в ремесленные цехи, им оставались лишь самые «презренные» профессии — золотарей, живодеров, гробовщиков; язык был бесправным в самом прямом смысле этого слова — его не разрешалось употреблять в суде, на нем нельзя было составлять официальные документы. А в 1815 году народ был еще и разорван надвое — половина его земель была включена по решению Венского конгресса, наводившего «порядок» в посленаполеоновской Европе, в состав Пруссии, другая же отдана Саксонии. Но в том же XIX веке у лужичан появилась своя интеллигенция; национальное самосознание не только сберегало фольклор, но и создало собственную литературу.

Своего рода признанием, что даже фашистское государство оказалось не в силах справиться с маленьким народом, лишить его собственного языка, собственной культуры, собственной души, стал проект выселения лужичан на территорию оккупированной тогда фашистами Польши.

Но тут рухнул сам рейх. А в ГДР лужичане получили полную возможность свободного культурного развития.

И этот рассказ о маленьком народе, уцелевшем там, где исчезли, растворились, рассыпались несколько других, родных ему, можно закончить словами крупнейшего мужицкого писателя Яна Брезана о родной ему речке Саткуле, речке, «берущей начало в самом центре мира. Ни океан, ни море ведать не ведают об этой речке. Но море было бы другим, не вбери оно в себя и Саткулу».

Человечество было бы другим без лужичан — как было бы иным без телугу или без эвенков, без оджибвеес или луо...

5 Азия больше других частей света. И в ней издавна нашлось место для представителей всех трех больших рас человечества. Если в Европе монголоиды были в общем-то относительно поздними пришельцами, то в Азии европеоиды появились в глубокой древности. Рядом с китайцами в Центральной Азии тысячи лет назад жили белокожие дин-лины, облик которых, по словам китайских летописцев, вызывал отвращение. Поскольку летописцы не только говорили о своих чувствах, но и описали эту «ужасную внешность», мы твердо знаем, что дин-лины просто-напросто были европеоидами.

При раскопках в Индии в древних городах Хараппе и Мохенджо-Даро нашли останки людей всех трех рас. И сейчас в Азии живут десятки миллионов негроидных дравидов, сотни миллионов европеоидов.

Но большую часть населения Азии составляют монголоиды. Здесь эта раса и образовалась. Монголоиды заселили в свое время Сибирь. В последние уже тысячелетия они освоили на Крайнем Севере Арктику и открыли «самую северную Америку» — Гренландию с соседними островами. В некоторые другие земли монголоиды пришли, когда там уже жили люди других рас. Жители теперешнего Южного Китая гораздо смуглее своих северных соседей, у них менее плоское лицо, толстые губы. Эти признаки — наследие живших здесь близких к негроидам народов.

Монголоиды заняли и более южные районы. Сейчас они составляют главную массу жителей Индокитая и Индонезии. Всего две с небольшим тысячами лет, как монголоиды из Кореи одолели узкий пролив и очутились в Японии. До этого туда приплыли сначала древние айны, потом какие-то племена из Индонезии. Нынешние японцы — потомки и тех, и других, и третьих. А новых переселений

в Японию с тех пор не было.

Именно в Азии зародились все три мировые религии — христианство, ислам и буддизм, а также и иудаизм. И в Азии же возникли влиятельнейшие в течение долгих веков на больших территориях религиозные учения зороастризма, митраизма. Кроме того, в Азии возникли многие ветви трех мировых религий и великое множество «местных» религиозных систем, включая очень влиятельные когда-то в Китае конфуцианство и мистический даосизм, японский синтоизм, господствующий в нынешней Республике Индии индуизм.

В зарубежной Азии разместилось более половины населения земного шара; притом если по числу народов небольших с нею может поспорить (и даже, вероятно, победить в этом споре) Африка, то крупных народов в Азии все-таки больше, чем где бы то ни было. Тридцать три народа насчитывают каждый более чем по 10 миллионов человек, а вместе они далеко перевалили по численности за 2,5 миллиарда.

Джавахарлал Неру, вождь борьбы индийского народа за освобождение и первый государственный руководитель новорожденной Индийской республики, писал в январе 1931 года, обращаясь к тринадцатилетней дочери Индиры:

«Европейцы смотрят свысока на Азию и ее народы, они приходят и захватывают в странах Азии все, что могут. Как изменились времена!.. В течение длительных периодов, на протяжении значительных отрезков времени доминировала Азия. Ее народы, наступающая волна за волной, завоевывали Европу... Арийцы¹, скифы, гунны, арабы, монголы, турки — все они, выйдя из какой-либо местности в Азии, расселялись по всей Азии и

¹ Имеются в виду праиндоевропейцы: возможно, однако, что эта этническая общность возникла в Европе.

Европе. Азия, казалось, плодила их в огромном количестве, подобно саранче... Многие народы современной Европы ведут свое происхождение от захватчиков из Азии».

...Вряд ли даже самый жаждущий знаний читатель этой книги рассчитывает, что в «азиатской главе» мы поведаем ему историю всех тысячи с

Таджички. СССР

Средневековые самурайские доспехи. Япония

После сбора урожая. Турция

273

лишним живущих в Азии этносов или хотя бы тех тридцати трех, самых больших.

Начав с Японии, пойдем на запад, освещая этническую историю лишь отдельных регионов в отдельные эпохи.

Довольно долго иные ученые думали, что Япония была несколько тысяч

лет назад районом, где сформировался эскимосский народ. В Японии ведь издавна находят при раскопках созданные здесь 4—5 тысяч лет назад глиняные статуэтки — догу. У поздних догу огромные выпуклые глаза со щелью посередине. Японскому ученому Цубои эти глаза сразу напомнили снеговые очки северных

народов. Их делают из кожи или коры, рассеченной посредине «стекла» щелью.

Цубои оказался сразу прав и не прав. Прав, потому что эскимосы жили в Японии. И не прав, потому что догу к снеговым очкам и эскимосам отношения не имели. Просто за многие сотни лет, по законам искусства и мифологии, углубления в глине, обозначающие глаза на ранних догу, превратились в относительно большие выпуклости полусомкнутых век со щелью между ними.

И Цубои был все-таки больше не прав, чем прав, потому что эскимосы появились в Японии поздно и уже сформировавшиеся. А потом часть эскимосов ушла, а часть смешалась с айнами. Другие места были родиной эскимосов — другие места, другие края, другой климат.

Какие края? Земли вокруг Берингова пролива. Не самые лучшие как будто угодя выбрали себе предки эскимосов, по-видимому вытесненные сюда другими народами. Многомесячная полярная ночь, жуткие морозы, тундра и вечная мерзлота. Правда, на этот счет могут быть и два мнения. Географ и писатель И. Забелин, много путешествовавший и по нашей стране и по Африке, как-то взялся сравнивать между собой тундру и африканский лес. Он писал, что тропики «столь же беспощадны, жестоки, скудны на цвет и запах, как арктические пустыни. А если точнее, то на цвет тундра богаче, тундра полна ярких красок и тонких высокохудожественных переходов — там все продуманней, хотя тундра значительно моложе тропического леса».

Эскимосы сумели превратить тундру, льды и море в постоянный источник пищи. Киты и белые медведи, моржи, тюлени, северные олени, птицы стали постоянной добычей самого северного народа мира.

Многие исследователи считают, что огнеземельцы на крайнем юге Америки еле поддерживают свою жизнь и растеряли немалое число достижений культуры, знакомых их предкам. Эскимосы на севере той же Америки и северо-востоке Азии отнюдь не «прозябали». Они создали собственную богатую культуру.

Замечательную лодку придумали эскимосы. Их каяки, суденышки на

одного-двух человек, были сделаны из натянутой на каркас кожи. Гребец (он же охотник) сидел как в байдарке, только края единственного отверстия в туго натянутой коже наглухо соединялись с поясом охотника. Каяк мог перевернуться от сильной волны или резкого движения самого человека — и ничего страшного; тело охотника герметически закрывало воде доступ в лодку, отработанным точным толчком легко было вернуть каяк в нормальное положение. Были у эскимосов и большие лодки, на них целый род мог переправляться на новое место. Называли эти лодки женскими, и вели их во время перекочевки женщины.

Летом жили в шалашах, крытых корою или шкурами. А зимой приходилось ютиться в землянках, а спать на нарах. Когда же в своем движении эскимосы забрались в такие места Арктики, где докопаться зимой до земли было невозможно, когда они поселились на многометровом ледяном ошине Гренландии, они сделали снег орудием против холода. Иглу (хижины) эскимосов — полушария, своды которых выложены из снежных кирпичей. Не стоит думать, что такое строительство — дело простое. Надо уметь, например, выбрать подходящий, достаточно плотный, спрессовавшийся, но не насквозь оледеневший снег. Изнутри иглу устилали и завешивали шкурами. Отапливали и освещали его плошками, в которых горел тюлений жир.

Одежда эскимосов была выработана настолько удачно, что именно от нее, по мнению некоторых ученых, пошел нынешний почти всемирный мужской костюм-тройка: брюки, жилет, пиджак.

Первые черты сложной эскимосской культуры появились, видимо, около 8 тысяч лет назад. Окончательно она сложилась примерно 3 тысячи лет назад. Но еще за тысячелетие до этого эскимосы заселили почти все острова американской Арктики вплоть до Гренландии.

Более 3 тысяч лет назад уже из Америки какие-то группы эскимосов повернули на запад и открыли Алеутские острова, заселив их. С Алеутских островов или из Аляски спустя тысячу или 2 тысячи лет эскимосы высадились в Японии.

В Америке эскимосы встречались и частично смешивались с индейцами.

А в Азии на эскимосов наступали предки чукчей и коряков. Древние чукчи и коряки, заняв Чукотский полуостров, включили в свои племена многие разобщенные роды и семьи эскимосов. При этом чукчи взяли и очень многое из эскимосских откры-

На празднике. Внутренняя Монголия, Китай

Козлодрание (конное спортивное состязание). Афганистан

Мать с ребенком. Индия

Курдский мальчик

275

тий, изобретений, обычаев.

Надо сказать, что расселение чукчей в Сибири закончилось только в прошлом веке. И только в прошлом же веке вышли на границы своих теперешних владений эвенки. История расселения эвенков напоминает полинезийские «походы за родиной». Полинезийцы открывали острова

среди Великого океана, а эвенки занимали слабо освоенные другими народами земли на бескрайних просторах Сибири. «Зеленое море тайги», по которому кочевали эвенки, раскинулось (вместе с тундрой) на добрых 10 миллионов квадратных километров. Почти половина территории Советского Союза оказалась заселенной

маленьким народом. Хотя, конечно, далеко не им одним. С берегов Амура вышли эвенки в поход по Сибири, и в этом долгом пути включили в свой состав множество живших здесь до них племен.

Древнейшим народом Сибири считают сейчас юкагиров. Ныне они живут между Колымой и Индигиркой, и всего-то юкагиров человек четыреста. Но один из самых маленьких народов Сибири был когда-то мощным и многочисленным. До сих пор якуты говорят, глядя на северное сияние: «Это отблески огней юкагирских очагов». Юкагиры тоже помнят времена, когда их было много, и рассказывают детям: «Наших людей было прежде столько, сколько звезд на небе в полярную ночь».

Что же погубило большую часть народа? Неужели он был перебит врагами? Или его выкосили страшные эпидемии, время от времени разражающиеся даже среди редкого населения тайги и тундры?

Видимо, сыграли свою роль и болезни, и нападения врагов, и местные ухудшения климата. Но считать народ просто погибшим и вымершим нельзя. Дело не только в том, что остались люди, называющие себя юкагирами. Но и в том, что юкагиры стали частью других народов — от чукчей на крайнем северо-востоке Азии до бурят в центре Азии, и, быть может, ненцев на северо-востоке Европы.

Близкие родственники эвенков — и по языку и по крови — примерно тысячу лет назад создали на Амуре мощное государство чжурчженей, которое после долгой борьбы победило Китай, покорило ряд его областей, другие области обложило данью, а потом пало под ударами монголов Чингисхана.

Относительно недавно появились в Сибири такие крупные народы, как буряты и якуты.

Буряты — потомки древнего населения Забайкалья и монголов, пришедших в эти места во время своих великих походов. Часть обосновавшихся у Байкала племен пошла затем далеко на север и, опять-таки смешавшись с древним местным населением, положила начало якутскому народу.

Общие предки китайцев, тибетцев и бирманцев обитали когда-то (при-

мерно 6 тысяч лет назад) в долине реки Вэйхэ — притока Хуанхэ. Созданная ими культура носит у археологов красивое имя — Яншао. Яншаосцы возделывали злаковое растение чумизу (пройдет немало времени, пока их потомки переймут и сделают главной культурой большей страны рис; в ту эпоху рис культивируют люди культуры Циньляньган, живущие у моря на востоке Китая: многие элементы хозяйства и кровь свою, но не язык передадут эти люди будущим китайцам).

Пять с половиной тысяч лет назад яншаосцы разошлись со своих земель: те, кто направился на запад, в верховья Хуанхэ, стали тем самым предками тибето-бирманских народов; ушедшие на восток сыграли очень важную роль в формировании древнекитайского этноса.

От языка племен, с которыми яншаосцы встретились на среднем течении Хуанхэ, протокитайский язык получил свой грамматический строй. Слова же в нем оказались в основном яншаоские — об этом мы судим по сходству лексики в китайском и тибето-бирманских языках.

А уже в начале 1-го тысячелетия до н. э. на великой Среднекитайской равнине сложился этнос с самоназванием хуас — древнекитайский. Ему предстояло в течение долгих веков ассимилировать на севере монголо- и тюркоязычных кочевников (разумеется, далеко не всех), а на юге — многочисленные этносы с явными австралоидными признаками. До сих пор северные и южные китайцы несколько отличаются друг от друга и по языку и по культуре, да и по внешности.

Средняя Азия лежала на извечном пути с востока на запад и с запада на восток. Ее не миновали ни персидские народы, ни Александр Македонский, ни арабы, ни китайцы, ни гунны, ни скифы. Между тем были еще, скажем, и сельджукские и иные нашествия. А в XVI—XVII веках через Среднюю Азию пролег путь калмыков. И с тех пор древние курганы, порою многотысячелетней давности, здесь упорно зовут калмыцкими могилами. (Так под Москвой и на запад от нее в прошлом веке называли французскими могилами старые курганы, оставленные здесь племенами, жившими много столетий назад.)

И конечно, все эти народы целиком не уходили. Часть их оставалась не только в земле, но и на земле. Это о типичном среднеазиатском городе написал алма-атинский прозаик М. Симашко: «Еще Александр Македонский застал там более высокую и древнюю культуру, чем в оставленной им Элладе. Завоевав после долгой и упорной осады Ханабад, он построил там свою крепость, оставил в ней гарнизон и пошел дальше. Каково же было удивление Александра Македонского, когда на обратном пути он увидел, что его солдаты стали самыми настоящими ханабадцами! Все они уже носили узкие штаны и по-ханабадски цветистые абстрактные рубашки; язык, на котором они говорили, уже не был тем чистым, классическим языком, которому их учили в школе. Но самое главное, они переняли традиционные ханабадские нравы... Далее история Ханабада развивается все по той же простейшей схеме. Ни один великий завоеватель Юга, Севера, Запада и Востока не миновал Ханабада. Такое уж у него удобное месторасположение — посредине Земли. Завоеватели приходили, проламывали крепостные стены, ремонтировали их, оставляя своих солдат, и шли дальше. А солдаты вместо родных напитков начинали пить зеленый чай и через каких-нибудь полвека ничем уже не отличались от подлинных ханабадцев. Самые различные мысли появляются в связи с этим: о силе ханабадского духа, о путях неисповедимых, но прежде всего — о производительных силах и производственных отношениях. Впрочем, сами ханабадцы причиной этого удивительного явления считают зеленый чай».

Здесь все в шутку, но многое в этой шутке серьезно.

Обратимся теперь к Индийскому субконтиненту. Именно здесь (точнее, на значительной части территории современного Пакистана) возникла одна из древнейших цивилизаций земли — Хараппская. В числе ее создателей, по некоторым данным, были представители всех трех больших рас, но основную массу их составляли, по-видимому, южные европеоиды, говорившие на дравидских языках. Уже в ту пору началось их смешение с людьми австралоидной ветви эквато-

риальной расы (сегодняшние дравиды темнокожи).

Примерно в середине 2-го тысячелетия до н. э. на полуострове Индостан ворвались индоарии скотоводы и земледельцы, близкие родственники племен, занявших незадолго до этого Иран. Вышли индоарии, по-видимому, из Северного Причерноморья и по дороге прошли через Среднюю Азию.

Они подчинили себе значительную часть Индии; завоеватели, укрепляя свое господство, создали общество с очень сложным кастовым устройством. Но за прошедшие с той поры тысячелетия победители и побежденные успели, несмотря на кастовые преграды, смешаться и в расовом и в культурном отношении.

А затем... затем на Индию (как и на Европу) все время, с небольшими перерывами, накатывали волны народов из других частей Азии. Здесь побывали скифы и гунны, сюда приходили тибетцы и тангуты, арабы и монголы, турки, персы и афганцы. Да при этом еще шли сложные процессы взаимодействия народов, сложившихся или складывавшихся в самой Индии.

Европейские колонизаторы, захватившие Индию, мало смешивались с местным населением (хотя сейчас существует и насчитывает более 200 тысяч человек своеобразный этникос из потомков смешанных браков англичан и индианок), но чрезвычайно сильно повлияли на судьбы субконтинента и культуру верхних слоев его общества.

У государств, образовавшихся на месте бывших колоний, много схожих проблем, где бы эти государства ни были расположены — в Африке, Азии или Латинской Америке.

Роль государственных границ для этнических процессов ярко проявилась в событиях, последовавших за разделением единой Индии на республики Индию и Пакистан. При размежевании между двумя новыми государствами в расчет принималась прежде всего религиозная принадлежность большинства населения той или иной области. Между тем мусульмане и немусульмане часто жили вперемежку. Множество мусульман, оказавшихся в границах Республики Индия, как и множество буддистов, сикхов, индуистов, живших на

землях, вошедших в состав Пакистана, предпочли перебраться на земли своих единоверцев (однако в Индии и сейчас живут многие десятки миллионов мусульман).

Каждый из этих потоков переселенцев к началу 60-х годов составил минимум 10 миллионов человек.

278

По крайней мере два крупных народа — панджабцы и бенгалцы — оказались разделенными надвое новыми государственными границами. У бенгалцев был к моменту раздела общий литературный язык — за время его развития в двух разных государствах он разделился по меньшей мере на два разных диалекта. На западе, в Индии, где господствует индуистская религия, язык бенгали оказался насыщен заимствованиями из санскрита и хинди. На востоке, в мусульманском Восточном Пакистане, ставшем позже независимой Республикой Бангладеш, бенгали принял многие слова урду, арабского и персидского языков.

Панджабцы до государственного размежевания составляли единый этнос (впрочем, многие ученые считают говорящих на панджабском языке сикхов особым этносом).

Теперь западные, пакистанские панджабцы приобрели ряд черт особого этноса, а панджабцы Индии достаточно отчетливо делятся и этнически, а не только по религии на сикхов и панджабцев-индуистов.

Важно отметить, что принятие в качестве государственного того языка, на котором говорит наиболее многочисленный из народов государства, нередко вызывает неодобрительное отношение представителей других этносов, встречается активное сопротивление.

В начале 60-х годов в Индии была предпринята попытка сделать обязательным для изучения и общепринятым в государственных учреждениях язык хинди. Эта попытка наткнулась на резкое сопротивление прежде всего в южных районах страны, где население говорит на дравидских языках. Английский, игравший до этого времени роль государственного языка, был равно чужд всем народам Индии. Если же государственным языком Индии становился хинди, то люди, для которых он был родным, получали преимущества — хотя бы

при поступлении на государственную службу.

Дело дошло до вооруженных выступлений, подготовленных реакционными силами. Но реакция здесь смогла использовать действительно существовавшие трудности. Выход был найден — статут государственных придал тогда двенадцати наиболее распространенным языкам. Хотя официальными все-таки считаются сейчас языки хинди и английский.

Быстрее обычно идет расширение влияния языка, так сказать, нейтрального. В Пакистане наиболее многочисленный народ — панджабцы, составляющие около 60% населения страны, между тем государственным и языком межэтнического общения стал урду.

Несколько же миллионов человек в Пакистане уже сейчас считают урду родным языком, хотя по национальности полагают себя панджабцами или синдхами...

На урду выходит большая часть газет и журналов, он занимает первенствующее место и в книжных изданиях, и в радиопередачах, и в кинофильмах.

Язык, за которым не стоит народ, — поразительное явление.

Впрочем, язык этот, если можно так выразиться, получит еще свой народ. В монографии «Этнические процессы в странах Южной Азии» отмечается:

«Целенаправленная правительственная политика на укрепление позиций языка урду приведет, по-видимому, к возникновению какой-то лингвистической общности во главе с панджабцами. Язык урду, несомненно, способствует сближению народов Пакистана».

Удачное решение языковой проблемы было найдено в освободившейся от колониальной зависимости Индонезии.

Для большинства ее населения, средоточенного в силу природных и исторических причин на Яве, четвертом по величине из индонезийских островов, родной язык — яванский. Но в основу государственного языка, «бахаса индонези», лег малайский, хотя родным-то он был лишь для немногих миллионов людей. Это в данном случае рассматривалось как некое преимущество — этнические

меньшинства не будут считать, что им навязывается язык преобладающего по численности народа. Главное же — что среди малайцев исторически было много торговцев, и их язык служил уже давно для общения между разными этносами. На нем, между прочим, проповедовали многие мусульманские священнослужители. И христианские миссионеры тоже вели свою проповедь в Индонезии прежде всего на малайском языке.

При борьбе в той или иной стране двух языков собственно лингвистические свойства каждого из них играют в общем третьестепенную роль. Но при встрече малайского языка с яванским это общее правило оказалось нарушенным. Слишком сложен яванский

язык, слишком сильный отпечаток наложило на него феодальное прошлое острова. Яванцам при беседе приходится тщательно следить за каждым оборотом речи, потому что в ней по традиции должны обязательно учитываться социальное положение и говорящего, и того, к кому он обращается, и слушателей. Полагают, нет другого языка, на котором было бы так легко обидеть собеседника, не точно применив какое-нибудь слово.

Сами яванцы на собраниях и во время почти любых общественных мероприятий предпочитают говорить по-малайски, даже на фабриках и в учреждениях этот язык в большом ходу. Он и становится единым общепринятым языком Индонезии.

СПАСШИЕСЯ НА КРАЮ ГИБЕЛИ

Судьба одного народа Индокитая поразила трагизмом даже ко всему, кажется, привыкшее XX столетие. Весь мир знает о тяжелой участи основного этноса Камбоджи — кхмеров. Вот как писал о них всего тридцать лет назад французский исследователь А. Миго: «Камбоджиец весел, беззаботен, для него характерна насмешливая легкость в отношении к окружающему... У него умелые, «золотые» руки. Одаренный природным тонким чувством юмора, он склонен иронизировать даже над такими вещами, к которым испытывает самое глубокое уважение: например, он с насмешкой относится к буддистским монахам. В то же время, несмотря на это фрондерство, он уважает общественную иерархию. Нельзя забывать, что кхмерский народ был народом-победителем, который вел тяжелые и часто победоносные войны со своими соседями...»

Страшно думать о том, что изменило национальный характер кхмеров, над которыми был поставлен чудовищный социальный эксперимент.

Часть народа сознательно истребила другую часть того же народа, притом ничем первой не угрожавшую и лишенную возможности сопротивляться. Такого, кажется, вообще не знала всякое видавшая история человечества.

Из всех стран Юго-Восточной Азии Камбоджа имеет наиболее однородное этнически население. Относятся кхмеры к монголоидам, но с достаточно ярко выраженной австралоидной примесью, т. е. кхмеры — родня не только китайцам, но и черным австралийцам и меланезийцам, есть у кхмеров и некоторые европеоидные черты. Красивыми они кажутся представителям почти любого этноса.

Первое крупное государство кхмеров возникло в I веке н. э. под индийским влиянием и при участии выходцев из Индии. Затем на протяжении столетий кхмеры то расширяли свою державу на территории, охватывавшей большую часть Индокитая, то признавали власть соседних государств, позже боролись с колонизаторами... Они обменивались кровью, лексикой, элементами культуры с соседями — словом, делали то же, что и живущие в Индокитае вьеты и моны, таи и лао... До тех пор пока к власти над кхмерами не пришло правительство Пол Пота и Иенг Сари. Приход вьетнамских друзей на помощь гибнущему народу спас тех, кого еще можно было спасти.

5 Десяток хмурых, голодных мужчин с каменными топорами, дубинами и дротиками в руках, десяток женщин тащат на плечах скудные запасы и грудных детей. Ребятишки постарше тревожно жмутся к родителям.

Тем, хоть они и не подозревают, что первыми из людей ступают на новый континент, тоже не очень-то хочется двигаться в неведомые земли. Мало ли что может ждать там переселенцев... Но другого пути нет. В Восточной Сибири уже слишком много охотников и собирателей, они наступают друг другу на пятки, невольно мешают один другому. Да еще, может быть, поблизости обосновалось сильное враждебное племя...

Зимой по льду, если Берингов пролив в эту пору уже существовал (в чем некоторые географы сомневаются), и в любое время года по суше, если пролива не было, первые американцы 30 или 40 тысяч лет назад пришли на эту землю. Она была пустынна. Но это их больше всего и устраивало. В это время у людей уже не было по-настоящему страшных врагов, если не считать других людей.

Великая судьба ждала пришельцев. За 30 тысяч лет их потомство заселило 40 миллионов квадратных километров — всю Америку, кроме, пожалуй, крайних северных полярных областей.

Многое случилось за триста веков, за тысячу двести поколений. От одного крошечного племени произошли многие сотни племен. Язык, на котором говорило племя, разбился на десятки языков и сотни наречий. И до сих пор спорят ученые: только ли эти землепроходцы добрались до Америки? Не было ли других мощных волн пришельцев на Американский материк?

Спорить есть о чем. Факты — упрямая вещь. А тут они настолько упрямы, что спорят друг с другом.

Самый важный факт, говорящий в пользу единого, общего происхождения индейцев, — замечательное сходство самых разных племен по распределению групп крови.

Среди индейцев нет обладателей крови с фактором В. От мыса Аляски до Панамского перешейка в Америке живут люди только с I и II группами крови. А южнее этого перешейка — и в джунглях Америки, и в ледяной пустыне Огненной Земли — даже с одной лишь I группой крови. Тут нет людей не только с фактором В, но и с фактором А.

Что это значит? Что среди предков индейцев тоже не было людей с фактором В. А так могло случиться, если первоначальных поселенцев было мало, а новых волн переселенцев не последовало.

Отсутствие в Южной Америке фактора А тоже как будто говорит в пользу гипотезы об одной волне пришельцев из Азии. Много тысяч лет понадобилось, чтобы эта волна захлестнула всю Северную Америку, от Аляски до Мексики, и докатилась до узкой «тали» Американского материка — Панамского перешейка. Здесь, наверное, повторялась старая история — через него прошла только небольшая группа людей, которые стали предками всех южноамериканских индейцев. И среди этих людей не было уже (случайно, конечно) носителей фактора А.

Фактор В (один или вместе с фактором А) хранит в своей крови 12% англичан, пятая часть всех немцев, 30% русских. А в Восточной Азии, например, люди с III и IV группами крови вместе составляют почти половину населения.

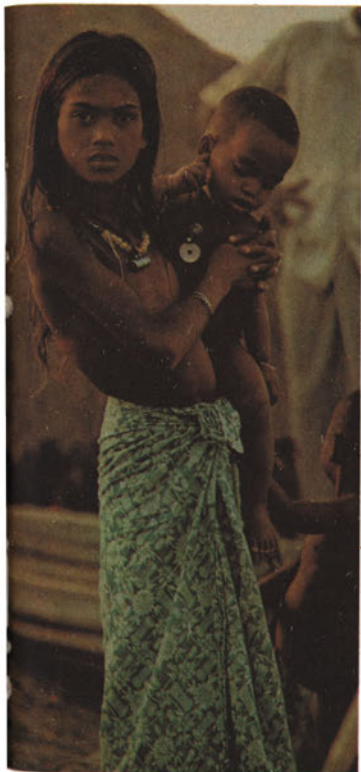
Любые переселенцы изменили бы соотношение групп крови в Америке. А оно сохранилось. Значит...

Да, получается как будто так. Но те самые ученые, которые изучают наследование групп крови, говорят

вот еще о чем. Если в изолированной группе мала доля людей с каким-то фактором крови, то, как вы уже знаете, очень много шансов на исчезновение со временем этого фактора крови вообще. Выходит, могли быть среди первых пришельцев люди III группы крови. Только было их мало. И могли быть позднейшие пришельцы с той

Мать с детьми. Панама
Американская девочка

281

же группой. Только их должно было быть очень немного: чтобы успевшие размножиться к их приходу индейцы растворили новых «визитеров».

А что поздние визитеры все-таки были, можно поручиться. Вот не самый важный, быть может, но

самый достоверный пример. На территории нынешнего Эквадора несколько тысяч лет назад делали замечательную керамику (попросту — глиняные горшки). Часто ее украшали, прижимая к сырой еще глине крученную веревку. Но такой «веревочный орнамент» и многие другие детали эквадорских горшков ученые

уже видели совсем в другом месте — в Японии.

Кто же у кого научился лепить горшки: японцы у индейцев или наоборот? Тут спорить было не о чем. Древнейшая японская керамика много старше эквадорской.

Что же, выходит, были древние связи между Японией и Южной Америкой? Да нет, так сказать все-таки нельзя. Великий, или Тихий, океан действительно великий, но далеко не тихий. И для путешественников чрезвычайно важны его течения и ветры. Главные течения и постоянные ветры здесь направлены с востока на запад. Недаром же с востока на запад — из Перу в Полинезию — плыл Тур Хейердал на своем знаменитом плоту. И недаром первые кругосветные путешественники, начиная с Магеллана, плыли из Европы, а потом из Америки на запад, пересекая Тихий океан в самом выгодном, пусть неведомом для себя, направлении. А попытки преодолеть величайший из океанов с запада на восток долго кончались неудачами.

Можно признать поэтому, что лодки с индейскими рыбаками, наверное, не раз заносило к Филиппинам или Японии. Правда, исторических последствий это, видимо, не имело.

А вот когда по случайной случайности японскую лодку занесло в Эквадор, индейцы переняли у ее хозяев славное искусство лепить и обжигать горшки.

Но произошло это «японское переселение» сравнительно недавно, когда Америку населяли уже миллионы людей, и ни трое, ни пятеро, ни даже два десятка японцев (а сколько их было на лодке?) ничего не могли изменить в его антропологическом составе.

Утверждают, что в Центральной Америке найдены древние римские монеты. Говорят о следах древнеегипетской, финикийской, а то и древнеиндусской культуры у некоторых индейских племен, и вымерших и ныне живущих. Точных доказательств всего этого нет, но очень похоже, что от случая к случаю прорывались обитатели средиземноморских берегов на западный берег Атлантики. Однако антропологических — во внешности индейцев — следов европейцев здесь не находят.

В Северной Америке побывали уже в нашу эру сначала древнеирландские моряки (это почти доказано), а потом норманны (это доказано окончательно). Следы норманнского влияния пытаются видеть некоторые американские антропологи в облике индейцев сиу.

Но пожалуй, гораздо заметнее у некоторых южноамериканских племен признаки, сближающие их с африканцами, а то и с австралийцами: сравнительно темная кожа, утолщенные губы.

Как могли попасть в Америку африканцы или австралийцы?

Можно, конечно, вспомнить отчаянную попытку великого плавания, предпринятую уже в средние века правителем одного из западноафриканских государств. На нескольких тысячах больших лодок отправился он в океан с огромной армией... Насколько можно судить по конструкции лодок, большая часть их наверняка не выдержала перехода. Но ведь их было так много... И не исключено, что кто-то все-таки спасся на американских берегах. И естественный вывод: этот правитель, так любивший путешествовать, откуда-то знал, что на далеком западе есть земля. Негры могли попасть в Америку и вместе с древними египтянами, если те, конечно, туда плавали, а это пока по меньшей мере спорно.

Ну, а в XV веке Америку по-настоящему открыли. И хотя до Колумба сюда плавали или приходили древние азиаты, полинезийцы и норманны, эскимосы, а может, финикийцы, римляне, африканцы, египтяне — все-таки это было именно открытием. Впервые после древнейшего перехода через Берингов пролив население материка пережило серьезное иноземное влияние.

Северную Америку колонизовали в основном англичане и французы, хотя и не только они, Центральную и Южную — испанцы и португальцы.

В Северной Америке уцелело после войн с пришельцами и намеренного уничтожения едва несколько сот тысяч индейцев. Правда, в миллионах жителей США, часто неведомо для них самих, течет индейская кровь.

А вот в Центральной и Южной Америке индейцев все еще миллионы, хотя их здесь и гораздо меньше, чем

могло бы быть. Страшными были для коренного населения Америки последние пять веков.

Латинская Америка — один из самых нищих районов мира. И хуже всего здесь обычно приходится индейцам — нередко самой темной, забитой и обездоленной части населения. Но индейцы поднимались и поднимаются

Фавеллы (кварталы бедноты) в Сан-Пауло. Бразилия

Русские на Аляске

на борьбу. В Перу, Эквадоре, Колумбии, как и во многих других республиках Южной Америки, индейцам удалось уже кое-чего добиться.

Большинство же населения почти всех здешних стран составляют потомки смешанных браков. Кровь индейцев слилась с кровью европейцев, а часто и африканцев — тех

долго завозили сюда как рабов.

У каждой республики здесь своя история, свой состав населения. Если аргентинцы, скажем, прежде всего потомки европейцев, то мексиканцы по справедливости видят в себе в первую очередь наследников древних ацтеков и майя. Большинство парагвайцев — чистокровные индейцы, а в

Бразилии индейские племена сохранились лишь на глухих окраинах.

Но жители и Бразилии, и Мексики, и Колумбии, и Венесуэлы независимо от происхождения чувствуют себя преемниками индейцев. Правда, почти во всех латиноамериканских странах чтут и память конкистадоров — лихих вояк, жестоких и необузданных, однако отчаянно смелых людей, но — все-таки — не во всех!

Мексиканцы ставят памятники героям оборонительной войны против испанцев — и нередко возмущаются, попав в Чили или Боливию, почтением, которым там пользуются давние завоеватели. А вот Бразилия потому и избрала в качестве символа бразильской нации статую юной негритянки, что именно в этой республике роль негров в формировании единого этноса была особенно велика.

Нередко говорят тем не менее, что в Латинской Америке достаточно иметь каплю «белой» крови, чтобы считаться белым, а в США — каплю «черной» крови, чтобы считаться негром...

Все мы сейчас знаем, что американский народ включает в себя множество этнических групп самого разного происхождения. Негры, мексиканцы, китайцы, американские шведы, американские итальянцы... впрочем, вернее сказать, американцы шведского, итальянского, китайского происхождения.

Все это, по мнению большинства исследователей, да и большинства представителей самих этнических меньшинств, не мешает всем им быть прежде всего американцами. В нынешних национальных трениях в США проявляют себя прежде всего социальные, классовые противоречия.

С течением времени американский народ становится этнически все более однородным. Этот процесс неостановим. Он особенно наглядно виден на той, относительно привилегированной части американцев, которую часто обозначают четырьмя буквами: WASP — первыми в английских словах: «белые», «англосаксы», «протестанты». Между прочим, даже покойный президент Джон Кеннеди, как католик, не мог быть отнесен к WASP.

И тем не менее анализ — исторический, антропологический, социаль-

ный — показывает явно смешанное происхождение и этой группы. Начнем с того, что в наше время каждый год от 30 до 50 тысяч (по разным оценкам) светлокожих мулатов перебираются в северные штаты, где их происхождение остается неизвестным, и потому их считают белыми. Именно этим процессом, в частности, объясняется непонятное на первый взгляд противоречие между двумя статистически одинаково достоверными фактами. С одной стороны, представители негритянского меньшинства (к которому в США по традиции относят людей даже с $1/16$ или $1/32$ долей африканской крови) имеют в среднем больше детей, чем «белые» американцы. С другой стороны, это меньшинство за последние десятилетия далеко не увеличило свою долю в составе населения США в той степени, которую обещает первый факт. Это противоречие в статистике в значительной мере снимается просто переходом светлокожих мулатов в другую этническую категорию. Но этому процессу уже много больше полутора сотен лет! Как одну из иллюстраций к этой теме можно вспомнить роман Синклера Льюиса, вышедший у нас под названиями «Королевская кровь» и «Кингсблад — потомок королей». Некий добропорядочный процветающий американец из категории WASP углубляется в свою генеалогию, чтобы выяснить, сообщает ли его явно благородная фамилия Кингсблад правду о происхождении семьи от монархов. Но у корней родословного древа вместо короля Британии или на худой конец индейской принцессы обнаруживается негр.

Если учесть, что за каких-нибудь двести лет отец троих детей, все потомки которого становятся родителями тоже в среднем троих детей, оказывается предком шести с лишним тысяч человек, а за 300 лет — уже примерно 150 тысяч, легко понять, что всего один смешанный брак приводит, с точки зрения расистов, к совершенно ужасным последствиям.

Но в Америке вне WASP стоят ведь не только негры. Браки же с ирландцами, итальянцами, евреями, французами, славянами, немцами были для американских англосаксов запретными в гораздо меньшей степени, чем с неграми. Дети от таких смешанных

браков большей частью принимали религию более привилегированного родителя — и почти автоматически переходили в разряд WASP.

К числу англосаксов-протестантов относили с самого начала протестантов-шотландцев и протестантов-ирландцев, а ведь ни те, ни другие, строго говоря, англосаксами не явля-

Дворик в Мехико
Гватемальский мальчик
У очага. Южное Перу

285

ются. Наконец, даже «чистокровные» англичане, прибывавшие в Америку на протяжении последних веков, — потомки множества народов, сыгравших свою роль в этнической истории острова Великобритания.

Соединенные Штаты были землей, куда ехали на протяжении столетий отнюдь не только дельцы, искавшие

новые области для вложения капитала.

Первые поселения на севере нынешних США основали пуритане, приверженцы одной из преследовавшихся в Англии протестантских сект. Начало же заселению англичанами штата Пенсильвания положили квакеры, которых преследовали, между

прочим, не только в Англии, но — на протяжении довольно длительного времени — и в большей части английских колоний в Америке. (А одной из причин превращения Канады из французской колонии в английскую был установленный одним из Людовиков запрет на выезд туда из Франции протестантов — той особенно угнетаемой части населения, которая могла бы дать много тысяч добавочных поселенцев.)

Безземельные крестьяне Ирландии, нищие ремесленники, рабочие и крестьяне из Германии, Швеции, Австро-Венгрии, России составили в XIX веке едва ли не половину новых жителей США. Надежды всех этих людей на свободу и человеческую жизнь иногда оказывались обманутыми. XIX век в Америке знает ирландские, китайские, японские и иные погромы. Но потомки всех этих разноплеменных эмигрантов обычно становились действительно американцами.

Однако... сохраняется множество этнокультурных групп на территории США; представляют собой отдельные этносы по крайней мере некоторые индейские племена, сохранившие и свои языки и свою особую культуру.

На совместном советско-американском симпозиуме в Киеве (июнь 1985 г.) С. Тернстром из Гарвардского университета спрашивал: «Является ли наиболее выразительной чертой американского общества мощь его ассимиляционных сил или же то упорство, с которым множество групп оказывает сопротивление ассимилятивному давлению и сохраняет свои характерные черты на протяжении всех поколений?»

На этот вопрос американские ученые отвечают по-разному, вплоть до утверждения, что «правильного тигля никогда не было: его нет сегодня и никогда не будет, и, если бы он когда-нибудь существовал, это получился бы такой безвкусный суп, что нам бы пришлось вернуться назад и начать все снова».

Еще лет шестьдесят назад американец Х. Каллен разработал теорию, по которой каждая из этнических групп в США будет сохранять на протяжении веков свое культурное и национальное своеобразие, поскольку, как он афористично сформулировал, «никто не может изменить своего деда».

С. Тернстром в ответ замечает — в духе афоризма Каллена, — что если своего деда и нельзя изменить, то его можно забыть. И напоминает, что прошедшие десятилетия показали: ни одной из основных групп иммигрантов не удалось передать большинству членов своего третьего поколения родной (не английский) язык и связанное с ним культурное наследие.

Очень серьезный показатель тут — браки, заключаемые с представителями других этнических групп.

Одной из самых замкнутых национальных общин долго считались американские итальянцы-католики. Перед первой мировой войной среди них было только 2% людей, у которых один из родителей был неитальянского происхождения. Но после второй мировой войны таких оказалось уже 40%. Да к тому же 40% людей, считавших себя итальянцами и католиками, заключили к этому времени браки с теми, кто принадлежал к другой религии! В данном случае это соответствует и другой национальности. Притом на самом деле доля вступивших в смешанные браки итальянцев намного больше, чем эти 40%, — ведь в них не учтены браки с католиками — ирландцами, французами, немцами и т. п. Среди католиков, считавших себя ирландцами, люди смешанного происхождения составляли сразу после второй мировой войны уже больше 52%. За последующие десятилетия этот процесс, как правило, усиливался.

В большинстве своем дети от таких смешанных браков все-таки могли сказать, какая зарубежная страна, какой зарубежный народ ощущаются ими как более близкие, — однако 11% католиков и 25% белых протестантов в середине 70-х годов были уже настолько смешанного происхождения, что не чувствовали какой бы то ни было этнической связи с зарубежными нациями.

Точно так же долго держался миф о том, что евреи заключают браки главным образом между собой. Но еще в 1972 году, как уже упоминалось, 48% из них состояли в США в браках с неевреями.

Трагические страницы включает в себя история китайских и японских иммигрантов в США. Им отказывали в гражданстве, в праве владеть зем-

лей. Хотя бы по рассказам Марка Твена почти каждый из нас знает о погромах, устраиваемых в китайских кварталах «стопроцентными американцами» в конце XIX века. Вопль о «желтой угрозе» разносился над всем Западным побережьем Соединенных Штатов; после того как Япония открыла военные действия против США,

Старинное селение в Испании с крепостью в центре

287

110 тысяч японцев были брошены в концентрационные лагеря в пустынях, и держали их там все годы войны.

Что же говорит сегодня та самая брачная статистика? Треть молодых китайцев и половина японцев того же возраста уже в 1972 году состояла в браках с «белыми»; можно ручаться, что сегодня эта доля много больше. И

нет уже речи о «желтой угрозе», хотя сегодняшние американские китайцы и японцы стоят по среднему социально-экономическому статусу значительно выше средних «белых» американцев.

С. Тернстрем отмечает, что идет поглощение и пуэрториканцев, причем прежде всего их наиболее образованных и наиболее зажиточных

слоев. Так, уже в 1970 году почти половина пуэрториканцев с высшим образованием вступила в брак с англоязычными американцами; немного меньше соответствующая цифра у мексиканцев.

И только афроамериканцы — с оговоркой, о которой у нас шла речь раньше, — еще не оказались в «брачном плавильном тигле», признает С. Тернстром. Браки между «черными» и «белыми» составляли 0,6% в 1963 году, к 1970-му их доля увеличилась до 1,2%, с тех пор она могла еще удвоиться или даже утроиться, но на фоне остальных приведенных цифр

выглядит весьма незначительной. Этот барьер, как показывает сравнение хотя бы с китайцами и японцами, в значительной степени не только расовый, но и социальный. Слишком много среди «черных» бедняков.

Уже одного этого межрасового барьера достаточно, по мнению некоторых этнографов, чтобы признать американский народ пока что не этносом, а скорее метатэтнической общностью, в которую входит, согласно данным Энциклопедии Гарвардского университета, более сотни этнических групп, да сверх того сто семьдесят пока уцелевших индейских племен.

НЭЙТИВС АЛЯСКИ

Аборигенами Аляски к моменту, когда она вошла в состав США, были как индейские, так и эскимосские племена. Иногда между ними возникали конфликты; поводом служили, как и обычно на этом уровне социального развития, споры из-за границ охотничьих территорий или из-за похищения женщин чужого племени. Поскольку эскимосы были морскими зверобоями и жили главным образом вблизи побережий, а индейцы занимали внутренние районы, то таких прямых конфликтов было, по-видимому, относительно немного. Культурные же контакты постепенно развивались, шел обмен, устраивались общие праздники.

В XX веке многие общины индейцев и эскимосов попали в зависимость от прямой экономической поддержки со стороны белых. Часть таких общин оказалась в резервациях; отдельные группы индейцев и эскимосов регулярно получали финансовые пособия.

В то же время многие тысячи индейцев и эскимосов были, особенно с 40-х годов, включены в общую социально-экономическую жизнь этого американского штата на положении дешевой рабочей силы. Соответственно бурно пошла ассимиляция и индейцев и эскимосов «белыми». Но для этнографа особенно интересен стремительно развивающийся процесс сближения между индейцами и эскимосами. В «белых» городах они обычно селятся по соседству; индейцы и эскимосы оказываются вместе в школах-интернатах, где завязываются дружеские связи между молодыми людьми; они часто работают на одних и тех же предприятиях.

В результате — быстрый рост индейско-эскимосских браков. В 1972 году половина живших в экономическом центре Фэрбенкса аборигенов состояла именно в таких браках. И еще в 1970 году во время переписи выяснилось, что десятая часть людей, назвавших себя индейцами, родным языком считает эскимосский. В то же время многие дети из таких семей, живущих там, где преобладают белые, переходят на английский язык.

Индейцы и эскимосы теперь не только проводят общие праздники, но нередко и экономически поддерживают друг друга. Индейцы порою участвуют в эскимосских ассоциациях, известны случаи, когда индейцы избирали эскимосов руководителями своих организаций. Выходят и совместные эскимосско-индейские газеты.

Белые в своем большинстве издавна не слишком четко отличали одни индейские или эскимосские племена друг от друга и даже индейцев от эскимосов. Для большинства американцев европейского происхождения все это были равно туземцы — нэйтивс. С 50-х

годов и индейцы, и эскимосы, и алеуты Аляски сами стали называть себя так, противопоставляя свою метаэтническую общность «белым» американцам. Принятие слова «нэйтивс» как самоназвания было явным проявлением возникновения общего самосознания у людей, которые, поспешим заметить, и тогда и сейчас далеко не представляют собой одного этноса. Нэйтивс Аляски вели долгую и трудную борьбу за свои права хотя бы на часть исконных территорий. И одержали важную победу. Некоторые земли были возвращены. А закон о правах на землю признает туземцем Аляски всякого, в ком течет хотя бы четверть эскимосской, индейской или алеутской крови.

Тем самым, с одной стороны, дети от смешанных браков людей всех этих народов с белыми входят в число нэйтивс; с другой — именно последнее обстоятельство легко объясняет постоянный рост числа эскимосов, индейцев и алеутов, для которых родным языком становится английский, притом же на него переходит в городах и крупных поселках значительная часть чистокровных нэйтивс.

Но смена этносом языка, как мы не раз отмечали, отнюдь не означает исчезновения этноса. А этническое самосознание не только в общности нэйтивс, но и в эскимосской и в индейской ее составных частях укрепляется. Уходит на задний план, а то и вовсе оказывается утерянным самосознание племенное — но ведь это естественный процесс, через который прошли на протяжении последних тысяч лет земной истории многие народы. При этом, понятно, каждый раз вырастает социальное единство этноса. Так происходит и здесь. То, что, лишь объединившись, аборигены Аляски в состоянии противостоять давлению евроамериканцев плюс явное усиление взаимодействия этнических культур и языков, даже то, что все этнические группы аборигенов в той или иной мере владеют сейчас английским, — все это, как и общие теперь условия жизни, способствует сплочению новой метаэтнической общности нэйтивс. Станет ли она когда-нибудь этносом, внутри которого потомки эскимосов, индейцев и алеутов будут лишь этническими группами? Делать предсказания трудно. Но прорыв брачных барьеров между аборигенами говорит по крайней мере, что такая возможность в будущем вполне реальна.

5 Об истории если не Северной, то по крайней мере Центральной и Южной Америки можно сказать, что она не была оборвана иноземным завоеванием, но продолжается.

Нельзя, увы, повторить те же слова, когда речь идет об Австралии. История самого маленького из материков Земли непоправимо разбита на две части.

Первой из них положило начало появление в Австралии человека; второй — заселение Австралии европейцами.

Древнейшие найденные в Австралии костные останки человека имеют возраст примерно 26 тысяч лет. Древнейшие из хорошо датированных археологических памятников относят еще на 6 тысяч лет раньше. Само же заселение Австралии произошло, как считают, не менее сорока — сорока пяти тысячелетий назад, т. е., возможно, почти на заре существования самого вида *Homo sapiens*.

Пришли первые люди в Австралию из Юго-Восточной Азии... Может быть, из нынешнего Индокитая, через Индонезию. Среди народов, заселяющих Вьетнам и Камбоджу, есть и такие, у которых явно видны признаки родства с австралийцами. Есть, по мнению многих антропологов, черты сходства между австралийцами и древнейшими жителями Индии — темнокожими дравидами, а также народами группы мунда-кола. Дравиды когда-то заселяли почти всю Индию. Мало того, их следы находят в Иране и Месопотамии, в Аравии и даже в Египте.

Неясно, правда, когда и откуда именно появились предки дравидов в этих местах. Одно время большим успехом пользовалась гипотеза о древнем материке в Индийском океане — Лемурии, где якобы человек впервые стал разумным, откуда он заселил близлежащие земли. Валерий Брюсов писал:

Впервые светоч из священных слов
Зажгли Лемуры хмурые гиганты...
Он заблестал для будущих веков,
И с той поры все пламенней, все шире
Сияла людям Мысль, как свет в эфире.

Легенды тамилов, большого дравидского народа, размещали прародину тамилов там, где сейчас катит свои волны Индийский океан. Геологи тоже говорили о древнем материке в этих местах. Но категорически утверждали, что затонул он за много миллионов лет до появления человека. В последние десятилетия идея Лемурии воскресла в новом обличье. Запрет геологов на материк не касается небольших сравнительно с ним островов. Лемурия могла быть и архипелагом. Архипелагом, который затонул. Ведь за последние тысячи лет уровень Мирового океана повышался. Известно, например, что в первые десятки тысяч лет своей жизни в Австралии ее темнокожие хозяева не были напрочь оторваны от остального мира — благодаря «островному мосту» между Австралией и Индонезией. Да не будь этого моста из островов, разделенных куда более узкими, чем ныне, проливами, австралийцы не смогли бы стать австралийцами, добраться до пятой части света: ведь 40 тысяч лет назад человек еще не был хозяином морей.

Затем — 12—13 тысяч лет назад — уровень Мирового океана поднялся, мост исчез (точнее, стали шире проливы между островами Малайского архипелага и Австралией), и австралийцы остались на своем материке совсем одни. А несколько позже — может быть, уже 3 или 4 тысячи лет назад — ушел под воду и архипелаг, ставший в легендах Лемурией.

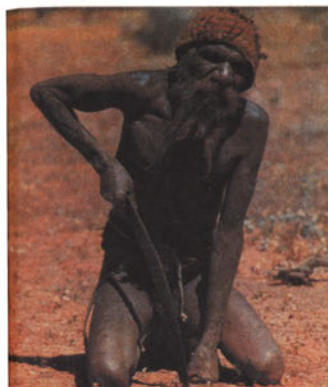
Есть и еще одна группа людей, имеющая, видимо, отношение к предкам австралийцев. Это представители так называемой веддоидной малой расы. Живут веддоиды на Шри-Ланке и в Южной Индии.

Словом, у австралийцев немало родственников по крови. И не только сравнительно близко от их родины, но даже и у нас в стране.

Мы уже упоминали айнов, живущих на Южном Сахалине, Курильских островах, в Северной Японии. Волосы у айнов точь-в-точь как у австралийцев — черные и волнистые.

Аборигены Австралии
Юные меланезийцы
В австралийском племени

291

Бороды такие густые и длинные, что когда-то антропологи, доказывавшие родство айнов с европеоидами, помещали рядом — для сравнения — изображение айна и портрет Льва Толстого. И кожа у айнов довольно темная.

Чтобы попасть когда-то в Японию, предки айнов прошли через Филиппины, Тайвань и острова Рю-Кю. Это

случилось гораздо позже заселения Австралии. У древних айнов уже были какие-то суда; они везли с собой более сложные, чем у австралийцев, орудия труда.

По дороге предки айнов прошли через области, заселенные монголоидами, частично смешались с ними. Поэтому айны широкоскулы, а часто

и узкоглазы; кожа у них гораздо светлее, чем у австралийцев.

Вышли праайны не из Австралии, а из Юго-Восточной Азии — Индии, Индокитая или Индонезии. И черты древнего родства хорошо видны даже сегодня.

При всем том австралийских аборигенов некоторые ученые недавнего прошлого предлагали считать относящимися к первой, предковой расе человека, той, от которой произошли все остальные. Другие склонны были выводить род австралийцев из Африки; и до сих пор, хотя версия об африканском происхождении практически отвергнута, черных австралийцев в антропологических классификациях относят к африканоидной (она же негроидная) расе, саму же эту расу иногда именуют африкано-австралоидной. По другим классификациям австралоиды становятся одной из четырех больших рас. Так или иначе, но только жили эти австралоиды обособленно на самом уединенном из материков вплоть до XVIII века. За это время от маленькой, вероятно, группы первопришельцев произошли по крайней мере пять сотен отдельных племен.

Изоляция обошлась аборигенам дорого. Хотя и числят археологи именно за ними открытие такого способа обработки камня, как шлифовка (23 тысячи лет назад, раньше, чем где бы то ни было на планете), хотя были у аборигенов еще более 20 тысяч лет назад художники (о чем свидетельствуют наскальные изображения), но к моменту встречи с европейцами австралийцы не успели освоить ни земледелие, ни скотоводство, даже рыболовством занимались далеко не лучшим образом (а тасманийцы и рыболовства вовсе не знали). Жили аборигены, если пользоваться археологической классификацией, в лучшем случае в среднем каменном веке — мезолите, а кое-где и в древнем каменном — палеолите.

Европейцы появились в Австралии много позже, чем представители некоторых других обитавших в Старе Свете народов.

После гибели островного моста к Индонезии жители пятой части света оставались отрезанными от всего мира лишь до тех пор, пока их ближние и дальние «земляки» не изобрели

морские суда. Появлялись в Австралии полинезийцы. Навещали ее моряки из Индонезии. А некоторое время назад на берег Австралии обнаружены рисунки, очень похожие на древнеегипетские. Неужели здесь побывали посланцы грозных фараонов? Честно говоря, эти рисунки вызывают пока большие подозрения. Не верят историки в их подлинность. И не только потому, что слишком далеко от Австралии до Северной Африки. Дело в том, что по поручениям фараонов действительно совершались грандиозные морские путешествия, вроде первого в истории плавания вокруг Африки. Но выполняли такие поручения обычно не сами египтяне, а подвластные им в ту пору финикийцы — прославленные мореходы древности. Почему же рисунки носят явно древнеегипетский характер? Конечно, с финикийцами могли ехать и египтяне, представители фараонов. Но все же, наверное, не только египтяне оставили бы в таком случае свой след на чужой земле. Есть и другие обстоятельства, заставляющие подозревать здесь подделку или мистификацию.

А в XVII веке у берегов Австралии появились первые европейцы: испанцы, голландцы, англичане. Век спустя английское правительство установило, на что годится новая земля: сюда можно ссылать преступников!

И в романах многих английских писателей XIX века слово Австралия, как и названия некоторых тамошних бухт и поселений, служит чаще всего синонимом слов «ссылка» и «каторга».

Европа посылала своих преступников к народу, обычаи которого поражали своим благородством. Где еще могла бы происходить следующая сцена? Группа аборигенов увидела большой отряд белых и решила атаковать: были у этих аборигенов счеты с европейцами. Но... у белых не оказалось оружия! И австралийцы сочли своим долгом перед боем вооружить противника. Даже рыцарские романы редко могут похвастать такими примерами мужества и чести. Но гораздо больше, чем преступники, обижали австралийцев английские власти. Здесь, как и всюду в мире, колонисты уничтожали тем или иным способом сотни тысяч людей.

Сейчас в Австралии живет несколько десятков тысяч чистокровных аборигенов. Из них лишь тысячи хоть в какой-то мере сохранили прежний образ жизни и культуры. Остальные часто оказывались просто на положении нищих, самых угнетенных и презираемых слоев населения, в котором они составляют меньше 1%.

Палуасские женщины из
горного района Новой
Гвинеи

293

Другие австралийцы в большинстве своем европейцы по происхождению. В основном потомки англичан, шотландцев, ирландцев. Есть и потомки французов, шведов, поляков, русских. Мало было, однако, переселенцев из Азии и почти совсем не было из Африки. Расистские законы затрудняли переселение сюда неевропейцев,

ограничивали въезд даже представителей некоторых европейских народов — итальянцев, например.

Из Азии же сюда все-таки попали, например, афганцы — их «выписали» в Австралию в качестве погонщиков верблюдов: ведь в Австралии много пустынь, и верблюды здесь оказались нужны.

Вот так тщательно оберегали себя от смешения с людьми других национальностей прямые потомки воров, грабителей и убийц — ведь именно от них происходят многие белокожие австралийцы.

И все же из истории Австралии можно сделать важный вывод: вопреки утверждениям иных «специалистов», преступниками становятся не из-за дурной наследственности — яблочко падает далеко от яблони, сын и внук вора не воруют, если живут в других условиях. Преступность в

Австралии ничуть не выше, чем в Англии, которую когда-то так энергично очищали от «вредных элементов» за счет этой самой Австралии.

По подсчетам, которые приводит П. И. Пучков в книге «Этническое развитие Австралии», четыре пятых всего населения Австралии — англо-австралийцы. Как и в США, здесь идет постепенная интеграция еще сохраняющихся этнических групп в единый этнос, основой которого становятся англоавстралийцы.

ВОСКРЕШЕНИЕ?

Для этнографа чрезвычайно поучительна судьба австралийских аборигенов. Как нам кажется, она уже сейчас вселяет надежды — становится примером того, как малые и слабые народы после долгого периода тяжелых культурных и социальных потерь способны воспрянуть, возродиться.

По переписи 1981 года, из 15 миллионов жителей Австралии 145 тысяч назвали себя аборигенами. На самом деле по крайней мере половину их составили люди смешанной крови, потомки от браков аборигенов с европейцами. Если вспомнить, что к приходу европейцев на материке, как считают, обитало примерно 300 тысяч человек, дальнейшие перспективы могут показаться не слишком обнадеживающими. Но ведь в 1921 году аборигенов вместе с метисами было лишь около 60 тысяч человек. За шестьдесят лет их число выросло в два с половиной раза. Причем начиная с 50-х годов становится больше и чистокровных аборигенов, а не только метисов, как в 20-е, 30-е и 40-е годы.

Кстати сказать, по данным 1985 года, аборигены составили уже 1,2% населения страны. Возможно, такой стремительный рост связан с тем, что часть метисов, ранее не относивших себя к аборигенам, изменила прежнее решение.

Еще в 50-е годы многим этнографам казалось, что единственно реальный путь обеспечения аборигенам равноправия — культурная и этническая ассимиляция. И австралийское правительство тоже проводило политику ассимиляции, внедрения аборигенов в англо-австралийскую нацию с европейской в основе культурой — на это в планах отводилось время нескольких поколений.

Но именно то, что ассимиляция проводилась «сверху», вызвало резкий протест. Значительная часть аборигенов (включая метисов) поставила своей задачей сохранение или возрождение духовных идеалов предков, их своеобразной культуры. Достижение единства в этой борьбе затруднялось тем, что и сегодня среди аборигенов есть представители сотен маленьких этнических общностей — племен.

Тем не менее некоторые аборигены, еще в 40-е и 50-е годы пришедшие в города и мелкие селения европейцев, покинув резервации, с конца 60-х годов начали переселяться оттуда на исконные племенные земли. Им удалось при поддержке прогрессивных сил страны, в первую очередь профсоюзов, получить в пользование уже почти 12% австралийской территории. Правда, это большей частью пустыни и полупустыни.

Тысячи австралийцев во многих отношениях вернулись к образу жизни своих предков, а именно расселились по стране маленькими общинами; они отказываются от стандартных жилищ в пользу

временных построек, не пользуются многими предметами фабричного производства, возрождают не только традиционные обряды, но и в полном или почти полном объеме старинные культы. Так что же это — возвращение в первобытность?

Но аборигены при всем том не намерены снова стать лишь охотниками и собирателями, они овладевают или хотят овладеть вполне современными методами хозяйствования, дать своим детям не только знание английского языка (сверх родного), но и профессию, пригодную при новом образе жизни. Не считают нужным

отказываться от лекарств и других достижений европейской медицины. На охоту ездят нередко в автомобилях и с ружьями, на рыбную ловлю отправляются в моторных лодках и с покупными снастями. Кое-где аборигены в своих поселениях занялись садоводством, завели виноградники, пасеки, разводят скот. Маленькие общины — в них бывает обычно от 20 до 200 человек — мало связаны с другими, но в принципе способны на коллективные политические действия.

Еще более поразительно возрождение тасманийцев. Во многих научных и популярных книгах можно найти сообщение о том, что аборигены Тасмании вымерли все до одного еще в XIX веке. И часто даже называют точную дату смерти последней старухи тасманийки. Но переписи свидетельствуют: тасманийцы остались на свете, их совсем не так уж мало — более 2,5 тысячи человек. Все это, собственно, люди смешанного происхождения, однако считают они себя именно тасманийцами. И приняли самое активное участие в борьбе против сооружения гидроэлектростанции, которое должно было привести к затоплению священного места их предков — «Пещеры духов», по-тасманийски «Кутинги». Именно эта пещера, где еще по крайней мере 19 тысяч лет назад селились аборигены, стала символом новой этнической общности, имеющей собственную историю и собственную культуру. Следует заметить, что потомков коренных тасманийцев поддержали в этой борьбе многие «белые» австралийцы. И правительство Австралии решило прекратить строительство гидроэлектростанции.

«ЧЕРНЫЕ ОСТРОВА»

Нет, речь пойдет не об Африке, хотя жителя Меланезии даже антрополог легко может спутать с африканским негром. Красивое название — Меланезия. В переводе оно тоже звучит красиво — «Черные острова».

Самый большой из этих островов — Новая Гвинея. Та Новая Гвинея, где до сих пор есть берег Маклая, где сохранилась еще благодарная память о великом русском путешественнике Н. Н. Миклухо-Маклае.

Здесь и еще на нескольких островах поменьше живут папуасы, предки которых пришли сюда 30—40 тысяч лет назад, примерно тогда же, когда на другом конце света предки индейцев проникли в Америку.

Прошло двести—триста веков, и в Новую Гвинею пришли из Индонезии ближайшие родственники папуасов — предки меланезийцев. Видимо, встреча родичей вылилась в жестокую войну. Победили пришельцы. Часть папуасов смешалась с ними, часть — отступила в глубь Новой Гвинеи. А предки меланезийцев двигались дальше. Они были неплохими мореходами и заняли сотни необитаемых до того островов.

И это было подвигом: они ведь не только открыли острова, но и остались там жить. А климат Меланезии и условия жизни здесь очень нелегки. Предоставим слово Джеку Лондону: «Там до сих пор свирепствует тропическая лихорадка, и дизентерия, и всякие кожные болезни. Воздух там насквозь пропитан ядом, который, просачиваясь в каждую царапину и ссадину, превращает их в гноящиеся язвы, так что редко кому удается выбраться оттуда живым, и даже самые крепкие и здоровые люди зачастую возвращаются на родину жалкими развалинами».

«Там» — это на Соломоновых островах, части Меланезии, откуда и сам Джек Лондон вывез мучительную болезнь.

Папуасы и меланезийцы в отличие от австралийцев уже стали к приходу европейцев и земледельцами и животноводами.

После войны обычай пред-
писывал в знак примире-
ния обмениваться подарками.
Ритуал этот сохраняется
традицией. Самоа, Мелане-
зия

Разводили они свиней, кур, собак — и тех, и других, и третьих на мясо. Но у свиней особо ценили почему-то клыки. Умели делать так, чтобы клыки вырастали особо длинными и изогнутыми. Чем длиннее клык, тем он дороже. Свиньи были и чем-то вроде монет: в свиньях измерялась стоимость дома, свиньями или их клыками платили выкуп за невесту.

Пришли, как уже говорилось, папуасы и меланезийцы на Новую Гвинею из Индонезии. Но так и не выяснено пока, была Индонезия их родиной или просто промежуточным пунктом на дол-

гом пути. Больше всего похожи меланезийцы на африканцев, так похожи, что до сих пор время от времени находятся ученые, которые заново начинают искать способы соединить Африку с Меланезией. И тут, конечно, может прийти на помощь все та же островная Лемурия. Она могла стать если не родиной темнокожих народов, то мостом между Африкой и Индонезией, а там и до Меланезии рукой подать.

Впрочем, и без таинственной Лемурии, и без реальной, но слишком далекой Африки у меланезийцев есть родственники поближе — на Андаманских островах у побережья Индии, на полуострове Малакка, в Южной Индии.

Похоже, что папуасы — старшие братья уже знакомых нам австралийцев. И дело не только в том, что Новая Гвинея скорее всего лежала на пути любых переселенцев в Австралию. За родство папуасов и австралийцев высказались группы крови. Только не те, что определяются присутствием факторов А и В, а другие — по факторам М и N. Людей с фактором М в мире намного больше, чем с фактором N. А вот в Австралии дело обстоит как раз наоборот. И на Новой Гвинее, у папуасов, — тоже. Такие совпадения обычно не бывают случайными. А как узнали, что папуасы именно старшие братья? Тоже делая точные анализы крови. У папуасов в крови есть вещество, которое зовут фактором SS. У австралийцев этот фактор не встречается. Что из этого следует? Согласно законам генетики, утратить фактор за тысячи лет и при переселении небольшими группами можно довольно легко. А вот приобрести практически невозможно. Значит, не папуасы нашли, а австралийцы потеряли.

Древние папуасы разнесли когда-то по островам Океании свой (и австралийский) фактор N. А айны, бородатые темнокожие люди, донесли свой фактор N до Курильских островов.

Теперь надо сказать, что в одном отношении Меланезия сильно повезло: здесь жаркий и сырой, очень неприятный, с европейской точки зрения, климат. Почему же мы говорим о везении? Да потому, что как раз из-за климата европейцам Меланезия долго не нравилась. Лишь в XIX веке были захвачены Англией, Францией, Голландией и Германией Черные острова, а серьезная эксплуатация многих из них началась лишь в XX веке.

Колонизаторы привезли сюда массу рабочих из других своих колоний и полуколоний. В результате на островах Фиджи, например, сейчас половину населения составляют индийцы.

А вот Новая Гвинея все еще остается своего рода гигантским заповедником. На 3 миллиона папуасов и меланезийцев приходится относительно немного людей европейского происхождения. Десятки же и сотни тысяч папуасов живут и сегодня в каменном веке. Особенно это относится к карликовым племенам центральной части острова. Да, на Новой Гвинее есть свои пигмеи, как есть они в Центральной Африке, на островах у побережья Индии.

МНОГООСТРОВЬЕ

Многоостровье — так переводится на русский язык слово Полинезия. Джек Лондон очень любил и восторженно описывал этот народ, особенно таитян и жителей Гавайских островов.

Вот, например: «На Гавайях, в отличие от большей части жарких стран, женщины долго не старятся и даже в старости красивы. Женщине, сидевшей под деревом хау... искушенный наблюдатель в любой точке земного шара, кроме Гавайских островов, дал бы пятьдесят. А между тем и дети ее и внуки... знали, что ей шестьдесят четыре года... Прекрасно было старое дерево хау, высокое, как дом, — она и сидела под ним, как в доме, до того густую и уютную тень давала его огромная крона; прекрасна была лужайка — бесцен-

ный зеленый ковер... А в другой стороне, сквозь бахрому из стофутных кокосовых пальм, виден был океан за отмелью — синева, стущавшаяся у горизонта, до темного индиго, ближе к берегу — шелковистые переливы яшмы, изумруда и рубина».

Собственно говоря, и сегодня мало кто из путешественников может удержаться от восторгов, попав в Полинезию.

Между самой южной землей Полинезии — Новой Зеландией и самой северной — Гавайскими островами лежит океанский путь длиной в 7,5 тысячи километров. И 5,8 тысячи километров океана отделяют остров Пасхи на крайнем востоке Полинезии от островов Тонга на крайнем ее западе. Если измерить общую площадь, занятую в океане островной страной, то окажется, что Полинезия — одна из самых больших стран в мире. И при всем том на этих просторах в миллионы квадратных километров разбросаны острова общей площадью всего в 27 тысяч квадратных километров (если не считать Новой Зеландии, которая одна в десять раз больше всех остальных островов Полинезии, вместе взятых).

И все это Многоостровье, несмотря на чудовищные расстояния, было еще недавно заселено всего одним народом. Точнее, здесь обитают этносы, которые несколько сот лет назад были лишь этническими группами в едином этносе. Во всяком случае большинство исследователей считает, что гавайцы на севере, маори на юге, пасхальцы на востоке и тонганцы на западе говорят лишь на диалектах единого полинезийского языка.

Значит, совсем не так уж много поколений назад полинезийцы разошлись друг от друга на сотни и тысячи километров, да и на огромных расстояниях часто умели поддерживать связи между собой.

Предки полинезийцев, видно, и до прибытия на эти острова были большими бродягами и «охотниками к перемене мест». Они успели пройти много земель, встретиться со многими народами. Губы полинезийцев слегка утолщены, как у негроидов; волосы у них черные и почти такие же прямые, как у монголоидов; кожа их смуглая; нос сходен с австралийским, но кое в чем близок к европейскому. Любопытно, что полинезийцев признают красивыми жители всех континентов Земли.

Юго-Восток Азии был местом, где сложилась праполинезийская народность перед походом в океан. Но побывали, по-видимому, в Полинезии и американские индейцы. На весь мир прогремело плавание шести исследователей во главе с Туром Хейердалом на плоту из Америки в Полинезию. Задумал и проделал свое плавание норвежский путешественник для того, чтобы доказать, что эти острова Тихого океана заселялись с востока.

Блестящее плавание! Подвиг! Но его одного было бы мало для такого доказательства. Вот простой пример. Каждый год сейчас находятся спортсмены, одолевающие вплавь пролив (тридцать с лишним километров) между Англией и Францией. Но никто же не станет доказывать, что люди заселяли Англию вплавь.

Тур Хейердал оказался способным не только на подвиг, но и на кропотливый научный труд. Он смог убедить многих ученых (хотя и не всех), что в жилах полинезийцев течет индейская кровь. Но не она одна. Сам же Тур Хейердал нашел новые доказательства и того, что острова заселялись и из Азии тоже.

5 «Развивающийся капитализм, — писал В. И. Ленин, — знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.»¹.

В конечном счете эти две тенденции представляют собой частный случай диалектического взаимодействия единичного и общего. И такое взаимодействие охватывает все сферы общественного бытия нации, в том числе и этнические явления. При этом развитие в этнической сфере единичного, особенного, означает усиление этнически специфического, т. е. дифференциацию наций; развитие же в данной сфере общего — распространение межэтнического, т. е. интеграцию наций.

В условиях капитализма объединительная и дифференцирующая тенденции в этносоциальных процессах получили своеобразное проявление и в изменении масштабов основных этнических подразделений. Характерные для капитализма особенности исторических, в первую очередь социально-экономических, этнических и демографических, процессов у отдельных народов мира привели к огромным различиям в их абсолютной численности. Так, одни этносоциальные общности, сложившиеся еще на стадии первобытнообщинного строя, насчитывают ныне сотни, а иногда всего лишь десятки людей, тогда как другие этносы — нации, сформировавшиеся в новое и новейшее время, включают многие миллио-

ны. Показательно, что около половины численности человечества составляют только одиннадцать народов. Семь наиболее крупных из них насчитывают свыше 100 миллионов человек каждый. Это китайцы, которых уже более миллиарда человек, хиндустанцы (свыше 200 миллионов), американцы США (около 180 миллионов), бенгальцы (примерно 170 миллионов), русские (более 150 миллионов), бразильцы (около 135 миллионов), японцы (более 120 миллионов). В то же время на долю огромного числа небольших народов с численностью до 100 тысяч человек приходится менее 1% населения земного шара. Притом в общем и среднем крупные народы растут в числе относительно быстрее, чем малые.

Неравномерность исторического развития народов мира по-своему проявилась и в этнополитической структуре современного человечества. Все населяющие нашу планету народы входят в состав немногим более 200 стран (государств и зависимых территорий). Поэтому большинство современных государств полиэтнично. Хорошо известно, что такие государства есть как среди социалистических стран (например, СССР, Югославия, Вьетнам), так и среди развитых капиталистических (Великобритания, Канада, Бельгия). Но особенно характерны полиэтничные государства для развивающихся стран. Например, в Африке, согласно современным данным, коренное население говорит на 730 языках.

Соответственно в качестве одного из важнейших факторов этнических процессов в условиях капитализма выступает этническая структура тех социальных организмов, в которых развертываются эти процессы. И тут прежде всего необходимо различать моноэтничные и полиэтничные государства. При этом было бы упрощением представлять первые как абсо-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 124.

лютно однородные в этническом отношении образования (таковых в действительности вообще не существует). Поэтому предлагаем условно именовать моноэтническими те государства, где абсолютное большинство населения (по крайней мере 95%) принадлежит к одному этносу. Таковы Бангладеш, Бразилия, Иордания, Италия, Мадагаскар, Норвегия, Португалия, ФРГ, Япония, большинство арабских стран.

От особенностей этнической структуры социальных организмов во многом зависит, какие типы этнических процессов преобладают на их территориях.

В государствах моноэтнических обычно основными являются процессы этнической консолидации. Однако их масштабы, глубина и интенсивность во многом зависят от уровня социально-экономического и этносоциального развития страны.

Межэтническая консолидация особенно характерна для развивающихся стран, недавно освободившихся от колониальной зависимости. Так, в Нигерии многочисленные племена на юго-востоке страны (абаджа, авка, игва, ика и др.), говорящие на диалектах языка ибо, быстро сливаются в народность того же названия. За счет аналогичного процесса растет там этнос йоруба. В Танзании близкие между собой ньямвези, ньятуру и мбугве сплавиваются в единый этнос, называемый по имени одного из участвующих в процессе этнических компонентов, — ньямвези. Его численность уже превысила 4 миллиона человек. В Ботсване племена мангватто, квена, игвакетсе, гавана, кгатла, малете, ролонг, тлоква, калагади объединяются в один народ тсвана. Процессы межэтнической консолидации типичны и для многих других африканских стран. Можно долго перечислять красиво звучащие экзотические имена и объединяющихся и вновь образующихся этносов.

В прочих регионах мира аналогичные процессы также имеют место. Например, на Калимантане явную тенденцию к слиянию в один народ обнаруживают так называемые даякские этносы. В Южной Меланезии — на Новой Каледонии — наблюдается ранняя стадия межэтнической консолидации трех десятков меланезийских

этносов в мелановокаледонскую народность. В Восточной Полинезии, на островах Кука, межэтническая консолидация всего аборигенного населения островов (раротонга, мангаила, манихики-ракаханга, тонгарева и др.) находится на более высокой стадии. В Индии в единую народность нага превращаются многочисленные племенные группы, обитающие в штате Нага-Прадеш.

Подчас процессы межэтнической консолидации протекают как бы на двух уровнях. Примером может служить многомиллионная этнолингвистическая общность акан, объединяющая по языку и культуре группу этносов в Южной и Центральной Гане и соседних областях Кот-д'Ивуара (Берега Слоновой Кости). Близость языков акан способствует сближению всех этих народов; но одновременно идет еще более интенсивное сближение тех из этих народов, что непосредственно соседствуют друг с другом.

Процессы внутрэтнической консолидации характерны для очень многих народов мира, в том числе и для этносов весьма развитых в социальном и экономическом отношении стран. Вплоть до настоящего времени продолжается консолидация таких крупных и развитых европейских народов, как французы, испанцы, итальянцы, немцы. Процесс этот, в частности, проявляется в быстром сглаживании различий между местными группами соответствующих этносов. Так, например, все более сближаются еще недавно заметно различавшиеся друг от друга в культурном отношении пьемонтцы, ломбардийцы, лигурийцы, тосканцы, калабрийцы, сицилийцы и другие областные группы итальянцев. До сих пор ощущаются, но все-таки ослабевают различия диалектального и этнокультурного характера между немецкими субэтносами в ФРГ и ГДР: баварцами, саксонцами, гессенцами, мекленбуржцами и др.

Примером далеко не законченной этнической консолидации древних по своему происхождению народов могут служить китайцы. Так, жители Севера не понимают речь жителей Юга. Средством общения служит единая иероглифическая письменность.

Ассимиляционные процессы в полиэтнических странах, как правило, имеют более значительные масшта-

бы, чем в моноэтнических. Интенсивность таких процессов во многом зависит от этнической структуры страны. Им, несомненно, благоприятствует существование в рамках одного государства крупных и мелких, в первую же очередь дисперсных (рассеянных), этнических общностей. Сравнительно быстро растворяются этнические группы европейского происхождения в белом англоязычном большинстве США. Замечено, что ассимиляция подчас имеет интенсивный характер и там, где по соседству живут народы, резко отличающиеся друг от друга по уровню социально-экономического развития, языку, происхождению. Подобных примеров много в Тропической Африке. В ходе ассимиляционных процессов, протекающих в ряде районов современной Индии, некоторые группы малых народов (бирхоров, бхиллов, коли, гондов, дубла и др.) утрачивают свой язык и некоторые иные этнические признаки и превращаются, как правило, в низшие касты в составе крупных индийских народов, трансформируясь затем в их этнографические группы, т. е. исчезает даже особое самосознание недавних самостоятельных этносов. Однако, усвоив язык окружающего их крупного народа, такие группы продолжают сохранять своеобразные элементы культуры и некоторые специфические черты хозяйства.

Если малочисленный этнос находится в сфере воздействия нескольких крупных этнических общностей, он может одновременно ассимилироваться каждой из них (особенно, если они являются самосоциальными организациями). Например, часть саамов растворяется основными этносами Норвегии, Швеции и Финляндии.

Нередко ассимиляция завершается полным исчезновением меньшей этнической общности. Так произошло, например, в Индонезии с веддоидным племенем тоала, которое в начале XX века насчитывало около 100 человек, а в настоящее время целиком ассимилировано бугами острова Сулавеси (около 2 миллионов человек).

Ассимиляции подвергаются и иммигранты. В послевоенные годы их число заметно выросло во многих промышленно развитых странах

Западной Европы, а также в США и Канаде. Англия в XX веке стала куда более полиэтнической страной, чем в XIX веке. Немало переселенцев из Индии и Пакистана проживает в различных странах Азии. Особую группу иммигрантов составляют выходцы из Китая — хуацяо. Их насчитывается значительно более 20 миллионов человек. Основная масса хуацяо проживает в странах Юго-Восточной Азии; из других регионов мира в этом отношении выделяется Северная Америка, особенно США. На Американском континенте также много иммигрантов из Японии, Таиланда и других стран Азии. В США в послевоенные годы крупной этнической группой иммигрантов стали пуэрториканцы, а затем вьетнамцы (переселенцы из Южного Вьетнама).

Процессы ассимиляции иммигрантов в каждой стране имеют свои особенности, причем различные по происхождению иммигрантские группы подвержены ей не в одинаковой степени. Следует учитывать и то, что процесс этот имеет различные аспекты. Один из них — включение иммигрантов в экономическую и социальную структуру принявшей их страны. Тут немалую роль играет происхождение переселенцев. Высок, например, удельный вес торговой буржуазии хуацяо в странах Азии; нельзя не отметить и их значительную территориальную обособленность от остального населения страны проживания. Нередко выходцы из Китая селятся в специальных городских кварталах, так называемых чайнатаунах.

В США среди пуэрториканцев особенно много чернорабочих, среди немцев имеется более заметная, чем в других группах, доля фермерского населения, выходцы из Англии дали Америке много горняков, итальянцы — строителей, греки — кондитеров, среди поляков много рабочих автомобильной промышленности. То есть налицо некоторая специализация, связанная с национальным происхождением.

Препятствуют этнической ассимиляции иммигрантов расовая дискриминация и традиционные этнические предубеждения. Этим во многом объясняется замедленность процесса ассимиляции «цветных» в США и

Великобритании. Показательна и судьба ирландских иммигрантов в Англии. Казалось бы, следовало ожидать, что ирландцы, близкие к англичанам по культуре и говорящие на том же языке, должны довольно легко приспособляться к образу жизни последних. Однако, хотя ирландцы и были одной из самых ран-

Туристы по-своему ведут себя и в Амстердамском соборе

Дед и внук. Пакистан

Звучат барабаны и флейты. Индейцы племени майя на процессии в честь дeвы Марии. Гватемала

них групп иммигрантов в Англии и Шотландии, они сохранили свою особенность вплоть до последнего времени.

Этническая ассимиляция имеет односторонний характер. И это наблюдается при этническом растворении не только групп иммигрантов, но и небольших этносов. Однако такое

бывает не всегда. Иногда, наоборот, небольшая этническая общность может ассимилировать отдельных представителей более крупной. При взаимодействии же сравнительно равновеликих этнических общностей обычно происходит двусторонняя ассимиляция: одновременно какая-то часть каждого из взаимодействующих

этносов растворяется в другом. Это происходит, например, с итальянцами во Франции и с французами в Италии.

При двустороннем характере ассимиляции, как и в других случаях, смешанный в этническом отношении брак выступает в роли одного из важнейших, хотя и не единственного ее канала. Нередко двусторонняя этническая ассимиляция протекает и в сфере, так сказать, «чистых» языково-культурных взаимодействий. Подчас этому существенно содействуют и правовые нормы, покровительствующие языку и культуре доминирующей в данном регионе этнической общности. Так, согласно действующим в Швейцарии нормам, каждый ее житель, переселившийся из одной области в другую, где господствует иной язык, должен знать язык местных. Это не только ускоряет ассимиляцию переселенцев, но и способствует сохранению местных языка и культуры.

Одним словом, протекающие в наше время в зарубежных странах процессы этнической ассимиляции отличаются чрезвычайным многообразием характера, форм и темпов. Поэтому и оценка их не может быть однозначной. Напомним, как резко разграничивал В. И. Ленин в работах по национальному вопросу понятия естественной и насильственной ассимиляции. Лишь первую из них он считал безусловно прогрессивной: «Кто не погряз в националистических предвзятостях, тот не может не видеть в этом процессе ассимиляции наций капитализмом величайшего исторического прогресса...»¹ Однако ассимиляция при капитализме далеко не всегда имеет естественный характер. Довольно часто, как мы уже отмечали, ей препятствует этническая и расовая дискриминация. В других случаях ассимиляция, напротив, «ускоряется» насильственным путем.

Еще одно из этнических последствий иммиграций — рост этнической мозаичности многих стран. Именно благодаря иммигрантам ФРГ начиная с 60-х годов превратилась из практически однородного государства (немцы до 1960 года составляли более 99% всего населения) в страну со сложным этническим составом. В

настоящее время здесь имеется девять национальных групп, насчитывающих более 100 тысяч человек каждая. В некоторых случаях иммигранты составляют даже большинство населения страны, например в Кувейте коренных жителей сейчас уже менее 50%. То же относится к Фиджи.

Процессы межэтнической интеграции характерны прежде всего для развивающихся стран с полиэтническим составом, особенно в Африке и Азии. В Африке межэтническая интеграция в своей «классической» форме идет прежде всего в Западно-Африканском регионе, хотя здесь живут народы, очень сильно отличающиеся друг от друга по языку. Межэтнические общности складываются почти во всех западноафриканских государствах: Сенегале, Гвинее, Мали, Гане и др. Жители каждой из этих стран называют себя уже не только представителями таких-то народностей и племен, но и сенегальцами, гвинейцами, малийцами, ганцами и т. д., причем эти термины сейчас уже не являются только политонимами, хотя пока еще не стали именами народов, и до этого по меньшей мере довольно далеко.

В Азии в результате сходных процессов формируются гигантские метаэтнические общности, насчитывающие десятки или даже сотни миллионов человек. Это прежде всего индийцы, пакистанцы, индонезийцы, филиппинцы. Имеются в Азии, конечно, и более скромные по размерам метаэтнические общности.

Не только в прошлом, но и в современных условиях взаимодействие этносов, не связанных сколько-нибудь близким генетическим родством, подчас не ограничивается формированием метаэтнических общностей. При определенных условиях такое взаимодействие и в наше время ведет к возникновению новых этнических подразделений основного уровня, т. е. этносов в полном смысле данного слова. Немало примеров этого дают этнические процессы в Латинской Америке, притом примеров весьма наглядных, поскольку в процессах возникновения новых этносов — современных латиноамериканских наций, как правило, участвуют представители разных не только этнических, но и расовых групп. Так, в Сальвадоре, где процессы этнического

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 127.

смешения лиц европейского (испанского) происхождения и индейцев продвинулись особенно значительно, в начале XIX века метисы (ладино) составили 54% всего населения страны, в 30-е годы XX века — свыше 75, а сейчас более 90%. Аналогичная картина наблюдается в Гондурасе, где уже в 50—60-е годы ладино составляли 91%, индейцы — 6, негры — 2, белые — 1%. Вместе с тем во многих странах Латинской Америки процесс «ладинизации» еще сравнительно далек от своего завершения. Примером может служить Гватемала, где вплоть до середины XX века ладино и креолы оставались в меньшинстве (по состоянию на 1950 год — 46,4% населения страны). Но именно они представляли новую этническую общность — гватемальскую нацию, причем по крайней мере на 75% эта нация состояла из ладино, т. е. имела смешанный в этнорасовом отношении состав. Этническая ситуация, характерная для Гватемалы в середине XX века, была реальной для Мексики еще в конце XVIII — начале XIX века. Одним словом, рождение новых наций в Латинской Америке в значительной мере результат этнического смешения.

Вы уже прочли о том, как Индонезия сделала государственным языком «бахаса индонезия», сформировавшийся на основе малайского, родного лишь для меньшинства населения. А вот в соседней с Индонезией Малайзии, где малайским языком владеет 90% аборигенного населения, этот язык, напротив, быстро вытесняется из сферы образования и массовой информации. Хотя возникший на его основе малайзийский объявлен официальным, он вытесняется английским языком, особенно распространенным среди китайских и индийских иммигрантов, занимающих важные экономические позиции в стране. Соотношение здесь представителей разных этносов — и по численности и по значению в экономике — оказалось таким, что ни один из их собственных языков не может претендовать на явное первенство.

Надо сказать, что сейчас в мире немало государств, где этнический состав разнообразен не только за счет

Папуасы в воинском облачении

«Странный» Сингапур

305

национальных меньшинств (в строгом смысле этого слова государств, где основную массу населения образуют два, три, четыре — иногда и больше — этноса, каждый из которых представляет собой общность, немалую по численности (в процентах к общему населению страны) и в то же время весьма важную по своему экономи-

ческому, политическому, социальному значению. В Европе, например, это Бельгия, Швейцария, в Латинской Америке — Колумбия, Перу, в Африке, как вы уже знаете, не обойдешься, даже для примера, десятком названий, то же — в Азии. В Индии обитает более десятка крупных этносов, каждый из которых по численности превышает валлонский этнос в Бельгии.

В Малайзии этнические малайцы, потомки иммигрантов из Китая и выходцы из Южной Азии представляют собой три мощнейшие группы, вершины которых соперничают в борьбе если не за власть, то за влияние на экономику и жизнь страны. При образовании этого государства (оно было сформировано из бывших британских колоний на полуострове Малакка и в северной части острова Калимантан) малайцам была гарантирована защита их особых экономических прав. Государственным языком стал малайзийский, развившийся на основе малайского. Следует особо отметить: пока для экономики государства в силу общего положения на мировом рынке обстановка была благоприятной, межэтнические трения особой опасности для целостности страны как будто не представляли. Правда, уже через два года после образования Малайзийской Федерации из нее вышел и стал отдельным государством Сингапур, где три четверти населения составляют китайцы (в теперешней Малайзии — чуть меньше половины), но тут дело было не в национальных трениях.

Обратим внимание на вещь поразительную, даже уникальную: конституция Малайзии официально запрещает обсуждать национальные проблемы страны. Такое запрещение явно говорит об их сложности, однако ясно, что, пока запрещение не нарушается слишком явно, острота проблем не так уж велика.

Но вот в 80-х годах произошло ухудшение мирового конъюнктуры для многих из тех продуктов, которые Малайзия производит (у страны первое место в мире по производству естественного каучука и добыче оловянной руды; экспортируется и нефть, цены на которую в последнее десятилетие резко упали, и т. п.). И вскоре же в сравнительно благополучной прежде по этой части Малайзии начинаются

серьезные этнические конфликты. Главное противостояние — между некоторыми представителями китайской и малайской общин. Вопросы, которые запрещалось даже обсуждать, теперь пытаются «разрешить» в погромах и уличных боях. Тяжелым был в этом отношении 1987 год, к концу которого как будто наметились некоторые способы урегулирования особенно острых разногласий. Все это лишний раз подтверждает, что этнические проблемы нерасторжимо связаны с социально-экономическими, что ключ не только к объяснению их, но и к их разрешению — в экономико-политическом положении общества и составляющих его групп.

Это, разумеется, не означает, что у этнических проблем нет своей специфики — но история далеко не одной лишь Малайзии свидетельствует, как уже говорилось, до какой степени в этнических конфликтах проявляют себя в измененной форме конфликты межклассовые и внутриклассовые.

Не всегда создание общенационального языка оказывается реальной задачей. В Сингапуре, где три четверти трехмиллионного населения — китайцы, а остальные — малайцы, выходцы из Индии, Пакистана, Бангладеш и европейцы, четыре государственных языка: малайский, китайский, тамильский и английский. А этническая консолидация в большинстве многонациональных стран, как видно на примере хотя бы относительно небольшой Кении, идет вокруг нескольких «центров притяжения».

Стоит особо заметить, что по всему миру идут, правда весьма противоречиво, процессы интернационализации культуры. Они продолжаются и в развитых капиталистических странах, чему (наряду с усилением их экономической и политической интеграции) немало способствуют средства массовой информации. Идут такого рода процессы и в развивающихся странах Азии, Америки и Океании, где они, будучи в значительной мере связанными с так называемой вестернизацией, европеизацией, нередко влекут за собой обострение этнической ситуации.

В целом же в результате этих процессов появляются все новые и новые историко-культурные общности, ареалы многих из которых в той или иной

степени взаимно пересекаются, их планетарная сеть как бы все более уплотняется.

Одновременно возрастает взаимодействие всех этих общностей, что немало способствует усилению удельного веса тех элементов культуры, которые в той или иной мере распространены по всему земному шару,

Ювелир. Индия

Грузинка — мастер резьбы по дереву

307

т. е. приобретают общепланетарный характер. Основными местами формирования таких элементов культуры стали города, а технико-экономической основой для их появления послужило промышленное развитие. Общая, особенно характерная для эпохи НТР тенденция проницаемости национальных перегородок не толь-

ко в рамках каждой из двух мировых систем, но и в глобальных масштабах затрагивает культуру, хотя в разных ее компонентах проявляется и неодинаково.

Особенно наглядно процессы интернационализации проступают в материальной культуре. Это получило свое выражение прежде всего в

широком распространении в сфере как производства, так и сбыта разнообразных промышленно-стандартизированных изделий: от станков и автомашин до повседневного бытовых аксессуаров (одежда, мебель, пища и т. п.).

Все более интернациональный характер приобретают и отдельные стереотипы повседневного поведения (например, рукопожатия, правила уличного движения и т. п.). Сказались интеграционные тенденции и в сфере духовной культуры. Особое значение в этом отношении имеет развитие в

условиях НТР средств массовой коммуникации, в первую очередь различных способов тиражирования: книг, кино, радио, телевидения и т. п. Тем же целям служат и переводы, межнародные фестивали, контакты между деятелями культуры и т. п. Все это сделало возможным распространение в глобальных масштабах одних и тех же элементов духовной культуры: от произведений искусства и художественной литературы до таких широко распространенных развлечений, как массовые зрелища, спорт, туризм и т. п.

ПОБРАТИМСТВО

О многом говорит существование обычая побратимства — а оно соединяло людей не только из одного народа, но и из разных. Торжественные обряды — в каждой стране свои, но нередко очень схожие — соединяли на жизнь и смерть тех, кому иначе, может быть, пришлось бы сойтись в смертельной схватке из-за вражды племен или государств.

Древняя русская летопись рассказывает о том, как встретились в чистом поле два богатыря — воевода киевского князя и могучий печенег. Посмотрели они друг на друга — и друг другу понравились. И вместо того, чтобы биться насмерть, побратались, обменявшись оружием. Этот летописный рассказ, возможно, подтвержден и археологически — при раскопках были в свое время найдены останки русского воина в печенежских доспехах.

А вот пример из художественной литературы. Герой нескольких романов польского писателя Генрика Сенкевича отважный витязь Володыевский, когда жил в своих имениях, то «с некоторыми мурами... по обычаю лил воду на сабли и заключал побратимство, иных бивал».

Муры — мелкие татарские князья. В приграничных землях тогдашней Польши, да и на других беспокойных территориях, такое побратимство было средством взаимной защиты.

О другом герое романа «Пан Володыевский», Рушице, полководец Собесский говорит: «В Крым я Рушица пошлю, у него там побратимы, да и тезки найдутся, вроде и братья двоюродные, их еще в детстве орда угнала, а потом они в басурманскую веру перешли, прославились и в больших чинах ныне. Они ему послужат верой и правдой...»

А вот как описывается сам обычай: «Когда после войны начинаются переговоры, солдаты вражеских армий друг к другу навешиваются и заводят дружбу. Случается, какому-нибудь рыцарю полюбит мурза, а мурзе — этот рыцарь, вот они и поклоняются в дружбе до гробовой доски, которой название побратимство... В больших сражениях побратимам можно участвовать, но ежели доведется лицом к лицу сойтись или перед битвой встретиться в поединке, они друг дружбе поклоняются и разойдутся с миром. И опять же, если один попадает в плен, другой должен ему житье в неволе скрасить, а то и выкуп заплатить... Иные и состоянием своим с побратимом делились».

Мы найдем в венгерских хрониках свидетельства побратимства мадьяр и турок. Сказания казахов и киргизов, чеченцев и осетин рассказывают о верной и беззаветной дружбе людей из разных племен и народов.

Древние греки в отличие от современных им скифов точно такого обычая не знали. Но у тех из них, кто немало путешествовал по делам торговым, политическим или из любознательности, было принято обзаводиться в чужих городах, греческих и негреческих, «гостеприимцами». Приезжему такой местный житель оказывал почти столь же многообразные и далеко идущие услуги, на которые, по точному описанию Сенкевича, были готовы друг для друга в смутную пору побратимы поляк и татарин.

Все это не значит, разумеется, что традиции заключения союзов побратимства (и посестринства) возникали только «на границах» между враждующими общинами, племенами, государствами. Первоначально скорее всего такие традиции утверждались как формы индивидуальной взаимопомощи внутри общин и племен. Мы читаем у Лукиана (II век н. э.) о побратимстве у скифов. Этнограф и историк М. М. Громыко не только описала в книге «Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в.» бытование обычаев побратимства в столь близкое к нам время, но и проследила на былинном материале историческую глубину их, показав, что корнями уходят они во времена общеславянского и даже индоевропейского единства, т. е. по крайней мере в четырех-пятитысячелетнюю древность. Однако перенесение правил, которыми устанавливалась теснейшая связь с единоплеменниками, на отношения с людьми иных этносов — признак давнего, очень давнего осознания возможной близости «своих» и «чужих».

Социолог справедливо скажет о подобных системах обычаев, что безопасность жизненно важных для общества контактов, которую еще не могло обеспечить государство, поддерживалась благодаря личным связям. И добавит, что, очевидно, сходно назначение знаменитых обычаев гостеприимства, по которым на Кавказе или в Аравии человек, принявший под свой кров вовсе не известного ему путника, а то и врага, обязан был помогать ему в любых делах и защищать гостя от любой опасности хотя бы ценой собственной жизни.

Тут с социологом нельзя не согласиться. Но мы считаем нужным добавить, что перед нами еще и правила, демонстрирующие близость людей разных народов, возможность подлинной приязни между ними. А что она была в конечном счете выгодна — то, во-первых, не только самим побратимам, но и их народам, и, во-вторых, что плохого, если дружба приносит друзьям пользу, тем более что они готовы друг для друга и на жертвы.

5 Еще в 1848 году К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» предсказали: «В той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой».

Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой»¹.

Советский Союз, население которого составляет 286,7 млн человек (на 12.02. 1989), — одна из самых многонациональных, полиэтнических стран мира. Ныне в ней живут и трудятся представители более ста двадцати национальностей, принадлежащих в основном к пяти языковым семьям: индоевропейской, алтайской, уральской, картвельской и северокавказской. Отметим, что большая часть наших индоевропейцев относится к славянской группе, а большая часть алтайцев — к тюркской.

Более двадцати советских народов насчитывают свыше 1 млн человек каждый, что в совокупности составляет свыше 96% всего населения. Наиболее крупные из них (в миллионах) — русские (более 150), украинцы (около 45), узбеки (более 16), белорусы (около 10). Еще тридцать народов численностью от 100 тыс. до 1 млн человек каждый образуют вместе немногим более 3% населения. На долю же остальных этносов приходится только примерно 0,4% населения страны, причем среди таких народов некоторые насчитывают менее тысячи человек (например, алеуты и негидальцы — по 0,5 тысячи, юкагиры — 0,8 тысячи, нганасаны — 0,9 тысячи).

История одних народов СССР изменяется многими веками, некоторые же другие по существу сложились лишь после Октября.

В канун Октябрьской революции

Ныне мы объединяемся в единое государство, образуем один политический и хозяйственный механизмы. И каждая рана извне, каждая боль внутри на какой-либо отдаленной окраине отзовется одновременно во всех частях государства и вызовет соответствующую реакцию во всем организме Союза.

П. Г. Смидович. Речь при открытии
I съезда Советов Союза Советских
Социалистических Республик

народы царской России стояли на самых разных уровнях экономического и культурного развития.

Пестрота национального состава и многоукладность хозяйства придавали особую значимость национальному вопросу в дореволюционной России. Этому немало способствовала проводившаяся царизмом политика национального неравноправия. Формы национального угнетения были разнообразными. В Поволжье и на Урале, в Казахстане и Средней Азии, на других окраинах царской России широко практиковался захват земель у коренного населения с передачей их казне, в помещичье владение и монастырям — главным центрам распространения православия среди нерусского населения. Самодержавие ставило преграды развитию языков и культуры нерусских народов (даже на Украине фактически не было обучения на украинском языке); сложилась система правовых ограничений. Под предлогом «недостаточного развития гражданственности» народы, находившиеся на докапиталистической стадии развития, были лишены многих прав. Отдельные народы, например евреи, были ограничены в праве жительства и передвижения, в праве на образование, в правах, касающихся государственной службы и аренды недвижимости, и т. д. Пропаганда антисемитизма приводила к еврейским погромам, черносотенным провокациям. Национальная и религиозная вражда между народами не только поддерживалась, но нередко и искусственно разжигалась царизмом. В силу своей остроты национальный вопрос занял видное место в деятельности РСДРП (большевиков) во главе с В. И. Лениным.

«Мы тем более обязаны признать свободу отделения, — писал В. И. Ленин, — что царизм и великорусская буржуазия своим угнетением оставила в соседних нациях тьму озлобления и

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 445.

недоверия к великорусам вообще, и это недоверие надо рассеять *делами*, а не словами»¹.

Однако, утверждая право народов на самоопределение вплоть до отделения, большевики вовсе не призывали к такому отделению. Напротив, В. И. Ленин указывал, что в экономическом и других отношениях крупное

Таллины. Вид на старую часть города

В горах Памира

Казашка

В Цесисе. Латвия

311

государство гораздо предпочтительнее мелких. «Мы хотим, — писал в связи с этим В. И. Ленин, — как можно более крупного государства, как можно более тесного союза, как можно большего числа наций, живущих по соседству с великорусами; мы хотим этого в интересах демократии и социализма, в интересах привлечения

к борьбе пролетариата как можно большего числа трудящихся разных наций»².

Сразу после Октябрьской революции ленинским правительством была издана «Декларация прав народов

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 379.

² Там же.

России». Равноправие народов и суверенность, право на свободное самоопределение вплоть до отделения от России, отмена всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свобода развития национальных меньшинств и этнографических групп в этом документе не только провозглашались. Они были подтверждены конкретными действиями в ближайшие дни, месяцы, годы. Финляндия, например, хотела отделения. Она его получила.

Уже в январе 1918 года создается РСФСР, в ее составе вскоре образуются восемь автономных республик и четырнадцать национальных областей.

В декабре 1922 года РСФСР, независимые советские республики Украина и Белоруссия и объединившиеся незадолго до того в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику Азербайджан, Армения и Грузия вступают в Союз. Так возникает Союз Советских Социалистических Республик. В послевоенные годы он стал объединять уже 15 союзных республик, в его состав вошли также 20 автономных республик, 8 автономных областей, 10 автономных округов. Некоторые из автономий являются государствами сразу двух народов, как, например, Кабардино-Балкарская АССР, или даже многих, как Дагестанская АССР.

Федеративное устройство СССР закреплено в Основном Законе страны. Оно было зафиксировано уже Конституцией 1924 года. Определяя сущность национально-государственного устройства СССР, Конституция СССР 1977 года констатирует: «Союз Советских Социалистических Республик — единое союзное многонациональное государство, образованное на основе принципа социалистического федерализма, в результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных советских социалистических республик» (ст. 70).

В Конституции СССР вопрос о национальных отношениях, разумеется, далеко не исчерпывается фиксацией основ национально-государственного устройства страны, т. е. институциональным уровнем. Значительное внимание в ней уделяется лич-

ностному уровню этих отношений. Наиболее существенные из них определены в ст. 36, где записано: «Граждане СССР различных рас и национальностей имеют равные права». Иначе говоря, в советском обществе национальная и расовая принадлежность людей не могут служить как источником привилегий, так и основанием для каких-либо ограничений в правах. На это особо указывает заключительная часть ст. 36: «Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав, установление прямых или косвенных преимуществ граждан по расовым и национальным признакам, равно как и всякая проповедь расовой или национальной исключительности, вражды или пренебрежения — наказываются по закону».

Конституция СССР гарантирует равные права советских граждан различной национальности. Соответственно политика Советского государства призвана обеспечить национальное равноправие всех народов, населяющих нашу страну.

Эта политика основывается на представлении о диалектическом взаимодействии национального и интернационального.

В Советском Союзе за семьдесят с лишним лет его существования произошли весьма заметные перемены в этнической структуре. Они в значительной мере обусловлены как внутринациональными, так и межнациональными этническими процессами.

К внутринациональным этническим процессам, имеющим консолидационный характер, принято относить, как уже говорилось, процессы слияния нескольких родственных по культуре этнических единиц типа субэтносов (или этнографических групп) в рамках основного этнического подразделения. В ходе этих процессов за годы Советской власти стали более монолитными многие давно сложившиеся нации. Если в первые годы после Октября поморы, кержаки, отдельные группы казаков и камчадалы иногда даже не считали себя частями русского народа, так как отличались от основной его части по диалекту, культуре и быту, то теперь их трудно выделить даже в качестве так называемых этнографических групп русского народа. Постепенно сливаются

с остальными эстонцами субэтническая группа сету, с латышами — латгалцы, быстро стираются различия между этнографическими группами белорусского, узбекского и других народов. В Грузии исторически были велики местные особенности таких групп, как кахетинцы, картлийцы, джавахи, имеретины, лечхуамцы, рачинцы, гурийцы, тушины, хевсуры, пшавы и др.; сейчас различия в культуре внутри грузинского народа стали заметны меньше.

О том, какую роль в процессах этнической консолидации играют социокультурные факторы, в частности образование, свидетельствует пример западноукраинских земель после их вхождения в УССР. Напомним, что на этих землях (среди таких этнографических групп украинцев, как гцулы, лемки и бойки) в прошлом школа являлась способом их денационализации. После же воссоединения местное украинское население получило право на свою национальную школу и развитие культуры на украинском языке; при этом консолидационный процесс наглядно выразился в постепенном сужении действия территориальных диалектов и распространении литературного языка в устно-разговорной практике.

Вместе с тем уже с первых лет Советской власти социально-экономические преобразования создали в нашей стране условия для быстрого развития процессов межэтнической консолидации. В прежде отстававших в своем развитии окраинных областях страны такие процессы выражались в объединении этнических общностей, близких по языку и культуре, в крупные народности и нации. Так завершилось, например, образование многих среднеазиатских наций, в частности туркмен, сложившихся из племенных групп иомудов, теке, гокленов и др. В результате консолидационных процессов сформировались многие народы Сибири, в том числе алтайцы, в состав которых вошли алтай-кижи, теленгиты, телеуты и другие малочисленные племена и народности. В итоге значительно уменьшилась этническая мозаичность нашей страны.

Следует подчеркнуть, что пора наибольшей активности межнациональных и внутринациональных консоли-

дационных процессов уже миновала. Однако процессы внутренней этнической консолидации еще полностью не завершены. Обычно они уже не столь интенсивны, как прежде, но все же — пусть на своей завершающей стадии — представляют реальность. Иногда, впрочем, дает знать о себе и противоположная тенденция: так, некоторые латгалцы рассматривают свою этническую общность как отдельный народ.

Надо иметь в виду, что внутренняя культурная консолидация этнических общностей не ограничивается слиянием этнографических групп. Немалое значение для современной этнической консолидации наций, в частности, имеет усиление их культурной однородности.

Нельзя не учитывать и изменения в компактности расселения отдельных национальностей, обусловленные главным образом миграцией. Среди основных народов союзных республик с 1926 года такая компактность сильнее всего снизилась у русских: в 1926 году в пределах РСФСР жило значительно больше 90% всего русского населения страны, а сейчас — лишь несколько более 80%. Это обусловлено значительной миграцией русских за пределы своей республики: на Украину, в Казахстан, Узбекистан и другие республики страны. Несколько снизилась этническая компактность у белорусов и грузин, однако именно грузины среди народов союзных республик имеют наибольшую компактность: за пределами Грузии живет лишь около 4% всех грузин страны (в 1926 году — 1,9%). У украинцев, молдаван, латышей, азербайджанцев компактность расселения с 1926 года постепенно возрастала до 1970 года, после чего она несколько уменьшилась. У армян, литовцев, эстонцев такая компактность возрастала непрерывно; однако армяне еще до сих пор отличаются наименьшей компактностью расселения среди народов союзных республик. Среди народов, имеющих свои автономные республики, территориальная компактность по сравнению с 1926 годом снизилась сильнее всего у башкир и татар (на 14—15%), что связано с переселением части их за пределы своих республик в другие районы страны.

Изменения в этнической структуре страны связаны также с ассимиляционными процессами, завершающимися в конечном счете сменой этнической принадлежности и представляющими собой как бы растворение отдельных групп или отдельных представителей одного народа в среде другого, обычно более многочисленного.

О характере ассимиляционных этнических процессов в СССР наглядно свидетельствует тот факт, что в качестве их главного канала выступают межэтнические браки, дети от которых обычно выбирают этническую принадлежность одного из родителей, прерывая тем самым этническую линию другого. Происшедшее за годы Советской власти развитие дружественных межэтнических отношений и ослабление религиозных барьеров наряду с усилением территориального смешения этносов, особенно в быстро растущих городах, привели к значительному увеличению доли таких браков.

Межнациональные браки часто заключаются в трех зонах этноконтактов. Первая зона — это периферия расселения народа, зона этнических границ. Ко второй зоне относятся крупные города, новостройки, целинные земли. Третья зона охватывает районы инонациональных вкраплений, прерывающих компактность расселения определенного этноса.

От этнических последствий такого рода национально смешанных браков во многом зависит направленность ассимиляционных процессов. При этом имеются существенные региональные различия в определении своей этнической принадлежности подростками, выросшими в смешанных семьях. Так, в Прибалтике в семьях, состоящих из супругов, один из которых принадлежит к коренному этносу (эстонскому, латышскому, литовскому), а другой является русским, примерно половина подростков определяет себя русскими, половина относит себя к местному этносу. В то же время в Чувашии почти 98% подростков из чувашско-русских семей именуют себя русскими. Иную ситуацию мы имеем в Туркмении. Здесь в туркмено-русских семьях большинство подростков определяет себя туркменами. В последнем случае

это в определенной мере связано с тем, что у туркмен этническая принадлежность традиционно определяется по отцу; между тем почти во всех таких смешанных семьях отец — туркмен. К тому же социализация подростков происходит в среде, где в целом преобладают туркмены. Вообще, очевидно, этническая структура среды, в которой идет социализация подростка, имеет определяющее значение для его этнического самоопределения.

Необходимо подчеркнуть, что в СССР (как, впрочем, и в большинстве других стран) ассимиляция оказывает сравнительно заметное влияние лишь на численность территориально рассредоточенных народов (евреев, мордвы, карел и др.), а также этнических групп, находящихся на территории, в основном занимаемой другим этносом.

Несмотря на рост национального самосознания народов, одна из существенных объективных тенденций этнических процессов в стране связана со сближением их культур, с созданием единого по содержанию, хотя и многообразного по форме «культурного слоя», единых черт в образе жизни. Базу этого рода процессов составляет социально-экономическая общность наций и народностей в рамках единого социалистического государства.

По всей стране, считая и русских за пределами РСФСР (до 30 миллионов), и эстонцев за пределами Эстонии, и татар вне Татарской АССР, и т. д., людей, живущих на территориях национально-государственных образований «не своих» народов, — около 60 миллионов. Это число примерно равно населению Франции или ФРГ.

Очень многое в межнациональных отношениях на личностном уровне на территориях республик зависит от такого рода групп. Не учитывать это сегодня нельзя.

В нашей стране около 75 письменностей при более чем ста языках, на которых говорят большие и малые народы Советского Союза. В советское время ученые создали более 50 новых письменностей, из них большую часть для сравнительно малых народов; в числе первых же книг при этом выпускались буквари — зачем же давать языку письменность, если

не учить ей его носителей, не преподавать им родную грамоту...

Но преподавание-то в школах страны ведется всего лишь на тридцати девяти языках. В начале 30-х годов языков при обучении использовали значительно больше. Для выправления положения тут нужны серьезные действия — конкретные и продуманные.

Еще в 1936 году Сталин заявил, что у нас в стране всего 60 национальностей общностей. В 60-е годы в обиход вошла менее определенная цифра: «более ста национальностей». Между тем перепись 1926 года насчитывала в нашей стране 194 народа. Как ни велик размах этноконсолидационных процессов, но к таким резким изменениям он привести не мог.

Очень характерно, что при переписях населения 1959 и 1979 годов в число азербайджанцев попали не только немногочисленные ханалугцы, крызы, будугцы, но и талыши, а их насчитывается по крайней мере более 200 тысяч. Некоторые исследователи считают правильным говорить и о 160 или 170 отдельных этносах. Перед переписью 1989 года в рабочие списки были занесены 128 этносов. Разумеется, и эта цифра может и должна быть уточнена.

В послереволюционные годы было сделано очень многое для разрешения национального вопроса в стране на основе принципов справедливости и равноправия. Благодаря этому смогла выдержать все испытания дружба народов нашей страны в тяжелейшие военные годы; в то же время было начато невиданное в истории по темпам преодоление социально-экономической отсталости многих народов, развернулась культурная революция. Благодаря ей неграмотность была по существу ликвидирована. Изменилась и социальная структура населения: в составе почти всех народов резко выросла доля рабочего класса (хотя и в разной степени).

За годы Советской власти во всех республиках сложилась своя национальная интеллигенция, причем если первоначально это была главным образом творческая, административно-управленческая интеллигенция и интеллигенция массовых профессий (врачи, учителя), то в послевоенные годы наметился интенсивный рост

производственной, научной, и прежде всего научно-технической, интеллигенции.

Рост студенческой молодежи в союзных республиках сопровождался существенными изменениями в ее национальном составе. Так, в 1979 году уровень представительства молодежи коренных национальностей среди студентов в ряде республик (Грузия, Казахстан, Азербайджан, Армения, Литва, Эстония и др.) превышал ее долю в составе населения. В Якутском государственном университете, например, в 1985/86 учебном году на дневном отделении якуты составляли 79,5%, в то время как среди населения Якутской АССР на их долю приходился 31,1%

Реально, к сожалению, некоторые меры помощи окраинным народам обернулись минусами для них же. Сейчас доля обладателей научных степеней среди грузинской или узбекской интеллигенции много выше, чем в интеллигенции русской и украинской. Ничего плохого в этом не было бы, однако нередко диссертации оказывались сделанными на очень низком уровне. Между тем заранее предусмотренные для некоторых коренных национальностей преимущества обеспечили авторам этих диссертаций неоправданный «успех».

Всеобщий рост образования имеет важнейшее значение в процессе выравнивания социальной структуры национальностей. И все же многие трудности, которые испытывает экономика нашей страны в последние годы, сложности перехода к интенсивным формам хозяйствования сопряжены с недостаточностью общекультурного и профессионально-квалификационного уровня работников в народном хозяйстве. Задачи, поставленные в связи с этим, грандиозны, и решение их потребует немалого времени. Ибо речь идет не просто о школьных годах обучения, но и о восприятии той городской индустриальной культуры, овладение которой требует усилий поколений. Не случайно К. Маркс отмечал, что «историческое назначение капитала будет выполнено тогда, когда... всеобщее трудолюбие благодаря строгой дисциплине капитала, через которую прошли следовавшие друг за другом поколения, разовьется как всеоб-

щее достояние нового поколения...»¹. Известно, что по большей части народы СССР не знали этой череды поколений, прошедших школу дисциплины капитала. И аналогичная историческая задача поэтому выпала у нас на долю социализма, который тоже в короткие исторические сроки не может решить ее полностью.

В современных условиях весьма важное значение приобретает изучение государственно-правовых аспектов национальных (этносоциальных) процессов. Здесь, как и в других сферах этих процессов, отчетливо прослеживается диалектическое сочетание двух начал.

Социалистическое переустройство, ослабление религиозных барьеров, возникновение и развитие двуязычия и, наконец, формирование общесоветской системы духовной культуры могут быть оценены как процесс культурной переориентации и формирования советской историко-культурной общности, сочетающей в себе «западные» и «восточные» культурные традиции и новые устойчивые черты, приобретенные за годы Советской власти. Сложился советский образ жизни, в котором (хотя это далеко не всегда осознается, а сейчас нередко подвергается сомнению) постепенно существенное значение приобретают общие, не зависящие от социальной и национальной принадлежности черты жизнедеятельности советских людей.

Сформировалась новая историческая общность — советский народ. Она обладает территориально-политическим, социально-экономическим и культурным единством. Причисление себя к какому-либо определенному этносу обычно сочетается у советских людей любой национальности с сознанием своей принадлежности к советскому народу.

В советском народе воплощаются не только характерные для граждан СССР черты духовной культуры, но и то общее, что присуще социально-классовой структуре советского общества как структуре, однотипной для всех его национальных, этносоциальных подразделений.

Однако все это не дает достаточных

оснований для характеристики советского народа как нации. Дело, в частности, в том, что в целом специфические особенности духовной жизни советского народа значительно менее однородны (из-за его многонациональности), чем собственно этнические, национально-специфические черты входящих в его состав наций. И уже в силу одного этого нельзя отнести советский народ к категории наций. К тому же признание советского народа нацией означало бы косвенное отрицание реального и неоспоримого факта существования наций в составе Советского государства.

Соответственно было бы неверно отнести советский народ (применяя этническую терминологию) к числу этносоциальных общностей основного уровня, т. е. к общностям, обладающим наиболее выраженными этническими свойствами. В современных условиях это прежде всего нации.

Общесоветские черты духовной жизни сочетаются, как известно, с собственно этническими свойствами основных этнических подразделений, входящих в советский народ, — наций и народностей, причем у них такого рода свойства, несомненно, интенсивнее.

Последнее означает, что в этническом плане характерные черты духовной жизни советского народа, хотя они и пронизывают все основные этнические подразделения страны, должны быть отнесены всего лишь к «верхнему» уровню иерархии этнических общностей. С точки зрения этнической классификации точнее было бы поставить это образование в один ряд с так называемыми метаэтносоциальными общностями. Такая общность не только не исключает, но, наоборот, предполагает «сосуществование» с ней этносоциальных подразделений основного уровня (наций и народностей).

В публицистике самых последних лет появились утверждения, что метаэтнической общности «советский народ» нет. Эстонский филолог Мати Хинт заявил, например, что ей еще только предстоит сложиться на основе сближения различных языков и народностей, их культур, исторических особенностей, традиций... Аналогичные заявления сделали и некото-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 280.

рые другие деятели культуры.

Между тем такое объединение народов с общими чертами культуры, общими традициями, единым самосознанием и общим языком межнационального общения существует вполне очевидно. И уникальным оно является (точнее, являлось в течение ряда десятилетий) постольку, поскольку

Русские дети

Навес для сушки рыбы в
корякском селении. Кам-
чатка

Поморское село Долго-
щелье

Грузинская невеста

317

складывалось в стране, строящей социализм. Потому что сами по себе метаэтнические общности в нашем мире — явление весьма распространенное и известное с достаточно давних времен. Тут можно вспомнить хотя бы такие современные метаэтносы, как индийский или индонезийский, североамериканский (в США). Сте-

пень их интеграции различна, но существование таких общностей сегодня бесспорно. Как бесспорно и то, что сходные по типу общности возникали на протяжении тысяч лет истории в некоторых многоэтнических государствах и даже в исторически богатых культурными связями регионах, лишь на сравнительно короткое

время объединявшихся в единые державы. Это, как мы уже говорили, звенья в системе этнических общностей разного уровня.

Сегодня существуют и такие социалистические метаэтнические общности, как, например, югославская, вьетнамская, чехо-словацкая.

Метаэтническая общность, которую ход истории сделал советским народом, начала складываться еще в царской России. После Октябрьской революции интеграционные процессы не только пошли быстрее, но и во многом наполнились новым содержанием. Еще в 50-е годы крупнейший советский историк-востоковед Н. И. Конрад писал: «Наша революция поставила перед нами задачу создания не только исторически нового общественного строя, но и соответствующей ему системы культуры. Эта система должна быть единой для всего нашего общества и в то же время учитывать, что каждый народ, входящий в наш Союз, имел и имеет свою собственную культурную традицию, а многие из этих народов имеют и свою особую, большую, длительную культурную историю.

Попробуем пройти по границам нашего Союза, останавливаясь при этом лишь на больших участках — отдельных республиках. На самом дальнем конце востока мы видим Бурятию, а культура бурятского народа в своем прошлом была самым непосредственным образом связана с культурой Монголии, а через нее — и с культурой Тибета. В Средней Азии находятся Таджикистан, Туркменистан, Киргизстан, Узбекистан, Казахстан. Культура этих республик в прежние времена, особенно в средние века, входила в круг культур иранских и тюркских народов Среднего Востока, а через них переплеталась с культурой Северо-Западной Индии, в древности даже с культурой Кушанского царства, а через Бактрию — и с культурой эллинизма. Я не говорю уже о сложном переплетении культур иранцев и тюрков с культурой арабов.

Перейдем к Закавказью. Вот тюркский Азербайджан. Кроме всех указанных связей в его истории свою роль сыграли и связи с соседними Грузией и Арменией; что же касается культуры грузинского и армянского народов, то

она в прошлом неотделима (особенно в Армении) от культур иранской, тюркской, арабской, от культуры всего христианского Востока, а через него и Византии, а в древности и латинского мира.

Передвинемся с Кавказа в Европу. Вот Украина, в прошлом Киевская Русь: в этом прошлом она (в аспекте культуры) была частью обширного региона, в который входили не только восточные славяне, но и славяне южные, а частично и западные. Культура Белоруссии, как и ее история, в прошлом переплеталась с историей и культурой Литвы и польского народа. Латышский народ в своем культурном развитии связан как со славянскими, так и с германскими народами. Эстонцы — с культурой и славян и скандинавов... Культура народа русского прямо и опосредованно уже давно связана с культурой большей части мира. Таким образом, в русле культуры нашей страны слились самые различные культурные потоки. Может быть, отчасти и этому мы обязаны тем особо острым чувством единства человечества...»

С 50-х годов, когда были написаны эти строки, общего у советских народов стало гораздо больше.

Курс на всестороннее удовлетворение интересов всех национальностей не противоречит задаче дальнейшего укрепления их сплоченности. XIX партконференция выразила «твердую уверенность, что в консолидации и единстве всех советских народов — наше настоящее и будущее»¹.

Культура народов нашей страны не потеряла своего богатства и разнообразия, но в этом разнообразии все важнее и ощутимее общие интернациональные черты.

Мы уже цитировали книгу о Таджикистане, написанную латышским писателем Имантом Зиедонисом вместе с украинским писателем Виталием Коротичем. Во вступлении к этой книге Зиедонис пишет: «Каждый народ, не общаясь с другими народами, становится одиноким. Он одинок, ничего не зная о тумане иных морей, о смехе чужих детей и мудрости других народов... Национализм, буржуазный или феодальный, — это тоже одинок

¹ Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. М., 1988. С. 139.

чество, принудительное одиночество, восхвояемое или самовосхвояемое одиночество... Одиночество — это знак непонимания среди народов. На знамени дружбы этого знака нет».

Лежащее в основе формирования этой интернациональной общности сближение наций в экономической, социальной и политико-идеологической областях сопровождается ростом их общности в культурной сфере, прежде всего в материальной культуре, для которой, как известно, особенно характерны интеграционные процессы.

Что касается этнической специфики, то она явно долгие удерживается в интерьере жилища, во внутреннем убранстве его, чем в самом жилище, в украшениях одежды, чем в самой одежде, и очень устойчива в пище.

Вместе с тем отдельные традиционные элементы культуры, выработанные тем или иным народом или несколькими народами какой-либо географической области, получают широкое распространение по всему Советскому Союзу (таковы среднеазиатские ковры, украинские мужские рубашки, прибалтийские украшения из металла и янтаря, отдельные блюда кавказской, украинской, русской кухни и т. п.).

Хорошо известно, что этническая специфика с давних пор особенно наглядно проявляется в такой сфере духовной культуры, как народное искусство. И в современных условиях, когда возрастает интерес к более интернациональным по форме эстрадной и симфонической музыке, все же в часы отдыха, на праздниках люди часто обращаются к народным песням.

В ходе недавних этносоциологических опросов среди узбеков, например, не только свыше 90% сельских жителей, но и более 70% горожан (80% среди лиц в возрасте 60 лет и старше, 71% в группе 30—39 лет и 52% среди тех, кому по 20—24 года) ответили, что предпочитают национальную музыку. Среди молдаван предпочтение национальным танцам и музыке отдало более 60% не только из числа рабочих и служащих, но и среди интеллигенции; у эстонцев — около 10% в городах и около 20% в селах — среди молодежи и людей среднего возраста и свыше 30% в городах и

70% в селах — среди лиц старшего возраста. Но исполнение народных песен, естественно, еще шире, чем предпочтение. Ведь можно больше любить симфоническую музыку, но в кругу семьи и друзей чаще петь народные песни. Даже среди тех, кто прежде предпочитал эстраду, постепенно возрастает интерес к фольклорной музыке.

Весьма показательно также развитие в советское время художественных промыслов. Изделия этих промыслов, как правило, сохраняют этническую специфику, связанную с передачей традиций художественного мастерства, сложившегося в рамках соответствующего этноса. Подчас такие изделия (например, русские матрешки) превращаются даже в своеобразные этнические символы, правда, не столько внутри своей этнической общности, сколько в глазах представителей других этносов. В современной семье любой национальности (особенно в городах) смотрят не только теле- или радиопередачи из других республик или читают книги, переведенные с другого языка, но и своеобразно сочетают детали интерьера: украинская и прибалтийская керамика, грузинская чеканка, узбекские или туркменские ковры, русская вышивка и т. д.; они могут использоваться утилитарно или только декоративно.

В то же время межнациональное взаимопроникновение происходит в целом наиболее активно в профессиональных формах культуры, что имеет большое значение для дальнейшего развития художественной культуры народов СССР. Это особенно важно иметь в виду, так как в общем культурном фонде советских людей основное место занимают профессиональные формы.

Сближение народов нашей страны проявилось и во взаимовлиянии, взаимообогащении, даже в сближении языков. Конечно, не может быть и речи о слиянии, даже в обозримом будущем, тех многих десятков весьма различных языков, на которых говорят советские люди. Тем не менее появился общий для всех национальных языков лексический фонд, общий словарный запас.

Восемь процентов слов современного литературного таджикского язы-

ка понятны практически каждому достаточно образованному советскому человеку, доля таких слов в кабардинском языке вдвое выше. При этом в разговорной речи, как правило, общих слов даже значительно больше, чем в литературном языке.

Главным источником общих слов служит русский язык: через него приходит в другие национальные языки и международная лексика, слова в основном древнегреческого и латинского происхождения.

Академик В. В. Виноградов еще в 1945 году писал: «Сходства и соответствия в языках Страны Советов, обусловленные воздействием русского языка, проявляются: 1) в расширении сферы влияния русских, особенно новых, советских выражений, в калькировании их; 2) в стремительном распространении советизмов, в их движении из одного языка в другой; 3) в освоении основного фонда интернациональной лексики посредством русского языка; 4) вообще в усиливающейся тенденции к языковой интернационализации, в особенности к советской интернационализации...»

И другие языки вносят свой вклад, пусть меньший, в общесоюзный словарный фонд.

Русский, украинский, грузинский и литовский читатель ощущает своими киргиза Чингиза Айтматова и аварца Расула Гамзатова, пьесы молдавского драматурга Иона Друцэ идут в Москве, Таллине и Минске и т. д.

Русский язык стал вторым языком для большинства людей остальных национальностей Советского Союза. В 1979 году им свободно владело 62% нерусского населения. Кроме того, распространены в качестве вторых и другие языки народов СССР. О свободном владении этими языками в 1979 году сообщило 12,3 миллиона человек — 4,7% населения страны. Наиболее распространенными среди них являются украинский, белорусский, узбекский, татарский, молдавский, азербайджанский, таджикский, грузинский. Следует отметить, что широкое использование языков межнационального общения сочетается в нашей стране с устойчивым сохранением представления о родном языке как языке своей национальности.

Особенно высока доля людей, говорящих на языке своей национально-

сти, среди основных народов союзных республик: обычно она превышает 95%. У армян, треть которых живет за пределами своей республики, эта доля снижается примерно до 90%, а у белорусов и украинцев, язык которых близок к русскому, — примерно 75% и более чем 80% соответственно.

Доля лиц, говорящих на языке своей национальности, у основных народов автономных республик и автономных областей колеблется в больших пределах, однако, как правило, она все же достаточно высока (лишь среди башкир, карелов, мордвы и удмуртов число таких лиц составляет менее 80%). Совсем иная картина наблюдается у народов, расселенных дисперсно. Среди, например, евреев (лишь небольшая часть которых живет в Еврейской автономной области) считают родным язык своей национальности менее 15%, среди поляков — менее 30%, несколько большая доля — у персов, греков, финнов и др.

Огромны масштабы взаимодействия литературных языков народов СССР. Показательно, например, что в 1980 году в Советском Союзе были осуществлены переводы книг и брошюр с языков коренных национальностей союзных республик примерно на 20 языков. При этом только на русском языке было издано около тысячи книг, переведенных с языков народов СССР, в том числе около 20% — с языков коренных национальностей автономных республик общим тиражом свыше 50 миллионов экземпляров.

Равноправие народов СССР отнюдь не означает механического совпадения, тождества уровней их экономического развития, поскольку всегда действует множество факторов исторического, социально-экономического и природно-климатического характера, приводящих к различиям между народами. Между союзными и автономными республиками, а также автономными областями и соответственно нациями и народностями легко обнаруживаются заметные расхождения по таким важным показателям, как доля городских жителей, пропорции в развитии народного хозяйства, энергообеспеченность труда, степень механизации сельского хозяй-

ства, средний уровень образования населения.

На протяжении значительного исторического периода именно этими показателями руководствовались при сравнении уровней социально-экономического развития народов. В настоящее время использование некоторых из таких показателей, казалось бы простых и убедительных, требует учета дополнительных критериев, иначе может сложиться неполное представление об уровнях развития народов. Даже такой показатель, как доля городского населения, не является символом уровня развития. Если сельское хозяйство продвинуто в научно-техническом отношении, если при этом город с его многообразной социально-культурной инфраструктурой транспортно доступен сельскому жителю, то сохранение значительной части людей на селе никак не служит доказательством меньшего развития. Об уровне социально-экономического развития наций и народностей в гораздо большей степени свидетельствуют такие, например, показатели, как суммарный реальный доход социально-профессиональных групп населения — с учетом поступлений от рыночных продаж и доходов от труда вне сферы общественного производства; доля лиц с высшим, средним специальным и полным средним образованием по возрастным когортам; информационный потенциал; плотность и доступность сетей транспортного и бытового обслуживания и т. д.

Серьезную тревогу вызывают различия в уровне национального дохода, приходящего на одного человека в отдельных республиках. Так, Туркменская ССР по этому показателю примерно в семь раз уступает Эстонии или Латвии. Одни экономисты видят в таких перепадах следствие нерациональной организации хозяйства в Туркмении, результат низкой производительности труда. Однако другие, и прежде всего представители среднеазиатских республик, полагают, что это результат неправильной политики цен, когда сырье и другая продукция — предмет территориальной специализации Туркмении или Узбекистана — оплачиваются несправедливо. В этих проблемах должны разобраться специалисты по народному хозяйству;

но к каким бы выводам они ни пришли, в конечном счете ясно, что это положение нуждается в исправлении. И в любом случае люди, живущие в каждом советском национально-государственном образовании, должны представлять себе вклад своего региона в общий котел и то, что они сами получают от других республик. Отсутствие информации в этой области влечет за собой только замену ее слухами и сплетнями, нередко злобными: с упором, что именно такая-то республика дает Советской стране особенно много и практически безвозмездно, а получает взамен мизер. Печальной памяти пример: бывшие руководители Казахстана намеренно утверждали, будто Казахстану потому не хватает мяса, что оно вывозится в РСФСР и на Украину. Это был классический пример не приписки даже, а «прислышки».

Практика показала исторически прогрессивный характер двуединой основы языковой жизни народов СССР. Ясно, что и в дальнейшем целесообразно создавать благоприятные условия для развития общения между всеми национальностями страны, прежде всего условия для овладения наряду с языком своей национальности русским языком. С 1970 по 1979 год удельный вес лиц, свободно владеющих русским языком, возрос с 76 до 82% населения страны. Нелишне, однако, напомнить, что еще в конце 70-х годов треть нерусского населения страны не владела русским языком, языком межнационального общения, расширяющим доступ к достижениям науки, техники, отечественной и мировой культуры. Более того, в некоторых республиках молодежь знает русский язык хуже, чем люди среднего поколения.

С тех пор положение кое-где даже ухудшилось. Это относится к Эстонии, Литве, ряду районов Средней Азии и Казахстана.

Многое надо улучшить в обучении русскому языку — но не только ему. Сейчас каждая из наших союзных республик имеет, как правило, сложный этнический состав. Это создает объективные трудности в охвате всего населения республики обучением языку коренного ее населения.

Но — только ли объективны эти трудности? Может быть, многое тут зависит от причин, вызванных сугубо субъективным неумением некоторых руководителей организовывать, а некоторых педагогов — преподавать?

Как одна из самых важных проблем обсуждается вопрос о том, должно ли быть обязательно для всех школ и классов каждой республики преподавание именно на родном языке или хотя бы должно ли в обязательном порядке вестись в каждой республике обучение на родном языке всех без исключения детей, принадлежащих к коренной ее национальности.

Как известно, в каждой нашей республике есть школы, где преподавание ведется на русском языке; в таких школах есть только особые уроки языка коренного народа республики — украинского, белорусского или узбекского... Притом опять-таки в каждой республике в таких школах учатся и многие дети из семей, принадлежащих к коренному населению. Если тут родной язык преподается на высоком уровне, да еще культивируется в семье и среди товарищей, то ученик выйдет из школы, хорошо владея и родной и русской речью. А если нет?

А. Новиченко, украинский писатель и литературовед, в одном из своих выступлений говорил: «Чем оправдано, например, довольно-таки резкое сокращение школ с украинским языком обучения, главным образом в больших городах республики? Правда, родной для коренного населения язык изучается и в русских школах, и это, конечно, справедливо и необходимо, поскольку вытекает из основных принципов ленинской национальной политики нашей партии. Хотя положение тут во многих случаях вряд ли можно назвать нормальным, ибо существует широко известная практика освобождения учеников от изучения родного языка на основе «добровольности выбора», который делает сам ученик между языком народов СССР (т. е. национальным) и русским. Чем бы ни мотивировали такой порядок дел, он практически противопоставляет эти два языка».

Многие родители — казахи, белорусы, туркмены и др. — предпочитают

обучать своих детей именно в русских школах по той простой причине, что после их окончания шире оказывается возможный выбор вуза; можно поступить учиться дальше не только в столице собственной республики, но и в столице страны, в Новосибирске или Ленинграде, да и во многих других городах, в том числе и не только РСФСР — ведь во многих институтах Баку, Ташкента или Алма-Аты преподавание по крайней мере части предметов ведется на русском. Но и эта причина не так уж проста: выбор, который делает в пользу русской школы, например, татарин, легко объяснить, если в татарской школе преподают русский язык всего два часа в неделю. Дело за тем, чтобы поднять национальную школу на гораздо более высокий уровень. Впрочем, в этом, как мы все хорошо знаем, нуждается и школа русско-язычная.

Нельзя не признать, что увлечение именно русскими школами в некоторых республиках перешло разумные пределы. Так, одно время в Алма-Ате была всего лишь одна школа с преподаванием на казахском языке. Конечно, необходимо детально и строго учитывать в таких случаях реальные потребности.

Но — можно ли отнять у родителей право определять, где и как должен учиться их ребенок? Можно ли во имя широко толкуемых прав народов урезать родительские права отдельных людей? К этому ведь в конечном счете сводится вопрос в той форме, в которой он был поставлен некоторыми украинскими и белорусскими писателями.

Нам кажется, что прямое законодательное решение языковой проблемы (украинец — так учись на украинском, узбек — на узбекском и т. д.) попросту невозможно. Возникнет искусственное разделение детей по национальностям. Ясно, что необходимо соблюдение добровольности при выборе языка обучения.

Однако очень многое действительно нужно и можно сделать для изучения родного языка — ведь проблема-то эта не надуманная. Что именно? Прежде всего улучшить преподавание языка республики во всех школах, увеличить «часы», устроить своеобразный призыв в ряды преподавате-

лей родного языка, численно и качественно усилив их кадры.

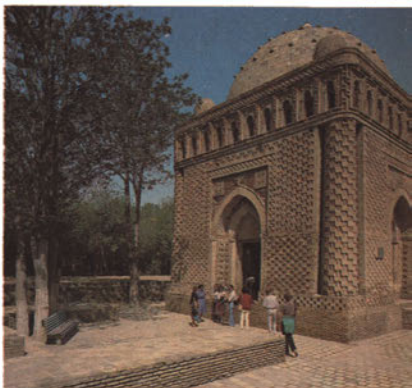
Стоит, может быть, оглянуться на опыт Швейцарии. Там, как мы уже говорили, государственными объявлены все четыре языка, на которых говорят швейцарцы. Повторимся: и немецко-швейцарский — родной для двух третей (примерно) населения, и французско-швейцарский (для 18%), и итальяно-швейцарский (для 12%), и ретороманский, родной лишь для нескольких десятков тысяч человек. Однако действует и такое правило: каждый швейцарец, переехавший из своего кантона (административная единица) в другой, должен овладеть в определенном объеме языком, официальным в этом кантоне.

Мы не призываем к тому, чтобы швейцарская практика была перенесена на нашу почву в приказном порядке. Не говоря уже обо всем прочем, надо иметь в виду, что у нас межреспубликанские передвижения населения имеют куда более широкий размах, чем в маленькой горной республике. Но разве не естественно понимать язык народа той республики, в которой постоянно живешь?

Возникшее во многих республиках движение за придание языку коренной национальности статуса государственного имеет серьезные основания. Уже давно такой статус имеет, например, азербайджанский язык в Азербайджане, грузинский в Грузии. Ясно, что признание государственным языка национальности, давшей имя союзной и автономной республике, должно быть отнесено к компетенции самих республик. Соответственно во многих республиках такие языки уже провозглашены государственными. При этом необходима и защита интересов той части населения, чей родной язык — иной. Хороший пример тут подала Абхазская ССР, где три государственных языка: абхазский, грузинский и русский.

Особое значение тут приобретает вопрос о статусе русского языка как важнейшего средства межнационального общения, который рассматривается в рамках Закона о языке. Вместе с тем использование русского языка для межнационального общения в ряде случаев вызвало сопротивление, например в Молдавии.

На волне движений за защиту

национальных интересов немалое число людей, прежде всего писателей, выступило с заявлениями о вреде двуязычия для детей, вплоть до утверждений, что это резко замедляет умственное развитие. В ответ на одно из таких выступлений С. Смирнов в газете «Советская Эстония» заявил, что считает подоплеку таких попыток

бросить тень на двуязычие весьма прозрачной: «Родители, чтобы ваши дети не стали дебильными, не заставляйте их изучать другой язык». «А это можно, — продолжает автор статьи, — истолковать и так: люди, расходясь по своим национальным квартирам... Иначе вас ждут большие беды: денационализация, дестабилизация родного языка и даже умственная отсталость...»

И советские, и зарубежные исследователи накопили немалый опыт по исследованию проблем двуязычия. Стоит вспомнить и о том, что, скажем, дети русских аристократов очень рано знакомились с иностранными языками, а именно из этой среды вышли Пушкин, Толстой, Тютчев, Герцен. Другое дело, что второй язык надо квалифицированно преподавать; но в реальной жизни, как справедливо заметил татарский писатель Р. Мустафин, слишком часто не дурное двуязычие противостоит хорошему одноязычию, а дурное одноязычие другому дурному одноязычию.

В течение многих десятилетий советское обществоведение утверждало, что национальный вопрос в нашей стране решен. И мы не склонны считать это утверждение ошибочным: речь шла о решении применительно к наследию прошлого, когда надо было покончить с неравенством народов, ликвидировать национальный гнет. Другое дело, что ни один вопрос нельзя считать решенным раз и навсегда и до конца. Аграрный-то вопрос, как он стоял в царской России, Октябрьская революция тоже решила, между тем аграрных проблем у нас хватает. Вот и у национального вопроса вышли на первый план те стороны, на которые мы долго не обращали должного внимания. Развитие советских народов придало новый вес чувствам национального достоинства, и у каждого из этих народов есть теперь многочисленная интеллигенция, а именно интеллигенция играет особую роль в выработке национального самосознания. Не случайно именно она в последнее время фактически возглавила национальные движения в ряде республик, среди которых особое место занимают Народные фронты. Эти организации под флагом борьбы за перестройку, обеспечения национальных интересов

объединяют широкие круги ответственности, главным образом представителей той национальности, которая дала имя республике. Весьма значительные масштабы такие организации приобрели в республиках Прибалтики, в Молдавии, Грузии, Азербайджане, на Украине, в РСФСР. Понимание задач этих организаций их членами неоднозначно: одни видят в них инструмент ускорения революционного преобразования жизни республик, другие придают им экстремистский, в том числе сепаратистский, характер, пытаются направить свои организации против национальных меньшинств в республиках. Не случайно в противовес Народным фронтам в некоторых республиках возникли Интерфронты, ставящие своей задачей прежде всего защиту интересов национальных групп (меньшинств) в республиках. И хотя те и другие объявляют своей целью защиту национального равноправия, понимают и толкуют они его далеко не одинаково и порой весьма своеобразно.

Найти в относительно давнем и совсем недавнем прошлом вопиющие примеры реального покушения на национальные интересы любого из населяющих нашу страну народов, совсем, увы, нетрудно. От уничтожения украинской, белорусской, грузинской интеллигенции «за национализм» в 30-е годы и истребления еврейских ученых, писателей, актеров в 40-е годы до надругательства над историческими святынями русского народа и в 30-е, и в 40-е годы. Этот список можно продолжить.

Административно-командная система одинаково ограничивала местные инициативу и самостоятельность на Дальнем Востоке и в Эстонии, на Куршине и в Узбекистане. Но если в российских областях это связывание по рукам и ногам местных партийных организаций и Советов воспринималось просто как следствие чрезмерной власти центральных органов и ведомств, то в национальных республиках общественное сознание реагировало на те же в принципе действия как на ущемление именно национальных прав, подтвержденных Конституцией.

При этом происходило массированное фальсифицирование прошлого.

Чуть ли не все народы страны были объявлены свободно и добровольно присоединившимися к России. Это относили и к грузинам, и к армянам, по отношению к которым русские бесспорно выступили спасителями от чудовищного угнетения и прямого истребления, и к башкирам, столько раз поднимавшимся на освободительные войны против царизма.

Все исторические деятели тех или иных регионов оценивались главным образом по тому, выступали ли они за существование своих народов внутри Российской империи или вне ее. И даже массовые восстания в Средней Азии и Казахстане в 1916 году — волны того моря народного гнева, что вскоре покончило с царизмом, — были объявлены националистическими.

С другой стороны, под фанфары, восхвалявшие и дружбу народов и особые заслуги русского народа перед страной, оказалась во многом ущемлена и национальная русская культура.

Меры по истреблению хуторов в Литве или Латвии, как и уничтожение «неперспективных деревень» в Российском Нечерноземье, на европейском Севере и в Сибири, были одинаково покушением и на привычный образ жизни, и на исторические корни народов. Эти меры практически повсюду привели к тяжелым социальным и культурным последствиям.

Вряд ли можно говорить, что такие действия (как и попытки изменить сам образ жизни малых народов Севера при параллельном уничтожении той естественной среды, к которой этот образ жизни был приспособлен) направлялись на ослабление самих национальных культур. Все было гораздо проще: всесоюзные ведомства не желали считаться с «местными интересами», все равно жили «на местах» русские, немцы, эстонцы или узбеки.

Чудовищно пострадали природная среда России и Средней Азии, Молдовы и Украины, Прибалтики и Казахстана — да ни один наш народ не обошло и это бедствие, каждый регион страны оказался им затронут, просто некоторым не повезло больше, другим — меньше, но не повезло всем.

Наш Север — родина десятков малых народов — стал жертвой

произвола все той же административно-командной системы, жертвой бесхозяйственности под маской использования природных богатств края. Многие миллионы гектаров оленных пастбищ выведены из строя при так называемом промышленном освоении земель. Многие поселения эскимосов, нивхов, хантов, века существовавшие в наиболее удобных для привычных промыслов и хозяйства местах, оказались ликвидированы, а их жители переместились в города и поселки, где их традиционные навыки оказались ненужными.

Как нельзя мешать коряку или манси становиться писателем или нефтяником, точно так же нельзя заставлять его насильно, под давлением, отказываться от привычного труда. Заметим, что этот труд обеспечивал бы олениной, рыбой, мехами сотни тысяч жителей построенных на Севере городов, что отказ от него — вопиющая экономическая неадекватность. Впрочем, в данном случае бесхозяйственность — не главное. Нарушены права человека и права народа.

Последний, кажется, по времени энергичный натиск центрального ведомства на родину эвенков — попытка построить Туруханскую ГЭС с громадным водохранилищем — как будто отбит общезвестностью, и не только, конечно, эвенкинской. Вносятся предложения создать большие экологические заповедники, где именно традиционная трудовая деятельность, за века и тысячелетия приспособившаяся к природным условиям, сможет продолжаться, не вредя им.

Беды — реальные, и народные движения за сохранение родной природы, родного языка, родной культуры вызваны к жизни в конечном счете вполне реальными тревожными обстоятельствами.

Но мы не согласны с теми, кто хочет внести в число этих обстоятельств саму советскую национальную политику уже с первых послереволюционных лет. Неверны и глубоко несправедливы попытки выдать интернационализм того времени за национальный нигилизм, а стремление поднять культуру всех народов страны — за стремление искусственно сгладить национальные различия.

Напомним все, что уже говорилось про заботу о национальных письменностях и литературах, о том, на скольких языках преподавали в советских школах в начале 30-х годов, о проведенных на Украине «украинизации», а в Белоруссии — «белорусизации» культур. Проведенных, видимо, не без издержек, но уж никак такие действия не объяснишь национальным нигилизмом или великодержавным шовинизмом.

Но уже методы, которыми проводилась коллективизация, сами по себе наносили «попутно» страшный удар по национальным культурам всех народов, в которых значительную часть составляло крестьянство.

Впрочем, поворот в реальном отношении к национальным проблемам начался, по-видимому, еще в середине 30-х годов. Именно тогда в основном сформировалась административно-командная система. Это уже несколько позднее ее стала интересовать национальная принадлежность человека, но, пожалуй, и тут не сама по себе, а ее запись в паспорте или анкете. На более же глубокий интерес к положению народов рассчитывать не приходилось.

Административно-командную систему, как справедливо отмечают сегодня ученые многих специальностей и публицисты, отличали не только национальный нигилизм, но и нигилизм правовой, экономический, медицинский, культурный. Думаем, что справедливо заметил украинский писатель Юрий Калешук: «Пробуждение национального сознания у нас в стране стало одной из форм самозащиты личности, реакцией не только на сталинские искривления национальной политики, но и на административное безответственное бездействие ответственных лиц».

Кажется парадоксальным то, что в условиях гласности в ряде районов нашей страны национальные отношения обострились. Люди, принадлежащие к разным народам, которые раньше при контактах между собой обращали на этот факт не слишком много внимания, теперь нередко словно намеренно углубляют, подчеркивают этнические и культурные различия; противопоставлению «мы —

они», естественному, как уже говорилось, для этнического самосознания, искусственно придается явно чрезмерное значение.

Давно ли в научных трудах этнографов, в популярных книгах и статьях публиковалась, например, вполне благополучная статистика ответов советских людей разных национальностей на вопрос, что они считают своей Родиной. Одни — молдаване, грузины, казахи — называли свои республики, другие — Советский Союз; в весьма значительной части случаев — то и другое; при этом Советский Союз, как правило, именовали своей Родиной чаще, чем национальные территории. Теперь ситуация, похоже, в ряде регионов изменилась, и ответы на аналогичные вопросы (там, где проводились опросы) зафиксировали прежде всего другое. Эстонцы в Эстонии, как правило, называют Родиной именно Эстонию.

Что ж, признать в новых условиях, будто все анкеты заполнялись опрашиваемыми исключительно с целью доставить исследователям удовольствие? Или счесть, что проводилась массовая фальсификация данных самими исследователями? Согласиться с тем, что лозунги дружбы народов, как и равенства народов, были только лозунгами, за которыми не стоит и не стояло никакой реальности?

Чудовищные события в Сумгаите, взбурявший Нагорный Карабах, Ереван, Баку, Алма-Ата, Душанбе, встревоженные сотни тысяч «русскоязычных» в Прибалтике — все это для многих свидетельство того, что дело обстоит именно так.

Мы с этим не согласны. Не хотим, однако, впадать и в другую крайность — объявлять, будто все происходящее лишь результат злостной пропаганды коварных националистов, которые успели захватить в свои сети множество обманутых людей, считающих, что наконец-то они «прозрели».

Такая пропаганда, конечно, есть и имеет часто успех именно потому, что использует действительные недостатки, сложившиеся в нашей национальной политике на протяжении многих десятилетий. Но не менее важно другое — национализм разрастается на почве наших социальных

бед и ошибок, накопившихся за многие годы.

Все народы имеют право на жизнь и собственную культуру. Любая национальная культура должна развиваться. Каждый живой язык нуждается в бережном и добром отношении. Для нас эти истины бесспорны.

Спорны иногда бывают лозунги, с которыми выступают в защиту этих истин, методы, которыми хотят их проводить в жизнь. Представители скольких народов считают нужным сопровождать гордые их имена эпитетами «несчастный» и «самый несчастный» — причём говоря в каждом случае именно о своем народе! Да, горькая история выпала на долю многих народов, но ведь не только же горькая! Каждому этносу есть не только о чем печалиться, но и чем гордиться. Меряться бедами между людьми как будто не принято. Надо ли меряться ими народам, как и особой будто бы талантливостью?

Какие бы ни выпадали в судьбе этноса периоды — славные и печальные, трагические и относительно спокойные, — от любого из них и от всех вместе нельзя отрекаться, как не отрывается настоящий сын от отца. А. С. Пушкин писал, что ни за что не хотел бы иметь ни других предков, ни другой истории. Ответ славы предков падает на потомков, а беды их переживаются заново наследниками. Но достойны старой славы лишь те, кто ее приумножает, и помогают избавляться от болезней те, кто лечит старые раны и их последствия, а не сыплет на них соль. Страшно представить себе, что было бы, если бы народы взялись сводить между собой исторические счёты. Предки монголов захватили когда-то Русь и Среднюю Азию, не говоря уже о множестве других земель — от Китая до Ирана, пытались овладеть Египтом. Что ж, потребовать за это ответа с потомков? Польские войска захватывали Москву в начале XVII века, французские — в начале XIX века, четырнадцать держав поддерживали белых в гражданскую войну и т. д. Прибалтику в течение долгих веков рвали на части Датское, Шведское и Польское королевства, германские государства, Российская империя.

Да ведь ясно же, что не народы завоёвывают другие народы. Это

делают ханства и каганаты, царства и королевства, империи — словом, агрессивные государства.

Гордясь своими предками и сочувствуя им, не надо хулить чужих предков и обделять сочувствием их потомков. Изобретатель парохода Роберт Фультон покинул Францию вопреки распространенной легенде не потому, что его изобретение якобы не поддержала Парижская академия, а Наполеон пожалел денег на помощь изобретателю. На самом деле академия отнеслась к детищу Фультона с интересом и одобрением. Но Фультон ясно увидел, что генерал Бонапарт, становящийся самодержцем, не благодетель человечества, но принадлежит к тому же ряду чудовищ, что Аттила и Тамерлан. Не будем же восхищаться такими Аттилами только за то, что они формально принадлежат к одному с нами народу. Мы умеем радоваться «чужим» Бетховену, Стендалю, Саят-Нове, Низами, Ганди, радость русского от существования Толстого и Достоевского разделяет весь мир.

Можно выделить три уровня негативного в национальном самосознании. Первый — ограниченность, замкнутость, связанные с нежеланием выходить в контактах за пределы круга людей, принадлежащих к своему этносу; уже на этом уровне нередко появляются и национальные предубеждения. Следующий уровень — этноэгоизм, выражающийся в стремлении обеспечить преимущества собственному народу за счёт других. Третий уровень — уже национализм, т. е. прямая враждебность другим, «чужим» народам.

С национализмом надо бороться не только тогда, когда он выводит на улицы толпыгромщиков. «Бытовые» формы его заражают детские души, а замаскированные (и не очень) всплески на страницах печати отравляют атмосферу, в которой все мы живём. Можно, конечно, делать вид, будто ничего особенного не происходит, пока дело не дойдёт до нового Сумгаита. Но закрывать глаза на факты — вещь, чреватая многими опасностями. Мы понимаем, почему поэт Андрей Вознесенский так встревожился, когда в 1987 году не состо-

ялись чтения памяти русского писателя Константина Симонова на Буйницком поле, что лежит в Белоруссии неподалеку от Могилева. На том поле, где, по завещанию Симонова, был развеян его прах — в память о тяжелом бое, в котором тот участвовал здесь в 1941 году. Андрей Вознесенский с горечью спрашивал писателей Белоруссии, как могло случиться, что эти чтения отменили?

В свое время В. Г. Белинский писал: «Бедна та народность, которая трепещет за свою самостоятельность при всяком соприкосновении с другою народностью! Наши самозванные патриоты не видят, в простоте ума и сердца своего, что, беспрестанно боясь за русскую национальность, они тем самым жестоко оскорбляют ее».

Как видно уже из этих слов, не впервые в российской истории появляются подобные «борцы за национальность».

Одно из основных положений марксизма требует «за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов»¹. В применении же к ситуациям в нашей стране можно говорить по крайней мере об интересах разных социальных групп. Так вот, в некоторых проявлениях национализма, скажем азербайджанского и армянского, отчетливо видна вполне материальная заинтересованность групп, связанных с коррумпированной частью государственного аппарата и системой теневой экономики, как известно достигшей в Закавказье особого расцвета.

Во время событий в Азербайджане и Армении проявилась и та черта, унаследованная от лет застоя, которая тревожит всю нашу страну. Слишком много людей, занимавших важные должностные посты, «умели» как-то управлять, опираясь только на авторитет власти, подкрепленный памятью о всеобщем давящем страхе сталинских лет, и не умели руководить иначе как с помощью безусловно выполняемых приказов. Когда приказы перестали выполняться автоматически, на власть авторитета такие люди не могли (даже при лучших намерениях, если они были) опере-

ться и организовать отпор экстремистам оказались не в состоянии.

Мы знаем, однако, и об инструкторе Сумгаитского горкома, сумевшем остановить одну из взбудораженных толп; о женщине — председателе колхоза, успокоившей и переубедившей толпу возмозжных погромщиков в Нагорном Карабахе, об азербайджанцах, защищавших или прятавших преследуемых армян, и об армянах, оберегавших оказавшихся в опасности азербайджанцев. Но все эти вселяющие надежду случаи, такие естественные, не могут перекрыть того факта, что для наведения порядка во многие города и районы пришлось ввести воинские части.

То чувство, с которым с экранов телевизоров азербайджанцы и армяне называли себя и в эти дни братьями, должны вернуться ко всем нам. Самое страшное по числу жертв землетрясение XX века в Армении показало, что чувство семьи единой не уничтожено.

Нельзя простить преступников — погромщиков, убийц, насильников. Но народу-соседу надо уметь прощать старые обиды. Если по ходу истории вести счет давним и недавним столкновениям, ничего не забывать и ничему не учиться, хорошего будет мало. Это относится не только к армянам и азербайджанцам. Махатма Ганди, великий индийский мудрец, как-то сказал, что нации — как люди и умение прощать свойственно только сильным. Народам надо уметь быть действительно сильными!

Не будем забывать, что на межнациональных отношениях не могли не сказаться и репрессии сталинских времен, когда целые народы объявлялись «предательскими» и выселялись в территориально далекие области. Мы знаем, что эта политика коснулась чеченцев, ингушей, балкарцев, калмыков и крымских татар, советских немцев, турок, части греков, болгар... При этом, с одной стороны, некоторых представителей «опаленных» народов отзывали во время Великой Отечественной войны из действующей армии, отправляя на новое место жительства; с другой же стороны, переселяемых коммунистов большей частью не исключали из партии, тем самым фактически оттеняя несправедливость действий, не

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 47.

имевших никакого оправдания и резко противоречивших тем самым принципам ленинской национальной политики, от которых официально не отказались.

Дело тут не только в глубочайшей несправедливости, проявленной к конкретным народам. Всякая национальная дискриминация наносит удар

На Красной площади —
представители союзных
республик в национальных
костюмах

Невка. Ямал

Охотник с беркутом. Кир-
гизия

329

и по народам, ей вроде бы и не подвергающимся, вредна и опасна и для тех, кто внешне оказывается поставлен как будто в привилегированное положение. Фактически вопреки основным коммунистическим принципам утверждалось, что одни народы «лучше», другие «хуже» — и история достаточно убедительно

показывает, что при этом вполне реально страдают и объявленные «лучшими» — а в конечном счете и культура всей страны, всего человечества. Напомним посмертно опубликованные стихи Бориса Слуцкого. Он писал о балкарцах, обращаясь к балкарскому поэту Кайсыну Кулиеву:

В ста эшелонах уместили,
а все-таки — народ! И это
доказано блистаньем стили,
духовной силою поэта.
А все-таки народ! И нету,
когда его с земли стирают,
людского рода и планеты:
полбытия

они теряют.

Да и в более позднее время, когда эпоха репрессий уже осталась далеко позади, формализм и бюрократизм немало постарались для создания «условий» для национальных трений. Бывший первый секретарь Башкирского обкома КПСС М. З. Шакиров решил сделать «замечательный подарок» своему народу — одним махом увеличил его численность на четверть миллиона человек. Татары многих сел и деревень на территории автономной республики были объявлены башкирами. Из этого следовало, что в школах их «учили» башкирскому, а не татарскому языку, что в эти села не поступали татарские книги и др.

Тут уж безобидными могут показаться куда более «легкие» случаи. Вот, скажем, прекрасный принцип: в Советских республиках должны быть представлены граждане пропорционально этническому составу (а также возрасту, полу и составу социальному) избирателей. И составлялись разверстки: тут должен быть выдвинут русский беспартийный, там немец-комсомолец, рядом — казашка, член КПСС. А то, что в таком-то совхозе хотят выдвинуть — заслужили доверие — «напротив», члена КПСС русскую, казашку-комсомолку и беспартийного немца, до крайности возмущало ведающих «сверху» выдвижением и вызывало у них бешеное сопротивление.

Между тем задеть национальное чувство нередко чрезвычайно легко. Поэтому важно, чтобы в каждом отдельном случае не было никаких сомнений в том, что здесь не оказано предпочтения или, напротив, не выказано пренебрежения к человеку из-за его национальной принадлежности.

Подчас же проявлялась тенденция совсем иного рода. Как отмечалось на XXVII съезде КПСС, в недалеком прошлом кое-где брали верх местные, земляческие, настроения. Они мешали... межрегиональному обмену кадрами, обмену опытными работниками между республиками и

центром, между районами и городами страны. Это привело в ряде случаев к самоизоляции, застою дела и другим негативным явлениям.

Не могут не сказаться на национальных отношениях и конкретные недостатки в социально-экономическом развитии нашего общества. Тут прежде всего обращают на себя внимание различия между союзными республиками в темпах роста производительности труда в промышленности. Так, за последние 15 лет темпы этого роста в Азербайджане и Белоруссии были в 1,5 раза большими, чем в Таджикистане. Дают о себе знать также различия между республиками в отраслевой структуре промышленности. Сказываются и различия в этнодемографических процессах. За последние тридцать лет численность населения европейской части территории СССР увеличилась на 30—40%, а в Средней Азии — более чем в два раза.

Неравномерность этнодемографических процессов в сочетании с разными темпами роста производительности труда сопровождалась в последние 15—20 лет дифференциацией республик по развитию в них отдельных компонентов социально-бытовой инфраструктуры, бытовых услуг, издательской базы и т. п.

Положение с медицинским обслуживанием в целом сейчас оценивается как весьма неблагоприятное, но в Средней Азии оно катастрофическое.

Специалисты обратили внимание на возрастающий в 60—70-е годы размах вариаций между республиками по изданию книг на душу населения. В 1959 году по числу изданных книг на 100 человек всего населения каждой республики Эстония опережала Казахстан (занимавший тогда в этом отношении последнее место) примерно на 500 книг, а в 1980 году Эстония обогнала оказавшийся в этом году на последнем месте Таджикистан уже на 1000 книг.

Такой показатель благосостояния населения, как объем товарооборота, в последнее время в отдельных республиках увеличивался далеко не одинаково.

Различия этнодемографического развития отдельных регионов накладывают свой отпечаток на такую актуальную для современного разви-

тия нашего общества проблему, как оптимальное использование трудовых ресурсов. Поэтому там, где имеются трудоизбыточные ресурсы в деревне (в ряде среднеазиатских республик и в некоторых других районах страны), необходимо предусмотреть ряд мер, способствующих их более рациональному использованию на месте, создавая, в частности, межхозяйственные промышленные предприятия, агропромышленные комплексы.

В отдельных случаях на национальную почву может переноситься ощущение каких-то нереализованных ожиданий в конкретных жизненных ситуациях, чаще всего связанных с производственной деятельностью и трудовой карьерой. В частности, в условиях возросшего образовательного уровня населения республик, в том числе лиц коренной национальности, в отдельных регионах не исключено возникновение конкурсной ситуации, касающейся занятия квалифицированных рабочих мест.

Следует также иметь в виду, что та или иная неудовлетворенность людей в сфере быта подчас проецируется ими в область национальных отношений.

Кроме того, не будем забывать и об отчуждении — одной из самых тяжелых проблем урбанистической, городской жизни, проблеме, как видно, существующей не только на Западе. Все более замкнуто живут семьи, исчезает — особенно в городах — ощущение тесной связи с соседями, не только троюродные братья и сестры, но и двоюродные, дяди и племянники чувствуют себя все менее родными. Вот тут-то, по-видимому, субъективно приобретает особое значение представление о прочности связей по происхождению, о том, что именно от людей своего народа можно ждать поддержки. Надежды на помощь своей семьи становятся слабее — и тем сильнее надежды на помощь народа, рассматривающегося как большая семья.

Собственно говоря, во всем этом нет ничего плохого — до тех пор, пока — позволим себе перефразировать выражение Д. С. Лихачева — любовь к народу как своей семье не обращается в ненависть к «чужим семьям».

Но если связь «по крови» объявля-

ется важнейшей и не сравнимой по силе с другими социальными связями, если лозунг «кровь и почва» становится определяющим в поведении каких-то людей и их групп — здесь национализм и обретает свои опаснейшие свойства.

Выбору национализма как жизненной позиции способствует, по крайней мере для части граждан любой национальности, то, что тут как будто и выбирать не надо: к той или другой национальности человек принадлежит с детства, говорит на ее языке, ощущает себя ее частью. А вот чтобы принять другие политические убеждения, понять, что ты не только немец, русский, японец, еврей, латыш, француз, аргентинец, но и сознательный коммунист (или социалист, либерал, консерватор), надо изучить и принять определенную идеологию. Не для всех это оказывается просто, тут нужны и интеллект, и высота нравственного чувства. Национализм же в очень большой мере обращается к подсознанию, инстинктам — и, как свидетельствует история, поощряет в конце концов худшие из них.

Проблемы, возникающие в сфере национальных отношений, находят особенно сильный отклик в среде молодежи. На первый взгляд это странно: ведь молодежи сильнее всего подвергается процессам интернационализации культуры, лучше образована и социально мобильна. На самом же деле это вполне естественно, так как молодежь чувствительна к любым социальным проблемам и реагирует на них скорее эмоционально, чем рационально. К тому же она (особенно студенты — вчерашние выпускники сельских школ), как правило, не имеет опыта позитивных трудовых межнациональных контактов.

В регулировании межнациональных отношений требуют особого внимания многонациональные города, особенно молодые, многонациональные стройки. Как известно, совместный труд, длительное благоприятное общение рождает дружественные межнациональные контакты. Вместе с тем именно в многонациональных коллективах люди более всего обращают внимание на специфику культуры и бытового поведения, сопоставляют занятия и образ жизни своей и других национальностей. Поэтому

здесь необходимы и большая разъяснительная работа, и чуткая кадровая политика, и особая забота об удовлетворении культурных запросов людей всех контактирующих национальностей.

Там, где процесс интернационализации происходит особенно интенсивно, его подчас воспринимают как угрозу утраты своей национальной самобытности, культуры, языка и т. д. Быстрое технико-экономическое развитие, сопровождающееся ломкой многих традиционных, в том числе нравственных, устоев, серьезными экологическими издержками, вызывает у некоторых людей ностальгию по прошлому, идеализацию всего патриархального. Отсюда и стремление замкнуться в своей национальной культуре. Ориентация эта чревата серьезными опасностями: она разобщает народы, каждый из которых апеллирует к собственным подвигам, оборачивается застоєм и провинциализмом для национальных культур.

Сейчас резко возрос интерес к историческим событиям, деятелям, к историческим памятникам народов, к их происхождению. Это явление не просто связано с расширением культуры общества, оно одно из проявлений роста национального самосознания. Идеологически очень важно, на что оно будет направлено: на формирование советского патриотизма и интернационализма или только на национальное прославление и обособление народов.

Однако в научных трудах, в школьных и вузовских учебниках исторические факты зачастую трактуются упрощенно, а то и вовсе искажаются. В ряде республик стал прямо-таки болезненным вопрос о происхождении коренных народов. Его освещение нередко сопровождается стремлением «удревнить» и «облагородить» историю «своего» народа в ущерб соседним народам. Такова, к примеру, книга узбекского историка М. Эрматова об этногенезе узбеков, содержащая грубые «антитаджикские» выпадки.

В Азербайджане за последние десятилетия получила развитие особая теория о якобы издревле оседлом образе жизни тюрков, которые будто бы являются исконными жителями Восточного Закавказья. Все археоло-

гические ценности при этом рассматриваются как реликты древнетюркской национальной культуры. Между тем о кочевниках Азербайджана существует значительная действительно научная литература, в том числе и местных авторов.

Встречается и тенденция идеализировать историческое прошлое, связанное с присоединением народов к России. Например, всячески подчеркивается добровольный характер присоединения казахских жузов к России. В действительности же этот процесс протекал очень сложно.

К сожалению, и в профессиональной культуре подчас дают о себе знать националистически окрашенные тенденции. Показателен в этом отношении опубликованный в Узбекистане в 1981 году роман М. Махмудова «Вечные вершины», в котором с явно пантюркистских позиций освещается ряд исторических проблем. В частности, автор утверждает, будто одна из основных ошибок Тимура заключалась в том, что он разбил хана Золотой Орды Тохтамыша, предоставив тем самым возможность укрепить Русскому государству. Тут можно поставить в пример некоторым советским писателям отношение к давним историческим событиям, которое проявил большой азербайджанский поэт Мирза Шафи Вазех, родившийся, между прочим, в конце XVIII века. Поэта призвали воспеть былое величие Золотой Орды¹, спросив:

«Не наши ли родичи были когда-то
Безмерною славою несметно богаты?
Их доблести помнят российские степи,
Там ханы прославились властью своей
Иковки татарской тяжелые цепи
Держали до выкупа пленных князей.

И пусть для потомков Орды Золотой
Отныне могущество предков воскреснет,
Ты заново отзвуком славы былой
Наполнить обязан сыновнюю песню!»

Вазех им ответил достойно на это:
«Предания славят жестокость вождей,
Но слава набегов звучит для поэта
Как стоны народа, как плач матерей.

А рабство на волю меняют народы
И мстители вновь добывают свободу.
Другие вожди и другая победа
Смывают позор половодьем смертей.
Но кровью добытые счастье и беды
Не выпросят славы у песни моей».

¹ В XIX веке азербайджанцев часто называли татарами, и многие, в том числе среди азербайджанцев, считали их потомками монгольских завоевателей.

Да, видно и тогда немало рассуждали о древней военной славе, о том, что может быть предметом национальной гордости и т. д. Так вот: завоевательными войнами гордиться нечего. Так думает не только Вазех — так думает сам народ, почти любой народ. И если Вазех вообще отказывается воспевать кровавые войны прошлого, то мы уже отмечали, что народный эпос, как правило, даже завоевательные войны изображает оборонительными...

Подчас отдельные писатели, затрагивая деликатные вопросы национальной психологии, видимо, даже не осознают, что скатываются с интернационалистских позиций. Таково, к примеру, заявление одного нашего известного писателя на состоявшемся в конце апреля 1987 года пленуме правления Союза писателей СССР, содержащее следующее утверждение: «Если я скажу, что наш русский народ едва ли не самый умный и талантливый, то в этом нет ни унижения, ни оскорбления для другой национальности». Навивно полагать, что отнесение, пусть даже в косвенной форме, «своего» народа к числу исключительных («едва ли не самый») не заденет национальные чувства других народов.

Надо развивать национальные языки, надо развивать, а если надо и возродить народную культуру. Однако вот мы читаем начальный текст программы Народного фронта Латвии. Многие пункты в ней абсолютно, как нам кажется, правомерны, некоторые вызывают сомнения, дают материал для дискуссии.

Но как могло попасть в программу такое требование (3-й пункт IV раздела): «НФЛ... считает необходимым... в законодательстве о Советах и выборах в Советы включить принцип, согласно которому в Советах республики на любом уровне необходимо обеспечить постоянное и неснижаемое большинство мандатов, которые при любой демографической ситуации сохраняются за представителями латышской национальности?»

Честно скажем: читать такие требования не только неприятно, но и страшно. Некоторую аналогию такой позиции сегодня можно, кажется, найти только в избирательных законах ЮАР. Это ли пример, кото-

рому надо следовать в борьбе за равноправие? Более далекая аналогия — принципы, по которым формируются руководящие органы Ливана. Тут специальное соглашение предусматривает, какие посты должны занимать представители каждой из ведущих религиозных групп, живущих в стране. Но это соглашение, как мы видим, далеко не гарантирует маленькой арабской стране ни экономического, ни культурного процветания, ни хотя бы минимальных равновесия и спокойствия.

Впрочем, даже в ЮАР и Ливане не предусматривается, чтобы не только в верхнем эшелоне власти, но и в любых местных ее органах («в Советах республики на любом уровне», как сформулировано в программе Народного фронта Латвии) господствовала определенная группа людей уже в силу своего этнического происхождения или религии.

Это место программы НФЛ противоречит, кстати сказать, другому пункту того же раздела, где говорится о том, что «национальные вопросы необходимо решать с учетом демократических прав всех национальностей, проживающих на территории Латвийской ССР». Не случайно в очередном варианте программы НФЛ указанные выше положения исключены.

Очевидным кажется, что попытки поставить права гражданина избирать и быть избранным в зависимости от его национальности — прямое нарушение принципов не только Октябрьской революции и ленинской национальной политики, но и принципов, провозглашенных еще Великой французской революцией, закрепленных в конституциях огромного большинства современных государств и международных декларациях и установлениях.

Совсем по-другому звучат решения «Форума народов Латвии», состоявшегося в начале 1989 года. Вот принятая форумом формула: «Латвия является для латышского народа отечеством, единственным местом, где он может плодотворно развивать свой язык и культуру. Способствовать такому развитию — дело не только каждого латыша, но и интернациональный долг всех жителей республики. В то же время государственные органы

Латвийской ССР несут ответственность за создание благоприятных условий для развития языка и культуры всех национальностей и этнических групп, проживающих в республике, а латышская нация является морально ответственной за их всестороннее развитие».

Мы еще только создаем правовое государство, нам многому надо учиться; кое-где это приходится делать на собственном опыте, но хорошо бы научиться извлекать уроки и из чужого, особенно если он так нагляден, как в Ольстере или Ливане.

Если в СССР самая большая нация — русские, то в Эстонии — эстонцы, в Армении — армяне и т. д. И еще в 1922 году С. Орджоникидзе (которому, между прочим, вместе со Сталиным незадолго до того досталось от Ленина за великорусский шовинизм) напомнил, что в Грузии грузины — «господствующая нация» и они должны на своей территории показывать, как должно относиться к национальным меньшинствам.

Дружба народов Советского Союза выдержала испытание Великой Отечественной войной, сталинскими репрессиями, десятилетиями, когда с правдой смешивалась ложь, идущая «сверху». Думаем, она выйдет только окрепшей из испытаний, в которых ложь разбрасывается и «снизу». Хоть — «снизу» ли?

Сеять ненависть, к сожалению, иногда бывает легко, но всходы ее губительны для всех, в том числе и для самих сеятелей.

Предкризисное или даже кризисное, по некоторым оценкам, состояние нашей экономики — вот фон, на котором разыгрываются события «с национальным оттенком». И так ли уж связано именно и исключительно с национальными чувствами то, что разыгралось, скажем, в Армении и Азербайджане?

Жители кавказских республик особенно хорошо знают, что такое обсчет в магазине, коррупция и прочие вещи, далеко не обошедшие и все остальные регионы страны. Перенести тяжесть социальных проблем на «сугубо национальную сторону» дела — очень характерный прием, опробованный на протяжении сотен лет во многих странах. Но опыт, накопленный историей, показывает: заинтере-

сованным лицам иногда удается направить таким образом народное возмущение в безопасное для себя русло; однако еще никому, нигде и никогда не удалось этим «естественным способом» добиться повышения благосостояния общества, разрешить действительно насущные социальные проблемы.

Свои национальные вопросы встают в каждой республике. Казахский писатель Ануар Алимжанов, выступая на «круглом столе» журнала «Дружба народов», заметил, что Казахстан в каком-то смысле Советский Союз в миниатюре. «У нас есть «греческая проблема», — продолжал он, — у нас «немецкая проблема», у нас «уйгурская проблема», «дунганская проблема», «курдская проблема», «турецкая проблема».

Некоторыми из этих проблем мы прямо обязаны Сталину с его насильственными переселениями народов; другие, вероятно, могли возникнуть и помимо его наследия, хотя оно, безусловно, усугубило их. Однако не забудем: национальные проблемы возникают не потому, что есть нации, а потому, что нарушается справедливость в межнациональных отношениях. Конечно, именно в таких вопросах взгляды на то, что есть национальная справедливость в каждом данном случае, могут не совпадать. Надо уметь находить компромиссные решения, чтобы не было торжествующих и униженных, выигравших и проигравших — тут народам, составляющим их людям, дорого обходятся не только поражения, но и полные «победы». «Тому в истории мы тьму примеров слышим».

Споры, дискуссии, пожелания, требования, демократическая борьба за права народа и языка — да; но всякая попытка решить межнациональные проблемы силой, прямая и замаскированная, должна быть сурово осуждена и пресечена. Что, кроме горя сотен тысяч людей, принес конфликт вокруг Нагорного Карабаха вовлеченным в него народам и всей стране? Неужели кого-нибудь может прельщать участь Ольстера, Ливана, Шри-Ланки? Ведь там тоже начиналось с лозунгов о равноправии народов и религиозных общин, а обернулось дело повседневными бесправием и насилием.

Есть права народа и есть права человека; нельзя ради первых зачеркивать вторые, тем более что права народов и опираются на права человека, бессмысленны без них.

В выступлениях экстремистских лидеров «Памяти» присутствуют дорогие сердцу каждого патриота лозунги защиты памятников культуры и родной природы, но все в конечном счете сводится к тому, что угрожают бесспорным ценностям некие с давних пор объединившиеся против России всемирные черные силы, и когда эти силы называются поконкретнее, а не просто снабжаются этикетками «сатанинские» и «несущие мировое зло», выясняется: речь идет о «международном еврейском капитале», то о всемирном сионистско-масонском заговоре. Масоны здесь, по-видимому, требуются для случаев, когда говорить о еврейском происхождении того или иного деятеля, вызывающего у экстремистов из «Памяти» отрицательное отношение, невозможно при всем желании. Терминология кажется прямо заимствованной у Гитлера и его сподвижников. У тех, правда, были еще в ходу утверждения и о «еврейско-коммунистическом международном заговоре», и даже о союзе европейских плутократов и коммунистов. «Союз» этот был, разумеется, направлен против Германии.

В наших условиях до перенятия этой части фашистской идеологии дело не дошло. Хотя во многих выступлениях даже на страницах печати люди (нередко считающие нужным оговариваться, что с программой «Памяти» они незнакомы) делают нажим на еврейские фамилии некоторых деятелей Коммунистической партии и правительства и первых послереволюционных, и сталинских лет. Есть среди носителей этих фамилий люди, безмерно виновные перед партией и страной, есть действительно совершившие тяжкие ошибки. Но не в национальности здесь дело. Скажем, Жданов, Молотов, Каганович — люди явно «одной породы», «одной природы», что бы они ни писали в графе «национальность».

Найти виноватого в твоих и общих бедах среди тех, кого считаешь «чужими», — старая болезнь многих людей. Антисемитизм не раз в исто-

рии оказывался страшным оружием в руках реакции. Сегодня его пытаются и в нашей стране использовать те, кто хочет возвращения к старым временам всеобщего страха и подавления свободы мнений. Опыт той же истории показывает, что в роли «избранных врагов» евреи у любых националистов недолго остаются в одиночестве. Фашисты быстро присоединили к ним цыган и славян и намеревались в дальнейшем сильно расширить список. Для шовинистов у нас в стране кавказцы — «черные», жители Средней Азии — «чучмеки», латыши — «гансы»... не будем продолжать. Подобные уроки история уже давала, и возрождение отправленного ею в мусорный ящик сулит только беды. Создание образа «внутреннего врага» и «внутренних врагов» — очень древний прием. Неужели снова и снова будут поддаваться люди на старую отравленную приманку?

Столь же необоснованны получившие распространение в ряде республик попытки пропагандировать неуважение к русскому народу, сделать его ответственным за преступления административно-командной системы. Но русский народ пострадал никак не меньше других — стоит вспомнить хотя бы «плоды» коллективизации да тысячи опустевших деревень.

В течение долгих, хотя и не самых счастливых лет, многим казалось, что в нашей стране всякий автоматически становится сразу и патриотом, и интернационалистом уже потому, что слышит речи о дружбе народов, читает о единстве советского народа, особенно ярко проявляющемся в годы войны или потрясений, задевающих ту или иную часть великой страны, наконец, потому, что встречается с людьми других национальностей на равных, видит в них не только отличное, но и общее с собой. Оказалось, что всего этого мало, даже мелкая национальная несправедливость больно ранит, а большие и малые социальные несправедливости могут восприниматься как именно национальные.

Стоит подумать и вот над чем: какие же прочные основы дружбы народов заложила ленинская национальная политика, как же глубоко внедрились в нашу жизнь принципы интернационализма, если все кон-

кретные нарушения этих принципов в сталинское и более позднее время не смогли подорвать основы отношений доверия между нашими народами!

336
5 Что же касается конкретных «мероприятий», действий, которые помогут в разрешении сложных проблем национального развития, то тут в очень большой мере дело за инициативой. Инициативой не только «с самого верху» (мы слишком привыкли на нее полагаться), и не только «снизу». Свои предложения уже внесли и ученые разных специальностей (отнюдь не одни этнографы). Вот, например, какую идею высказал экономист Г. Х. Попов: «Предложил бы, например, повнимательнее рассмотреть возможную роль национальных землячеств. Почему бы не поощрить их создание в городах, районах, областях, в любой республике. Да, где-то больше, где-то меньше представителей других национальностей, но у каждой — свои интересы, свои запросы, даже если это всего лишь один процент населения. В каждой административно-территориальной единице при Совете народных депутатов можно создать своего рода Совет национальностей с совещательными правами. Каждое землячество выберет в него депутатов; если землячество большое — больше, малое — меньше. Совет мог бы обсуждать и решать вопросы культурно-национального развития различных групп данного региона. Легко заметить, что предложенная схема воспроизводит давно оправдавшую себя в рамках Союза ССР практику Совета Национальностей».

Дальше Г. Х. Попов, рассматривая некоторые возможные конкретные формы деятельности местных Советов национальностей, подчеркивает, что их средства должны складываться из взносов членов землячества, причем членство в них стало бы сугубо добровольным, не подотчетным кому бы то ни было и не зависящим от записи о национальности в паспорте. Кстати сказать, такие Советы национальностей смогли бы, вероятно, решить проблему обучения на национальных языках, не посягая ни на права человека, ни на права народов.

Очень интересное предложение. Вот только, разумеется, не следует

рассматривать эти землячества как некие формы всеобъемлющей культурной автономии экстерриториального характера. Кроме того, не стоит, наверное, вводить такую форму обеспечения национальных культурных потребностей в действие сразу всюду, на всей территории нашей страны. Видимо, могут быть предложены и иные способы активизации национально-культурной жизни; их тоже следует опробовать, проверить в деле в конкретных живых условиях. Такая проверка важна уже потому, что каждая новая форма сможет не только продемонстрировать свою жизнеспособность на практике, но и получить по ходу ее важные усовершенствования.

Стоит вспомнить, что и система, скажем, союзных и автономных республик проверялась на практике. Вообще послереволюционные годы были временем широких социальных экспериментов; создатели Советского государства понимали, что конкретные формы общественной деятельности должны быть выработаны людьми на собственном опыте, пусть и не без ошибок.

Наше время возвращается к ленинской вере в силы и возможности народной инициативы. Остается добавить, что идея культурных центров уже осуществляется в разных формах в ряде городов страны.

Уверены, будут найдены такие способы активизации и организации в интересах всего общества, «национального фактора», о которых сегодня не догадываются даже будущие авторы этих способов.

Только, пожалуйста, давайте обойдемся без немедленного распространения всего найденного (в Карелии ли, в Узбекистане или на Таймыре) на всю страну. Унификация уже достаточно навредила нашему обществу; в применении к решению этнических вопросов, всегда тонких, деликатных, задающих порою даже самых «толстокожих» людей, она особенно опасна. Надо установить тут лишь некоторые общие принципы, вытекающие из самой сути ленинской национальной политики. Мы пока явно недостаточно используем и сам потенциал, заложенный в нашей системе национально-государственных образований уже и в ее нынешнем виде.

В свое время В. И. Ленин особо отметил, что к автономным национальным округам могли бы тяготеть «члены данной национальности, рассеянные по разным концам страны или даже земного шара»¹. Между тем представители Татарской АССР долго не могли добиться права использовать для передач на татарском языке коротковолновую радиостанцию. А ведь если в Татарской АССР волжские татары составляют примерно половину населения, то значительная часть самого этого народа живет за пределами Татарии, и поддержание «дальних» культурных связей для их этноса — задача очень важная. Чем, кроме боязни, «как бы чего не вышло», можно объяснить сопротивление такому серьезному и в то же время несложному делу?

На одном из совещаний по национальным проблемам ученых из Татарии сообщил и о том, что в течение многих лет общественность автономной республики не может добиться разрешения на установку в Казани двух памятников родившимся здесь замечательным людям: татарскому композитору и русскому певцу. Спрашивается, почему для разрешения таких «проблем» в автономиях вообще нужны указания из центра?

Как представляется (и это находит все большее отражение в законодательных актах), по многим параметрам права автономных республик, областей, округов должны быть приближены к правам союзных республик (тоже сейчас расширяющимся). Это относится не только к такой развитой национальной области страны, как Татарская АССР, опережающей по выходу продукции по крайней мере пять союзных республик. В конце концов есть большие и малые народы, но нет больших и малых национальных интересов.

Кстати сказать, еще в 30-е годы на территории нашей Родины существовали сотни (!) национальных районов и тысячи национальных сельсоветов. Эта форма позволяла учитывать особые интересы тех групп людей, что компактно жили на территории «не своих» национально-государственных

образований. Неудобными показались такие территориальные единицы административно-командной системе — и были ликвидированы. Официально признано, что сейчас настало время возродить их, хотя задача эта не так проста, как может показаться на первый взгляд.

Бесспорно, что национальные интересы, национальные предпочтения, национальные проблемы нуждаются и в гораздо более глубоком изучении, чем до сих пор может обеспечить советская этнографическая наука. Ей нужно в числе прочего очень сильное кадровое подкрепление. Посудите сами. В маленькой Норвегии три тысячи этнографов. А сколько этнографов-профессионалов в нашей стране, где их деятельность важнее, пожалуй, чем в любой другой? Всего тысяча. Сейчас, когда открылся широчайший простор для практического приложения выводов этнографов и особенно нужны этносоциологические исследования. Но и при нынешних своих силах этнографы не раз уже указывали обществу на болевые точки, где зрели обстоятельства, могущие вылиться в конфликты национального характера.

«Снизим» сейчас уровень разговора, обратимся к такой как будто специфической сфере, как брачные объявления: в них тоже проявляется отношение к людям других национальностей. Разумеется, из того, что конкретный казах предпочитает жениться на казашке, еврей — на еврейке и т. д., совсем не следует, что и друзей каждый из них выбирает только из числа людей своей национальности или отдаст безусловное и осознанное предпочтение контактам именно с соплеменниками, тем более не следует, что он плохо или настороженно относится к людям других народов. Тем не менее можно, как кажется, с достаточной уверенностью сказать, что откровенное декларирование огромным большинством населения некоторых многонациональных регионов этнических предпочтений такого рода — в лучшем случае признак некоторой национальной замкнутости.

Расскажем сейчас об одном конкретном исследовании. Но сначала кое-что — о технике подачи брачных объявлений, с которой, боимся, боль-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 148—149.

шинство наших читателей не знакомо.

В тексте объявления национальность, родной язык, язык общения, предпочтительные национальность и язык будущего супруга сообщаются только по желанию абонента. При этом в непубликуемую информационную карту сведения такого рода об абоненте и его пожеланиях (или отсутствии таковых) заносятся в обязательном порядке.

Исследование брачных объявлений, публикуемых в Уфе и Чебоксарах, показало, что женщины всех национальностей здесь больше склонны к межнациональным бракам, чем мужчины, но на практике, скажем, мужчины среди чувашей и татар чаще женятся на женщинах других национальностей, чем чувашки и татарки выходят замуж не за чувашей и татар.

Впрочем, и это различие между вроде бы желаемым и действительным, и многие другие особенности пристрастий, проявляемых в брачных объявлениях, можно объяснить тем, например, что одно дело — хотеть вступить в брак, а другое — уже состоять в нем, да и тем, что далеко не каждый человек склонен и решается дать брачное объявление...

Так или иначе, около 20% обратившихся в чебоксарскую службу мужчин-чувашей хотели жениться «обязательно на чувашке» (и еще 10% — «желательно на чувашке»). Характерно, что все это главным образом чувашки, живущие за пределами Чувашской АССР, да еще люди пенсионного возраста из сел и деревень самой республики.

Семьдесят пять процентов абонентов уфимской службы брачных объявлений сочли нужным указать свою национальность и (или) предпочтительную национальность будущего супруга; среди объявлений в Чебоксарах доля с такими указаниями — лишь 40%.

А вот в Алма-Ате признак национальности встретился в 92% брачных объявлений. Абсолютный рекорд!

Но поразительным было то, что вскоре же после опубликования этих объявлений вся страна была взволнована событиями в Алма-Ате. Молодые люди, в основном студенты местных вузов, выступили с национа-

листическими лозунгами.

Вскоре стало ясно: дело было не в подстрекательстве со стороны отдельных «активистов национального движения». Причина гораздо глубже. В течение немалого числа лет частью руководителей Казахстана в ряде сфер общественной жизни проводилась политика, которую можно, пожалуй, назвать чуть ли не политической «этнической сегрегации». Были вузы и факультеты в вузах, куда почти невозможно оказывалось поступить немцу, русскому, корейцу, уйгуру; поступление туда нередко искусственно затруднялось и для казахов, происходивших не из южных областей своей республики. Общежития же вузов подчас заселялись именно по национальному признаку.

Разумеется, политика такого рода не могла ограничиваться сферой высшего образования, она распространялась в той или иной мере на распределение жилья, трудоустройство и пр.

Мы вовсе не хотим сказать, что проводившаяся в Казахстане недавним его руководством политика не ущемляла в каких-то сферах и национальные интересы казахов. Вспомним, например, как мало было в больших городах Казахстана школ, где обучение велось на родном языке коренной национальности, вспомним о чрезвычайно низком уровне преподавания русского языка в здешних национальных школах, что объективно резко ограничивало для талантливой молодежи возможности дальнейшего обучения.

Надо сказать, что в нынешних конфликтах на национальной почве иногда далеко не лучшую роль играет творческая интеллигенция. Причем высокообразованные, гуманные по общему настрою мысли и чувств люди, отстаивая справедливо культурные и иные права народа своей республики, тут же выступают, сами того не замечая, с прямо противоположными по сути утверждениями, когда речь идет о правах живущего рядом меньшинства (или народа, имеющего автономию в пределах союзной республики), будь то русского или польского, как в Литве, гагаузского, русского, украинского в Молдавии, абхазского или осетинского в Грузии... Перечисление можно продолжать долго, слишком долго. Больных

(они же болевые) точек на теле нашей страны оказалось много; для того, чтобы вылечить их, нужны и силы, и терпение, и время, и мудрость.

«Легко» бывает бороться с национализмом у представителей того народа, к которому сам человек не принадлежит. И бывает, что эстонец придиричиво перечисляет приметы великорусского шовинизма, таджик вполне справедливо критикует националистические выступления узбекского писателя, еврей отмечает признаки антисемитизма в политике такого-то журнала, русский в Прибалтике отчетливо видит черты национального эгоизма в том, что говорят перед телекамерой некоторые лидеры народных фронтов... Но случается, что тот же самый эстонец уверенно говорит об особом эстонском стиле человеческих отношений, выигрывающем по сравнению с любым другим. Тот же самый таджик, ссылаясь на древнейшую культуру своего народа, находит, что узбекская сильно ей уступает и вообще его народ — самый поэтический в мире. Тот же самый еврей может настаивать на исключительной природной одаренности народа, к которому принадлежит. И тот же самый русский полагает, что литовцам или латышам не дано подняться до широты и духовности его собственного народа.

Еще сравнительно недавно казалось бесспорным, что и дальше в нашей стране в этнических процессах будет преобладать интегрирующая, объединительная тенденция, которая в течение долгих лет выступала на передний план. Но ведь и в самом преобладании ее в прошлом дело не обошлось без искусственного форсирования этой тенденции, сочетавшегося, что совсем печально, с пренебрежением к языковым и другим специфическим культурным интересам национальностей. Административно-командная система (а в ней так сильна практика унификации всего и вся) часто отрицательно относилась к любым проявлениям национального самосознания. Такого рода «линия сверху» многократно усиливалась местной бюрократией, пытавшейся превзойти в чем-то центральные ведомства, широко используя жупел «национализма».

Накопившиеся в сфере национальных отношений проблемы в условиях демократизации неизбежно вызвали всплеск национального самосознания, охватившего в той или иной мере все народы нашей страны. Это проявилось в усилении социальной активности по самым разным вопросам национальной жизни — от статуса национальных языков, расширения сфер функционирования и возрождения национальных культурных традиций до проблем экономического и политического суверенитета республик. При этом не обошлось без экстремизма, приводящего нередко к острым межнациональным конфликтам. В результате этнодифференцирующая тенденция заслонила этноинтегрирующие процессы.

Надо сказать, что не только в жизни нашей страны национальные проблемы занимают все более важное место, рост национального самосознания наблюдается повсеместно — и это в условиях научно-технической революции, которая усиливает давно идущий в мире процесс интернационализации, в условиях, когда в культуре большинства народов ослабевает этническая специфика.

Это противоречивое явление так и называют «этнический парадокс современности».

Будет ли и дальше в нашей стране этот парадокс проявляться все явственнее?

Известно, что соотношение указанных двух начал в национальной жизни в разных странах на разных этапах развития не остается неизменным: преобладает то одно, то другое. Так, например, в США после длительного периода явного преобладания интегрирующей тенденции (что и нашло отражение в известной концепции «плавильного котла») в 60-е годы наступает время так называемого этнического возрождения, этнического плюрализма, а в 80-е вновь начинает преобладать интегрирующая тенденция, в значительной мере в связи с усилением внимания к проблемам обеспечения равноправия национальных и расовых групп. Одним словом, наблюдается некая пульсация этничности. Этническая эйфория, всплеск этнического самосознания сменяется этнической толерантностью, ослаблением межэтнической

напряженности. И наоборот.

Поэтому столь большое значение ныне приобретают осуществляемые в нашей стране мероприятия по обеспечению подлинного равноправия народов; среди них общесоюзные законы о языке, гражданстве, национальных группах. Важнейшую роль в демократизации межнациональных отношений призваны сыграть меры по развитию и укреплению советской федерации. При этом большое значение придается экономической самостоятельности республик, в первую очередь союзных. Однако при этом не исключено возникновение определенных проблем. Ставится, в частности, вопрос об уточнении критериев выделения основных единиц, составляющих федерацию. Дело в том, что у ряда автономных республик (Татария, Башкирия) и население, и хозяйственный потенциал больше, чем у некоторых союзных (Эстония, Латвия, Молдова). А некоторые области (Московская, Ленинградская, Свердловская) и края (Краснодарский, Красноярский) сравнимы по тем же параме-

трам с целыми регионами (скажем, с Прибалтикой). Дают о себе знать авторитарические тенденции в некоторых республиках (введение республиканских платежных средств, принятие законов о миграциях, установление ценза оседлости при выборах и т. п.).

Неизбежен вопрос: надолго ли национальные проблемы не просто останутся на первом плане, но будут до такой степени будоражить все общество?

Мы полагаем, что по мере разрешения наиболее остро стоящих конкретных национальных проблем ситуация изменится. Дело не в том, чтобы «забыть» о национальном вопросе — надеемся, общество уже не позволит себе делать вид, что оно о нем забыло. «Просто» постепенно советское общество сильнее вовлекается в процессы социальной перестройки, и чем дальше, тем яснее должно становиться большинству, какие действия необходимо предпринять и в каких направлениях. В нашем случае это прежде всего обеспечение полного равноправия национальностей.

ТОФАЛАРЫ

До чего трафаретно звучат сегодня слова о том, что такой-то сибирский район вместит в себя Бельгию с Голландией! И все-таки мы не можем отказать себе в удовольствии сказать, что страна Тофалария — 27 тысяч квадратных километров — всего на одну десятую меньше по территории, чем Бельгия. И составляет Тофалария лишь часть Нижнеудинского района Иркутской области (а эта область в свою очередь на 40% больше Франции). Однако населяет Тофаларию в 10 тысяч раз меньше людей, чем Бельгию. И среди них в 1985 году три пятых составляли люди, называющие себя тофами, хотя ученые почему-то предпочитают именовать их более длинно и звучно: тофалары. Основные населенные пункты — три села. Кроме тофов там живут еще русские и украинцы, татары и буряты. Говорят тофы на одном из тюркских языков. До 1927 года они были кочевниками.

Маленький народ! Тем яснее видны на его примере некоторые этнические процессы.

Как ни далека земля тофов от промышленных центров, здесь тоже заключаются межнациональные браки. В 1976—1985 годах более половины тофаларов создало именно такие семьи. И за пятнадцать лет большинство родившихся детей появилось на свет в смешанных семьях. А между тем в 20-е годы был известен лишь один межнациональный брак, да и то он был заключен против воли родни. Но тофаларов в результате стало не меньше, а больше! По той простой причине, что наша национальная политика дает некоторые льготы людям из малых народов. И почти все дети из смешанных семей причисляют себя здесь к тофам.

В результате за последние полвека изменился нагляднейшим образом антропологический облик тофалара. До 20-х годов нашего

века тофы были ярко выраженными монголоидами; сегодня это, отмечает этнограф В. П. Кривоногов, «в основном смешанная монголоидно-европеоидная популяция, и со сменой поколений европеоидный компонент возрастает».

В 1979 году тофаларов в Тофаларии жило 476, в 1985 году — 596. 114 тофов живут в других местностях Иркутской области, а также в Ленинграде и Краснодарском крае, в Киеве, в Якутии, в Москве... По одному-два тофа можно найти во Владивостоке и Горьком, Симферополе и Воронеже... Словом, тут судьба тофов очень напоминает аналогичные ситуации у мордвы и башкир, эстонцев и белорусов — словом, народ этот, повторим, маленький, но многое у него — «как у больших».

Став оседлыми, тофы у себя на родине сохранили прежние занятия — оленеводство, охоту и таежные промыслы, прибавив к ним некоторые новые.

Что же они потеряли из черт этнической культуры? Самая, вероятно, серьезная из потерь — ослабление позиций тофаларского языка. Теперь лишь четверть владеет им свободно; да и те в семье разговаривают на нем больше с родителями, чем с детьми. А из каждых пяти детей четверо языка даже не понимают. Исчезновение национальной одежды из повседневного обихода — процесс, характерный для большинства народов мира, — здесь зашло довольно далеко. Традиционное жилище — чум кочевника — с переходом к оседлости стало исчезать, а сейчас даже охотники и пастухи на оленьих пастбищах в качестве временных жилищ ставят летом брезентовые палатки.

Разве что походная пища остается национальной, но ее готовят пастухи и охотники в тайге, а не дома. Что же все это означает? Ассимиляцию тофаларов русскими? Но этническое самосознание сохраняется, а численность народа вопреки тому, что характерно при ассимиляции, растет. Против ассимиляции работает и то, что тофы в Тофаларии составляют все-таки большинство, а сама она далека от транспортных магистралей (каждое из сел связано с Нижнеудинском авиацией как главным видом транспорта); не менее, пожалуй, важно, что сохраняются традиционные формы хозяйства.

Вот язык... Примерно половина взрослых тофов заявила этнографам, что необходимо создать тофаларскую письменность и начать преподавать национальный язык в школе. Другая половина считала, что заниматься теперь созданием собственной письменности — поздно и бесполезно. Исследователь бесстрастно (как и подобает в научной работе) отмечает: «Позиция первых не подкрепляется реальными действиями, поскольку они не учат своих детей тофаларскому языку».

Иными словами, перед нами «нормальный», довольно часто, как мы уже видели, встречающийся в истории процесс перехода этноса на новый язык. Перехода с сохранением этнического самосознания, имени, многих традиционных черт культуры.

5 Тенденции национального развития, аналогичные тем, что присущи СССР, имеют место и в странах Восточной и Центральной Европы, а также Азии, десятилетия ориентировавшихся на построение социализма. Многие из этих стран моноэтничны, например в ГДР немцы составляют более 99% всего населения, в Венгрии венгры — более 98%, столько же в Польше поляков. Наибольшая этническая мозаичность среди социалистических стран (после СССР) характерна для Югославии: около двух пятых ее населения составляют сербы, несколько больше одной пятой — хорваты, 8,2% — словенцы и примерно 8% — боснийцы (муслимане), около 7% — албанцы, около 6% — македонцы. В основном двуэтничной является ЧСФР, где чехов 64%, а словаков около 30%. Весьма своеобразной этнической структурой отличается Вьетнам. Здесь наряду с наиболее многочисленным этносом — вьетами, или кинями, составляющими почти 87% населения страны, имеется еще 53 народа, среди которых самые крупные (тай, мыонги и кхмеры) насчитывают менее миллиона человек (соответственно 850, 700 и 680 тысяч), а самые малочисленные — всего лишь несколько сот человек (например, этнические общины брау и оду имеют примерно по 200 человек).

В этих странах (как в моноэтничных, так и в полиэтничных) продолжают процессы внутринациональной этнической консолидации. Например, такого рода процессы отчетливо прослеживаются в наше время у хорватской нации, все больше стираются культурно-бытовые различия между отдельными этнографическими группами и субэтносами. Внутринациональный характер имеет и постепенная консолидация этнорегиональных групп в рамках словацкой нации. В ЧСФР уменьшаются разли-

чия между чешским населением Чехии и Моравии, а также между такими этнографическими группами в Моравии, как ляхи, горахи, ганаки и др. Растворяются в польской нации кашубы, которых одни исследователи считают самостоятельным этносом, другие — этнографической группой (субэтносом) польского народа (соответственно кашубский язык — диалектом польского).

Идут в рассматриваемых странах и процессы этнической ассимиляции. Главным их каналом выступают этнические смешанные браки. Весьма показательны данные о такого рода браках в современной Югославии. Прежде всего характерно, что за последнюю треть века их общее число в стране заметно возросло. Так, если в 1956 году смешанные в национальном отношении браки составляли 9,3% всех браков, то уже в 1963 году их удельный вес увеличился до 12,4%, а в 1974 году — до 13,5%, и такой рост продолжается. В большинстве случаев смешанные браки более часто заключаются в тех регионах, где представители неосновной национальности проживают разбросанно. Вместе с тем имеют место и явления другого характера. Так, албанцы редко заключают смешанные браки, даже находясь в инациональной среде, что обусловлено главным образом языковыми и культурно-религиозными различиями (албанцы ведь — мусульмане, браки между верующими мусульманами и христианами в большинстве стран — редкость).

В группе полиэтничных стран имеет место и тенденция к межэтнической интеграции. Правда, проявляется она пока не очень отчетливо. Даже в Югославии, где имеются наиболее значительные симптомы этого, видимо, можно говорить лишь о начале формирования в результате такого рода процессов метэтнической общности в масштабах всей стра-

ны. Субъективное выражение это получило в тенденции к возникновению общегославского самосознания. Все чаще поднимается вопрос о том, что термин «югославен» (югослав) может обозначать не только гражданство, но и национальную принадлежность жителей Югославии.

Нганасаны. Таймыр
Деревенские девушки.
Индия

Белорусские девушки на
празднике урожая

Украшение ярмарки.
Брянск

За использование этого термина для обозначения вообще национальной принадлежности (вместо прежних этнонимов — серб, хорват, словенец и т. п.) наиболее активно выступает молодежь; широко обсуждается данный вопрос и в общественно-политической литературе страны. Однако в Югославии немало и противников

этого предложения. Тем не менее показательно, что переписи населения в стране свидетельствуют об увеличении числа лиц, которые, определяя свою национальную (этническую) принадлежность, именуют себя югославянами. В целом в Югославии люди, признавшие себя югославянами, в 1971 году составляли лишь

несколько более 1%; через десять лет — уже более 5%, сейчас их число еще примерно удвоилось. Характерно, что больше всего людей с таким самоназванием там, где наиболее сложен национальный состав населения — часто это дети от смешанных браков.

Процессы межэтнического сближения народов не ограничиваются рамками отдельных государств. В той или иной мере они охватили все страны, ставившие задачу построения социалистического общества. Первостепенную роль в данном отношении сыграл рост культурного уровня широких народных масс, в частности подъем образования, выступающий важнейшим инструментом устранения унаследованного от прошлого культурного неравенства.

Новые демократические принципы в сфере просвещения получили выражение и в развитии общеобразовательной сети школ для национальных меньшинств. Так, в ЧСФР помимо чешских и словацких школ были открыты школы с преподаванием на польском, венгерском и украинском языках. В Польше начали работать начальные и общеобразовательные школы и лицеи для украинского, белорусского, русского и литовского населения.

Следует отметить, что в настоящее время крупные группы венгров расселены за пределами Венгрии, в частности в Румынии, ЧСФР и Югославии. В течение десятков лет это обстоятельство использовалось для разобщения стран.

Венгерское руководство не раз подчеркивало свое стремление к тому, чтобы живущие в Венгрии граждане немецкой, словацкой, южнославянской, румынской национальностей и венгры, живущие в соседних странах, содействовали углублению дружбы и интернационального сотрудничества между народами. Говорили эти руководители и о том, что ждут от венгров, живущих за рубежом, чтобы те, сохраняя свою национальную культуру, были достойными гражданами стран, в которых живут, способствовали общественному прогрессу, дружбе между народами.

Как свидетельствует исторический опыт, для преодоления проявлений

национальной ограниченности и эгоизма особое значение имеет неуклонное проведение в жизнь принципов интернационализма, прежде всего обеспечение гармоничного сочетания интересов каждой нации и всех стран, идущих по пути социализма.

Для упрочения интернациональных черт в духовной жизни этих стран особое значение имеют их дружественные связи. Между ними действует множество соглашений, охватывающих комплекс вопросов, связанных с межгосударственным культурным сотрудничеством, регулирующих культурный обмен (поездки ученых и студентов, обмен театральными коллективами, кинофильмами и т. д.). В широких масштабах осуществляется взаимодействие в области просвещения и образования, науки.

Все эти растущие контакты немало способствуют как выравниванию культурного уровня, так и укреплению общности духовной жизни. Материальной основой такой общности выступают совместное планирование и интернациональное разделение труда.

К сожалению, национальные отношения и в братских странах развиваются крайне сложно в условиях социально-экономического и идеологического кризиса. Далеко зашли национальные конфликты в автономном крае Косово в Югославии. Большинство здесь составляли албанцы — и экстремисты из их числа некоторое время назад начали целенаправленную кампанию, добиваясь давлением и угрозами, чтобы местные сербы и черногорцы покинули Косово. Центральное правительство было вынуждено принять решительные меры по пресечению этой кампании.

Высоко социально развитая Словения подчеркивает, что вносит гораздо больший вклад в экономику страны, чем аграрная Македония, где общественный труд гораздо менее производителен, и требует на этом основании себе больших прав. Скупщиной Словенской республики принят закон о праве республики на выход из федерации. Сохранились очаги местного национализма и в других составляющих Югославию республиках, временами там или тут растут сепаратистские настроения.

Заметим, что и здесь не только фоном, но и в значительной мере основой для национальных трений служит ухудшение экономической конъюнктуры: в последние годы в Югославии не растет производительность труда, возникает угроза снижения жизненного уровня в результате инфляции. Между тем уже довольно давно проблема безработицы разрешается в Югославии за счет выезда многих сотен тысяч людей на временную работу в развиготы капиталистические страны. Но это в свою очередь порождает немало проблем.

Отчетливо видно, как сказываются социальные трудности на национальных проблемах, и на примере Венгрии.

Здесь в последние годы неблагоприятная экономическая конъюнктура для традиционного вывоза и некоторые неоправдавшие себя хозяйственные мероприятия, отсутствие достаточной гибкости руководства отрицательно повлияли на уровень жизни — и вот уже приходится признавать и рост националистических настроений.

Мы уже писали о том, что во входящей в состав Румынии исторической области Трансильвании живет немалое число венгров, немцев, представителей других национальных меньшинств. Намерения румынского правительства организовать в Трансильвании укрупнение населенных пунктов было воспринято многими здесь с большими опасениями: в городах и больших поселках переселенцы из деревень и поселков маленьких могут потерять прежние возможности сохранять и поддерживать унаследованные от предков язык и культуру. С

протестами против такой политики выступила Венгрия.

И как не отметить, что непосредственным поводом событий, в результате которых рухнула диктатура Чаушеску, стали выступления в Тимишаре против ареста венгра-священника. В его защиту поднялись не только румыны, но и граждане других национальностей.

Поразительную и грустную картину являли в течение нескольких лет попытки прошлого руководства Болгарии заставить турок-мусульман принять общеболгарские имена и фамилии, ограничить их в религиозных и национальных правах. Это привело, увы, только к массовому выезду граждан Болгарии за рубеж.

А вот ГДР не только деятельно поддерживает развитие на своей территории культуры лужичан (о чем мы уже говорили); в 1989 году здесь решено было предоставить избирательные права всем иностранным гражданам, более восемнадцати месяцев прожившим в ГДР. Интересный и демократический шаг. А открытие границы между ФРГ и ГДР и последующее их объединение будут, несомненно, способствовать консолидации немецкого этнического.

На приведенных примерах, как и на нашем собственном опыте, хорошо видно, что само по себе провозглашение высоких общественных идеалов не ведет к немедленному приближению реальности к этим идеалам; точно так же самые благородные лозунги остаются только лозунгами, если они не обеспечиваются в полной мере делом. Это так же, очевидно, относится и к области национальных отношений.

ЗА ПРАВО НА МИРНУЮ ЖИЗНЬ

На XI Международном конгрессе антропологических и этнологических наук, состоявшемся в Канаде в августе 1983 года, впервые в истории этих конгрессов работал специальный симпозиум «Мир и война: антропологические перспективы». Несмотря на различия в понимании происхождения и природы войн, подавляющее большинство докладчиков на симпозиуме было едино в том, что война является аномалией в жизни человеческого общества, а мирные отношения между народами — нормой его существования. Участники симпозиума единодушно осудили нагнетание военной истерии, высказывались за мир и сотрудничество между народами. На конгрессе была учреждена Международная комиссия этнологов по изучению проблем мира. По инициативе советской делегации было принято

воззвание против угрозы ядерной войны. «Сегодня все человеческое, — говорится в нем, — может быть уничтожено в считанные часы и даже минуты. После тотальной ядерной катастрофы представляется едва ли вероятной возможность сохранения биосферы и самой жизни. Антропологи и этнологи в большей мере, чем другие ученые, осознают достижения и ценность культур мира, развивавшихся в течение тысячелетий во всех уголках планеты».

Проблема войны и мира давно уже находится в поле зрения этнографии.

Суть этой проблемы формулируется очень коротко: присуща ли война природе человека, как считал, скажем, известный английский философ Г. Спенсер? Существует несколько концепций, авторы которых пытаются ответить на этот вопрос.

Одна из наиболее известных — теория врожденной агрессивности человека — в последние десятилетия связывается с именами известного этолога К. Лоренца, не менее известного анатома Р. Дарта и популяризатора их идей писателя Р. Ардрея. По утверждению ее последователей, всему живому свойствен инстинкт агрессии. Потребовалась острая критика со стороны многих современных этнологов (Р. Холлуэя, М. Салина, Э. Лича, А. Монтегю и др.), чтобы показать несостоятельность этой идеи.

Некоторые психологи считали агрессию естественной реакцией на любые помехи и препятствия, встающие перед живым существом. Этнографы и антропологи показали, что по крайней мере для человека такую реакцию никак нельзя назвать всеобщей. Наконец, известное распространение получила экологическая концепция агрессии, связывающая ее природу с недостатком жизненных ресурсов. Развитая преимущественно американскими эколого-антропологами, она встретила аргументированную критику со стороны их же коллег, обративших внимание на крайнюю узость такого набора мотивов агрессии.

Прогрессивные этнографы, антропологи неизменно выступали против учений о извечности войны, развивавшихся некоторыми представителями смежных наук. К чести самих этнографов надо сказать, что и в наиболее курьезных их теориях война никогда не выступала как изначальное состояние человечества. Так, например, даже сторонники взгляда на войну как на один из элементов распространения культуры от народа к народу признавали, что война была «изобретена» сравнительно поздно и стала известна лишь определенной части человечества.

Еще важнее другое. Именно этнография показала, что война на ранних ступенях общественного развития лишь зарождается в виде эпизодических вооруженных столкновений, распространенным же явлением она становится только с появлением и развитием классов и государства. Эту позицию развивал Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства». Именно такое понимание собственно войны как исторической, а не вечной формы отношений, возникающей уже в ходе распада первобытного общества, и присуще марксистской науке.

К сходным выводам приходят и не примыкающие к марксистам ученые Запада. Так, американский социальный антрополог У. Ньюкомм выделяет четыре типа военной активности: короткие стычки между локальными группами охотников, собирателей и рыболовов; «примитивные войны» в обществах ранних земледельцев и скотоводов; «настоящие (экономически обусловленные) войны» в разделенных на сословия и классовых докапиталистических обществах; современные войны в обществах, переживших индустриальную революцию.

Хорошо известно, что этнография больше, чем какая-либо другая научная дисциплина, изучала народы, отставшие в своем куль-

турно-стадиальном развитии и ныне стремящиеся преодолеть эту отсталость, обеспечить себе достойные условия существования. Большинство таких народов живут в странах Азии, Латинской Америки, Африки, которые сами по себе представляют зону бурных общественных преобразований, где еще далеко не закончился процесс социального и политического освобождения от наследия колониализма и неокOLONиальной зависимости. Ясно, что это зона, где сегодня чаще, чем в других районах, состояние общественных отношений характеризуется понятием «война». Ясно также, что войны в этом районе несут опасный для дела всеобщего мира характер и могут послужить источником глобального конфликта.

Как же совместить исторически объективное, вполне законное стремление людей и целых народов изменить, улучшить условия своего социального существования, осуществить революционные преобразования с задачей сохранения мирных отношений между народами и государствами, с задачей предотвращения мировой войны?

Большинство ученых сегодня согласны, что сохранение социокультурного статус-кво для этих народов едва ли приемлемо. Идея оберегания «культурных резерватов», «счастливой первобытности» себя скомпрометировала прежде всего в глазах самих аборигенных групп населения, желающих преодолеть свою отсталость и улучшить жизнь.

Надо попытаться определить оптимальные пути развития остальных народов в современном мире. Тут должен помочь научный анализ при использовании сравнительно-исторического метода. В Азии, например, можно было рассмотреть и сравнить опыт развития за последние семьдесят лет схожих в прошлом в культурном отношении кочевых и полукочевых народов советской Средней Азии и стран Среднего Востока. Поиск оптимальных вариантов социокультурного развития, отвечающих прежде всего интересам самих народов, — это не абстрактная социоэтнографическая проблема. Без ее решения не устранить напряженности и конфликтов, не установить действительно мирных отношений между народами. И этнографы не могут стоять в стороне от этой проблемы.

Исторический опыт мирных отношений заслуживает в наше время самого энергичного изучения и широкой пропаганды среди общественности. Люди должны проникнуться мыслью, что не в дни войны, а в дни мира создавалась человеческая цивилизация: строились жилища и мосты, дворцы и храмы, обрабатывались поля и печатались книги, процветали ремесла, науки и искусства. Изучая опыт истории и современные процессы в жизни народов, ученые могут оказать большую помощь в создании своего рода «кодекса мира» — свода норм и правил мирной жизни между народами.

6

Любить человечество легче, чем сделать добро соседу. Умей делать добро соседу.

Григорий Сковорода

Помни всегда, что разница между различными народами не так велика, как мы воображаем. На картах и в атласах различные страны окрашены в разные цвета. Народы, без сомнения, отличаются друг от друга, но во многом они схожи друг с другом, и об этом важно помнить и не позволять различным цветам на карте и государственным границам сбивать себя с толку.

Джавахарлал Неру

На ярмарке пряжа обучает
девушек своему старинно-
му ремеслу. Брянск

349

ПРЕДКИ ЖИВУТ В ПОТОМКАХ

6 Мы говорим о рождении и жизни этносов. Приходится при этом вспоминать и исчезнувшие народы. Где теперь пикты, ставшие когда-то одним из компонентов шотландского народа? Нет на земле вавилонян, как и италиков, нет хазар или франкийцев...

Но человечество — цепь, кольца которой — народы, и эта цепь не может разомкнуться. История — тоже цепь, в которой каждое звено, даже забытое, деться никуда не может. Потому что все мы, принадлежащие к живым народам, наследники тех, кто жил до нас.

Исчезая, народы все равно остаются на Земле: в переданных другим народам чертах лиц, в звуках и словах чужих языков, в открытиях и изобретениях, ставших частью общего богатства человечества. Исчезая — остаются. Одно из доказательств этого факта — судьба народа, сама гибель которого вошла в поговорку еще тысячу с лишним лет назад.

В VI веке н. э. в Европу ворвались авары. Даже после гуннов и вандалов сумели авары показаться беспримерно страшными. Через несколько столетий древнерусский летописец описывал, как впрягали авары (он называл их обрами) женщин славянского племени дулебов в свои колесницы.

Ко времени, когда летописец сделал эту запись, русским довелось насмотреться на византийскую спесь. Знакомо им было и высокомерие скандинавских конунгов, то воевавших с Русью, то служивших ей.

Но наверное, спесью авары были еще богаче. Потому что летописец не только специально отметил, что «бяху бо обри телом велици, а умом горди», но и нашел, что именно эта гордыня навлекла на авар гнев судьбы: «И потреби я Бог (истребил их бог) — и помроша вси, и не оста ни един Обрин...» И даже того мало.

Летописец кончает рассказ пословицей, одной из первых русских пословиц, перешедших из устной речи на бумагу (вернее, пергамент): «И есть притча в Руси и до сего дни: погибоша аки Обре; их же несть ни племени, ни наследка...»

Не осталось ни имени, ни потомства — так переводится конец пословицы. Остро переживает эту победу справедливости древнерусский историк. Видно, не много знал он таких побед.

Конечно, не сами собой исчезли авары-обры с лица земли. Их держава, охватывающая юг Восточной и Центральной Европы, сама готовила себе гибель, невольно способствуя сплочению покоренных славянских и иных племен, до того разрозненных, а теперь вынужденных объединяться.

Первый взрыв возмущения — восстание восточных славян-антов — хозяевам державы удалось подавить. Тридцать захваченных антских вождей были казнены, а антский союз племен разгромлен так жестоко, что само имя антов перестало употребляться. Впрочем, это, может быть, зависело уже от других причин. Ведь именно население мест, где жили анты, стало именоваться Русью. Возможно, народ просто сменил имя; так бывает.

Неудача первых повстанцев не обескуражила аварских подданных. Новый удар получила держава от западных славян. Восстали чехи, образовав свое первое государство, которое возглавил странствующий торговец по имени Само.

Объединенные славянские племена на востоке Балкан тоже наносили удар за ударом по ненавистным врагам. Новое возникшее здесь государство — Болгария — становилось все сильнее, все решительнее наступало на север, тесня обрыв. Наконец далеко на западе от Балкан образовалось единое государство франков, ставшее при Карле Великом империей.

ей. В число военных предприятий императора Карла входит поход на Аварский каганат, кончившийся полным поражением авар. Государство сохранилось, но ценой признания зависимости от франков. Карл Великий посадил на его трон крещеного кагана. Часы не только государства, но и самих авар как народа были уже сочтены. Прежде чем закончился IX век, они растворились в массе народов, среди которых жили и от которых их перестали отделять былые власть и властность.

Всего два с половиной века процарствовалось в Европе государство, основанное пришедшими из центра Азии кочевниками. Всего три с небольшим столетия довелось существовать этносу авар на европейской земле. Много это или мало?

Казалось бы, много. Царство и народ гуннов процарствовались в Европе еще меньше, как в Азии огромная империя, образованная монголами.

Но авары-то создали свой каганат в другую эпоху — эпоху, когда новорожденные государства нередко укоренялись и начинали долгий путь через века. Лишь на 100 лет позже аварского появилось на свет Болгарское царство, получившее свое имя от завоевавших часть Балканского полуострова болгар (булгар) — тоже, как и авары, кочевого тюркского племени. И что же? Болгарии давно уже перевалило на второе тысячелетие.

Дело, видимо, и в том, что тюрки-болгары быстро приняли язык и культуру завоеванной страны, слились с коренным населением ее, стали его частью. То же случилось с вторгшимся в Галлию германским племенем франков, которому Франция обязана своим названием.

А вот аварская знать не желала родниться с жителями завоеванных стран. Она всячески подчеркивала свою власть и унижала покоренных. Горький рассказ летописца о том, как обы в земле дулебов, собираясь куда-либо поехать, впрягали в телегу не коня или вола, а женщин-дулебок, — воспоминание о жестокости, и жестокости, с точки зрения самих завоевателей, отнюдь не бессмысленной. Это, видимо, было одним из способов подчеркнуть расстояние между покорителями и покоренными, одним

из проявлений «нестерпимой гордыни» авар, возмущавшей дальние и близкие племена. И — одной из причин, по которым рухнула аварская держава. Знать небольшого народа не могла править огромными просторами Центральной и Восточной Европы без опоры хотя бы на местную знать.

Не стали авары основой для какого бы то ни было народа или хотя бы социальной группы в нем. Как река теряется в песках, потерялись авары в бурной многоплеменной Европе.

И все-таки не зря мы заговорили о них. Свой след, не вполне затерявшийся даже в наши дни, авары оставили. Некоторые унаследованные от авар признаки видят венгерские ученые в облике части жителей своей страны, а также у трансильванских венгров, живущих среди румын. Это довольно естественно: как раз в тех местах был когда-то центр аварской державы.

Значит, остались на Земле люди с аварской, хотя и не только аварской, кровью в жилах. Остались потомки и наследники, начисто забывшие, увы, об этом корне своего родословного древа. Впрочем, упрекать их в этом особенно не приходится: у родословных деревьев корней часто куда больше, чем бывает их у деревьев обычных. И почти каждый такой исторический корень под взглядом исследователя сам оказывается деревом с собственными корнями.

Кем были авары? Откуда пришли в Европу и как выглядели люди, ставшие на век или полтора грозой для ее народов? Вопрос об их происхождении окончательно не решен.

Может быть, как считает Л.Н. Гумилев, в аварский народ объединились в Поволжье два разбитых врагами племени. Одно из этих племен происходило от сарматов, древнего населения южных степей нашей Родины. Другое было по языку угорским, т. е. родственником прежде всего нынешним венграм.

По мнению ряда других историков, авары — остатки народа жужаней (жуан-жуаней). Того самого, возникшего, как предполагается, из осколков и изгоев многих племен народа, о котором у нас уже шла речь в главе «Римская модель». Жужани создали в IV—V веках н.э. великую державу в

Центральной Азии. Жужаням платили дань китайские императоры, народы Алтая и части Средней Азии. Но уже в VI веке н. э. эта держава была разгромлена. Спасаясь от победителей, жужани, согласно этой версии, прошли из центра Азии тысячи километров до Волги и перешли ее уже под именем авар.

Так или иначе, но на своем пути авары, кем бы они ни были, включили в себя представителей многих народов. Сейчас в Венгрии при раскопках в аварских могильниках находят кости, судя по которым среди авар были люди и с европейскими (европеоидными, говоря на точном языке антропологов), и с монгольскими (монголоидными) чертами внешнего облика. Но есть одна закономерность: чем богаче могила, тем больше шансов встретить монголоидные черты у ее хозяина. Получается, что аварская знать практически не смешалась с чужеземцами и донесла до центра Европы свой первоначальный азиатский облик. Лишнее подтверждение гневных слов летописца об аварской гордости. Выходит, и весь народ авар когда-то — до грандиозного перехода от центра Азии к центру Европы — был монголоидным по внешности, с узкими черными глазами, широкими скулами и черными волосами. И многие детали этой внешности перенес он через Карпаты и Дунай.

Итак, потомство авары все-таки оставили на Земле. Но сейчас уже трудно узнать, что еще они завещали человечеству. Какие черточки аварской культуры переняли славяне или германцы? Какие слова получили из их языка венгры или другие народы, встреченные аварами на пути? Никто не скажет. Но что-то аварское все-таки должно было войти в быт покоренных народов. Хотя бы несколько слов, хотя бы какой-нибудь местный обычай. Невелико, может, наследство, а все-таки оставлено, теперь от него и нарочно не откажешься, пусть и досталось от жестоких поработителей, хотя бы потому, что не знаешь, каково оно на самом деле, из чего состоит.

Великан — по-чешски «обр»; польское слово, означающее «великан», тоже образовано от имени обров. Есть, заметим, какой-то странный

закон, по которому воинственные враги предков начинают казаться потомкам великанами. По-немецки «великан» звучит так же, как «гунн», и русское слово «исполин» обязано своим рождением древнему племени спалов.

Но все это, согласитесь, мелко для того, чтобы говорить о видимом аварском наследстве.

Ну а имя авар как название народа встретишь теперь только в летописях да исторических трудах. Зато очень на него похожим именем аварцев называют дальние и близкие соседи дагестанский народ, который сам себя зовет совсем иначе — маарула.

Да, бывает, что одно и то же имя появляется вдруг у никак не связанных между собой народов. Можно вспомнить Албанию на Балканском полуострове и Кавказскую Албанию — так в древности называли Азербайджан. И прибавить к ним еще одну Албанию — в раннем средневековье под этим именем знали Шотландию. Или взять другой пример: Иберию — Испанию и Иберию (Иверию) — Грузию (впрочем, иберов и иверов некоторые ученые считают дальними родственниками).

Во всяком случае еще во II веке н. э., задолго до прихода в Европу авар-обров, древнегреческий ученый Птолемей писал о кавказских савирах, живших примерно там же, где нынешние аварцы. Позже — видимо, по законам языка — савиры превратились в саваров, потом в аваров. Впрочем, предлагались и другие варианты происхождения этого имени. Один из них поминает аваров-обров, этот вариант дает грузинская летопись, по сообщению которой аварцы Северо-Восточного Кавказа и есть те древние авары, которых разбил, взял в плен и поселил в Дагестане грузинский царь Гурам. Однако это сообщение ученые считают легендарным. Кстати, «Слово о полку Игореве» упоминает именно этих кавказских аваров, говоря о «шеломах оварьских», видимо славившихся уже в ту пору, как славятся и сегодня изделия дагестанских кузнецов.

Итак, осталось на земле имя авар-обров, хотя и не у их потомства, и есть у них потомство, хотя и под другим именем. Огорчаться или радоваться тому, что пословица тысячелетней

давности оказалась не совсем верной? С одной стороны, летописцу судьба авар казалась свидетельством того, что есть на земле справедливость. С другой стороны, не бывает же, чтобы народ целиком заслужил исчезновения и забвения.

Скифы жили в Восточной Европе за многие столетия до того, как здесь

Девушка-аварка тклет ковер
В «Витославицах» — музее
деревянного зодчества под
Новгородом

Уголок Сан-Франциско
Ветряная мельница. Заповедник
«Малые Корелы»
на Русском Севере

353

появились авары-обры. А исчезли окончательно, по-видимому, примерно в одно время с ними, растворившись среди славян (хотя еще до того большая часть скифов была ассимилирована родственными племенами сарматов, а также, вероятно, другими кочевниками и некочевниками, проходившими через земли, когда-то при-

надлежавшие скифам).

Да, исчезли. Но несомненен скифский след в культуре и языке русских и украинцев. Сверх того, археологические исследования последних лет показали, что скифы входят в число предков многих кавказских народов, в том числе грузин, абхазцев, кабардинцев, чеченцев, адыгейцев. Это —

результат великих скифских походов на юг, походов, проделанных в VII веке до н.э.: часть скифов тогда поселилась на Кавказе и в Закавказье. После же того, как в могильнике близ слияния Волги и Ветлуги, на территории Марийской АССР, оказались найдены скифские вещи да сверх того ряд предметов из кавказских культур, стало ясно, что часть скифов ушла когда-то жить и в эти северные лесные места. Кстати сказать, тем самым подтвердилось сообщение Геродота о ссоре части скифов с главенствующим племенем и о том, что бунтари ушли далеко на север. Значит, они растворились среди народов Поволжья; их могут сегодня числить среди своих предков и марийцы.

Задолго до скифов исчез этнос (или этносы), создавший великую протоиндийскую культуру, которую мы теперь называем Хараппской цивилизацией. Больше тридцати веков об этой культуре не знали даже прямые потомки ее создателей. Но вот при раскопках нашли следы великой цивилизации, расшифровали оставшиеся от тех времен надписи, изучили вещи и рисунки...

И тут ученые увидели, что в многовековой индийской культуре можно разглядеть общую древнюю основу — хараппскую, протоиндийскую. Ее отзвуки и отзвуки исследователи находят теперь и в главных типах традиционных фольклорных и литературных сюжетов, и в календаре, и в некоторых религиозных представлениях, и в философских идеях; а кое-где в селах ремесленники-гонимые и сейчас лепят из глины статуэтки, изображающие идолов, а после поклонения им во время праздников разбивают эти статуэтки или топят... Но точно такой же обряд был у протоиндийцев!

Мы не знаем самоназвания этноса, создавшего эту древнюю культуру. Мы не знаем даже, как звали его ближние и дальние соседи. Но наследники безымянного народа живут на Земле и сегодня — в число их входим, вслед за современными индийцами, и мы с вами, потому что не исчезла полностью культура Хараппы.

В более близкое к нам время трагическая судьба постигла антильских индейцев.

Антильские острова... Куба, Гаити, Пуэрто-Рико, Ямайка и др. Они и

сегодня густо населены. Но не индейцами.

Судьба коренных жителей этих земель была жестока. Чистокровных антильских индейцев нет больше на Земле. Сравнительно немного даже людей, в жилах которых течет доля антильской крови, а во внешности заметны черты предков; но имеют эти люди ту же культуру, что и остальное население Кубы, и говорят, как оно, на испанском языке.

Итак, исчез народ или, вернее, народы, обитавшие на Антилах. Нет больше на Земле индейских племен, что первыми встретились с испанцами.

Но на Кубе и Гаити, на Багамах и в Пуэрто-Рико живут в языке названия животных и растений, унаследованные от коренных жителей. Многие острова зовутся своими древними именами, сотни селений несут в своих названиях древние сочетания звуков, оставленные исчезнувшими индейскими этносами.

И не только сами Большие Антилы хранят память о тех, кого больше здесь нет. Именно в этих местах европейцы впервые увидели кукурузу — и с Кубы пришло в мир индейское слово «маис».

Качаясь в гамаке, вы пользуетесь даром антильских индейцев — даром, сохранившимся во многих странах мира свое индейское имя. И «табак» — тоже антильское слово, хотя в ценности именно этого наследия есть серьезные основания усомниться.

О том, сколько индейцев жило на Антильских островах, спорят. Цифры называют самые разные — от немногих сотен тысяч до нескольких миллионов. Наследство они оставили миллиардам людей. И — парадокс истории, но не такой уж редкий — современные народы Антильских островов, потомки прежде всего европейских завоевателей и их вывезенных из Африки рабов, а также иммигрантов более позднего времени, чтут память индейцев, гордятся их борьбой за свободу, уверенно причисляют антильцев к своим предкам вопреки грустным фактам. Что ж, в этом, право, можно увидеть торжество исторической справедливости.

...Для полноты картины стоит сказать, что тот карибский (индейский) язык, на котором говорили на Малых

Антильских островах, не исчез до конца. В XVIII веке с одного из этих островов были вывезены в Центральную Америку общие потомки индейцев и беглых африканских рабов. Эти «черные карибы» и теперь хранят верность языку своих индейских предков...

Этносы прошлого продолжают

Гончар на празднике Ивана Купалы. Украина

Женщина с ребенком. Панама

В заповеднике «Малые Корелы»

За старинным ткацким станком. Украина

355

жить в нынешних народах, как родители живут в детях.

И если авары-обры и антильцы оставили следы, которые большей частью совсем не так легко различить, то вот пример этноса, тоже исчезнувшего, но оставившего множеству своих потомков богатейшее наследство, передавшего им и богат-

ства своего языка, и многие культурные традиции, а порою — и имя.

Речь идет о тех, кого русские летописцы звали половцами. Известен этот народ также под именем кипчаков и куманов (мы уже говорили о нем в книге).

В X—XI веках кипчаки появились в Средней Азии и Европе и заняли

огромное пространство от озера Балхаш до Дуная. Кипчакам принадлежала большая часть великого пояса степей, полупустынь и пустынь, протянувшегося почти через всю Евразию. По одному из их имен весь Восток на долгие столетия стал звать степи от нынешней южной границы Украины и почти до Алтая кипчакской землей — Дешт-и-Кипчак. А Русь звала свой бескрайний юг Половецким полем.

Половцы-кипчаки-куманы были частью очередной волны кочевников-тюрков, двинувшихся на запад из Центральной и Средней Азии. Их южные дальние сородичи — огузы — примерно в это же время создавали огромную Сельджукскую державу на землях Малой Азии, Ирана, юга Средней Азии и части Закавказья.

Русские воевали с половцами и заключали с ними союзы, постепенно подчиняли их своему культурному влиянию. При этом в русскую культуру проникали некоторые детали половецкой культуры, отдельные слова из языка половцев до сих пор живут в русской речи.

В момент прихода на Русь монгольских полчищ русские князья и половецкие ханы были в общем союзниками. В страшной битве на реке Калке русские дрались бок о бок с недавними врагами против новых, общих и более страшных врагов. Были разбиты. А новый поход монголов на Восточную Европу, возглавляемый уже Батыем, стал еще более трагической вещью в истории и русских и половцев.

На долгие годы половецкие степи стали заповедником, откуда монгольские ханы и военачальники черпали в периоды «денежных затруднений» рабов на продажу. Кипчаки были ходким товаром. Их считали красивыми, ценили за силу, во многих странах Европы, Азии и Африки стало модным иметь раба из этого народа.

Половцы, вывезенные со своей родины как рабы, постепенно растворились среди населения многих стран мира.

Но до этого кипчакские рабы-воины, между прочим, успели захватить власть в Египте и удержать ее на сотню с лишним лет. И половец Бейбарс во главе армии из рабов-воинов (мамелюков) разгромил двигавшихся на Египет монголов, получив проз-

вище Абуль-Футух, что значит «отец победы». Десятилетним мальчиком купили угнанного монголами из родных степей Бейбарса на рынке рабов — а стал он султаном Египта, героем легенд, сложенных на его новой родине.

Что же случилось с теми, кто избежал не только монгольского меча, но и аркана? Десятки тысяч кочевников смогли уйти с родины древним путем на запад, вышли к Дунаю, были приняты в Венгрии и стали в конце концов частью венгерского народа. До сих пор, как уже упоминалось, в Венгрии живет особая этническая группа «палоци» — прямые потомки и наследники имени половцев. Многие же кипчаки после кровавого конфликта с мадьярской знатью ушли и добрались до Болгарии, с которой половцы давно были связаны — иногда союзами, иногда враждой. И одно время в Болгарии даже правила половецкая по происхождению династия Тертеровичей.

Некоторое число половцев расселилось среди русских и предков белорусов в лесной полосе Восточной Европы. Одно время на территории только нынешней Брестской области, по подсчетам историков, было до сорока половецких поселений.

Но особенно важную роль в этнической истории Евразии сыграли те из причерноморских кипчаков, которые отступили из своих открытых врагу степей на север и северо-восток — в леса Поволжья и Урала. И те, что отошли на юг и юго-восток — на Кавказ. И те, что остались жить в степях Средней Азии.

Сами татаро-монголы на значительной части половецких земель оказались поглощены и растворены более древними хозяевами степей. Официальным языком основанного ханом Батыем государства, Золотой Орды, стал кипчакский.

Слово «кипчак» прочно вошло во многие родоплеменные названия на землях башкир, казахов, киргизов, кумыков, туркмен, алтайцев... Кровь кипчаков, хотя и не только она, течет в жилах практически всех народов Поволжья — чувашей, башкир, татар, марийцев... На юго-западе от Волги, на Кавказе, половцы передали свой язык кумыкам, жителям Дагестана. Казахи — тоже законные

наследники кипчаков, как и, правда в меньшей степени, туркмены.

Часть кипчаков бежала в Приэльбрусье и смешалась с обитавшими здесь аланами и людьми некоторых других племен. По мнению ученых, это было важнейшим шагом на пути к возникновению современных карачаевской и балкарской народностей...

Среди тюркских языков выделяют особую кипчакскую группу; к ней относятся языки башкир, татар Поволжья, крымских татар, ногайцев, карачаево-балкарский и кумыкский на Кавказе, языки караимов в Крыму и Литве, казахов и каракалпаков в Средней Азии. Но и в туркменском, и в узбекском, и в киргизском языках тоже есть черты, унаследованные от языка кипчаков.

Предки живут в потомках.

История народов продолжается десятки тысяч лет. Письменной истории как науке — двадцать пять веков, археология же и этнография намного

молже. Но ученые успели узнать о прошлом народов очень многое. И с каждой открытой ими исторической связью древних этносов на нынешней земле все больше современных народов становятся родственниками. То, что в числе «предков» и у русских, и у марийцев, и у чеченцев, и у грузин оказались скифы, перебрасывает ниточки между культурами не только древними, но и сегодняшними.

Судьбы наших предков перекрещиваются с давних пор, и все мы родня многократно, десятки, сотни, тысячи раз.

По-разному можно толковать старый лозунг «все люди — братья», можно соглашаться с ним или не соглашаться, ссылаясь на те или иные толкования; но кто же оспорит лозунг «все народы — братья»? А когда мы вспомним забытое, найдем затерянное древними культурами, восстановим исчезнувшее, то братство это окажется лучшим видимым и яснее ощущаемым.

МИР МИРОВ

Аркадий и Борис Стругацкие создали в своей повести «Трудно быть богом» Научно-исследовательский институт экспериментальной истории. Его посланцы на чужих планетах живут среди их обитателей, стараясь внешне ничем среди них не выделяться, и пробуют — очень осторожно — корректировать ход истории. Есть среди этих научных работников по крайней мере один этнограф — Шуштулетидоводус, «специалист по истории первобытных культур, который... работает шаманом-эпилептиком у вождя с сорокапятисложным именем».

Не знаем мы пока иных заселенных планет, и этнографам хватает дел на Земле, но Институт экспериментальной истории — добавим: и экспериментальной этнографии — существует. Функции его выполняет научная фантастика. Пока это мысленные эксперименты; но ведь в практике человечества они всегда предшествуют модельным и натуральным экспериментам. Впрочем, и в принципе возможны только мысленные эксперименты — не поставишь же опыты на людях. А тут в распоряжении фантастов миллионы, миллиарды, триллионы людей плюс парсеки пространства и тысячелетия времени. Лабораторией и испытательным полигоном становится Вселенная. Дла экспериментатор еще и задает не только условия эксперимента, но и характеристики его объекта, мало того — может влиять и на результаты опытов.

Тем не менее есть правила, обязательные для фантаста, особенно научного, конечно, но и для «ненаучного» — тоже.

Книги пишут для людей, и книги должны быть интересны, должны волновать читателей, иначе эти книги не нужны. А чтобы читатель не остался равнодушным, произведение искусства так или иначе должно отражать жизнь, воспроизводить действительность. И в самых фантастических по масштабам космических конфликтах мы узнаем земные беды и страсти. А если не узнаем — эти кон-

фликти становятся нам неинтересными. И фантасты уходят в глубины океанов и на чужие планеты лишь для того, чтобы на новой сцене новыми гранями заиграли старые драмы человеческой жизни.

В своих философских построениях и мысленных социальных экспериментах прогрессивные фантасты в большой мере опираются на материал, накопленный исторической наукой, в особенности первобытной историей и социологией, т. е. дисциплинами, близкими к этнографии и исследующими общие с ней, а также смежные проблемы.

В описаниях инопланетных обычаев и обрядов, например, этнограф часто легко узнает знакомые ему по научным изданиям картины. Столько на нашей Земле стран, народов, культурных областей, столько культурных особенностей у тысяч живущих на Земле этносов, что мировой литературе нечего жаловаться на нехватку источников, из которых можно черпать материал для более или менее экзотических описаний жизни на других планетах. Впрочем, талантливый фантаст может даже не пользоваться конкретным научным материалом, не штудировать толстые тома специальных изданий, а, как говорится, дать волю воображению. Но и в этом случае он недалеко уйдет от того, что есть.

Вполне естественно — потому что нельзя выдумывать все, что только угодно; вымысел интересен, лишь пока он связан с реальностью по строгим законам художественной литературы. Искусство, по старому и точному определению, относится к жизни, как вино к винограду. И в хорошем вине всегда чувствуется виноград.

Фантастику иногда называют «разведкой мыслью». Но в не меньшей, даже в большей степени это еще и «разведка чувством». Или, еще точнее, «разведка душою».

Потому что все звезды и планеты, космические корабли величиной с Луну и многоликие свиты из роботов — только пышные декорации для вечной человеческой драмы, и выполняют они ту же по сути функцию, что и таблички с надписями «лес», «море», «стена», стоящие на сцене в указанных автором местах на представлении шекспировских пьес в театре «Глобус».

Фантастика, как и вся литература, как искусство вообще, занимается тем, что науке запрещено под страхом нравственной гибели, — занимается опытами над людьми. Но при этом испытуемым на самом деле оказывается читатель; благо ему, если этот опыт мучителен, ибо тут плохо, только когда опыт скучен.

...А декорации порою создают ощущение, что другую становится сама сцена, что сцен для человеческих драм и вправду много, что они разыгрываются под всеми солнцами. Нет — под всеми Солнцами — с большой буквы. Кстати, в прошлом веке в литературе Земля и Солнце писали с маленькой буквы, даже когда явно имели в виду их именно как космические тела (разумеется, мы не говорим здесь о научных работах).

Сейчас все чаще эти слова пишут с прописных букв. Потому что мы знаем о других Солнцах и предвидим, что Земля недолго еще будет единственной Планетой Человека.

Примечательным представляется нам «антрополого-этнографический» рассказ Кира Булычева «Красный олень — белый олень». Рассказ о том, как земляне находят на далекой планете следы людей, ее аборигенов. Но только следы. Потому что разумные жители, не успев выйти из эпохи раннего каменного века, были истреблены. Это сделали гигантские черные обезьяны, «плути», «жуткие звери, чуть более развитые, чем горилла, зато вдесятеро злее и сильнее».

Герой рассказа, Лунин, палеонтолог с Земли, обследуя планету, находит наскальные рисунки.

На одном из них был «красный олень, нарисованный легко и

небрежно, запечатленный памятью художника в момент прыжка». Лунин побежал за кинокамерой. А когда вернулся — «перед красным оленем сидел на корточках громадный черный плуг... Он заметил в лапе плуга кусок мела. Лапа дрожала от напряжения. Сопя, подвивая, скалясь, плуг царапал мелом на стене. Как раз под красным оленем. Он уже провел почти прямую горизонтальную линию, от нее пошли палочки вверх. Палочек было четыре, разной длины, одна из них не достала до горизонтальной линии, и плуг принялся тыкать мелом в стену, стараясь белыми точками соединить палочку с линией, прежде чем продолжить свой изнурительный труд. И Лунин понял, что же старается плуг изобразить на стене. Оленя. Того же оленя, но белого и перевернутого вверх ногами, убитого, ставшего пищей».

И пусть ни лапы, ни глаза зверя — или уже полузверя? — не были подготовлены к тому, чтобы снимать копии с произведений искусства, Лунин — и мы вместе с ним — присутствовал при рождении искусства. Более того, при возрождении. Потому что развитие искусства, как и развитие разума, можно прервать, но нельзя остановить. Потому что они побеждают даже тех, кто одержал над ними победу.

И не хочется обсуждать, возможно ли (пусть на другой планете) появление искусства у существ, не знающих еще даже огня. Есть области, в которых непреложная в своем стремлении к истине наука признает превосходство искусства над собой.

Этнография исследует культуру народов, определяемую иногда как систему условных способов действия. Разные культуры — разные системы условностей. Ученые-этнографы знают, что одна и та же житейская проблема в практике разных народов может решаться разными способами. Фантасты куда лучше самых добросовестных популяризаторов доносят это знание этнографов до своих читателей. Научная фантастика работает над расшатыванием догматического взгляда на мир, показывая условность того, что кажется абсолютным, а иногда — неизбежность того, что кажется случайным.

И далеко не всегда этнография дает материал для фона, на котором развертываются события, как-то связанные с фантастическим разрешением проблем, скажем физики. Бывает и наоборот. Физика со своими ракетами, нуль-пространством и прочими аксессуарами дает фон, а действие разворачивается вокруг проблем, которые, строго говоря, относятся уже к ведению этнографии (и к «человековедению», конечно, но это ведь само собою разумеется, когда речь идет о литературе).

На Земле встречаются представители разных народов, отличающихся друг от друга по существу мелочами. В космосе могут встретиться два человечества, чуждые друг другу в бесконечно большей степени, разделенные не только расстояниями, но и химическим составом тела, средой обитания, размерами, бог знает еще чем. Фантаст поставил над иксом в земном уравнении показатель высокой степени, очистил эксперимент от мелочей.

И над этой пропастью существа, каждое прикосновение которых друг к другу чревато смертельной опасностью для обоих, соединяют в дружеском пожатии руки в тяжелых перчатках скафандров. Это — у Ивана Ефремова. И то же, в другой форме, у десятков других писателей: советских, польских, американских, японских...

Но бывает и иначе. Вот великолепный рассказ Роберта Шекли «Проблема туземцев».

На планету Нью-Таити прибывает космический корабль с переселенцами, странствующими уже пять поколений от звезды к звезде.

Их вождь произносит речь: «На планете есть туземцы... и, как все аборигены, они, несомненно, коварны, жестоки и безнравствен-

ны. Остерегайтесь их. Конечно, мы хотели бы жить с ними в мире, одаряя их плодами цивилизации и цветами культуры. Возможно, они будут держаться дружелюбно по отношению к нам, но всегда помните, друзья: никто не может проникнуть в душу дикаря. У них свои нравы, своя особая мораль. Им нельзя доверять, мы всегда должны быть начеку и, заподозрив что-нибудь неладное, стрелять первыми!»

Спрятавшись за кустами, слушает эту речь единственный «туземец» Эдвард Дантон, приехавший на планету на несколько месяцев раньше, ходивший здесь в набедренной повязке и как следует загоревший.

Его знание английского рассматривается прибывшими как высокая способность к мимикрии, заявления о миролюбии — как самое черное коварство, попытки объясниться — как беспримерная наглость. Попытка стосковавшегося по женскому обществу юноши поухаживать за презжей девушкой Анитой вызывает праведный гнев всех (кроме Аниты), по Дантону открывают стрельбу, в результате которой пришельцы ранят друг друга. Это, естественно, лишь подтверждает их мнение о враждебности и коварстве многочисленных туземцев.

Даже сам Дантон чуть было не поверил, что на Нью-Таити есть аборигены.

Напуганные переселенцы предложили Дантону резервацию — для всех его соплеменников. А ему нужна была жена. И он нашел выход. От имени немедленно выдуманных им «цинохов», «дровати», «порогнасти», «ретельсmbройхов», «вителлей», а также других зависимых и малых племен Дантон объявил пришельцам войну, а условием мира поставил равноправие плюс скрепление союза браком между представителями главенствующих родов переселенцев и туземцев.

Брак был заключен. Но Дантон так и остался для всех туземцем по имени Данта.

«Его часто навещали антропологи. Они записали все истории, которые он рассказывал своим детям: древние и прекрасные нью-таитянские легенды о небесных богах и о водяных демонах, о духах огня и о лесных нимфах; о том, как Катамундре было велено создать мир из ничего за три дня и какая награда его ожидала... От антропологов не ускользнуло сходство нью-таитянских легенд с некоторыми из земных, что послужило основанием для целого ряда остроумных теорий. Их внимание привлекли также исполненные статуи из песчаника, найденные на главном острове Нью-Таити, зловещие, колдовские изваяния, которые, увидав однажды, никто уже не мог позабыть (их вырубил сам Дантон во время своего отшельничества. — *Авт.*). Вне всякого сомнения, они были созданы некоей древней нью-таитянской расой, обитавшей на планете в незапамятные времена, которая вымерла, не оставив по себе следов. Но гораздо больше интриговало ученых загадочное исчезновение самих нью-таитян. Беспечные, смешливые, смуглые, как бронза, дикари, превосходившие представителей любой другой расы ростом, силой, здоровьем и красотой, исчезли с появлением белых людей. Лишь весьма немногие из старейших поселенцев могли кое-что припомнить о своих встречах с аборигенами, но их рассказы не внушали особого доверия».

Конечно, этот рассказ — острая сатира на жестокость и расизм колонизаторов. Концовка же бьет по другим настроениям, бесконечно менее вредным и все же ошибочным, — по идеализации «детей природы».

На Земле проблема контакта между культурами, взаимопонимания между народами, стоящими на разных стадиях развития, сама по себе достаточно остра. Перед человечеством стоит серьезнейшая

задача — удержать в своей коллективной памяти богатства, накопленные всеми его разнообразными культурами, позаботиться о сохранении вклада в историю, сделанного и крупными, и самыми малыми народами. Взаимопонимания требует и еще более насущная задача — поддержание прочного мира.

На Земле оно возможно. Ну а в космосе?

...Американская фантастика Урсулы Ле Гуин стала появляться в русских переводах сравнительно недавно. Как полагают многие, она сумела занять в мировой фантастике не менее важное место,

чем такие прославленные ее соотечественники, как Рей Бредбери и Клиффорд Саймак. Для нашей темы творчество Урсулы Ле Гуин более важно, чем любое другое: потому что именно здесь ксеноэтнография — «этнография чужих» — становится не только средством создания антуража, декораций, но прямо и решительно выводится на саму сцену.

Повести Урсулы Ле Гуин знаменуют собой прямо-таки кровный союз литературы и народоведения.

По случайности — или совсем не случайности — писательница связана с этнографами именно кровно. Чтобы вы поняли, в чем тут дело, надо назвать ее девичью фамилию: Кребер. Это ее отец, профессор-этнограф А. Л. Кребер, привез в Сан-Франциско «последнего из иши» — индейца, принадлежащего к вымирающему племени. И это ее мать написала ставшую во многих странах сразу бестселлером и учебным пособием книгу «Иши в двух мирах».

Урсула Ле Гуин — профессионал-этнограф и профессиональная писательница. И нам кажется, ее повести об обществах в иных мирах достойны изучения не только литературоведами, но и этнографами. Вот, например, описание обряда перестука камней в «Планете изгнания»: «Сто с лишним мужчин сидели, упершись подбородком в колени, и, как замороженные, стучали камнем по камню. Вольд сел на землю, замкнув круг. Он взял меньший из двух лежащих перед ним тяжелых камней, гладко отполированных водой, и, с удовольствием ощущая в руке его вес, ударил по большому камню — клак! клак! клак! Справа и слева от него продолжался оглушительный стук, тупой монотонный грохот, сквозь который, одна-ко, временами прорывался четкий ритм. Он исчезал, возникал снова, на миг придавая стройность хаотической какофонии. Вольд уловил этот ритм, встроился в него и уже не сбивался. Шум словно исчез, и остался только ритм. И вот уже сосед слева тоже начал отбивать этот ритм — их камни поднимались и опускались в одном дружном движении. И сосед справа, и сидевшие напротив — теперь они тоже четко били в лад. Ритм вырвался из хаоса, подчинил его себе, соединил все борющиеся голоса в полное согласие, слил их в могучее бинение сердца Людей Аскатева, и оно стучало, стучало, стучало...»

Всегда привлекала литературу взаимная любовь людей, разделенных расовыми, этническими, социальными перегородками. Черный Отелло и Дездемона, легендарный король Кофетуа и нищенка... А этнографы давно исследуют культурные особенности межнациональных семей.

И вот в повести — той самой, где описан перестук камней, — Ролери, дочь Вольда, главы туземного рода Людей Аскатева, полюбила Джакоба Агата, потомка переселенцев с Земли. «Между ними не было ничего общего, но она встретила его и слилась с ним полностью и всецело, как будто их не разделяла непреодолимая стена различий. Казалось, именно эта чуждость, пропасть лежащая между ними, и толкнула их друг к другу, а соединив, дала им свободу».

Разумеется, Агата и его сородичей сблизила с аборигенами планеты дружная борьба против общих врагов, но чувство духовного родства приходит лишь вместе с другими чувствами — любовью и дружбой.

Постоянно звучит на страницах книг Ле Гуин мотив Карела Чапека, призывавшего: «И пусть нас объединит все то, что нас разделяет!»

В повести «Слово для «леса» и «мира» одно» перед нами выступают, конечно, вполне современные земные проблемы — преодоление расизма, сохранение экологического равновесия, уважение к человеческой личности. Жители описанной в этой повести планеты

Новое Таити аттиане, напоминающие людям некрупных большеголовых обезьян, покрытых зеленой шерстью, живут в единении с природой, лес зовут тем словом, что и весь свой мир в целом.

Прибывающие сюда земляне вырубают лес, а местных жителей, которых называют пискунами, по мере надобности обращают в рабство. Идет планомерное наступление и на природу и на аборигенов. Ассоциаций тут возникает немало. И Ле Гуин не собирается прятать их в подтекст. «Лес за лагерем — антиэрозийная полоса в полкилометра шириной — был полон тихих, неумолчных, шурша-

щих, шелестящих, жужжащих, звенящих серебристых звуков, какими по утрам полны все леса. Эта вырубка могла бы находиться в Айдахо 1950 года. Или в Кентукки 1830 года. Или в Галлии 50 года до нашей эры».

Среди земель — две центральные фигуры. Позиция садиста и убийцы капитана Девидсона ясна: «Пришлите сюда побольше людей, постройте машины, соберите роботов, заведите фермы и города — кому тогда понадобятся пистолеты... леса вырубить под поля, покончить с первобытным сумраком, дикарством и невежеством — и будет тут рай, подлинный Эдем. Получше истощенной Земли».

Девидсону противостоит Радж Любов, этнограф. Он обнаруживает, в числе прочего, что атшияне ни при каких условиях не решают физической силой конфликты между собой. Поединок заменяется своеобразным состязанием в пении. На этой планете, как говорит Любов, «у всех высших приматов существуют голосовые состязания между двумя самцами — они воют или свистят. В конце концов доминирующий самец может дать противнику оплеуху, но чаще всего они просто около часа стараются переорать друг друга. Атшияне сами усматривают в этом аналогию со своими певческими состязаниями, которые также бывают только между мужчинами, однако, как они сами отмечают, у них такое состязание не только дает выход агрессивным побуждениям, но и представляет собой вид искусства». Атшияне создали у себя систему отношений, в которой исключено насилие.

Платой за существование однородного и абсолютно мирного общества стало отсутствие прогресса. Как формулирует тот же Любов, «подобно лесу, давшему им приют, они достигли относительного равновесия». Из этого всего делался вывод, что атшияне — «примитивные, безобидные и миролюбивые существа».

Но, замечает по этому поводу представитель межпланетной инспекционной комиссии, никто ведь не считает, что «люди как вид — примитивные, безобидные и миролюбивые существа». Атшияне же при всех своих особенностях — люди. И они сумели в конце концов обуздать насильников.

Уже эти немногие примеры показывают, что существует своего рода этнографическая фантастика. Она служит как бы продолжением этнографии реальной, ее проекцией на будущие контакты с внеземным разумом; когда-нибудь, возможно, она станет чем-то вроде фольклорной части ксеноэтнографии, изучающей народы других планет.

Фантастика заслуживает, пожалуй, внимания этнографов и как предмет исследования. В ней, как и во всякой разновидности искусства, можно найти проявления этнических особенностей народов, к которым принадлежат авторы, особенно если учесть углубленные связи по крайней мере некоторых разновидностей фантастики с народной сказкой и легендой.

На русском языке опубликованы, например, аргентинские, филиппинские, новогвинейские фантастические рассказы, не говоря уже о многочисленных произведениях, пришедших из более крупных и развитых стран. И даже с учетом влияния фантастической литературы англо- и русскоязычной обычно легко заметить некоторые «чисто японские» или «чисто французские» особенности соответствующей фантастики.

Можно, кроме того, говорить и о некоей прикладной роли научной фантастики в ее общественно-научной ипостаси.

Одна из наиболее важных задач, стоящих сейчас перед обществом, — моделирование возможных вариантов будущего, с тем чтобы решить важнейшие проблемы общемирового характера, затрагивающие интересы всего человечества.

Между тем именно научная фантастика указывала на многие такие проблемы и даже предлагала свои способы их разрешения.

Вряд ли на эти способы, за редкими исключениями, стоит ориентироваться. Но учесть предложения фантастов, разобраться в них следует. Фантастика умеет и любит заострять проблемы современности, доводить их до крайних степеней развития, но ведь сам ход истории делает то же самое, и иногда с быстротой, которой может «позавидовать» и фантастика. Стоит вспомнить хотя бы темпы развития экологического кризиса. Словом, нельзя недооценивать область познания, специализирующуюся с давних времен именно на исследовании нитей, ведущих от настоящего к будущему.

Заметим напоследок, что в одном отношении разительно отличие книг самых последних десятилетий от предшествующей фантастической литературы. Как бы велики ни были различия между обитателями разных миров в современной заслуживающей внимания фантастике, по одному «параметру» создаваемые писателями «внеземные» герои явно сблизились: теперь они редко оказываются врагами людям. «Коварный инопланетянин», такой популярный в первой половине нашего века, по-видимому, был данью определенной стадии развития фантастики. Теперь уже, как кажется, невозможна всерьез и талантливо написанная «Борьба миров» Герберта Уэллса (мы не говорим, разумеется, о ремесленных поделках). Более того, современный английский писатель Кристофер Прист написал своеобразное продолжение этой самой знаменитой из книг Уэллса, роман, который носит название «Машина пространства».

Действие в романе Приста происходит на Марсе, куда почти случайно попадают двое землян. На Марсе Уэллса, где господствуют те самые спрутообразные чудовища, с представителями которых в Англии расправились в «Борьбе миров» земные бактерии. Но противостоят марсианским чудовищам теперь марсианские же человекообразные существа, в восстании которых и принимают участие пришельцы с нашей планеты. Грубо говоря, вместо войны между мирами космическими перед нами война социальная, за освобождение от расового угнетения.

7

Наука, созданная исключительно в прикладных целях, невозможна; истины плодотворны, только если между ними есть внутренняя связь. Когда ищешь только истины, от которых можно ждать непосредственных, практических выводов, связующие звенья исчезают и цель рассыпается.

Анри Пуанкаре

Не зная народа, можно притеснять народ, кабалить его, завоевывать его, но освободить нельзя.

Александр Герцен

7 Наука о народах — этнография, бесспорно, играет очень серьезную роль в развитии материалистического мировоззрения, ее открытия важны для воспитания интернационалистических и патриотических взглядов, огромен вклад нашей науки в осознание человечеством самого себя, своего единства и многообразия. Какие бы конкретные приложения ни находили в конечном счете наши исследования, это не должно закрывать главного их значения — познавательного и идеологического, и мировоззренческий смысл этих исследований в конечном счете дает самый весомый практический выход. Ведь человечество, повторим который раз, — это народы; содействовать пониманию мыслей и чувств наших товарищей по экипажу космолана Земля, наших земляков в самом точном смысле слова — может ли быть у этнографии более почетная задача? Наука об особенном — этнография — доказывает, что общее у народов Земли важнее того, что их различает. Однако уже само знание таких различий позволяет нашей науке на основе изучения их давать определенные практические рекомендации.

Одна из важнейших задач, вставшая перед этнографами нашей страны сразу же после революции, была связана с практическим обеспечением государственно-политических прав народов как целостных этносоциальных общностей. Среди первых законодательных актов Советского правительства была, как известно, Декларация прав народов России, обнародованная уже 2(15) ноября 1917 года. В ней осуждалась политика угнетения наций и разжигания межнациональной вражды, провозглашались основные положения новой национальной политики. Ими стали равноправие и суверенность народов, их право на самоопределение вплоть до отделения, отмена всех национальных и

национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие всех национальных, этнических групп.

Однако эти положения, подтвержденные и конкретизированные в ряде последующих документов и закрепленные в ныне действующей Конституции СССР, должны были быть последовательно проведены в жизнь. Вот здесь-то и оказалась необходимой помощь этнографии, без знаний и опыта которой в ряде случаев (особенно в таких, когда процесс национальной консолидации в конкретном регионе не завершен) не могла быть учтена этническая принадлежность больших и малых групп населения, нельзя было уточнить этнические границы и в конечном счете провести национально-государственное размежевание на окраинах бывшей Российской империи. Тем самым не могли быть и обеспечены равные права национальностей на представительство в органах законодательной власти и непосредственное участие во всех звеньях исполнительной и судебной власти.

Уже в 1917 году при Академии наук была создана Комиссия по изучению племенного состава России и сопредельных стран; ей поручили провести работу по определению этнического состава населения и составлению этнических карт. С 1922 года эта работа направлялась Центральным этнографическим бюро, в чьи обязанности входило снаряжение экспедиций для изучения различных этносов страны и их описания. Уже в следующем десятилетии была опубликована многолистная «Этнографическая карта Сибири», издан ряд карт по этническому расселению в Средней Азии, на Кавказе и в других регионах страны, составлен список народов СССР. Одной из самых сложных в этом отношении была этнографическая работа в Средней Азии, на значи-

тельной части территории которой никогда не проводилась перепись населения, и поэтому необходимо было выяснить этническое самоопределение самих жителей. С этой целью было проведено широкое экспедиционное обследование силами профессиональных этнографов, так как часто только они имели возможность разобраться в двойном и даже тройном этническом самосознании некоторых (преимущественно полукочевых) групп населения.

Результаты этих работ вылились в серию научно-практических публикаций (списки народов, материалы по районированию Средней Азии и др.), оказавших действительную помощь в определении национально-территориальных параметров народов Средней Азии и Казахстана. Так, образованная в 1918 году Туркестанская автономная республика в 1924 году была вместе с Бухарской и Хорезмской республиками преобразована в Узбекскую и Туркменскую союзные республики; созданная в 1920 году Киргизская (Казахская) автономная республика позднее была разделена на две: Киргизскую и Казахскую автономные республики, которые в 1936 году стали союзными республиками; сформированная в 1924 году Таджикская автономная республика (в составе Узбекской ССР) стала в 1929 году союзной. Эти государственные национальные образования воссоединили расчлененные в прошлом среднеазиатскими ханствами этносы. Например, на территории Узбекистана жили 82% всех узбеков СССР, составляя свыше 70% населения собственной республики, на территории Туркменистана — 94% всех туркмен СССР, что составило также свыше 70% населения республики, и т. д.

В других районах СССР установление национальной государственности или приспособление административного устройства к национальным интересам, обеспечившие народам страны их этнические права, также, как правило, были сопряжены с большой этнографической работой. Так обстояло дело, в частности, на самой отсталой из окраин бывшей Российской империи — Крайнем Севере; этнографическую карту расселения народов в этой обширной области удалось издать только в 1933 году.

К середине 40-х годов сложилось современное национально-территориальное устройство народов СССР с его союзными и автономными республиками, автономными областями и национальными округами. Определение статуса этих национальных в значительной мере образований зависело, с одной стороны, от численности основного этноса, а с другой — от степени его компактности и тем самым и степени этнической консолидации.

В условиях перестройки национальные процессы в нашей стране протекают особенно интенсивно; тем важнее становится их этнографическое изучение. Этому должно способствовать и появление новой дисциплины — этнической социологии.

Весьма важная задача, вставшая перед этнографами сразу же после Октябрьской революции, была связана с обеспечением этнокультурных прав народов страны. Призывы помочь этническим меньшинствам России в борьбе за их культурные права раздавались в русской этнологии и до революции, в особенности со стороны ссыльных революционеров в Сибири. Но тогда это были призывы одиночек. Положение в корне изменилось в первые же советские годы, когда помощь отставшим народам страны в их этнокультурном развитии стала одной из первоочередных задач государственной политики. При этом работа велась в самых разных направлениях. Создавалась письменность и развивалось народное образование, организовывалась поддержка традиционно-бытовому народному творчеству и оказывалась помощь формированию профессионального духовного творчества, совершенствованию правовой культуры и т. д.

С самого начала культурного строительства на остальных национальных окраинах страны в этом процессе широкое участие приняли этнографы. В самые трудные для революционной России годы были быстро восстановлены старые и созданы новые этнографические учреждения. В 1918 году был организован этнографический факультет Географического института в Петрограде, в 1919 году — университетские этнографические центры в Петрограде и Москве, в 1924 году — Комитет по изучению языков и этнических культур народов Вос-

тока СССР, в 1930 году — Институт народов Севера и т. д. В 1933 году на основе Музея антропологии и этнографии создан Институт антропологии, археологии и этнографии, позднее преобразованный в Институт этнографии Академии наук СССР. Стали возникать этнографические центры также на Украине, в Белоруссии, в республиках Закавказья, Средней Азии и др.

Этнографы работали и в таком правительственном органе, призванном содействовать развитию отсталых народов, как учрежденный в 1924 году Комитет Севера.

Во всех университетах и академических этнологическо-этнографических учреждениях велась не только теоретическая, но и большая практическая работа по созданию или усовершенствованию письменности, а тем самым и развитию литературных языков народов Востока и Севера СССР. Так, в 20—30-х годах в сотрудничестве этнографов и лингвистов-кавказоведов были разработаны алфавиты дагестанских, карачаево-балкарского, абхазского и некоторых других языков Кавказа, при участии этнографов-сибироведов — алфавиты языков народов Сибири и Крайнего Севера и т. д.

Самую активную роль сыграли этнографы также и при подготовке букварей и учебников для национальных школ, и в национальном школьном строительстве и народном образовании вплоть до непосредственного преподавания в первых учебных заведениях, работы в культурно-просветительных учреждениях, на так называемых культурных базах и т. п. Это было одним из программных требований этнографии тех лет, в частности ленинградской этнологической школы, ориентированной в своей работе в значительной мере на народы Севера. Один из руководителей этой школы, В. Г. Богораз, писал: «Мы должны посылать на Север не ученых, а миссионеров, миссионеров новой культуры и советской государственности... Дайте им практические задания и возможность изучения туземцев и планомерной подготовки к практической работе».

Приобретая все больший территориальный размах, научно-практическая деятельность этнографов сыграла

свою роль в развитии народного образования, литературных языков и национальных литератур младописьменных народов СССР, равно как и в ускорении развития самих функционально отсталых в прошлом языков. То же относится к развитию таких средств массовой информации, как национальная пресса, радиовещание и телевидение.

Велики, повторим, заслуги ученых в этом деле. Но — из песни слова не выкинешь — придется сказать, что нередко их предложения отвергали или поправляли исходя из политических задач.

К середине же 30-х годов само использование данных науки и выводов ученых при решении национальных проблем оказалось резко ограничено. Свернута была деятельность того же Комитета по изучению языков и этнических культур народов Востока и Комитета Севера. Многие наши сегодняшние этнические проблемы связаны с отстранением специалистов-этнографов от ряда направлений практической работы. Кроме того, сталинские репрессии нанесли прямой урон и рядам этнографов, некоторые из видных специалистов были ошельмованы за публикацию вполне достоверных, объективных сведений об образе жизни тех или иных народов.

Такие действия обеспечивали полное замалчивание фактов, из которых следовало, что некоторые меры по развитию народов в Сибири или Средней Азии давали отрицательный эффект, приводили к непредсказуемым (а иногда и вполне предсказуемым) бедам. Парадная шумиха, обьявлявшая все национальные проблемы решенными, сама по себе не способствовала нормальной научной работе. То есть работа-то проводилась, но ее результаты часто публиковались в урезанном и неполном виде, практические выводы из анализа делались чрезвычайно редко, и управленческие органы фактически не учитывали их.

И все-таки сохранившиеся этнографические учреждения СССР сыграли немалую роль в подготовке кадров национальной интеллигенции, прежде всего этнографов-исследователей, преподавателей, музейных работников. Уже в довоенные десятилетия

столичные этнографические центры широко привлекали на учебу молодежь из среды народов Севера и Сибири, Поволжья и Кавказа, Средней Азии, создавая таким образом многонациональный отряд квалифицированных исследователей своих собственных народов и их культур. Однако только к подготовке таких

За плетением коврика.

Эквадор

Врач и пациент. Европейская раннесредневековая миниатюра

Инструменты древнеримских врачей

Так ставили диагноз в средние века. Лондон. Изображение XII в.

371

специалистов роль этнографии в формировании кадров национальной интеллигенции не свелась. Пробуждая интерес к этнокультурному прошлому и настоящему родных народов, она способствовала тяге к знаниям, упрочению национального самосознания, формированию гуманитарной (и не только гуманитарной)

интеллигенции вообще.

Этнография в СССР не только изучала бытовую культуру народов, но и стремилась способствовать развитию ее лучших черт. Это относится как к материальной и духовной культуре, так и к общественному и семейному быту народов страны. Традиционные формы жилища, одежды, пищи выра-

батывались столетиями; некоторые из них (наследие прежней отсталости) исчезали или исчезают, но другие (и их немало) отражают рациональный народный опыт адаптации к местным природным и хозяйственным условиям. Таковы, например, приспособленные к жаркому климату сельские, а отчасти и городские жилища и одежда народов Средней Азии, «сыроедение» у ряда народов Севера и многое другое.

В современных условиях урбанизации и стандартизации материальной культуры относительно больше этнокультурного своеобразия сохраняется в традиционном духовном творчестве народов — их устно-поэтическом, музыкальном и танцевальном фольклоре, художественных приемах прикладного искусства и т. д. Этнографы в сотрудничестве с представителями других наук — архитекторами, искусствоведами и пр. — стремятся содействовать сохранению и развитию, а подчас и возрождению таких черт традиционно-бытовой культуры, тем более что многие из них рассматриваются народами в качестве своего рода этнических марок. Так же обстоит дело и с этнически окрашенными формами общественного и семейного быта. Это — область особенно тонкого и вдумчивого анализа бытовой культуры, анализа, без которого нельзя в ней отделить отжившие, несовместимые с современным образом жизни традиции от положительных и действительно народных.

Профессиональный слой этнонациональных культур неотделим от их традиционно-бытового слоя. Литература, профессиональная музыка, хореография, живопись, зодчество всегда получали опору, да и сейчас получают ее в фольклорных источниках, в свою очередь оказывая растущее воздействие на сохранившиеся жанры фольклора. Изучать эту плодотворную взаимосвязь, стимулировать ее дальнейшее развитие, способствовать этим сохранению и совершенствованию этнонациональных форм духовной культуры — значит, в то же время содействовать упрочению прав народов на их этнокультурные ценности. А кто же, как не этнографы, должны решать эту задачу?

Особо надо сказать о роли этнографов, в частности, в совершенствовании

юридического регулирования тех сторон культуры, которые в какой-то мере связаны с этнической или этно-региональной спецификой. Это хорошо видно на примере изменений в правовой жизни многих отсталых в прошлом народов Советского Востока. Обычное право (адаты) народов Средней Азии и горцев Кавказа, народов Южной Сибири и Крайнего Севера допускало кровную месть или выплату возмещения за кровь, имущественное неполноправие женщин и младших мужчин в патриархальной семье, такую семейно-бытовую дискриминацию слабого пола, как принуждение или воспрепятствование к вступлению в брак, умыкание, браки с малолетними, покупной брак, многоженство. У мусульманских по традиционному вероисповеданию народов патриархальные имущественные и семейные адаты были в той или иной мере закреплены также и мусульманским правом — шариатом (лишь его наиболее устаревшая уголовная часть была запрещена уже законодательством Российской империи).

Советское государство в своих первых законодательных актах отменило все прежние нормы, дискриминировавшие женщину, — как имперские, так и обычно- или религиозно-правовые. Но ликвидировать соответствующие нормы адатов или шариата, рассматривавшиеся отсталыми слоями населения как проявление их этнической специфики, оказалось не так-то просто.

Лишь в результате сотрудничества юристов с этнографами были определены те особенно нетерпимые прежние нормы, в которых превратно понимаемые права человека-этнофора приходили в непримиримое противоречие с подлинными правами человека-женщины: они были выделены в специальную главу уголовных кодексов ряда советских республик как «преступления, составляющие остатки местных обычаев». Сюда же вошло запрещение кровной мести или возмещения за кровь как противоречащих праву человека на защиту закона. Изживание преступлений, имеющих корни в старых местных обычаях, потребовало длительных и настойчивых усилий, причем со стороны не только органов власти и обществен-

ных организаций, но и этнографов, тем более что некоторые из этих преступлений приняли скрытые или модифицированные формы, подчас понятные только исследователям бытовой соционормативной культуры.

Тут предстоит сделать еще очень многое. К сожалению, последние

Турецкие бани. С французской картины XVIII в.

Мастер подделок из бересты. Карелия

Мастер по витражам. Азербайджан

Живет поморская игрушка

десятилетия и в этой области принесли нам не только приобретения, но и потери. Мы знаем о росте в Средней Азии и некоторых районах Кавказа числа случаев насильственной выдачи девушек замуж; в ряде республик произошло чуть ли не массовое возрождение обычая калыма — покупки жен; сотни (!) женщин в последние

годы прибегли к страшному и тоже «традиционному» способу протеста против унижения и угнетения — покончили с собой (сожгли себя). Почвой для «возрождения» подобных черт прежнего образа жизни послужило тяжелейшее хозяйственное и социально-экономическое положение на многих территориях юга нашей

страны. Господство хлопка как монокультуры, отвлечение молодежи ради того же хлопка от учебы, использование химических удобрений и средств защиты растений в масштабах, чрезвычайно вредных для здоровья, особенно для здоровья детей и женщин, принявшие фантастический размах теневая экономика и коррупция и многое, многое другое. Но необходимость борьбы с глубинными причинами ситуации не отменяет необходимости борьбы со следствиями ее. Проблемы такого масштаба надо решать комплексно. Тем важнее, чтобы знания этнографов использовались не только для чисто научных работ, чтобы эти знания шли в практическое дело.

Следует объявить буквально мобилизацию обществоведов для борьбы с пережитками, которые, отступив поначалу, вновь захватили сданные было ими позиции — захватили в пору, которую мы называем теперь годами зстоя, в чем зстоя в «чистом виде» не бывает, и там, где мы не наступаем, наступает противник.

Задача совершенствования морально-нравственной культуры диктует необходимость разработки такой своеобразной темы, как нравственные традиции у народов. И здесь есть своя национальная специфика, которая в той или иной мере дает о себе знать. Не случайно ведь характер рассмотрения морально-нравственных проблем общественностью в республиках Прибалтики, Закавказья и Средней Азии имел свои специфические варианты и намечаемые на них способы «очищения» тоже стали различными.

Для того чтобы обеспечить отдачу науки практике, очень важно обратиться к народным традициям чести, пренебрежения к тунеядцам, поднять эти традиции «на щит» открыто, но с умом, без надоедливости трафарета освещать их в кино, по телевидению и т. д. Здесь свое слово должны сказать историки, работники средств массовой информации.

Этнографический материал необходимо учитывать при решении многих важных народнохозяйственных проблем. Ведь как бы ни развивалась техника, главной производящей силой в обществе остается человек с его

опытом, знаниями и умениями.

В первом пятилетнем плане было сказано, что СССР не может строить и развивать свое народное хозяйство без учета в полной мере всех природных, экономических и национальных особенностей и без специализации, к которой этнические особенности могут иметь самое прямое отношение. Так, привычные ритмы работы различны, например, в средней полосе России и в Узбекистане. Скажем, среднеазиатское лето веками заставляло земледельца делать большой «обеденный» перерыв в самую жаркую пору дня, приучало трудиться размеренно, без перенапряжения. Переменчивое северное лето, напротив, вынуждало крестьянина очень энергично, «аврално» работать в хорошую погоду, когда «день год кормит», но не требовало многомесячного строго ритмичного упорядоченного труда.

Трудовой опыт, профессиональные навыки нередко прямо связаны с национальными традициями. Экономисты СССР ныне делают союзные республики на трудоизбыточные и трудонедостаточные. К первой категории относят Среднюю Азию и Казахстан, Молдавию и Закавказье. И скажем, рекомендуют развивать там легкую и пищевую промышленность. Но такая рекомендация — слишком общая. Новые большие предприятия этих отраслей не смогут решить здесь проблему занятости населения; по-видимому, в Средней Азии с ее традиционно большими семьями текстильные фабрики нужны небольшие, привлекающие рабочую силу сел или городских микрорайонов, с тем чтобы было удобно и близко добираться многодетным матерям, девушкам.

Приспособленность человека к определенной работе — вещь важная, но не ясно ли, что приспособить работу к человеку во многих отношениях еще важнее. Вот пример из исследования В. Г. Костакова и Е. Л. Маневича «Важнейшие проблемы использования трудовых ресурсов». Русских, белорусов, украинцев, латышей, эстонцев привлекают отрасли обрабатывающей промышленности, особенно наукоемкие, как, например, приборостроение. В Средней Азии, Молдавии коренные жители отдают предпочтение легкой и текстильной

промышленности. И не стоит при планировании размещения предприятий подгонять Таджикистан под Латвию, а Азербайджан под Эстонию — в том и сила союза республик, что они дополняют друг друга.

Давно уже в наших планах, надо признать, утрачен тот подход к размещению и развитию производства с учетом национальных особенностей, который был декларирован в первом пятилетнем плане, и это не могло не сказаться на эффективности производства. Так, например, в Средней Азии, Закавказье и Молдавии в 60-х и 70-х годах осуществлялось строительство в больших городах крупных предприятий и сложных видов производств без учета того, что у населения здесь недоставало навыков индустриального труда, относительно слабо была развита сеть подготовки рабочих кадров. Забывали при таком строительстве и о недостаточном знании многими коренными жителями русского языка, и о некоторых других важных вещах. Новые предприятия, особенно в машиностроении, приходилось поэтому обеспечивать квалифицированными работниками из других районов, а это дело нелегкое. В итоге годами приходилось ожидать выхода предприятий на уровень проектных показателей, низким было и зачастую остается и сейчас качество продукции, высока ее себестоимость; нередко моральное старение оборудования наступало раньше, чем оно начинало давать отдачу.

Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года в этом отношении возвращают нас к доброй традиции первых пятилеток. Намечены глубокие качественные сдвиги в структуре республиканских хозяйственных комплексов; в каждой республике реализуется специальная система мер, направленная на эффективное использование трудового потенциала. В союзных республиках Закавказья намечено ускоренное развитие машиностроения для ряда отраслей пищевой промышленности, в союзных республиках Средней Азии будут ускоренно развиваться связанные с хлопководством отрасли производства (хлопкопереработка, сельскохозяйственное машиностроение, производство минеральных

удобрений, текстильная промышленность); планируется перенос центра тяжести размещения предприятий в небольшие города, приближенные к сельским районам. Важную роль здесь должно сыграть расширение экономической самостоятельности республик.

Этнографам вместе с социологами предстоит, мы надеемся, предложить экономистам свои конкретные уточнения некоторых важных сторон дела. В. И. Ленин отмечал, что культура труда есть не просто усвоение знаний или отдельных приемов, «в этих делах достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру, в быт, в привычки»¹. Следовательно; готовность к труду имеет культурные и исторические корни. Не случайно, что в республиках, в которых производительность труда является наивысшей в стране, рабочий класс является носителем индустриальных производственных традиций многих поколений.

Сказанное отнюдь не означает, что те республики и народы, которые перешли к социализму, минуя капиталистическую стадию развития, обречены на постоянное отставание в темпах экономического роста. Это опровергает прошлый опыт промышленной реконструкции в этих республиках за годы Советской власти. Мы полагаем, что формирование в этих республиках той культуры труда, о которой писал В. И. Ленин, — дело времени и конечно же специальных целенаправленных усилий, ориентированных на создание трудовых традиций, отвечающих современным требованиям. В реализации этой задачи роль этносоциологии трудно переоценить.

Сотрудничество этнографов и социологов эффективно развивается. Интегральный характер этнографии, ее потенциальные конструктивные возможности требуют столь же активного взаимодействия с экономической наукой.

За последние годы на Западе получила широкое развитие и с каждым годом приобретает все большее значение экономическая антропология (по терминологии, принятой у нас, — экономическая этнография, или этноэкономика). По мнению Ю. И. Семе-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 390.

нова, наиболее основательно изучившего это направление западного обществознания, бурный рост экономической антропологии — результат возникновения молодых независимых государств в Азии, Африке, Океании. Стремление направить эти страны по пути капиталистического развития предполагало детальное знание их экономической структуры, традиций производства и труда.

Один из видных представителей экономической антропологии, американец Д. Далтон, писал: «Мы часто забываем о том, что 80% населения третьего мира живет в небольших... племенных и крестьянских общинах». По его мнению, Запад обязан указать странам «третьего мира» путь развития, а для этого нужно изучать традиционную экономику и социальную организацию развивающихся стран, выявить, что в них препятствует, а что способствует экономическому развитию, а также найти наиболее приемлемый способ восприятия «третьим миром» новых экономических и социальных институтов. При этом Далтон и другие авторы весьма скептически относятся к возможностям подъема экономики этих стран до уровня, например, США, считая невозможным перестройку их социальной организации и традиционных институтов. «Рост без развития» — такова концепция прогресса антропологов-экономистов для большей части человечества. Мы с такой программой согласиться не можем.

Но и на Западе есть другие направления исследований — и с другими выводами. Толчком к изучению этнокультурных особенностей трудового поведения (в том числе и работников самых современных производств) послужили нужды корпораций, стремление к повышению нормы прибыли за счет эксплуатации специфических (национально-культурных) характеристик рабочей силы. Особую роль в стимулировании исследований подобного рода играют требования транснациональных корпораций, которые хотят при размещении предприятий и организации производственного процесса максимально учитывать традиционные трудовые навыки своих потенциальных работников.

Этнические группы в больших странах продолжают играть свою роль и

в профессионально-отраслевом разделении труда, так сказать, горизонтального типа, связанном не с социально-экономическим неравенством, а с трудовым опытом и культурными традициями.

Интересен опыт японского менеджмента по организации промышленного производства с учетом этнокультурных особенностей рабочей силы. Усилия японских предпринимателей, по мнению ряда зарубежных и советских исследователей, были направлены на культивирование корпоративной (общинной) морали среди работников современных крупных промышленных предприятий. Необходимость повышения заработной платы с возрастом (молодежь не завидует, поскольку знает: до нее тоже с годами дойдет черед), связанные обычно опять-таки с возрастом повышения в должности у технической интеллигенции, — вот некоторые средства воспитания такой морали. Необходимо, однако, добавить, что все это применяется главным образом на крупнейших фирмах и относится примерно к одной пятой трудящихся в промышленности.

Кроме того, промышленники с выгодой для себя используют традиционные трудовые навыки японских рабочих, связанные с древним искусством миниатюризации (широко известны бонсай и нэцке — карликовые деревья и миниатюрные статуэтки). По словам японского исследователя М. Моритани, «кропотливый труд, создавший изысканные миниатюрные шедевры, живет в производимых сегодня миниатюрных и высокоточных промышленных изделиях».

Мы полагаем, что зарубежный опыт в этноэкономике нельзя игнорировать. Его надо изучать и использовать, решая задачи укрепления социалистической экономики.

Предстоит изучить культурные традиции коренного населения различных регионов страны для выявления устойчивых ориентаций и стереотипов поведения на производстве. Заслуживает внимания предложение В. И. Козлова о составлении по республикам и областям СССР «реестра», который отразил бы в систематизированном виде этнокультурные традиции в производстве. Такой «реестр» позволил бы установить

меру развитости требуемых именно для конкретных производств и профессий трудовых навыков у представителей каждой этнокультурной общности и размещать новые производственные мощности в соответствии с полученными выводами.

Не будем, однако, забывать, с другой стороны, что все народы нашей страны живут в современном мире и к этому надо, хотим мы или не хотим, приспособляться. Но такое приспособление должно идти с наименьшими потерями и максимально возможным выигрышем. Один из источников этого выигрыша — использование в полной мере исторического опыта.

Исследуя особенное в культурах разных народов, мы изучаем, как по-своему решаются общечеловеческие проблемы — от воспитания (и даже вскармливания) детей до поддержки стариков, от охраны здоровья до строительства жилищ; ритмы привычной трудовой деятельности, характер излюбленных занятий, форм отдыха и развлечений, особенности народного искусства — тоже в числе объектов этнографии.

Словом, мы изучаем сам образ жизни в тех его аспектах, которые связаны с принадлежностью человека к определенному народу. А народов на Земле — множество, и каждый накопил по-своему особенный практический опыт; наши исследования нередко могут показать, что именно из такого опыта заслуживает более широкого распространения, что может быть применено и другими.

Да, широко разлившаяся по планете современная культура, которую называют то европейской, то европеизированной, то городской, во многом нивелирует этнические особенности попавших в ее орбиту народов.

Но тем важнее не допустить, чтобы были потеряны знания и умения национальных культур. Это относится и к народам большим — русскому, французскому, украинскому, японскому, например, и к малым — юкагирам, эвенкам, самоанцам или племенам тоа в Индии. У всех у них можно кое-чему поучиться ближним и дальним соседям.

В течение веков достижения отдельных народов входили в общий культурный фонд человечества. Но

прежде всего сюда попадали элементы культуры стран, оказавшихся впереди в своем промышленном, техническом развитии. В основном фонде современной городской цивилизации непропорционально мало представлены культуры огромного большинства народов Земли, в том числе и ряда европейских. За бортом «корабля прогресса» оказываются многие духовные и материальные достижения.

Сейчас практически во всем мире признают, что важно поддерживать национальные культуры больших и малых народов, что разнообразие образов жизни — богатство человечества. Но это ведь еще и сокровищница, откуда многое можно почерпнуть для практического использования внутри, так сказать, той самой магистральной европеизированной культуры.

Возьмем для примера хотя бы медицину. Современная научная медицина возникла на основе ряда европейских и частично арабской традиционных систем медицинских знаний. Конечно, последние века, особенно XIX и XX, чрезвычайно усилили эту науку — достаточно вспомнить вакцинацию и антибиотики, — сделали ее в целом куда более действенной, чем традиционные медицины Китая, Индии или Океании.

Но, во-первых, вакцинация против оспы давным-давно была открыта (и скорее всего независимо друг от друга) в Восточной Азии, в Африке, на Кавказе и в Ирландии. Определенные виды плесени использовались испокон веков как противовоспалительные средства в разных уголках планеты. Многие могущественные лекарства выделены в XX веке из растений, тысячелетия считавшихся лечебными в Китае, Индии, Сибири или Южной Америке. То есть многим в приращении своих возможностей научная медицина обязана прямо или косвенно учету народного опыта. Во-вторых же, богатства этого опыта используются еще далеко не полностью, а разнообразие его, вероятно, мы пока даже не в силах осознать по-настоящему. Вот простой пример.

Советская исследовательница Г. Г. Вострикова выяснила, что у трех живущих по соседству амурских народов — удэгейцев, нанайцев и уль-

чей — системы использования лекарственных растений далеко не совпадают. Нанайцы придают самое важное значение корням деревьев, удэгейские врачеватели используют главным образом ветви, плоды и листья, а вот ульчи ценят у деревьев надземные части, у травянистых же растений — подземные. Между тем и удэгейцы, и нанайцы, и ульчи обитают в одних и тех же географических условиях, их окружает сходный растительный мир. Это ли не доказательство, что каждый народ по-своему решает общие задачи. А для темы, которую мы сейчас затронули, особенно важно, что медикам есть откуда черпать новые лечебные средства. Разумеется, далеко не все местные открытия и изобретения такого рода удачны и способны выдержать конкуренцию с другими, и уж, конечно, необходимыми тщательные медицинские исследования и проверки, надо выбирать и отбирать, а наша задача тут — помочь медикам найти то, из чего можно сделать такой отбор.

Даже в тех случаях, когда иные точные рецепты древней медицины утеряны, их можно восстановить. Хотя бы судя по тому, какие животные, растения, минеральные вещества считаются у тех или иных народов обладающими магическими свойствами, а то и священными. Известно, что во многих местах поклонялись змее, что на Дальнем Востоке существовал культ женшенья, а у хантов и манси — культ бобра. Не обязательно, чтобы такое обожествление непременно было связано с использованием животного или растения в медицине, но это может указывать, где стоит искать.

Другой пример. Почти все народы для лечения многих заболеваний используют жаркую баню, причем разновидностей тут существуют многие десятки, включая русскую баню и финскую сауну. Очевидно, имеет прямой смысл определить, какой из банных способов лечения лучше подходит для определенной болезни. Бальнеологи, в частности, этим занимаются.

Третий пример. Врачи-диетологи все настойчивее включают в списки рекомендуемых блюд изобретения самых разных народных кухонь. Уже само увеличение разнообразия воз-

можных меню ценно, но дело ведь не только в этом. Кумысолечение, скажем, было популярно в нашей стране уже в конце XIX века у русских и украинцев, хотя в их обычную пищу кумыс никогда не входил.

Антропологи, биологи, медики вместе с этнографами и социологами изучают особенности питания — и образа жизни в целом — тех народов, где особенно много долгожителей, как называют людей, переваливших за девяностолетний рубеж.

Комплексное исследование системы жизнеобеспечения и образа жизни абхазцев, народа, славящегося высоким процентом долгожителей, недавно было проведено совместно советскими и американскими учеными — биологами, медиками, антропологами, социологами, этнографами. Руководящим центром исследований стал Институт этнографии АН СССР. Думаем, так выразилось признание важной роли нашей науки в решении проблемы.

Следуя славному обычаю гостеприимства, предоставим здесь слово американской исследовательнице С. Бенет. Главной причиной долголетия у абхазцев она считает национальные обычаи и правила поведения, и не только потому, что в Абхазии очень уважают стариков. В статье, опубликованной в советско-американском сборнике «Феномен долгожительства», Бенет обращает внимание и на особые этнопедагогические приемы (например, детей не принято наказывать и даже ругать, их только хвалят, но прекращение похвал воспринимается детьми как суровое порицание).

«Я ни разу не слышала, чтобы ребенку приказали что-то сделать в категорической форме», — констатирует исследовательница. Она отмечает, что самым большим несчастьем у абхазцев считается, когда человек оказывается один. И одиноких стариков принимают в семье как дедушек и бабушек. Обычно же, чем человек старше, тем больше у него родни, и это помогает ощущать моральный комфорт.

Почему-то многие убеждены, что в долголетию решающую роль играют особенности питания, — большинству этнографов кажется, что особенности воспитания имеют не меньшее значе-

ние. Правда, мы изучаем в числе особенностей народов и то, как и что они едят.

Выводы науки при этом достаточно часто совпадают с выводами народного опыта. У замечательного русского поэта Евгения Баратынского есть стихи о том, что вот исследуешь, ищешь смысл в событиях и в конце концов открываешь: «Что? Точный смысл народной поговорки». Не будем только забывать, что народные поговорки и пословицы нередко противоречат друг другу. А уж если о них зашла речь, вот характерные абхазские пословицы: «Брат — твоя кровь, а сосед — твое сердце», «Кто не имеет старшего, тот и счастья не имеет». Вряд ли нуждаются такие изречения в комментариях.

Чрезвычайно много возможностей заключено в применении хозяйственных и технических приемов, выработанных в народных культурах. Известно, как был использован опыт чукчей и эскимосов в полярных экспедициях. А хороших новых примеров тут, к сожалению, не так уж много. Однако появляются сообщения о промышленном производстве знаменитых северных нарт. Или — лыж по типу тех, которыми пользуются эвенкийские охотники. Эвенки подбивают лыжи шкурками зверей. Промышленность заменяет такие шкурки особой пластмассой, которая тоже не дает лыжам скользить назад при подъеме в гору.

Конечно, не все в народном опыте годится для воспроизводства в широких масштабах. Вряд ли кто-нибудь станет настаивать на промышленном производстве неуклюжих снегоступов, а ведь эти предшественники лыж долго сохранялись у некоторых северных народов.

И вообще не надо считать, что традиционные жилища, одежда, питание каждого народа непременно идеально пригнаны во всех деталях к условиям его жизни. Дело обстоит далеко не так. История каждого народа сложна, на его способ существования накладывают свою печать не только выводы из практического опыта, но и предрассудки, религиозные и иные запреты, которые иногда возникают случайно. Стоит вспомнить хотя бы, что коренные народы Сибири не ели грибов, а зулу в Африке — рыбы, что

Знахарка продает на базаре
народные целебные средства.
Перу

иногда не слишком удобна для труда и даже для отдыха одежда, которую мы называем национальной. В возникновении некоторых традиций играет большую роль случайность. (Для примера: тот наряд, который сегодня считается национальным у русских цыган, был придуман специально для цыганского хора, созданного графом

А. Г. Орловым-Чесменским в XVIII веке, и цыгане в России большей частью в течение XIX века приняли эту одежду.)

Однако и общепольное можно обнаружить почти всюду. А ведь народов-то на Земле — тысячи! Да еще внутри народов часто есть этнические группы со своими особенностями быта, а иногда и производственной деятельности — словом, нам есть из чего выбирать, применять к современным потребностям и конкретным обстоятельствам.

И уж в одной-то области важность прикладной этнографии абсолютно очевидна, речь идет о современных народных промыслах. Сегодня при восстановлении старых ремесленных секретов производственникам приходится обращаться порою не к старым опытным мастерам (таких, если промысел возрождается после долгого перерыва, может и не быть), а к материалам давних исследований этнографов.

Заметим еще, что материалы этнографии используются и при создании новых, социалистических обрядов, и для украшения отдыха советского человека. Возрождение древних национальных праздников или просто, как в Амурском крае, возвращение к жизни старинного обычая посиделок — разве это плохо?

В определенных случаях уже вполне реально давать осторожные советы плановым органам, руководителям производств, работникам административных и культурных учреждений. А некоторые другие рекомендации могут стать конкретным прикладным результатом и уже проводимых, и специально организованных научных исследований. На то этнография и наука об особенном, чтобы делать выводы, касающиеся именно роли таких особенностей. А вот социологи, экономисты, плановые организации должны учитывать эти выводы, опираться на них тоже. Только давайте не будем выдавать тут желаемое за действительное. Прикладная этнография по существу только начинается, но ведь ясно, насколько она нужна. В принципе можно, пожалуй, сказать, что на наших глазах рождается особая дисциплина, использующая на практике результаты научных исследований этнографов. По аналогии хотя бы с бионикой эта новая дисциплина может быть названа этноникой.

Но какое бы значение ни приобрела этноника по мере своего развития, главный смысл этнографических исследований и открытий — в осознании народами и человечеством места этноса в прошлом и настоящем, в способствовании взаимопониманию и сотрудничеству народов.

КОМПЬЮТЕР — ЗА ЭТНИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Мы говорили о стандартизации современных орудий труда — от тракторов и комбайнов до прокатных станов. О том, что этническое своеобразие ушло или уходит из сферы производства всюду, кроме самых отсталых стран (и ремесла в странах передовых).

Однако тот самый «человеческий фактор», роль которого сейчас все возрастает — и не только у нас, в СССР, — может изменить по крайней мере некоторые стороны этого распространяющегося промышленно-бытового однообразия. Новейшие технологии способны (поскольку они усиливают влияние работника на процесс производства) отразить в продукции и некоторые этнокультурные характеристики этого работника. Не случайно, по-видимому, на это особое внимание обратили ученые Японии, где ярко выраженная национальная специфика не помешала фантастическому по размаху научно-промышленному скачку последних десятилетий. Вот что пишет, например, М. Моритани в книге «Современная технология и экономическое развитие Японии»: «В наши дни механическая цивилизация переживает глубокий переворот: приобретая «мозг», она начинает испытывать сильное воздействие культурной среды... Культура и обычаи разных народов будут все рельефнее запечатлены в производимой ими продукции». Под «мозгом» в этой цитате имеется в виду компьютер; иными словами, та самая ЭВМ, которая

обычно рассматривается как явление, никакого отношения к этнической стороне дела не имеющее, может выступать в роли проводника этнического влияния на промышленную и иную продукцию. Если этот процесс действительно пойдет все энергичнее, перед нами окажется один из удивительнейших парадоксов научно-технической революции. «Если...»? Да, пока что ручаться за именно такой ход событий трудно.

Но не случайно ведь советский ученый Л. С. Перепелкин поместил эти слова японского исследователя на первой же странице своей работы об этнокультурных факторах труда в современной промышленности Узбекистана. Стоит познакомиться с некоторыми выводами, сделанными Л. С. Перепелкиным на основе опроса рабочих.

Так, выяснилось, что в Ташкенте узбеки больше тяготеют к промышленности к труду ручному (ремесленному), а ташкентские русские — к труду механизированному; когда те и другие — слесари механосборочных работ, то узбеков эта работа, как правило, удовлетворяет в значительно большей степени, чем русских.

Далее. В каждой культуре — своя, привычная плотность желательных контактов. У народов Средней Азии эта плотность традиционно высока. И вот в торговле, сфере обслуживания, среди проводников и кондукторов на железной дороге (но не среди машинистов!) коренные жители представлены гораздо в большей степени, чем русские (с учетом доли тех и других в занятом населении республики). Именно эта потребность в широких контактах сильнее привлекает узбеков к бригадным методам работы и другим коллективным формам труда.

«Большое значение общения для рабочих-узбеков вполне объяснимо их этнокультурными традициями... Махалля, традиционные семейные праздники и обряды, формы проведения досуга, наконец, многодетность узбекской семьи — с юных лет прививают вкус и привычку к интенсивным формам общения», — пишет Л. С. Перепелкин.

Кстати, стоит объяснить слово «махалля», которым ученый открывает перечень средств, воспитавших особую тягу к общению. Махалля — нечто вроде общины, только объединяющей городской квартал. Члены махалли устраивают общие праздники, помогают друг другу, они связаны сотнями нитей, даже в большей, пожалуй, степени, чем взрослые близкие родственники в европейско-американской культуре. Между прочим, узбеки-рабочие на домашние формы внесемейного общения тратят в два с половиной раза больше времени, чем рабочие-русские.

Разумеется, из результатов опросов такого рода еще нельзя сделать тот далеко идущий вывод, что позволил себе Моритани. Но поживем — увидим.

8

Ненавидеть разумное существо, народ, расу — это же безумие. Это уже сродни некоей неистовой мифологии, человеконенавистнической аллегории. Нельзя ненавидеть целый народ, коль скоро он включает в себя все мыслимые противоположности — женщин и мужчин, стариков и детей, богатых и бедных, ленивых и трудолюбивых, злодеев и людей достойных ... Раса! Но ведь раса состоит из весьма различных и несхожих между собой индивидуумов. Ненавидеть расу — значит ненавидеть без разбора всех людей, как бы они ни были непохожи друг на друга.

Анатолий Франс

В Дагестане говорят: кто соседа ругает — это дурак дома, глупец дома, кто другую нацию ругает — это глупец своей нации, кто другую страну ругает — это дурак своей страны.

Расул Гамзатов

НЕТ ЧУЖИХ СРЕДИ НАРОДОВ

8 В австралийском племени, обитавшем в районе Кимберли, людей, живших относительно далеко и говоривших на непонятных языках, признавали все-таки человеческими существами — но какими! Низкими, вероломными, половыми извращенцами, людоедами. П. И. Пучков пишет в книге «Этническое развитие Австралии»: «И чем дальше (от территории того племени, о котором идет речь. — *Аем.*) обитала группа, тем более отрицательные качества приписывались ее членам, а относительно тех, о которых имелись только смутные сведения, полученные из вторых рук, вообще выражались сомнения, являются ли они... человеческими существами».

Этой модели отношения к чужеземцам — многие тысячи лет; понятно, что, чем лучше ты знаешь человека, тем больше видишь у него общих с собою черт, и наоборот. Тут можно вспомнить и древнегреческого историка Фукидида, который сообщал, что персы его времени самым лучшим на свете народом считают себя, а относительно других народов полагают, что, чем дальше они живут от Персии, тем они хуже. И так ли уж далеко ушел от австралийских аборигенов из Кимберли (да еще в старину) и древних персов Редьярд Киплинг, когда в благородном роде бы порыве призывал:

Несите бремя белых, —
И лучших сыновей
На тяжкий труд пошлите
За тридевять морей,
На службу к покоренным
Угрюмым племенам,
На службу к полудетям,
А может быть — чертам.

Этноцентризм, национализм — отнюдь не изобретение последних веков.

Под расизм и национализм не раз пытались подвести «научную базу». Один из примеров — «факты», сооб-

щаемые в уже упоминавшейся статье об американских индейцах из энциклопедии Брокгауза и Ефрона. У автора той статьи были предшественники, и среди них можно найти, увы, даже крупных ученых. К. Линней навсегда остался в памяти человечества как великий систематизатор живого мира. Систематизировал он и человеческие расы. Вот набор выданных им характеристик по части некоторых психологических черт, а порою и внешнего облика: «Американец — красноват, холерик, строен. Европейец — бел, сангвиник, мясист. Азиат — желтолик, меланхолик, крепкого сложения. Африканец — черен, флегматик, дрябл. Американец — упрям, доволен собою, свободолюбив. Европейец — подвижен, остроумен, изобретателен. Азиат — жесток, любит роскошь и скуп. Африканец — лукав, ленив и равнодушен».

Кажется, остается только руками развести. Да разве Линней не знал, например, что среди европейцев встречаются не одни только мясистые, остроумные и изобретательные сангвиники? И не мог хотя бы предполагать, что есть на свете и щедрые азиаты, и трудолюбивые африканцы?

Да притом еще в характеристике европейцев все «выделенные» великим систематизатором признаки звучат вполне положительно, а в характеристике любой из других рас присутствует хоть одно явно неодобрительное определение.

Конечно, это — печальное свидетельство влияния, что оказывают заблуждения эпохи даже на бесспорно умных и талантливых людей. Но такое заключение все-таки объяснение, а не оправдание. Современник Линнея, Жан-Жак Руссо, категорически отказывался считать внешние признаки противоречащими представлению о изначальном равенстве людей и заявлял, что даже больших человекоподобных обезьян, о кото-

рых рассказывают путешественники по Африке, скорее следует признать людьми, пока окончательно не доказано противоположное, чем рисковать ошибиться в другую сторону.

Однако Линней не собрался, насколько можно судить, делать из предпочтения, отдаваемого им европейцам, вывод о их праве на власть над другими расами. Только в конце XVIII века появились откровенно расистские концепции. Их последователи в США, например, обосновывали рабство негров тем, что те не способны жить без постоянной опеки со стороны.

А в 1853 году француз граф Жозеф Гобино выпустил книгу «Опыт о неравенстве человеческих рас». Черная раса объявлялась полностью не способной к восприятию цивилизации; раса желтая стояла несколько выше; действительно же высшей расой Гобино признавал белую, а внутри нее выделил некую элитную расу — арийскую. При этом вся история человечества представляла как борьба рас; по мнению Гобино, именно арийцы дали Франции и аристократию, и великих людей. На место классовой борьбы как движущей силы истории ставилась борьба рас.

Затем нашлось немало других любителей теоретически обосновывать, почему именно самыми лучшими среди всех рас и народов являются именно те, к которым эти любители по счастливому совпадению принадлежали. А эти «лучшие», конечно, были сразу самыми умными, самыми храбрыми, самыми благородными, создавали самые лучшие культуры, говорили на языках, стоящих бесконечно выше речи других народов и т. д.

Гуманистическая задача этнографии состоит в обосновании прав народов, реальной или потенциальной равноценности их культур. Из этого следует и практическая помощь науки осуществлению прав человека и этноса.

Идея гуманистической миссии этнографии возобладала в этой научной дисциплине далеко не сразу. На протяжении многих десятилетий в науке об этносах и их культурах шло размежевание реакционных и прогрессивных идей, принципов, направлений.

В этнологии, как и в общественно-политической жизни, сталкивались, с одной стороны, шовинистско-расистские и великодержавно-колониалистические тенденции, с другой — передовые взгляды борцов против этнической и культурной дискриминации, насильственного ассимиляторства и «культурного империализма». Это и понятно. Развиваясь не в безвоздушном пространстве, этнографическая мысль не могла не отражать характер отношений между народами мира, народами метрополий и колоний, народами многонациональных государств, между аборигенами и пришлым населением и т. п.

Гуманистическая роль этнографии в борьбе против национализма и расизма стала ощущаться уже в самом начале нового времени, когда немецкий ученый и просветитель XVIII века И. Г. Гердер четко сформулировал мысль, что человечество едино, и все его этнические подразделения имеют равные права на историческое развитие. «Каннибал на Новой Зеландии и Фенелон¹, презираемый патаговец и Ньютон — создания одного и того же вида», — писал он в своих «Идеях к философии истории человечества». Позже началась деятельность американского ученого Л. Г. Моргана, ставшего не только величайшим представителем эволюционизма с его фундаментальной идеей единства человеческого рода, но и правозащитником индейцев-ирокезов, хищничества обиравшихся капиталистическими компаниями. Английский эволюционист Э. Тайлор решительно отрицал всякую связь между культурными различиями и расовым делением человечества.

В России второй половины XIX века революционный демократ Н. Г. Чернышевский в своих историко-этнологических работах еще более резко выступал против ходячих представлений о неравенстве рас, неравноценности языков и т. п., а этнограф и антрополог Н. Н. Миклухо-Маклай, видевший в научной деятельности форму борьбы за переустройство общества на справедливых началах, стал как бы символом ученого — защитника аборигенов от колониальной экспансии.

¹ Фенелон (1651—1715) — французский писатель и педагог.

Активность передовой научной мысли в разоблачении шовинизма и расизма особенно возросла в XX веке с его небывалым по размаху революционным движением и национально-освободительной борьбой народов колоний и этнических меньшинств многонациональных государств за свои права. Огромную роль в этом отношении сыграли труды Ф. Боаса и А. Хрдлички в США, А. Валлуа и К. Леви-Стросса во Франции, Ф. фон Лушана в Германии, Л. Нидерле в Чехословакии, Д. Н. Анучина в России и многих других выдающихся этнографов, антропологов и историков. Заметное место тут принадлежит ученым СССР, которые уже в 30-х годах включились в борьбу с человеконенавистнической идеологией гитлеризма в обеих ее — шовинистской и расистской — ипостасях.

В годы второй мировой войны и особенно в первое послевоенное десятилетие прогрессивным этнографам мира пришлось объединить свои усилия в разоблачении нового — более тонкого, а поэтому, может быть, и более опасного — идеологического течения в науке о народах — этнопсихологической, или этнорасистской, школы в США. Выдвинутая этой школой концепция настаивала на патологичности психики отставших народов и трудящихся слоев населения, по существу мало отличаясь от нацистской концепции «расовой души». Она встретила сокрушительную критику со стороны японских, английских, советских, да и очень многих американских этнографов.

Прогрессивная этнографическая мысль имеет немалые заслуги в разоблачении антинаучных идей о неизбежном неравенстве человеческих культур, которые иные историки пытались подразделять на «исторические» и «неисторические», «активные» и «пассивные», «мужские» и «женские» и т. п. Многие из этих идей были в арсенале официальной идеологии фашизма, и его крах стал вместе с тем и крахом подобных построений в этнографии. Но и в послевоенном мире в этнографии ряда стран сохранились взгляды, противопоставляющие возможности прогрессивного развития европейских (с отпочковавшимися от них североамериканскими) и неевропейских культур.

Нельзя не вспомнить и о том, что в эпоху колониальной экспансии буржуазной Европы многие западные этнологи (антропологи) вольно или невольно были причастны к угнетению народов колониальных и зависимых стран. Их исследования и профессиональные познания использовались колониальными властями, эти ученые участвовали в подготовке колониальных чиновников, а некоторые из них и сами служили в колониальной администрации. Не случайно английский антрополог Дж. Б. Холден в 1956 году заявил: «Современная культурная антропология — это побочный продукт колониализма». А его французский коллега К. Леви-Стросс в 1968 году писал, что социальная (культурная) антропология «развивалась на фоне исторического процесса, одной из особенностей которого являлось подчинение большинства человечества его меньшинству и во время которого миллионы ни в чем не повинных человеческих существ подвергались истреблению, ограблению, порабощению и заражению болезнями, от которых не могли защититься, а институты и верования этих людей подвергались уничтожению... Антропология — дитя этой эры насилия».

Поэтому распад мировой колониальной системы и появление на карте мира десятков освободившихся государств, а также усиление борьбы за свои права этнических меньшинств в развитых капиталистических странах неизбежно привели к кризису западной социальной (культурной) антропологии. Кризисное состояние породило острую идеологическую борьбу в среде западных этнологов. При этом наряду с теми, кто пытается и в новых условиях сохранить прежние социальные функции своей науки, поставив ее на службу неоколониализму, выделились ученые, которые стремятся смыть с себя пятно пособников империализма и искренне желают помочь обеспечению прав народов развивающихся стран и этнических меньшинств развитых капиталистических государств. Особое внимание они уделяют группам аборигенного населения, находящимся зачастую еще на родоплеменной стадии общественного развития. Значительную активность в этом направлении

проявляют, в частности, скандинавские антропологи. Именно они создали ряд организаций — таких, например, как Международная рабочая группа по делам аборигенов. Эти организации ведут научные изыскания и осуществляют полезные практические мероприятия среди племенных групп в Латинской Америке, Африке и Азии.

Однако среди прогрессивных в принципе этнологов Запада есть существенные расхождения по ряду идейно-теоретических проблем. Некоторые западные ученые, симпатизирующие аборигенному населению и осуждающие нарушения его прав со стороны правительств, частного капитала, а также других групп населения, в то же время рекомендуют «оставить в покое» аборигенные племенные группы, «не навязывать» им современную технологию, образование и прочие «реформы». Такой подход фактически не делает различий между империалистическим грабежом аборигенного населения и попытками решить проблемы реальной хозяйственно-культурной отсталости с помощью прогрессивных социально-экономических и политических преобразований. Указанному подходу противостоят взгляды тех западных ученых, которые считают, что этнология «должна стать на определенном уровне откровенной активистской и ангажированной наукой, порождающей общественников — сторонников радикальных перемен».

Советские историки и этнографы занимают здесь, как правило, четкую и ясную позицию, которая в книге уже изложена.

Межэтнический антагонизм в эксплуататорском обществе, как известно, есть выражение антагонизма социально-классового. Марксизм-ленинизм принципиально различает «национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой»¹.

Но это не значит, что буржуазный национализм наций угнетенных (и «маленьких») может быть обелен в любых своих формах и проявлениях; напротив, В. И. Ленин четко указал, чем и в какой мере такой национализм может иметь историческое оправдание: в той мере, в какой у него

«есть общедемократическое содержание *против* угнетения»². Из этих важнейших положений ясно следует, что с освобождением нации такое историческое оправдание оказывается уже в прошлом. Видимо, стоит применять этот критерий, например, к некоторым формам национализма, насаждаемым верхушкой, нередко феодальной и племенной, в молодых африканских государствах. Напомним, что отсутствие верного подхода вело к тому, скажем, что публикации в нашей печати не давали должной политической оценки действий таких тиранов, каким был Иди Амин в Уганде, в числе прочего изгнавший из страны сотни тысяч родившихся здесь потомков иммигрантов из Британской Индии. Никакого «общедемократического содержания против угнетения» не было в таком национализме, как нет его в национализме тех отдельных (немногих) африканских лидеров в ЮАР, что считают нужным после уничтожения «белой» диктатуры сделать неравноправными жителей Южной Африки, происходящих от европейцев или азиатов.

Антагонизм межэтнический нередко используется для того, чтобы перевести народное возмущение в наиболее безопасное для господствующих социальных слоев русло.

Национализм в гитлеровские времена заразил значительную часть рабочего класса — и расколос его. Национализм использовался хозяевами многих империй, действовавшими под лозунгом «разделяй и властвуй», причем разделяли-то в последнее время главным образом по этническим признакам и много реже по религиозным (правда, бывает, что то и другое тесно связано).

Межэтнические конфликты происходят сегодня от Северной Ирландии на западе Западной Европы до некоторых островов Филиппинской республики на востоке Азии. А между этими землями Шри-Ланка с тамилсингальской гражданской войной, Индия, где открыли жестокий террор сикхские экстремисты, Афганистан, где при разжигании междоусобицы используются и этнические противоречия. В Турции, Иране и Ираке не

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 359.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 275—276.

так уж давно велись настоящие военные действия против курдов.

Картина эта не может радовать. Навстречу национализму и реакции угнетателей местная буржуазия выдвигает собственный национализм и собственный расизм — «желтый» или «черный».

Причем не раз и не два движения, начинавшиеся с выдвигания благородных лозунгов национального равноправия и освобождения, вырождались в махрово-шовинистические. И между прочим, подчас выдвигавшие идею превосходства индийской, японской, африканской или китайской культур над нынешней европейской.

В середине XIX столетия в Латинской Америке возникло серьезное общественное течение под именем «индеанизм», ставившее целью улучшить положение индейцев. Доказывая, что индейцы — «тоже люди», некоторые «индеанисты» пришли постепенно к выводу, что их подопечные принадлежат к «самой лучшей, высшей расе», что индейская культура потенциально имеет возможность — и должна — стать самой высокой на Земле. Народная культура Мексики давала основания для восхищения — но не с тем же, чтобы принижать иные культуры и народы. А в XX веке в «индеанизме» появились люди, объявившие, что лишь чистокровные индейцы имеют право жить на древней индейской земле. В Мексике, например, возникло общество «касканес» («борцы за» в точном переводе); его члены требовали изгнания из Мексики всех, в ком течет хоть капля европейской крови.

В США девиз «черное — прекрасное», под которым выступали некоторые борцы за равноправие негров, для черных националистов приобрел по существу новое значение: «белое — отвратительно».

Но и стремление к дружбе народов, к признанию за «чужими» права на существование тоже имеет давнюю историю.

Проповедь равенства людей всех народов вел в Индии Будда две с половиной тысячи лет назад, как и его современник Вардхамана — философ и вероучитель, основатель джайнизма.

И когда юное христианство устами апостола Павла провозгласило, что «нет ни скифа, ни варвара, ни эллина,

ни иудея», тут под религиозной оболочкой выступала опять-таки эта идея. В Евангелии можно найти и элементы национализма, однако содержащаяся в нем знаменитая притча о добром самаритянине (самаритяне представляли собой сразу и этническую группу, и религиозную секту, отошедшую от иудаизма) противопоставляла благородный поступок иноплеменного инверца равнодушию к чужой беде людей правоверных и принадлежавших к тому же народу, что и человек, нуждавшийся в помощи.

Всякая серьезная философия, считающаяся с фактами, приходит к идее о вреде национализма. Вот что писал русский философ В. С. Соловьев в конце XIX века: «У каждого отдельного человека есть материальные интересы и интересы самолюбия, но есть также и обязанности, или, что то же, нравственные интересы, и тот человек, который пренебрегает этими последними и действует только из-за выгоды или из самолюбия, заслуживает всякого осуждения. То же должно признать и относительно народов...»

Возводить свой интерес, свое самонимение в высший принцип для народа, как и для лица, значит, узаконивать и увековечивать ту рознь и ту борьбу, которые раздирают человечество».

К этим выводам философ пришел отнюдь не из марксистских или хотя бы социалистическо-утопических позиций. Напротив, для него призывы к борьбе класса против класса так же неприемлемы, как и призывы к борьбе народа против народа. Нет, это христианские идеалы, которые философ развивал и обосновывал в своих сочинениях, делают для него неизбежной борьбу против национализма.

Вот еще большая цитата: «Народность, или национальность, есть положительная сила, и каждый народ по особому характеру своему назначен для особого служения. Различные народности суть различные органы в целом теле человечества — для христианина это есть очевидная истина. Но в народах — органах человечества, слагаемых не из одних стихийных, а также из сознательных и волевых элементов, — может возникнуть и возникает действительно противоположение себя целому, стремление

выделиться и обособиться от него. В таком стремлении положительная сила народности превращается в отрицательное усилие национализма. Это есть народность, отвлеченная от своих живых сил, заостренная в сознательную исключительность и этим острием обращенная ко всему другому».

Посмотрите: и основа для утверждения равенства народов и осуждения национализма совсем иная, чем в марксистской философии, и терминология разнится, но выводы, сделанные выдающимися идеологами двух разных систем мировоззрения, близки. Потому что, при всех различиях, мы встречаемся здесь с позициями, пронизанными гуманизмом. Мощным и здоровым гуманизмом, ибо определения «коммунистический» или «христианский» при неотменяемой важности их становятся прилагательными, очень значительными, но при одном, общем существительном.

Мы можем найти сходные положения и в других гуманистических философских учениях, атеистических и деистических. Дело тут, конечно, в том, что в таких системах мировоззрения аккумулярован долгий опыт человечества, извлечены в большей или меньшей степени, в мистифицированной или реалистической форме уроки прошлого.

Можно напомнить, что в критические дни событий вокруг Нагорного Карабаха с обращениями к своим единовверцам выступили католикос всех армян Вазген I и глава духовного управления мусульман Закавказья шейх-уль-ислам А. Пашазаде, призывая к дружбе между народами.

Занимающий ныне престол в Ватикане папа Иоанн Павел II, как и несколько его предшественников, не раз провозглашал от лица католической церкви, что она выступает против национализма.

Заметим, что в 60-е годы католическая церковь торжественно признала, что еврейский народ не несет на себе ответственности за распятие Иисуса Христа.

Но за равенство народов совсем не обязательно выступали под религиозными лозунгами. Так, в V веке до н. э. Геродот отказался от идеи всегдашней правоты собственных соотечественников в их столкновениях с

чужеземцами и стал тщательно разбираться, когда в стародавних конфликтах были обидчиками греки, а когда — «варвары» — египтяне, жители Малой Азии или финикийцы.

Надо отдать должное простым людям всех народов (хотя, к сожалению, возможно, не всех эпох): человеческое отношение к «чужому» умели и умеют проявлять литовские и русские крестьянки, индейцы делавары и французские ремесленники, китайские рабочие и кочевники-белуджи. Только высшей формой обычаев гостеприимства были те системы межэтнического побратимства, о которых мы уже рассказывали. То же признание в иноземце человека, даже если он враг, находит нередко отражение в народном эпосе.

Стоит вспомнить хоть русскую былинку об Авдотье Рязаночке: героиня приходит к «царю Бахмету Турецкому», чтобы выкупить из плена мужа, брата и свекра. Бахмет требует, чтобы она выбрала из трех одного. Авдотья отвечает, расплакавшись, что она может выйти замуж — тогда у нее будут и муж и свекор, появятся у нее и дети, а вот брата ей уже «не видать век да и по веку».

Тут турецкий «пораздумался царь, порасплакался», вспомнил, как сам потерял в битве брата, — и разрешил:

«За твою-то речи разумные,
За твою-то слова хорошие
Ты бери полону сколько надобно:
Кто в родстве, в кумовстве, в крестовом
братовстве».

Тот самый подъем национального чувства, что сыграл для истории Германии благотворную роль в пору борьбы с Наполеоном, подъем, способствовавший затем некоторым реформам буржуазно-демократического толка, стал, обратившись в безудержный шовинизм, несчастьем и для самой Германии, и для всей Европы, и для огромной части планеты в целом.

Благородный порыв оскорбленных национальных чувств народа был использован и в Италии — фашистами Муссолини. Даже святая борьба против иноземного владычества может породить при содействии, разумеется, «заинтересованных» слоев общества уродливейшие формы национализма и расизма. В некоторых африканских странах, освобо-

дившихся от колониализма, к власти пришли «черные расисты», обратившиеся к преследованию и ни в чем не повинных единоплеменников бывших колониальных хозяев, и иммигрантов из других стран, как азиатских, так и африканских.

Национализм позволяет объединяться самым разным людям на основе как будто бесспорной — основе общего происхождения, общего языка, общей истории, «общей крови».

За этой основой для объединения стоят, кажется, века; и бесчисленные войны, что на протяжении всей истории велись государствами разных народов друг против друга, свидетельствуют как будто в пользу мощи именно такого союза. Но вот в XX веке для России первая мировая война кончилась войной гражданской, класс пошел против класса, и одной стороне помогали английские, американские, французские, японские, румынские, чехословацкие корпуса, дивизии и полки, а на защиту другой выступили венгерские, югославские, китайские и иные интернационалисты, в том числе чехи и словаки, рабочие же Англии, Франции, США требовали вывода «своих» войск из России и посылали красным помощь, приезжали сами — работать и сражаться. Что же это, исключительный для истории случай, связанный только с первой социалистической революцией?

Нет! Во время восстания в Польше в 1863 году — против царского правительства, за отделение от Российской империи — русские демократические силы, от Герцена до Чернышевского, желали победы делу поляков, выступавших не только за национальную независимость, но и против российского самодержавия.

Против революционной Франции в конце XVIII века выступили почти все государства Европы. Но — на чьей стороне оказались Фридрих Шиллер и Иоганн Вольфганг Гёте (последний, правда, не сразу), Иммануил Кант и Фридрих Гегель, Александр Радищев и Иван Новиков?

Франция официально дала тогда свое почетное гражданство крупнейшим ученым и писателям мира — и это был отнюдь не только красивый жест. А сто двадцать пять лет спустя

Советская Россия была провозглашена Отечеством пролетариев всего мира.

Можно добавить, что гражданские войны обычно куда более жестоки, чем войны межгосударственные, и это отмечали еще античные историки. Напомним, что в нашей гражданской было убито вдвое больше граждан России, чем погибло их на фронтах первой мировой войны. А вот перед второй мировой войной и в начале ее многие французские буржуа сознательно предали свой народ, кинулись в объятия Гитлера, боясь рабочего класса, предпочтя социальную солидарность национальной.

И в более глубоких слоях истории легко обнаружить, что в войнах между буржуазными государствами, как между феодальными, так и между рабовладельческими, далеко не всегда сталкивались войска, в каждое из которых входили люди одного народа.

В Отечественной войне 1812 года против наполеоновской армии сражались представители многих народов России; но служили тогда в русской армии и некоторые выходцы из государств, союзных с Наполеоном, и даже антибонапартистски настроенные французы. Их было немного, но они были.

В пору средневековья феодалы даже формально имели право при определенных условиях «отъезжать» к чужому государю. В кровавых междоусобицах той эпохи французские короли использовали против своих подданных шотландских, швейцарских и немецких наемников; иные князья Киевской Руси вступали против своих кровных родичей в союзы с половцами, поляками, венграми; некоторые армянские и грузинские князья призывали в корыстных интересах на свою родину византийцев, персов, турок...

В войсках Ивана Грозного, двигавшегося на Казанское татарское ханство, были и касимовские татары-мусульмане из удельного владения, созданного еще при московском великом князе Василии Темном для переходящих на русскую службу со своими сторонниками татарских «царей» и «царевичей». В Куликовской битве опять-таки некоторые татары (православные) сражались на стороне

Дмитрия Донского. И напротив, некоторые русские князья в пору Куликовской битвы готовы были поддержать Мамай.

Этническое самосознание русского народа помогло Дмитрию Донскому победить сначала эту тенденцию князей-предателей, а потом и Мамай. Но нет никаких оснований рисовать ту или иную эпоху как время абсолютного торжества национального чувства над классовыми и сословными интересами.

Чтобы охватить примерами и античное время, остается добавить, что в персидских войсках, противостоящих Александру Македонскому, возглавлявшему объединенные силы почти всей Греции, самой боеспособной и наиболее упорно сражавшейся воинской частью был отряд греческих наемников.

...Есть у американского фантаста А. Ван-Вогта рассказ о космическом корабле, которому решением сообщества населенных миров запрещено спускаться на какие бы то ни были планеты.

Кто же летит на этом корабле? Носители самого страшного вируса — вируса расизма, национализма, шовинизма.

Когда этот рассказ был впервые опубликован на русском языке — лет уже двадцать назад, — он воспринимался как некоторое (разумеется, вполне подобающее фантастике) преувеличение. В частности, преувеличение заразности упомянутого вируса. Но прошедшие десятилетия показали, что опасность национализма трудно преувеличить. Что он — в разных формах — стал серьезным явлением, от которого нельзя отмахиваться и в нашей большой стране, столько лет гордящейся равноправием всех народностей.

Закончим главу словами Д. С. Лихачева: «Осознанная любовь к своему народу несоединима с ненавистью к другим. Любя свой народ, свою семью, скорее будешь любить другие народы и другие семьи людей. В каждом человеке существует общая настроенность на ненависть или на любовь, на отъединение себя от других или на признание чужого — не всякого чужого, конечно, а лучшего в чужом, — не отделимая от умения заметить это лучшее. Поэтому ненависть к другим народам (шовинизм) рано или поздно переходит и на часть своего народа — хотя бы на тех, кто не признает национализма».

«БУДЕМ ЖЕ ЛЮДЬМИ!»

Войны — межплеменные, межгосударственные, мировые — не могли помешать (хотя и очень мешали) тому, что люди все больше понимали: они не только скифы или персы, ханьцы или итальянцы, но и люди. О поразительном историческом эпизоде из отношений между запорожцами и крымскими татарами в XVII веке рассказал писатель Ю. М. Мушкетик. Надо ли напоминать, что время это было кровавое (как и многие другие времена) и крымские татары обрушивались с набегами на земли Украины, как и России, а запорожцы не раз наносили жестокие удары по Крыму. Особенно прославился тогда победами над крымцами кошевой атаман (с 1663 года) Запорожского войска Иван Дмитриевич Сирко. Немало побед одержал он и над турками, и это при Сирко запорожцы писали свое знаменитое издевательское письмо турецкому султану (эпизод, увековеченный картиной И. Репина). Его именем татары «унимали плачущих детей».

Но вот на Крым обрушивается чума. Она косит людей, не разбирая пола и возраста. И Сирко, очевидно, с согласия запорожцев, отводит «заклятым врагам» казачества для поселения некоторые запорожские земли, свободные, как считалось, от заразы. Удивленный гетман Украины Иван Самойлович отправляет Ивану Сирко возмущенное письмо — зачем, мол, тот отдает наследственному недругу казачьи территории? А Сирко ответил словами о жалости — к невинным и несчастным: «В татарских кошах бубонная чума. Дети, женщины падают в траву, синеют и умирают там. Дадим им вольные воды и чистые земли. Будем же людьми, гетман!»

И на протяжении всей истории человечества то еле слышно, робко, почти одиноко, то громче — вплоть до раскатов, грому подобных, звучит этот призыв: «Будем же людьми!»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нельзя объять необъятное, поведать сразу обо всем, что узнали этнография и смежные с нею научные дисциплины, изучая народы и их историю. Для изложения всех принципиально важных факторов из истории народов нужна целая библиотека. Как и для рассказа о многих интересных вещах, касающихся происхождения больших и малых рас, культур, этносов и языков, как и для сколько-нибудь подробного анализа общих и частных проблем.

Наука не стоит на месте, не стоит на месте сама история, получают новое истолкование некоторые известные факты, их дополняют вновь открытые, будут зачеркнуты иные положения, сегодня почти общепризнанные, отпадут те или другие пересказанные здесь гипотезы...

Можно, однако, твердо поручиться за верность общих исторических начал, которым следует книга: за то, что непоколебимым останется принцип равенства народов, только вместе, в многообразии и единстве своем составляющих человечество.

Научно-художественная книга

ЮЛИАН ВЛАДИМИРОВИЧ БРОМЛЕЙ

РОМАН ГРИГОРЬЕВИЧ ПОДОЛЬНЫЙ

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО — ЭТО НАРОДЫ

Редактор

Л. И. Васильева

Оформление художников

А. Семенова, Г. Чеховского

Художественный редактор

А. И. Ольденбургер

Фоторедактор

Е. А. Шебунина

Технические редакторы

Т. Г. Сергеева, Ж. М. Голубева

Корректор

И. В. Шаховцева

ИБ № 3398

Сдано в набор 29.09.89. Подписано в печать 24.07.90. А08174. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага офсетная № 2. Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печатных листов 34,30. Усл. кр.-отт. 138,08. Учетно-издательских листов 38,05. Тираж 40 000 экз. Заказ № 641. Цена 3 р. 40 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати. 170024, г. Тверь, пр. Ленина, 5.

